

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ОКТЯБРЬ.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, соб. домъ.

1889.

Printed in U.S.S.R.

Digitized by (Russia)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ НЕДАВНИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ. (Матеріалы для исторіи русскаго общества)	1
II. ГАРДЕНИНЫ, ИХЪ ДВОРНЯ, ПРИВЕРЖЕНЦЫ И ВРАГИ. (Романъ). Часть II, гл. XII—XIII. <i>Окончаніе</i> .— А. И. Зртеля.	17
III. НАДЪ ПРОПАСТЬЮ. Повѣсть Луи Галле. Переводъ съ французскаго В. М—ой. <i>Окончаніе</i>	55
IV. СЛЕЗЫ ЦАРИЦЫ. (Легенда).—Д. Сибиряка (Д. Н. Мамина).	73
V. БОРИСЪ ЛЕНСКІЙ. Романъ Осипа Шубина. Часть II, гл. I—X; часть III, гл. I—X. Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Р. <i>Продолженіе</i>	112
VI. СТИХОТВОРЕНІЯ.—П. М. Свободина и П. А. Козлова	175
VII. ЧТО ТАКОЕ НАУЧНАЯ ФИЛОСОФІЯ? <i>Продолженіе</i> . — В. В. Лесевича	1
VIII. РУССКІЕ СЛѢПЦЫ. (По поводу книги: «Статистика слѣпыхъ въ Россіи по переписи 1888 г.»).—Г. М. Герценштейна.	18
IX. ДИЛЛЕТАНТИЗМЪ ВЪ ШЕКСПИРОВСКОЙ КРИТИКѢ. (В. Чуйко: «Шекспиръ, его жизнь и произведенія». Спб., 1889 г.)—Н. И. Стороженко.	26
X. ОЧЕРКИ КУСТАРНОЙ ГОРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. (Изъ экономіи Донецкаго бассейна).—Г. И. Шрейдера.	45
XI. ПЕРВЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ГОРОДСКІЯ ЧИТАЛЬНИ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ. (Организація ихъ и итоги дѣятельности за 1888 годъ).—С. Ѳ. Горянской.	86
XII. ИСКУССТВО СЪ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ. (<i>Guyau: «L'art au point de vue sociologique»</i>).—В. А. Г.	97
XIII. НАУКА ДЛЯ ВСѢХЪ.—М. Н. Цебриковой	112
XIV. УГОЛОВНОЕ ПРАВОСУДИЕ И АДВОКАТУРА ВО ФРАНЦІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА.—П. Н. Обнинскаго.	128
XV. ШАТОБРИАНЪ. (<i>Emile Fauguet: «Études littéraires sur le dix-neuvième siècle»</i>).	153
XVI. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ. XXXIX.—Н. В. Шелгунова.	176

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное
ТОВАРИЩЕСТВО
ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛИ И СКЛАДОВЪ

БРАТЯ К И С ПОПОВЫ.

ПРАВЛЕНИЕ ВЪ МОСКВѢ,
 на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Бр. Третьяковыхъ.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ.

Чай черные № 1 за фун. 3 р. — к.		Чай черные № 5 за фун. 2 р. — к.
" " № 2 " " 2 " 70 "		" " № 6 " " 1 " 80 "
" " № 3 " " 2 " 40 "		" " № 7 " " 1 " 60 "
" " № 4 " " 2 " 20 "		" " № 8 " " 1 " 40 "

Чай развѣшиваются на фунты, полуфунты, четверть фунты и восьмушки, приче́мъ восьмушки имѣются на цѣны: 23 и 28 коп. за пачку.

СОБСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ

въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Варшавѣ, Кіевѣ, Астрахани, Баку, Вильно, Казани, Каменецъ-Подольскѣ, Могилевѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Одессѣ, Ригѣ, Ростовѣ н/Д., Рыбинскѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Севастополѣ, Симферополѣ, Смоленскѣ, Тифлисѣ, Харьковѣ, Ярославлѣ, Нижегородской армарѣ, Полтавѣ, Рязани.

Качество чая какъ въ Москвѣ, такъ и во всѣхъ собственныхъ магазинахъ совершенно одинаково, такъ какъ чай развѣшиваются исключительно въ Главномъ складѣ, въ Москвѣ, откуда и поступаютъ въ собственные магазины.

УСЛОВІЯ ПРОДАЖИ:

Пересылка чая черезъ почту по Европейской Россіи принимается собственными магазинами на свой счетъ и не дѣлается никакой услуги.

При пересылкѣ посредствомъ транспорта и не менѣе 50 фунтовъ дѣлается уступка 10%, всѣ же расходы по отправкѣ относятся на счетъ покупателя.

При выпискѣ чая съ наложеннымъ платежомъ долженъ быть высланъ задатокъ не менѣе 15% съ общей суммы заказа, росписки же агентовъ транспортныхъ конторъ и желѣзныхъ дорогъ, какъ доказательство уплаты наложеннаго на товаръ платежа, должны немедленно высылаться въ тотъ магазинъ, откуда товаръ отправленъ.

Съ 1 Октября 1888 года, кромѣ существующей уступки 10%, всѣмъ покупателямъ, выписывающимъ чай не менѣе какъ на 5,000 руб. въ годъ и болѣе дѣлается еще 2% комиссіи, уплата которыхъ будетъ производиться въ Москвѣ 2 раза въ годъ: 1 октября и 1 апрѣля, но не иначе, какъ на полные 5,000 руб.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ
ВЪ ТИПОГРАФІИ «НОВАГО ВРЕМЕНИ» ПЕЧАТАЕТСЯ
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА
ВЪ ДЕСЯТИ ТОМАХЪ

(около 400 листовъ).

ВЫШЛИ ПЯТЬ ТОМОВЪ,

въ которыхъ напечатаны: Т. I: «Соборяне», «На краю свѣта», «Запечатлѣнный ангель». — Т. II: Праведники: «Однодумъ», «Пигмей», «Кадетскій монастырь», «Русскій демократъ», «Несмертельный Голованъ», «Инженеры-безсребренники», «Лѣвшя», «Очарованный странникъ», «Человѣкъ на часахъ», «Шерамуръ». — Т. III: «Обойденные», «Островитяне». — Т. IV: «Некуда». — Т. V: «Смѣхъ и Горе», «Воительница», «Леди Макбетъ Мценскаго уѣзда», «Грабежъ», «Антука», «Колыванскій мужъ», «Рагушанскій меламедъ», «Бѣлый Орелъ», «Чертогонъ», «Пламенная патріотка». (всего въ пяти томахъ 195 печатн. листовъ). Съ выходомъ пятаго тома окончена половина изданія. Остальные пять томовъ выйдутъ—два (6-й и 7-й) въ 1889 и три послѣдніе въ 1890 году. Для удобства публики допущена разсрочная подписка и подписчики получаютъ изданіе по цѣнѣ удешевленной, именно за 20 рублей. При подпискѣ теперь выдаются пять вышедшихъ томовъ и билетъ на пять остальныхъ томовъ. Послѣ выходъ пятаго тома плата при подпискѣ 12 руб. (иногородніе прибавляютъ 2 р. за пересылку всего изданія и потому при подпискѣ теперь, послѣ выходъ V тома, вносятъ 14 руб.). При полученіи 6, 7, 8 и 9 т. вносится по 2 руб. и затѣмъ послѣдній, десятый томъ выдается безъ платежа. При слѣдующемъ VII т. будетъ приложенъ портретъ автора, приготовляемый гравюрою на меди художникомъ В. В. Маттэ.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ, а также на станціяхъ желѣзно-дорожнаго книгопродавческаго агентства. Чиновники и вообще служащіе могутъ получать это изданіе въ магазинахъ «Новаго Времени» съ особою льготой при рутательствѣ казначеевъ.

Съ окончаніемъ изданія цѣна будетъ возвышена.

ОБЕЗПЕЧЕНІЕ И СБЕРЕЖЕНІЕ.

Страхование жизни должно отвѣчать двумъ цѣлямъ: 1) обезпеченіе семейства въ случаѣ смерти его главы; 2) сбереженіе для самого себя на старость. Достиженіе этихъ цѣлей вполнѣ обезпечивается полисами съ накопленіемъ прибыли въ Обществѣ взаимнаго страхованія жизни

„НЬЮ-ІОРКЪ“.

Капиталь обезпеченія вполнѣ реализованный:

1-го января 1888 г. долл. 83,079,845 по курсу 31-го дек. 1887 г. Р. 200,720,907.

1-го января 1889 г. долл. 93,480,186 по курсу 31-го дек. 1888 г. Р. 183,595,086.

Въ государственномъ казначействѣ хранится залогъ Общества въ русскихъ государственныхъ бумагахъ на сумму 500,000 р. (600,000 р. нарицательныхъ). Полные резервы по заключеннымъ страхованіямъ вносятся въ Государственный банкъ. Постоянный правительственный контроль учрежденъ надъ дѣйствіями Общества въ Россіи. Всѣ справки и свѣдѣнія выдаются и страхованія совершаются:

Въ С.-Петербургѣ: Главное управленіе для Россіи, Невскій, 26.

Въ Москвѣ: Отдѣленіе Общества, Большая Лубянка, д. Трындиныхъ.

Управляющій Московскимъ Отдѣленіемъ А. П. Власовъ.

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, Леонтьевский переулокъ, 21) принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Расчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается 10 рублей. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы между собой или вброшюровываться въ журналъ.

4) Объявленія помѣщаются въ журналъ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала, слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Объявленія принимаются также въ конторѣ В. Гиляровскаго (Москва, Столешниковъ пер., д. Карзинкина).

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1887 и 1888 гг., цѣна которыхъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за оба означенные года вмѣстѣ 14 руб. съ пересылкою.

Russkaja mysl

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

КНИГА X

МОСКВА.

—
1889.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/84

Гильо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

UNIV. OF CALIFORNIA

~~WITHDRAWN~~

Digitized by Google

AP 50
R 875
v. 10:10
MAIN

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
I. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ НЕДАВНИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ. (Матеріалы для исторіи русскаго общества).	1
II. ГАРДЕНИНЫ, ИХЪ ДВОРНЯ, ПРИВЕРЖЕНЦЫ И ВРАГИ. (Романъ). Часть II, гл. XII—XIII. <i>Окончаніе</i> .—А. И. Эртеля	17
III. НАДЪ ПРОПАСТЬЮ. Повѣсть Луи Галле. Переводъ съ французскаго В. М—ой. <i>Окончаніе</i>	55
IV. СЛЕЗЫ ЦАРИЦЫ. (Легенда).—Д. Сибиряка (Д. Н. Мамина).	73
V. БОРИСЪ ЛЕНСКІЙ. Романъ Осипа Шубина. Часть II, гл. I—X; часть III, гл. I—X. Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Р. <i>Продолженіе</i>	112
VI. СТИХОТВОРЕНІЯ.—П. М. Свободина и П. А. Козлова	175
VII. ЧТО ТАКОЕ НАУЧНАЯ ФИЛОСОФІЯ? <i>Продолженіе</i> . — В. В. Лесевича	1
VIII. РУССКІЕ СЛѢПЦЫ. (По поводу книги: «Статистика слѣпыхъ въ Россіи по переписи 1888 г.»).—Г. М. Герценштейна	18
IX. ДИЛЛЕТАНТИЗМЪ ВЪ ШЕКСПИРОВСКОЙ КРИТИКѢ. (В. Чуйко: «Шекспиръ, его жизнь и произведенія». Спб., 1889 г.)—Н. И. Стороженко.	26
X. ОЧЕРКИ КУСТАРНОЙ ГОРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. (Изъ эконоимики Донецкаго бассейна).—Г. И. Шрейдера	45
XI. ПЕРВЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ГОРОДСКІЯ ЧИТАЛЬНИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. (Организація ихъ и итоги дѣятельности за 1888 годъ).—С. Ѡ. Горянской.	86
XII. ИСКУССТВО СЪ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ. (<i>Guian</i> : «L'art au point de vue sociologique»).—В. А. Г.	97
XIII. НАУКА ДЛЯ ВСѢХЪ.—М. К. Цебриковой.	112
XIV. УГОЛОВНОЕ ПРАВОСУДИЕ И АДВОКАТУРА ВО ФРАНЦІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА.—П. Н. Обнинскаго	128
XV. ШАТОБРИАНЪ. (<i>Emile Faguet</i> : «Études littéraires sur le dix-neuvième siècle»).	153
XVI. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ. XXXIX.—Н. В. Шелгунова.	176

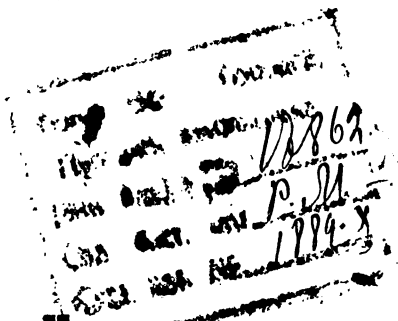
852193

- XVII. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. (Критическія замѣтки).—Т. 199
- XVIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Гольцева. 208
- XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Новый законъ о переселеніяхъ.—Казенныя аренды въ Сибири. — Продажа крестьянскимъ банкомъ заложенныхъ участковъ. — Промышленныя училища. — Открытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ. — Надзоръ за банкирскими конторами. — Ходатайства о сохраненіи мировыхъ установленій въ городахъ.—Дѣла объ истязаніи дѣтей.—Школы для фабричныхъ дѣтей и фабричныя больницы.—Сѣздъ земскихъ врачей въ Москвѣ. — Ливано-роменская дорога и казенная эксплуатація. — Закрытіе тотализатора въ Москвѣ.—Завѣщаніе А. А. Краевского. 216
- XX. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Возможная густота населенія въ тропическихъ странахъ.—А. И. Воейкова 241
- XXI. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Новые театры и драматическія школы.—Частныя драматическія труппы.—Театръ г. Корша: комедія Н. Северина (Н. И. Мердеръ) *Насѣдка*. — *Гроза*, Островскаго, *Донъ-Карлосъ*, Шиллера, *Мизантропъ*, Мольера, *Тревожное счастье*, К. В. Назаревой въ театрѣ г-жи Горевой. — «Новый драматическій театр» г-жи Абрамовой: *На всякаго мудреца довольно простоты* и *Блужденныя деньги*, Островскаго; *Итоги прошлаго*, комедія А. Ф. Фодотова; *На встрѣчу счастья*, драма Н. О. Рапшанина.—Малый театръ: *Въ семь Знаменскомъ*, пьеса Вл. А. Александрова.—Ан. 251
- XXII. БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книжки: Беллетристика.—Критика.—Исторія, археологія и этнографія.—Политическая экономія и статистика.—Юридическія книги.—Сельское хозяйство.—Техническія книги.—Учебники.—Календари. II. Периодическія изданія: «Сѣверный Вѣстникъ», августъ и сентябрь. — «Русскій Вѣстникъ», июль. — «Историческій Вѣстникъ», январь — сентябрь.—«Артистъ», сентябрь 417

Печатается и въ слѣдующемъ мѣсяцѣ выйдетъ
въ свѣтъ новая книга:

ПОСЛЪ ПУШКИНА.

СБОРНИКЪ СТИХОВТОРЕНІЙ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ,
составленный редакціей журнала «Русская Мысль». Цѣна 2 р.

Изъ переписки недавнихъ дѣятелей *).

(Матеріалы для исторіи русскаго общества).

Письма настоящаго отдѣла принадлежать по большей части Огареву и писаны имъ по большей же части изъ-за границы, гдѣ онъ пробылъ разъ нѣсколько мѣсяцевъ въ 1841—1842 г. и въ другой почти пять лѣтъ, съ 1842 по 1846 г. Введеніемъ къ этимъ письмамъ служатъ нѣсколько записокъ, набросанныхъ передъ отъѣздами и объясняющихъ обстоятельства, сопровождавшія особенно первый отъѣздъ. Письма эти адресованы преимущественно Герцену, но нѣкоторые Боткину, Грановскому и др. Во всякомъ случаѣ, они назначались для всего кружка и потому характеризуютъ цѣлый этотъ кружокъ. Нѣкоторые изъ этихъ писемъ оказались у насъ, а равно и отвѣты, писанные Герценомъ, съ приписками другихъ близкихъ лицъ; къ сожалѣнію, отвѣтовъ этихъ очень мало. Многія письма Огарева сопровождаются приписками Сатина. Приписки эти, а также письма Фролова, Боткина и Сатина къ Огареву изъ Парижа въ Берлинъ, которыя мы помѣстили въ этомъ отдѣлѣ, интересны, между прочимъ, и потому, что поднимаютъ завѣсу на будничную сторону заграничной жизни нашихъ философствующихъ путешественниковъ того времени, — людей богатыхъ и не стѣсненныхъ ни сроками, ни обязательною работою, — и вносятъ иногда комическія ноты въ настроенныя почти всегда на возвышенный тонъ письма Огарева. Мы сохранили эти ноты Лепорелло и Ланселота ради тѣхъ бытовыхъ чертъ, которыя онѣ сообщаютъ. Кромѣ того, письма Сатина показываютъ новыя черты тогдашнихъ русскихъ Гамлетовъ изъ Щигровскихъ уѣздовъ, людей «рефлектирующихъ», какъ говорили тогда, — «грызуновъ и самоѣдовъ», какъ говорилъ Шубинъ въ *Наканунѣ*, романѣ, отиѣтившемъ рѣшительную реакцію этому гамлетству.

*) Русская Мысль, кн. IV.

Впрочемъ, главнымъ образомъ, приводимыя здѣсь письма говорятъ объ общихъ, умственно-художественныхъ интересахъ путешествовавшихъ членовъ извѣстнаго кружка и отражаютъ ходъ развитія и всего этого кружка. Въ письмахъ Огарева мы видимъ, какія впечатлѣнія производили тогда на него памятники европейскаго искусства и все разнообразіе европейской жизни, болѣе сложной и свободной, чѣмъ домашняя. Затѣмъ, мы видимъ, какъ личный опытъ, наблюденіе, общеніе съ представителями западной жизни, изученіе современныхъ европейскихъ философскихъ системъ, — лѣваго гегеліанства, Фейербаха и, наконецъ, Огюста Бонта, — выводили Огарева изъ московскаго гегеліанства 30-хъ годовъ съ его трансцендентальнымъ идеализмомъ на одномъ концѣ, съ преклоненіемъ передъ «дѣйствительностью» — на другомъ. Въ цѣломъ рядѣ писемъ мы видимъ, какъ Огаревъ, который проповѣдывалъ въ 1841 г. своему другу *резигнацію* передъ постигнутою имъ бѣдой, самъ совершилъ кругъ развитія, который прошли и друзья его въ Россіи, подъ вліяніемъ западной науки, отголосковъ западной жизни, и подъ вліяніемъ родной дѣйствительности и ея художественнаго изображенія въ появившихся тогда *Мертвыхъ душахъ* Гоголя *). Вмѣсто *резигнаціи* 1841 г., Огаревъ излагаетъ въ письмѣ 1845 г. свою теорію *негации* и вызываетъ сочувственный отвѣтъ своего друга; такъ получило свое полное выраженіе то, что названо было около этого времени *западничествомъ*.

Но ошибно было бы думать, — какъ, впрочемъ, думается многими и до сихъ поръ, — что это западничество проповѣдывало безусловное преклоненіе передъ западно-европейскою жизнью, «ношеніе ея ливрей», какъ выразился славянофильскій поэтъ въ надѣлавшемъ тогда шуму стихотвореніи. Въ письмахъ Огарева и Сатина изъ-за границы, послѣ первыхъ увлеченій новою, болѣе сложною и широкою жизнью, мы видимъ грусть, порою очень острую, по родинѣ, затѣмъ ироническій анализъ европейской жизни, національныхъ чертъ тамошнихъ народовъ и даже идеализацію своего народа, особенно въ его будущемъ. Многія мѣста этихъ писемъ напоминаютъ тургеневскихъ «западниковъ», возвращающихся домой «землю пахать» и защищающихъ «народный бытъ» передъ петербургскимъ бюрократамъ, какъ Лаврецкій, или возстающихъ противъ рудинскаго космополитизма, какъ Лежневъ. Въ ббльшей части патріотическихъ тирадъ писемъ Огарева и Сатина чувствуется не старобрядски-націоналистическое отвращеніе отъ чужаго быта и

*) Огаревъ первый привезъ своему другу въ Новгородъ *Мертвыя души*, по дорогѣ во вторую поѣздку за границу.

такое же восхваленіе своего, а мысли и чувства европейца, космополита по идеаламъ, но другаго національнаго склада. Но мѣстами въ этихъ тирадахъ пробивается явная идеализація своей націи, мечта, что она разрѣшитъ волнующія Западъ проблемы лучше и правильнѣе. Здѣсь уже видны зародыши того руссофильства, которое развили потомъ Герценъ и Огаревъ въ своихъ заграничныхъ изданіяхъ.

Этотъ видъ руссофильства, какъ и многіе другіе, тѣсно соприкасался съ славянофильствомъ. Въ письмахъ Огарева и Сатина мы находимъ указанія, что интересъ къ западно-славянскому міру вовсе не составлялъ въ 40-хъ годахъ принадлежности однихъ западныхъ археологовъ или спеціальнаго кружка московскихъ славянофиловъ, у которыхъ славянскія симпатіи связывались непременно съ византійскими. Мы узнаемъ изъ писемъ Огарева и Сатина, что они въ Германіи читаютъ Шафарика, что Сатинъ собирается путешествовать по Славоніи, а Фроловъ—ѣхать въ Далмацію. Огаревъ говоритъ о важности славянскаго движенія уже въ виду «повсемѣстности» его пробужденія въ разныхъ славянскихъ земляхъ. При этомъ, впрочемъ, близкое общеніе съ западно-европейскою жизнью и паудой и отсутствіе византіефильства вносятъ здоровыя начала въ славянофильство нашихъ путешествующихъ западниковъ,—и Сатинъ дѣлаетъ глубокое замѣчаніе по поводу идеализаціи однимъ славянофиломъ быта черногорцевъ: Сатинъ говоритъ, что въ такомъ случаѣ и европейцамъ пришлось бы проповѣдывать возвращеніе къ быту Корсики.

Есть одинъ пунктъ въ письмахъ Огарева и Сатина, отсылающійся руссофильствомъ и славянофильствомъ,—пунктъ очень интересный, но довольно неясный, это—указаніе на соприкосновеніе ихъ съ Мицкевичемъ и его лекціями о славянскихъ литературахъ въ Парижѣ. Наши путники говорили объ этомъ темными намеками, очевидно, потому, что самое имя Мицкевича было тогда запрещеннымъ въ Россіи. Но изъ нѣкоторыхъ сообщеній,—наприм., о томъ, какъ въ Москвѣ на одномъ обѣдѣ пили тостъ «за отсутствующаго великаго славянскаго поэта»,—и изъ нѣсколькихъ мѣстъ «Дневника Герцена», упоминающихъ о лекціяхъ Мицкевича въ Парижѣ, можно заключить, что своеобразное славянофильство Мицкевича не оставалось безъ вліянія и на русскихъ. Изъ бѣглыхъ упоминаній Анненкова въ статьѣ *Замѣчательное десятилетіе (Вѣстникъ Европы 1880 г., I—V)* видно, въ какой интимности находился М. Бакунинъ съ польскимъ кружкомъ въ Парижѣ передъ тѣмъ, какъ онъ явился на славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ въ 1848 г. Противу-

австрійскія же славянофильскія манифестаціи Бакунина и въ то время вовсе не оставались безъ отголосковъ въ Россіи.

Таковы черты и явленія, которыя обрисовываются въ приводимыхъ далѣе письмахъ и которыя характеризуютъ цѣлое направленіе въ извѣстной части русскаго общества 40-хъ годовъ. Какъ болѣе спеціальную нравственную черту кружка, изъ котораго вышли эти письма, слѣдуетъ отмѣтить чрезвычайную нѣжность дружбы, которая связывала членовъ этого кружка и которая пробивается чуть не на каждой страницѣ данныхъ писемъ. Эта дружба составляла своего рода нравственный капиталъ для взаимнаго застрахованія отъ общихъ тяжелыхъ условій жизни, не говоря уже о личныхъ горестныхъ случайностяхъ, и, въ виду значенія охраняемыхъ ею личностей, имѣетъ большой историческій интересъ.

Рядомъ съ этими, болѣе или менѣе общими, чертами въ приводимыхъ далѣе письмахъ выступаютъ и болѣе индивидуальныя, огаревскія. Мы видимъ, какъ постепенно складывалась спеціально огаревская особенность обще-кружковаго міровоззрѣнія, отчасти обрисованная уже въ воспоминаніяхъ Анненкова *Идеалисты тридцатыхъ годовъ* (*Вѣстникъ Европы* 1883 г., IV, 535—536). Это своеобразный оптимизмъ съ постояннымъ грустнымъ чувствомъ, отдаваніе себя всякой жизненной волнѣ, сопровождаемое рефлексією, съ возвращеніемъ къ высокому и изящному послѣ самаго грязнаго соприкосновенія. Слѣдуетъ думать, что черты эти тоже не были совсѣмъ исключительно индивидуальными, если онѣ находили симпатію въ окружающихъ Огарева, среди такихъ семействъ, въ которыхъ, по свидѣтельству Анненкова, существовалъ даже *огаревскій культъ*.

Выработкѣ огаревскаго міровоззрѣнія способствовали, между прочимъ, и страданія, пережитыя имъ вслѣдствіе его отношеній къ женѣ, о которыхъ часто идетъ рѣчь и въ приводимой ниже перепискѣ. Исторія этихъ отношеній разсказана въ запискахъ Т. П. Пассежъ и въ статьѣ Анненкова *Идеалисты тридцатыхъ годовъ*,—въ послѣдней съ нѣкоторыми интересными подробностями, между прочимъ, съ отрывками изъ писемъ Огарева, а также друзей его (Герцена, Сатина), хотя и съ нѣкоторыми неточностями (которыя исправляются нашими письмами), между прочимъ, и съ ошибкой въ дѣвическомъ имени Марьи Львовны Огаревой*). Въ первомъ отдѣлѣ нашихъ писемъ мы уже коснулись этого семейнаго романа Огарева. Но теперь мы снова должны возвратиться къ нему, какъ

*) Анненковъ зоветъ ее Милославской, между тѣмъ какъ она носила имя изъ другаго романа Загоскина,—имя Рославлевой.

потому, что о немъ говорится въ письмахъ настоящаго отдѣла, такъ и потому, что въ самое послѣднее время мы получили новые, чрезвычайно характерные документы.

Документы эти еще болѣе убѣждаютъ насъ въ общемъ интересѣ этого романа, кстати сказать, многими своими подробностями напоминающаго романъ Лаврецаго и его жены, только съ психологической стороны еще болѣе сложнаго. Грустная исторія эта, несомнѣнно, носить на себѣ много чертъ, типическихъ для извѣстныхъ слоевъ тогдашняго русскаго общества. Это, конечно, не единственный примѣръ жестокаго столкновенія идеализма съ дѣйствительностью въ сферѣ тогдашнихъ семейно-общественныхъ отношеній.

Мы уже въ предыдущемъ отдѣлѣ напоминали о томъ, какое высокое значеніе имѣла любовь, рядомъ съ дружбой, въ религіозной и потомъ въ философской системѣ людей кружка Огарева и, конечно, другихъ подобныхъ кружковъ того времени. Здѣсь кстати вспомнимъ рассказъ Лежнева о своихъ молодыхъ друзьяхъ, которые, подъ вліяніемъ философскихъ рѣчей Рудина, «чувствовали себя какъ бы живыми сосудами вѣчной истины, орудіями ея, призванными къ чему-то великому», и о томъ, какъ Лежневъ, полюбивъ дѣвушку «съ веселыми ясными глазками и звенящимъ голоскомъ», открылся Рудину и, наслушавшись отъ него рѣчей о «важности его новаго положенія», «уваженіе къ себѣ возымѣлъ удивительное, видъ принялъ серьезный и смѣяться пересталъ; помнится, даже ходить началъ тогда осторожнѣе, точно у него въ груди находился сосудъ, полный драгоценной влаги, которую боялся расплескать».

У насъ есть нѣсколько писемъ Огарева къ Марьѣ Львовнѣ, писанныхъ (по-французски) еще до вѣнчанья обоихъ. Въ одномъ изъ нихъ (помѣчено: A Maleknisse, 1 Mars 1836) онъ объясняетъ Марьѣ Львовнѣ свое душевное состояніе, которое казалось ей непонятнымъ. «Понимаешь ли ты,—говоритъ онъ,—человѣка резинаціи, человѣка, который отказывается отъ всего: отъ радостей жизни, даже отъ любви къ истинѣ? Онъ проситъ награды за свою преданность, и небо отвѣчаетъ ему: надѣйся,—и онъ покоряется (il se resigne). Я былъ такимъ человѣкомъ. Я овладѣлъ истиной, по крайней мѣрѣ, тою, которая въ наше время могла бы послужить для обновленія человѣчества; я отдалъ все въ мірѣ, чтобы ее осуществить, и я рѣшился не наслаждаться, но посвятиться. Тогда возникли у меня тысячи противорѣчій: лѣньность и дѣятельность, жажда наслажденій и моральная сила; я хотѣлъ любить и я боялся любить. Въ это время мы встрѣтились. Я тебя полюбилъ, но я хотѣлъ удалиться, что

бы мое присутствіе не принесло несчастія на твою голову. Я хотѣлъ наложить на себя двойное посвященіе: остаться на предначиненной дорогѣ и не смущать твоего спокойствія любовью, но эгоизмъ любви одержалъ побѣду... Чѣмъ болѣе я тебя узнавалъ, тѣмъ болѣе я тебя любилъ. Наконѣцъ, я сказалъ себѣ: «столь прекрасная душа должна присоединиться къ моему великому назначенію, — она будетъ моею женой!» Но разъ я тебѣ сказалъ: «моя жизнь будетъ бурна, хотите послѣдовать за мною?» И ты мнѣ отвѣтила: «Думаете ли, что у меня не будетъ достаточно силы перенести?» О, Марія! то, что я почувствовалъ въ то время, невыразимо, — то была любовь, возвышенная до религіи; я чувствовалъ, какъ вздымается моя грудь, и я могъ только сказать тебѣ: благодарю! Мнѣ казалось, что ты присоединяешься ко мнѣ, что ты тоже посвящаешь себя святому дѣлу, и мнѣ казалось, что я чувствовалъ въ это мгновеніе надъ нашими головами благословеніе Божіе». Въ концѣ письма, впрочемъ, Огаревъ ставитъ личную любовь выше «святаго дѣла». «Теперь, Марія, — говоритъ онъ, — малѣйшая угроза твоему спокойствію заставляетъ блѣднѣть меня... О, другъ мой! я не обманулся, говоря, что я долженъ, быть можетъ, вырвать изъ моей книги страницу резигнаціи. Но что дѣлать? Еслибъ ты не была моя, я не имѣлъ бы силы выполнить мой планы, ни даже жить... Выйди ко мнѣ на встрѣчу, когда я прибуду, обними меня съ любовью, и я забуду все: муки, планы, небо и землю, — все для тебя, все для тебя, Марія, все для тебя...»

Въ другой запискѣ Огаревъ восклицаетъ: «пусть наша любовь будетъ основой всеобщаго, міроваго благоволенія» (*d'une bienveillance universelle*) — и тутъ же прибавляетъ: «Marie! я слабое дитя: не много нужно, чтобы разбить меня... Подумай хорошенько о томъ, что ты будешь думать, что ты будешь дѣлать, чтобы не свернуть съ дороги міровой любви (*amour universelle*), ибо отнынѣ я сдаю тебѣ. Твоя любовь для меня болѣе, чѣмъ міровая любовь. Боже благости, прости меня! Вотъ, какъ я люблю тебя, Марія».

Въ особомъ, довольно длинномъ письмѣ, помѣченномъ 11 Avril, nuit (по всей вѣроятности, 1838 г., за три недѣли до свадьбы), Огаревъ увѣдомляетъ невѣсту, что онъ печаленъ, что онъ ждетъ для нея страданій въ союзѣ съ нимъ: «Прости, Марія, это — неблагодарность; я это чувствую, но пощади, пощади (*grâce, grâce*)! Я думаю, что я помѣшанъ отъ любви. Видишь ты, къ какому существу ты привязалась; даже любовь его стѣснительна (*gênant*). Вездѣ, куда ступалъ я ногой, я оставлялъ слѣдъ несчастія. Мои друзья разсѣяны, потому что они мои друзья. Слезы женщины

текли, когда я думалъ, что влюбленъ въ нее. И ты, мой ангелъ, котораго я люблю такъ искренно, такъ дѣйствительно, ты, которая такъ заслуживаешь безграничную любовь, — должна ли ты также страдать? Боже! всѣ эти черныя мысли собираются сегодня на мою бѣдную голову, разрываютъ ее. Ты будешь страдать, Марія! Да, ты будешь страдать, — дома, потому что я тебя люблю съ такою страстью, что люди сказали бы: это слишкомъ! — при обстоятельствахъ, которыя придутъ извнѣ, потому что они не дадутъ спокойствія». Далѣе поэтъ удивляется, какъ такой «ангелъ небесный, который можетъ связать свою душу интимно съ Христомъ, — вся чистота, вся любовь къ Богу», — связала себя съ нимъ, «существомъ нечистымъ, считающимъ нѣсколько черныхъ пятенъ на своей совѣсти», — и затѣмъ проситъ «поцѣлуя любви», чтобы «вся его душа изошла въ это поцѣлуе»; «ты получишь ее всецѣло, и оболочка ея перестанетъ жить, а идея, которая одухотворяла ее, будетъ твоя, вся чистая, вся святая, вся любовь»... «Я печаленъ, я счастливъ, я не зналъ, что со мною».

23 апрѣля (1838 г.), за три дня до вѣнчанья, Огаревъ пишетъ своей невѣстѣ «въ 4 часа утра». Онъ объясняетъ ей, почему онъ вчера былъ печаленъ, какъ никогда. Онъ недоволенъ былъ обществомъ, которое ее окружало и которое называло себя ея друзьями, — особенно одною дамой «съ оттѣнкомъ глупости во взорѣ, и мужчиной съ маленькими и живыми глазами и съ толстымъ животомъ, съ физиономіей, которая обличаетъ физическіе аппетиты, — скептикомъ въ рѣчахъ, тѣмъ болѣе опаснымъ, что онъ не глупъ. «Теперь, — продолжаетъ поэтъ, — прекрасное утро внесло спокойствіе въ мою душу и я могу мечтать о нашемъ будущемъ. Черезъ три дня ты будешь моею женой, Марія; наша судьба будетъ одна. Пойдемъ, Марія, исполнять ее. Я чувствую, что Богъ живетъ и говоритъ во мнѣ; пойдемъ туда, куда зоветъ насъ Его голосъ. Если я имѣю довольно души, чтобы любить тебя, навѣрное, я буду имѣть довольно силы, чтобы идти по слѣдамъ Іисуса — къ освобожденію человѣчества. Ибо любить тебя, это — любить все хорошее, это — любить Бога, это — любить вселенную, потому что твоя душа открыта для добра, обширна, чтобы обнять его, потому что твоя душа — вся любовь... Наша любовь, Марія, заключаетъ въ себѣ зерно освобожденія человѣчества. Будь горда ею. Наша любовь, Марія, это охрана нашей добродѣтели на всю жизнь... Наша любовь, Марія, будетъ пересказываться изъ рода въ родъ, всѣ послѣдующія поколѣнія сохранять нашу память, какъ святыню. Я предрекаю тебѣ

это, Марія, ибо я—пророкъ, ибо я чую, что Богъ, живущій во мнѣ, нашептываетъ мнѣ мою участь и радуется моею любовью».

Такая напряженность душевныхъ струнъ представляла опасность при большомъ сродствѣ натуръ обоихъ супруговъ и при меньшей мягкости характера мужа. Опасность увеличилась при соотвѣстномъ же натягиваніи струны, предназначенной для дружбы, тѣмъ болѣе, что эта дружба была требовательна и даже мнительна. Анненковъ рассказываетъ, что, получивъ вѣсть о предстоящей женитьбѣ Огарева, друзья «предостерегали его отъ увлеченія и смотрѣли на его женитьбу какъ на западню, въ которой могутъ погибнуть всѣ его начинанія». Марья Львовна написала свою рекомендацію и profession de foi въ интересномъ письмѣ къ Герцену, которое любопытные могутъ найти въ *Вѣстникъ Европы* (1883 г., IV, 503—504). Тамъ она, между прочимъ, писала: «Огаревъ принадлежитъ великому дѣлу еще болѣе, чѣмъ мнѣ, а своимъ друзьямъ столько же, сколько и своей возлюбленной. Послѣ этого не протянете ли вы мнѣ руку?»

Въ отвѣтъ на это «дружба» протянула двѣ руки,—четыре руки.

Вотъ въ высшей степени характерныя письма Герцена и жены его къ Огаревымъ послѣ того, какъ послѣдніе посѣтили ихъ во Владимірѣ 17—20 марта 1838 г. и затѣмъ Марья Львовна поѣхала въ Петербургъ хлопотать о возвращеніи мужу ея права жить въ Москвѣ, послѣ чего должна была проѣхать къ мужу, въ Пензенскую губернію, черезъ Владиміръ же.

Владиміръ, 1839 г.

21 марта. Я обѣщала писать тебѣ, другъ, большое письмо и вчера хотѣла начать,—но нѣтъ, чувства мои такъ свѣжи, такъ горячи, такъ пристрастны, что не могу уловить ихъ на бумагу. Свиданье наше сдѣлало эпоху. Какая-то юношеская свѣжесть и полнота силъ кипитъ въ груди мыслями, восторгами. О, Николай, о, мой другъ,—это дружба, возвращенная нами съ 7-ми лѣтняго возраста,—это любовь, въ которой выгорѣло нечистое и себялюбивое начало нашихъ душъ,—вотъ что мы принесли туда, и Духъ великій простить все за эти два чувства. Глубоко чувство нашего ничтожества, но есть другой голосъ, примиряющій: а за что же насъ благословилъ Онъ этою любовью, этою дружбой, за что меня—Натали, а тебя—Марією, за что меня—тобою, а тебя—мною? До какой степени счастье можетъ поднять человѣка на землѣ! И всѣ могли быть такъ счастливы, всѣ могли бы въ вѣчномъ гимнѣ Богу испарять душу, напитанную любовью. Но они дѣти, дѣти, имъ еще нужны игруш-

ки. Новый шагъ, — я съ состраданіемъ на нихъ смотрю, а не съ вичливымъ презрѣніемъ.

Мгновеніе, когда мы пали передъ распятіемъ, это одинъ изъ тѣхъ высшихъ моментовъ жизни, въ который надобно бы людямъ умирать. И какъ это случилось, когда и кто принесъ знаменіе искупленія? Я вдругъ неожиданно увидѣлъ его на мраморной доскѣ стола. А потомъ онѣ во прахѣ. Онѣ были поражены нашимъ величіемъ. О Боже мой, о Боже, прости мнѣ ропоты былые, прости укорины; ты награждаешь каждую царапину такъ щедро: Наталіей наградила ты за тюрьму, Николаемъ и Маріей за ссылку. Я писалъ сегодня къ Маріѣ. Я пламенно люблю ее, потому что понималъ, что она тебя *успокоила*. «И азъ успокою васъ», — сказалъ Христосъ. Вотъ что я писалъ ей, между прочимъ: «Слава тебѣ, Марія, Богомъ избранная облегчить жизнь поэта, слава тебѣ». — «Когда мы мучились всѣ четверо, совершилась великая мистерія присоединенія Наташи къ вамъ и тебя къ намъ». Это было вѣнчанье сочetaющихся душъ, вѣнчанье дружбы и симпатіи.

25 марта. Сегодня мое рожденье. Два года тому назадъ, еще увлеченный мечтаніями о славѣ, я писалъ Наташѣ: «25 лѣтъ и ничего не совершено»; вотъ ея отвѣтъ: «Какъ, неужели это сознаніе истинное? Тебѣ 25 лѣтъ, а у тебя есть другъ, есть подруга!» — впоследствии это стало краеугольнымъ камнемъ бытія. Да, боги *дали залогъ* намъ. Намъ ли еще не гордо взмахнуть крылами? И такъ, 27 лѣтъ прожито, — можетъ, не больше 27 осталось. О сколько надобно трудиться, трудиться!

Грустишь, чай, ты въ одиночествѣ. Но, я увѣренъ, послѣ нашего свиданія это одиночество именно принесетъ большую пользу. Я самъ сознаю, что какъ-то улучшился взглядомъ и дѣломъ послѣ четырехъ дней. Прощай, завтра посылаю записочку объ Эрнѣ.

Марта 26.

Николай, братъ: Христосъ воскрес! Марія, сестра: Христосъ воскрес! Мы неразлучны съ вами, друзья, и Богъ съ нами неразлученъ, — да, потому что мы соединились во имя *Его*. Дружба наша — лѣстница къ совершенству, и ею мы дойдемъ до него. Дружба и любовь — ограда душамъ нашимъ, — ограда, постановленная самимъ Господомъ; ничто нечистое, ничто низкое не переступало ее, — и пылинка да не коснется насъ во вѣки! О, сколько дано намъ, сколько *мы можемъ*! Ни одинъ мигъ нашей жизни не долженъ быть утраченъ даромъ, да будетъ каждый ступень спасенія намъ и братіи.

Прекрасный другъ, твоя Марія далеко, ты одинъ и грустишь; легла бы утѣшать тебя! Ахъ, какъ хороша твоя Марія, какъ про-

странна, изящна душа ея... Ты понимаешь, это не пустая похвала, похвала гостиной, однихъ усть, — слова эти льются изъ души и я не могу говорить ихъ. Какую святость разлило на насъ посѣщеніе ваше; мы, кажется, выше стали; кажется, больше любимъ другъ друга! Вчера мы непрерывно о васъ говорили весь день. Распятіе твое стоитъ у насъ въ изголовьѣ, — воспоминаніе о васъ неразлучно съ нашею молитвой. Прощай, другъ, да успокоитъ тебя Богъ, да навѣютъ ангелы небесные тихое веселье на душу твою. Сестра твоя Наташа.

И мое Христось воскресе, друзья (за этимъ слѣдуетъ росчеркъ и слово «Саша», — рукою матери).

7 апрѣля. Давно не писалъ я тебѣ, но ты тутъ со мною. Свиданіе живо, оно разлило столько и столько по душѣ, что я и сказать не могу. Я какъ-то сталъ добрѣе съ тѣхъ поръ, еще выросъ. Все это время проведено дѣятельно. Я писалъ продолженіе къ статьѣ о XIX вѣкѣ и началъ новую поэму *Вильямъ Пенъ*; начало ея такъ пламенно излилось, что, я увѣренъ, оно хорошо. Въ Лициніи явленіе христіанства въ идеѣ, здѣсь явленіе въ фактѣ — *квакерство*. Желаю, очень желаю прочесть вамъ обоимъ. А такъ какъ я далъ себѣ слово первую статью, писанную послѣ свиданія, посвятить Маріи, то ей *Вил. Пенъ*... Фу, какая дѣятельность кипитъ опять въ груди! Nein, nein, es sind keine leere Träume. Прощай.

27 апрѣля. Двадцать дней — и я тебѣ не писалъ; и нѣтъ охоты писать, оттого что мысль скорого свиданія, живой рѣчи сильно борется противъ писанія. Конечно, финикіяне — отличные люди и много одолжили тѣмъ, что *выдумали* буквы; но Богъ несравненно больше одолжилъ людей, выдумавши имъ языкъ et vive la langue!

Скоро ли «вы, Колинка», какъ тебя зоветъ Марія, двинетесь?

21 же марта Герценъ писалъ одному московскому другу: «Ну, братъ, ежели-бъ жизнь моя не имѣла никакой цѣли, кромѣ индивидуальной, знаешь ли, что бы я сдѣлалъ 18 марта? Принялъ бы ложку синильной кислоты. Относительно къ себѣ я все земное совершилъ» и т. д. *)

Огаревъ, видимо, еще во Владимірѣ написалъ стихотвореніе, посвященное Маріи, Александрѣ и Наташѣ:

Благодарю тебя, о, провидѣнье,
Благодарю, благодарю тебя,
Ты мнѣ дало чудесное мгновенье,
Я дожилъ до чудеснѣйшаго дня...

*) См. *Вѣстникъ Европы* 1883 г., IV, 509.

Любовь и дружба! Вы теперь со мною.
 Друзья, такъ обнимите же меня!
 Вотъ вамъ слеза—пусть этою слезою
 Вамъ скажется, что ощущаю я.

(Визу: finis. Nichts mehr zu sagen).

Въ декабрь 1839 г., уже когда между женой Огарева и его друзьями сталъ обнаруживаться разладъ, Н. А. Герценъ, оставшаяся одна во Владимірѣ, пока мужъ ея ѣздилъ въ Петербургъ хлопотать по своимъ дѣламъ, писала Огаревымъ и вспоминала первое свиданіе во Владимірѣ. Мы приводимъ здѣсь это письмо какъ поэтому, такъ и потому, что оно рисуешь намъ, рядомъ съ Огаревыми, другую женщину, другую, болѣе гармоничную семью въ этой группѣ «идеалистовъ».

«Николай, я заплакала, читая твои строки; ты грустишь, что онъ далекъ, какъ же мнѣ?... Но утѣшимся, мы скоро увидимъ его! *). Много отрады влилъ ты въ мою душу немногими словами,—столько въ нихъ теплоты, роднаго. Да, ты правъ, мы близки съ тобою, мы хорошо понимаемъ другъ друга. Кто *сказалъ* тебѣ, что я часто сижу грустна? Саша смотритъ на меня и невольно выманитъ улыбку, я начну рассказывать ему объ отцѣ и, мнѣ кажется, этотъ малютокъ понимаетъ меня, кажется, никто въ свѣтѣ лучше не понимаетъ, и онъ отвѣчаетъ мнѣ на своемъ языкѣ—улыбнется, протягиваетъ ручки, кричитъ «папа!» И мнѣ станетъ весело, я забываю 900 верстъ, или, убаюкавши его, сижу возлѣ колыбели и душа полна молитвы: да возрастетъ изъ этого зерна цвѣтокъ, достойный своего создателя, а Ты, Всемогущій, орошай его дождемъ благодати своей и согрѣвай любовью!

Да, другъ, кто *сказалъ* тебѣ все это? И ты все знаешь, разстояніе не мѣшаетъ тебѣ видѣть насъ, ты живешь между нами духомъ. Сынъ твой крестный обнимаетъ тебя; благослови его на новый годъ. Да будетъ и надъ вами благодать Божія! Прощайте, милые друзья, насъ пятеро теперь, обнимемся всѣ и помолимся на новый годъ!

Н. Герценъ.

Друга Кетчера и друга Сатина благодарю всею душой за ихъ приписку. Жму обоимъ крѣпко руки—не забыли меня сироту, за то и я васъ помню, милые друзья, и люблю много, много...

*) Надо сказать, что нѣсколько имѣющихся у насъ писемъ Огарева, писанныхъ женой во время поѣздокъ ея въ Москву и Петербургъ въ 1838 и 1840 гг., отличаются грустью совершенно болѣзненною, доходящею чуть не до галлюцинацій. Въ одномъ письмѣ о своей разлукѣ Огаревъ выражается такъ: „И Богъ не можетъ жить безъ вселенной, и вселенная—безъ Бога“.

Нѣтъ, Бетчеръ, Саша еще не ползаетъ, а ужь сидитъ и болтаетъ множество такихъ словъ, которыхъ я и не выговорю, ужасно рѣзвъ, не могу на рукахъ удержатъ. Вотъ привезу его, и ты увидишь внука-молодца; теперь можно его потормозить, я иногда по нѣсколькѣ часовъ играю съ нимъ и сама устану прежде его; безъ него мнѣ было бы смертельно грустно, съ нимъ я забываю иногда, что нѣтъ со мною большого Александра. За портретъ я сержусь на тебя въ самомъ дѣлѣ, и помирюсь только тогда, когда получу его.

Да зачѣмъ же это, Сатинъ, ты пишешь такую нелѣпность: вы—Наташа? Я не ожидала отъ тебя этого, мнѣ совѣстно за тебя; прошу же быть умнѣе. А чтобъ на *перепутать* заѣхать, да безъ А. тебѣ скучно-бъ было. Скоро увижу я васъ, друзья, скоро и разстанемся надолго. Мнѣ грустно при этой мысли; боюсь Петербурга я,—

«Городъ пышный, городъ бѣдный!»

Хотѣлось бы туда, гдѣ теплѣе и свѣтлѣе.

Прощайте, братья! Смотрите-жь, отогрѣйте Александра и присылайте его скорѣе сюда,—здѣсь ждетъ его семья. Будьте веселы, здоровы и счастливы весь новый годъ!

(Приписка сбоку: «Это письмо писано 25-го, а посылается 30-го. Александръ въ Москвѣ—ни слова болѣе! А, можетъ быть, ужь ѣдетъ къ намъ...»)

Марія! И такъ, вы примирились съ Александромъ... Помнишь ли нашу первую встрѣчу? О! я любила тебя, еще не видѣвши, любила много, много мечтала и, какъ дитя, вѣрила этимъ мечтамъ.

Мнѣ казалось, что ближе тебя никто на свѣтѣ мнѣ не можетъ быть, потому что ты одно съ N., а N. одно съ А. Казалось, что мы не можемъ идти врозь, что наша жизнь стройнымъ гимномъ будетъ возноситься къ небу, что даже матеріально мы не можемъ быть въ разлукѣ. Увидѣвши тебя, я бросилась къ тебѣ со всею полнотою этой любви, этой вѣры, прижалась къ тебѣ, какъ къ родной, смотрѣла на тебя и не могла насмотрѣться; когда мы были вчетверомъ, мнѣ казалось, все свершилось, полна чаша жизни и счастья, предѣлъ желаньямъ и мечтамъ, довольно *молиться*, благодарить Его! Намъ только и недоставало свиданія съ вами. А то мгновенье—о! помнишь ли его?—когда всѣ четверо мы пали на колѣна передъ распятиемъ, которымъ N. благословилъ Александра, всѣ четверо обнялись и слезы восторга, умиленья лились, лились, — о! увѣрена, ихъ ангель вознесъ къ престолу Бога. Такія слезы не часто льются на землѣ, увѣрена—самъ Богъ смотрѣлъ тогда на насъ и благословилъ насъ и нашу дружбу. Это мгновеніе и послѣ

долго свѣтило на насъ своими лучами, и долго душа держалась высоко и такъ хорошо ей было... Въ это мгновеніе четверо мы составляли одно существо... И вдругъ... о, тяжело говорить о томъ, я не хочу; но оно прошло, Марія, говоришь ты? Дай Богъ!

Грустно провела я праздники, письма большое утѣшенье, но они не пополняютъ всей пустоты разлуки; но ужь скоро, скоро... ты понимаешь *ожиданье*?

Да, не всѣ мечты сбываются; вы остаетесь въ Москвѣ, мы ѣдемъ въ Петерб. Александръ пишетъ, что свѣтлыя майскія ночи мы будемъ встрѣчать на берегу Невы. Прощайте, и когда увидимся?... Мой маленькій Александръ цѣлуетъ тебя; не равно надѣлилъ насъ Богъ: чувство матери тебѣ неизвѣстно, а въ немъ цѣлое море наслажденья, оно уничтожаетъ въ насъ вовсе *я*, заставляетъ обуздывать каждый шагъ, беречь душу отъ малѣйшей пылинки, потому что она готовится быть источникомъ, изъ котораго будетъ жить другая душа *).

Мы знаемъ уже, что упоминаемая въ этомъ письмѣ размова Марьи Львовны съ другомъ своего мужа не была послѣднею. Отношенія къ московскимъ друзьямъ были не лучше. Диссонансы въ дружбѣ усилили диссонансы въ любви, которые должны были возникнуть и сами собою. По разказу Т. П. Пассежъ и даже Анненкова, вся вина этихъ диссонансовъ падаетъ на Марью Львовну, на ея болѣе матеріалистическую натуру и стремленія къ «свѣтской» жизни. Но врядь ли это объясненіе не односторонне и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не уменьшаетъ ли оно историческій интересъ семейной драмы Огарева? Доля вины должна была лежать и на «идеалистахъ», особенно при ихъ натурѣ, унаслѣдованной отъ отцовъ, при ихъ положеніи и національно-бытовыхъ привычкахъ извѣстнаго времени, наконецъ, на противуестественной претенціозности формулы полного тождества жизни не только въ любви, но и въ дружбѣ, да еще дружбѣ не индивидуальной, а семейно-кружковой.

*) По поводу писемъ Герцена, жены его и Огарева и ихъ религіозности въ эту эпоху нельзя не сдѣлать слѣдующаго историческаго замѣчанія. Языкъ писемъ этихъ и многія идеи очень напоминаютъ письма Гоголя, особенно въ перепискѣ его съ Смирновой, и письма къ Гоголю этой его «во Христѣ подруги». Это показываетъ, насколько письма эти характерны для своей эпохи. Много напоминаетъ Гоголя и отношеніе московскихъ кружковъ Бакунина и Огарева къ «страданію», о чемъ будетъ рѣчь дальше. Только небольшое число лѣтъ, проведенное Герценомъ и Огаревымъ и ихъ друзьями въ философскихъ и потомъ соціально-политическихъ студіяхъ, провели ту разницу, которая сказалась въ 1847 году между авторомъ *Выбранныхъ мнствъ изъ переписки съ друзьями* и кружкомъ Бѣлинскаго, судъ котораго объ этой книгѣ составляетъ столь видный столбъ на исторической дорогѣ русскаго развитія.

Идеалисты вовсе не каждую минуту были настроены жить въ Богѣ и Христѣ. Матеріалистическая сторона жизни пробивалась и въ нихъ. Огаревъ самъ, вѣрный идеалистическому принципу, открылъ себя всего передъ предметомъ любви, —счелъ долгомъ разсказать своей невѣстѣ похождения своего сердца до встрѣчи съ нею. Между этими похождениями были отношенія, которыя онъ имѣлъ въ 17 лѣтъ, —«безъ любви съ обѣихъ сторонъ, постыдный торгъ между неопытнымъ мальчикомъ и публичною дѣвкой; это былъ первый шагъ къ пороку» *). Другія открытія въ этомъ родѣ относительно другихъ членовъ кружка могла сдѣлать Марья Львовна и сама.

Въ то же время, *дружба* въ кружкѣ сопровождалась непременно *виномъ*, и, притомъ, не совсѣмъ въ умѣренномъ количествѣ. Тѣмъ скорѣе молодая дама, жена очень богатаго человѣка, которая говорила о себѣ въ письмѣ Герцену: «Я родилась въ роскоши, сведена была обстоятельствами на скудное состояніе и съ давнихъ поръ жила сиротой», —могла пожелать взять и свою долю матеріальныхъ наслажденій въ жизни, какъ понимала ихъ она и большинство общества ея времени; она тяготилась оставаться вѣчно «дѣвочкой въ синенькомъ платьицѣ и въ красномъ платочкѣ», какъ говорили и Огаревъ, и она въ своихъ письмахъ, вспоминая свои первые встрѣчи.

«Помните, —писала Марья Львовна въ одной французской записочкѣ, изъ тѣхъ, которыя писались супругами во время размолвокъ, —помните, что вы мнѣ поставили въ преступленіе балъ? А еслибъ я предложила вамъ вопросъ? Еслибъ у меня были друзья, которые бы приходили утѣшать меня въ ваше отсутствіе, были ли-бъ и вы довольны? Балъ—преступленіе, а вино, съ вашего позволенія, что такое?» (Le bal est un crime et ce vin, s'il vous plait, qu'est ce?).

Современемъ обнаружались уже и болѣе серьезныя разногласія между супругами. Передъ нами одна французская же записочка Огарева, которая рисуетъ эти разногласія. Записка эта писана, по всей вѣроятности, въ 1840 г., во время поѣздки Марьи Львовны въ Петербургъ:

«Marie, клянусь, что я тебя не понимаю. За что ты сердилась на меня? Находишь ли ты, что 4 т. такъ ужъ мало? Ну, если хочешь, возьми себѣ сколько хочешь. Я сказалъ—40 т. на весь домъ. Ну, устраивайся такъ, чтобъ имѣть на твой туалетъ сколько хочешь. Мнѣ нужно только одинъ фракъ и два сюртука на годъ, да фунтъ табаку на недѣлю, да 400 или 300 р. на книги, —всего не бо-

*) Признаніе это напоминаетъ откровенность, которую считаетъ себя обязаннымъ сдѣлать своей невѣстѣ Константинъ Левинъ у г-р. Толстаго.

лѣе 2,000, а если этого много, то я могу обойтись безъ всего. Если ты сердисься, что я далъ 3 т. Александру, тогда я тебя понимаю еще менѣе. Я, хочу расходовать 40 т., и не могу дать 3 т. моему брату, человѣку, который, послѣ тебя, мнѣ дороже всѣхъ на свѣтѣ, да еще въ займы? Да зачѣмъ же я буду такъ низко? Это было бы, какъ Сазоновъ, который не далъ ему 900 рублей на свадьбу, потому что ему нужно было дать обѣдъ въ 500 р. Еще менѣе я понимаю, что тутъ дурнаго не брать въ займы 30 т. для покупки совсѣмъ бесполезной, когда дѣла не въ лучшемъ видѣ и потому что я хочу освободить своихъ рабовъ? Блжусь тебѣ, что я не понимаю. А давно ли ты говорила, что ты не хочешь брать въ займы денегъ для такой цѣли? Скажи же, Марія, гдѣ моя вина? Справедливо ли тотчасъ дѣлать все, что захочется? Блжусь тебѣ, что я тебя не понимаю; ну, какъ себѣ хочешь, не я переменяю мнѣнія. О, Марія, Марія, дорогой ангель, неужели же я долженъ отказаться отъ моихъ плановъ, благородныхъ, гуманныхъ, честныхъ, для того, чтобъ развлекаться всю жизнь? Возвращайся же такою, какою ты была, — *моя дѣвочка, которая рада души положить за людей!*» (подчеркнутыя слова написаны по-русски).

Планы (*ses projets*), о которыхъ говорить выше Огаревъ, были, конечно, намѣренія «освободить своихъ рабовъ». Онъ и составилъ въ 1840 г. договоръ съ крестьянами своей части въ с. Бѣлоомутѣ, Зарайскаго уѣзда, Рязанской губерніи, о переходѣ ихъ въ вольные хлѣбопашцы. Анненковъ рассказываетъ объ этомъ договорѣ, рисуя его выгоднымъ для крестьянъ. В. И. Семевскій (*Русская Мысль* 1885 г., вн. VII: *Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Императора Николая*) разбираетъ официальный текстъ договора и находитъ условія его далеко не легкими для крестьянъ, особенно со стороны «идеализма». Вопросъ объ относительной дороговизнѣ выкупной платы крестьянъ Огарева требуетъ еще пересмотра по мѣстнымъ подробностямъ. Но, конечно, безотносительную высоту ея слѣдуетъ приписать скорѣе денежнымъ потребностямъ *Marie*, чѣмъ идеалиста *Nicolas*. По крайней мѣрѣ, въ одномъ письмѣ Огарева къ женѣ отъ 15 апр. (1840 г., вѣроятно, изъ Бѣлоомута, откуда послано передъ тѣмъ другое, 21 марта) читаемъ: «Сегодня Алеша (?) долженъ выѣхать изъ М. (Москвы?); съ какимъ нетерпѣніемъ я жду! Неужели же ты мнѣ напишешь: нѣтъ? Этого быть не можетъ. Надо, надо кончить это дѣло; я чувствую, что это будетъ одинъ изъ хорошихъ поступковъ. Разумѣется, не что-нибудь отличное, потому что я, право, ничего не теряю».

На такіе скромные размѣры свелись пророчества Огарева о своей любви и обѣщаніи «дѣвочки въ синенькомъ платицѣ» ему и его друзьямъ. Разладъ росъ и сталъ хроническимъ. Нѣсколько имѣющихся у насъ записокъ свидѣлствуютъ о болѣзненности его для обѣихъ сторонъ. Мужъ и жена расходились на разные половины: то жена уѣзжала на балъ, то мужъ уходилъ изъ дому. Одна изъ записокъ, набросанныхъ послѣ такого ухода, рисуется намъ бытовую московскую картину.

«Ты очень беспокоилась о моемъ отсутствіи, милое дитя (*cher enfant*), а я не могъ вернуться домой. Мрачная грусть, безнадежность, ни съ чѣмъ несравнимая, овладѣли мною, и я предпочелъ не показываться. Я блуждалъ три четверти часа по улицамъ, потомъ я встрѣтилъ кое-кого и пошелъ пить. Я хотѣлъ плакать. Я декламировалъ стихи. Во всемъ этомъ есть очень нечистое, — то, что я презираю все это общество за его глупость и пользуюсь имъ какъ средствомъ убѣжать отъ призраговъ, которые меня преслѣдуютъ. Но, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ чувствуютъ поэзію. Я декламировалъ Пушкина и Лермонтова. У меня были слезы на глазахъ. Воробьевъ плакалъ. Никто не подозрѣвалъ, что у меня адъ въ глубинѣ души. Наши крайности (*extravagances*) помогли ли чему-нибудь? Нѣтъ. Боже благости! почему я не обратился къ Тебѣ, чтобъ утѣшиться?»

Нѣжные слова, записки, стихи временно устанавливали миръ въ семьѣ, но не надолго. Иногда сама Марья Львовна признавала себя виновной, просила отпустить ее въ деревню, гдѣ обѣщала «начать новую жизнь», а мужу желала найти «какую-нибудь Наташу, болѣе способную сдѣлать его счастливымъ». Но разрывъ еще не созрѣлъ до этого исхода. Огаревъ рѣшился на иную мѣру: ѣхать съ женою за границу, чтобы, по крайней мѣрѣ, устранить отъ себя видъ разлада жены съ друзьями его. У насъ есть довольно длинное письмо Огарева къ женѣ объ этомъ. Онъ предлагаетъ ей уѣхать, чтобъ остаться однимъ, чтобъ возстановить такимъ образомъ гармонию между ними. «Счастіе, Марія, — говоритъ онъ подъ конецъ письма, — счастіе есть первое согласіе (*l'accord complet*) съ тобою; если мы достигнемъ этого когда-нибудь, все будетъ налажено, (*accordé*).

Въ такомъ положеніи Огаревъ началъ хлопоты о поѣздкѣ за границу, которыми открывается слѣдующая дальше переписка.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГАРДЕНИНЫ,

ИХЪ ДВОРНЯ, ПРИВЕРЖЕНЦЫ И ВРАГИ *).

(Романъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ХП.

Какъ Николай отвѣтилъ Вѣрусѣ.—Его жизнь у купца Ефорова.—Предпримчивая дѣвица.—Николай въ снѣгахъ.—Свиданіе его съ Вѣрусей и кулакъ ли Переверзевъ.—Илья Финогенычъ разрубаетъ узелъ.—Вѣруся замужемъ.

Съ трепетнымъ чувствомъ прочиталъ Николай письмо Вѣрусси. Первымъ движеніемъ его было изъясниться въ любви, убѣдить Вѣрусю, чтобы она покинула Гарденино, предложить ей «союзъ на жизнь и на смерть». Но скоро ему показалось, что грубо начинать прямо *съ этого*, что другія, «принципіальныя», вещи въ ея письмѣ требуютъ отвѣта, что нужно доказать ей, какой «софистъ» господинъ Переверзевъ и какая возмутительная «передержка» скрывается за его теоріями. А чтобы доказать, нужно было обстоятельно переговорить съ Ильею Финогенычемъ, порыться въ книгахъ и, вообще, хорошенько обдумать. Разоблаченіе «софиста» и потому еще казалось необходимымъ Николаю, что совпадало съ его тайнымъ намѣреніемъ щегольнуть передъ Вѣрусей, представить ей, какъ самъ-то онъ выросъ за эти восемь-девять мѣсяцевъ, какъ много узналъ новаго и «подвинулся въ развитіи» и какъ, слѣдовательно, достоинъ, чтобы именно ему, Николаю, а не кому-либо другому Вѣруся «отдалась въ рабство», то-есть, иными словами, вышла бы за него замужъ.

Бъ сожалѣнію, обдумывать оказалось некогда. Торговля желѣзомъ требовала вниманія; потомъ необходимо было написать коррес-

*) Русская Мысль, кн. IX.

понденцію о злоупотребленіяхъ въ городскомъ банктѣ; потомъ пришлось ѣхать въ Тулу за товаромъ. Поѣздка въ Тулу, вдобавокъ, принесла много новыхъ впечатлѣній, въ которыхъ тоже нужно было разобраться. Кончилось тѣмъ, что Николай написалъ Вѣрусѣ письмо безъ всякихъ изліяній, очень подробно изобразилъ свою жизнь, вскользь выразилъ негодованіе на «софизмы» Переверзева, просилъ непременно пріѣзжать на каникулы и въ свою очередь обѣщался переговорить обо всемъ, обо всемъ. Долго спустя Вѣруся отвѣтила, что пріѣдетъ во время ярмарки, что осталась на лѣто въ Гарденинѣ и готовитъ въ гимназію племянника управляющаго (это неприятно кольнуло Николая), а что касается «софизмовъ», то она будетъ очень рада, если ей докажутъ, что это софизмы.

Николай оказался хорошимъ прикащикомъ. Дѣло было ему по душѣ, «чистое», какъ говорятъ о торговлѣ желѣзомъ, поставленное, дѣйствительно, очень «доброе совѣстно», привыкъ онъ къ нему быстро. Черезъ годъ уже не было никакихъ препятствій, чтобы осуществилось обѣщаніе Ильи Финогеныча: Николай могъ взять въ кредитъ товаръ и открыть свою лавку гдѣ-нибудь въ селѣ. Но Николай медлилъ. Въ сущности, ему чрезвычайно нравилась новая жизнь: онъ такъ привязался къ Ильѣ Финогенычу; такъ было пріятно изучать незнакомое дѣло, ни мало не становясь въ зависимость отъ барышей и убытковъ; такъ было хорошо чередовать это дѣло разговорами, книжками, знакомствами. Старикъ въ свою очередь молчалъ: ему жаль было разстаться съ Николаемъ, онъ любилъ его, онъ отводилъ съ нимъ душу. Кромѣ Николая, конечно, находились еще люди, льнувшіе къ Ильѣ Финогенычу, жаждавшіе его рѣчей, его наставленій, но никто изъ нихъ не возбуждалъ въ немъ такихъ родственныхъ, такихъ теплыхъ чувствъ. И немудрено: въ семьѣ своей Илья Финогенычъ не обрѣталъ участія; онъ давно уже убѣдился, что «бабы его тянуть не туда»: у дочерей—женихи да наряды на умѣ, а у жены—наряды, сплетни да стуголка. Прикащики, и тѣ относились къ нему какъ къ «блаженному», не прочь были поглумиться за его спиною. И вотъ Николай былъ единственный человѣкъ въ домѣ, понимавшій Илью Финогеныча, любившій его, благоговѣйшій передъ нимъ. «Онъ мнѣ очагъ мой унылый скрасилъ!»—говорилъ о немъ старикъ.

Стояли знойные іюльскіе дни и въ городѣ опять собралась ярмарка. Всѣ городскія лавки перебрались на выгонъ, въ томъ числѣ и лавка Ильи Финогеныча. Николай съ ранняго утра уходилъ туда и возвращался въ городъ вечеромъ, весь въ пыли, усталый, охрипшій, со звономъ въ ушахъ отъ непрестаннаго грохота

и стука желѣза. За то хорошо было вечеромъ въ тѣнистомъ хозяйскомъ саду...

Высоко, высоко, на совершенно черномъ небѣ свергали звѣзды. Шумъ улегся; воздухъ былъ тепелъ и неподвиженъ. Подъ густыми вѣтвями липы горѣла лампа, сидѣли люди вокругъ стола. Искривленное лицо Ильи Финогеныча выдѣлялось своими характерными, сердитыми чертами; младшая его дочь, Варя, разливала чай; дальше разиѣщались: румяный юноша съ большими восторженными глазами, въ свѣтломъ пиджачкѣ и цвѣтномъ галстукѣ, — сынъ богатаго бакалейщика; учитель географіи изъ уѣзднаго училища, Дмитрій Борисычъ; прасоль Ѳедосѣй Лукичъ въ поддевкѣ и высокихъ сапогахъ, весь черный отъ загара и знойныхъ степныхъ вѣтровъ.

Въ матовомъ свѣтѣ лампы зелень казалась какою-то фантастической. За то нѣсколько шаговъ въ сторону стояла непроницаемая темнота: глазъ едва раличалъ густую толпу деревьевъ, кустарники, дорожки, домъ, притаившійся въ кустахъ сирени. Пахло липой, цвѣтами изъ ближней клумбы, свѣжестью. Издали долетали звуки музыки, странно и страстно оживляя нѣмую тишину ночи, — это играли въ городскомъ саду какой-то модный вальсъ.

— Ъдете въ клубъ, Варвара Ильинишна? Нонче ожидаютъ чрезвычайнаго оживленія-сь, — произнесъ юноша.

Варя презрительно пожала плечами.

— Ужасное оживленіе! — сказала она. — Я и вообще равнодушна къ подобнымъ удовольствіямъ, а съ этими наѣзжими кавалерами и вовсе я не желаю встрѣчаться. Только и разговоры — каковы урожай, да почему рабочія руки!

— Н-да-сь... это точно-сь... развязки мало-сь, — пробормоталъ юноша.

— Охъ, Варвара, — сказалъ Илья Финогенычъ, морщась точно отъ боли, — съ которыхъ это поръ? Недѣлю сидишь, это вѣрно, а то, вѣдь, ни одного танцевальнаго вечера не пропустишь.

— Ну, папаша, вы ужь всегда... Конечно, пріятно поплясать и послушать музыку... И тѣмъ больше — Надя съ мамашей настаиваютъ, но ежели вы воображаете, что для меня танцы составляютъ важность — ошибаетесь!... Я нонче, сами знаете, каталогъ вамъ переписывала.

Въ это время въ домѣ открылось окно и послышался слащавый, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и раздражительный голосъ:

— Варя, такъ ты рѣшительно не поѣдешь?

— Ахъ, Надя!... вѣдь, я ужь сказала.

— Безсовѣстная! Сама Филиппу Филиппычу кадрили обща-
ла, а сама фантазіи теперь затѣваешь.

Варя вспыхнула до ушей.

— Сдѣлайте милость!—крикнула она.— Можете оставить ваши
наставленія при себѣ.

Базалось, ссора готова была вспыхнуть между сестрами. Илья
Өиногенычъ опять болѣзненно сморщился, гости потупились...
Вдругъ Надя вкрадчиво произнесла:

— Милочка, я твою брошку надѣну... Можно?

— Сколько хочешь.

Окно захлопнулось и вскорѣ послышался трескъ экипажа,
сѣзжавшаго со двора. Нѣсколько мгновеній длилось неловкое мол-
чаніе... вдругъ стукнула калитка, послышались торопливые шаги,
на свѣтъ лампы вышелъ Николай. Со всѣми онъ поздоровался, какъ
съ старыми знакомыми, шумно вздохнулъ, бросаясь на стулъ, и съ
жадностью началъ пить чай. Варя съ похорошѣвшимъ лицомъ, съ
какою-то задорною и безпокойною улыбкой смотрѣла на него.

— Измаялся, Николушка? — ласково спросилъ Илья Өино-
генычъ.

— Пустяки!... Тысячу триста сегодня выручили!

— Но за то какой трудъ!—съ участіемъ воскликнула Варя и
въ ту же минуту Николай почувствовалъ, что подъ столомъ при-
коснулись къ его ногѣ. Онъ покраснѣлъ, отодвинулся. Вскорѣ
снова начался общій разговоръ: о земствѣ, о городской думѣ, о вы-
борахъ. Николай говорилъ самоувѣренно, бойко, вступалъ въ шу-
тливья пререканія съ Ильею Өиногенычемъ, покровительственно от-
носился къ тому, что высказывалъ Харлаша. И прекрасная ночь, и
то, что выручили тысячу триста рублей, и томные звуки вальса,
прерываемые одинокою віолончелью, и влюбленная дѣвушка съ та-
кою волнующею улыбкой, и ожиданіе другой дѣвушки, Вѣруси,—все
это точно подмывало Николая, подсказывало ему удачныя, смѣлыя
слова, внушало пріятныя мысли о томъ, что онъ и уменъ, и при-
влекателенъ, и, вообще, достоинъ отиѣннаго вниманія. «Ахъ, какъ
хороша жизнь!»—восклидалъ онъ про себя и чувство наслажденія
жизнью, точно музыка, отзывалось въ его душѣ, совпадая съ от-
даленными звуками вальса, все существо повергая въ какой-то
сладкій и безпокойный трепеть.

— Николай Мартиничъ!—позвала Варя и рѣшительно подня-
лась съ мѣста.—Подите сюда... на два слова.

Николай съ недоумѣніемъ взглянулъ на нее, отставилъ ста-
канъ. Свѣтлое платье дѣвушки быстро исчезало въ глубинѣ сада.

Учитель и прасоль переглянулись, Харлаша стыдливо опустил глаза.

— Николушка, когда Вѣра Оминишна прїѣдетъ?—значительно спросилъ Илья Оиногенычъ.

— Идите же!—крикнула Варя.

— Не нонче-завтра, Илья Оиногенычъ,—торопливо отвѣтилъ Николай, скрываясь въ темнотѣ.

Старикъ еще хотѣлъ что-то сказать, но только съ озабоченнымъ видомъ вынулъ табакерку и понюхалъ.

— Молодость!—снисходительно пробормоталъ прасоль.

Илья Оиногенычъ точно встрепенулся.

— Да, молодость... — сказалъ онъ какимъ-то особеннымъ, грустнымъ голосомъ.— Хмѣль... Вспохои... Ахъ, сколь тяжела бываетъ расплата за твой пирь!— Потомъ, какъ будто спохватившись, что говорить несообразныя и странныя для гостей слова, добавилъ:—Вотъ жалѣлъ я, что сына у меня нѣтъ, — родѣ сына нашель человекъ!... Въ годъ, въ одинъ годъ, а какая пережѣна, какъ добропорядочно текутъ мысли, какъ здраво научился судить!... Полезенъ, полезенъ будетъ родному краю.

Гости тотчасъ догадались, что Николай женится на Варварѣ Ильинишнѣ и что приспѣло время рѣшительнаго объясненія. Прасоль и учитель начали расхваливать Николая; Харлаша радостно улыбался, не сводя съ Ильи Оиногеныча влюбленныхъ глазъ. Немного спустя всѣ простились, не желая мѣшать семейному событію.

Илья Оиногенычъ остался одинъ. Горькое выраженіе появилось на его лицѣ.

— Садитесь,—повелительно сказала Варя, указывая Николаю на едва замѣтную въ темнотѣ скамейку.

— Но какое дѣло, Варвара Ильинишна?

— Ахъ, садитесь же, несносный человекъ!

Онъ сѣлъ поодаль.

— Слушайте...—прошептала дѣвушка, придвигаясь къ нему такъ, что онъ почувствовалъ ея платье на своихъ колѣняхъ, опьяняющую близость ея тѣла.

— Что же слушать? — пробормоталъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Музыку отсюда не разберешь... Далеко.

— А отчего у васъ руки холодныя?

— Сердце горячее...

Вдругъ онъ очутился въ объятіяхъ, поцѣлуй обжегъ его губы... Онъ хотѣлъ отстраниться, бѣжать... На мгновеніе вопросъ Ильи Оиногеныча вспомнился ему, мелькнуло лицо Вѣруси... но только

на мгновение... Музыка, звѣзды, цвѣты, кровь, стучащая въ вискахъ, сердце, замирающее въ истомѣ, густымъ туманомъ заслонили его сознание, все существо подчинили своей жестокой власти.

— Ахъ, какъ хороша жизнь!—шепталъ онъ точно пьяный и счастливая, бессмысленная улыбка бродила по его лицу.

Вмѣсто того, чтобы бѣжать, онъ обнималъ дѣвушку такъ, что она задыхалась въ своемъ корсетѣ, цѣловалъ ея плечи, щеки, платье, ея влажныя, полуоткрытыя губы. Страстные слова сами собой срывались съ его языка, безъ размышленія, безъ смысла, лились необузданнымъ потокомъ,—такъ же, какъ и у ней, впрочемъ, потому что и она была во власти этой юньской ночи.

— Любишь ли?—спрашивала она.

— О, люблю, люблю!... Ты моя жизнь, счастье, радость...

— Ахъ, я тебя ужасно люблю!... Я тебя давно люблю!... Милый, красавецъ!... Женихъ ты мой!...

— Невѣста моя ненаглядная!...

Порою, однако, пробѣгали мимолетныя просвѣты, то у ней, то у него возникали какія-то подспудныя, постороннія мысли. «Боже! да, вѣдь, она, говорятъ, и Каптюжникову вѣшалась на шею... Вѣдь, она неразвита, тщеславна, груба...»—мельгало у него.—«Ахъ, сколько-то дать приданого папаша?... Не стала бы Надька интриговать...»—думала она. Но такія мысли быстро исчезали въ волнахъ молодого, свѣжаго, пьянаго счастья и опять лилась съ языка очаровательная ложь, сладкая и вкрадчивая бессмыслица.

— Варвара!—сердито позвалъ Илья Ѳиногенычъ.

Звукъ этого голоса точно пробудилъ Николая: онъ быстро вскопчилъ, взглянулъ въ ту сторону и съ ужасомъ прошепталъ:

— Батюшки мои... всѣ разошлись!... Илья Ѳиногенычъ одинъ сидитъ!...

— Ну, что же?—спокойно сказала Варя, оправляя спутанную прическу; потомъ встала и спокойно обняла и поцѣловала Николая. — Ну, что же? Тѣмъ лучше, что одинъ. Пойдемъ и все скажемъ.

Николай похолодѣлъ. Постороннія мысли высказывали одна за другою и безъ всякой помѣхи строились въ отвратительныя умозаключенія.

— Пойдемъ же,—новторила Варя и твердымъ, самоувѣреннымъ шагомъ, съ видомъ побѣдительницы, пошла на свѣтъ лампы. Николай слѣдовалъ за ней, какъ на привязи, понуривъ голову, держась въ тѣни.

— Непристойно, Варвара!—сказалъ Илья Ѳиногенычъ.—Про-

тивъ моихъ правилъ вмѣшиваться, но вольность имѣть предѣлы. Ты заставляешь меня испытывать стыдъ...

— Простите, папаша, — съ необыкновенною кротостью отвѣтила Варя, — но я надѣюсь, вы не будете препятствовать: Коля мой женихъ.

Лицо Илья Оиногеныча дрогнуло.

— Вотъ какъ! — выговорилъ онъ съ притворнымъ видомъ равнодушія. — Такъ, Николай Мартинычъ?... Подходи, подходи, чего прячешься?

— Такъ-съ, Илья Оиногенычъ... Покорно прошу ихней руки-съ.

Илья Оиногенычъ побарабанилъ пальцами; лицо его становилось все сердитѣе и непріятнѣе.

— Варвара, — сказалъ онъ, — завтра съ утра отправляйся къ бабушкѣ, — и, точно боясь, что его перебьютъ, крикнулъ: — Рѣшу, рѣшу, на дняхъ рѣшу!... Препятствій не будетъ!... Соображу по книгамъ, сколько могу дать тебѣ, и сватертью дорога.... Слышишь? — соображу. Ступай.

Кроткое выраженіе быстро исчезло съ Варинаго лица.

— Надѣюсь, вы не поставите меня въ фальшивое положеніе, — заговорила она торопливымъ, раздраженнымъ голосомъ, — вы отлично понимаете, что я могу стать сказкой города черезъ вашихъ пріятелей!... Конечно, Надя всегда готова интриговать... И, разумѣется, у меня не хватило благоразумія...

Послѣднія слова Варя произнесла сквозь слезы. Николай почувствовалъ, что обязанъ говорить.

— Илья Оиногенычъ! и я прошу рѣшить поскорѣе... Я себя никогда не прощу, если о Варварѣ Ильинишиѣ пойдутъ сплетни... Я такъ вамъ обязанъ... Боже меня избавь оскорбить вашу дочь...

— Сама заслужила! — взвизгнулъ старикъ. — Сплетни!... Экая невидаль — дѣвка съ парнемъ цѣлуется!... Всѣ цѣлуются!.. Я тебя не узнаю, Николай Мартинычъ. Сказалъ — рѣшу, и дожидайтесь... Ступайте, ступайте!

Варя поняла, что больше ничего не достигнешь, сдѣлала опять кроткое лицо, поцѣловала у отца щеку, выразительно улыбнулась Николаю и, сказавъ:

— Ну, хорошо, папаша, я завтра на всю ярмарку уѣду къ бабушкѣ, — удалилась въ домъ.

Николай, простившись, пошелъ въ свое помѣщеніе, — онъ боялся остаться наединѣ съ Ильею Оиногенычемъ: такъ лицо старика было строго, гнѣвно и недоступно.

Долго сидѣлъ въ эту ночь Илья Оиногенычъ, — сидѣлъ пону-

рившись, безъ гнѣва, съ горькою складкой на губахъ, смахивая отъ времени до времени одинокую слезинку.

«О, сколь непрочны привязанности, сколь сложенъ и обманчивъ человѣкъ!—думалъ онъ.—Мечталъ найти свѣжесть, непочатость, идеализмъ, а что вышло?... Отводилъ глаза, показывалъ мнѣ письма—ясна была чистая, честная къ достойной дѣвушкѣ любовь... и вотъ развязка!... Что такое? Ужели соблазнъ денегъ? И что, кромѣ соблазна, могло бы заставить таиться, молчать?... А Варвара!... Ахъ, какихъ дѣтей выростилъ... какое отмщеніе за то, что хотѣлъ достичь блага!»—и мысли его улетали далеко, далеко, облекая то, о чемъ онъ думалъ, грустью и безнадежностью.

Николай тоже просидѣлъ въ своей каморкѣ до разсвѣта, не отходя отъ окна, сжигая папиросу за папиросой. Онъ ни о чемъ не думалъ, потому что голова его была тяжела точно послѣ угара, мысли распадались, не успѣвая сложиться, крутились какимъ-то беспорядочнымъ вихремъ... И не мыслями, а чѣмъ-то другимъ,—всѣмъ существомъ своимъ онъ сознавалъ, что нѣтъ выхода, что судьба устроила ему такую засаду, изъ которой не спасешься, что остается замереть въ тупомъ и безсильномъ отчаяніи и ждать конца.

И чѣмъ яснѣе представлялъ онъ себѣ Варвару Ильинишну,—не тамъ, не на скамейкѣ: то, что совершилось *тамъ*, онъ не могъ себѣ представить,—а въ ея настоящемъ, *дневномъ* видѣ, тѣмъ больнѣе было ему вспоминать Вѣрусю.

На мгновение онъ вообразилъ лицо Татьяны въ ту грозovou ночь, вспомнилъ зимніе вечера, однообразное жужжаніе прялки, запахъ стружекъ, вспомнилъ разговоръ на паромѣ. И хотя было еще темно и онъ былъ одинъ—закрылся руками отъ стыда, ахнулъ, точно уязвленный, отъ внезапнаго сознанія, какой онъ мерзкій и глубоко-испорченный человѣкъ.

А на утро, послѣ короткаго и тяжелаго сна, онъ всталъ въ новомъ настроеніи. Въмѣсто всякихъ терзающихъ мыслей, чувствъ и воспоминаній, онъ испытывалъ какую-то сосредоточенную, безпредметную злобу, да въ головѣ лежала ясная, точно на табличкѣ написанная, безспорная и безъапелляціонная, какъ дважды два—четыре, мысль: «Я скомпрометировалъ дочь благодѣтеля,—я *долженъ* на ней жениться. Долой всѣ мечты и привязанности! Не имѣю права на нихъ. Никто, по крайней мѣрѣ, не посмѣетъ сказать, что я снова поступилъ безчестно».

И въ такомъ настроеніи, съ такимъ рѣшеніемъ въ головѣ онъ ушелъ въ лавву.

Варя уѣхала къ бабушкѣ, за семь верстъ отъ города. Она рѣ-

нилась безропотно подчиняться «капризамъ» отца, въ ожиданіи скорой свободы и богатаго приданого.

Илья Ѳиногенычъ днемъ приходилъ въ лавку, но даже не поглядѣлъ на Николая, а съ другими прикащиками былъ раздражителенъ свыше всякой мѣры. И немудрено: за ночь у него разлилась желчь.

Въ тотъ же день пріѣхала Вѣруся. Она никогда не видала Илью Ѳиногеныча, но по отзывамъ Николая составила о немъ самое красивое представленіе; онъ ей воображался чѣмъ-то вродѣ Тургенева—копна сѣдыхъ волосъ на большой головѣ, крупныя и мягкія черты, мечтательный взглядъ... И до такой степени она была увѣрена, что Илья Ѳиногенычъ похожъ на Тургенева, что и не подумала признать его въ старомъ, сторбленномъ человѣкѣ, который столкнулся съ ней въ калиткѣ Еферовскаго дома. Этотъ человѣкъ ужасно ей не понравился своимъ злымъ, скривленнымъ на сторону лицомъ лимоннаго цвѣта и, особенно, язвительнымъ выраженіемъ въ глазахъ. Она посторонилась, чтобы дать дорогу.

— Вамъ кого?—спросилъ старикъ.

— Позвольте узнать, дома ли господинъ Еферовъ?

— Я господинъ Еферовъ-съ. Что вамъ требуется?

Вѣрусѣ даже больно сдѣлалось отъ разочарованія.

— Мнѣ нужно видѣть Рахманнаго,—сказала она.

— Госпожа Турчанинова, что ли? Идите, идите, Рахманный скоро явится. Можеть, чаю?... Пойдемте въ садъ. Бабъ моихъ ужъ, извините, нѣту... Въ гостяхъ. Да небольшой и ущербъ оттого, что ихъ нѣту-съ...

За чаемъ разговоръ плохо вязался. Илья Ѳиногенычъ то вскакивалъ изъ-за стола и, бормоча севозъ зубы, принимался поливать цвѣты на ближней клумбѣ, то прерывалъ себя на полсловѣ, то вдругъ, съ видомъ напускной любезности, освѣдомлялся о самыхъ ничтожныхъ обстоятельствахъ. Но всего неприятнѣе Вѣрусѣ былъ его ядовитый и рѣзкій тонъ, и то, что онъ безпрестанно фыркалъ носомъ, почти къ каждому слову прибавлялъ «слово-ерсъ». А дальше она и совсѣмъ закипѣла негодованіемъ.

— Слышалъ, слышалъ-съ,—сказалъ Илья Ѳиногенычъ,—просвѣтители завелись у васъ въ Гарденинѣ!... Что же-съ, кулакъ, вооруженный наукой,—явленіе отрадное-съ... Прогрессъ! Движеніе впередъ!...

— Если вы имѣете въ виду управляющаго, я думаю, что вы неправы,—краснѣя, возразила Вѣруся.

— Может быть-сь. Съ точки зрѣнія неизбѣжной правды, можетъ быть-сь.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Я хочу сказать: въ наше время правда уповалась на подобіе солнца неподвижною, а нонче и ей указано круговращенье-сь. Все условно-сь. Вчера — душегубецъ, а сегодня — герой?... Не знаю-сь. Остарѣлъ-сь.

— Но вы, значить, слышали что-нибудь превратное о Переверзевѣ? Какія у васъ данныя, что онъ кулакъ? Съ нимъ можно не соглашаться, но какъ же такъ голословно обвинять?

— Не знаю-сь. Вѣрить кому—не знаю-сь... Впрочемъ, прошу прощенія: дѣйствительно, незнакомъ съ г. Переверзевымъ.

— Мнѣ очень жаль... Я такъ надѣялась... Мнѣ столько говорили о васъ,—дрогнувшимъ голосомъ произнесла Вѣруся.

— Да-сь, говорятъ много—дѣлаютъ мало-сь. Не угодно ли еще чаю?

— Благодарю... Не надо.

Илья Оиногенычъ фыркнулъ, сорвался съ мѣста, хотѣлъ что-то сказать Вѣрусѣ, но вдругъ побѣжалъ къ калиткѣ и закричалъ кому-то:

— Эй! Сбѣгай въ лавку, пошли Николая Мартинова... Скажи—гостя пріѣхала изъ Гарденина. Сейчасъ же! Сейчасъ!...

Вѣруся презрительно усмѣхнулась.

«Хорошъ либераль!—подумала она,—прикащика величаетъ «Мартиновъ», кричитъ на прислугу точно крѣпостникъ...»

Спустя полчаса Вѣрусѣ пришлось испытать еще ббльшую неприятность: посланный вернулся и объявилъ, что Николаю Мартинычу теперь некогда и онъ придетъ когда запрутъ лавку. У дѣвушки даже слезы проступили на глазахъ. Настроеніе, съ которымъ она подѣзжала къ городу и уже испорченное Ильею Оиногенычемъ, совсѣмъ сдѣлалось мрачнымъ. Она приподнялась и, не смотря на Илью Оиногеныча, сказала:

— Въ такомъ случаѣ...

— Нечего, нечего!—закричалъ старикъ.—Все объясняется тѣмъ, что онъ боится обязанностями манкировать... Служба-сь! Жалованье получаетъ!... Сидите, я сейчасъ самъ схожу!

Вѣруся взглянула и вдругъ ее поразило новое выраженіе въ лицѣ Ильи Оиногеныча,—выраженіе какой-то мягкой и ласковой жалости.

— Самъ схожу,—повторилъ онъ почти нѣжнымъ голосомъ,—погуляйте пока: въ тѣни-то хорошо!—и скрылся.

«Странный человек...—подумала Вѣруся и тотчасъ же добавила:—но, все-таки, неприятный человек».

Николай скоро пришелъ. Передъ калиткой онъ на секунду остановился: сердце забилось такъ, что трудно сдѣлалось дышать. Въ саду никого не было видно. Николай прошелъ къ тому мѣсту, гдѣ густою толпой стояли клены, гдѣ вчера такъ горестно рѣшилась его судьба... На скамейкѣ, задумавшись, сидѣла Вѣруся. Руки ея неподвижно лежали на колѣняхъ, на лицѣ, на складкахъ простенькаго платья сквозили золотистыя тѣни. Николай опять остановился. Вѣруся похудѣла съ тѣхъ поръ, какъ онъ разстался съ нею; пышный румянецъ исчезъ... Но что за плѣнительное выраженіе появилось въ этомъ похудѣвшемъ лицѣ! Какая трогательная и влекущая прелесть!

Подъ его ногою хрустнулъ сучокъ. Вѣруся вздрогнула и съ легкимъ крикомъ бросилась ему на встрѣчу. Сами не зная какъ, они обнялись и крѣпко поцѣловались. Но тотчасъ же мучительная мысль, что дважды два—четыре, овладѣла Николаемъ. Онъ отвелъ руки Вѣрусю, съ растеряннымъ видомъ усмѣхнулся.

— Что съ тобою?—спросила она, широко открывая затуманенные глаза.

— Видите, Вѣра Фоминишна...—проговорилъ онъ съ усліемъ,—такія тутъ подошли обстоятельства... Мерзости разныя... Однимъ словомъ, все кончено: я связанъ... женюсь на дочери Ильи Финогеныча.

Вѣруся сѣла, какъ подкошенная, закрыла лицо... плечи ея вздрогнули разъ, другой...

— Ахъ, зачѣмъ вы не пріѣхали вчера? — вырвалось у Николая.

Она ничего не отвѣтила. Длилось тягостное молчаніе. Николай стоялъ, прислонившись къ клену, отчаянно ломая руки, не сводя налитыхъ слезами глазъ съ Вѣрусю, не зная, что сказать.

Вдругъ его какъ ножомъ рѣзнуло: Вѣруся сухо и презрительно разсмѣялась.

— Поздравляю!—воскликнула она, открывая лицо.—Образцовая карьера!... Онъ, вѣдь, очень богатъ, этотъ Еферовъ?—и вся вспыхнула отъ внезапнаго прилива какъ будто сейчасъ только сознанной обиды.—Но съ чего же вы взяли, что я претендовала выйти за васъ? Какъ вы смѣли сказать, что еслибъ я пріѣхала вчера—вы бы меня осчастливили?... Успокойтесь! И не думала выходить!... Мнѣ только жаль, что я заблуждалась, что считала васъ такимъ... О, какъ вы далеки отъ того, чѣмъ я васъ считала!...

— Но почему же, Вѣра Ѳомииншна?... Развѣ выполнить свой долгъ безчестно?

— Какой долгъ?

— Если я имѣлъ подлость скомпрометировать дѣвушку, да еще дочь человѣка, ближе и выше котораго не знаю?

— А!... скомпрометировать!... Вы иначе рассуждали, когда дѣло шло о столярной женѣ... Впрочемъ, мнѣ стыдно и говорить-то объ этомъ... Ваше дѣло... Съ какой стати мнѣ вмѣшиваться?— и Вѣруся съ лихорадочною поспѣшностью начала подбирать слова, которыя могли бы убѣдить Николая, что ей все равно; измѣнила тонъ, усиливалась придать лицу спокойное выраженіе.—Простите, пожалуйста,—говорила она,—мнѣ просто сдѣлалось обидно, что вы женитесь на богатой... Конечно, это предразсудокъ: Лизавета Константиновна тоже была богатая... Пожалуйста, извините!... Я очень нервная стала... и вообще неладно себя чувствую... Въ сущности, я очень рада вашему счастью.

— Счастье!—горько проговорилъ Николай и ему ужасно захотѣлось плакать, броситься къ ногамъ Вѣруси, рассказать ей все, все... испытать если не прелесть любви, такъ прелесть жалости отъ той, которая любила его. Онъ теперь зналъ совсѣмъ навѣрное, что она любила его.

— Послушайте, вы что-нибудь говорили Еферову о Яковѣ Ильичѣ?—спросила Вѣруся, помолчавъ.

— Да!... Я показывалъ часть вашего письма.

— Напрасно. Вы были не вправѣ дѣлать это.

— Но почему же? Ильѣ Ѳиногенычу, да не показать?

— Не понимаю, чѣмъ онъ заслуживаетъ такое довѣріе. Онъ ужъ мнѣ сообщилъ, что Яковъ Ильичъ кулакъ. Какъ это похоже!

— Что вы, Вѣра Ѳомииншна?... Конечно, кулакъ! Только съ иностраннымъ клеймомъ!

— Не знаю... не вижу.

— Да помиуйте!... Отъ васъ ли я слышу такія слова?... На мужицкія деньги образованіе получилъ, да мужика-то этого подгнетъ!

Дѣвушка скептически пожала плечами.

— Въ этомъ надо еще разобраться,—холодно возразила она,—деньги съ крестьянъ онъ не тянулъ на свое образованіе, работать на себя не заставлялъ... Вообще, съ нимъ можно спорить, но, все-таки, не кулакъ же онъ.

— Кулакъ!

У Вѣруси затрепетали углы губъ.

— Мы не согласимся, и лучше не говорить объ этомъ, — сказала она. — Оскорблять легко, оспаривать трудно. Онъ очень, очень порядочный человѣкъ.

— Однако, перемена произошла въ вашихъ мысляхъ! — насмѣшливо воскликнула Николай, чувствуя, что снова овладѣваетъ имъ какая-то угрюмая злоба.

— Можетъ быть.

— Прежде вы были не такая.

— Вѣроятно.

— Что-жь, Вѣра Фоминишна, остается радоваться, что такъ сложилось. Пути наши не только снаружи раздвоились, но и внутри: разнымъ богамъ молимся!

— О, конечно, разнымъ! — значительно сказала Вѣруся. Голова у обоихъ все повышались, лица загорались негодованіемъ, взгляды становились непріязненными и чуждыми. Вдругъ Вѣруся точно спохватилась, уставая, печальная улыбка появилась на ея губахъ. — Знаете что? — сказала она. — Полно говорить объ этомъ. Давайте поговоримъ лучше о прошломъ... Вѣдь, такъ было хорошо, не правда ли? Вообразите, кабакъ-то, все-таки, открыли и Шашловъ Ерема преисправно помогаетъ отцу... Вотъ мы научили грамотъ-то на пользу!... Но за то Павликъ... помните, сынъ Арсенія?... прелестный, удивительно прелестный мальчикъ.

— Но я всячески скажу, что господинъ Переверзевъ софистъ, — упрямо продолжалъ Николай, — объ этомъ нужно подумать... Вотъ и кабакъ открыли!... Развѣ вы не видите, что онъ самый отчаянный эксплуататоръ? Вѣдь, это видно-сь. И Илья Финогенычъ...

— Николай Мартиничъ! — съ особеннымъ выраженіемъ сказала Вѣруся, — оставьте... Я прошу васъ... Ахъ, сколько загадокъ, сколько проклятыхъ вопросовъ на свѣтѣ... Оставьте! Я думала... — губы ея сморщились, голосъ дрогнулъ, — я думала, что вы... что мнѣ... Ну, все равно, разберусь сама, а не разберусь — туда и дорога... — и вдругъ опять закрыла лицо и прошептала: — Боже, какъ я одинока!... Какъ мнѣ жить хочется!

Прошелъ еще часъ, томительный, тоскливый. Слова выговаривались съ усиленіемъ, потому что ими все больше и больше старались скрыть истинныя мысли, истинныя чувства, затушевать то, о чемъ дѣйствительно хотѣлось говорить. Наконецъ, Вѣруся вздохнула, пристально и печально посмотрѣла на Николая и стала прощаться.

— Да гдѣ же вы остановились? Развѣ не у насъ?

— Нѣтъ... Мы ѣдемъ въ ночь.

— Съ кѣмъ?

— Я здѣсь съ Яковомъ Ильичемъ. Онъ завезъ меня и самъ отправился по дѣламъ. Мы условились встрѣтиться у слѣдователя, это его товарищъ. Кстати, гдѣ живетъ слѣдователь?

— Вотъ какъ!—насмѣшливо воскликнулъ Николай.—Слѣдователь имѣетъ квартиру на Соборной площади-съ.

Вѣруся стояла, понутивъ голову. Она точно не слыхала, что сказала Николай, думала о своемъ. Потомъ тихо спросила:

— Послушайте, не могу я видѣть вашу невѣсту?

— Она у бабки, за городомъ... Оставайтесь!

На мгновеніе дѣвушка выразила колебаніе. Но только на мгновеніе. Они стояли другъ противъ друга все подъ тѣми же кленами, вершины которыхъ такъ и рдѣли теперь въ огнѣ заката.

— Ну, все равно, прощайте!—Глубокая тоска изобразилась на лицѣ Вѣруси, голосъ ея содрогнулся и зазвенѣлъ жалобнымъ, надтреснутымъ звукомъ.—Прощайте!... Не судите, коли что услышите... Простите, если сказала что лишнее. Ахъ, Боже мой, какая я глупая!...—Она насильственно засмѣялась сквозь слезы, пожала его руки и торопливо сдѣлала нѣсколько шаговъ. Потомъ обернулась, прежняя шаловливая улыбка, какъ лучъ, проскользнула по ея лицу.—А помните, я крикнула вамъ, угадайте, кого люблю? Это, вѣдь, я про васъ крикнула.

— Вѣруся!... Другъ мой хорошій!—горестно воскликнулъ Николай, простирая руки.

— Да, да, про васъ. Не правда ли, какъ глупо? Ну, прощайте. Не провожайте меня. Не надо.

Николай безпомощно опустился на скамейку и заплакалъ, какъ ребенокъ.

Прошло пять дней. Ярмарка кончилась. Николай нѣсколько успокоился за хлопотами по торговлѣ и внутренно на все махнулъ рукою. И какъ только успокоился,—замѣтилъ то, что другіе давно уже замѣчали, что Илья Финогенычъ не попрежнему относится къ нему, суровъ, раздражителенъ, называетъ его «Николай Мартинычъ», избѣгаетъ говорить съ нимъ. «Что бы это значило?»—размышлялъ Николай и терялся въ догадкахъ. Одна была самая правдоподобная: старикъ сердится за то, что онъ въ ту ночь, при чужихъ, ушелъ вдвоемъ съ Варей. Ну, вѣдь, то покрыто? Вѣдь, онъ же приноситъ себя въ жертву? Разъ случилось, что Илья Финогенычъ особенно грубо и оскорбительно обошелся съ Николаемъ. Тотъ не вытерпѣлъ:

— Илья Оногеныч! я такъ не могу...—сказаль онъ.— У меня толькo и людей осталось на свѣтѣ, что вы... За что такое отношеніе?

Старикъ даже почернѣлъ отъ злобы.

— Будеть-сь!—крикнулъ онъ, задыхаясь.—Достаточно-сь!... Чего хитрить? Все равно добился своего!...

— Чего добился? О чемъ вы говорите?

— Богатой невѣсты, Николай Мартиничъ, невѣсты-сь!... Умницу, сердце горячее отринувъ, дуру безсердечную, добылъ!... И не сдѣлали ошибки-сь!... Тирана изображать собою не буду!... Блаженству вашему мѣшать не стану!... Давно отчислено за Варварой двадцать тысячъ, до копѣйки получайте-сь!

У Николая вся кровь бросилась въ лицо, необузданная кровь Мартина Лукьяныча Рахманнаго. Отца она побуждала драться, когда ему казалось, что онъ оскорбленъ,—сыну подсказывала недуманныя и жестокия слова.

— Ошибаетесь,—проговорилъ онъ, усиливаясь сдержать трясущійся подбородокъ.— Не только-сь двадцатью тысячами-сь, милѣжомъ не польстился бы на Варвару Ильинишну!... Чтò въ петлю, то на ней жениться!... Имѣю одно утѣшеніе: исполняю долгъ-сь. Не хочу, чтобъ въ вашей дочери сплетни распускали... хотя сама же она силки разставила!

— Бакъ такъ—силки? Говори толкомъ!

— Очень просто: первая поцѣловала, первая завлекла. Прежде, сами знаете, я вниманія на нее не обращаль... Развѣ эдакъ можно губить человѣка?... Вы говорите—умницу отринувъ... Развѣ мнѣ легко?... А тутъ еще вы осмѣливаетесь заподозривать... Ни копѣйки не возьму! Не нужно. Эхъ!—онъ махнулъ рукою и, чтобы не разревѣться въ присутствіи Ильи Оногеныча, быстро убѣжалъ въ свою каморку.

Оставшись одинъ, Илья Оногенычъ съ удовольствіемъ крикнулъ, размѣялся и не спѣша сталъ играть табакеркой.

Вскорѣ въ домѣ купца Ефорова разыгралась драма. Весь городъ звонилъ о безсердечіи, скарденности и самодурствѣ Ильи Оногеныча: Илья Оногенычъ торжественно объявилъ дочери Варварѣ, что лишаетъ ее приданого... за что? За то, что простерла свободу свыше предѣловъ. «Это вольнодумецъ-то о предѣлахъ заговорилъ!»—вопіяли кумушки мужеска и женска пола. Одинъ Харлаша заступался за старика, хотя въ глубинѣ души и былъ смущенъ. Варя впадала въ истерику, «кричала на голоса», кляла свою судьбу и тирана-родителя, однако, безъ приданого не рѣша-

лась выходить за Николая. Дѣло кончилось формальнымъ отказомъ. Николай, не помня себя отъ радости, тотчасъ же все описалъ Вѣрусь, заключивъ письмо робкими словами: «Простить ли? Полюбить ли снова? Согласится ли связать свою судьбу съ его судьбою?»

На другой день послѣ размолвки съ Варварой Ильининой Илья Ѳиногенычъ позвалъ Николая къ себѣ въ кабинетъ.

— Ну, Николушка!...—сказалъ старикъ и глаза его засіяли лукавымъ блескомъ. Николай, въ порывѣ неизяснимой признательности, бросился цѣловать его.

— Полно, полно!... И я тебя узналъ лучше, и ты меня. Выгода обоюдна. Сядь, выслушай...—Илья Ѳиногенычъ выпрямилъ сутуловатую свою спину, принялъ важное и строгое выраженіе и взволнованнымъ, глубокимъ голосомъ продолжалъ:—Урокъ тебѣ, Николушка... Та комедія, въ которой имѣлъ ты ролю, смѣшна, но и постыдна. Какъ-никакъ, совѣтъ твой не должна быть успокоена. Ты радуешься—и я за тебя радъ, однако, ежели размыслимъ глубже—Варвару жалко. Что ты сказалъ о силахъ—вѣрно, но взрослому стыдно и грѣхъ слыгаться на это.

— Я самъ понимаю, Илья Ѳиногенычъ... У меня невольно вырвалось,—пробормоталъ Николай.—Не упреки вы приданнымъ, а бы никому на свѣтѣ не сказалъ. И, конечно, я самъ виноватъ...

— И чувствуй свою вину. Я, братъ, чувствую... Но это ужъ мое дѣло. Пустозвоны болтаютъ то, сѣ... но въ душѣ у меня никто не былъ. Однимъ утѣшаюсь—Варвара доказала, что не любитъ тебя,—найдетъ одинаковое счастье и съ другимъ... Словомъ, это мое дѣло. Ты же помни: бояся того состоянія крови, при которомъ разумъ бездѣйствуетъ. Ежели этотъ урокъ забудешь, вспоминай болѣе жестокой: мою семейную жизнь... Не распространяюсь, самъ видишь, сколь я блаженъ.

Илья Ѳиногенычъ тяжело вздохнулъ и задумался.

— Никогда этого больше не будетъ!—твердо заявилъ Николай.—Имѣю двѣ подлости на душѣ,—вы знаете о первой,—достаточно. Зарублю по конецъ жизни.

— Другъ мой! недаромъ говорятъ, что добрыми намѣреніями адъ весь выстланъ... А вотъ что я тебѣ скажу: больше заботы нагрузай на себя; забота, что броня, оберегаетъ душу отъ постыднаго. И въ этомъ смыслѣ вотъ тебѣ мой совѣтъ: сдавай свою теперешнюю должность, бери товару на двѣ, на три тысячи и открывай лавку въ селѣ. И помни: я тебѣ говорю не токмо о семейныхъ заботахъ,—въ нихъ тотъ же омутъ,—я говорю о мірскихъ, потому и просылаю

въ село. Впрочемъ, объ этомъ мы съ тобой достаточно бесѣдова-
ли... Ничего не скажешь противъ?

— О, съ живѣйшимъ удовольствіемъ! Какъ мнѣ благодарить
васъ, Илья Финогенычъ!...

— Жизнью, Ни́колушка, дѣлами на пользу страдающаго бра-
та. Иной благодарности не ищу. Поцѣлуй меня, дружокъ!... Бла-
гословляю тебя на подвигъ добрый!

Илья Финогенычъ всхлипнулъ и стыдливо отвернулся въ
сторону.

Николай рѣшилъ открыть лавку въ базарномъ селѣ Х...; тамъ
и народъ ему былъ знакомѣе, и мѣста пріятнѣе. А пока, сдавъ долж-
ность, отбиралъ товаръ и со дня на день собирался ѣхать, сна-
чала къ Мартину Лукьянычу на теткинъ хуторъ, а потомъ и въ се-
ло, гдѣ нужно было строиться или снимать готовое помѣщеніе,—въ
сущности, онъ медлил въ городѣ безъ нужды: съ страстнымъ не-
терпѣніемъ ждалъ отвѣта Вѣруси.

Отвѣтъ пришелъ странный, ошеломляющій.

«По моей подписи вы поймете,—писала Вѣруся,—что я те-
перь ужъ не имѣю права говорить вамъ все... Ахъ, съ какими
мыслями я ѣхала къ вамъ,—съ какими чувствами возвращалась!
Бончена юность, другъ далекій, все кончено. Вотъ уже недѣлю я
замужемъ. Я дала слово на третій день, какъ видѣлась съ вами.
Теперь не знаю даже, чего я достойна: жалости ли, презрѣнія ли,
или зависти... И послѣднее вѣроятно: мужъ мой, во всякомъ слу-
чаѣ, *не кулакъ*, человекъ очень честный и очень послѣдователь-
ный. Учительницей остаюсь попрежнему. Ну, все!... Будьте счаст-
ливы, если можете. Не поминайте лихомъ прошлаго, не забывайте
меня... Господи, какъ мы были глупы!

«Вѣра Переверзева».

ХІІІ.

„Не стоить жить!“—Что объ этомъ думалъ Иванъ Федотичъ.—Его исповѣдь.—Театраль-
ный поступокъ Николая.—Гарденинскія новости.—Татьяна.—„Братья“.—Душеполезный
подвигъ.—Еще сынъ на отца.—Конецъ.

Николаю казалось, что солнце его жизни погасло.

Правда, и прежде ему случалось мучиться ощущеніемъ душев-
ной темноты, но тогда просто мимообѣгущія тучки заслоняли солн-
це, въ душѣ точно проходила иѣкая тѣнь и исчезала безслѣдно. Еще
недавно это происходило съ нимъ и, казалось, исчезло безслѣдно.
Но теперь совсѣмъ, совсѣмъ не такая была темнота.

Напрасно онъ пытался забыться, усиленно работая, «обременяя себя заботами». Съѣздивъ къ отцу, выпросилъ у него денегъ на постройку, купилъ лѣсъ, возился съ плотниками и печниками, посылалъ корреспонденціи въ газеты, уговорилъ тетку подписать ему землю для ценза, посѣщалъ очередное земское собраніе, — пока въ качествѣ посторонняго человѣка, — знакомился съ гласными изъ крестьянъ, убѣждалъ ихъ власть шары такому-то направо и такому-то — налѣво, составлялъ прошенія безграмотнымъ, проникъ въ дѣла X—го училища, сбилъ «стариковъ» сдѣлать учетъ волостному старшинѣ.

И за всеѣмъ тѣмъ чувствовалъ то же самое, что чувствовалъ бы художникъ, заброшенный на необитаемый островъ. Скучно художнику жить въ одиночку, и принимается онъ за свое мастерство, пишетъ картину. И пока пишетъ, какъ будто не замѣчаетъ скуки, любитъ свою работой. Но вотъ картина кончена, покрыта лакомъ, вставлена въ раму. А дальше что? Зачѣмъ?

«Бъ чему? Зачѣмъ?» — вотъ что отравляло все Николаевы заботы. Ту бессмыслицу, которую онъ находилъ въ своей жизни, онъ переносилъ и на людей, и, подставляя вмѣсто «я» — «мы», совершалъ самыя мрачныя обобщенія.

Бъ зимѣ лавка была готова и Николай открылъ торговлю. Мартинъ Лукьянычъ переѣхалъ къ нему. Въ будни сидѣлъ въ лавкѣ, читалъ газеты, праздно смотрѣлъ на народъ, заводилъ поучительныя разговоры съ знакомыми мужиками; въ воскресенье, базарный день, удалялся съ купцами и управителями въ трактиръ, разъ по десяти пилъ чай, закусывалъ и угощался водкой, а въ пьяномъ видѣ хвастался «своимъ Николкой», ругалъ «нонѣшнія времена», «гвардейцевъ» и «агрономовъ». Помощи отъ старика было очень мало и Николай взялъ себѣ въ «подручныя» Павлига Гомозкова, отъ котораго имѣлъ частыя свѣдѣнія, что дѣлается въ Гарденинѣ. Впрочемъ, такія извѣстія сообщали и гарденинскіе мужики, бывая на базарѣ. Новостей было много. Конный заводъ продали купцу Мальчикову, степь вспахали, землю разбили на безчисленное множество полей, завели «племенной скотъ», въ овчары выписали нѣмца изъ Саксоніи, безостановочно производили постройки.

Вѣруся продолжала быть учительницей, хотя не ходитъ въ школу, а ѣздитъ въ саночкахъ, съ кучеромъ. Управителя видятъ мало, да и то издали; по дѣламъ обращаются къ прикащикамъ, которыхъ шесть человѣкъ, да въ конторѣ два писаря, не считая старшаго. «Начальства у насъ сколько хошь!» — посмѣивались мужики, къ явному удовольствію Мартина Лукьяныча.

Разъ, въ базарный день, въ лавку вошелъ сторбленный человекъ въ пальто, подпоясанномъ веревочкой, въ валенкахъ, въ глубокомъ треухѣ, надвинутомъ на густые, сѣдые волосы.

— Нѣтъ ли у васъ, душенька, сверла получше?—сказалъ онъ Павлику, стоявшему у прилавка.

Николай такъ и вздрогнулъ, услыхавъ этотъ голосъ. Наскоро отпустивъ покупателя, которому продавалъ въ это время пару подковъ, онъ бросился къ старику:

— Здравствуйте, Иванъ Ѳедотычъ!... Или не узнаете?

Иванъ Ѳедотычъ приложилъ козырькомъ ладонь, всмотрѣлся и вдругъ его сморщенное, дряхлое, обросшее бѣлою бородой лицо дрогнуло и озарилось радостною улыбкой, на мутныхъ, выпцвѣтшихъ глазахъ показались слезы.

— Николушка!—воскликнулъ онъ.— Какъ возмужалъ, душенька! Какъ измѣнился!...

— И вы постарѣли, Иванъ Ѳедотычъ.

— Ахъ, другъ, года подошли... Вотъ ослѣпъ почти. Прихварываю малость. Ну, что объ этомъ... Ты-то какъ? Ай, ай, ай, какъ возмужалъ, до чего не узнать тебя!... А у насъ сказывали мужички, будто гарденинскій управитель лавку открылъ: я и думалъ, что Мартинъ Лукьянычъ... О тебѣ же слышалъ, будто въ городѣ живешь, у купца... Ну, радъ, радъ, душенька, что свидѣлись!

Николай былъ радъ не менѣе. Давно истребилось въ немъ то чувство, которое мѣшало ему встрѣчаться съ Иваномъ Ѳедотычемъ, и съ неожиданною силой вспыхнуло старое, хорошее чувство, возникли воспоминанія о хорошей и свѣтлой порѣ, о невозвратномъ. Оставивъ лавку на Павлика, онъ ввелъ Ивана Ѳедотыча въ горницу, принялся хлопотать о самоварѣ. Старику раздѣлся, сѣлъ и все слѣдилъ ласковыми, слезящимися глазами, какъ съ возбужденнымъ видомъ суетился Николай: собиралъ посуду, накрывалъ столъ, бѣгалъ въ кухню.

Разговоръ настроился, когда сѣли пить чай. Иванъ Ѳедотычъ сталъ было спрашивать Николая о дѣлахъ, о торговлѣ, о томъ, какъ ему живется теперь и жилось у купца, и т. п. Но Николай еще не чувствовалъ потребности рассказывать о себѣ. Онъ только зналъ, что все, все расскажетъ,—не сейчасъ, а немножко послѣ,—и о Татьянѣ расскажетъ, если окажется нужнымъ... И сознание, что онъ все расскажетъ Ивану Ѳедотычу, раскроетъ ему душу, доставляло Николаю какое-то радостное утѣшеніе.

— Вы-то какъ поживаете, Иванъ Ѳедотычъ?—спрашивалъ онъ, отвѣтивъ краткими словами на вопросы старика.

— Я-то?... Все плачу, душенька, все слезами исхожу.

Иванъ Федотычъ грустно улыбнулся.

— Лекаръ смотрѣлъ, говорить—глазная болѣзнь, а мнѣ, признаться, иное приходитъ въ мысли: не настало ли время, не мнѣ одному, а всѣмъ плакать?

— Вотъ, Иванъ Федотычъ, а прежде у васъ не было столь мрачныхъ мыслей!

— Ахъ, душенька, не говори о прежней жизни!... Слыхалъ ли сказаніе, какъ Іустинъ Философъ Бога разыскивалъ? Считался Іустинъ въ пустынѣ, на берегу морскомъ, и возносился мыслями въ высь, искалъ Господа. А былъ онъ язычникъ... И болѣлъ душою, потому что въ разумѣ утвердилъ, что Богъ есть, сердцемъ же своимъ не постигалъ Его, не имѣлъ вѣры. И пустыня не давала отвѣта Іустину, волны морскія праздно касались его уха. И встрѣтилъ онъ человѣка, старца... Старецъ Христова ученіе ему преподавалъ, послалъ въ міръ. И увѣровалъ Іустинъ Философъ... Я къ чему веду, душенька: жилъ я въ Гарденинѣ словно на островѣ. Слышалъ—бурлитъ гдѣ-то житейское море, а самъ тихую пристань не покидалъ... Углублялся въ книги, въ мечты, велъ разговоры о превозвышенномъ, шнырялъ мыслями то въ одну, то въ иную сторону, а какъ люди живутъ, какъ свѣше всякой мѣры гибнутъ страждущіе, сколько бѣды на свѣтѣ, велика ли пучина скорбей человѣческихъ—и думать забывалъ.

— Все равно, вѣковъ не хватитъ исчерпать эту пучину... Да и что такое скорбь? Страхъ смерти,—вотъ что северно. Одолѣвъ страхъ смерти, не будетъ и скорби никакой.

— Вотъ и неправильно, дружокъ. Я про себя скажу... Повѣришь ли, что не солгу? Ей-ей, Николушка, со дня на день жду смерти и не имѣю страха. Да, признаться, и никогда не страшился... И это великое дѣло; благодарю Бога, что открылъ мнѣ глаза, научилъ не бояться смерти. Но вотъ, душенька, какая притча: пока человѣкъ живъ, онъ живетъ жалостью къ людямъ, и ноетъ, ноетъ его душа... Мнѣ ничего не надо; я сытъ, обутъ, одѣтъ. Я провижу разумомъ суету благъ, къ которымъ стремятся люди. Мнѣ не жаль—богачъ обанкротится—значитъ, лишился тлѣннаго, небесное приобрѣлъ. Но у богача-то—душа, и впадаетъ онъ въ скорбь, какъ будто лишился подлиннаго блага... Вотъ, значить, мнѣ и его, выходить, жалко!

— Ареѣй говоритъ: надо бороться, надо словомъ понимать людей,—продолжалъ Иванъ Федотычъ, немного помолчавъ,—само собою, хотя и нѣтъ моего согласія нахрапомъ спасать... Но какъ ог-

лянешься вокругъ, какъ окинешь глазомъ юдолю-то эту мірскую, — ахъ, изойдешь слезами!...

Дѣйствительно ли отъ болѣзни глазъ, или такъ ужь одряхлѣлъ Иванъ Ѳедотычъ, но онъ нѣсколько разъ прерывалъ себя всхлипываніями и слезами. Онъ еще долго говорилъ... все о томъ, какъ дурно живутъ люди, какъ всюду проникаетъ разстройство, какъ прѣуспѣваетъ вражда, дѣлаетъ успѣхи ненависть, свирѣпѣетъ корысть и тяжело изнемогаетъ бѣднота подъ гнетомъ невниманія. Память его была удручена картинами деревенскаго горя; однообразно настроенная мысль съ трудомъ отрывалась отъ прискорбныхъ соображеній, неохотно витала въ области личнаго и «превозвышеннаго», — въ той области, которую нѣкогда такъ любилъ Иванъ Ѳедотычъ.

Николай слушалъ. Сердце его стѣснялось все болѣе и болѣе, — не столько отъ словъ Ивана Ѳедотыча, сколько оттого, что старикъ безпрестанно плакалъ, что лицо его такъ измѣнилось и обросло бородою, что какое-то неизъяснимо-печальное выраженіе сквозило въ его дребезжащемъ голосѣ.

— Ну, вотъ, душенька, я тебя и разстроилъ! — воскликнулъ Иванъ Ѳедотычъ, замѣтивъ, что Николай смотритъ на него въ упоръ тоскливыми, отуманеннымъ глазами.

— Нѣтъ, что же... — Николай усмѣхнулся и трихнулъ волосами. — То ли мы въ книгахъ читаемъ, Иванъ Ѳедотычъ!... А я вамъ вотъ что скажу... видите: своя лавка, торговля, есть знакомство всякое... черезъ два года въ гласные попаду... молодъ... здоровъ... Видите? Ну, вотъ что я вамъ скажу, Иванъ Ѳедотычъ: я застрѣлюсь, — и, какъ будто сказавъ что-нибудь необыкновенно-веселое, засмѣялся.

Иванъ Ѳедотычъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Что-жь, Николушка, бываетъ...

— Вы думаете, я шучу?

— Нѣтъ, другъ, я не думаю этого.

— И развѣ стѣдуетъ жить, когда, сами же говорите, нѣтъ правды или какъ тамъ...

— Жизнь — не товаръ, душенька, я — не купецъ: чтò она стѣдуетъ, пускай оцѣниваетъ Тотъ, Кто далъ ее.

— А если она въ тягость? Ежели смысла въ ней не видишь? Вы вотъ плачете, я же проще на это смотрю: пулю въ лобъ — и шабашъ!

По лицу Ивана Ѳедотыча пробѣжалъ какой-то трепеть, онъ точно хотѣлъ что-то сказать и колебался.

— И нахожу поддержку въ великихъ умахъ, — продолжалъ Ни-

колай, все дѣлаясь безпокойнѣе, все болѣе возбуждаясь. — Вся правда въ этихъ словахъ: «всѣ мы — игрушка времени и страха...» Знаете гѣмъ сказано? Цѣлая Европа увлекалась... Пушкинъ «владельцемъ думъ» называлъ... Былъ поэтъ такой — Байронъ.

— Байронъ, — шепотомъ поправилъ старикъ, и вдругъ самая веселая улыбка мелькнула на его губахъ. Потомъ онъ испугался, что обидѣлъ Николая этою улыбкой, и торопливо сказалъ:

— Прости, душенька... Старое вспомнулось... Бѣдовали мы въ городѣ Парижѣ съ княземъ Ахметовымъ, — князинька все вотъ Байрона этого читывалъ. «Иванъ! — крикнетъ, бывало, а самъ лежитъ на канапѣ съ книжкой, — вотъ истинное пониманіе жизни, будь она проклята!»... Ну, послѣ, какъ воротились въ Россію, дорвались до пици-то сладкой, — куда тебѣ Байронъ! Все у цыганокъ пропало, въ Яру...

Этотъ нестатіи рассказанный анекдотъ поразилъ Николая даже до странности. Онъ съ нѣмымъ укоромъ взглянулъ на старика, горько усмѣхнулся и, проговоривъ: «Стало быть, думаете, и я подобенъ вашему князьку?» — быстро ушелъ за перегородку и легъ. Вскорѣ оттуда послышались заглушенные рыданія.

Иванъ Ѳедотычъ на мгновеніе задумался, потомъ всталъ, поднялъ въ высь глаза, — они сіяли какимъ-то твердымъ и восторженнымъ блескомъ, — и тихо прошелъ за перегородку. День склонялся къ вечеру; зимнее солнце печально отражалось на бревенчатыхъ стѣнахъ, умирающими лучами озаряло комнатку. Николай лежалъ ничкомъ, уткнувшись въ подушку, содрогаясь отъ невыносимыхъ приступовъ отчаянія. Вдругъ онъ почувствовалъ, что прикоснулись къ его плечу, обернулся... Иванъ Ѳедотычъ надъ нимъ, но съ какимъ-то страннымъ, не прежнимъ выраженіемъ.

— Никто насъ не услышитъ, Николай Мартынычъ? — спросилъ онъ шепотомъ.

— Никто.

— Ну, душенька, слушай. Пришелъ часъ воли Божіей... Хочу тебѣ рассказать исторію...

Николай вскочилъ. Его встревожила необыкновенная торжественность вступленія, взволновалъ видъ Ивана Ѳедотыча, глубокой и таинственный звукъ его голоса. Вскочилъ... но ничего не сказалъ и, какъ приговоренный, съ легкою дрожью во всемъ тѣлѣ, сталъ смотрѣть на старика и ждать. Изъ-за окна едва достигалъ шумъ базара, слышались отдаленные голоса, скрипѣли полозья по морозу. И эти спутанные, невнятные звуки, этотъ печальный свѣтъ заката, проникавшій сквозь обледѣлыя стекла, и выдѣлявшееся до мель-

чайшей черточки лицо старика чѣмъ-то особеннымъ наполняли душу Николая, какимъ-то смутнымъ воспоминаніемъ... Онъ будто видѣлъ давно, давно такой же точно сонъ, и вотъ этотъ сонъ повторяется и захватываетъ его въ свою власть, уводитъ куда-то, томить неизъяснимымъ предчувствіемъ.

— Былъ старый человѣкъ, — тихо выговорилъ Иванъ Ѳедотычъ, — и имѣлъ старый человѣкъ единое благо на свѣтѣ: молодую жену... И еще имѣлъ благо: книги, мечты о превозвышенномъ, красоту Божьяго міра да юношу-друга... И возомнилъ старый человѣкъ: я ли не счастливъ? я ли не блаженъ въ своей жизни?... Слушаешь, Николушка?

— Да... — прошепталъ Николай, леденѣя отъ внутренняго холода.

Иванъ Ѳедотычъ страдальчески усмѣхнулся.

— И пришло время, — продолжалъ онъ такимъ же тихимъ голосомъ, — ополчился Велиаръ на стараго человѣка... отуманилъ молодую жену... сладостью грѣха плотскаго соблазнилъ друга... Слышишь?

— Слышу, Иванъ Ѳедотычъ.

— Случилось, примѣтилъ старый человѣкъ нѣкоторую печаль въ супругѣ... думалъ разсѣять темныя женскія мысли сказаніемъ, подбирая мудрыя слова изъ книгъ, рассказывалъ, что есть страданіе и что есть смерть... А былъ вечеръ и прекрасенъ Божій міръ казался человѣку... и сгорало его сердце любовью ко всякой твари... — Иванъ Ѳедотычъ всхлипнулъ и помолчалъ, точно собираясь съ силами. — И пришелъ другъ... и въ другѣ примѣтилъ старый человѣкъ нѣкоторую скорбь... и захотѣлъ восхитить духъ его отъ земаго, возжечь огнемъ любви ко всему живущему: раскрылъ свою душу старый человѣкъ... выложилъ все завѣтное на поученіе женѣ и другу... И отвелъ Велиаръ слова любви отъ друга и отъ жены, влилъ въ нихъ постыдный ядъ желанія... соловьиною пѣсней отнял у нихъ разумъ...

— Отнял разумъ... — повторилъ Николай, какъ во снѣ.

— Помнишь ли, душенька?

— Помню, Иванъ Ѳедотычъ... Говорите...

— Тѣмъ временемъ послушался старый человѣкъ влеченія любви, спохватился, что есть у него врагъ, поспѣшилъ испросить прощенья у врага и оставилъ домъ свой... оставилъ жену и друга, какъ сестру съ братомъ.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе. Николай слышалъ, какъ билось его сердце, и этотъ тревожный звукъ странно сливался и

совпадалъ съ его безпокойными и фантастическими ощущеніями. Смеркалось. Въ углахъ выростали таинственныя тѣни.

— Узналъ старый человѣкъ свою бѣду, узналъ скоро... — продолжалъ Иванъ Ѳедотычъ. — Извѣдалъ, что есть дружба... и что есть горькаго во лжи вкусилъ... И заскорбѣлъ, смутился духомъ... Веліаръ нашептывалъ дурныя мысли... училъ взять ножъ и заколоть жену... насытитесь отмщеніемъ. Отринувъ старый человѣкъ навѣты Веліара!... И обратился сатана въ стариннаго друга, который померъ, и повелъ человѣка въ поле, водилъ въ бурѣ и молнии всю ночь...

— Иванъ Ѳедотычъ...

— Не вѣришь, душенька? Знаю, что не вѣришь... И привелъ къ омуту... Понимай горечь жизни, — говорилъ сатана, — въ дружбѣ — ненависть, въ любви — коварство, и правда въ неправдѣ, и нѣтъ истины подь солнцемъ, и всё до единого исполнены обмана и скверны... Истреби себя... утопись!... Въ этомъ только и есть благо... Все забудешь, все погибнетъ съ шумомъ... и прекратятся муки провлятой жизни... И женѣ будетъ лучше, и юный другъ возрадуется твоей смерти... Совершенное во грѣхѣхъ увѣнчается закономъ и не станешь помѣхой на ихъ пути...

— Ахъ, какой ужасъ, если бы случилось это! — вырвалось у Николая.

— Человѣческій голосъ спасъ... крикнули изъ-за рѣки, очнулся старый человѣкъ, опомнился... И пошелъ... и принесъ покаяніе... За струпомъ грѣха обрѣлъ чистую душу въ женѣ, сердце, очищенное страданіемъ, просвѣтленный разумъ... Но не уставалъ Веліаръ тревожить человѣка, подсказывалъ ревновать, напускалъ тоску... И случилось тѣмъ временемъ бѣдствіе въ народѣ, зачала ходить лютаѣ смерть... расплодилось сирыхъ и страждущихъ что песку морскаго... Напалъ на разумъ старый человѣкъ, роздалъ имѣніе, покинулъ привольную жизнь, подвигся жалостью къ людямъ даже до мучительной скорби... И отошелъ отъ него Веліаръ!...

Иванъ Ѳедотычъ опять всхлипнулъ, и вдругъ возвысилъ радостно зазвенѣвшій голосъ:

— Притутился соблазнъ на стараго человѣка... И возлюбилъ онъ жену, какъ братъ сестру... ребеночка она родила — принялъ какъ сына... и всему радуется въ своей жизни, потому что возсіяла его новая жизнь какъ свѣча передъ Богомъ! — И вслѣдъ за тѣмъ добавилъ, не возвышеннымъ тономъ «исторіи», а простымъ, обыкновеннымъ тономъ: — Вотъ, душенька Николай Мартинычъ, какимъ

бытомъ нѣкоторый человѣкъ препобѣдилъ Велиара!...—и застѣнчиво улынулся.

И эта застѣнчивая улыбка переполнила все существо Николая давно не испытаннымъ чувствомъ умиленія. Странное ощущение сна смѣнилось въ немъ какимъ-то распаленнымъ, восторженнымъ состояніемъ, — тѣмъ состояніемъ, въ которомъ искренно говорятъ высокопарныя слова, совершаются театральныя поступки, — поступки и слова, дѣлающіе впечатлѣніе искусственности на тѣхъ, кто остается холоденъ и благоразуменъ. Быстрымъ движеніемъ Николай опустился на землю, обхватилъ ноги Ивана Ѳедотыча и поцѣловалъ край его грязнаго, затасканнаго пальто.

— Прости меня, святой человѣкъ, — выговорилъ онъ запекшимся губами, — безмѣрно я виноватъ предъ тобою!...

— Что ты? Что ты, душенька?... — залепеталъ Иванъ Ѳедотычъ, растерянно простирая руки. — Развѣ я къ тому... развѣ я къ тому веду?... Богъ черезъ тебя жизнь мнѣ истинную указалъ... обратилъ на путь разума...

Когда совсѣмъ стемнѣло и зажгли свѣчи, пришелъ Мартинъ Лукьянычъ. Николай съ Иваномъ Ѳедотычемъ сидѣли за столомъ и съ оживленіемъ разговаривали, лица у обоихъ были веселыя. Мартинъ Лукьянычъ, по обыкновенію, находился подъ хмѣлькомъ, но сразу узналъ столяра, который при его появленіи почтительно поднялся съ мѣста.

— А, старичокъ Божій! — крикнулъ Мартинъ Лукьянычъ, останавливаясь среди комнаты. — Откуда?... Эка волосомъ-то обросъ... Видно, и ты забылъ господскіе порядки?... Похожъ, похожъ на бывшаго княжескаго слугу... нечего сказать — похожъ!

— Садитесь, Иванъ Ѳедотычъ, — съ особенною ласковостью проговорилъ Николай.

— Да, братъ... что ужъ... садись! — вздыхая, сказалъ Мартинъ Лукьянычъ. — Нонче всѣ сравнивались, всѣ господами подѣлались... — и съ строгимъ и озабоченнымъ видомъ обратился къ сыну: — Какъ выручка?

— Не знаю еще, папаша. Завтра сочту.

— То-то завтра! Ты, братъ, все на Павлушку оставляешь, а онъ, анафема, заслонку продешевилъ. Я иду по базару, вижу — поповъ работникъ заслонку несетъ. Гдѣ купилъ? — У Рахманнаго... Не знаетъ, дуракъ, что я Рахманный и есть! — Сколько отдалъ? — Два двугривенныхъ. — А хозяйскій сынъ сидитъ въ лавкѣ? — Нѣтъ, не сидитъ... — А! Развѣ эдакъ торгуютъ?... Что-жь, мнѣ самому

остается не отходить отъ прилавка?... Эхъ, плачетъ по тебѣ ма-тушка плеть!...

Николай улынулся.

— Да не горячитесь, папаша, — сказалъ онъ мягко, — заслонка стоитъ себѣ тридцать пять копѣекъ, пятачокъ пользы. Чего-жъ вамъ еще?

— Пятачокъ! — презрительно воскликнулъ Мартинъ Лукьянычъ. — Съ ѣдакими барышами скоро, братъ, въ трубу вылетимъ... — Потомъ закурилъ и съ небрежною снисходительностью обратился къ столяру: — Сиди, сиди, Иванъ Ѳедотовъ... (тотъ на этотъ разъ и не думалъ вставать). Ну, какъ?... Что жена?... Какъ, бишь, ее...

— Татьяна Емельяновна, — торопливо вставилъ Николай и съ безпокойствомъ взглянулъ на Ивана Ѳедотыча.

— Благодарю покорно, Мартинъ Лукьянычъ, — отвѣтилъ тотъ, — Татьяна моя ясна, какъ день. Ничего, слава Богу, живемъ-съ...

— На квартирѣ?

— На квартирѣ, Мартинъ Лукьянычъ.

— То-то вотъ умень-то ты нехстати!... Какъ тогда уговари-варивалъ тебя? «Опомнись, Иванъ Ѳедотычъ, будешь жалѣть, да не воротишь!»... Не на мое вышло? Вы все думаете — управитель, такъ ему и вѣрить не надо... А теперь поживи-косъ въ чужомъ углу!... Ну, на что продалъ, спросить тебя? Я-ста христіанинъ! Я-ста душу хочу спасать!... Такъ развѣ сосновая связь да усадьба помѣшали бы тебѣ? Вотъ у меня лавка, товару одного наберется тысячь за семь (Николай поморщился), пара лошадей — пятьсотъ пѣлковыхъ, домъ — двѣ тысячи... Что-жъ я, по-твоему, и во Христа не вѣрую?... Эхъ, ты!... Удивляюсь Татьянѣ: умная баба и рѣшилась тебѣ потворствовать... Здорова она?

— Слава Богу, Мартинъ Лукьянычъ.

— Бого вы сегодня видѣли, папаша? — спросилъ Николай, желая отвлечь вниманіе отца на другое. Это удалось какъ нельзя лучше.

— Да! я и забылъ... — съ живостью сказалъ Мартинъ Лукьянычъ. — Иду я по базару, гляжу — Лукичъ встрѣчается, поваръ... И съ нимъ еще челоувѣкъ. Чей такой? — спрашиваю. — Мальчикова прикащикъ. Ну, познакомились, пошли чай пить... То да се... Вообрази, Лукичъ къ Мальчикову поступилъ! Переверзевъ уволилъ его... Вотъ, Иванъ Ѳедотовъ, нонѣшніе управители-то какъ... Не по-нашему! А заводъ купецъ Мальчиковъ прямо за шаль купилъ, голова въ голову за сорокъ двѣ тысячи!... Эхъ, содрогаются ко-

сточки покойника Капитона Аверьяныча!... Любезный-то, Любезный-то, а?... На царскія конюшни пошежь! Пять тысячъ за одного Любезнаго отвалили купчинѣ!... Ну, что еще?... Да! Фелицата Никаноровна схиму приняла... Мать Иларія теперь... Вотъ, Иванъ Ѳедотовъ, какъ душу - то спасаютъ, а ты усадьбу спустилъ!... А прикащикъ Мальчикова мнѣ говорить: «Что-жь, Мартинъ Лукьянычъ, дѣло прошлое, взялъ нашъ хозяинъ грѣхъ на душу: Кроликъ вашъ погибъ занапрасно»... Каковъ подлець!... Ѳедотка теперь въ подручныхъ у Наума Нефедова. Но всего чуднѣе у Гардениныхъ пошли порядки... хомуты, сбруя, телѣги, лопаты,—все подь номеромъ. Съ утра особый прикащикъ на руки сдаетъ, вечеромъ принимаетъ. Какъ не хватить номера, сейчасъ работнику въ книжку, штрафъ!... Но это бы еще ничего, а вотъ потѣха: прикащику лѣнь всякую малость въ книжку вписывать, такъ онъ что, анафема, обдумалъ,—по мордѣ! Какъ не достанетъ номера или тамъ порча выйдетъ,—баць въ ухо!... баць въ другое!... Работники такъ и говорятъ: бить морду по номерамъ...

— Но что же смотреть Переверзевъ?

— А почему онъ знаетъ? У него, братъ, не по-нашему: все прикащики, все на докладѣ... Не даромъ же три тысячи жалованья получаетъ!

— Однако, работники могли бы жаловаться...

— Сказалъ умное слово!... Они, анафемы, рады—вмѣсто штрафовъ, мордой отдуваться!... Но это вздоръ, а вотъ порядки-то, порядки-то... Номера!... на хомутахъ!... на лопатахъ!... Ха, ха, ха!...

Мартинъ Лукьянычъ такъ и закатился.

Иванъ Ѳедотычъ остался ночевать у Рахманныхъ. Когда Мартинъ Лукьянычъ улегся, Николай началъ въ полголоса рассказывать Ивану Ѳедотычу обо всемъ, что произошло въ Гарденинѣ, о Ефремѣ, о Лизаветѣ Константиновнѣ, о страшной смерти Капитона Аверьяныча. До столяра и прежде доходили слухи изъ Гарденина, но онъ любопытствовалъ узнать «сущую правду». Потомъ перешли къ инымъ матеріямъ: что за человѣкъ купецъ Еферовъ, какъ жилось у него Николаю. И Николай съ мельчайшими подробностями описалъ Илью Ѳиногеныча, его характеръ, его образъ мыслей, свою жизнь при немъ... Иванъ Ѳедотычъ молчалъ, внимательно слушая. Одинъ только разъ, когда Николай, желая яснѣе познакомить Ивана Ѳедотыча съ убѣжденіями своего «благодѣтеля», распространился о томъ, что есть свобода, Иванъ Ѳедотычъ прервалъ его:

— Понимаю, душенька. Еще у апостола сказано: «Идѣ же духъ Господень, ту свобода».

Обнаружь такое своеобразное пониманіе политическихъ учрежденій кто-нибудь иной, Николай непременно прекратилъ бы разговоръ или пустился въ дальнѣйшія разъясненія; но въ устахъ Ивана Ѳедотыча его все приводило въ умиленіе. Тихо улыбнувшись, онъ пропустилъ «свободу», какъ будто совершенно соглашаясь съ толкованіемъ Ивана Ѳедотыча, и перешелъ отъ Ильи Финогеныча въ своимъ собственнымъ взглядамъ на земство, на народъ, на книги, на обязанности образованныхъ людей... Потомъ разыскалъ съ полдюжины старыхъ газетъ и прочиталъ всѣ свои корреспонденціи Ивану Ѳедотычу.

Послѣ, когда улеглись спать и свѣчи были потушены, Николай не утайлъ и остального изъ своей жизни, рассказалъ о Вѣрусѣ, о Варварѣ Ильинишнѣ, — о своемъ «огромномъ несчастьѣ». Ему было горько и больно вспоминать это, сердце его опять тоскливо заняло. Но, все-таки, онъ не посмѣлъ заключить свою исповѣдь давешними словами, не выговорилъ того, что назойливо просилось на языкъ: «не стѣдуетъ жить!»

Старикъ молчалъ попрежнему. Въ темнотѣ не видно было, слушаетъ ли онъ; одно время Николай подумалъ, не заснулъ ли Иванъ Ѳедотычъ, и въ свою очередь замолчалъ, отчасти сожальвѣя, что рассказывалъ въ пространство... Вдругъ Иванъ Ѳедотычъ вздохнулъ и сказалъ растроганнымъ голосомъ:

— Ахъ, душенька, сколь много перемѣны, сколь суетливо колесо жизни!... Мятется, пестритъ, переливаетъ изъ цвѣта въ цвѣтъ... А какъ посмотришь въ глубь вѣковъ—все одно и то же, все одно!... Что же, дружожъ, не изъ новой чаши вкусилъ... Питье давнишнее, чаша вселенская: всѣ отвѣдывали... Премудрый царь Соломонъ, и тотъ не уклонился!... А ты вотъ о чемъ подумай, душенька: надо жить. Ой, не велика заповѣдь, да смыслъ-то въ ней пространнѣй!... Надо обдумать, надо по совѣсти въ хомутъ впрягаться... подымать свою борозду вплоть до новины!... Ты вотъ и обдумалъ, что повелѣла твоя совѣсть, и намѣтилъ дорогу...—сколь пряма, не мнѣ, простецу, судить,—такъ и бреди во славу Бога!... Прелестъ женскую забудь, Николушка!... Игру крови звѣриной укроти... Что толку?... И повѣрь мнѣ старику: потерянное найдешь, погашенное возгорится!... Такъ-тося, дружожъ. Ну, спи, Христось съ тобою... Охо, хо, хо, когда-то заснемъ на покой вѣчный!

Утромъ проснулись рано. Еще не взошло солнце, какъ успѣли напиться чаю. Одинъ только Мартинъ Лукьянычъ мирно похрапывалъ за перегородкой. Послѣ чая Иванъ Ѳедотычъ сталъ прощаться.

— Гдѣ же ваша подвода, Иванъ Ѳедотычъ? — спросилъ Николай.

— Подвода! — съ шутивою высокоумностью воскликнулъ старикъ. — Парой, душенька, поквачу, въ дышлѣ!... Встарину, бывало, на запяткахъ ѣзжалъ, а теперь не тутъ-то было: самъ себѣ вельможа!

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ, дружокъ, пѣшкомъ побреду. Вчера съ боровскимъ мужичкомъ дополозъ, думалъ и въ обратный сыскать попутчика, какъ съ базара стануть разѣѣзжаться. Анъ, Господь-то все къ лучшему устроилъ!

— Знаете что, Иванъ Ѳедотычъ... Семь я васъ на своихъ лошадяхъ доведу! — сказалъ Николай, и какъ только сказалъ, внезапная мысль пришла ему въ голову и заставила сгорѣть со стыда: «вѣдь, тамъ Татьяна!...»

Подумалъ ли объ этомъ и Иванъ Ѳедотычъ — неизвѣстно, но онъ съ радостью принялъ предложеніе.

Въ янтарномъ свѣтѣ выстунали снѣга, морозило, дымъ кольцами взвивался къ небу, когда тронулись въ путь. Долго молчали, Иванъ Ѳедотычъ кутался въ свое пальтишко, Николай тревожно смотрѣлъ въ даль... Ему не давала покоя мысль о Татьянѣ, тѣнь какой-то неискренности въ отношеніи къ Ивану Ѳедотычу.

— Знаете что, Иванъ Ѳедотычъ... — проговорилъ онъ нерѣшительно, — я вѣду въ село и сажу васъ... а?

— Что такъ, душенька?... А погрѣться?

— Нѣтъ, я вамъ вотъ что долженъ сказать... Я давеча предложилъ вамъ лошадей, а потомъ спохватился... Мнѣ не резонъ видѣть Татьяну Емельяновну... Да и къ чему?

Иванъ Ѳедотычъ весело разсмѣялся.

— Не оглядывайся назадъ, гляди впередъ, — сказалъ онъ. — Я такъ радъ, душенька, что Танюшу увидишь... и не одну Танюшу (Николай густо покраснѣлъ). А тому, что ты въ сомнѣніе впалъ, да слово искреннее вымолвилъ, — во сто кратъ радуюсь. Погоняй, погоняй!... Эка, морозецъ-то какой знатный.

Въ бѣлой избѣ, одинъ уголокъ которой занятъ былъ верстакомъ и столярною работой, а другой отдѣлялся тесовою перегородкой, жужжали, какъ пчелы, деревенскіе ребятишки. За чистымъ сосновымъ столомъ сидѣла Татьяна съ шитьемъ въ рукахъ. Дѣвка лѣтъ восемнадцати внимательно слѣдила за движеніями ея пальцевъ. «Азъ, буки, вѣди... Глаголь-онъ-го, добро-есть-де... Ангель, ангельскій, архангельскій... Царю небесный, утѣшителю душе истины... Азъ

есмь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози иніе развѣ меня...» — вы-
водили ребятишки на разные голоса.

— Тетка Татьяна! — сказала дѣвка, — ты мнѣ вотъ рубчики-то,
рубчики-то укажи какъ подметывать.

Татьяна улыбулась.

— Голубушка ты моя, глазомъ не научишься... Ты возьми вонъ
лоскутокъ-то и шей... Смотри на Настюшку: отъ земли не видать,
а не то что рубчики — всякій шовъ знаетъ. Настя! покажи-ка, ми-
лая, свою работу... Вотъ, дѣвушка, гляди. Эта подростеть — не
будетъ чужими руками обшиваться!... Срамъ, вѣдь, желанная ты
моя, сколько вы мнѣ денегъ за кофты однѣ переплатили!... Митюкь!
ты опять букварь щиплешь?... Ой, батька за виски отдереть...
Ваня! Ваня! уймись, брось кыску, не мучай... ей, вѣдь, больно,
касатикъ!

Послѣднія слова относились къ мальчугану лѣтъ трехъ, кото-
рый, примостившись къ окошку, дергалъ за хвостъ огромнаго пест-
раго кота. Онъ, впрочемъ, и самъ бросилъ свою забаву: что-то за
окномъ привлекло его вниманіе.

— Батя пріѣхалъ! — вскрикнулъ онъ спустя минуту и зато-
палъ босыми ножками. — Мама, гляди, гляди... на двухъ лошад-
кахъ... въ саняхъ!...

Татьяна взглянула въ окно... Вдругъ лицо ее вспыхнуло и тот-
часъ же покрылось восковою блѣдностью. Она выпрямилась, опер-
лась рукою на столъ и широкими блестящими глазами стала смот-
рѣть, кто войдетъ въ дверь. Первымъ вошелъ Иванъ Ѳедотычъ.

— Ну, Танюша, угадай, какого гостя привезъ! — воскликнулъ
онъ съ сіяющею улыбкой.

— Зачѣмъ, Иванъ Ѳедотычъ?... — тихо сказала Татьяна.

— Ай, душенька, что вздумала!... Кладъ пріобрѣлъ драгоцѣн-
ный... утрату воротилъ!... Поѣхалъ за сверломъ, анъ, вмѣсто того,
алмазъ купилъ!... Ну-ка, дружокъ, самоварчикъ поскорѣе... Гдѣ
Ареѳій - то Кузьмичъ? Лошадокъ надо прибрать... У, да и моро-
зецъ же!

Богда, прибравши лошадей, Николай вошелъ въ избу, ребята
уже разошлись по домамъ. Татьяна накрывала столъ сватертью.
Иванъ Ѳедотычъ съ заботливымъ видомъ возился у верстака. Нико-
лай взглянулъ и опустилъ глаза: на мгновеніе онъ встрѣтился взгля-
домъ съ Татьяной, увидалъ ея трепетомъ исполненное лицо, вздра-
гивающія, полуоткрытыя губы... Невольно слова Ивана Ѳедотыча
пришли ему въ голову: ясна, какъ день. Какъй тутъ день! Какая

юность!... И онъ стоялъ, охваченный мучительнымъ чувствомъ стыда и счастья.

— Здравствуйте, Николай Мартинычъ, — дрожащимъ голосомъ проговорила Татьяна и протянула руку. Николай пожалъ, — рука была холодна, какъ ледъ.

— Ай да встрѣтились послѣ долгой разлуки! — вскрикнулъ Иванъ Ѳедотычъ, быстро отходя отъ верстака. — Чтой-то други... развѣ такъ? Николушка... Танюша... развѣ такъ встрѣчаются?... Волна къ волнѣ, юность къ юности, тѣмъ и течетъ рѣка жизни... Ну, давайте чаевничать. Э! вотъ память-то... про Ареѳея Кузьмича и думать позабылъ... — и въ какомъ-то возбужденномъ состояніи выбѣжалъ изъ избы.

Татьяна покраснѣла до слезъ.

— Вотъ, всегда начудить Иванъ Ѳедотычъ, — проговорила она. — Садитесь, пожалуйста:

— Онъ ужасно измѣнился... Какъ постарѣлъ! — сказалъ Николай.

— Господи, еще бы не постарѣть!... Еслибъ вы видѣли его жизнь... Работника гдѣ не достаетъ — идетъ, хворый лежитъ въ какомъ-то дому — сидитъ у постели... Все ему нужно, до всего дѣло. Вотъ осенью съ Ареѳеємъ Кузьмичемъ въ Саратовскую губернію пѣшкомъ ходили... Воротился, разнемогъ, такъ и думала — Богу душу отдастъ. Трудна его жизнь.

— А вы не одобряете, Татьяна Емельяновна?

— Я-то? — Татьяна усмѣхнулась. — Какъ же я могу не одобрять?

— Ну, а вамъ какъ живется?

— Очень хорошо, — твердо отвѣтила Татьяна. — Да мнѣ, правда, и думать некогда... Вотъ шью, учу ребятъ... — Она сдѣлала усиліе и добавила: — Маленькій много времени беретъ...

— Вы по старой методѣ обучаете: азъ, буки? — стремительно спросилъ Николай, тотчасъ же догадавшись, о какомъ маленькомъ идетъ рѣчь.

Вошелъ Иванъ Ѳедотычъ съ Ареѳеємъ.

Николай пробылъ до поздней ночи. Смущеніе его мало-по-малу улеглось... и до такой даже степени, что когда послѣ обѣда Иванъ Ѳедотычъ ушелъ за перегородку «вздремнуть», онъ тихо попросилъ Татьяну показать «мальчика». Та подумала и нерѣшительно вышла изъ избы: Ваня все это время былъ у Ареѳея. Съ страннымъ чувствомъ Николай приласкалъ ребенка, — болѣе всего съ чувствомъ жалости. Особенно поразили его босыя, исцарапанныя ножки, нѣжный лобикъ съ синею опухолью надъ переносицей и только что

разорванная рубашонка. Николаю почудилось, что это несчастный, забитый, брошенный ребенок; ему никакъ не приходило въ голову, что ребенокъ растетъ въ обычной деревенской обстановкѣ и что тутъ нѣтъ еще бѣды... Да! нѣтъ бѣды для другихъ, но видѣть *этого* ребенка въ обычной деревенской обстановкѣ—значило для Николая видѣть нѣчто ужасное.

— Отчего онъ у васъ не въ сапожкахъ?—спросилъ Николай, не поднимая глазъ на Татьяну, боясь расплакаться.—И вотъ рубашечка... и синякъ...

Татьяна застѣнчиво улыбнулась: ее и тронуло, и развеселило участіе Николая.

— Мы, вѣдь, его просто водимъ... Какъ прочія дѣти, такъ и онъ. Развѣ почище, да вотъ въ штанишкахъ... Рубашонку только сейчасъ разорвалъ... Лобикъ зашибъ—за котомъ погнался... Ваня! что-жь ты закрываешься?... Поговори съ дядей... Онъ, вѣдь, рѣшительно все говорить.

Николай нѣсколько успокоился объясненіемъ. И ему захотѣлось почувствовать себя ближе къ Татьянѣ, устранить условность, которая, какъ стѣна, стояла между ними.

— Вы сказали—съ дядей...—произнесъ онъ, любуясь ею.—Развѣ я дядя ему?

Татьяна вспыхнула и, схвативъ на руки ребенка, отвернулась къ окну. Мальчуганъ смѣшно закартавилъ, рассказывая матери о какомъ-то происшествіи съ телянкомъ.

— Видите, видите... все говорить!—не утерпѣла Татьяна и нарочно стала спрашивать Ваню, заставляя его произносить побольше словъ. Отъ она она давно уже отошла и стояла передъ Николаемъ съ ребенкомъ на рукахъ, радостная, гордая, ослѣпительно красивая.

Вечеромъ въ избу собрались мужчины и бабы. Это были, точно на подборъ, все степенные, строгіе люди, съ благолѣпными лицами, съ серьезными словами на устахъ. Всѣ говорили другъ другу «братъ» и «сестра». Окна закрыли ставнями. Иванъ Ѳедотычъ сѣлъ за столъ, въ передней уголъ, благоговѣнно раскрылъ Евангеліе и слабымъ, какъ будто усталымъ голосомъ началъ читать. Слушатели сидѣли молча, съ глазами, потупленными въ землю. Вдругъ всѣ точно встрепенулись... Голосъ Ивана Ѳедотыча дрогнулъ, повысился и зазвенѣлъ какимъ-то нервнымъ, за сердце хватающимъ звукомъ. Тамъ и сямъ слышались всхлипыванія. Послѣ чтенія Иванъ Ѳедотычъ началъ говорить, что есть любовь, которую разумѣетъ апостоль.

Николай сидѣлъ вдали, въ темномъ углу, и не спускалъ глазъ съ Ивана Ѳедотыча. Такимъ онъ никогда не видѣлъ столяра. Дряхлое, изможденное лицо странно оживилось, глаза горѣди какимъ-то болѣзненнымъ восторгомъ, рѣчь текла взволнованная, пылкая, съ внезапными паузами отъ слезъ, съ трогательными обращеніями: «друзи мои возлюбленные», «родненькіе», «душеньки» и т. п. Заключилъ Иванъ Ѳедотычъ опять чтеніемъ, но, прочитавъ нѣсколько стиховъ, заплакалъ навзрыдъ и не могъ продолжать: это была великолѣпная 13-я глава изъ перваго посланія апостола Павла къ коринѳянамъ. Настроеніе Ивана Ѳедотыча передалось почти всѣмъ. Слезы текли по самымъ строгимъ, самымъ холоднымъ лицамъ, просили прощенія другъ у друга, предлагали помощь, пошли разговоры, какъ бы собрать ржи на бѣдныхъ, дунить бревенъ какой-то вдовѣ, послать «братьямъ» въ село Лебедянку возъ муки.

Николай былъ больше заинтересованъ, нежели тронуть. Правда, и онъ поддался общему возбужденію: щеки его были мокры отъ слезъ; но какой-то червякъ непрестанно шевелился въ немъ. Урывками онъ вспоминалъ прежнее время, ласковый и спокойный видъ гладко выбритаго Ивана Ѳедотыча, его исторіи и рассказы, запахъ стружекъ, мѣрный визгъ пилы, вьюга за окнами... Нѣтъ, то было гораздо, гораздо лучше! Здѣсь вѣяло чѣмъ-то больнымъ, тамъ—здоровьемъ, свѣжестью; здѣсь отреченіе и жертва, тамъ—самодовлѣющая и благосклонная полнота жизни.

И Николай съ тайнымъ удовольствіемъ наблюдалъ за Татьяной: ему казалось, что ихъ мысли совпадаютъ. Татьяна сидѣла въ какой-то мягкой задумчивости, проткая, немножко печальная, глаза ея были влажны, но за всѣмъ тѣмъ она какъ будто была безучастна; думала о чемъ-то своемъ, прислушивалась внутри себя, а не къ словамъ «братьевъ» и «сестеръ». Разъ или два она нечаянно встрѣтилась взглядомъ съ Николаемъ и неловко усмѣхнулась.

Позднѣе началось чтеніе псалмовъ. Пѣли очень хорошо: стройно, съ необыкновеннымъ выраженіемъ. Около полуночи простились «братскимъ чтеніемъ» и разошлись. Николай уѣхалъ. Душа его была полна какими-то смутными надеждами, интересъ къ жизни начиналъ возникать снова...

За зиму Мартинъ Лукьянычъ почти окончательно разсорился съ сыномъ. Началось дѣло съ лошадей. Старый гарденинскій управитель ничего, конечно, не имѣлъ, когда Николай ѣздилъ въ городъ («господамъ поѣхалъ что-то совѣтовать, безъ него-то — влинтъ!»)

или собрался какъ-то къ Рукодѣву, или посѣтилъ недавно выбраннаго мирового судью изъ университетскихъ и познакомился съ нимъ. Но когда лошади гонялись въ Боровую, «къ какому-то столаришгѣ», и это едва ли не каждую недѣлю, Мартинъ Лукьянычъ не могъ стерпѣть. Затѣмъ Мартинъ Лукьянычъ захотѣлъ и дома обставить Николая «порядочными людьми», нарочно сблизился для этого съ становымъ приставомъ, съ отцомъ благочиннымъ, самолично съѣздивъ къ купцу Мальчикову и того привлечь. Николай же отнесся къ этимъ отцовскимъ заботамъ съ самымъ обиднымъ равнодушіемъ, а когда пріѣхалъ Псой Антипычъ Мальчиковъ — скрѣлся къ учителю и пропадалъ тамъ до поздней ночи.

Мартинъ Лукьянычъ все чаще и чаще сталъ напиваться и въ пьяномъ видѣ читалъ сыну строжайшія внушенія, раза два грозился даже по старой памяти побить. Николай изъ всѣхъ силъ старался ладить, молчалъ, но обоюдное раздраженіе все накоплялось. На бѣду, Мартинъ Лукьянычъ узналъ еще, что Варвара Ильинишна Еферова была формальною невѣстой Николая и что бракъ разстроился по винѣ ея отца, — и возгорѣлся страшною ненавистью къ Ильѣ Финогенычу. Прикащики съ купеческихъ хуторовъ, управители, лавочники, прасолы, посѣвщики, отцы благочинные и просто отцы досконально узнали отъ Мартина Лукьяныча, что за извергъ купецъ Еферовъ, какъ онъ «облапошилъ» Николая, какъ, чтобъ отвязаться, заткнулъ ему глотку дряннымъ желѣзшикомъ на какую-то тыщенку, да и ту исправно выбираетъ обратно... Николай терпѣлъ скрѣпя сердце и только ждалъ случая серьезно объясниться съ одурѣвшимъ отъ бездѣлья старикомъ.

Случай представился весною.

Если бы спросить Николая, какъ онъ проводитъ время у Ивана Федотыча, онъ затруднился бы отвѣтить. Вѣдь, странно было отвѣчать, что онъ сидитъ и смотритъ на Татьяну или помогаетъ ей учить ребятъ по новой звуковой методѣ, играетъ въ лошадки съ Ваней, перенимаетъ у Ивана Федотыча, какъ вязать рамы, дѣлать столы, чинить самопрялки. Впрочемъ, иногда онъ бралъ съ собой книгу и читалъ вслухъ Татьянѣ, — это когда не было учёбы. Иванъ Федотычъ мало бывалъ дома. Обыкновенно, поработавши часъ-другой, онъ уходилъ въ село искать себѣ иного дѣла, «трудиться на нивѣ Господней», какъ говорилъ. Кромѣ того, нѣсколько разъ въ зиму куда-то отлучался вмѣстѣ съ Ареіемъ и, возвращаясь, казался особенно разсѣяннымъ, вздрагивалъ, когда къ нему внезапно обращались, по ночамъ плакалъ. Къ Николаю, онъ относился съ какимъ-то спокойнымъ, всегда одинаковымъ и ласковымъ чув-

ствомъ, но больше уже не заводилъ съ нимъ особенно значительныхъ разговоровъ, избѣгалъ спрашивать и давать совѣты. И не потому, что какъ-нибудь иначе сталъ думать о Николаѣ, а просто все было переговорено и все, что хотѣлъ сдѣлать Иванъ Ѳедотычъ, сдѣлано. По крайней мѣрѣ, ему такъ казалось. У него вообще явилась теперь удивительная способность въ-время отрѣшаться отъ людей, относиться къ нимъ въ мѣру, не предлагать имъ, чего они не желаютъ и въ чемъ не имѣютъ нужды, не навязываться. «Хорошо, душенька, играть на скринкѣ, коли струны натянуты», — говаривалъ онъ, заимствуя выраженіе изъ далекаго прошлаго, когда еще по барской волѣ учился «тромбону».

Въ душѣ Николая струны были натянуты, но не въ тотъ ладъ, который разумѣлъ Иванъ Ѳедотычъ.

Сближеніе съ Татьяной совершалось такъ спокойно, чувство между ними возростало такъ естественно, что никакихъ не было поводовъ натягивать душевныя струны выше мѣры. Условность отношеній исчезала незамѣтно, стѣна разваливалась сама собою. Когда Николай пріѣхалъ въ третій разъ, Татьяна, оставшись съ нимъ вдвоемъ, свободно говорила о мальчикѣ, какъ о его сынѣ, рассуждала съ Николаемъ о будущемъ, какъ жена съ мужемъ. Оба знали, что теперь уже они не обманываютъ Ивана Ѳедотыча, «не совершаютъ грѣха», какъ мысленно говорила себѣ Татьяна, «не дѣлаютъ подлости», какъ думалъ Николай.

Когда вешнія воды затопили поля и разлился Битюгъ, Николаю нельзя стало бывать въ Боровой. Въ лавкѣ тоже не было дѣла: торговля на время распутицы прекратилась. Николай читалъ, началъ составлять обширную корреспонденцію «о способахъ кредита въ N—мъ уѣздѣ». Но и чтеніе, и статья подвигались туго. Весенній воздухъ, звонъ и журчаніе воды, журавлиные крики въ синихъ небесахъ, — все это подмывало Николая, подсказывало ему волнующія мысли, внушало странныя мечты. Міръ точно сдузился теперь въ его представленіи, перспективы необходимо замыкались образомъ Татьяны. Николай скучалъ по ней, рвался ее видѣть.

На Страстной недѣлѣ, — черезъ Битюгъ только что навели паромъ, — къ лавкѣ подъѣхалъ верховой мужикъ, весь обрызганный грязью, и подалъ Николаю клочокъ бумажки.

— Кому это?

— Стало быть, Иванъ Ѳедотычъ наказывалъ тебѣ передать. Мы боровскіе.

Николай ужасно обезпокоился, развернулъ четвертушку, испанскую крупными каракулями съ титлами и безъ всякихъ знаковъ

препинанія и кое-какъ, съ помощью догадокъ, разобралъ слѣдующее: «Милостивый государь мой. Приспѣлъ часъ воли Божіей, другъ Николушка. Бремя легкое возлагаетъ на себя рабъ Иванъ, изъ плѣна суеты удаляется на сладкій и душеполезный подвигъ. Приемлю посохъ страннической, стремлюсь угождать ниву Господню. И какъ отдасть тебѣ мужичокъ посланнице сіе, не медли, душенька, и не полѣнись, поспѣшай, ради Христа, въ село Боровое, ибо готово сердце мое и путь открыть».

— Не болѣнъ Иванъ Ѳедотычъ?— спросилъ Николай, догадываясь по степенному и благолѣпному выраженію мужика, что онъ изъ «братьевъ».

— Спаси Господи!... Здравъ и весель духомъ. Въ дальнюю дорогу собирается.

— Но куда же?

— А ужъ не съумѣю тебѣ сказать, милый человѣкъ!... Стало быть, какія ни-на-есть дѣла объявились... стало быть, дѣла! — уклончиво отвѣтилъ мужикъ.

— Верхомъ, значить, можно проѣхать къ вамъ?

— Буда зря, милый человѣкъ. Индѣ по-пузо, а индѣ ничего, сухо. Слава Господу, можно проѣхать!

Николай тотчасъ же осѣдлалъ лошадь и по топкой дорогѣ, черезъ лощины и поля, свергающія озерами застоявшейся воды, отправился въ Боровую.

Иванъ Ѳедотычъ дѣйствительно собрался уходить. По какимъ-то дѣламъ, о которыхъ знали лишь Ареей да старшіе изъ «братьевъ», первоначальный путь предстоялъ ему на Борисоглѣбскъ, въ Землю Войскаго Донскаго и на Царицынъ. Николай засталъ въ избѣ Ареея и еще человѣка четыре. Всѣ были растроганы и держались съ какою-то особенною торжественностью. Иванъ Ѳедотычъ сидѣлъ между ними, совсѣмъ готовый въ дорогу, въ своемъ истрепанномъ пальтецѣ, подпоясанномъ веревочкой, въ простыхъ мужицкихъ сапогахъ; онъ что-то говорилъ, безпрестанно всхлипывая и вытирая слезы. На столѣ лежала сумка съ крестообразно пришитыми къ ней покромками и маленькая книжка въ переплетѣ. Татьяна, сложивъ руки на груди, стояла въ дверяхъ перегородки и сквозь слезы, съ выраженіемъ глубокаго умиленія, не отрываясь, смотрѣла на Ивана Ѳедотыча.

Когда вошелъ Николай, на лицѣ Ивана Ѳедотыча, до тѣхъ поръ хранившемъ видъ совершеннаго отрѣшенія отъ всего земнаго, мелькнула какая-то забота. Онъ разсѣянно проговорилъ: «Пріѣхалъ, душенька?» — потомъ поздоровался и, обратившись къ мужикамъ, по-

просилъ ихъ «на секундочку» удалиться. Тѣ вышли, скромно потупивъ взгляды. Нѣкоторое время длилось тягостное для всѣхъ трюихъ молчаніе.

— Вотъ, душенька, иду...— произнесъ, наконецъ, Иванъ Федотычъ съ какою-то стыдливою улыбкой и сказалъ, куда и зачѣмъ идетъ.

Николай съ горячностью принялся уговаривать его остаться, указывая и на его недуги, и на раннее время года, и вообще на фантастичность предпріятія. Иванъ Федотычъ снова впалъ въ разсѣянность, думалъ о чемъ-то другомъ, куда-то далеко улетѣлъ мыслями.

— Мало ли я его умоляла...— сказала Татьяна, закрываясь передникомъ и вся подергиваясь отъ усилія сдержать рыданія.

— Други мои возлюбленные!— воскликнулъ Иванъ Федотычъ и глаза его засіяли болѣзненнымъ восторгомъ, — о чемъ ваша печаль?... Не плачьте, миленькіе, не горюйте... Воистину, не слезъ, а зависти достоинъ мой жребій... Ахъ, сколь ты благъ, Господь челоуѣкълюбець, сколь щедръ!... Танюша!... Друженька!... И ты, Николушка... не смущайтесь!... Юность—юности и чистому принадлежитъ чистота... Вотъ верстачекъ, инструменты,—все продай, Танюша, ради убогихъ... Книжечку себѣ возьми... Ну, простите Бога для!...

Иванъ Федотычъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и поклонился Татьянѣ въ ноги. Та съ воплемъ стала поднимать его, жадно цѣловала его сѣдые, вскосмаченные волосы, морщинистую шею. Николай кусалъ себѣ до крови губы, чувствуя, что еще мгновение— и онъ разрыдается.

Весна была въ полномъ разгарѣ, цвѣли сады, въ поляхъ нѣжно зеленѣлись всходы. По вечерамъ въ селлахъ собиралась улица, звенѣли пѣсни. Обновленная жизнь снова торжествовала свою побѣду.

Однажды Николай, оставшись наединѣ съ отцомъ, смущенно сказалъ:

— Папаша, мнѣ бы нужно поговорить съ вами...

— Что еще такое?— отвѣтилъ Мартинъ Лукьянычъ, съ неудовольствіемъ отрываясь отъ книги. Онъ былъ трезвъ и вотъ уже недѣлю съ пожирающимъ любопытствомъ слѣдилъ за судьбою Ромамбола.

— Видите ли, въ чемъ дѣло... У васъ имѣются разные предразсудки, а потому...

— Предразсудки!... Не мѣшало бы съ отцомъ-то быть почти-тедьнѣе.

— Простите, пожалуйста... Но увѣрю васъ, что дѣло идетъ о моемъ счастьѣ...—Онъ зашнулся, но тотчасъ же рѣшительно добавилъ:—я женюсь.

— Вотъ какъ! Очень благодарю. На комъ же это, дозвоьте узнать?

— На Татьянѣ Емельяновнѣ.

— На какой Татьянѣ Емельяновнѣ?

Николай сказалъ. Мартинъ Лукьянычъ побагровѣлъ такъ, что на него страшно было смотрѣть, но, все-таки, преодолѣлъ себя и притворно-равнодушнымъ голосомъ спросилъ:

— Значить, овдовѣла?

Но отвѣтъ Николая переполнилъ мѣру его терпѣнія. Съ грубыми ругательствами онъ набросился на сына, оглушительно закричалъ, затопалъ ногами. Однимъ словомъ, совершенно вообразилъ себя пять лѣтъ тому назадъ. Николай молчалъ, стиснувъ зубы, блѣднѣя, страшась и въ самомъ себѣ подъема такой же злобы. И не выдержалъ. Отъ ругательствъ Мартинъ Лукьянычъ перешелъ къ тому, что такое Татьяна, и столь позорными словами началъ изображать ея качества, что Николай затрясся отъ бѣшенства.

— Замолчите! — крикнулъ онъ. — Стыдно вамъ на старости лѣтъ клеветать!

Мартинъ Лукьянычъ такъ и опустился на стулъ. Нѣсколько мгновений безсмысленно поводилъ глазами, потомъ поднялся во весь ростъ, пошатнулся, съ ненавистью поглядѣлъ на сына и прошипѣвъ: «Подобно Ефремѣ, захотѣлъ отца убить!» — вышелъ изъ комнаты.

Въ тотъ же день, вечеромъ, онъ опять уѣхалъ къ сестрѣ, а недѣлю спустя въ домъ Николая вошла хозяйкою Татьяна.

А. Эртель.

НАДЪ ПРОПАСТЬЮ *).

Повѣсть Луи Галле.

VI.

Въ этотъ вечеръ Рене Сорелю показалось, что онъ ясно читаетъ въ душѣ Норы; по его мнѣнію, она хотѣла своимъ кокетствомъ скрѣпить узы, которыми опутывала Роберта, возбуждая и раздражая его то ревностью, то обольщеніемъ, и понемногу совершенно отдалить его отъ Дорисъ. Онъ зналъ, что Робертъ человѣкъ честный и добрый, но считалъ его слабымъ, способнымъ на увлеченіе, на измѣну, могущую причинить Дорисъ величайшее страданіе. Онъ не смѣлъ заглядывать въ свою совѣсть, боялся, быть можетъ, найти тамъ инстинктивное довольство при мысли, что Робертъ окажется недостойнымъ любви жены, что она разлюбитъ его; въ любовь Рене, таковую возвышенную, чистую, самоотверженную до сихъ поръ, проскальзывалъ зародышъ зла.

Все это промелькнуло въ его головѣ съ быстротою молніи. Вообще, хотя онъ и не желалъ подробно анализировать самого себя, все же онъ чувствовалъ, что поддается вѣчному и неумолимому закону контрастовъ, противорѣчій, уступокъ и рѣзкихъ переходовъ, составляющему сущность человѣческой природы. Какъ въ самомъ себѣ, такъ въ Робертѣ, и въ Норѣ, и въ Дорисъ онъ не могъ видѣть романическихъ лицъ, добродѣтельныхъ или порочныхъ, безгрѣшныхъ или неисправимыхъ; онъ чувствовалъ себя захваченнымъ теченіемъ жизни дѣйствительной, способнымъ, подобно этимъ людямъ столь различнаго характера, одновременно съ ними и въ равной степени, на рѣзкія отступленія, внезапныя рѣшенія, нелогичныя поступки, могущіе измѣнить самыя лучшія и самыя твердыя убѣжденія.

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

Бессонная ночь наполнила его голову тысячью неясных, волнующих мыслей; но къ утру, когда комната наполнилась солнечнымъ свѣтомъ, одна мысль выдѣлилась изъ этого туманнаго хаоса. Онъ всталъ съ твердымъ намѣреніемъ измѣнить свое сдержанное обращеніе съ Норой и узнать, что въ ея несомнѣнно развращенной душѣ кроется дѣйствительно угрожающаго для спокойствія Дорисъ и Роберта.

Нора не появилась за завтракомъ, прошедшимъ очень вяло, такъ какъ его не оживлялъ своею обычною веселостью Робертъ, встревоженный сдержаннымъ волненіемъ, выражавшимся на лицѣ Дорисъ, и разсерженный отсутствіемъ Норы, имя которой никѣмъ не было произнесено въ это утро; можно было подумать, что она уѣхала наканунѣ вмѣстѣ съ вчерашними гостями. Рене даже предположилъ на одну минуту, что оно такъ и случилось.

«И хорошо сдѣлала!» — подумалъ онъ съ чувствомъ облегченія.

Но послѣ завтрака, когда онъ гулялъ въ саду, ища въ густой аллеѣ защиты отъ палящихъ лучей осенняго солнца, онъ замѣтилъ въ полукруглой бесѣдкѣ, высѣченной въ скалѣ при поворотѣ аллеи, блѣую фигуру, лежащую въ креслѣ съ раскрытою книгой на колѣняхъ, закрытыми глазами и откинутою на спинку кресла головой.

То была она, Нора. Думая, что она спитъ, Рене хотѣлъ уйти, но она вскочила на ноги и, смотря на него спокойными глазами и съ непроницаемымъ лицомъ, повидимому, ждала, чтобы онъ заговорилъ первый.

— Простите меня, — я, кажется, разбудилъ васъ.

— Я не спала; я думала. Здѣсь хорошо размышлять: сидишь, точно дома!

Она вся преобразилась и говорила немного дрожащимъ голосомъ. Въ послѣднихъ словахъ Норы Рене слышалось желаніе, чтобы онъ ушелъ.

— Простите, въ такомъ случаѣ, что я нарушилъ ваше уединеніе.

— Вы мнѣ не мѣшаете!

Она рѣшительно сѣла съ едва замѣтнымъ пожатіемъ плечъ, точно раздраженная невозмутимымъ тономъ Рене. Уйти было бы неловко, притомъ же, ему хотѣлось остаться. Онъ занялъ мѣсто недалеко отъ Норы на выступѣ скалы.

— Дорисъ здорова? — спросила Нора послѣ непродолжительнаго молчанія заискивающимъ тономъ. — Я не видала ее сегодня утромъ.

— Мадамъ Лекомтъ завтракала съ нами, — отвѣтилъ онъ просто.

— На балѣ было очень весело, не правда ли?

— Очень весело.

Послѣдовало молчаніе. Ледъ не таялъ. Нора, выведенная изъ терѣвнѣя, повернулась къ нему.

— Васъ, мосье Сорель, нельзя упрекнуть въ чрезмѣрной разговорчивости. А, между тѣмъ, я знала васъ веселымъ, увлекающимся, а теперь...

Онъ улыбнулся.

— Теперь сѣверный полюсъ, не правда ли?

— А! вы слышали эту шутку?

— Она была сказана для того, чтобы ее слышали.

— Можетъ быть.

И самымъ естественнымъ тономъ товарищеской откровенности она продолжала:

— Послушайте, что сдѣлала я вамъ?

— Миѣ ничего, хотя я не имѣю чести принадлежать къ числу вашихъ друзей.

— Каково! Кого же я оскорбила, какъ не васъ?

— Хотите вы, чтобы я также говорилъ съ вами откровенно, честно? Хотите вы, чтобы я высказалъ вамъ мою дерзкую мысль безъ всякихъ прикрасъ? Разъ вы меня спрашиваете, когда я имѣю право и обязанъ, можетъ быть, молчать, стало быть, вы хотите чистосердечно выслушать меня. Скажите, вы этого хотите?

Рене говорилъ съ увлеченіемъ, съ жаромъ; вставъ съ своего мѣста и стоя передъ Норой, онъ ожидалъ ея отвѣта.

Она лукаво улыбнулась и приняла свой обычный насмѣшливый тонъ.

— А! — спокойно произнесла она, — наконецъ-то, ледъ таетъ! Цѣлое наводненіе!... Очень интересно послушать: говорите!

— Извольте: я думаю, что вы задумали дурное дѣло!

— Мосье Сорель!

Она поднялась, блѣдная, съ раздувающимися ноздрями; мгновенно потемнѣвшіе зрачки придали страшное выраженіе ея взгляду.

— Вотъ видите, — продолжалъ онъ, — вы глубоко оскорблены. Я умоляю, я извиняюсь, я уйду.

— А!... Теперь нѣтъ! Я хочу, чтобы вы говорили. Къ тому же, что можете вы еще прибавить болѣе оскорбительнаго для меня? Я требую, чтобы вы договорили до конца.

— Вы правы; поэтому-то я прежде всего сказалъ то, что мнѣ труднѣе всего было сказать. Остальное развѣ вы не поняли?

— Нѣтъ.

— Вы жестоки. Вы отлично знаете, что здѣсь есть прелестная, довѣрчивая и добрая женщина, называющая васъ другомъ и искренно васъ любящая; есть человѣкъ, въ любви котораго заключается вся ея жизнь, — человѣкъ, окружавшій ее до сихъ поръ нѣжною заботливостью. И этого-то человѣка, — вы сейчасъ опять разсердитесь, — этого человѣка вы отнимаете у нея.

— Назовите женщину Дорись, мужчину — Робертомъ: снимите прозрачный покровъ анонима! — спокойно произнесла Нора съ выраженіемъ оскорбительнаго состраданія. — Вы видите, я слушаю васъ теперь безъ гнѣва. Этотъ романъ очень милъ и вы мнѣ нравитесь въ роли рыцаря, ратующаго за счастье ближняго. Мы могли бы покончить на этомъ нашъ разговоръ; но дѣлать намъ нечего, мы давно знаемъ другъ друга; у меня хорошій характеръ, мнѣ можно многое сказать; такъ доведемте до конца ваше маленькое слѣдствіе. Это начинаетъ забавлять меня. А вы согласитесь, что приходится смѣяться, подобно Фигаро, изъ страха быть вынужденной обидѣться.

— Вы можете находить меня смѣшнымъ; я безропотно покоряюсь этому.

— Вы оригинальны, очень оригинальны, напротивъ.

— Здѣсь идетъ дѣло о спокойствіи двухъ людей, которыхъ я искренно, братски люблю. Если Робертъ полюбитъ васъ...

Она холодно перебила его:

— Значить, вы думаете, что вашъ другъ любитъ меня? Это очень возможно; но я не вижу, чтобы это было по моей винѣ. Кто вамъ говорить, что и я люблю его?

— Если бы я думалъ, что вы его любите, я бы не говорилъ съ вами такъ, какъ теперь говорю. Я отнесся бы съ уваженіемъ, состраданіемъ и осторожностью, какъ того требуетъ искренняя любовь. Но я думаю, что вы не любите его, и я васъ обвиняю... я умоляю васъ.

— А!... Въ самомъ дѣлѣ, за кого же вы меня принимаете, милѣйшій мосье Сорель?

— Вы сами сказали, мадамъ Десторень, что мы давно знаемъ другъ друга. Вы производите на всѣхъ, кто приближается къ вамъ, страшно чарующее дѣйствіе. Желаніе побѣдить, поработить пересиливаетъ въ васъ всѣ другія чувства. Сознаніе, что побѣжденный принадлежитъ вамъ, что вы отняли его у другой женщины, льститъ

вашей гордости, мѣшаетъ вамъ видѣть ужасныя страданія, которыя можетъ причинить ваша побѣда. Переживаемое тѣми, кто страдаетъ черезъ васъ и за васъ, не трогаетъ васъ; вы не понимаете такихъ страданій, можетъ быть. Мое сердце подсказываетъ мнѣ извиненіе вамъ: вы никогда не любили.

Нора съ возмущеннымъ видомъ закинула назадъ свою хорошенькую головку.

— Никогда не любила! Ахъ, какъ вы ошибаетесь! Какъ ваша страсть вводитъ васъ въ заблужденіе! Да, я кокетка, я жестокая эгоистка, тиранка; но разъ, единственный разъ въ жизни я поняла... я осудила себя... я страдала... я любила, люблю!

Рене смотрѣлъ на Нору, пораженный ея необычайнымъ увлеченіемъ, которое выдавали ея сверкающіе глаза, дрожащій голосъ и высоко поднимающаяся грудь. Вдругъ Нора обвила рукой его шею, прижалась къ нему и съ безумнымъ взглядомъ, приблизивъ свои губы къ его губамъ, воскликнула:

— Тебя!

Взволнованный, потрясенный этимъ признаніемъ, Рене молчалъ. Она взяла его подъ руку, съ умоляющимъ взглядомъ подвела его къ скамейкѣ, посадила, сѣла рядомъ съ нимъ и, въ то время, какъ онъ слушалъ, не находя ни слова, ни возраженія, она рассказала ему, сколькихъ страданій стоило ей хранить такъ долго свою тайну. Въ отрывистой, быстрой, страстной рѣчи, она призналась ему, какъ послѣ его внезапнаго отъѣзда изъ Діенпа почувствовала страшное одиночество, какъ она старалась забыться въ той безумной жизни, въ которой онъ упрекаетъ ее, не отдаваясь, впрочемъ, никому, съ тѣхъ поръ, какъ отказалась отъ него, какъ, наконецъ, вслѣдствіе разлуки, а затѣмъ встрѣчи въ Сузѣ, благодаря его неожиданной холодности, его угадываемому презрѣнію, любовь ея разрослась до непреодолимой страсти, до безумія, до потери гордости и стыда. Теперь она его; онъ можетъ дѣлать съ нею все, что хочетъ.

Блѣдность Рене, его дрожащія руки, подавленная поза обманули Нору.

— Онъ сомнѣвается! Вы сомнѣваетесь!—прошептала она озбоченно.—Ахъ, вы думаете, что я любила, люблю, можетъ быть, Роберта, этого... Такъ же мало, какъ онъ самъ любитъ меня, повѣрьте мнѣ. Въ сущности, онъ обожаетъ свою Дорисъ. Она слишкомъ вѣритъ ему, вотъ что главное. Наскучила она ему невозмутимоспокойнымъ счастьемъ. Болѣе красивая, чѣмъ я, она не нуждается въ умѣніи увлекать. Но и я умѣю любить не меньше, чѣмъ она.

Невыразимымъ смятеніемъ наполнилась душа Рене. Въ то время, какъ въ его ухахъ раздавалась эта страстная рѣчь, онъ понемногу приходилъ въ себя. Онъ когда-то страстно любилъ Нору; эту любовь она убила своимъ презрѣніемъ; онъ чувствовалъ, что она умерла навсегда. Вмѣсто Норы, въ его душѣ вставалъ лучезарный образъ Дорисъ и своимъ свѣтомъ наполнялъ его навсегда просвѣтленное сердце. Тогда Рене произнесъ безжалостное слово, въ которомъ тотчасъ же раскаялся, какъ только ударъ былъ нанесенъ, когда уже было поздно вернуть его, то слово, которое въ политикѣ, какъ и въ любви, жестоко возвѣщаетъ конецъ надеждамъ, отвергаетъ позднія и напрасныя уступки,—онъ сказалъ: поздно! Да, было слишкомъ поздно. Бумирь разбитъ и любовь убита. Напрасно пытался онъ смягчить жестокость удара. Что значили состраданіе, сожалѣнія, выраженія симпатіи для такой своевольной и необузданной души, какъ у Норы! Она вспыхнула.

— Да, да, любовь умерла, Рене! И я знаю, кто убилъ ее. Она убила! Я сомнѣвалась еще, надѣялась, что ошибаюсь, не такъ поняла! Ваши взгляды, ваша грусть говорили, впрочемъ, довольно ясно! Такъ любите же ее, эту Доросъ, любите ее! Возьмите ее! А онъ, мужъ, чего его стѣсняться, такъ ему и надо!... Наставьте ему...—и она произнесла дерзкое, грубое слово. Она была внѣ себя или, вѣрнѣе, сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ, разнузданной, вульгарной, рѣзкой, съ простонародными выраженіями и жестами.

Все нехорошее ея натуры поднялось въ ней. Да, она покажетъ себя, если ее отталкиваютъ, топчуть въ грязь, разбиваютъ ея сердце!

Чтобы взять его, этого Роберта, до жены котораго добираются его друзья, ей стоитъ только поднять палецъ, моргнуть глазомъ. Ну, такъ она возьметъ его, уведетъ его на цѣпочкѣ, какъ собаченку. Тогда каждому, какъ и ей, достанутся на долю страданія, только онъ, Рене, будетъ счастливъ, онъ, виновникъ всего, займетъ мѣсто хозяина. По крайней мѣрѣ, она, Нора, хоть къ чему - нибудь пригодилась ему.

— А теперь прощайте!

Она ушла, волоча но узной дорожкѣ свой длинный бѣлый шлейфъ, зацѣпляя имъ за колючки кустовъ, оставивъ Рене пораженнымъ, испуганнымъ тѣмъ, что онъ только что слышалъ.

VIII.

Когда Рене, взволнованный еще этою сценой, вошелъ въ домъ, онъ встрѣтилъ Роберта Леконтъ.

— Ты видѣлъ Нору? Ты знаешь, что она уѣзжаетъ? — спросилъ Робертъ, смотря на него въ упоръ.

— А, она уѣзжаетъ! — произнесъ равнодушнымъ тономъ Рене, къ которому возвратилось его хладнокровіе.

— Да, она уѣзжаетъ! Ее вызываютъ въ Парижъ, она крикнула мнѣ это сейчасъ на ходу, безъ всякихъ объясненій, съ злымъ лицомъ. Это странно.

— Очень естественно, напротивъ. Несмотря на ваше любезное гостепрѣимство, надо, однако, вспомнить, что пора и по домамъ. Я также уѣзжаю, и какъ разъ хотѣлъ объявить тебѣ это.

— А!... Ты... тоже?... — пробормоталъ Робертъ, подозрительно взглядывая на него.

— Да, еще нѣсколько дней тому назадъ мнѣ слѣдовало бы уѣхать. Мнѣ предлагали командировку въ Африку. Ты знаешь, я неутомимый путешественникъ, и вотъ уже почти два года какъ отдыхаю. Со мной тоска по чужимъ краямъ.

— И это заставляетъ тебя такъ скоро покинуть насъ, только это?

— Только это! А ты что бы думалъ?

— Я думалъ... тьфу пропасть! Отчего бы не сказать тебѣ прямо? Я думалъ... помирились.

— Помирился... съ кѣмъ? — проговорилъ Рене, искренно удивленный.

— Да... съ... съ Норой!

— Робертъ!

— Да! Я не могъ не замѣтить, что вы были въ ссорѣ. До меня дошли нѣкоторыя діеппскія исторіи, прежнія... А послѣ ссоры миръ, не правда ли? Она уѣзжаетъ, ты уѣзжаешь... оба такъ внезапно, не предупредивши, безъ серьезныхъ мотивовъ. Договоръ подписанъ, это не подлежитъ сомнѣнію!

— Бѣдный Робертъ, — прошепталъ Рене, — мнѣ жаль тебя! Ты не вѣришь крику души, вырвавшемуся признанію искренняго сердца и принимаешь свои бредни за истину. Ревнуешь Нору? И ко мнѣ?

— Ну, да, да!

— Послушай, дай ей уѣхать, если у нея есть такое доброе намѣреніе, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь, дай ей уѣхать!

— Нѣтъ!—рѣшительно произнесъ Робертъ.

Рене Сорель ничего не отвѣтилъ сначала, наконецъ, спросилъ грустнымъ голомъ:

— Обратилъ ли ты вниманіе на твою жену сегодня за столомъ, Робертъ? Неужели ты не видишь?

— Ради Бога! Ты опять хочешь мнѣ напѣвать хвалебный гимнъ. Ну, такъ, милый другъ, во - первыхъ, это скучно, во - вторыхъ, и бесполезно, такъ ты это и знай. На самомъ дѣлѣ, я обожаю мою жену!

— А Нора?

— О, Нора... Это другое дѣло: я безъ ума отъ нея. Моя жена принадлежитъ мнѣ. А Нора... Понимаешь ты, я безъ ума отъ нея, понимаешь? Это пройдетъ, это увлеченіе, но такъ это кончиться не можетъ.

— Ты дѣйствительно безумецъ!... Несчастный, если бы ты захотѣлъ повѣрить, если бы ты зналъ!...

Онъ готовъ былъ все рассказать, но удержался. Бъ чему это признаніе? Робертъ былъ положительно невмѣняемъ.

Рене чувствовалъ, какъ въ душѣ его поднималось раздраженіе противъ друга; онъ пришелъ, рѣшившись даже на то, что считалъ подлостью,—рѣшившись рассказать все происшедшее между Норой и имъ, употребить это крайнее средство противъ безразсудной страсти Роберта. Если бы Рене встрѣтилъ его насмѣхающимся, увлеченнымъ, легкомысленнымъ, онъ совершилъ бы эту подлость. Разсужденія Роберта взорвали его; это сравненіе между предполагаемымъ обожаніемъ жены и минутнымъ увлеченіемъ любовницей, между спокойнымъ обладаніемъ и страстнымъ желаніемъ, вызывающее мысль о параллели между Дорисъ и Норой, оскорбило и возмутило его до отвращенія. Какъ! въ этомъ сердцѣ, которое онъ считалъ честнымъ и порядочнымъ, не было ничего!

— Ну, пойдемъ, менторъ, если ты ничего больше не можешь возразить, идемъ обѣдать, но ты останешься, надѣюсь?—воскликнулъ хозяинъ послѣ минутнаго молчанія.

Рене машинально послѣдовалъ за нимъ, ничего не отвѣтивъ. Дорисъ была уже въ залѣ со всѣми гостями. За обѣдомъ Нора, которой никто, кромѣ Роберта и Рене, не видѣлъ со вчерашняго вечера, появилась во всемъ блескѣ. Убыбающая, свѣжая, бодрая, она во весь обѣдъ была замѣчательно мила, внимательна и предупредительна съ Дорисъ, весела и игрива съ мужчинами. Утренняя буря пронеслась, повидимому, въ ея сердцѣ, какъ дуновеніе вѣтра въ скалахъ,—на ея лицѣ, по крайней мѣрѣ, не осталось слѣдовъ.

За десертомъ она подняла свой бокалъ:

— До увиданья, господа, какъ говорятъ крестьяне! Такъ какъ, увы, мы растаемся!

Послѣдовали восклицанія, выраженія удивленія, протесты.

— Разставаться? Какъ! Вы уѣзжаете?

— Ты покидаешь насъ?—спросила Дорись, и сердце ея радостно забилось.

— Да, я покидаю васъ, дорогая моя, такъ надо.

— Почему?

— Причина самая простая. Недѣлю тому назадъ я получила письмо, настоятельно требующее моего возвращенія. Я не говорила объ этомъ, желая дать пройти твоему вечеру; я знала,—прибавила она съ удареніемъ, медленно обводя взглядомъ гостей,—что обо мнѣ, можетъ быть, будутъ сожалѣть здѣсь, и я не хотѣла настраивать слишкомъ элегически этихъ господъ. Только ты, Дорись, можешь сердиться на меня за мое молчаніе. Я сознаю свою вину, прости меня. За здоровье дорогихъ хозяевъ, господа!—закончила она этотъ разговоръ.

Когда вставали изъ-за стола, Робертъ, проходя мимо Норы, быстро спросилъ ее:

— Въ которомъ часу вы ѣдете?

— Завтра, съ десятичасовымъ поѣздомъ.

— Запрягутъ въ восемь; я отвезу васъ.

Она взглянула на него, закинувъ голову немного назадъ и съ презрительною улыбкой.

— Совершенно лишнее, благодарю васъ!... Оставайтесь съ Дорись, оставайтесь съ вашею женой. Мосье де-Понтенакъ будетъ такъ любезенъ, проводить меня на станцію.

Это было сказано очень громко. Раздались голоса: «Всѣ, всѣ!» Сіяющій виконтъ приблизился, Нора взяла его подъ руку. Злоба сверкнула во взглядѣ Роберта, котораго чуть не вывела изъ себя торжествующая фізіономія Понтенака.

— Да, господа,—закончила Нора, увидѣвъ, что вокругъ нея образовался обычный кругъ,—завтра въ десять часовъ я уѣзжаю въ Парижъ, гдѣ проведу всю зиму. А теперь,—прибавила она, окинувъ однимъ взглядомъ Роберта, Рене и Дорись,—а теперь, кто любитъ меня, пусть слѣдуетъ за мной!

IX.

Если было произнесено мало словъ во время конца обѣда, то взгляды сказали многое. Когда Дорись, утомленная продолжав-

шеюся весь вечер натянутостью, ушла, наконецъ, въ свою комнату, куда не пришелъ Робертъ, какъ обыкновенно, какъ наканунѣ еще, она долго просидѣла, погруженная въ глубокія размышленія.

Въ сосѣдней комнатѣ, дверь которой, теперь запертая, оставалась, обыкновенно, отворенной, она долго слышала шаги Роберта. Наконецъ, ей показалось, что ея мужъ спускается съ лѣстницы; она машинально подошла къ окну; черезъ минуту она увидѣла, какъ онъ прошелъ по двору по направленію къ конюшнѣ, гдѣ видѣлся свѣтъ, поговорилъ немного съ вучеромъ, вышедшимъ на его зовъ и стоявшимъ на порогѣ съ фонаремъ въ рукѣ. Послѣ этого Робертъ вернулся; слабый свѣтъ, проникавшій изъ-подъ двери, потухъ черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого.

Въ первый разъ въ продолженіе шести лѣтъ Дорисъ не слышала ласковаго голоса Роберта, желающаго ей покойной ночи. Она находилась въ такомъ нервномъ состояніи, что передъ ней съ поразительною ясностью вставали всѣ событія послѣднихъ двухъ дней. Фигура Норы стояла передъ ней, какъ живая; какъ живой, былъ и Робертъ; взгляды, улыбки, каждое слово, которымъ обмѣнивались ея мужъ и ея подруга, принимали теперь подозрительный смыслъ; сомнѣніе, разъ закравшись въ душу, съ ужасающею быстротою производило свое разрушительное дѣйствіе; она чувствовала, какъ узлы, привязывавшія къ ней Роберта, медленно разрываются одна за другой. Ея слѣпая вѣра въ Нору, очарованіе, испытанное ею самою, причинили все это зло. Дорисъ видѣла теперь недостатокъ, черное пятно въ душѣ Норы, которую считала равной себѣ, даже выше себя. Она припоминала тысячу фактовъ, незначительныхъ на видъ, которые давнымъ-давно должны были бы дать ей почувствовать медленно разрушающее вліяніе Норы, открыть ея завистливую ненависть, такъ неожиданно, почти безстыдно разоблачившуюся. Фраза: «кто любить меня, пусть послѣдуетъ за мной!» казалась ей со стороны Норы вызовомъ, хвастовствомъ. Бѣдная женщина была почти убѣждена, что Робертъ теперь потерялъ для нея, что онъ уѣдетъ съ Норой, заколдованный навсегда чарами этой женщины.

Но неужели душа Дорисъ, полуюбѣжденная въ низости Норы, въ неизбежной измѣнѣ Роберта, такъ слаба, такъ робка, что покорится молча?

Почему не позвала она на помощь противъ Норы все негодованіе своей оскорбленной чести, своей обманутой вѣры? Почему въ особенности не отворить она въ эту минуту двери, отдѣляющей ее отъ Роберта? Почему не потребуетъ она у мужа рѣшительнаго объ-

ясненія, не выскажетъ ему своего страха, своего гнѣва, своихъ мукъ, не осыплетъ его упреками, не попытается возвратить его себѣ? Потому что въ то время все ступшевывалось, всякое соображеніе исчезало передъ однимъ фактомъ, — мыслью, что мужъ не любить ее или хотя любить, но не такъ, какъ любилъ съ первой минуты, — горячо, безраздѣльно.

Если онъ уже не такъ любить ее, то какое ей дѣло до того, что будутъ говорить?

Нора можетъ торжествовать, Робертъ можетъ уѣзжать; слишкомъ гордая, чтобы пытаться удержать его, слишкомъ нѣжная, чтобы довольствоваться отнынѣ притворною любовью, она предпочитала разрывъ, скандалъ какой бы то ни было недостойной сдѣлкѣ. Минутами, среди этихъ мучительныхъ размышленій, почти потухшее пламя надежды вспыхивало въ самой глубинѣ ея души. Что, если она ошиблась? Если ея воображеніе, внезапно и слишкомъ сильно возбужденное, унесло ее дальше дѣйствительности, если этотъ страхъ потерять любовь ничто иное, какъ ужасный кошмаръ?

Она заснула, наконецъ, тяжелымъ и тревожнымъ сномъ среди такой борьбы мыслей; съ первыми лучами солнца она была уже на ногахъ.

Было шесть часовъ; длинная розовая полоса окрасила на востогѣ вершины горъ; утренній вѣтерокъ освѣжилъ воспаленныя вѣки Дорисъ.

Когда черезъ полчаса она сошла въ залу, въ замкѣ началось уже движеніе. Ни одинъ изъ гостей не забылъ, что Нора уѣзжаетъ въ восемь часовъ: всѣ хотѣли быть налицо, чтобы составить ея свиту. Всѣ, всѣ, какъ кричали они наканунѣ, желали ѣхать провожать ее на станцію.

Не понимая сдержанности Норы, только раздражившей его желаніе, показавъ ему въ Понтенакѣ возможнаго соперника, Робертъ отдалъ приказаніе приготовить охотничій шарабанъ. Такъ какъ всѣ оспариваютъ другъ у друга честь проводить Нору, то пусть же всѣ и ѣдутъ. Онъ же найдетъ случай уединиться съ нею, узнать, наконецъ, какихъ результатовъ долженъ онъ ждать отъ искусно рассчитаннаго кокетства Норы, которое онъ смутно начиналъ теперь понимать.

Когда Робертъ осматривалъ поданный экипажъ, около него раздавался смѣшливый голосъ молодой женщины.

— И такъ, вы, все-таки, ѣдете?

Робертъ обинулъ ее немного раздраженнымъ взглядомъ: она стояла передъ нимъ въ шляпѣ и драповой кофточкѣ, спокойная,

улыбающаяся, совсѣмъ не похожая на самой себя, какъ показалось ему, когда онъ вспомнилъ надменный видъ, съ какимъ смотрѣла она на него наканунѣ, когда онъ предложилъ ей свои услуги.

— Буду ли я?—повторилъ онъ.—Неужели вы сомнѣвались? Не сказали вы развѣ: «кто любитъ меня, пусть слѣдуетъ за мной»?

Нора сдѣлалась серьезна.

— Берегитесь, мой милѣйшій, это слово можетъ васъ далеко завести!

— Ну, что же?—отвѣтилъ онъ съ жаромъ.—И пойду!

Нора посмотрѣла ему прямо въ лицо съ довольнымъ, но, все-таки, немного насмѣшливымъ выраженіемъ.

— До края пропасти, не правда ли?

— Да, до края!

— Вы хорошо сказали это! Я довольна.

И, свергнувъ глазами, она ударила его слегка по рукѣ и направилась въ залу.

Прощанье было не долгое. Когда настало время, Нора сама подала знакъ, бросилась, какъ безумная, на шею Дорисъ, расцѣловала ее такъ, что та не успѣла опомниться, и быстро направилась къ экипажу, объявивъ, что она сама желаетъ править.

Робертъ сѣлъ рядомъ съ ней; Понтенакъ, Фрилу и вся остальная свита размѣстились на скамейкахъ. Громкій взрывъ смѣха вырвался изъ груди Норы, ожидавшей съ поднятымъ хлыстомъ, чтобы всѣ сѣли.

— Это прелестно! Прощай, Дорисъ!—крикнула она.—Ты видишь, дорогая моя, я увожу всѣхъ моихъ обожателей, всѣхъ!

Она ударила вожжами, лошади подхватили и экипажъ, весело гремя по шоссе, скрылся въ облакъ пыли.

Х.

Еще разъ при этомъ отъѣздѣ въ душѣ Дорисъ пронеслась, точно стрѣла, та же мысль:

— Все кончено! Онъ погибъ для меня!

Она вошла въ домъ, изнемогая отъ острой боли, и поднялась въ свою комнату.

Отъ Сузы до станціи было два часа ѣзды; никто, значить, не могъ вернуться къ завтраку. Изъ всѣхъ гостей въ замкѣ остался одинъ Рене Сорель; онъ не пришелъ проститься съ Норой, и никто не замѣтилъ его отсутствія.

Онъ также собирался уѣзжать; и, по мѣрѣ того, какъ прибли-

гался назначенный имъ часъ отступленія, онъ дѣлался безпокой-
ге, воля его слабѣла; понявъ планъ Норы, видя, какъ искусно она
мѣдетъ собой, и съ какою безсердечною настойчивостью намѣре-
ается его выполнить, онъ упрекалъ себя за то, что не рассказалъ
исего наканунѣ. Онъ этимъ, можетъ быть, избавилъ бы Дорисъ
отъ самаго жестокаго страданія — и не сдѣлалъ этого. Той тихой
магоговѣйной любви, которую онъ чувствовалъ къ Дорисъ, въ
которой признался Роберту просто, честно, онъ не ощущалъ боль-
ше; ему слѣдовало бы повторить свое признаніе; но эгоизмъ бралъ
верхъ помимо его воли. Къ прежней искренности, принятой мужемъ
за притворство, онъ чувствовалъ себя уже неспособнымъ.

Мучительное волненіе овладѣвало имъ. Порочныя наклонности,
надъ которыми онъ чувствовалъ себя все менѣе и менѣе способ-
нымъ восторжествовать, давили его мозгъ. Ему казалось необхо-
димымъ, неизбѣжнымъ сказать Дорисъ: «я люблю васъ», какъ онъ
сказалъ Роберту: «я люблю твою жену». Это совершенно безумное
желаніе казалось ему необыкновенно разумнымъ и необходимымъ
для его спокойствія: ему необходимо было слышать возмущенныя
или презрительныя слова, чувствовать себя затоптаннымъ въ
грязь, раздавленнымъ, чтобы съ нимъ поступили такъ, какъ онъ
поступилъ съ Норой. Будущее?—онъ не дорожилъ имъ. Робертъ?—
онъ не думалъ больше о немъ. Старый другъ, котораго онъ любилъ,
поддерживалъ, надѣлялъ совѣтами, лишился всякой его симпатіи,
всякаго уваженія съ тѣхъ поръ, какъ онъ увидѣлъ его работою
негодной Норы. Мысленно онъ навсегда разлучалъ его съ Дорисъ.

Вотъ до чего онъ додумался, судя себя строже, суровѣе, чѣмъ
судилъ другихъ, сознавая свое внезапное паденіе, низость сво-
ихъ стремленій, и, тѣмъ не менѣе, неудержимо влекомый склон-
ностью къ пороку. Рене, съ душою нѣкогда чистой и непоколеби-
мой, удивлялся, чувствуя себя вдругъ такимъ порочнымъ, вне-
запно рѣшившимся на самую низкую измѣну, на самую возму-
тельную безсовѣстность; онъ съ ужасомъ признавался самому
себѣ, что если заговорить съ Дорисъ, такъ глубоко пораженной
въ эту минуту въ своей вѣрѣ, въ своемъ уваженіи, первое его
слово будетъ оскорбленіемъ этого страданія.

Рене рѣшилъ противоудѣствовать этому ужасному состоя-
нію, объясняющемуся, безъ сомнѣнія, болѣзненнымъ настроеніемъ,
рѣшилъ забрать себя опять въ руки и съ высоко поднятою го-
ловой погнунуть этотъ гостепріимный домъ; зная, что Дорисъ од-
на, онъ извинился, что не можетъ придти завтракать, и остался
въ своей комнатѣ. Онъ рѣшилъ уѣхать на слѣдующій день и, при-

нявъ во вниманіе свое настроеніе, хотѣлъ встрѣтиться съ неко-
только за обѣдомъ, когда возвратившіеся гости отгонять искуша-
ющихъ его демоновъ.

Въ четыре часа лихорадочное возбужденіе стряхнуло съ него
оцѣпенѣніе, навѣянное страшною тишиною, царствующею въ зам-
кѣ, и, предполагая, что Дорисъ уже нѣтъ въ залѣ, онъ спустился
и вышелъ въ садъ. Черезъ нѣсколько минутъ его догналъ лакей и
доложилъ, что его ожидаетъ г-жа Леконтъ.

Дорисъ дѣйствительно видѣла его изъ окна и по своей замѣ-
чательной добротѣ упрекнула себя за то, что такъ небрежно от-
неслась къ своимъ обязанностямъ хозяйки; предположивъ, что
Рене отъ скуки пошелъ въ садъ, не найдя ее въ залѣ, она поспѣ-
шила сойти и послать ему сказать, что она ждетъ его.

Онъ пришелъ съ сильно бьющимся сердцемъ, но съ спокойнымъ
лицомъ, что стоило ему большого усилія воли. Дорисъ протянула
ему руку.

— Вы вправѣ сердиться на меня, — сказала она съ улыбкой, —
съ этими хозяйскими хлопотами я еще не видѣла васъ. А вы были
нездоровы?

— Нисколько.

— Почему же, въ такомъ случаѣ, вы не приходили завтракать?

Онъ придумывалъ отвѣтъ, не желая лгать и не желая говорить
всего. Она деликатно не настаивала.

— Я думаю, что наши путешественники не вернуться ранѣе
обѣда. Хотите, пройдемте въ деревню? Сегодня день, когда я навѣ-
щаю моихъ бѣдныхъ.

Онъ поклонился, обрадованный возможностью избѣжать бесѣды
съ глазу на глазъ. Дорисъ взяла его подъ руку и они вмѣстѣ спу-
стились по крутому спуску, идущему до первыхъ домовъ деревни.
На чистомъ воздухѣ все измѣнилось; умъ Рене успокоился на ми-
нуту. Онъ заговорилъ съ Дорисъ, попржнему, безъ раздраженія,
прискивая для нея изъ своихъ путевыхъ воспоминаній то, что
могло ее заинтересовать; когда они дошли до деревни, онъ съ тро-
гательною простотою принялъ участіе въ ея добромъ дѣлѣ, разпра-
шивая тѣхъ, кому она оказывала помощь, объ ихъ положеніи, ихъ
нуждахъ и надеждахъ, счастливый, что можетъ раздѣлить съ нею
этотъ трудъ.

Темнѣло, когда они вернулись въ замокъ; немного утомлен-
ная, Дорисъ сѣла въ маленькой гостиной рядомъ съ залой; груди
ея высоко поднималась отъ ускореннаго дыханія; послѣ минутнаго
колебанія онъ занялъ мѣсто недалеко отъ нея. Долго просидѣли они

такъ молча, подѣ влияніемъ вечернихъ сумерокъ, видя, какъ разрастаются, по мѣрѣ того какъ сгущается мракъ, страшные призраки, рожденные ихъ фантазіей: она—думая о Робертѣ, безъ сомнѣнія, далеко находящемся теперь, онъ—волнуясь ея близостью, угадывая, что она волнуется, беспокоится, возмущается, можетъ быть, противъ судьбы.

Красноватый отблескъ заходящаго солнца потухалъ въ деревьяхъ.

— Мадамъ Лекомтъ,—спросилъ Рене, внезапно прерывая неловкое молчаніе,—въ которомъ же часу вернется Робертъ?

— Въ которомъ часу! О!... онъ вернется... да... онъ вернется, я думаю,—отвѣтила она, возражая скорѣе на свое тайное безпокойство, чѣмъ на вопросъ Рене.

Голосъ ея былъ глубоко взволнованъ. Послѣдовало опять молчаніе, послѣ котораго онъ продолжалъ:

— Завтра онъ не покинетъ васъ больше. Ваши гости разѣдутся. Вы останетесь здѣсь одни, одни проведете эти послѣдніе прекрасные дни, предоставленные самимъ себѣ, счастливые!

Глаза Дорисъ блеснули и она безсознательно воскликнула:

— Вы надѣетесь на это? Скажите искренно: надѣетесь вы?

Какъ и Рене, Дорисъ терзалась желаніемъ высказать мучительныя думы, не дававшія ей покою; помимо ея воли, хотя она напрягала всѣ свои силы, ея страхъ долженъ былъ обнаружиться.

Во всѣхъ этихъ вопросахъ, во всѣхъ этихъ незначущихъ отвѣтахъ скрывался ужасный смыслъ; Дорисъ понимала это такъ же хорошо, какъ и Рене. Они вѣрили другъ другу и не разъ говорили откровенно: она—о своихъ радостяхъ, надеждахъ, онъ—о своей полнотѣ судьбъ, объ одиночествѣ; у Роберта не было болѣе преданнаго друга; она не знала человѣка, внушающаго ей больше уваженія. Онъ сдѣлалъ движеніе, точно хотѣлъ протестовать, успокоить ее.

— Вы давали Роберту всегда разумные совѣты,—сказала она, подталкиваемая желаніемъ высказаться, котораго рѣшительно не въ силахъ была преодолѣть,—послушалъ онъ васъ?

— Какъ? вы знаете?...

Одно имя, произнесенное шепотомъ, было отвѣтомъ Дорисъ:

— Нора!

Она замолчала, взволнованная, опустивъ свои длинныя рѣсницы.

— Вы боитесь ея?

Съ судорожно сжатымъ горломъ, она наклонила голову.

— Я не знала ея, не понимала, а теперь... къ чему скрывать?

да, теперь я боюсь. Если я нанесу этимъ оскорбленіе Роберту, я буду у него просить прощенія... Если же онъ недостоинъ больше меня, ну, тогда!...

— Если онъ недостоинъ васъ?

— Я буду жалѣть его. Но настанетъ день, когда его будетъ мучить раскаяніе такъ же сильно, какъ меня мое горе.

— Увы!... И такъ,—продолжалъ Рене, внезапно воодушевляясь,—если онъ окажется недостойнымъ васъ—о, я не хочу этому вѣрить!—если онъ окажется недостойнымъ васъ, онъ возьметъ все ваше сердце, всю душу, всю вашу молодость и эти сокровища будутъ вѣчно принадлежать ему и ничто не оторветъ васъ отъ него...

— Чтобы оторвать меня отъ него, другъ мой, надо оторвать меня отъ самой себя.

— И вы навсегда запретите вашему мозгу думать, вашему сердцу биться?

— Вы ли говорите мнѣ это? Какой смыслъ должна я придать вашимъ словамъ? Неужели вы думаете, что, разъ отдавшись, можно взять себя назадъ? Я не понимаю этого. Робертъ можетъ перестать заслуживать мое уваженіе, потеря его любви заставитьъ страдать мою гордость; но я не перестану его любить. У меня передъ нимъ то преимущество, что я жалѣла его, когда онъ пренебрегалъ мною, что я могла открыть ему всѣ мои мысли, тогда какъ ему приходится краснѣть отъ того, что онъ позволилъ мнѣ прочесть одну свою мысль.

— О, какая божественная у васъ душа! Да, вы правы. Можно любить только одинъ разъ, когда дѣйствительно любишь, когда не профанируешь слова любовь, когда не дѣлаешь изъ него фальшиваго этикета для какой-нибудь вульгарной или низкой страсти! Такую любовь можно объявлять, какъ объявляете вы, можно исповѣдывать какъ религію, благоговѣнно преклоняться передъ ней. Такъ любите вы, и такую же любовью горжусь и я! И я тоже испытываю наслажденіе признаться, покаяться, чувствуя себя недостойнымъ, сознавая свою вину и надѣясь на прощеніе. Любите же Роберта, любите его, даже преступнаго, а также... простите меня.

Дорисъ смотрѣла на него въ оцѣпенѣніи; передъ ней точно неожиданно рушилось все, что она находила до сихъ поръ въ немъ хорошаго, честнаго, разумнаго. Опустившись передъ ней на колѣни, Рене ждалъ, испуганный тѣмъ, что онъ сказалъ. Это неожиданное признаніе съ мольбой о прощеніи поразило ее сначала, оскорбило; потомъ она почувствовала состраданіе къ его безразсудству.

— Я буду сожалѣть о вашемъ безразсудствѣ такъ же, какъ о слабости Роберта. Встаньте, забудемъ это. Какъ я буду жалѣть Ро-

берта, какъ я буду любить его даже виновнаго, согласно вашему желанію, я сожалѣю и прощаю васъ.

Произнеся эти слова, она громко вскрикнула. Дорись увидѣла Роберта, стоящаго въ дверяхъ гостиной. Онъ приблизился въ ту минуту, когда Рене поднимался съ колѣнъ, и схватилъ его за руку.

— Идемъ, — крикнулъ онъ, увлекая его въ сосѣднюю комнату, — идемъ!

Лакей внесъ зажженные лампы, зала освѣтилась; оттуда доносились голоса. Пораженная неожиданнымъ появленіемъ мужа, объясненіемъ, которое онъ можетъ дать этой сценѣ, грознымъ выраженіемъ, съ какимъ онъ позвалъ Рене, Дорись стояла неподвижно, задыхаясь, ожидая чего-то ужаснаго.

Оставшись вдвоемъ съ Робертомъ, Рене проговорилъ:

— Я виноватъ!... Я негодяй!... Ты въ правѣ...

Робертъ опять схватилъ его за руку.

— Виноватый... негодяй... безумецъ не одинъ ты, слышишь? Я былъ тутъ... Услышавъ твой голосъ, я остановился. Поэтому не объясняй ничего. Я знаю все. Я знаю, что Дорись лучшая изъ женщинъ, самая святая, самая прекрасная!... Ты!... Да, ты оскорбилъ меня... Но, вѣдь, ты говорилъ мнѣ, что любишь ее... Откровенность умилительная до глупости... я не повѣрилъ ей. Не отвѣчай мнѣ... Слушай: что сказано, то сказано. Это несчастіе для нашей дружбы, все это... но есть еще другое дѣло: завтра утромъ я дерусь съ Понтенакомъ.

— Нора, опять?

— Да, но не такъ, какъ ты думаешь. Не за нее, Боже меня упаси! Она передала ему клевету на твой счетъ. Имя Дорись было произнесено этою негодницей... имя Дорись, — слышишь ли? — связанное съ твоимъ, съ усмѣшкой по моему адресу... какіе-то оскорбительные, грязные намеки... Тогда Понтенакъ засмѣялся, а я... не могъ же я ударить Нору?... я далъ пощечину Понтенаку. Мы деремся завтра, въ шесть часовъ, въ дубовой роцѣ. Вигонтъ отправился ночевать въ гостиницу. Я разсчитываю на тебя.

— Мой бѣдный Робертъ! Какое безуміе! Сколько униженія! Когда я подумаю: ты, я, эта Нора! Ахъ, какъ мы всѣ жалки!

— Нечего тутъ разсуждать. Да и что толку! Пойдемъ, насъ ждутъ и я хочу успокоить Дорись. Что касается Норы, ты понялъ, что все кончено. Да оно даже и не начиналось. Она поиграла со мной, какъ кошка съ мышкой; къ счастью, она не задѣла моего сердца, какъ ты знаешь, такъ что, охлажденный этою исторіей съ Понтенакомъ, я возвращаюсь невредимый, абсолютно невредимый.

Вечеромъ, оставшись съ Дорисъ въ ея комнатѣ, Робертъ нѣжно обнялъ ее.

— Ты знаешь теперь все, дорогая моя, ты успокоилась, да? Я, все-таки, думаю, что ты сомнѣвалась во мнѣ...

— Я люблю тебя!

— А если бы кто-нибудь убѣдилъ тебя, что я обманываю тебя, поклялся тебѣ, доказалъ...

— Я люблю тебя!

— Ахъ, какъ приятно испытать такой страхъ, не правда ли?

Онъ смотрѣлъ на нее съ чувствомъ глубокой радости, довольный собою, своею возвращенною свободой и любовью, волнуясь немного за завтрашній день; но онъ благословлялъ это волненіе, такъ какъ оно позволяло ему лучше чувствовать прелесть этой уютной комнаты, радость возвращенія.

.....

На слѣдующій день, къ вечеру, Рене, отправившійся пѣшкомъ съ часъ назадъ, остановился на минуту отдохнуть на холмѣ, возвышающемся надъ прудомъ Сузы. Вдали виднѣлся замокъ, облитый розовыми лучами заката; мысли Рене перелетѣли въ этотъ домъ, гдѣ въ такое короткое время онъ совершилъ столько ошибокъ, пережилъ столько страданій. Онъ представлялъ себѣ Роберта, Нору, самого себя и безжалостно осуждалъ себя, какъ осуждалъ и другихъ; одна фигура выдѣлялась передъ нимъ безусловно-чистою, фигура Дорисъ, которой онъ не долженъ былъ больше видѣть, образъ которой онъ унесетъ съ собою въ африканскія степи, какъ вѣчный упрекъ и какъ идеалъ добра, любви и прощенія.

Придя на станцію, Рене холодно отвѣтилъ на поклонъ де-Понтенака, явившагося съ перевязанною рукой и переносящаго съ довольно веселымъ видомъ ударъ, которымъ поцарапалъ его утромъ Робертъ. Рене видѣлъ, какъ онъ сѣлъ въ купе, въ глубинѣ котораго ему показалась золотистая головка въ темной шляпѣ, затѣмъ онъ перешелъ черезъ полотно желѣзной дороги, чтобы сѣсть въ поѣздъ, идущій въ Ниццу, скрещивающійся съ парижскимъ.

Зябкій Кроликъ, съ опущеннымъ носомъ, сложенными руками, еще низко раскланивался, окаменѣвъ въ своей почтительной позѣ, когда вагонъ, въ которомъ расположились виконтъ и Нора, уже проѣхалъ сторожевую будку.

Гіацинтъ Бертье и Гекторъ Турналь, стоя на тротуарѣ сзади него, съ растеряннымъ видомъ смотрѣли другъ на друга.

СЛЕЗЫ ЦАРИЦЫ.

(Легенда).

I.

Старый Узунъ-Ханъ заскучалъ. Не утѣшали его больше ни зеленые сады, окружавшіе дворецъ, ни журчавшіе фонтаны, ни побѣды его войска, ни первый ханскій совѣтникъ Джучи-Катѣмъ, котораго старый ханъ называлъ «лучшимъ изъ двухъ моихъ глазъ», ни сказки хитрой ханской смотрительницы садовъ Алтынъ-Тюлгю («золотая лисица»), ни, наконецъ, ученые разсужденія и стихи придворнаго поэта и ученаго Уучи-Бушъ («горсть его пуста»). Цвѣтуцій Зеленый Городъ, въ которомъ были собраны сокровища десяти разоренныхъ Узунъ-Ханомъ сосѣднихъ государствъ, затихъ въ ожиданіи, чѣмъ разрѣшится тоска хана: можетъ быть, будетъ объявлена новая война, или начнутся казни томившихся по клоповникамъ враговъ, или ханъ развеселится и задастъ одинъ изъ тѣхъ пировъ, на которыхъ веселились десятки тысячъ народа. Но въ ханскомъ дворцѣ было тихо, какъ въ могилѣ; а старый Узунъ-Ханъ, качая своею дряхлою, трясущеюся головою, говорилъ Алтынъ-Тюлгю:

— Алтынъ-Тюлгю, не повѣситъ-ли мнѣ тебя для развлеченія, а чтобы тебѣ одной не скучно было висѣть, не вздернуть ли рядомъ съ тобою самаго ученаго человѣка въ свѣтѣ, Уучи-Бушъ?

— Солнце не будетъ свѣтлѣе, если погаситъ двѣ жалгихъ, чающихъ плашки, — отвѣчала хитрая Алтынъ-Тюлгю. — А ханское сердце, какъ море безъ береговъ: въ немъ утонетъ каждый, кто осмѣлится заглянуть на дно...

Голова у стараго Узунъ-Хана тряслась уже давно, а лицо было страшно-желтое, сморщенное, съ беззубымъ ртомъ, отвисшею нижнею челюстью и мутными слезившимися глазами. Это внѣшнее безобразіе скрывалось подъ дорогимъ шелкомъ, рѣдкими мѣхами, золо-

томъ и драгоценными камнями, такъ что подданные хана, которъ видѣли его издали, считали его, попрежнему, самымъ могучимъ и сильнымъ и мудрымъ изъ земныхъ царей. Дѣти тоже не видѣли блго стараго хана, а у него семья была порядочная: сто сыновей и двѣсти дочерей. Одни приближенные знали, что такое Узунъ-Ханъ когда-то знаменитый завоеватель, залившій кровью цѣлыя государства, разрушившій десятки цвѣтущихъ городовъ и обезлюдившій многія сосѣднія области.

Одна надежда оставалась у Алтынъ-Тюлгю, которая до сих поръ не обманывала ее: скучавшій Узунъ-Ханъ обыкновенно ко чаль тѣмъ, что утѣшался въ своихъ придворныхъ садахъ, въ которыхъ собраны были красавицы со всего Востока. Одинъ садъ назывался Летафеть-Намехъ (книга прелести), а другой — Баги-Дгишть (ханское небо). Много было собрано въ этихъ садахъ ханскихъ женъ, наложницъ и просто «аячекъ» (женская прислуга ждавшихъ по цѣлымъ годамъ, на которую изъ нихъ падеть ласковый ханскій взглядъ, — такъ цвѣты ждуть ночной росы и сохнутъ если небо затворится, какъ затворилось старое ханское сердце. В ханское сердце было шире моря и отъ его взгляда не ускользала ни одна красивая женщина въ цѣломъ государствѣ, а первый ханскій совѣтникъ Джучи-Катэмъ особенно былъ почтенъ за свои услуги Узунъ-Ханомъ: повелитель отнял у него мать, жену и дочь. Джучи-Катэмъ принялъ эти милости хана съ веселымъ лицомъ и кланяясь въ землю, повторялъ:

— Одно солнце на небѣ, одинъ Узунъ-Ханъ на землѣ и одна голова у ничтожнаго Джучи-Катэма, которая думаетъ только об одномъ, какъ угодить солнцу міра...

— О, Джучи-Катэмъ, лучший изъ двухъ моихъ глазъ, чѣмъ могу наградить тебя достаточно?—спрашивалъ Узунъ-Ханъ, тряс своею сѣдою головой.—Одна у меня Алтынъ-Тюлгю, и когда у не во рту останется всего одинъ зубъ, я отдамъ ее тебѣ...

Джучи-Катэмъ и Алтынъ-Тюлгю ненавидѣли другъ друга, какъ собака и кошка, связанные хвостами вмѣстѣ, потому что никак не могли раздѣлить ханскую любовь пополамъ. Узунъ-Ханъ наслаждался ихъ ссорами и заставлялъ Уучи-Бушъ мирить ихъ, — великій ученый умѣлъ смотрѣть на все ханскими глазами и слушал ханскими ушами.

И такъ, Узунъ-Ханъ скучалъ... Безмолвно стояли ханскіе сады, какъ двѣ зеленыхъ могилы, напрасно слонялся по дворцу Уучи Бушъ, изобрѣтая новое развлеченіе для хана, а хитрая Алтынъ-Тюлгю все думала и думала, и мысли въ ея головѣ метались, какъ ле

туція мыши въ старой развалинѣ. Весь Зеленый Городъ не могъ придумать больше, чѣмъ хитрая старуха. Наконецъ, она придумала... О, какъ заиграло ея старое сердце, когда счастливая мысль была поймана, и самъ ученый Уучи-Бушъ, тайный ея совѣтникъ и повѣренный, сказалъ ей:

— Алтынъ-Тюлгю, всѣ ученые всего міра не стоятъ одной твоей пуговицы, и если бы я былъ ханомъ, то велѣлъ бы вызолотить тебя... И ханъ будетъ радъ твоей выдумкѣ, и Джучи-Катэмъ выпьетъ чашу испытаній до дна.

Никто въ Зеленомъ Городѣ не зналъ о выдумкѣ Алтынъ-Тюлгю, и только жемчужные фонтаны плакали и жаловались въ ночной тиши, когда тихо спалъ въ ханскихъ садахъ рой красавицъ, а соловей громко пѣлъ о любви, счастья и вѣчной радости. Алтынъ-Тюлгю каждый вечеръ являлась къ Узунъ-Хану и рассказывала ему свои сказки, пока обезсиленный старикъ не засыпалъ тревожнымъ старческимъ сномъ.

II.

Узунъ-Ханъ призываетъ къ себѣ рано утромъ вѣрнаго своего раба Джучи-Катэмъ и говоритъ ему:

— Лучшій изъ двухъ моихъ глазъ, я много думалъ всю эту ночь... Все мое государство спало мертвымъ сномъ, начиная отъ нищихъ, погонщиковъ ословъ, странствующихъ дервишей и кончая военною стражей, приставленной оберегать мой дворецъ, — да, всѣ спали, и только старый ханъ не спалъ. Онъ думалъ, что жить несправедливо, и пролилъ много напрасныхъ слезъ. Ханъ такой же человѣкъ, какъ и другіе, — у него не десять желудковъ, какъ у верблюда, не тысяча глазъ, какъ у дракона, и всего одно сердце. Не такъ ли, великій ученый Уучи-Бушъ?...

Великій ученый только закрылъ глаза отъ умиленія и приложилъ руки къ сердцу; а въ другой комнатѣ, спрятавшись за занавѣской, радовалась Алтынъ-Тюлгю. Конечно, Узунъ-Ханъ старъ, и ему тяжело носить свое собственное тѣло, но умъ у него все такой же острый, какъ и раньше, — самой Алтынъ-Тюлгю не сказать такъ, какъ скажетъ Узунъ-Ханъ.

— Справедливо ли, если одинъ человѣкъ возьметъ себѣ тысячу молодыхъ и красивыхъ женщинъ? — продолжалъ ханъ, тряся головой. — Онъ походить на того безумца, который, чтобы утолить жажду, не напьется досыта изъ одной рѣки, а бѣжить къ слѣдующей рѣкѣ съ новою жаждой и такъ далѣе, пока не падетъ въ изне-

моженіи. Нашъ придворный ученый Уучи-Бушъ, рискуя потерять свою мудрую голову, именно такъ и заявилъ: «это несправедливо». Онъ не побоялся даже ханскаго гнѣва и сказалъ прямо: «ты, Узунъ-Ханъ, старъ и тебѣ необходимо подумать о твоихъ заблужденіяхъ, чтобы исправиться хоть подъ конецъ жизни». Уучи-Бушъ сказалъ правду, и я награжу его по-царски за его смѣлость. Да, я былъ неправъ... И всего больше я былъ неправъ предъ тобой, Джучи-Батэмъ, лучший изъ двухъ моихъ глазъ, потому что обезчестилъ твою мать, отнялъ жену и опозорилъ дочь. Теперь я старъ и хочу исправиться... Взгляни на голубей, на лебедя, на соловья, на медвѣдя, на льва, какъ они живутъ? Самая кроткая птица, самая бѣлая птица и самая сладкозвучная птица живутъ парами, какъ велѣлъ имъ Богъ. Царь пустыни левъ тоже живетъ съ одною другою, потому что онъ долженъ служить всѣмъ другимъ звѣрямъ примѣромъ. Я хочу сдѣлать тоже, Джучи-Батэмъ, и выбираю тебя своимъ помощникомъ... Ты знаешь, что каждую весну мои приставники объѣзжали все государство и выбирали для моихъ садовъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ, другіе приставники отправлялись въ другія государства и покупали лучшихъ невольницъ, — я ничего не жалѣлъ, чтобы лучшія розы цвѣли въ Баги-Дигиштъ и въ Летафеть-Намехъ. Но мои приставники обманывали меня: мое сердце оставалось холодно, потому что они не могли найти именно той дѣвушки, которая сдѣлала бы меня счастливымъ. Ты, лучший изъ двухъ моихъ глазъ, сдѣлаешь это, и великій мудрецъ Уучи-Бушъ уже предсказалъ тебѣ полный успѣхъ... Иди и найди ту, которая возвратитъ мнѣ мою молодость, счастье и веселье. Обманывавшихъ меня приставниковъ я велю повѣсить, а тебѣ отдамъ въ награду все ихъ имущество, женъ и дѣтей. Твоимъ помощникомъ будетъ ученѣйшій Уучи-Бушъ...

Джучи-Батэмъ поклонился хану въ землю и вышелъ. Онъ не вѣрилъ ни одному слову хитраго старика, — подъ каждымъ ласковымъ словомъ Узунъ-Хана скрывалась ядовитая змѣя. Передъ казнью онъ ласкалъ своихъ враговъ и наслаждался ихъ довѣрчивостью, а тѣхъ, кто ему былъ полезенъ, преслѣдовалъ утонченными пытками, какъ было съ нимъ, Джучи-Батэмъ.

Какъ сказалъ ханъ, такъ и сдѣлалъ. Вечеромъ Джучи-Батэмъ получилъ пять мѣшковъ съ головами казенныхъ приставниковъ и живаго Уучи-Бушъ, который былъ глупъ, какъ семь барановъ вмѣстѣ. Вѣсть о желаніи хана отыскать себѣ жену уже облетѣла Зеленый Городъ, и въ ханскихъ садахъ произошелъ страшный переполохъ. Это былъ не обычный весенній наборъ ханскихъ неволь-

ницъ, а что-то новое, что заставило задуматься старыхъ ханскихъ женъ и всѣхъ матерей ханскихъ дѣтей. Что-то будетъ, когда явится эта одна дѣвушка! Стоны и плачь поднялись въ ханскихъ садахъ, гдѣ томились ханскія красавицы, и только громко расшѣвывая невидимый ни для кого соловей, напрасно утѣшавшій сгоравшя отъ любви розы.

А Джучи-Катѣмъ уже принялся за дѣло. Въ его распоряженіе были отданы всѣ войска, стоявшія по областямъ. Изъ тысяченачальниковъ и сотниковъ образовалась громадная свита, обязанная повиноваться каждому его взгляду. Народъ привыкъ къ подобнаго рода зрѣлищамъ, и чадолюбивые родители съ завистью думали о той счастливицѣ, которая войдетъ царицей въ Зеленый Городъ. Тысячи дѣвушекъ въ возрастѣ отъ четырнадцати до шестнадцати лѣтъ ждали, какъ праздника, появленія Джучи-Катѣма: каждая мечтала быть ханшей. Всѣ были довольны, и только одинъ Джучи-Катѣмъ ѣхалъ такой грустный и задумчивый, — его беспокоило предчувствіе чего-то нехорошаго. Когда подчиненные обращались къ нему за чѣмъ-нибудь, онъ хмурился и говорилъ:

— Спросите Уучи-Бушъ, онъ все знаетъ...

Пресмыкавшійся при дворѣ великій ученый теперь находился на верху блаженства и ѣхалъ верхомъ на конѣ съ видомъ счастливаго завоевателя, вступившаго въ только что побѣжденную страну. Въ самомъ дѣлѣ, ихъ вездѣ такъ хорошо принимали, какъ князей, а Уучи-Бушъ любилъ почетъ, жирную баранину и бездѣлье. Въ каждомъ городѣ къ нему являлись депутаціи отъ мѣстныхъ ученыхъ и въ честь свѣтила науки читались раболѣпные стихи, отъ которыхъ могла закружиться голова даже у верблюда, но Уучи-Бушъ прикидывался скромнымъ и не хотѣлъ проронить ни одного зерна своей мудрости. За то какъ гордо поднималъ онъ голову въ маленькихъ селеніяхъ и мѣстечкахъ, точно пророкъ. Да и новыя обязанности такъ нравились старому ученому, и онъ лично осматривалъ всѣхъ дѣвушекъ, чтобы напрасно не беспокоить недостойныхъ далекимъ путешествіемъ къ ханскому двору.

Такимъ образомъ, въ три мѣсяца они объѣхали почти все государство и набрали тысячи дѣвушекъ.

— Теперь можно будетъ и самимъ вернуться, — рѣшилъ Джучи-Катѣмъ. — Ханское повелѣніе исполнено...

— Нѣтъ, мы должны объѣхать все государство, — спорилъ Уучи-Бушъ съ непонятнымъ упрямствомъ. — Мы должны осмотрѣть всѣ уголки, чтобы вернуться къ хану съ чистою совѣстью... Можетъ быть, счастье хана спряталось гдѣ-нибудь въ глуши.

Конечно, Уучи-Бушъ былъ глупъ, но это упрямство встревожило Джучи-Батэмъ, и онъ возненавидѣлъ пустую голову величайшаго въ свѣтѣ ученаго. Недаромъ же старый ханъ послалъ съ нимъ этого стараго болтуна, и сердце Джучи-Батэмъ наполнилось подозрѣніемъ. Ужели во всемъ этомъ скрыта была ловушка для него?

III.

На сѣверѣ владѣнія Узунъ - Хана заканчивались Голодною Степью. Когда-то здѣсь была цвѣтушая страна, но Узунъ-Ханъ завоевалъ ее, разрушилъ города, одну часть жителей перебилъ, а остальныхъ выселилъ въ другія области. Гдѣ каждый клочекъ земли былъ воздѣланъ, гдѣ зеленѣли фруктовые сады и по два раза въ годъ поля одѣвались тучными нивами, тамъ сейчасъ разлеглась голодная пустыня, и только гулялъ по ней степной вѣтеръ, засыпавшій мелкимъ пескомъ развалины городовъ, водоемы и громадную сеть арыковъ. Иссякла вода, и надъ Голодною Степью царилъ смерть. Обходили ее торговые караваны, пастухи съ своими стадами и даже степные разбойники. Узунъ - Ханъ гордился этою степью, какъ доказательствомъ своего могущества: одно его слово превращало цѣлыя государства въ пустыню. Такъ дѣлали всѣ великіе завоеватели. Отъ Зеленаго Города до Голодной Степи было десять дней пути, но вотъ уже сорокъ лѣтъ никто сюда не ѣздилъ и не ходилъ, за исключеніемъ рѣдкихъ охотниковъ, посѣщавшихъ иногда лѣсистый горный хребетъ Чолпанъ-Тау, гдѣ скрывались по лѣснымъ чащамъ олени и маралы.

Но жизнь притаилась и въ Голодной Степи, именно на сѣверномъ склонѣ Чолпанъ-Тау, гдѣ громоздились скалы и голые утесы. Тамъ въ пещерѣ жилъ столѣтній старикъ Байгырь-Ханъ, одинъ изъ князей царившаго когда-то въ Голодной Степи ханскаго рода, истребленнаго Узунъ-Ханомъ. Когда-то онъ былъ лучшимъ джигитомъ, имѣлъ громадные стада, сады, воздѣланные поля и большую семью, но все это исчезло, благодаря завоеванію. Байгырь-Ханъ дрался, какъ левъ, защищая свою родину, и когда все было кончено, ушелъ въ Чолпанъ-Тау, чтобы здѣсь на неприступныхъ высотахъ дорого продать жизнь своему счастливому врагу. Съ нимъ въ горы ушла горсть степныхъ батырей. Эти герои цѣлый годъ защищались въ горахъ, пока не были перебиты до послѣдняго. Былъ убитъ и Байгырь-Ханъ, т.-е. его сочли убитымъ. Но онъ лежалъ только въ безпамятствѣ и очнулся, когда враги ушли. Да, Бай-

Узунъ-Ханъ очнулся и пожалѣлъ, что остался живъ. У него еще ставались глаза, чтобы оплакивать несчастія цѣлаго народа. Онъ всегда поселился въ Чолпанъ-Тау, съ каменистыхъ высотъ котораго открывался видъ на Голодную Степь. На его глазахъ степной песокъ хоронилъ вытоптанныя поля, разрушенные города и воегоя могилы,—нѣтъ, вся Голодная Степь была одною сплошною могилою, и Байгыръ-Ханъ сидѣлъ на своей скалѣ, какъ горный рудель съ перебитыми крыльями. Сначала онъ хотѣлъ мстить Узунъ-Хану, потомъ сталъ думать, что за него отомстятъ другіе, и, наконецъ, рѣшилъ, что за сдѣланную несправедливость заплатить проваждному завоевателю самъ Богъ. Года шли надъ Чолпанъ-Тау вострою чередой, а Байгыръ-Ханъ превратился въ отшельника. Онъ питался горными травами, кореньями и тѣмъ, что давала охота, и все углублялся въ размышленія. О его существованіи знали только нѣсколько человекъ переселенцевъ изъ Голодной Степи, иногда навѣщавшихъ старика со всеми предосторожностями, чтобы не выдать его Узунъ-Хану. Когда Байгыръ-Хану было уже девяносто лѣтъ, къ нему привезли четырехлѣтнюю дѣвочку, послѣднюю отрасль царившаго когда-то въ Голодной Степи ханскаго рода. Эта была такая тайна, о которой не подозрѣвалъ даже самъ Байгыръ-Ханъ. Онъ сначала не вѣрилъ, но потомъ, когда заплакали столѣтнія очи, сѣрдце Байгыръ-Хана раскрылось: Богъ великъ и щедромъ онъ, Байгыръ-Ханъ, прожилъ въ своихъ горахъ столько лѣтъ,—радость къ нему слетѣла, какъ птица.

— Я чувствую, что это моя кость *),—сказалъ Байгыръ-Ханъ, цѣлуя четырехлѣтняго ребенка.—Богъ великъ и послалъ мнѣ послѣднее утѣшеніе...

Дѣвочку звали Кара-Нингиль («черный жемчугъ»), и она поселилась въ одной пещерѣ съ Байгыръ-Ханомъ. Старикъ ожилъ, точно родился во второй разъ, и каждое утро приносило ему новую радость. Черными большими глазами Кара-Нингиль смотрѣла на него, и новая жизнь, а ея улыбкой улыбалось будущее. Явились двѣ козы, собака, дѣтскія игрушки, которыя мастерилъ Байгыръ-Ханъ съ особеннымъ удовольствіемъ. По вечерамъ, когда солнце спускалось къ горизонту, старикъ долго сидѣлъ гдѣ-нибудь на камнѣ, смотрѣлъ внизъ, гдѣ разлеглась широкою полосой Голодная Степь, и пѣлъ про старыхъ батырей, про удивительныхъ красавицъ и про жестокаго Узунъ-Хана. Онъ не помнилъ, кто сложилъ эти пѣсни—онъ ли самъ, или кто другой, но душа требовала живаго слова, чтобы на-

*) Кость—родъ.

рушить мертвую тишину тѣснившихся кругомъ горъ. Кара-Нингиль слушала пѣсни Байгыръ-Хана и сладко засыпала на его колѣняхъ невиннымъ дѣтскимъ сномъ. Дѣвочка росла, какъ росли кругомъ лѣсные цвѣты и пахучія горныя травы, съ тою разницей, что цвѣты не умѣютъ улыбаться и не плачутъ надъ несчастіями напрасно погибшихъ людей. Кара-Нингиль точно выросла въ этомъ сказочномъ царствѣ мертвыхъ, какъ на могилахъ вырастаютъ зеленныя деревья. А Байгыръ-Ханъ точно помолодѣлъ съ ней и былъ увѣренъ, что не умретъ, пока Кара-Нингиль не выростетъ совсѣмъ большою горною красавицей.

Цѣлые дни Кара-Нингиль проводила въ лѣсу и знала каждый уголокъ на ближайшихъ горахъ. Она не боялась ходить одна и карабкалась по скаламъ, какъ горная коза. Любимымъ ея мѣстомъ была Кузь-Тау (Гора-Глазь), на скалистой вершинѣ которой сохранились развалины старой крѣпости; когда она была построена, кѣмъ и для чего—не помнить даже самъ Байгыръ-Ханъ, а Кара-Нингиль любила это мѣсто потому, что съ него открывался великолѣпный видъ почти на весь Чолпанъ-Тау и Голодную Степь, уходившую изъ глазъ желтымъ ковромъ. Байгыръ-Ханъ называлъ Кузь-Тау проклятымъ мѣстомъ, на которомъ даже не растутъ цвѣты, и не любилъ ходить туда. Да и трудно было столѣтнему старику подниматься на такую кручу,—на Кузь-Тау онъ отбивался отъ своихъ непріятелей и здѣсь былъ раненъ въ послѣдній разъ. Толстыя, старыя стѣны, сложенныя изъ дикаго камня, служили прекрасною защитой и только недоставало воды—глубокой колодезь, устроенный въ крѣпости, давно обвалился и въ немъ жили змѣи да летучія мыши.

Въ двѣнадцать лѣтъ Кара-Нингиль сдѣлалась задумчивою дѣвушкой и почти каждый день уходила на Кузь-Тау,—сядетъ на выступъ стѣны и долго-долго смотритъ въ даль, гдѣ синее небо сливается съ желтою степью. Ей казалось, что именно оттуда явится одинъ изъ тѣхъ батырей, о которыхъ пѣлъ Байгыръ-Ханъ. Иногда она даже слышала топотъ конской скачки и далекіе голоса, но все это происходило только у ней въ головѣ, и Кара-Нингиль даже вздрагивала. Однажды, когда она сидѣла такимъ образомъ на Кузь-Тау, до ея слуха донесся далекій звукъ охотничьяго рога и лай собакъ. Дѣвушка испугалась, вспорхнула, какъ птичка, и понеслась къ своей пещерѣ.

— Дѣдушка, тамъ, въ горахъ, кто-то есть,—говорила она Байгыръ-Хану.—Я сама слышала... Мнѣ страшно.

— Это шайтанъ трубитъ,—говорилъ старикъ.—Кому быть въ

горахъ?... Я живу здѣсь сорокъ лѣтъ и никого не видалъ... Это показалось тебѣ, шайтанъ пугаетъ.

На этотъ разъ Байгыръ-Ханъ ошибся: по горахъ рыскала ханская охота. Изъ ханской свиты отбился лучшей охотникъ и заблудился въ горахъ. Далеко залетѣлъ соколъ, а за нимъ ускакалъ джигитъ на золотистомъ аргамакѣ. Когда Кара-Нингиль бѣжала съ Бузъ-Тау, джигитъ замѣтилъ ее и скоро отыскалъ пещеру, гдѣ скрывался Байгыръ-Ханъ. Это былъ настоящій батырь, летавшій на своемъ аргамакѣ, какъ птица. Когда онъ спѣшился у пещеры, Байгыръ-Ханъ сказалъ:

— Сорокъ лѣтъ живу въ горахъ, а перваго живаго человѣка вижу... Заходи, гость будешь.

Батырь только улыбнулся:

— Сколько тебѣ лѣтъ, старикъ?—спросилъ онъ.—Сто лѣтъ ты прожилъ на свѣтѣ, а обманывать не научился.

Байгыръ-Ханъ испугался, но только покачалъ головой и сказалъ:

— Столѣтній старикъ обманулъ оттого, что испугался, а ты, батырь, съ собой возишь свой страхъ...

Эти слова заставили батыря задуматься,—старикъ угадалъ.

— Меня привелъ сюда мой соколъ, и я не сдѣлаю тебѣ никакого зла,—отвѣтилъ онъ, опуская глаза.—А дѣйствительно есть у меня горе... Ты все знаешь, отшельникъ, и я расскажу тебѣ.

Батырь началъ рассказывать, какъ Узунъ-Ханъ обезчестилъ его мать, отнялъ жену и опозорилъ дочь и что онъ отомститъ ему. Байгыръ-Ханъ слушалъ его и качалъ своею сѣдою головой. Зачѣмъ мстить?... Богъ великъ, и у всякаго своя радость. Нужно жить такъ, чтобы самому не обижать другихъ. Улыбнулся батырь, разспросилъ про дорогу и уѣхалъ.

Ровно черезъ годъ онъ пріѣхалъ опять, но теперь уже одинъ, и привезъ Байгыръ-Хану цѣлый тюкъ дорогихъ подарковъ.

— Отдай это своей дѣвочкѣ,—сказалъ онъ.—Будетъ большая—пригодится.

Байгыръ-Ханъ опять покачалъ головой, рассматривая дорогіе подарки; батырь былъ не простой человѣкъ, и не соколъ привелъ его сюда, а, можетъ быть, сама судьба. Онъ позвалъ Кара-Нингиль, велѣлъ ей поблагодарить батыря, а подарки возвратилъ. Взглянулъ батырь на Кара-Нингиль, на ея темные опущенные глаза, на стройный станъ, на румяныя щеки и только вздохнулъ.

— Черезъ годъ пріѣду...—сказалъ онъ.

Забилось, какъ подстрѣленная птица, сердце батыря, еще ниже

опустила свои темные глаза Бара-Нингиль, и когда батырь уѣхалъ и пропалъ топотъ его лошади, она все стояла на одномъ мѣстѣ, какъ очарованная. Байгырь-Ханъ даже разсердился на нее, въ первый разъ разсердился, какъ жили они вмѣстѣ десять лѣтъ, и долго ничего не говорилъ. Старикъ думалъ свое, Бара-Нингиль—свое.

Черезъ годъ батырь, дѣйствительно, явился, но теперь онъ пріѣхалъ не одинъ, а съ громадною свитой. Съ нимъ былъ Уучи-Бушъ, осматривавшій невѣсть. Великій ученый узналъ про Кара-Нингиль, какъ лучшую красавицу, и взялъ ее въ число невѣсть Узунъ-Хану. Батырь Джучи-Катэмъ ничего не сказалъ Байгырь-Хану—темная ночь лежала у него на душѣ. Онъ впередъ зналъ, что Кара-Нингиль, его возлюбленная Кара-Нингиль, которую онъ сторожилъ, какъ зѣницу ока, сдѣлается избранницей Узунъ-Хана. Злую шутку подшутила надъ нимъ Алтынъ-Тюлгю, но всѣ они дорого заплатятъ ему за отнятую невѣсту... О, желѣзное сердце билось въ груди Джучи-Катэмъ, и на днѣ души лежала холодная змѣя.

— Я, Джучи-Катэмъ, отомщу за всѣхъ,—сказалъ онъ на прощанье плакавшему Байгырь-Хану.—За каждую напрасно пролитую слезу Бара-Нингиль заплатятъ мнѣ по головѣ.

IV.

За Зеленымъ Городомъ, гдѣ, потонувъ въ садахъ, течетъ быстрый Игъ, выросъ новый городъ изъ разноцвѣтныхъ палатокъ—здѣсь собраны были красивыя дѣвушки со всего государства, и у каждой была своя палатка. Прежде чѣмъ сдѣлать выборъ, всѣхъ ихъ еще разъ осматривали новые приставники, знахари и опытные старухи, состоявшія при ханскихъ дворахъ надзирательницами. Исполнивъ свое порученіе, Джучи-Катэмъ думалъ уже получить свободу, но Узунъ-Ханъ сказалъ:

— Всякое хорошее дѣло нужно доводить до конца... Тебѣ трудно одному управляться съ дѣвичьимъ городомъ, Уучи-Бушъ слишкомъ ученъ для этого, а потому я назначаю тебѣ помощницей Алтынъ-Тюлгю.

Бара-Нингиль жила въ своей палаткѣ уже второй мѣсяцъ, и ей было весело. Въ шумной толпѣ веселыхъ дѣвушекъ она забыла и горы Чолпанъ-Тау, и свою пещеру, и самого Байгырь-Хана. Молодое сердце рвалось отъ радости въ ожиданіи неизвѣстнаго будущаго. По вечерамъ она подолгу сидѣла на берегу быстрого Ига и все слушала, какъ шумитъ засыпающій Зеленый Городъ: ревѣли верблюды, скрипѣли арбы, блеяли бараны и ржали лошади. Какъ ей

хотѣлось увидать этотъ городъ, въ которомъ живетъ великій Узунъ-Ханъ: хотѣ бы однимъ глазомъ посмотрѣть! Попастъ въ ханши она не думала—мало ли красивыхъ дѣвушекъ и безъ нея. Ей надоѣдали только приставники, которые приходили каждый день и осматривали ее, какъ лошадь; одинъ осматривалъ зубы, другой—глаза, третій—волосы, руки, шею. Старухи обходили всѣ палатки по ночамъ и наблюдали, спокойно ли спать красавицы и нѣтъ ли у нихъ дурныхъ примѣтъ, которыя можно скрыть днемъ. Джучи-Катэмъ она видѣла только издали, и онъ точно не хотѣлъ ее узнавать, что ее огорчало. Неужели батырь такъ скоро успѣлъ забыть ее и не чувствуетъ, какъ бьется ея сердце, когда онъ проходитъ мимо ея палатки?

Но за то какъ весело было днемъ, особенно утромъ, когда всѣ дѣвушки отправлялись купаться въ Икъ! Никто не смѣлъ подѣхать къ Дѣвичьему Городу на триста шаговъ, потому что его оберегали отряды ханской стражи, и дѣвушки могли рѣзвиться на свободѣ, какъ хотѣли. Только разъ во время такого купанья на рѣкѣ показалась лодка, перепугавшая всѣхъ: это былъ самъ Узунъ-Ханъ, хотѣвшій полюбоваться купающимися красавицами. Кара-Нингиль не хотѣла вѣрить, что сторбленный желтый старикъ, у котораго такъ страшно тряслась голова, и есть Узунъ-Ханъ, о которомъ она такъ много слышала. Не велика радость сдѣлаться женою такой гнилой куклы,—ужь лучше было бы остаться въ Чолпанъ-Тау.

Въ другой разъ Кара-Нингиль страшно испугалась, когда ночью въ ея палатку, какъ тѣнь, вошла какая-то женщина. Эти отвратительныя старухи мѣшали даже спать.

— Не бойся меня, Кара-Нингиль,—заговорилъ молодой женскій голосъ, что еще больше удивило дѣвушку.—Я пришла тебѣ сказать, что именно ты будешь нашею ханшей. Это уже рѣшено... Меня зовутъ Агъ-Бибэ, я дочь Джучи-Катэмъ, котораго ты знаешь. Узунъ-Ханъ тоже любилъ меня, всего одинъ день любилъ, а потомъ отдалъ въ Летафеть-Намехъ, гдѣ такихъ несчастныхъ дѣвушекъ сотни. Всѣ мы будемъ теперь служить тебѣ одной, какъ своей царицѣ... Тебѣ строить уже новый дворецъ.

— Я тебя не знаю, Агъ-Бибэ,—отвѣтила Кара-Нингиль,—и не знаю, что тебѣ нужно отъ меня.

— Что мнѣ нужно?—спросила Агъ-Бибэ и вдругъ заплакала, горько и неутѣшно заплакала.

— О чемъ ты плачешь, Агъ-Бибэ?

— Плачу и о себѣ, и о тебѣ, Кара-Нингиль... Ты еще такая молоденькая и совсѣмъ не знаешь, какъ страшно жить на свѣтѣ

такой красавицѣ, какъ ты. Мой отецъ Джучи - Катѣмъ полюбилъ тебя и хотѣлъ жениться, но объ этомъ узнала Алтынъ-Тюлгю и на зло отцу захотѣла сдѣлать тебя ханшей, — у бѣднаго отца все было отнято и нужно было еще отнять невѣсту...

Агъ-Бибѣ горько плакала и рассказала Бара-Нингиль всѣ злодѣянія Узунъ-Хана. Этотъ полусгнившій старикъ можетъ еще радоваться только муками, страданіями и униженіемъ другихъ. Чѣмъ лучше человекъ, тѣмъ пріятнѣе Узунъ-Хану мучить его. Дальше Агъ-Бибѣ рассказала Бара - Нингиль, какъ плачутъ и убиваются теперь всѣ женщины въ Летафеть-Намехъ и въ Баги-Дигиштъ, какъ ненавидятъ ее, будущую царицу, всѣ сто ханскихъ сыновей и ханскія дочери и какъ будутъ прогнать собранныя въ Дѣвичьемъ Городѣ тысячи красавицъ, когда узнаютъ о выборѣ Узунъ-Хана.

— Я никому не сдѣлала зла... — шептала Бара-Нингиль. — Но, слушая тебя, я поняла только одно, что мнѣ не слѣдовало родиться или навсегда остаться въ Чолпанъ-Тау.

— У всякаго человека своя судьба, отъ которой не уйдешь. Нужно дѣлать то, къ чему ведетъ судьба.

— А что нужно дѣлать?—спросила Бара-Нингиль.

— Когда придетъ время, я тебя научу, — отвѣтила Агъ - Бибѣ. — Красивыя дѣвушки родятся на свѣтъ для горя...

Ночь кончилась и Агъ-Бибѣ ушла, чтобы пройти незамѣченной въ свой Летафеть-Намехъ. Если бы ее замѣтили, то сейчасъ же казнили бы, потому что ханскія жены не должны были переступить порога своихъ садовъ. Когда она ушла, Бара - Нингиль горько заплакала, — она впередъ возненавидѣла и Узунъ - Хана, и своихъ приставниковъ съ Алтынъ - Тюлгю во главѣ, и самого Джучи - Катѣмъ, любовь котораго привела ее къ гибели. Если ее всѣ ненавидятъ, какъ будущую ханшу, то и она всѣхъ тоже ненавидитъ... Всю ночь громко пѣлъ соловей надъ палаткой Бара-Нингиль и всю ночь плакала Бара-Нингиль. Ей хотѣлось умереть такою, какою она была сейчасъ, — молодою, красивою, какъ тѣ сказочныя красавицы, о которыхъ пѣлъ ей Байгыръ-Ханъ.

Утромъ, когда Бара-Нингиль проснулась, посѣщеніе Агъ-Бибѣ показалось ей какимъ-то тяжелымъ, ужаснымъ сномъ. Она точно умерла въ эту ночь и проснулась другою.

Какъ говорила Агъ-Бибѣ, такъ и вышло.

Когда кончилось испытаніе собранныхъ дѣвушекъ, изъ каждаго десятка выбрали по одной, — получилось всего нѣсколько десятковъ красавицъ и Бара-Нингиль попала въ ихъ число. Изъ этихъ десятковъ выбрали всего семь — Бара-Нингиль попала и въ это число.

Изъ этихъ семи выбрали одну, и эта одна была Кара-Нингиль. Загремѣли трубы въ Зеленомъ Городѣ, возликовалъ весь народъ и возрадовалось сердце стараго Узунъ-Хана, когда онъ увидѣлъ въ первый разъ Кара-Нингиль. Ея палатка изъ разноцвѣтной шелковой матеріи стояла теперь посрединѣ Дѣвичьяго Города и надъ ней развѣвались яркіе флаги, а сама Кара-Нингиль была разодѣта въ шелковыя платья, въ золото и дорогіе каменья. Но подъ этимъ шелкомъ, золотомъ и дорогими каменьями спряталось черное, безсильное горе, давившее молодое сердце Кара-Нингиль, какъ могильная плита.

V.

Свою свадьбу Узунъ-Ханъ захотѣлъ отпраздновать въ Дѣвичьемъ Городѣ, гдѣ шли усиленные приготовленія. Въ центрѣ устроенъ былъ шелковый розовый шатеръ на золотыхъ столбахъ, кругомъ него шли одна за другой три ограды изъ шелковыхъ занавѣсей—зеленая, желтая, синяя. Издали этотъ шатеръ, украшенный флагами и расшитый золотомъ, походилъ на громаднѣйшій цвѣтокъ. Внутри все было убрано дорогими коврами, шелковыми подушками, а посрединѣ стояла широкая кровать изъ золота. Другія палатки образовали широкій полукругъ. Узунъ-Ханъ не хотѣлъ радоваться одинъ и раздарилъ остальныхъ дѣвушекъ своимъ приближеннымъ, военачальникамъ и любимцамъ. Досталась жена даже Уучи-Бушъ, правда, самая некрасивая, но недостававшую женѣ красоты должна была выкупать мудрость великаго ученаго. Недостаюлось жены только Джучи-Батэмъ, которому Узунъ-Ханъ сказалъ:

— У тебя, лучший изъ двухъ моихъ глазъ, не должно быть другой радости, кромѣ моей... Ты будешь постоянно при мнѣ, вмѣстѣ съ Алтынъ-Тюлю.

Чтобы царской невѣстѣ не быть одной, Узунъ-Ханъ велѣлъ ей выбрать аячегъ изъ обоихъ садовъ, и Кара-Нингиль выбрала одну Акъ-Бибѣ, а по ея указаніямъ и другихъ. Когда Узунъ-Ханъ узналъ о сдѣланномъ выборѣ, то весело размѣялся.

Ко дню свадьбы въ Зеленый Городъ со всѣхъ сторонъ пришли и пріѣхали любопытные люди, желавшіе видѣть своими глазами, какъ радуется великій ханъ. Когда въ городъ не хватило мѣста, поселились въ палаткахъ за городомъ, гдѣ въ зеленыхъ берегахъ весело катился быстрый Икъ. Все это радовало сердце Узунъ-Хана и онъ велѣлъ выстроить вокругъ Дѣвичьяго Города всѣ свои войска, — пусть всѣ радуются, кто дѣлилъ съ нимъ труды и опасности

войны. По обычаю, невеста должна была приѣхать во дворец хана, но на этотъ разъ Узунъ-Ханъ измѣнилъ его и сказалъ:

— Не земля ходить вокругъ земли, а солнце, такъ и ханское сердце...

Учи-Бушъ выбралъ самый счастливый день для свадьбы, какъ говорила ему его мудрость.

У Кара-Нингиль было столько ханскихъ подарковъ, что если бы надѣть на нее всѣ шелковыя матеріи, золото и камни, то ее раздавила бы эта тяжесть. Къ ней въ шатеръ имѣли право входить только ея аячки и Алтынъ - Тюлгю, а изъ мужчинъ одинъ Джучи-Катэмъ. Въ свадебную ночь онъ долженъ былъ спать въ шатрѣ, охраняя спокойствіе новобрачныхъ, — большаго наказанія не могъ бы придумать самъ дьяволъ. Но у Джучи-Катэмъ въ груди билось желѣзное сердце, и онъ ходилъ съ веселымъ лицомъ, точно женился на Кара-Нингиль не Узунъ-Ханъ, а онъ. Это ввело въ заблужденіе и Кара-Нингиль: о, Джучи-Катэмъ никогда не любилъ ее!... Чему онъ радуется?... Всѣ кругомъ радовались, и одна Кара-Нингиль плакала потихоньку отъ всѣхъ.

Утромъ въ день свадьбы Джучи-Катэмъ шепнулъ ей:

— Не бойся, моя радость, и слушайся во всемъ Агъ - Бибэ, какъ будто бы говорилъ это я. Когда я вижу тебя во снѣ — я умираю, а просыпаюсь и вижу тебя на-яву — еще разъ умираю... Ты будешь царицей, мое сердце.

Эти слова ободрили Кара-Нингиль. Вѣдь, кругомъ были всѣ чужіе, и она знала одного Джучи-Катэмъ, — знали его ея сердце и глаза. О, онъ такой красивый и мужественный, настоящій батыръ! Одно его слово стоило всего ея дѣвичьяго горя.

Рано утромъ въ Зеленомъ Городѣ протрубила первая труба, а ей отвѣтила изъ Дѣвичьяго Города другая. Это послужило сигналомъ для праздника. Тысячи людей, разодѣтыхъ въ лучшія платья, ожидали съ нетерпѣніемъ рѣдкаго праздника. Между двумя городами расположились двумя живыми стѣнами войска. Передъ шатромъ Кара-Нингиль въ полукругъ были устроены мѣста для пира, а для Узунъ-Хана и Кара-Нингиль одинъ высочій тронъ подъ желтымъ шелковымъ балдахиномъ. Съ этого мѣста Узунъ - Ханъ долженъ былъ показать всему народу новую царицу.

Громко били барабаны, трубили трубы, играла всякая музыка, только глухо затворилось сердце одной Кара-Нингиль. Страшная минута быстро приближалась, какъ грозная туча. Надъ Зеленымъ Городомъ уже стоитъ цѣлое облако пыли, поднятое лошадиными копытами. Издали несутся гулъ человѣческихъ голосовъ, точно гудить

морской прибой. Когда показался изъ дворца самъ Узунъ-Ханъ, поднялся такой крикъ радости, что, казалось, сама земля дрогнула. Онъ ѣхалъ съ своею свитой верхомъ, и чѣмъ ближе подъѣзжалъ къ Дѣвичьему Городу, тѣмъ сильнѣе играла музыка, а народъ бѣжалъ вслѣдъ толпами, какъ выступившая изъ береговъ вода. Задрожало сердце у Кара-Нингиль, но она перемогла себя, чтобы встрѣтить жениха съ веселымъ лицомъ. Когда поѣздъ уже въѣзжалъ въ Дѣвичій Городъ, дѣвушкой овладѣлъ страхъ опять, но она еще разъ побѣдила себя и точно вся застыла.

— Скоро все кончится... — шептала Агъ-Биба, прислуживавшая Кара-Нингиль аячкой. — Ты будешь царицей... и будешь одна.

Когда Узунъ-Ханъ подъѣхалъ къ шатру, Кара-Нингиль должна была его встрѣтить во главѣ своей женской свиты. Уучи-Бушъ прочиталъ стихи и жениху, и невѣстѣ, что было его обязанностью, а Джучи-Катэмъ помогъ спуститься Узунъ-Хану съ лошади, вѣрнѣе, снялъ его съ сѣдла, какъ подстрѣленную ворону. Узунъ-Ханъ взялъ Кара-Нингиль за руку и ввелъ ее на царское мѣсто, рядомъ съ собой, чтобы весь народъ видѣлъ новую царицу. Играла музыка, били барабаны, тысячи народа и все войско кричали, какъ сумасшедшіе. Для праздника было зарѣзано стадо быковъ, тысяча барановъ и вездѣ были разставлены бочки съ виномъ. Ликовалъ и радовался весь народъ, какъ ханское сердце, а Уучи-Бушъ читалъ новые стихи въ честь уже новобрачныхъ и пѣвцы пѣли ихъ подъ аккомпаниментъ музыки.

— Любишь ли ты меня, царица? — спрашивалъ Узунъ-Ханъ, тряся головой.

— Развѣ тебя можно не любить, мой повелитель? — отвѣчала Кара-Нингиль.

— О, не повелитель, а подданный... — шептала разслабленный страстью старикъ и у него даже глаза слезились отъ радости.

Пиръ продолжался цѣлый день, пока не закатилось солнце и пока Узунъ-Ханъ не отдалъ приказъ разойтись всѣмъ. Дѣвичій Городъ сразу опустѣлъ, только кругомъ огненнымъ кольцомъ охватили его костры парадной стражи, да играла музыка. Напуганные шумомъ соловьи сегодня не пѣли и сердце Кара-Нингиль замерло, какъ тѣ птицы, которыя въ холодную зиму замерзаютъ на-лету.

Въ шатрѣ оставалась она теперь одна съ Узунъ-Ханомъ. Джучи-Катэмъ почтительно стоялъ у входа и ждалъ приказаній. Алтынъ-Тюлгю и аячки толпились, какъ овцы, въ первой оградѣ, — онѣ должны были раздѣвать невѣсту, когда Узунъ-Ханъ ляжетъ въ постель.

— Нравится тебѣ моя невѣста? — спрашивалъ Узунъ-Ханъ вѣрнаго слугу Джучи-Катэмъ. — Это звѣзда, которая упала для меня съ неба...

Когда аячки совсѣмъ раздѣли Узунъ-Хана и онъ улегся въ постель, на дорогой коверъ, Джучи-Катэмъ подалъ условный знакъ своей дочери Акъ-Бибѣ. Всѣ аячки бросились къ хану, закрыли его сверху шелковымъ брачнымъ одѣяломъ и, схвативъ коверъ за края, принялись тряссти катавшася подъ одѣяломъ Узунъ-Хана. Это была почетная казнь для всѣхъ принцевъ крови, потому что существовалъ законъ, по которому «солнце не должно было видѣть ханской крови». Всѣхъ аячекъ было больше двадцати и онѣ такъ сильно трясли коверъ на воздухѣ, что старикъ скоро пересталъ кричать и его дряхлое, грѣшное тѣло каталось подъ одѣяломъ, какъ кусокъ масла, когда трудолюбивая хозяйка сбиваетъ молоко. Джучи-Катэмъ только распорядился, — криковъ хана не было слышно за звуками игравшей у шатра музыки. Помертвѣвшая отъ страха Алтынъ-Тюлгю ползала теперь у ногъ Джучи-Катэмъ и молила о пощадѣ, но онъ ей только указалъ на стоявшую въ углу Бара-Нингиль:

— Вотъ наша царица: проси помилованія у нея...

Все это произошло такъ быстро, что Бара-Нингиль опомнилась только тогда, когда Узунъ-Ханъ былъ уже мертвъ. Джучи-Катэмъ опустилсѣ передъ ней на одно колѣно и сказалъ:

— Великая царица Бара-Нингиль, отнынѣ ты одна наша повелительница...

Бара-Нингиль строго посмотрѣла на Джучи-Катэмъ и отвѣтила:

— Если ты будешь служить мнѣ такъ же, какъ Узунъ-Хану, то я тебя оставлю при моемъ дворѣ въ прежней должности... Объяви народу черезъ бирючей, что великій Узунъ-Ханъ скончался отъ радости. Да будетъ благословенно имя великаго хана и моего мужа!...

Когда Зеленый Городъ проснулся на другой день, ханская стража, стерегшая Дѣвичій Городъ, уже провозгласила царицей Бара-Нингиль. За ней послѣдовали всѣ другія войска, и Бара-Нингиль при звукахъ трубъ вступила въ Зеленый Городъ, гдѣ и заняла ханскій дворецъ. По приказанію Джучи-Катэмъ, всѣ сто сыновей Узунъ-Хана были перерѣзаны въ эту же ночь, а дочери заключены въ Баги-Дигиштъ до распорядженія новой царицы. Онъ ѣхалъ въ торжественной процессіи, когда Бара-Нингиль вступала въ Зеленый Городъ, рядомъ съ царицей и раскланивался съ кричавшимъ отъ восторга народомъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Бара-Нингиль

ничего не знала о несчастной судьбѣ убитыхъ принцевъ и радовалась, какъ вырвавшаяся на волю птица, — она осталась дѣвушкой, какою была въ Чолпанъ-Тау.

Учи-Бушъ встрѣтилъ ее при вступленіи во дворецъ тѣми стихами, какіе были приготовлены на этотъ случай для Узунъ-Хана. Городъ опять ликовалъ... Что же? Великій Узунъ-Ханъ умеръ отъ радости и есть новая царица. Мертвый Узунъ-Ханъ лежалъ въ шатрѣ одинъ, какъ издохшій оселъ: даже старые вѣрные слуги перебѣжали на сторону новой царицы. Всякому было до себя, а старый ханъ не нуждался больше ни въ чемъ участія, кромѣ облившихъ его мухъ.

VI.

Когда Кара-Нингиль узнала о произведенной Джучи-Катэмъ рѣзнь, сердце ея ужаснулось. Убито сто ханскихъ сыновей—это такая страшная жертва, которой куплено было ея ханство. Она призвала къ себѣ Джучи-Катэмъ и объявила ему:

— Джучи-Катэмъ, я теперь знаю, чѣмъ я обязана тебѣ... Раньше мнѣ казалось, что я любила тебя. У тебя сердце тигра, Джучи-Катэмъ...

— Я только мстилъ за свой позоръ...—отвѣтилъ Джучи-Катэмъ, опуская глаза.—Узунъ-Ханъ все отнял у меня, и я двадцать лѣтъ таилъ въ себѣ эту месть. Теперь ты царица и Джучи-Катэмъ будетъ ягненкомъ.

Но Кара-Нингиль не вѣрила батырю и старалась не видѣть его. Даже Алтынъ-Тюлгю, и та оправдывала Джучи-Катэмъ: развѣ могъ онъ поступить иначе, когда всѣ ханы, вступая на престолъ, вырѣзываютъ своихъ соперниковъ до послѣдней головы? «Такъ велось изстари и такъ будетъ всегда», —увѣряла старуха, трепетавшая за свою голову.

Тѣ ханскія жены-наложницы, которыя участвовали въ умерщвленіи Узунъ-Хана, сдѣлались теперь приближенными Кара-Нингиль и во главѣ всѣхъ стояла смѣлая дѣвушка Акъ-Бибѣ. Черезъ нее Кара-Нингиль знала все, что дѣлается въ Зеленомъ Городѣ, что говорится въ войскахъ про новую царицу и даже что происходитъ въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ.

Когда Узунъ-Ханъ былъ похороненъ съ подобающе великому человѣку пышностью и надъ его могилой выросъ громадный памятникъ, Кара-Нингиль уничтожила оба ханскихъ сада, а томившихся въ нихъ красавицъ выдала замужъ за лучшихъ военачальниковъ.

Были довольны и бывшія ханскія жены, получившія молодыхъ мужей, а также и мужья, получившіе красивыхъ женъ съ богатыми придаными. Все войско сказало, что Кара-Нингиль мудрая женщина. Остались около Кара-Нингиль только тѣ, которыя составляли ея свиту въ Дѣвичьемъ Городѣ. Ихъ она не отпустила: она не знала мужа и онѣ не должны были выходить замужъ. Это служило какъ бы платой за убійство Узунъ-Хана.

Когда ханскіе сады опустѣли, Кара-Нингиль захотѣла ихъ осмотрѣть. Вѣдь, объ этихъ садахъ ходили волшебные рассказы, — въ нихъ Узунъ-Ханъ собралъ всѣ сокровища, награбленныя въ Средней Азіи, въ Китаѣ и Персіи. Назначенъ былъ день для этого осмотра, и когда Кара-Нингиль вошла въ Летафеть-Намехъ въ сопровожденіи своей свиты, всѣ цвѣты повяли на ея глазахъ. То же самое повторилось и въ Баги-Дигиштъ. Это очень огорчило Кара-Нингиль, и она не захотѣла осматривать роскошныхъ дворцовъ, гдѣ томились въ своей золотой неволѣ ханскія жены, наложницы и невольницы.

— Это сдѣлалъ какой-нибудь колдунъ, — объясняла Алтынъ-Тюлгю, испуганная не меньше царицы. — Мало ли на свѣтѣ дурныхъ людей...

Учи-Бушъ подтверждалъ мнѣніе Алтынъ-Тюлгю, но Кара-Нингиль была грустна и думала про себя:

«Цвѣты не выносятъ моего присутствія, потому что изъ-за меня столько пролито невинной крови...»

Она теперь стала бояться каждаго цвѣтка. Въ ханскомъ дворцѣ не было цвѣтовъ, и она могла оставаться спокойной, но это ее ужасно мучило, хотя она никому и не говорила. Проходили дни, недѣли, мѣсяцы, а Кара-Нингиль все думала объ одномъ. Нѣсколько разъ черезъ Алтынъ-Тюлгю она тайно доставала цвѣты и каждый разъ они умирали на ея глазахъ, точно на нихъ дохнулъ холодный сѣверный вѣтеръ. Кара-Нингиль боялась, что народъ узнаетъ объ этомъ и откроетъ въ ней убійцу Узунъ-Хана.

— Буду дѣлать добро и тогда Богъ сниметъ съ меня это проклятіе, — думала Кара-Нингиль.

Первымъ дѣломъ она не дала въ обиду Алтынъ-Тюлгю, до которой добирался мстительный Джучи-Катэмъ, а потомъ сохранила жизнь Учи-Бушъ, ученая голова котораго готова была отдѣлиться отъ туловища по одному слову всесильнаго Джучи-Катэмъ. Хотѣлось Кара-Нингиль увидѣть Байгыръ-Хана, но самъ старикъ былъ настолько дряхль, что не могъ пріѣхать къ ней въ Зеленый Городъ, а она не могла отправиться въ Чолпанъ-Тау, чтобы не вы-

дать себя—на Чолпанъ-Тау цвѣтовъ было мало, а Кузь-Тау стояла совсѣмъ голая, но были цвѣты по дорогѣ туда, въ тѣхъ горныхъ долинахъ, по которымъ бѣжали бойкія горныя рѣчки. Невозможность увидѣть Байгыръ-Хана сильно печалила Кара-Нингиль, но ей нельзя было вырваться изъ Зеленаго Города.

Джучи-Катэмъ сдѣлался главнымъ человекомъ во владѣніяхъ Узунъ-Хана, и отъ него зависѣло все. Но его не радовали ни власть, ни богатство, ни почести, потому что Кара-Нингиль разлюбила его. То, чего не могъ отнять Узунъ-Ханъ, ушло само собой. Свое горе онъ забывалъ въ работѣ, а работы было много. Между прочимъ, оказалось, что изъ прямыхъ наслѣдниковъ Узунъ-Хана оставался еще въ живыхъ одинъ, именно мальчикъ лѣтъ десяти, Аланча-Ханъ. Онъ какимъ-то чудомъ спасся отъ общаго избіенія ханскихъ сыновей и бѣжалъ въ горы, къ китайской границѣ. Во что бы то ни стало необходимо было добыть этого послѣдняго потомка Узунъ-Хана, и только тогда царствованіе Кара-Нингиль будетъ обезпечено вполне. Конечно, Джучи-Катэмъ не выдалъ никому своей работы и велъ дѣло въ величайшей тайнѣ. Аланча-Ханъ скрывался въ простой юртѣ у пастуховъ-киргизовъ и, какъ байгушъ*), пасъ стадо. Цѣлый годъ Джучи-Катэмъ выслѣживалъ и только черезъ годъ его схватилъ. Судьба мальчика была рѣшена впередъ и Кара-Нингиль не должна была ничего знать.

Но вышло иначе. О судьбѣ маленькаго Аланча-Хана рассказала Кара-Нингиль хитрая Алтынъ-Тюлгю, въ формѣ сказки, и царица горько плакала надъ судьбой несчастнаго ребенка. Когда же она узнала, что эта сказка была и что Аланча-Ханъ живъ, она призвала къ себѣ Джучи-Катэмъ и стала на колѣняхъ умолять его не убивать невиннаго ни въ чемъ ребенка.

— Передъ тобой ползаетъ на колѣняхъ царица, — говорила Кара-Нингиль, ломая руки.

— Царица молитъ о своей и моей гибели, — повторялъ непреклонный Джучи-Катэмъ. — Или онъ, или мы...

— А если тебя будетъ просить не царица, а Кара-Нингиль, та Кара-Нингиль, которая тебя любила?... Тебя просить бѣдная дѣвушка изъ Чолпанъ-Тау...

Повернулось желѣзное сердце Джучи-Катэмъ отъ этихъ словъ и его сильныя руки опустились. Что было ему дѣлать? Аланча-Ханъ подрастетъ и казнить ихъ всѣхъ... Но Кара-Нингиль такъ плакала, такъ молила его и даже цѣловала полы его платья, что

*) Байгушъ—мясій.

Джучи-Батэмъ не устоялъ, — такъ вода подмываетъ самыя большія горныя скалы.

— Кара-Нингиль, помни: ты сама этого желала, — сказалъ Джучи-Батэмъ, поклонился и вышелъ.

Аланча-Ханъ былъ спасенъ. Его поселили въ Баги-Дигиштъ, окружили дворецъ высокою стѣной, поставили строгій караулъ и вообще приняли всѣ мѣры, чтобы Аланча-Ханъ не вырвался изъ своего заточенія на волю. Кара-Нингиль плакала отъ радости.

VII.

Аланча-Ханъ былъ заживо погребенъ въ Баги-Дигиштъ и его окружала во дворцѣ нѣмая стража, — это были тѣ несчастные плѣнники, которыми Узунъ-Ханъ велѣлъ вырѣзывать языки. Джучи-Батэмъ составилъ изъ нихъ вѣрную охрану и каждый день утромъ и вечеромъ приходилъ повѣрять ихъ. Каждому слушнику, оставившему свое мѣсто, грозила смертная казнь. Маленькій Аланча-Ханъ точно очутился въ царствѣ мертвыхъ и не слышалъ живой человѣческой рѣчи. Онъ, какъ тѣнь, бродилъ по комнатамъ своего дворца, гулялъ въ саду и цѣлые дни проводилъ у фонтановъ, точно разговаривавшихъ съ нимъ. Да, здѣсь не молчали одни фонтаны да по ночамъ плакали въ зелени чинаръ, миндалей и кипарисовъ соловьи. Нѣмая прислуга объяснялась съ ханомъ знаками, да и то только въ крайнихъ случаяхъ. Мальчикъ ничего не зналъ: зачѣмъ его засадили сюда, зачѣмъ держать въ неволѣ, зачѣмъ, наконецъ, не убьютъ, какъ убили его братьевъ. Онъ бродилъ по Баги-Дигиштъ, какъ живая тѣнь самого себя.

Какъ тихо тянулось время въ Баги-Дигиштъ, такъ быстро оно катилось за его стѣнами, тамъ, гдѣ раскинулся Зеленый Городъ. Дни, недѣли, мѣсяцы летѣли здѣсь, какъ птицы, особенно для Кара-Нингиль. Изъ неопытной и молоденькой дѣвушки она сдѣлалась со всѣмъ большою, но такою же красивой и свѣжей, какъ при вступленіи на престоль. Ея сверсницы, вышедшія замужъ, успѣли уже состариться, потому что родили дѣтей, заботились, радовались и плакали, а Кара-Нингиль, попрежнему, оставалась дѣвушкой и не знала мужскаго поцѣлуя. Она даже боялась мужчинъ, отъ которыхъ всѣ несчастія на землѣ: и война, и рожденіе дѣтей, и слезы обманутыхъ женъ, и много другихъ несправедливостей, какія дѣлаютъ сильные надъ слабыми. Кара-Нингиль рѣшила остаться дѣвушкой, чтобы посвятить свою жизнь своему народу и помаленьку исправить все то зло, какое нанесъ ему жестокой Узунъ-Ханъ. Въ средѣ

ея приближенныхъ много было красавцевъ-батырей, но ни на одного не упалъ еще милостивый взглядъ царицы, точно застывшей въ своей заколдованной красотѣ. Процвѣтало земледѣліе, ремесла, торговля, искусства, и счастливый народъ превозносилъ свою мудрую царицу Кара-Нингиль, которую видѣли только одни придворные. Посѣдѣла черная борода у самого Джучи-Катэмъ, а Кара-Нингиль все оставалась дѣвушкой, ревниво охраняя «ледъ своей дѣвичьей гордости», какъ говорить поэтъ Гафизъ.

Никто, кромѣ Алтынъ-Тюлгю и Акъ-Бибѣ, никто не зналъ, какъ скучаетъ эта неприступная красавица, когда остается одна. Простые люди и не должны были этого знать, а иначе они перестали бы уважать свою царицу. Прежде всего, она должна была сама уважать себя и говорила:

— Я царица не потому только, что Узунъ-Ханъ женился на мнѣ, а потому, что я изъ древняго ханскаго рода... Я—природная царица, настоящей царской крови.

Сосѣдніе государи попробовали было воспользоваться смертию Узунъ-Хана, чтобы завоевать его царство, но Джучи-Катэмъ побѣдносно разбилъ ихъ на голову и могъ бы еще завоевать новыя владѣнія. Кара-Нингиль не хотѣла этого. Пусть только ее не трогаютъ. Мало-по-малу она такъ привыкла къ своей власти, что считала себя необыкновенною женщиной, совсѣмъ не похожею на тѣхъ дѣвушекъ, которыя выходятъ замужъ, родятъ дѣтей и быстро изнашиваются въ суетѣ своихъ ежедневныхъ женскихъ заботъ. Она—царица, и для нея нѣтъ обыкновенныхъ радостей, горя и слезъ. Когда ей дѣлалось скучно, Алтынъ-Тюлгю рассказывала свои сказки, а веселая Акъ-Бибѣ пѣла пѣсни.

Но Кара-Нингиль очень часто уходила въ самую дальнюю комнату своего дворца, запиралась и долго плакала, — никто не долженъ былъ видѣть этихъ женскихъ слезъ, даже Акъ-Бибѣ и Алтынъ-Тюлгю. Въ Кара-Нингиль съ страшною силой боролись царица и женщина. Выходила она изъ своего затвора такая веселая и спокойная, такъ что никто не зналъ, что она тамъ дѣлала. Не укрылась эта женская хитрость только отъ старыхъ глазъ Алтынъ-Тюлгю, которая, какъ собака, ловила каждое движеніе своей госпожи. Однажды она сказала царицѣ:

— Базни меня, царица, но ты плакала...

Кара-Нингиль вся вспыхнула, какъ пойманный на мѣстѣ воръ, но ничего не отвѣтила глупой старухѣ. Въ другой разъ Алтынъ-Тюлгю сказала ей:

— Ты хорошо дѣлаешь, что не знаешь ни одного мужчины, но,

вѣдь, ты состаришься и тогда пожалѣешь. Вели меня казнить, но я говорю правду...

Кара-Нингиль не казнила Алтынъ-Тюлгю, а только размѣялась.

Агъ-Бибѣ думала другое: когда Кара-Нингиль начинала скучать, она придумывала какое-нибудь развлеченіе. Разъ она сказала царицѣ:

— Пойдемъ, посмотримъ, что дѣлаетъ Аланча-Ханъ... Онъ насъ не увидитъ, а мы его посмотримъ. Онъ уже совсѣмъ большой и, какъ говорятъ, очень красивъ.

Кара-Нингиль согласилась на эту глупость и отправилась въ Баги-Дигиштъ вмѣстѣ съ Агъ-Бибѣ. Аланча-Ханъ гулялъ въ саду, а онѣ смотрѣли на него черезъ отверстіе въ стѣнѣ сада.

— Ахъ, какой красивый! Настоящій ханъ! — шептала Агъ-Бибѣ. — Какая у него гордая осанка, какіе горячіе глаза... Какъ жаль, что его нельзя выпустить изъ неволи. Джучи-Батэмъ умолимъ...

Кара-Нингиль ничего не отвѣчала и вернулась домой задумчивѣе обыкновеннаго. Въ слѣдующій разъ она переодѣлась аячхой и отправилась въ Баги-Дигиштъ одна. Стража ее знала и пропустила. Аланча-Ханъ опять гулялъ въ саду и очень удивился, когда увидѣлъ передъ собой скромно одѣтую дѣвушку.

— Ты зачѣмъ здѣсь? — спросилъ онъ и удивился звуку собственнаго голоса, — онъ совсѣмъ отвыкъ говорить вслухъ.

— Меня послала къ тебѣ Кара-Нингиль, наша царица, спросить, не нужно ли тебѣ чего-нибудь? — отвѣтила Кара-Нингиль, скромно опуская глаза, какъ настоящая аячка.

— Я съ женщинами не имѣю дѣла, — гордо отвѣтилъ Аланча-Ханъ и даже выпрямился, какъ молодой тополь. — Скажи Кара-Нингиль, что она дурная женщина... Она убила моихъ братьевъ и захватила престолъ. Она хочетъ заморить меня здѣсь, въ этой раззолоченной могилѣ, и я удивляюсь, почему она просто не велѣла меня казнить. Такъ ей и скажи, а я не боюсь смерти... Богъ насъ разсудитъ.

— Кара-Нингиль лучше, чѣмъ ты думаешь... Ей приписываютъ многое, чего она и не думала никогда дѣлать, а дѣлаютъ другіе отъ ея имени. О хорошемъ не говорятъ, а худое видятъ всѣ...

— Видно, сладко тебя кормитъ Кара-Нингиль, если ты такъ нахваливаешь ее, — отвѣтилъ грубо Аланча-Ханъ и засмѣялся.

Это обидѣло Кара-Нингиль, какъ ударъ ножа, и глаза ея засверкали, но она удержала свой гнѣвъ и опять принялась хвалить другую царицу, которая жертвуетъ собой для другихъ.

— Если ты пришла только за этимъ, то это напрасный трудъ, — отвѣтил Аланча-Ханъ, отвернулся и прибавилъ: — Скажи своей Бара-Нингиль, что я ее ненавижу, какъ всѣ сто моихъ зарѣзанныхъ братьевъ... Во мнѣ царская кровь, а она дочь простаго пастуха.

— Неправда! — рѣзко отвѣтила Бара-Нингиль и тоже выпрямилась, но въ-время опомнилась и опустила свои прекрасные глаза. — Бара-Нингиль настоящей царской крови, а не дочь пастуха...

Домой Бара-Нингиль вернулась огорченная и разгнѣванная. Зачѣмъ онъ ненавидитъ ее и обвиняетъ въ томъ, чего она никогда не дѣлала? Это несправедливо. Но какой у него гордый видъ, у этого Аланча-Хана... Бара-Нингиль все думала о немъ, и въ ея сердце, какъ воръ ночью, прокралось чувство сожалѣнія къ несчастному узнику. Бѣдный Аланча-Ханъ!... Что ни дѣлала Бара-Нингиль, мысль о ханскомъ сынѣ не покидала ее. Какъ она не нашла тогда на его дерзость рассказать все то, что она знала объ Узунъ-Ханѣ и о томъ, какъ онъ обезлюдилъ Голодную Степь, разрушилъ многіе города и безчеловѣчно истребилъ ханскіе роды, въ томъ числѣ и ея родъ? О, нужно еще разъ идти и сказать этому гордому мальчишкѣ все... Такъ и сдѣлала Бара-Нингиль. Аланча-Ханъ опять гулялъ въ саду и точно поджидалъ ее. Она уже приготовилась высказать ему все, какъ онъ остановилъ ее.

— Ахъ, какъ мнѣ скучно, аячка... — прошептала Аланча-Ханъ и отвернулся, чтобы скрыть непрошенную слезу. — Ты тогда говорила, что Бара-Нингиль справедлива и желаетъ сдѣлать все, чтобы улучшить мое положеніе. Я тогда не хотѣлъ унижаться до просьбы, но теперь скажи ей: Аланча-Ханъ проситъ Бара-Нингиль, пусть она позволяетъ своей аячкѣ приходиться въ Баги-Дигишъ каждый день.

— Это невозможно!... — перебила его Бара-Нингиль и покраснѣла.

— Но, вѣдь, это ей ничего не стѣитъ? Развѣ мало у ней аячекъ, чтобы уступить мнѣ всего одну?... Потому ты не можешь понимать, какъ подумаетъ царица. Можетъ быть, она будетъ посылать тебя...

Прежняго гордаго ханскаго сына точно не было, а былъ несчастный человѣкъ, который точно постучался въ душу Бара-Нингиль. вмѣстѣ съ тѣмъ, ей ужасно было обидно, что онъ принимаетъ ее за простую аячку, которой царица можетъ распоряжаться, какъ ей угодно. Да и онъ видитъ въ ней просто женщину, которая усладила бы скуку одиночества. Но глаза Аланча-Хана говорили другое: они такъ любовно проводили ее и столько въ нихъ было не-

чальной мольбы. Бара-Нингиль не выдержала и бѣжала отъ него, какъ бѣжитъ аргали отъ охотника. Онъ не спорилъ съ ней, какъ въ первый разъ, не бранилъ Бара-Нингиль; она увидѣла его печальнымъ... Нѣтъ, больше — онъ полюбилъ ее съ перваго раза, и полюбилъ не какъ царицу, а какъ полюбилъ бы всякую другую дѣвушку.

Это приключеніе взволновало Бара-Нингиль. Притомъ, все происходило при такой сказочной обстановкѣ. Царица видѣла Аланча-Хана даже во снѣ, и онъ шепталъ ей ласковыя слова и все смотрѣлъ своими темными, печальными глазами, смотрѣлъ прямо въ душу. Душно ей было въ своемъ дворцѣ, и во снѣ Бара-Нингиль шептала тѣ ласковыя слова, которыя душили ее. Но идти въ третій разъ къ нему она не рѣшилась: зачѣмъ напрасно мучить бѣднаго недоступнымъ призракомъ? А если онъ ждетъ ее? По крайней мѣрѣ, нужно же ему сказать, что Бара-Нингиль не согласна отпустить къ нему свою любимую и самую преданную аячку.

Съ этими мыслями Бара-Нингиль шла въ третій разъ въ Баги-Дигиштъ, но при входѣ стража загородила ей дорогу.

— Джучи-Батѣмъ не велѣлъ пускать никого...

— Даже и меня? Вы знаете, кто я...

— Даже и тебя, царица.

— А, такъ вотъ какъ... — прошептала пристыженная Бара-Нингиль, и глаза ея засверкали небывалымъ еще огнемъ.

VIII.

Джучи-Батѣмъ былъ схваченъ и заключенъ въ Летафеть-Намехъ. Онъ сдѣлался такимъ же узникомъ, какъ и Аланча-Ханъ.

— Кто меня велѣлъ схватить и за что? — спрашивалъ онъ, оглушенный всѣмъ случившимся.

— Сама царица.

— Не можетъ этого быть! Дайте мнѣ случай переговорить съ ней, и царица увидитъ, что я страдаю невинно!... Я всегда желалъ ей одного добра.

Но Бара-Нингиль не пожелала видѣть Джучи-Батѣмъ, а только послала къ нему Алтынъ-Тюлгю сказать, что царица можетъ поступать, какъ хочетъ, и каждый послушникъ ея волѣ понесетъ достойное наказаніе. Ничего не отвѣтилъ Джучи-Батѣмъ, а только низко опустилъ свою голову: вотъ награда за его вѣрную службу и преданность.

Всѣ ждали, кого назначать на мѣсто Джучи-Батѣмъ и какой

счастливецъ приблизится къ царицѣ, но Кара-Нингиль хотѣла показать, что она настоящая царица и всѣми государственными дѣлами можетъ править одна. Ея воля—законъ для всѣхъ.

Теперь путь въ Баги-Дигишть былъ открытъ, и Кара-Нингиль могла отправляться туда, когда хотѣла. Эта свобода сначала даже ее немного смутила, и она точно не рѣшалась воспользоваться ею, какъ долго сидѣвшая въ клѣткѣ птица, которая расправляетъ крылья, прежде чѣмъ унести въ небо. Ей было совѣстно предъ Агъ-Бибѣ и другими женщинами. Но ее такъ и тянуло въ Баги-Дигишть: навѣрное, Аланча-Ханъ ждетъ ее и скучаетъ. Онъ дѣйствительно ждалъ и, когда она пришла, попрежнему, скромною аячкой, онъ умоляюще протянулъ руки:

— Мнѣ казалось, что я умеръ, пока не видѣлъ тебя,—ласково шепталъ онъ.—Ну, что Кара-Нингиль? Чѣмъ больше я думаю, тѣмъ больше мнѣ хочется увидѣть ее... Я знаю про нее все; она первая красавица во всемъ государствѣ.

— Ты красивѣе ее, Аланча-Ханъ... Но твоя красота, какъ спрятавшееся за тучами солнце. Потомъ Кара-Нингиль глупа... Когда я ей сказала о твоёмъ желаніи имѣть въ услуженіи аячку, она отвѣтила: иди къ нему и сдѣлай все, чтобъ онъ не скучалъ.

— Нѣтъ, она мудрѣйшая изъ всѣхъ женщинъ!... Значить, ты будешь приходить ко мнѣ каждый день?

— О, нѣтъ... Я могу приходить только иногда, но оставаться здѣсь не могу. Кара-Нингиль сказала: «Ты идешь къ нему чистою дѣвушкой и такую же возвратишься, а иначе я тебя казню».

Аланча-Ханъ только засмѣялся, а Кара-Нингиль опустила глаза. Каждый разъ, когда она приходила къ нему, онъ начиналъ ее спрашивать про царицу, точно влюбленный. Сердце Кара-Нингиль усиленно билось, но она не открывала своего настоящего имени. Когда Аланча-Ханъ скучалъ, она рассказывала ему сказки, тѣ сказки, гдѣ влюбленные не узнавали другъ друга, а злая судьба смѣялась надъ ними. Всѣ свои мысли и чувства Кара-Нингиль передавала въ этой формѣ и наблюдала, какое дѣйствіе они производятъ на Аланча-Хана. Когда она входила въ Баги-Дигишть, то совсѣмъ измѣнялась,—гордая царица оставалась у воротъ сада, а здѣсь была скромная дѣвушка, боявшаяся каждаго ласковаго взгляда.

Случилось то, что равняетъ всѣхъ женщинъ. Когда Аланча-Ханъ въ первый разъ обнялъ и поцѣловалъ Кара-Нингиль, она задрожала, какъ подстрѣленная аргали, и только прошептала:

— Что ты дѣлаешь? Что я скажу Кара-Нингиль?

— Скажи ей, что я такъ хочу.

Кара-Нингиль едва вырвалась изъ его объятий и долго не показывалась въ Баги-Дигиштъ. Зачѣмъ онъ поцѣловалъ ее?... Этого поцѣлуя точно ожогъ ее, и, просыпаясь ночью, она протягивала руки невидимому Аланча-Хану. Конечно, онъ могъ поцѣловать простую аячку, но гордость царицы Кара-Нингиль была оскорблена. О, она его любитъ, но онъ никогда не долженъ знать объ этомъ!

Въ слѣдующее свиданіе Кара-Нингиль сказала Аланча-Хану:

— Я бѣдная дѣвушка, и ты меня оскорбилъ своимъ поцѣлуемъ!

— Я тебя люблю, аячка, — отвѣчалъ Аланча-Ханъ.

— О, развѣ такая бываетъ любовь?... Тебѣ скучно здѣсь сидѣть одному, вотъ ты и приласкалъ аячку. Но ты забылъ, что обманываешь Кара-Нингиль, которая тебѣ вѣритъ. Твоя любовь погубитъ меня, какъ солнце выжигаетъ весеннюю траву въ степи. Если бы ты былъ ханомъ, то какъ Узунъ-Ханъ каждый годъ собиралъ бы со всего государства самыхъ красивыхъ дѣвушекъ и записывалъ бы въ своихъ садахъ. Это несправедливо, и это не любовь.

— Милая дѣвушка, власть портитъ людей, но сейчасъ я знаю только одно, что люблю тебя, и больше не знаю ничего... Если бы я былъ ханомъ, то сдѣлалъ бы тебя своею женой.

— А если бы къ тебѣ пришла сама Кара-Нингиль?... Ты забылъ бы и меня, и всѣхъ на свѣтѣ.

— Она—жена моего отца.

— Только по имени... Она осталась чистою дѣвушкой и гордится этимъ. И если бы Кара-Нингиль пришла къ тебѣ, сама царица Кара-Нингиль, и сказала бы, что любитъ тебя... О, ты забылъ бы меня!

— Никогда!—повторялъ Аланча-Ханъ и протягивалъ умоляюще руки, точно такъ, какъ Кара-Нингиль видѣла его во снѣ. — Если бы я былъ ханомъ, я, прежде всего, казнилъ бы Кара-Нингиль... Я ее ненавижу.

— А зачѣмъ ты такъ часто спрашиваешь меня о ней?

— Потому, что ты такъ ее расхваливаешь.

Случилось то, что бываетъ съ красивыми и некрасивыми дѣвушками. Кара-Нингиль провела цѣлую ночь въ Баги-Дигиштъ и утромъ горько плакала.

— Чтò я скажу теперь Кара-Нингиль?—повторяла она, не слушая утѣшеній Аланча-Хана.—Я обманула ее... Она будетъ теперь презирать меня. Какъ я покажусь къ ней на глаза?

— Оставайся здѣсь,—просилъ ханъ.—Или подговори стражу и бѣжимъ.

Бара-Нингиль аячка ревновала теперь Аланча-хана къ собственной тѣни, къ той неприступной царицѣ Бара-Нингиль, которая не должна была знать обычныхъ женскихъ слабостей. Она возненавидѣла Аланча-хана, которому отдала все. Но неотразимая сила влекла ее опять въ Баги-Дигиштъ, и Бара-Нингиль пила здѣсь полною чашей отравленной радости своей первой любви. Она была счастлива, что Аланча-Ханъ веселъ и что она развлекаетъ его въ уединеніи, какъ та птичка, которая поетъ на окнѣ заключеннаго въ тюрьмѣ. Возвращаясь домой, она опять дѣлалась неприступною царицей, предъ которою трепетали всѣ. О, она умѣла показать, что Бара-Нингиль можетъ править государствомъ такъ же мудро и безъ Джучи-Катэмъ! Изъ дальнихъ странъ пріѣзжали любопытные посмотреть, какъ управляетъ цѣлымъ государствомъ молодая женщина, и восхваляли ее. Уучи-Бушъ прославлялъ ее въ своихъ стихахъ, которые распѣвались бродячими пѣвцами. Народъ благоденствовалъ, торговля процвѣтала и только одни войска роптали, вспоминая походы Узунъ-Хана, когда они могли грабить, убивать и уводить въ плѣнъ.

Бара-Нингиль была счастлива такъ же про себя, какъ раньше плакала одна, — никто не долженъ былъ знать объ ея тайныхъ радостяхъ. Цвѣты, попрежнему, вяли въ ея присутствіи, но ей теперь было не до нихъ.

IX.

Джучи-Катэмъ сидѣлъ въ заключеніи уже два года и ничего не зналъ, что дѣлается тамъ, за предѣлами его тюрьмы. Онъ былъ окруженъ такою же нѣмою стражей, какъ и Аланча-Ханъ. Цѣлые дни онъ гулялъ въ саду и чутко прислушивался къ гулу, который доносился изъ Зеленаго Города. Что-то теперь дѣлается тамъ и что дѣлаетъ царица Бара-Нингиль, заплатившая ему черною неблагодарностью и за его услуги, и за любовь? У Джучи-Катэмъ даже не являлось мысли о бѣгствѣ: куда ему бѣжать, да развѣ онъ можетъ бѣжать отъ Бара-Нингиль? Когда-то красивый батырь теперь посѣдѣлъ и опустился, — это былъ уже старикъ. Но онъ былъ увѣренъ, что настанетъ часъ, когда Бара-Нингиль вспомнить и про него, тотъ черный часъ, когда нужны одни вѣрные слуги. Пусть царица радуется теперь съ Аланча-Ханомъ, но эти радости дорого будутъ ей стоить. Джучи-Катэмъ видѣлъ даже во снѣ садъ Баги-Дигиштъ и видѣлъ Бара-Нингиль, какъ она потихоньку отъ всѣхъ крадется къ своему любовнику, — о, зачѣмъ тогда онъ

не велѣлъ казнить этого проклятаго ханскаго сына! Гордая и неприступная царица забыла для него все—и свою дѣвичью гордость, и величіе царицы, и его совѣты.

Разъ ночью, когда Джучи-Катэмъ спалъ, его разбудилъ шумъ незнакомыхъ шаговъ. Въ первую минуту онъ подумалъ, что пришли за нимъ, чтобы казнить его, и похолодѣлъ отъ ужаса, но потомъ въ его комнату вошла Акъ-Бибѣ и бросилась отцу на шею.

— Ты свободенъ!—шептала она.—Кара-Нингиль ждетъ тебя.

— Что-нибудь случилось?—спрашивалъ Джучи-Катэмъ, не вѣря собственному счастью.

— Аланча-Ханъ бѣжалъ!—отвѣтила Акъ-Бибѣ, опуская глаза.—Кара-Нингиль позволила ему съѣздить на охоту, а онъ бѣжалъ. За него войско и весь народъ. Съ минуты на минуту ждутъ возмущенія, а Кара-Нингиль заперлась въ своемъ дворцѣ. Народъ забылъ ея благодѣянія, ея мудрое правленіе—все.

— Я этого ожидалъ,—задумчиво говорилъ Джучи-Катэмъ.—Такъ должно было быть.

Кара-Нингиль съ нетерпѣніемъ ожидала въ своемъ дворцѣ появленія Джучи-Катэмъ. Противъ нея было все: обласканные ею князья, войско, народъ. Пока Джучи-Катэмъ находился въ заключеніи, сторонники Узунъ-Хана дѣлали свое темное дѣло на свободѣ. Она узнала обо всемъ послѣдняя. Аланча-ханъ выпросилъ ея позволеніе съѣздить на охоту и бѣжалъ. О, какъ онъ ее умолялъ и она повѣрила его клятвамъ! Но было одно хорошо: до конца она осталась для него простою аячкой и не выдала своего настоящаго имени.

Когда явился во дворецъ Джучи-Катэмъ, Кара-Нингиль приняла его спокойная и гордая, какою онъ зналъ ее всегда.

— Ты свободенъ, Джучи-Катэмъ,—сказала она,—и подумай о своемъ спасеніи. Войска передались на сторону Аланча-Хана.

— Царица, я умру вмѣстѣ съ тобой,—отвѣтилъ Джучи-Катэмъ.—Счастье измѣнчиво, но мы еще увидимъ, какъ справится этотъ мальчишка съ Джучи-Катэмъ... Проклятое отродье Узунъ-Хана узнаетъ меня.

— Дѣлай, что хочешь и какъ хочешь,—рѣшила Кара-Нингиль.—Я виновата передъ тобою.

— Развѣ солнце можетъ быть виновато, что ослѣпляетъ наши слабые глаза?

Джучи-Катэмъ рассчитывалъ на свое прежнее вліяніе на народъ, но онъ въ этомъ ошибся такъ же жестоко, какъ Кара-Нингиль въ Аланча-Ханѣ. Народъ успѣлъ забыть Джучи-Катэмъ и съ

нетерпѣніемъ ждалъ, когда Аланча-Ханъ подступитъ съ войскомъ къ Зеленому Городу. Въ каждомъ Джучи-Катэмъ теперь видѣлъ извѣнника и не достало бы веревокъ, чтобы ихъ перевѣсить. Уучи-Бушъ въ числѣ другихъ перешелъ тоже на сторону Аланча-Хана и теперь воспѣвалъ его, какъ раньше воспѣвалъ Кара-Нингиль. Надежды на спасеніе съ каждымъ днемъ оставалось все меньше и меньше, а Аланча-Ханъ съ каждымъ днемъ былъ все ближе и ближе. Ему, какъ побѣдителю, сдавались одинъ городъ за другимъ и число войска увеличивалось съ каждымъ шагомъ впередъ. Уже въ самомъ Зеленомъ Городѣ появились возмутительные листы новаго хана, написанные рукою Уучи-Бушъ.

— Теперь все кончено, — сказалъ Джучи-Катэмъ, убѣдившись въ тщетности всѣхъ своихъ усилій.

Это извѣстіе Кара-Нингиль выслушала совершенно равнодушно, точно все такъ и должно было быть. Все равно, прошлаго не воротить, а о будущемъ она старалась не думать.

— Нужно бѣжать, царица, — говорилъ Джучи-Катэмъ. — Аланча-Ханъ подступитъ съ юга, а мы уйдемъ на сѣверъ.

— Въ Чолпанъ-Тау? — обрадовалась Кара-Нингиль. — Можетъ быть, еще и Байгырь-Ханъ живъ, и я увижу его... О, скорѣе, скорѣе!...

Алтынъ-Тюлгю давно скрылась, и ее даже не разыскивали. Джучи-Катэмъ рѣшился бѣжать втроемъ: онъ, Кара-Нингиль и Акъ-Бибѣ. Въ ханской конюшнѣ онъ самъ выбралъ шесть лучшихъ аргамаковъ, чтобы бѣжать о дву-конь. Кара-Нингиль надѣла то самое платье, въ которомъ ее привезли изъ Чолпанъ-Тау, и ничего не взяла изъ ханскихъ сокровищъ. Для чего ей богатство, наряды и роскошь, когда сердце разбито? Она не согласилась бы бѣжать, если бы не желаніе увидѣть въ послѣдній разъ милыя горы, гдѣ она выросла, и желаніе обнять еще разъ Байгырь-Хана. Вѣдь, умереть не все ли равно гдѣ?... Одинъ Джучи-Катэмъ не думалъ о смерти, а, напротивъ, жизнь ему только что начала улыбаться. Онъ увезетъ Кара-Нингиль далеко-далеко, и она опять полюбитъ его. Въ любомъ сосѣднемъ государствѣ его примутъ съ радостью и онъ отмститъ Аланча-Хану за его измѣну.

Бѣглецы ушли изъ Зеленаго Города темною ночью, когда дремала вся городская стража. Впереди летѣлъ самъ Джучи-Катэмъ, а за нимъ уже ѣхали Кара-Нингиль и Акъ-Бибѣ. Такъ они мчались два дня и двѣ ночи, пока не достигли Чолпанъ-Тау.

— Теперь мы дома, — говорилъ радостно Джучи-Катэмъ. — Аланча-Хану нужно еще идти недѣлю, прежде чѣмъ онъ насъ дого-

нить. Отдохнемъ у Байгырь-Хана и опять въ путь, черезъ Голодную Степь.

Бара-Нингиль молчала. Ее занимало больше всего то, что гдѣ они ни проѣзжали, всѣ цвѣты умирали сейчасъ же, точно за ними по пятамъ летѣла сама смерть. Это было страшное проклятіе, которое она уносила съ собой изъ Зеленаго Города.

— Что ты молчишь, царица? — спрашивалъ ласково Джучи-Батѣмъ.

— Я не царица, а Бара-Нингиль... Царица умерла... тамъ, въ Зеленомъ Городѣ умерла.

Х.

Байгырь-Ханъ сначала не узналъ бѣглецовъ, а потомъ обрадовался. Раньше борода у него была бѣлая, потомъ пожелтѣла, а сейчасъ была зеленая, какъ мохъ; которымъ обростали деревья на Чолпанъ-Тау.

— Мы въ гости пріѣхали, — сказалъ Джучи-Батѣмъ. — Бара-Нингиль соскучилась о тебѣ.

Старикъ посмотрѣлъ столѣтними глазами на Джучи-Батѣмъ и только покачалъ головой: царицы о дву-конь не ѣздятъ. Потомъ Джучи-Батѣмъ рассказалъ все Байгырь-Хану и ничего не скрылъ.

— Наши несчастія только велики для насъ самихъ, а если смотрѣть на нихъ издали, то дѣлаются все меньше и меньше, — отвѣтилъ старикъ. — Былъ Узунъ-Ханъ, была Кара-Нингиль, теперь Аланча-Ханъ, а послѣ него кто-нибудь другой... Весной одна трава, осенью другая, а на будущее лѣто третья. Труднѣе всего быть царемъ для самого себя... и бояться нужно тоже одного себя.

Сначала Кара-Нингиль обрадовалась, когда увидѣла Байгырь-Хана, пещеру, въ которой жила съ нимъ маленькою дѣвочкой, Кузь-Тау съ ея развалиной на самой вершинѣ и всѣ тѣ мѣста, гдѣ бѣгала беззаботнымъ ребенкомъ. На горахъ цвѣтовъ не было, и это ее радовало: нечему умирать при ея появленіи. Кузь-Тау стояла голою каменистою шапкой и по ней едва лѣпились только чахлые кустики. Но потомъ Кара-Нингиль сдѣлалась опять такою задумчивой и совсѣмъ равнодушной. Она любила сидѣть у огня и смотрѣть туда, далеко внизъ, гдѣ разлеглась желтымъ ковромъ Голодная Степь, а потомъ припоминала тѣ пѣсни, которыя когда-то пѣлъ ей Байгырь-Ханъ.

Черезъ два дня, когда лошади отдохнули, Джучи-Батѣмъ сказалъ:

— Кара-Нингиль, пора ѣхать.

— Куда?—удивилась Кара-Нингиль.— Я останусь здѣсь съ Байгырь-Ханомъ, а ты уѣдешь съ Акъ-Бибѣ...

У Джучи-Катѣмъ опустились руки. Какъ онъ ни уговаривалъ, какъ ни упрашивалъ, какъ ни умолялъ Кара-Нингиль, она оставалась непреклонною.

— Мнѣ здѣсь хорошо,—повторяла она упрямо одно и то же.

— Царица, опомнись!

— Я уже опомнилась.

— Вѣдь, каждый часъ дорогъ... Если тебѣ не жаль себя, то пожалѣй меня съ Акъ-Бибѣ.

— Оставьте меня одну, а сами спасайтесь...

Джучи-Катѣмъ со слезами умолялъ Кара-Нингиль, но она была равнодушна и къ слезамъ.

— А! такъ ты вотъ какъ поступаешь со мной?—зарычалъ онъ на нее въ страшной ярости, какъ раненый звѣрь.—Тогда я свяжу тебя, какъ упрямую овцу, и увезу насильно!

— Вяжи, если твоя рука подыметься на такое дѣло, но я живая не дамся.

— О, когда такъ, то я тебѣ сдѣлаю самое страшное, Кара-Нингиль... Клянусь тебѣ моею сѣдою бородой, что сдѣлаю то, о чемъ ты и не думала.

— Что же ты сдѣлаешь?

— Что я сдѣлаю?... Я останусь здѣсь съ тобой и буду ждать и своей, и твоей смерти. Аланча-Ханъ безжалостно убьетъ обоихъ, но я постараюсь умереть раньше, чтобы ты видѣла мою смерть и зазналась... Ты этого сама хочешь, Кара-Нингиль!...

Теперь Кара-Нингиль со слезами умоляла Джучи-Катѣмъ бѣжать, пока есть время, а ее оставить здѣсь, но Джучи-Катѣмъ оставался непреклоннымъ, какъ скала.

Прошелъ день, прошелъ другой, а Кара-Нингиль оставалась со-всѣмъ равнодушною къ увеличивавшейся опасности. Ей было только жаль Акъ-Бибѣ, которая старалась плакать потихоньку отъ всѣхъ,—вѣдь, Акъ-Бибѣ была еще такъ молода и ей такъ хотѣлось жить.

Джучи-Катѣмъ казался спокойнымъ, но часто припадалъ ухомъ къ землѣ и слушалъ,—чуткое ухо батыря слышало дальше волчьего.

— Погоня...

Кара-Нингиль даже не оглянулась.

— Кара-Нингиль, погоня!—повторилъ онъ.

Она оставалась неподвижною.

— Царица, погоня!—еще разъ повторилъ онъ и Кара-Нингиль разсмѣялась.

Акь-Бибѣ громко плакала и рвала на себѣ волосы въ отчаяніи.

— Если мы уйдемъ сейчасъ, то насъ не нагонять,—уговаривалъ Джучи-Катэмъ.—У нихъ лошади устали, а у насъ свѣжія... Черезъ день мы будемъ внѣ всякой опасности.

Не успѣлъ Джучи-Катэмъ договорить послѣдняго слова, какъ въ горахъ показались уже всадники. Ихъ было много и они спустились съ горы въ долину. Джучи-Катэмъ осмотрѣлъ свою саблю, копье, лукъ со стрѣлами и сказалъ:

— Смерть близко...

Тогда на Кара-Нингиль напалъ страхъ: вѣдь, ее могутъ живую взять въ плѣнъ и привести въ Зеленый Городъ жалкою невольницей.

— Джучи-Катэмъ, убей меня,—молила она.—Лучше смерть, чѣмъ позоръ взятой въ плѣнъ царицы...

Теперь засмѣялся Джучи-Катэмъ: бѣжать было поздно.

Погоня была уже близко, такъ что можно было разсмотрѣть высокія бараньи шапки наѣздниковъ, длинныя пики съ развѣвавшимися на нихъ конскими хвостами и блескъ оружія,—это была старая ханская стража, первой измѣнившая Кара-Нингиль. Прищурилъ глаза Джучи-Катэмъ и узналъ Аланча-Хана, который ѣхалъ въ срединѣ стражи на бѣломъ аргамагѣ.

— Я не хочу здѣсь умирать...—заявила твердо Кара-Нингиль.—Давай лошадей и ѣдемъ на Кузь-Тау. Тамъ есть отличная защита.

Джучи-Катэмъ повиновался. Со страха Акь-Бибѣ лишилась чувствъ, но Джучи-Катэмъ перекинулъ ее поперекъ сѣдла и повезъ съ собой. Кара-Нингиль уговорила ѣхать съ ними и Байгырь-Хана, который сначала не хотѣлъ оставлять своей пещеры. Когда ханская стража подъѣзжала къ этой пещерѣ, три лошади, какъ кошки, карабкались на страшную кручу Кузь-Тау. Даже издали было страшно смотрѣть на нихъ, и сердце сжалось у самыхъ храбрыхъ.

Когда бѣглецы взобрались, наконецъ, на самую вершину, Джучи-Катэмъ поставилъ на стѣну старой башни свою пигу съ конскимъ хвостомъ и, махая шапкой, крикнулъ внизъ Аланча-Хану:

— Эй, вы, трусы, кто желаетъ оставить здѣсь свою глупую голову?... А тебѣ, Аланча-Ханъ, я отрѣжу уши, какъ мальчишкѣ, только покажи свой носъ сюда!

Байгырь-Ханъ смотрѣлъ подъ гору въ другую сторону, гдѣ разстилась Голодная Степь, и припоминалъ, какъ онъ бился на Кузь-Тау еще съ Узунъ-Ханомъ.

XI.

— Имъ больше некуда уйти,— говорилъ Уучи-Бушъ своему повелителю Аланча-Хану.— Они будутъ наши...

— Главное, нужно взять ихъ живыми,— отвѣчалъ Аланча-Ханъ.— Я никогда не видалъ эту Кара-Нингиль...

— Ихъ тамъ на Кузь-Тау двое: Кара-Нингиль и Агъ-Бибѣ. Проще было бы захватить живыми обѣихъ и привести ихъ въ Зелёный Городъ закованными въ цѣпи.

Аланча-Ханъ никому не говорилъ объ аячкѣ, приходившей къ нему въ Баги-Дигишть, и только жаждалъ увидѣть эту сказочную рицу Кара-Нингиль, о которой такъ много слышалъ. Всѣ его бѣды ничего не значили предъ этою послѣдней; пока Кара-Нингиль на свободѣ, онъ еще не ханъ. Между прочимъ, его удивляло, чему бѣглецы такъ долго оставались въ Чолпанъ-Тау и не бѣжали дальше. Лучшія лошади съ ханской конюшни спасли бы ихъ отъ погони.

— Лошадей всего шесть, а ихъ четверо съ Байгыръ-ханомъ,— бѣснялъ Уучи-Бушъ.— Они не могли бросить здѣсь беззащитнаго тарига...

— Ты слишкомъ много приписываешь имъ великодушія,— сердито отвѣчалъ Аланча-Ханъ.— Простая случайность...

Изъ ханской свиты сейчасъ же вызвалось нѣсколько охотниковъ взобраться на Чолпанъ-Тау и взять засѣвшую въ ней горсть рабцовъ въ плѣнъ. Особенно волновался Уучи-Бушъ, которому Аланча-Ханъ, за его услуги, подарилъ саблю. Онъ заявилъ, что самъ полѣзетъ на Кузь-Тау, если это будетъ нужно. Когда Аланча-Хану передали хвастливыя слова Джучи-Катэмъ, онъ покраснѣлъ, какъ дѣвушка: о, они всѣ дорого заплатятъ ему за этотъ послѣдній позоръ, только бы взять ихъ живыми!

Первый приступъ смѣлыхъ охотниковъ на Кузь-Тау закончился одною неудачей. Приходилось взбираться на страшную каменную ручку по одному, какъ лазять по горамъ аргали, и мѣткія стрѣлы Джучи-Катэмъ по одному снимали отчаянныхъ храбровъ— одинъ за другимъ смѣльчаки летѣли внизъ и разбивались въ дребезги. Какъ Уучи-Бушъ ни размахивалъ своею саблей, какъ ни кричалъ, вѣяя подъ горой, изъ этого приступа ничего не вышло, кромѣ нѣсколькихъ убитыхъ.

— Что же они трусятъ?— кричалъ Уучи-Бушъ.— Да я одинъ возьму это воронье гнѣздо...

— А что Аланча-Ханъ причесется, какъ баба?— кричалъ съ горы

Джучи-Катэмъ, размахивая саблей.—Пусть идетъ сюда, а сойти съ горы я ему помогу...

Аланча-Ханъ сврежеталъ зубами въ безсильной ярости, — такъ одного по одному, Джучи-Катэмъ перебьетъ всю его свиту. Но Уучи-Бушъ утѣшилъ его:

— Мы ихъ и такъ возьмемъ, потому что тамъ, на верху горы, нѣтъ воды...

— Почему ты это знаешь?

— А я слышу по ржанью лошадей.

— Тогда мы ихъ заставимъ сдаться безъ капли крови, — рѣшилъ Аланча-Ханъ.

У подножья Кузь-Тау были разставлены надежные сторожа, а самъ Аланча-Ханъ разбилъ свой станъ въ долинѣ. Изъ его палатки видна была вся Кузь-Тау и, лежа на коврѣ, онъ могъ видѣть все, что дѣлается на ея вершинѣ. Появившіяся на развалинахъ башни человѣческія фигуры казались отсюда такими маленькими, какъ дѣтскія куклы, такъ что едва можно было отличить мужчину отъ женщины, и то благодаря только прозрачности горнаго воздуха.

Вечеромъ весело загорѣлись огни въ станѣ Аланча-Хана, который теперь отдыхалъ послѣ своихъ военныхъ трудовъ и побѣдъ. Утомленная походомъ стража тоже была рада отдохнуть. Загорѣлся огонь и на вершинѣ Кузь-Тау, точно волчій глазъ. Кругомъ стояла мертвая тишина и только перекликались однѣ лошади, чуждыя человѣческой ненависти; печально ржали аргамаки съ вершины Кузь-Тау и имъ весело отвѣчали пасшіяся на зеленой травѣ ханскія лошади.

Аланча-Ханъ весело пировалъ въ кругу своихъ ратныхъ сподвижниковъ, когда надъ Чолпанъ-Тау быстро спустилась темная горная ночь.

— Кто это поетъ?—спрашивалъ Аланча-Ханъ, прислушиваясь.

— А это безумный старикъ Байгырь-Ханъ...

Дѣйствительно, это пѣлъ Байгырь-Ханъ: онъ пѣлъ свои старыя пѣсни объ Узунъ-Ханѣ, о старыхъ батыряхъ, кости которыхъ разсыяны по Голодной Степи, о чудныхъ красавицахъ, уведенныхъ Узунъ-Ханомъ въ плѣнъ; о разрушенныхъ городахъ и невидимо вѣявшей надъ всѣми смерти. «О, смерть любитъ храбрыхъ, — пѣлъ Байгырь-Ханъ, — она не щадитъ и красавиць, которыя проносятся предъ нашими глазами, какъ падающія звѣзды... Гдѣ стояли цвѣтушіе города, тамъ сейчасъ мертвая пустыня, а гдѣ стоятъ сейчасъ цвѣтушіе города, тамъ въ свое время будетъ пустыня. Узунъ-Ханъ, ты много пролилъ человѣческой крови, но тебѣ не мягче отъ

того лежать въ своей могилѣ... Послѣдній бѣднякъ и самый великій ханъ равны въ общей судьбѣ. Жить страшно только людямъ справедливымъ, а смерть любитъ храбрыхъ... Байгыръ-Ханъ еще въ пришелъ на Кузь-Тау и будетъ ждать здѣсь, какъ подлые трубы прольютъ его кровь. Не умретъ только одна слава худыхъ дѣлъ святыхъ пѣсни, въ которыхъ пѣвцы оплакиваютъ свою родину».

Аланча-Ханъ прослезился, слушая пѣсни Байгыръ-Хана. Горный воздухъ такъ чистъ, что доносилъ къ его уху каждое слово. задумались и тѣ храбрыя, которые мечтали о военной добычѣ, зашедшей на вершинѣ Кузь-Тау: кто знаетъ, кому придется вернуться домой живымъ, а Джучи-Катэмъ мѣтко стрѣляетъ. Пока старикъ пѣлъ свои пѣсни, а соратники Аланча-Хана его слушали, Джучи-Катэмъ, какъ кошка, спустился съ горы. По пути онъ зарѣзалъ аслушавшагося сторожа и вернулся на гору съ водой, которую принесъ въ своей мохнатой шапкѣ.

— Вотъ, Кара-Нингиль, и вода, — съ гордостью заявилъ онъ, подавая свою мокрую шапку царицѣ, — а Аланча-Ханъ дуракъ...

Томившіяся отъ жажды лошади весело заржали, когда почували вѣжество принесенной воды. Но Кара-Нингиль не выпила ни одной капли, а отдала свою порцію Акъ-Бибѣ, которая лежала больная. Джучи-Катэмъ остатки воды передалъ Байгыръ-Хану. Бѣднымъ иргамакамъ такъ ничего и не осталось и они смотрѣли на всѣхъ печальными глазами. Кара-Нингиль напрасно ласкала ихъ и давала облизывать мокрую шапку, — лошади рыли копытами землю и проливали воды. Они олдѣдили за каждымъ шагомъ своихъ хозяевъ и призывно ржали, нагоняя на всѣхъ смертную тоску.

— Отпустимъ лошадей... — говорила Кара-Нингиль.

— Ни за что! — гордо отвѣчалъ Джучи-Катэмъ. — Это наша послѣдняя надежда, которая умретъ вмѣстѣ съ нами... Если Акъ-Бибѣ настолько поправится, что въ состояніи будетъ держаться въ седлѣ, мы пробьемся мимо этихъ ханскихъ воронъ, которыя умѣютъ только пить и ѣсть.

— Джучи-Катэмъ, у тебя желѣзное сердце...

Цѣлую ночь не смыкала глазъ Кара-Нингиль и все сидѣла наверху старой стѣны, гдѣ любила сидѣть еще маленькою дѣвочкой. Здѣсь въ первый разъ замѣтилъ ее орлиный взглядъ Джучи-Катэмъ, и вотъ она опять на любимомъ своемъ мѣстѣ, надъ головой то же небо, тамъ, вдали, та же Голодная Степь, но теперь сама она уже не та и принесла сюда съ собой цѣлый адъ. Какъ лошади мучились отъ жажды, такъ еще больше мучилась Кара-Нингиль отъ своихъ воспоминаній. И нѣтъ той воды, которая утолила бы ея душу...

Главный виновникъ всѣхъ ея несчастій, который изъ любви къ неготовъ отдать жизнь, чуждъ ея сердцу уже давно, и ее мучить, что онъ рѣшился умереть за нее. О, безумецъ Джучи-Катэмъ, зачѣмъ онъ здѣсь? А тотъ, кого выбрало ея сердце, кому отдала все, старожить ее, чтобы насладиться ея послѣднимъ позоромъ... Но этого не будетъ: Аланча-Ханъ не увидитъ царицы Кара-Нингиль и не узнаетъ въ ней любившую его аячку... Она умретъ въ этихъ камняхъ царицей, какъ тѣ храбрецы, которыхъ любить сама смерть. Одинъ разъ, всего только одинъ разъ раскрылось ея дѣвичье сердце и вотъ тяжелая плата за ея любовь... А она еще думала, что царица Кара-Нингиль не походитъ на другихъ женщинъ и что ея чужда слабость. Проклятый день, когда ее увидаль въ первый разъ Джучи-Катэмъ!...

Для осажденныхъ ночи длинны, какъ для больныхъ. Нѣсколько разъ Кара-Нингиль провѣдывала лошадей, которыя, благодаря ночной прохладѣ, замѣтно успокоились, но это былъ только обманъ, чтобы онъ еще сильнѣе почувствовали жажду съ восходомъ солнца. То солнце, которое даетъ жизнь и движеніе всему, погубить ихъ всѣхъ. Кара-Нингиль тоже мучилась отъ жажды и приглаждала горѣвшую голову къ холоднымъ камнямъ.

Джучи-Катэмъ не смыкалъ глазъ и караулил, притаившись за камнемъ. Ночью всего легче было сдѣлать вылазку сторожившему ихъ врагу и только усталость, вѣроятно, мѣшала сподвижникамъ Аланча-Хана воспользоваться темнотой. Къ утру Джучи-Катэмъ овладѣла усталость и орлиные глаза начали дремать. Только чуткое ухо сторожило каждый звукъ, и Джучи-Катэмъ вздрагивалъ отъ малѣйшаго шороха въ камняхъ, гдѣ гнѣздились ящерицы и змѣи. Утромъ, когда долина покрылась туманомъ, небо сдѣлалось сѣрымъ, а камни точно отпотѣли, Джучи-Катэмъ забылся тревожнымъ сномъ. Онъ очнулся, когда его шею обняли двѣ теплыя женскія руки, — это была Кара-Нингиль. Она припала къ нему своею головкой и горячо поцѣловала.

— Джучи-Катэмъ, я знаю твое львиное сердце... — шептала она, продолжая его обнимать, — я знаю, что ты всегда любилъ меня... Но у меня одна къ тебѣ просьба: уходи отсюда и забудь Кара-Нингиль. Я тебя цѣлую, какъ брата, а моя любовь тамъ, внизу... Дай мнѣ умереть здѣсь одной, и я умру, какъ царица.

— Я счастливъ... — отвѣчалъ Джучи-Катэмъ, — да, я счастливъ, что умру вмѣстѣ съ тобой, моя царица. Если жизнь наша разлучала, то пусть смерть соединитъ... Да будетъ благословенъ тотъ часъ, когда глаза мои увидали тебя въ этихъ развалинахъ!

XII.

Проходить день надъ Чолпанъ-Тау, проходить другой. Весело ириуетъ Аланча-Ханъ въ своей палаткѣ и все смотритъ на Кузь-Тау, на вершину горы, гдѣ все точно умерло. Истомившіяся отъ жажды лошади не могли больше ржать, и радуется сердце Аланча-Хана. Скоро наступитъ тотъ желанный часъ, когда Кара-Нингиль сдастся и онъ приведетъ ее въ Зеленый Городъ своею плѣнницей и велитъ ее казнить, какъ Джучи-Катэмъ казнилъ Узунъ-Хана. Солнце не должно видѣть ханской крови... Веселится Аланча-Ханъ и веселятся съ нимъ его спутники.

Утромъ и вечеромъ выходитъ изъ стана Уучп-Бушъ и кричить:

— Эй, вы, вороны, сдавайтесь... Аланча-Ханъ поступитъ съ вами, какъ велитъ его ханское сердце. Все равно, передохнете съ голода...

— Приди и возьми,—кричитъ съ горы Джучи-Катэмъ.—Ты, старый дуракъ, не стоишь даже того, чтобы тебя повѣсить.

Ахъ, какъ мучились бѣдныя лошади на вершинѣ Кузь-Тау и какъ болѣло за нихъ сердце Кара-Нингиль!... Онѣ уже теперъ не могли ржать, а только стонали, какъ люди. По ночамъ онѣ лизали холодные камни, но днемъ солнце жгло такъ безпощадно, и лошади просто бѣсидись отъ жажды и грызли другъ друга. Агъ-Бибѣ лежала, какъ мертвая, и всѣхъ бодрѣе чувствовалъ себя Байгыръ-Ханъ. Каждый вечеръ старикъ поднимался на вершину стѣны и здѣсь пѣлъ свои пѣсни.

Прошелъ четвертый день. Аланча-Хану надоѣло ждать, и онъ ночью велѣлъ сдѣлать вылазку, но она кончилась тѣмъ, что Джучи-Катэмъ убилъ еще четверыхъ, а остальные бѣжали. Изнемогавшій отъ жажды Джучи-Катэмъ чуть не умеръ отъ утомленія, и Кара-Нингиль ухаживала за нимъ, прикладывая холодные камни къ его головѣ.

На шестой день умерла Агъ-Бибѣ. Какъ страшно мучилась бѣдная дѣвушка и какъ она просила воды, чтобы смочить запекшійся ротъ, но воды не было... Ей все представлялось, что враги дѣлаютъ новый приступъ, и она просила убить ее, а не отдавать на позоръ Аланча-Хану. Ее похоронили въ глубокомъ колодецѣ, который былъ когда-то вырытъ на Кузь-Тау. Джучи-Катэмъ горько плакалъ надъ могилой погубленной Узунъ-Ханомъ дочери, и это горе придавало ему силы.

— Не плачь, Джучи-Катэмъ,—утѣшала его Кара-Нингиль,—Агъ-Бибѣ счастливѣе насъ... Она больше не мучится. Она не чувствуетъ жажды, позора, болѣзней, чужой и своей несправедливости.

— О, да, умереть, скорѣе умереть!—шепталъ Джучи-Катэмъ,

закрывая свое лицо руками. — И ты, Кара-Нингиль, утѣшаешь меня?... Ты—мое солнце, которое однимъ даетъ жизнь, а другимъ заставляетъ умирать... Я боюсь только одного: быть несправедливымъ въ послѣднюю минуту и къ себѣ, и къ тебѣ... Ты—моя Голубная Степь, съ которой я похоронилъ все!...

О, какъ мучилась, какъ страшно мучилась Кара-Нингиль!.. Стоило ей закрыть глаза, какъ все застлалось краснымъ огнемъ, — онъ, этотъ огонь, пожиралъ ее. Даже ночью не было пощады и все небо казалось кровавымъ, а звѣзды смотрѣли съ него страшными огненно-красными глазами. Если лошади такъ страшно умирали отъ жажды, то Кара-Нингиль мучилась вдвое и нравственные мучения были тяжелѣе физическихъ страданій.

— Нѣтъ, я царица... царица... — шептали запекшіяся губы Кара-Нингиль, тѣ губы, которыми она цѣловала Аланча-Хана. — Онъ не увидитъ моего позора... онъ не услышитъ мольбы о пощадѣ... я—царица...

Прошло семь ужасныхъ дней и семь ужасныхъ ночей, и когда надъ Чолпанъ-Тау поднималось утреннее солнце, заключенные на вершинѣ Кузь-Тау думали: это восходить наше послѣднее солнце. Лица у всѣхъ посинѣли, исказились и сдѣлались страшными. Они старались не смотрѣть другъ на друга. У Кара-Нингиль распухли даже языкъ, и она съ трудомъ могла говорить. Джучи-Катэмъ едва держался на ногахъ, и чтобы перейти съ одного мѣста на другое, онъ употреблялъ нечеловѣческія усилія. Бодрѣе всѣхъ оставался Байгыръ-Ханъ, но онъ совсѣмъ помѣшался отъ голода. Смерть шла къ нимъ быстрыми шагами.

Кара-Нингиль ждала на верху стѣны. О, какъ трудно было ей подняться сюда, но это было нужно... Она смотрѣла внизъ, на станцію Аланча-Хана, и видѣла приготовленія къ новому приступу. Если бы она могла смѣяться надъ этими храбрецами, но она только знакомыми руками пригласила на стѣну Джучи-Катэмъ. Когда онъ вползъ на вершину, онъ увидѣлъ, что Кара-Нингиль, обнявъ колѣни, плачетъ... Это были послѣднія слезы Кара-Нингиль... О, сколько ненужнаго зла кругомъ, сколько ужасной несправедливости! Только одинъ человекъ можетъ наслаждаться несчастіями и позоромъ другихъ... Женщина давно умерла въ Кара-Нингиль, и плакала сейчасъ царица, плакала въ послѣдній разъ. Ей вдругъ сдѣлалось жаль этихъ безумцевъ съ Аланча-Ханомъ во главѣ, которые съ торжествомъ и радостью готовы схватить высохшую отъ жажды добычу, а найдутъ одного сумасшедшаго Байгыръ-Хана. Вонъ уже звучитъ призывная труба... вонъ пьяный Учи-Бушь кричитъ имъ:

— Я одинъ возьму васъ всѣхъ... Вы узнаете, кто такой Уучи-Бушъ!... Эй, царица Кара-Нингиль, сдавайся на мое милосердіе!...

— Они уже идутъ... — шептала Джучи-Батѣмъ, наблюдая поднимавшихся по каменистой кручѣ враговъ. — А я не могу пошевелиться, чтобы сбросить ихъ по одному подъ гору...

— Мы будемъ свободны, прежде чѣмъ они войдутъ сюда, — отвѣчала Кара-Нингиль.

Ближе и ближе звучала военная труба... Байгырь-Ханъ тоже былъ на стѣнѣ и съ удивленіемъ смотрѣлъ кругомъ. Звуки трубы подняли въ немъ все старое, когда онъ былъ молодъ и силенъ, и старикъ, собравъ послѣднія силы, запѣлъ:

«О, смерть любить храбрыхъ...»

— Пора... — шептала Кара-Нингиль, когда врагъ уже вступилъ въ развалины.

Она крѣпко обняла Джучи-Батѣмъ, и они вмѣстѣ ринулись внизъ, гдѣ зіяла пропасть. Даже враги вскрикнули отъ ужаса... А Байгырь-Ханъ все пѣлъ и смотрѣлъ безумными глазами на ворвавшихся на вершину Кузь-Тау враговъ.

Съ каменной высоты къ ногамъ Аланча-Хана скатились два трупа. Лицо Джучи-Батѣмъ было неузнаваемо: такъ оно разбилось о камни. Когда Аланча-Ханъ подошелъ къ трупъ женщины и заглянулъ къ ней въ лицо, онъ вздрогнулъ отъ ужаса: это была та аячла, которая приходила къ нему въ Баги-Дигиштъ.

— Гдѣ же Кара-Нингиль? — спрашивалъ Аланча-Ханъ, отступая въ ужасѣ.

— Это Кара-Нингиль, — увѣрялъ Уучи-Бушъ. — Я ли не знаю ее... Да, это она.

Аланча-Ханъ велѣлъ похоронить Кара-Нингиль и Джучи-Батѣмъ на вершинѣ Кузь-Тау, а Байгырь-Хана оставить въ его пещерѣ, гдѣ онъ жилъ раньше.

Много лѣтъ пронеслось надъ Чолпанъ-Тау, — десятки и сотни лѣтъ. Все такую же безлюдной остается Голодная Степь, отъ Зеленаго Города остались однѣ развалины. Но такъ же высоко поднимаетъ свою голову Кузь-Тау, такъ же торчатъ на ней развалины старой крѣпости и только крутой спускъ, гдѣ раньше лежали одни голые камни, теперь покрытъ, какъ ковромъ, яркими цвѣтами. Много ихъ тутъ, этихъ цвѣтовъ: розовые, синіе, желтые... Больше нигдѣ нѣтъ такихъ цвѣтовъ, если обойти весь Чолпанъ-Тау. Народъ называетъ эти цвѣты на Кузь-Тау «слезами царицы Кара-Нингиль».

Д. Сибирякъ.

БОРИСЪ ЛЕНСКІЙ*).

Романъ Осипа Шубина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Если бы кто-нибудь сказалъ Николаю, что онъ съ перваго взгляда влюбится въ дѣвушку, не сказавъ даже съ ней ни слова, онъ разсмѣялся бы тому въ лицо.

Вышло, однако же, такъ, что онъ, разсудительный Николай Ленскій, влюбился... Глупости!... А, междъ утѣмъ... да, этого нельзя было отрицать... цѣлую недѣлю Нита не выходила изъ его головы.

На другой день послѣ концерта въ Эденѣ Николай зашелъ въ мастерскую молодыхъ дѣвушекъ узнать о здоровьи Ниты. Онъ засталъ тамъ одну Соню, сообщившую ему, что у нея подруги сильнѣйшій мигрень и она вынуждена была остаться дома.

Милая, добрая Соня, какъ искренно обрадовалась она ему!... Она все еще была привязана къ Колѣ изъ благодарности къ его матери. Въ Парижѣ она очень похорошѣла за этотъ годъ; Николай прямо сказалъ ей это въ лицо, отчего она очень мило покраснѣла. Затѣмъ... затѣмъ онъ освѣдомился о томъ, какъ она устроилась въ этомъ современномъ Вавилонѣ, гдѣ познакомилась съ подругой, что за личность эта особа. Все это онъ спрашивалъ, конечно, интересуясь своею двоюродною сестрой. Соня охотно разсказывала про обожаемую подругу. Она описала ему ея характеръ, ея безграничную доброту, странное смѣшеніе мужскаго склада ума и женской нѣжности, ея необыкновенную вспыльчивость и обворожительную любезность, которою она умѣла загладить свои оскорбительныя дерзости, она повторяла ему удачныя traits d'esprit Ниты, показывала ея этюды.

*) Русская Мысль, кн. IX.

Часъ, полтора часа сидѣлъ Николай въ мастерской. Соня дала ему чаю, сама же сѣла за полотно, чтобы не терять времени, и прилежно рисовала черепъ, окруженный пучками рѣдьки и моркови. Гость все сидѣлъ, покойно развалившись въ удобномъ креслѣ, жуя папиросу за папиросой, между тѣмъ какъ Соня, отрываясь отъ своего полотна, взлядывала то на черепъ, то на Николая, не переставая рассказывать объ Нитѣ. Она сообщила ему происхождение и фамилию Ниты, сказала, что у молодой дѣвушки есть въ Парижѣ двоюродный братъ, графъ Беренбургъ, служащій attaché при австрійскомъ посольствѣ, очень красивый молодой человекъ, интересный, но не особенно умный, что онъ часто посѣщаетъ Ниту въ мастерской. Николай долженъ его знать.

Николай подтвердилъ, что знаетъ; Соня продолжала рассказывать, а Николай пускалъ къ потолку синеватыя кольца дыма, пока не наступили сумерки; Соня вымыла свои кисти и собралась уходить. Николай проводилъ ее до подъѣзда въ улицѣ Мурильо, гдѣ поцѣловалъ на прощанье два раза ея руку и сказалъ, что онъ давно не испытывалъ такой радости, какъ при свиданіи съ ней.

Бакія заключенія могла вывести Соня изъ этой необычайной нѣжности двоюроднаго брата, объ этомъ онъ ни на минуту не задумался.

Черезъ два дня въ Большой Оперѣ шла *Африканка*, и Николай сидѣлъ въ партерѣ; онъ услышалъ, какъ нѣсколько парижскихъ франтовъ шепотомъ восторгались какою-то вновь появившеюся красавицей. Бинокли этихъ молодыхъ людей направились на первую ложу бель-этажа. Онъ поднялъ глаза: рядомъ съ пожилою дамой, которую онъ ребешкомъ видалъ въ Петербургѣ у матери и недавно опять встрѣтилъ въ Парижѣ, леди Банбури, вдовой англійскаго дипломата, увидѣлъ онъ Ниту. На ней было бѣлое, согласно обычаямъ оперы, декольтированное платье, и двѣ красныя розы были приколоты у груди. Трудно себѣ представить что-нибудь красивѣе поворота ея шеи, линіи дѣвственныхъ плечъ, ея тонкихъ рукъ и высоко поднятой головки подъ тяжестью каштановыхъ съ золотистымъ отливомъ волосъ; а эти странные лучистые глаза, что кроется въ ихъ безконечной глубинѣ?

Между тѣмъ, на сценѣ шло представленіе *Африканки* со всемъ блескомъ, какимъ окружаютъ въ Парижѣ постановку Мейерберовскихъ оперъ. Николай не обращалъ вниманія на сцену. Не отрывая глазъ отъ ложи, онъ слѣдилъ за дѣвушкой, за каждымъ ея движениемъ, безпрестанно измѣняющимся выраженіемъ лица, на которомъ точно смѣнялись свѣтъ и тѣни. Добродушіе, задоръ, живость, серъ-

езныя думы, вызывающая насмѣшка,—все это одно за другимъ отражалось на ея лицѣ. Но того нѣжнаго, томнаго выраженія, которое приняло ея лицо, когда она потеряла сознание, когда ея головка бессильно покоилась на его плечѣ,—того выраженія, котораго онъ такъ страстно ждалъ, онъ ни разу не видалъ. Она притягивала его къ себѣ, какъ притягиваетъ все загадочное. «Зачѣмъ напускаетъ она на себя всегда эту насмѣшливую холодность?—спрашивалъ онъ себя.—Зачѣмъ скрываетъ она то, что въ ней есть лучшаго?»

Двое мужчинъ находились въ ложѣ—пожилой господинъ съ орденомъ на красной лентѣ и молодой, сидѣвшій за ея кресломъ; иногда онъ облакачивался рукой на спинку ея стула и наклонялся къ ней, чтобы обратить ея вниманіе на что-нибудь комическое. Николай узналъ сверкающіе сѣрые глаза и добродушную улыбку Беренбурга. Что бы онъ далъ, чтобы быть въ эту минуту на его мѣстѣ! При развѣздѣ Николай сталъ у перилъ широкой лѣстницы, чтобы пропустить ее мимо себя. Издали увидалъ онъ ея золотистую головку. Она поравнялась съ нимъ. Беренбургъ велъ ее подъ руку. Нита была закутана въ накидку, отдѣланную бѣлымъ мѣхомъ, до половины закрывавшимъ ея щеки. Взглядъ Николая встрѣтился съ глазами дѣвушки. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ снять шляпу, она быстрымъ, рѣзкимъ движеніемъ отвернула голову.

Благоухающій ароматъ свѣжихъ розъ пронесся мимо него; онъ стоялъ, какъ пригвожденный, и смотрѣлъ ей вслѣдъ. Почему отвернулась она отъ его поклона? Что сдѣлалъ онъ ей? Злоба душила его; никогда больше не будетъ онъ думать объ этой высококожрѣной дѣвушкѣ. Не стоить ломать себѣ голову, чтобы постигнуть тайну, скрытую въ ея холодныхъ сѣрыхъ глазахъ.

На слѣдующій день онъ опять совершенно неожиданно встрѣтилъ ее на бульварѣ Курсель. Она была такъ же просто одѣта, какъ въ тотъ день, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ ее въ Эденѣ, и шла очень быстро, не оборачиваясь по сторонамъ, какъ человѣкъ, имѣющій передъ собою извѣстную цѣль и дорожащій временемъ.

Маленькій ребенокъ, испуганный громадною собакой, поскользнулся и съ громкимъ плачемъ упалъ на тротуаръ. Николай хотѣлъ поднять, но Нита предупредила его. Онъ остановился сзади, наблюдая за ней. Нита подняла ребенка, четырехлѣтняго мальчугана въ голубомъ фартучкѣ и бѣломъ чепчикѣ, и спросила, не ушибся ли онъ? Онъ не очень ушибся, поцарапалъ немного руки и подбородокъ и весь перепачкался; онъ пачкалъ и Ниту, въ страхѣ прижимаясь къ ней, но она, повидимому, не замѣчала этого и, успокоивъ его

ласками, вытерла личико мальчугана своимъ носовымъ платкомъ, поцѣловала его и, взявъ бѣдно одѣтаго ребенка за покраснѣвшую отъ холода ручку, вошла съ нимъ въ булочную. Николай, какъ бы случайно, остановился у окна. Они сидѣли за мраморнымъ столомъ, ребенокъ пилъ шоколадъ изъ большой чашки, обхвативъ ее обѣими крошечными ручками; потомъ онъ поставилъ чашку на мѣсто, со вздохомъ величайшаго удовольствія, и принялся за пирожокъ съ обдуманною неторопливостью ребенка, желающаго какъ можно дольше продлить наслажденіе такимъ необычнымъ лакомствомъ. Нита съ удовольствіемъ смотрѣла, какъ облизывалъ онъ пальчики и клалъ въ ротъ крошки. Сердце Николая громко стучало. Онъ отошелъ отъ окна, боясь, что Нита замѣтитъ его подглядываніе. Онъ не могъ больше скрывать отъ самого себя: онъ влюбленъ и знаетъ, что эта дѣвушка съ блѣднымъ лицомъ и лучистыми глазами держитъ въ рукахъ счастье всей его жизни.

II.

Большое волненіе царило въ мастерской улицы Фрохоть. Несмотря на начало декабря, многія изъ ученицъ уже начали подумывать о большой ежегодной выставкѣ въ Салонѣ. Каждая хотѣла перещеголять другихъ въ выборѣ оригинальнаго сюжета. Мистрисъ Леонидасъ Шандосъ искала вдохновенія въ Моргѣ, изъ мрачнаго помѣщенія котораго она послѣднее время почти не выходила. Она проводила такъ много времени передъ громаднымъ стекломъ, за которымъ покоятся трупы, что находившійся тамъ слѣдователь принялъ ее, наконецъ, за преступницу, которую онъ до сихъ поръ напрасно искалъ. Съ большими хлопотами удалось ей отдѣлаться отъ непріятностей судебного преслѣдованія. Миссъ Фрацеръ искала сюжета не такъ далеко; эскизъ ея салонной картины стоялъ уже на мольбертѣ и представлялъ опрокинутый футляръ между разорваннымъ письмомъ и гитарой съ лопнувшими струнами. Миссъ Фрацеръ надѣялась, что ея картина, названная «*débris*» — другія ученицы называли ее *beaux restes* — займетъ видное мѣсто. Фрейленъ Пригсъ изъ Дюссельдорфа еще не рѣшила, какой «орѣхъ», какъ она выражалась, дастъ она на этотъ разъ раскусить жюри. Она мечтала изобразить повѣшеннаго, такъ, чтобы видны были только его ноги, и толпу народа, отъ которой видны только отчаянно протянутыя вверхъ руки. Остальныя ученицы набросались, какъ и миссъ Фрацеръ, на «*nature morte*». Соня съ тою же добросовѣстностью и прилежаніемъ вырисовывала черепъ, а Нита

увлеклась этюдами съ новой модели; модель была ничто иной, какъ встрѣченный ею на улицѣ ребенокъ. Во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ рисовала она его пухлые маленькіе руки, ноги и хорошенькое серьезное личико. Она испытывала радость художника, когда ему особенно удается какая-нибудь работа.

У ложныхъ талантовъ творчество развивается изъ честолюбія, у истинныхъ наоборотъ. Нита начала рисовать, не думая сдѣлаться извѣстной; она и теперь рисовала иногда цѣлыми мѣсяцами, слѣдуя внутреннему побужденію, нисколько не заботясь о публикѣ. Правда, когда картина кончена, тогда и Ниту охватило волненіе, жажда похвалы, одобренія, выраженія сочувствія, побуждавшихъ ее взяться за кисть снова и рисовать только для себя. Сумерки еще не наступили, но ребенокъ начиналъ уже сидѣть беспокойно. Нита посмотрѣла на часы. Бабушка, приходившая каждый день за ребенкомъ, почему-то запоздала. Нита сама одѣла его, и въ то время, какъ она занималась еще этимъ, отворилась дверь, соединяющая обѣ мастерскія: вошла фрейленъ Приксъ изъ Дюссельдорфа.

— Ахъ, фрейленъ фонъ-Санкiewiczъ, не былъ еще у васъ мосье Сильвенъ?—спросила она.

— Нѣтъ,—отвѣтила Нита.

— У насъ къ вамъ большая просьба, флейленъ Нита, — продолжала ученица.

— Какая?

— Однѣ вы умѣете залучить къ намъ мосье Сильвена. Не сходите ли вы къ нему? Вы имѣете на него такое вліяніе.

— Не думаю, чтобы я добилаь чего-нибудь отъ маэстро, — улыбаясь, замѣтила Нита, — сегодня онъ несомнѣнно очень занятъ. Попугай виситъ снаружи и съ утра, не переставая, поетъ Марсельезу.

— О, несчастная птица!—со вздохомъ произнесла флейленъ Приксъ.

Ученицы Сильвена знали, что этотъ великій художникъ, не разъ обманутый людьми, съ нѣкотораго времени привязался къ попугаю, котораго вывѣшивалъ въ клеткѣ на дворъ всякій разъ, когда хотѣлъ серьезно работать, такъ какъ любимая птица обладала, можетъ быть, всѣми прекрасными качествами, всѣми добродѣтелями, которыхъ Сильвенъ прежде тщетно искалъ въ людяхъ, но добродѣтелью скромности она не обладала. Когда она находилась въ настроеніи говорить, а еще болѣе пѣть, ничто на свѣтѣ не могло заставить ее замолчать.

— Несчастливая птица!—повторила фрейленъ Прикъсъ.—Но если бы вы, все-таки, попытались...

— Боже мой, если это доставить вамъ удовольствіе,—отвѣтила Нита съ обычною готовностію и взяла свою шляпу.

— Дай мальчику кусокъ пирога, Соня,—крикнула она на ходу.

Обнаженные сѣрыя деревья качаются отъ вѣтра. Попугай, дѣйствительно висящій въ клѣткѣ снаружи подъ окномъ, кричитъ громкимъ и пронзительнымъ голосомъ: «allons enfants de la patrie» и проводить при этомъ своимъ огромнымъ клювомъ по жердямъ клѣтки, точно играетъ на арфѣ.

Извозчикъ проѣхалъ мимо Ниты по двору. Изъ окна выглянула очень молоденькая дѣвушка. Кого напомнило Нитѣ это очаровательное личико? Марію Египетскую Рибейры... Она обернулась еще разъ, но извозчикъ уже проѣхалъ.

«Какая хорошенькая! Кто бы это могъ быть?»—прошептала она. Когда черезъ нѣсколько минутъ она возвращалась изъ мастерской Сильвена, извозчикъ еще стоялъ на дворѣ. Нита заглянула въ экипажъ, точно ожидая увидѣть въ немъ свою Марію Египетскую. Но карета была пуста; на подушкѣ лежала только дамская шуба, отдѣланная бѣлымъ козымъ мѣхомъ.

«Русская шуба... У Сони гости»,—подумала Нита, входя прямо со двора въ школу.

— Ничего не могла подѣлать, mesdames!—воскликнула она.—Мосье Сильвена сразу посѣтили несчастія, задерживающія его въ мастерской: одно—ревматизмъ, другое—его продавецъ картинъ. Ужасный человекъ этотъ продавецъ картинъ; стоитъ за стуломъ Сильвена, ожидая, чтобы онъ кончилъ заказанную ему картину—цыганку, предназначенную для американскаго базара. Бѣдный Сильвенъ! Какъ тяжело приходится одному изъ гениальнѣйшихъ французскихъ художниковъ въ шестьдесятъ шесть лѣтъ! Не пропала еще у васъ охота приносить жертву искусству, mesdames?

— Ни одна изъ насъ не пользовалась такъ своею молодостію, какъ мосье Сильвенъ; можно надѣяться, что старость будетъ къ намъ снисходительнѣе, — замѣтила m-ле Рейхманъ, похожая на мальчишку въ женскомъ платьѣ.—«La cigale ayant chanté», — запѣла она въ полголоса.—Не хотите ли вы замѣнить мосье Сильвена? Дамы горятъ желаніемъ услышать оцѣнку своихъ набросковъ. Начните съ меня. Я принадлежу къ школѣ натуралистовъ,—дойной условность!

Въ эту минуту Нита услышала рѣзкій крикъ и какой-то шумъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Извините меня, mesdames, — сказала она, прислушиваясь. — Если я не ошибаюсь, у меня что-то разбилось. Что случилось? — воскликнула она, отворяя дверь своей мастерской.

Тамъ, схватившись руками за голову, среди комнаты стояла молодая дѣвушка съ лицомъ Маріи Египетской Рибейры и широко раскрытыми отъ ужаса глазами смотрѣла на лежащій у ногъ ея разбившійся на двѣ части черепъ.

— Это моя кузина Маша, она боится черепа и сейчасъ бросила его на полъ, — сказала Соня съ своею удивительною флегмой и при этомъ наклонилась, чтобы собрать осколки и положить ихъ на мѣсто.

— Какъ можешь ты прикасаться къ такой гадости? — крикнула Маша, закрывая глаза и топая ногой. — О, Боже мой! Боже мой!

— Бѣдняжка, какъ она дрожить! — воскликнула Нита, подходя къ Машѣ.

— Выкинь ты этотъ дурацкій черепъ, Соня. Не видишь ты развѣ, что она не можетъ выносить его вида?

— Очень глупо... въ семнадцать лѣтъ пора отучиться отъ этого. Черепа очень трудно доставать, — отвѣтила Соня съ досадой.

Нита не обратила вниманія на ея слова; она обняла Машу и осыпала ее ласками, точно мать, успокоивающая расплакавшееся дитя.

— Этой гадости уже нѣтъ, голубушка моя; откройте глазки... Бѣдное, милое дитя!

— Фрейленъ фонъ-Санкiewiczъ очень добра къ тебѣ, — произнесъ молодой мужской голосъ.

Нита подняла глаза и увидѣла Николая. Очевидно, эта хорошенькая дѣвушка его сестра. Онъ поклонился и, обратившись опять къ Машѣ, замѣтилъ:

— А теперь скажи фрейленъ фонъ-Санкiewiczъ, что ты сожалѣешь, что такъ дурно вела себя.

Маша вытерла слезы; она съ умиленіемъ и благодарностью посмотрѣла на Ниту, затѣмъ, улыбувшись съ нѣжнымъ лукавствомъ, придававшимъ ей такъ много очарованія, сказала:

— Я не жалѣю; вы никогда не были бы со мной такъ ласковы, если бы я вела себя благоразумно... правда?— При этомъ она нерѣшительно обвила рукой шею Ниты и поцѣловала ее въ щеку. — Я была внѣ себя, — созналась она. — Я такъ боюсь смерти! Если бы люди не умирали!

— У нея есть эта маленькая странность; надо быть снисходительнѣе къ ней, — замѣтилъ Николай:

— Налей намъ чаю, Соня; это успокоитъ ее, — сказала Нита, не обративъ вниманія на замѣчаніе Николая.

И сегодня она держала себя съ нимъ необыкновенно холодно, такъ что онъ задавалъ себѣ въ умѣ вопросъ: «что имѣть она противъ меня?» Въ продолженіе разговора она, впрочемъ, немного одушевилась; молодой человѣкъ, повидимому, выигрывалъ въ ея мнѣніи. Николай съ своими манерами настоящаго джентльмена, который также далекъ отъ несносной напыщенности, какъ и отъ навязчивой любезности, былъ положительно привлекателенъ. Онъ много путешествовалъ, часто встрѣчался съ интересными и знаменитыми личностями, былъ очень наблюдателенъ и разговорчивъ.

Нита слушала его съ интересомъ, спрашивала о Россіи и обращалась съ нимъ съ какимъ-то равнодушно-снисходительнымъ пренебреженіемъ, точно пятидесятилѣтняя дама съ кадетомъ.

Ученицы сосѣдней школы давно покинули мастерскую; наступали сумерки, а они все еще болтали; Соня больше молчала; развалившись въ креслѣ, она слушала разговоръ двухъ людей, самыхъ дорогихъ для нея на свѣтѣ, и молча восхищалась обоими.

Маша, сдѣлавшаяся необыкновенно веселой, не могла довольствоваться безмолвною ролью; ея веселый смѣхъ или какое-нибудь замѣчаніе прерывали ежеминутно серьезный разговоръ Ниты и Николая, такъ что, наконецъ, Николай, боящійся всегда, что его сестра можетъ быть ложно понята, замѣтилъ:

— Маша гостила послѣднее время у родныхъ, которые были немного холодны съ нею и невнимательны; неудивительно, если она, какъ долго сдерживаемый зимою ручей, освободившійся весною отъ ледяной коры, вдвойнѣ пѣнится и шумитъ, и смѣется, радуясь, что его уже не давитъ зимній ледъ. Не правда ли, плутовка?—и онъ взялъ Машу за подбородокъ.

— Да не извиняйтесь же въ томъ, что у васъ прелестная сестра,—отвѣтила ему Нита. — Я буду очень рада, если вы скоро опять привезете ее ко мнѣ.

III.

Если досада Николая на бѣгство сестры изъ Аркашена перешла очень быстро въ трогательное умиленіе, за то неудовольствіе Сергѣя Александровича продолжалось напротивъ очень долго. Письмо, въ которомъ Маша просила дядю простить ея опрометчивость, Сергѣй Александровичъ оставилъ безъ отвѣта. На письмо Николая, въ которомъ тотъ старался оправдать проступокъ Маши и спрашивалъ, можетъ ли онъ, послѣ отъѣзда отца изъ Парижа, опять привезти сестру въ Аркашонъ, старый бюрократъ отвѣ-

тилъ, что объ этомъ не могло быть и рѣчи. Его болѣзненное нервное состояніе не позволяетъ ему вторично взять на себя надзоръ за такою своевольною дѣвочкой, какъ Маша. По его мнѣнію, всего лучше было бы помѣстить ее въ пансіонъ.

Таково же было мнѣніе и Николая; пребываніе въ хорошемъ пансіонѣ онъ считалъ для Маши несравненно болѣе полезнымъ, чѣмъ жизнь ея у Елагиныхъ. Ему удалось даже убѣдить въ этомъ отца; но когда Маша узнала, какую будущность ей готовятъ, она съ гнѣвомъ, отчаяніемъ и трогательною нѣжностью сопротивлялась до тѣхъ поръ, пока Ленскій, несмотря на всѣ доводы сына, не уступилъ ей. Онъ не могъ видѣть, когда Маша дѣлала несчастное лицо; нѣжно лаская ее, онъ просилъ у нея прощенія за то, что имѣлъ намѣреніе, которое взволновало и оскорбило ее. Николай только пожималъ плечами; а Маша цѣлый день радостно улыбалась. Какъ счастлива была она въ эти три недѣли, прошедшія между ея прїѣздомъ въ Парижъ и отъѣздомъ отца! Она видѣла его каждый день. Почти всѣ утра проводилъ онъ въ домѣ невѣстки и оставался обыкновенно завтракать. Онъ присылалъ дочери всѣ цвѣты, которыми засыпали его восторженные поклонницы, и, кромѣ того, баловалъ ее безразсудною, чрезмѣрною щедростью. Почти каждый день обращался онъ къ сыну съ тою же фразой: «Поищи мнѣ что-нибудь для Маши; она такъ мила, когда радуется!»

— У меня есть что-то для тебя, киска! — говорилъ онъ послѣ того, какъ она здоровалась съ нимъ, и подавалъ ей завернутый въ бумагу свертокъ, по большей части какую-нибудь вещь, слишкомъ дорогую для ея лѣтъ.

— Ахъ, давай сюда, папа!

Она съ нетерпѣніемъ срывала бумагу, такъ что клочки летѣли направо и налево на коверъ, и открывала футляръ. Ленскій наблюдалъ за ней съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ, какъ большой ребенокъ, каждый день радующійся одному и тому же удовольствію — блескъ темно-синихъ глазъ, громкій крикъ радости и двѣ горячія руки обвиваются вокругъ его шеи. Онъ прижималъ губы къ ея прекраснымъ большимъ глазамъ и шепталъ нѣжныя слова.

— А ты, вѣдь, очень любишь меня, папа? — сказала какъ-то Маша, пытливо смотря ему въ лицо.

— Развѣ ты сомнѣвалась въ этомъ когда-нибудь? — отвѣтилъ онъ.

— Да, часто, — произнесла она задумчиво. — Я думала, что любить всѣмъ сердцемъ могутъ только такіе маленькіе люди, какъ мы всѣ; а такой великій геній, какъ ты, только принимаетъ нашу

любовь и радуется ей иногда, не отвѣчая на нее. Но нѣтъ... Ты вправду любишь меня!

— Ахъ, ты, глупенькая!—отвѣтилъ онъ и поцѣловалъ каждую ямку на ея мягкой бѣлой ручкѣ.

Иногда приходилъ онъ въ десять часовъ. Въ это время онъ часто заставлялъ Варвару Александровну въ грязномъ капотѣ, грязной бѣлой кружевной косынкѣ на жиденькихъ волосахъ, съ тряпкой въ рукахъ, вытирающую пыль во всемъ домѣ. Анны въ этотъ ранній часъ онъ никогда не видалъ, но за то слышалъ, какъ она своимъ рѣзкимъ голосомъ кричала матери оскорбительныя слова. Она не только никогда не помогала матери въ ея хлопотахъ, но даже запиралась въ свою комнату, чтобы не видѣть въ это время Варвары Александровны.

Но кого Ленскій часто заставлялъ около старухи, такъ это Машу. Въ большомъ бѣломъ фартукѣ она появлялась то здѣсь, то тамъ, весело и усердно помогая теткѣ; ея грѣпкіе молодые пальцы совсѣмъ иначе прикасались ко всему, чѣмъ дрожащія руки Варвары Александровны, стѣсненныя грязными бальными перчатками. Прислуга боготворила Машу; даже несчастная Варвара Александровна полюбила ее. Да и трудно было не полюбить этой живой, веселой, бойкой и необыкновенно доброй дѣвушки; одна Анна Елагина чувствовала къ ней нерасположеніе.

Съ презрительно поднятыми углами рта, съ безукоризненными манерами, красивая, строгая, неприятная, она молча сидѣла за столомъ противъ матери; если она открывала ротъ, то только для того, чтобы сдѣлать замѣчаніе вродѣ слѣдующаго:

— Ты, кажется, забыла вымыть себѣ руки, мама.

Несчастная, состарившаяся львица испуганно вздрагивала при этомъ, сгибала спину, какъ прибитая собачонка, начинала безпкойно вытирать салфеткой яичное пятно, только что сдѣланное на ея скромномъ капотѣ, и старалась преодолѣть свое смущеніе какою-нибудь фразой, останавливавшееся въ горлѣ.

Ленскій сжималъ кулаки отъ негодованія; онъ съ удовольствіемъ надавалъ бы пощечинъ этой несносной Аннѣ. Маша послѣ завтрака пользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы броситься на шею теткѣ. Возможность видѣть въ этихъ случаяхъ нѣжность и безграничную доброту Маши мирила Ленскаго съ неприятнымъ положеніемъ.

Онъ часто говорилъ это самому себѣ, говорилъ и Николаю, и нѣсколько лѣтъ спустя думалъ о томъ, какъ мила, добра, какъ прелестна была въ то время его бѣдная дѣвочка!

Если нельзя было придумать ничего очаровательнѣе этой цвѣтущей молодостью, веселой дѣвушки, то также трудно было представить себѣ что-нибудь трогательнѣе и благороднѣе, чѣмъ обращеніе Ленскаго въ тѣ часы, которые онъ проводилъ съ дочерью.

Николай, часто сопровождавшій его въ отель Ваграмъ, съ изумленіемъ наблюдалъ за нимъ. Это былъ не тотъ человѣкъ, который вечеромъ съ цинично-сверкающими глазами сидѣлъ между двумя влюбленными энтузіастками, съ которыми позволялъ себѣ все—и дерзости, и нѣжности,—человѣкъ съ сухимъ, неприятнымъ смѣхомъ, двусмысленными остротами, съ безстыднымъ презрѣніемъ къ людямъ и особенно къ женщинамъ. Нѣтъ, Ленскій, обнимающій утромъ свою хорошенькую дочку, былъ блѣдный, немного утомленный и грустный человѣкъ,—человѣкъ съ хриплымъ, но мягкимъ и тихимъ голосомъ,—человѣкъ, мало говорящій, но дружжелюбно слушающій, всегда готовый интересоваться самымъ пустымъ ребячествомъ и способный своимъ пронизательнымъ умомъ понять труднѣйшія жизненные задачи, немногими, но мѣткими словами объяснить ихъ,—человѣкъ,—и это больше всего удивляло Николая,—съ почти классическимъ пониманіемъ и умѣренностью въ своихъ взглядахъ, физически уже старѣющій, духовно же стоящій на высшей точкѣ,—человѣкъ, все существо котораго освѣщалось добродушіемъ, смѣшаннымъ съ великимъ состраданіемъ.

Если Маша по своей живости и легкомыслию дѣлала какою-нибудь неловкость, онъ ласково, но серьезно останавливалъ ее; а если онъ сначала смѣялся надъ ея шутивными парадоксами, то немного позднѣе онъ разбиралъ ихъ и объяснялъ Машѣ, какую собственно нелѣпость она сказала.

Въ теченіе всего этого времени онъ въ разговорѣ только одинъ разъ страшно вспылилъ, когда рѣчь зашла о поклоненіи Вагнеру.

Его вспышка прошла, впрочемъ, очень скоро. Испугавшись громкаго звука своего голоса, онъ на половинѣ оборвалъ свою рѣчь и, оглянувшись съ своею доброю улыбкой, сказалъ:

— Какъ можно такъ горячиться, глупо позволять себѣ увлекаться, да... да... со мной надо много терпѣнія, много терпѣнія, иначе нельзя.

Послѣ завтрака онъ оставался, обыкновенно, часъ или два и занимался съ Машей музыкой. Даже его искусство невольнѣ мѣнялось. Дикаго огня, которымъ онъ подчинялъ себѣ концертную публику, неоставало, можетъ быть, но сколько нѣжности, искренности, благородства было въ его игрѣ, когда онъ чувствовалъ устремленные на него полные слезъ и восторга дѣтскіе глазки!

Она аккомпанировала ему. Какъ гордилась она, когда онъ среди игры произносилъ ей похвалы! А въ случаяхъ расточать одобренія недостатка не было. Часто онъ заставлялъ ее играть одну на рояль и слушалъ съ большимъ терпѣнiемъ, даже радостью. Онъ дѣлалъ ей серьезныя, всегда соединенныя съ похвалою замѣчанія, и вообще очень заботился объ ея музыкальномъ образованіи. Николай ребенкомъ и даже юношей напрасно мучился, учась музыкѣ, и перебралъ поочередно рояль, скрипку и виолончель. Маша, наоборотъ, имѣла блестящія способности, и что другимъ давалось тяжелымъ трудомъ, то она унаслѣдовала.

Какъ счастливы они были оба, и отецъ, и дочь! Разъ онъ повезъ ее въ Булонскій лѣсъ. Ихъ поѣздка была похожа на триумфальное шествіе: всѣ оборачивались на нихъ, показывали другъ другу Ленскаго и его дочь и кланялись. Маша была въ восторгѣ. «Точно съ царемъ я ѣду!» — говорила она съ гордостью. Онъ не повторялъ больше такой прогулки. Если подобныя оваціи, и теперь даже больше, чѣмъ прежде, льстили ему, то, въ то же время, онъ стѣснялся его, въ особенности когда онъ былъ съ дочерью. Ему казалось, что грубое, нахальное любопытство толпы оскорбительно для его дочери.

Тихо и спокойно проходили дни, не нарушаемые никакимъ особеннымъ событіемъ и оставлявшіе за собой много пріятныхъ воспоминаній. Въ эти три недѣли только тѣ часы, которые Маша проводила въ концертахъ отца, были для нея полны безконечнаго горя. Она, конечно, не пропускала ни одного концерта и, очень мило и изящно одѣтая, — на этомъ настаивалъ отецъ, — сидѣла иногда съ Юлей, иногда съ теткой на оставленномъ для нея лучшемъ мѣстѣ и внимательно ловила каждый звукъ. Во всей залѣ, можетъ быть, никто, — даже ни одинъ изъ множества завидующихъ его торжеству скрипачей не замѣчалъ явнѣ перемѣны, начавшей совершаться съ гениальнымъ виртуозомъ, чѣмъ обожающая его дочь. Она чувствовала всегда заранѣе, когда онъ сфальшивитъ; ей хотѣлось плакать, дыханіе захватывало, она со страхомъ оглядывалась кругомъ. Но парижане съ одинаковымъ энтузіазмомъ аплодировали, увлекая другъ друга все возрастающимъ восторгомъ, пока, наконецъ, Маша не отдѣлывалась отъ своихъ сомнѣній предположеніемъ, что она, изъ боязни за отца, ослышалась, и, увлеченная шумными аплодисментами, забывала свое горе.

IV.

— Отъ Феликса принесли барышни платье... какое чудное платье!... Портниха ждет наверху! — объявила горничная Маша, только что вернувшейся съ Николаемъ.

Это было въ послѣдній день до отъезда Ленскаго. Маша очень огорчена. Она плакала цѣлый день о предстоящей разлукѣ, и Николай повелъ ее гулять, чтобы развлечь и чтобы она не испортила лица къ вечеру. Важное событіе предстояло вечеромъ: Маша въ первый разъ появится въ свѣтъ взрослою дѣвушкой, въ первый разъ надѣнетъ настоящее бальное платье, бальное платье отъ Феликса.

Барвара Александровна устраиваетъ сегодня въ честь Ленскаго вечеръ; она надѣется, что очарованіе, которое великій артистъ производитъ въ эту минуту на парижское общество, наполнить ся опустѣвшія гостинныя.

По своей врожденной склонности къ гостепримству, Барвара Александровна, несмотря на стѣсненные обстоятельства, хотѣла, кромѣ вечера, устроить большой обѣдъ, но встрѣтила энергичное сопротивленіе со стороны дочери. Не денежный вопросъ смущалъ Анну; расходы взялъ бы на себя, конечно, Ленскій, па счетъ котораго велось послѣднее время все хозяйство, но «овчинка выдѣлки не стоитъ», — сказала Анна. — Мы отвыкли давать обѣды; у насъ нѣтъ даже необходимой прислуги; да и къ чему эти затѣи? Пригласите, пожалуй, еще одного-двухъ человекъ кромѣ Ленскихъ — и только!

— Чудное платье, — объявила горничная Маша, и хотя глаза дѣвушки еще блестѣли отъ недавнихъ слезъ, она громко вскрикнула отъ радости, быстро вбѣжала наверхъ по устланной коврами лѣстницѣ и распахнула дверь своей комнаты.

— Гдѣ платье... гдѣ?... Ахъ!...

— Да, чудное платье и какъ хорошо сидитъ!... нѣтъ, не очень хорошо, надо немного передѣлать, — объявила портниха, — складка на талии не на мѣстѣ. А когда имѣешь счастье работать на такую прекрасную фигуру, какъ у барышни, то нельзя позволить себѣ ни малѣйшей небрежности. Прекрасная фигура!...

Еще никто не говорилъ Машѣ, что у нея прекрасная фигура. Она поворачивала на всѣ стороны голову, чтобы посмотрѣться въ зеркало. Въ первый разъ въ жизни находила она, что ея зеркало на туалетѣ мало. Съ сіяющими отъ восторга глазами она безпре-

станно подбѣгала въ платью и находила въ немъ все новыя прелести.

— Ахъ, какъ хорошо!... Но успѣтъ ли портниха въ-время окончить передѣлку? — спрашивала она со страхомъ, въ волненіи бѣгая въ коротенькой юбочкѣ взадъ и впередъ по комнатѣ и расчесывая волосы; со смерти матери она всегда дѣлала это сама. Двадцать минутъ!... Двадцать пять минутъ седьмого! Слышенъ стукъ подъѣхавшаго экипажа... слышны шаги въ прихожей. Приѣхали Ленскій съ Колей, а она не готова!

— Ахъ, дайте мнѣ платье, какъ оно есть, — просить она, — некогда теперь мудрить.

— Сейчасъ, сейчасъ, одѣвайтесь пока, барышня, — отвѣчаетъ портниха.

Но вотъ она сдѣлала послѣдній стежокъ, откусила послѣднюю нитку, стала передъ Машей на колѣни, поправила ей складки, горничная накинула ей на плечи красный шарфъ, и Маша, сбѣжавъ съ лѣстницы въ гостиную, быстро направилась къ отцу и Николаю.

— Eh bien! — воскликнула она съ важностью, поднявъ подбородокъ, и медленно обернулась кругомъ, точно кукла. — Eh bien!

Оба Ленскіе и молодая дѣвушка были одни въ гостиной; ни Анна, ни Варвара Александровна не появлялись еще. Какое счастье, что она можетъ услышать похвалы отца и брата, не подвергаясь, въ то же время, холодной, строгой критикѣ Анны!

— Съ этой стороны я совсѣмъ готова, — объявила Маша, показывая на правую руку, закрытую почти до плеча желтою перчаткой, тогда какъ лѣвая была еще безъ перчатки.

— Ну, такъ другая сторона нравится мнѣ больше, — смѣясь замѣтилъ Ленскій; и дѣйствительно, нельзя было представить себѣ ничего прелестнѣе этой обнаженной, тонкой руки, съ очаровательными ямочками на локтяхъ, съ нѣжными голубоватыми жилками. — Да, рѣшительно больше нравится, — повторилъ Ленскій и отодвинулъ немного отъ себя дочь, чтобы лучше видѣть ее.

— Портниха сказала мнѣ, что изъ всѣхъ, на кого она работала въ этомъ году, у меня лучше всѣхъ фигура, — сказала Маша, дѣлаясь хвастливой, какъ всѣ люди, которымъ отказываютъ въ слѣдующихъ имъ по ихъ мнѣнію восторгамъ.

— Это говорятъ онѣ всѣмъ закахицамъ, — замѣтилъ Ленскій.

Николай тоже критически посмотрѣлъ на сестру, стараясь сдѣлать какія-нибудь замѣчанія; но когда она стояла передъ нимъ въ своемъ изящномъ, простомъ бѣломъ платѣѣ, теребя отъ смущенія пальцы и ища на его лицѣ одобренія, въ которомъ была такъ увѣ-

рена и теперь не находила, тогда ему казалось, что онъ не встрѣчалъ въ своей жизни ни одной дѣвушки лучше Маши. Какія плечи, какая талія!... Вмѣстѣ съ тѣмъ, — въ этомъ - то и заключалась ея главная прелесть, — на этихъ полныхъ, ослѣпительной бѣлизны, плечахъ покоилось милое блѣдное дѣтское личико съ такими невинными губками, съ такими чистыми, несмущающимися и безстрашно смотрящими на мѣръ Божій глазами, что отъ такого контраста у каждаго грустно сжималось сердце.

— Ты не такъ хороша, какъ была твоя мать, — сказалъ Ленскій черезъ минуту.

— Такихъ красивыхъ нѣтъ больше, да это и не нужно, — воскликнула Маша, серьезно огорченная, — но... но... развѣ я вамъ совѣмъ не нравлюсь?

— Глупенькая дѣвочка, вотъ что выдумала! — воскликнулъ Ленскій, привлекая къ себѣ дочь. — Не будемъ больше мучить ее, Коля! Скажемъ ей прямо, что она очень мила, — повторилъ онъ, нѣжно прижимая ея головку къ плечу и глядя ее. — Ты очень мила, ты не разъ услышишь это и сегодня, и позднѣе, почему же не доставить мнѣ себѣ удовольствія сказать тебѣ это первому? Немного заплакана ты, — мягко прибавилъ онъ, нѣжно проведя пальцами по ея глазамъ и губамъ, — бѣдная дѣвочка, бѣдная голубка! Но это идетъ къ тебѣ!

Маша исполнилась такою дѣтскою радостью, что не обратила вниманія на самое дорогое для нея въ жизни — на ласки отца.

— У меня въ комнатѣ нѣтъ трюмо, — сказала она со вздохомъ, — и я еще не видала себя. — Гордая похвалой отца, она вскочила на табуретъ и, поворачивая на все стороны голову, старалась увидеть себя въ зеркалѣ, висящемъ надъ каминомъ. — Папа, Коля! — спросила она нерѣшительно, — какъ вы думаете, влюбится кто-нибудь въ меня сегодня?

— Графъ Беренбургъ! — доложилъ лакей, распахнувъ двери.

Сильно покраснѣвъ, Маша прыгнула съ табурета. Беренбургъ только успѣлъ увидѣть ярко освѣщенные люстрой бѣлыя плечи и замѣтить въ облакѣ валансьена и кисеи двѣ хорошенькія ножки въ розовыхъ шелковыхъ чулкахъ и бѣлыхъ атласныхъ башмакахъ.

— Ну, что скажете вы моей легкомысленной дочкѣ, графъ Беренбургъ? — весело спросилъ Ленскій, чтобы дать Машѣ оправиться отъ смущенія.

Беренбургъ пожалъ плечами съ скромно одобрительнымъ выраженіемъ лица.

— Что я никогда не видалъ болѣе крошечныхъ ножекъ. Вотъ и все.

Ленскій засмѣялся, Николай нахмурился, а Маша быстрымъ движеніемъ подняла съ полу сброшенный раньше красный шарфъ и завернулась въ него. Ея обнаженные плечи вдругъ сконфузили ее.

— Не простудись, пожалуйста, — пошутилъ Ленскій и надвинулъ ей до подбородка шарфъ. — Сегодня она въ первый разъ появляется въ свѣтъ, — прибавилъ онъ, обратившись къ Беренбургу.

Не замѣчаетъ развѣ этотъ напыщенный австріецъ, какъ хороша его дочь?

Напыщенный австріецъ замѣтилъ это очень хорошо.

— Первое бальное платье... поздравляю васъ, — сказалъ онъ, почтительно склоняясь передъ дѣвушкой.

— Я не подозрѣвала... — начала Маша.

— Что будете имѣть неудовольствіе видѣть меня сегодня за обѣдомъ? — перебилъ ее Беренбургъ. — М-lle Елагина писала мнѣ, чтобы я пріѣзжалъ въ слѣдующій четвергъ, если не занятъ, обѣдать en famille. Я уже былъ приглашенъ, но постарался отдѣлаться. Можетъ быть, я ошибся числомъ?

— О, нѣтъ! — поспѣшила отвѣтить Маша, — я вспоминаю теперь, Анна говорила мнѣ, что пріѣдетъ къ обѣду одинъ господинъ, и я сердилась, что мой послѣдній обѣдъ съ папой будетъ испорченъ.

— Маша! — остановилъ ее Николай.

Ленскій сказалъ полусердито, полусутливо:

— Моя дочь похожа на взрослую дѣвушку, а, въ сущности, я думаю, что ей не большее двѣнадцати лѣтъ.

— Но, папа!... — воскликнула Маша, сильно покраснѣвши, — я же не знала, что рѣчь шла о графѣ Беренбургъ, когда сердилась.

— А это мѣняетъ дѣло, — смѣясь, замѣтилъ Беренбургъ.

— Повидимому! — сказалъ Николай.

Маша, замѣтивъ, что надъ ея наивностью смѣются, приняла вдругъ важный видъ и сказала:

— Очень естественно, что человѣкъ, спасшій жизнь моему брату, для меня не совсѣмъ посторонній человѣкъ, — и, дѣлаясь отъ смущенія очень смѣлой, она прибавила, взявъ Николая подъ руку: — Я очень люблю моего брата!

Въ гостиную вошли обѣ Елагины: температура упала на два градуса; всѣмъ сдѣлалось вдругъ не по себѣ.

Странный былъ видъ у Варвары Александровны въ крашеномъ лиловомъ платьѣ, на которое она стыдливо натягивала плохенькую

кружевную косынку, съ перьями на головѣ и брилліантами, чрезмѣрный блескъ которыхъ издали выдавалъ ихъ поддѣльность.

Настоящій брилліантъ похожъ на каплю росы, поймавшую солнечный лучъ; фальшивый—на закованное въ кусочкѣ льда газовое пламя.

Что касается Анны, то она была, безспорно, хороша и черное плюшевое платье замѣчательно шло къ ея высокой, тонкой фигурѣ. Но, хотя ей было всего двадцать шесть лѣтъ, во всей ея вѣншности была какая-то язвительность, рѣзкость, черствость, отличительные признаки старѣющей дѣвушки, красота которой увядаетъ, не успѣвши разцвѣсть. Если ея мать являлась изображеніемъ обнищавшей знаменитости, но Анна, напротивъ, представляла картину умирающаго съ голода высокогѣрія, которое не можетъ уже найти для своего поддѣрпленія ни одной иллюзіи и само себя пожираетъ.

При видѣ Анны, Маша съ восторгомъ воскликнула:

— Ахъ, Анна, какъ ты хороша! ахъ, какъ ты хороша!... Какъ жаль, что я еще такъ молода, что не могу носить чернаго!

— Да не держи себя такъ, точно ты никогда не видала ни одной порядочно одѣтой женщины, — съ досадою шепнула ей на ухо Анна. — Ты ведешь себя какъ деревенская дѣвчонка!

Маша покраснѣла и опустила головку.

Во время этой сцены между кузины Варвара Александровна любезно поздоровалась съ Беренбургомъ; потомъ протянула ему руку и Анна съ благосклоннымъ видомъ милостивой королевы.

— Очень мило съ вашей стороны, графъ, что вы поставили крестъ на нашей котильонной ссорѣ.

Обращаясь къ остальнымъ, она добавила:

— Этою осенью, въ Ліонѣ, на балѣ у маркизы д'Арли, въ котильонѣ у меня не хватило ордена для графа Беренбурга. Онъ... гм!... оказалъ мнѣ честь—жестоко обидѣлся на меня за это.

Беренбургъ, совершенно забывшій всю эту исторію, низко поклонился и пробормоталъ что-то, на что Анна, открывая и закрывая свой вѣеръ, спросила:

— Отчего же мы не обѣдаемъ, мама?

И въ то время, какъ Варвара Александровна испуганно побѣжала торопить прислугу, Анна продолжала:

— Надѣюсь, что не случится ничего подобнаго тому, что было у моего дяди, Сергѣя Александровича. Вы знаете, можетъ быть, эту исторію, графъ... она была напечатана во всѣхъ газетахъ... нѣтъ?... Ну, такъ, дядя давалъ большой обѣдъ въ Петербургѣ, un diner officiel; вы понимаете. Ждутъ въ гостиной... ждутъ... ничего. Тетка идетъ,

наконецъ, узнать причину задержки. Ей говорятъ, что дворецкій заперся въ своей комнатѣ и приказываетъ сказать, что ему надоѣло, наконецъ, служить важнымъ господамъ, такъ какъ онъ самъ австрійскій императоръ. У него внезапно сдѣлалась манія величія. Ха, ха, ха!... *très drôle, n'est ce pas?*... а какъ разъ австрійскій посланникъ обѣдалъ у дяди.

Вдругъ Анна критическимъ взглядомъ окинула Машу.

— Маша!—воскликнула она, смотря на крупный жемчугъ вокругъ шеи дѣвушки, — что за фантазія пришла тебѣ обвѣшаться бусами, какъ индіанка?

— Бусами?—повторила Маша съ негодованіемъ.—Это жемчугъ, который наша императрица подарила папѣ для мамы, когда онъ разъ игралъ при дворѣ. Это восхитительный жемчугъ!

— Онъ сразу бросился мнѣ въ глаза; я рѣдко видалъ такой хорошій, — сказалъ Беренбургъ.—У моей матери есть точно такая же нитка, но она надѣваетъ ее только въ торжественныхъ случаяхъ.

— Моя мать постоянно носила этотъ жемчугъ съ той минуты, какъ папа надѣлъ его ей на шею. Мама рассказывала мнѣ, что сначала она испугалась такого подарка и подумала, что онъ означаетъ слезы. Тогда папа поцѣловалъ жемчугъ и отвѣтилъ ей: «да, это радостныя слезы!»... Помнишь ты это, папа?—спросила она, взглянувъ на отца.

— Да,—коротко отвѣтилъ онъ.

— А когда за два года до смерти мама надѣла этотъ жемчугъ мнѣ на шею, она тоже поцѣловала его и сказала: «Не забывай, Маша, радостныя слезы означаетъ онъ». Съ тѣхъ поръ я никогда не разставалась съ нимъ.

— Все это очень мило и поэтично, — отвѣтила Анна, — но такъ какъ ты не можешь рассказывать каждому эти трогательныя комментарии къ твоему украшенію, то я посоветовала бы тебѣ снять его на сегодняшній вечеръ. Положительно неприлично дѣвочкѣ твоихъ лѣтъ носить такія драгоценности; ты и безъ того до смѣшнаго нарядно одѣта—*c'est d'un goût douteux!*

— Снять мой жемчугъ!—воскликнула Маша, раздраженная презрительнымъ тономъ Анны.—Нѣтъ... нѣтъ... ни за что! Лучше останусь весь вечеръ въ своей комнатѣ и никому не покажусь, если ты боишься, что я осрамлю тебя.

Минутой раньше Ленскій готовъ былъ прибить Анну; но вспышка Маши успокоительно подѣйствовала на его собственное раздраженіе. Ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ бы онъ видѣть, чтобы его дочь обнаружила дурныя черты своего характера.

— Но, Маша, — нѣжно произнесъ онъ, взявъ ее за руку, — приди въ себя. Анна не хотѣла обижать тебя; въ сущности, рѣшительна; но все равно: черное или бѣлое ожерелье надѣто на шею такой маленькой дѣвочки. Успокойся, голубчикъ, не забывай, что ты здѣсь въ гостяхъ.

Строгія слова, можетъ быть, подѣйствовали бы на нее; нѣжность Ленскаго испортила все.

— Ахъ, я вездѣ въ гостяхъ... нигдѣ не бываю теперь дома! — воскликнула она; слезы выступили на ея глазахъ; она старалась овладѣть собою, но неопытное семнадцатилѣтнее самообладаніе покинуло ее и вдругъ, судорожно зарыдавши, она выбѣжала изъ комнаты. Послѣдовало непріятное смущеніе.

Анна не скрывала своего неодобренія; старуха Елагина слащаво улыбалась; Ленскій сердился, а Николай старался оправдать сестру.

— Она очень разстроена; она не можетъ прийти въ себя отъ предстоящей разлуки съ тобой, отецъ.

— Да, да, я знаю, — отвѣтилъ Ленскій, — бѣдное дитя! Никакой выдержи... никакой выдержки! — и, обращаясь прямо къ Беренбургу, онъ прибавилъ: — Она потеряла три года тому назадъ мать, какъ разъ тогда, когда она болѣе всего нуждалась въ ней, и съ тѣхъ поръ она слишкомъ предоставлена самой себѣ. Но она хорошее дитя, очень хорошее дитя!

— Не пойти ли мнѣ посмотрѣть, что съ ней? — заискивающе спросила Елагина у зятя.

— Нѣтъ, нѣтъ, тетя, позволь мнѣ пойти, — воскликнулъ Николай, быстро вставая. — Я знаю ее лучше, чѣмъ ты, мнѣ всегда скоро удается ее успокоить. Ей слѣдовало бы по настоящему остаться наверху, и ей будетъ очень стыдно сойти; но если ты позволишь, я, все-таки, приведу ее. Она такъ радовалась этому вечеру!

— Что бы сдѣлали вы, если бы ваша сестра вела себя такъ, какъ Маша? — шепотомъ спросила Анна Беренбурга.

Онъ глубокомысленно сдвинулъ брови.

— Гм... гм... тоже, что сдѣлалъ Николай — побѣждалъ бы, чтобы утѣшить ее, — медленно отвѣтилъ онъ, — конечно, въ томъ случаѣ, если бы моя сестра была такъ же прелестна, какъ ваша кузина, чего, къ сожалѣнію, нѣтъ.

У.

Обѣдъ былъ роскошно сервированъ; общее же настроеніе плохо соответствовало этому. Ленскій сердился на то, что Маша

сдѣлала сцену при «глупомъ, надменномъ австрійцѣ», и молчала; хозяйка мучилась безпокойствомъ, какъ бы неожиданный случай не испортилъ обѣда, тѣмъ болѣе, что лакей, какъ она знала, поссорился съ кухаркой. Маша была черезъ-чуръ смирна и тиха, какъ восьмилѣтній ребенокъ, стыдящійся своей шалости. Хорошо чувствовала себя одна Анна, бывавшая всегда въ хорошемъ настроеніи, когда сидѣла между двумя красивыми и любезными молодыми людьми, какъ сегодня между Беренбургомъ и Николаемъ.

Какъ многія холодныя и до чопорности строгія дѣвушки, которымъ ничто на свѣтѣ не удастся менѣе, чѣмъ кокетство, и которыя своими вызывающими колкостями производятъ на мужчинъ отталкивающее впечатлѣніе, Анна имѣла страстное желаніе нравиться. Беренбургъ машинально говорилъ комплименты и почти не сводилъ глазъ съ Маши.

«Прелестное созданіе, эта Маша!» — думалъ онъ. Ему доставляло удовольствіе мысленно произносить ея иностранное имя.

Да, прелестное созданіе! Какой цвѣтъ лица, какой чудный ротикъ и какое милое, то шаловливое, то трогательно-нѣжное выраженіе глазъ... какой пріятный, мягкій голосъ, какъ ласкаютъ слухъ его звуки, когда она шепчетъ отцу свое робкое замѣчаніе! Жаль, жаль!...

Да, жаль, жаль; жениться на Маріи Ленской — объ этомъ и думать нечего было, но... но почему бы не поухаживать за ней?

«Если бы эта глупая Анна не была такъ несносно-любезна!» — думалъ графъ, когда послѣ обѣда онъ долженъ былъ сидѣть рядомъ съ хозяйкой на маленькомъ диванчикѣ, причемъ мысленно проводилъ параллель между своимъ положеніемъ и приколотой булавкою бабочкой, и все еще украдкой смотрѣлъ на Машу.

Она стояла теперь около камина рядомъ съ отцомъ, очень блѣдная и съ предательскою краснотой вокругъ отяжелѣвшихъ вѣкъ; завернувшись въ красный шарфъ, она иногда вздрагивала отъ холода.

Съ ласковымъ, но очень серьезнымъ лицомъ наклонившись къ ней и держа ея маленькую ручку своими большими руками, отецъ очень мягко, но внушительно читалъ ей, повидимому, наставленіе на чужомъ, звучномъ языкѣ, проникающемъ Беренбургу въ сердце, хотя онъ не понималъ ни одного слова, — языкѣ, нѣжно-грустное благозвучіе котораго, прерываемое рѣзкимъ диссонансомъ, онъ сравнивалъ съ букетомъ орхидей, смѣшаннымъ съ полевыми цвѣтами, — на чудномъ русскомъ языкѣ, лучше всякаго другаго схватывающемъ и передающемъ весь характеръ народа, выраженіемъ котораго онъ служитъ.

Послѣ того, какъ Ленскій окончилъ свое наставленіе, Маша протянула обѣ руки отцу и просто поцѣловала его. Ленскій, нѣжно остановилъ ее, сказавъ по-французски:

— А теперь веди себя, какъ разумный человѣкъ, Маша. Такъ! Держись прямо... и сыграй намъ что-нибудь сейчасъ, пока никого нѣтъ еще.

— Но, папа!

— Да безъ разговоровъ, играй, положишься на меня, ты смѣл можешь играть, — сказалъ Ленскій. — Я сегодня довольно стыдился за тебя и хотѣлъ бы теперь, напротивъ, немного погордиться тобою. Садись же... играй на память... пожалуйста!... — Онъ самъ поднялъ крышку рояля. — А-moi рондо Моцарта!

Съ минуту она колебалась, потомъ ей захотѣлось отличиться передъ Беренбургомъ, доставить удовольствіе отцу. Она начала играть, и какъ хорошо играла она!

Беренбургъ поднялся съ мѣста и подошелъ къ роялю. Онъ очень любилъ хорошую музыку; рондо А-moi было его любимой вещью; въ этой пьесѣ, полной тоскливой прелести, въ которой чистая душа артиста оплакиваетъ легкомысліе цѣлаго вѣка, особенно высказалось еще незрѣлое, но необыкновенно нѣжное и задушевное совершенство Машиной игры.

— Вы играли восхитительно! — воскликнулъ Беренбургъ съ увлеченіемъ. — Вы настоящая артистка!

— Это вѣрно: я слышала со двора, — энергично подтвердилъ его похвалу низкій, старый женскій голосъ.

Явилась первая изъ приглашенныхъ на вечеръ дамъ.

VI.

Это была очень красивая старуха, — старуха съ веселыми, то насмѣшливыми, то ласковыми голубыми глазами, выдающими ея ирландское происхожденіе, въ немодномъ, простомъ туалетѣ и въ еще менѣе модномъ бѣломъ кружевномъ чепцѣ, завязанномъ подъ подбородкомъ, — женщина съ повелительными манерами и суровою рѣчью, съ холоднымъ умомъ и горячимъ сердцемъ, — женщина, которой клевета никогда не смѣла коснуться, хотя она была когда-то замѣчательною красавицей, которую нельзя было упрекнуть въ женскомъ непостоянствѣ или слабости, хотя она уже тридцать лѣтъ принадлежитъ къ политическимъ вліятельнымъ лицамъ Европы, — одна изъ двухъ или трехъ женщинъ, въ которыхъ Ленскій чувствовалъ уваженіе: лэди Банбури.

— Поздравляю васъ съ такою дочерью, Ленскій!—воскликнула она, привѣтливо здороваясь съ артистомъ.— Такъ вотъ какою стала пухлая крошка, которую я въ Петербургъ носила на рукахъ! Очень рада, что опять вижу васъ, дитя мое,—и лэди Банбури протянула Машѣ руку.

Когда Маша, нерѣшительно сдѣлавъ реверансъ, хотѣла поднести къ губамъ руку старухи, лэди Банбури воскликнула:

— Я не позволю вашимъ свѣжимъ губкамъ прикасаться къ гадкой перчаточной кожѣ; позвольте обнять васъ, т.-е. если вамъ не неприятно поцѣловать старуху, которая очень, очень любила вашу маму. А-а! добрый вечеръ, Николай!... И ты здѣсь, Чарли?—обратилась она къ Беренбургу.

Затѣмъ, вспомнивъ, наконецъ, что она собственно въ гостяхъ не у Ленскаго, а у его невѣстки Елагиной, она обратилась къ Варварѣ Александровнѣ.

Странно, всё дѣйствительно знатныя дамы, присутствовавшія на этомъ вечерѣ, совершали одну и ту же, можетъ быть, немного преднамѣренную ошибку,—онѣ всё явились сюда ради Ленскаго; онѣ пріѣзжали рано, въ простыхъ туалетахъ, держались просто и любезно, привѣтливо обращались съ Машей, затрогивали Ленскаго какимъ-нибудь старымъ воспоминаніемъ, и Маша радовалась ихъ любезности, радовалась веселому настроенію, которое онѣ внесли съ собой, и тому уваженію, съ которымъ онѣ относились къ ея отцу.

Пріѣхала Соня, Ниты нѣтъ. Это было грустнымъ разочарованіемъ для Николая. Онѣ еще не кончили разспрашивать Соню о здоровьи ея подруги, когда въ гостиную вошла высокая, намазанная блондинка, съ слишкомъ обнаженными плечами и слишкомъ длиннымъ шлейфомъ, видъ которой подѣйствовалъ на всѣхъ дамъ, какъ окаменѣлое лицо Медузы.

Это была маркиза д'Орвильи-Латуръ, одна изъ славнѣйшихъ красавицъ второй имперіи, одна изъ лучшихъ салонныхъ панистокъ, безсердечная, умная, безнравственная женщина, около двадцати лѣтъ находившаяся съ Ленскимъ въ постоянно прерываемыхъ, очень непрочныхъ отношеніяхъ.

— Какъ попала она сюда?—спрашивали себя дамы.— Какъ попала эта?—спрашивали онѣ все чаще и чаще, когда одна за другой появился цѣлый рядъ блестящихъ свѣтскихъ двусмысленныхъ личностей: космополитическій и собранный изъ высшихъ круговъ батальонъ поклонницъ Ленскаго.

Мужчинъ было мало; они составляли едва третью часть многочисленнаго общества.

VII.

Ленскій началъ играть. Смѣясь, шая, среди шутокъ и лести взялъ онъ скрипку, поданную ему на колѣняхъ маркизой д'Орвилли. Теперь онъ, съ небольшими перерывами, игралъ болѣе часа.

Въ залѣ можно было задохнуться отъ жары; дамы такъ обругали Ленскаго, что ему едва оставалось мѣсто, чтобы двигать руки. Его взглядъ часто скользилъ кругомъ; онъ видѣлъ передъ собою обнаженные плечи, блестящія взгляды, полуоткрытыя губы. Этотъ видъ возбуждалъ его, кровь ударяла въ голову. Черезъ нездоровую, разгоряченную атмосферу до него доносилась безумная лесь; онъ чувствовалъ себя на двадцать лѣтъ моложе, испытывалъ торжествующую гордость. У его несчастнаго аккомпаниатора, Альберта Перфекціона, потъ выступалъ на лбу; онъ съ величайшимъ трудомъ аккомпанировалъ Ленскому.

Въ концертной залѣ, гдѣ резонансъ лучше, гдѣ публика строже, Ленскій напрягалъ послѣднія силы своей могучей природы; здѣсь же, въ этой небольшой комнатѣ, гдѣ резонансъ пропадалъ, гдѣ онъ не слышалъ себя и видѣлъ передъ собой публику, состоявшую изъ ничего непонимающихъ въ музыкѣ дамъ, онъ водилъ смычкомъ по струнамъ; какъ безумный. Въ комнатѣ становилось все душнѣе и душнѣе.

— Фаустъ на Брогенѣ! — сказалъ Александръ Суворинъ, страшный русскій, извѣстный въ парижскомъ обществѣ подъ названіемъ «Memento mori», котораго всѣ боялись за злой языкъ.

Одинъ человекъ былъ безконечно несчастливъ въ этотъ вечеръ; то была Маша. Не зная обязанностей, предписываемыхъ ей, какъ хозяйкѣ, она безпрестанно выслушивала замѣчанія гузины, испытывала такое чувство, точно она всюду мѣшаетъ; почти никому неизвѣстная, она бродила по комнатамъ, слыша разсужденія объ отцѣ, объ его игрѣ, объ его отношеніяхъ къ женщинамъ, отъ которыхъ кровь прилиwała къ ея щекамъ, хотя большую часть она понимала только на половину.

VIII.

Наконецъ, Ленскій положилъ скрипку. Приличныя дамы почти всѣ разъѣхались. Маша проводила ихъ съ Колей въ прихожую. Большая часть была очень мила съ ней, нѣкоторыя поцѣловали ее на прощанье, нѣкоторыя просили даже Николая привезти къ нимъ сестру, но не очень настоятельно.

Да! Если бы была жива милая, добрая Наташа, то онѣ были бы

въ восторгѣ видѣть у себя эту прелестную дѣвушку, но быть вынужденными принимать Елагиныхъ, — надъ этимъ можно было призадуматься!...

Толпа поклонницъ Ленскаго осталась. Варвара Александровна пригласила гостей освѣжиться; нѣкоторые ушли съ нею въ сосѣднюю комнату, гдѣ стояли холодные напитки, аппетитно разставленные между букетами цвѣтовъ, освѣщенныхъ цвѣтными лампами. Другіе пили чай, ѣли конфеты, мороженое, фрукты, подаваемые на подносахъ лакеями.

Бѣдная Варвара Александровна, утратившая вмѣстѣ съ положеніемъ и умѣнье держать себя, суетилась, точно безумная, вокругъ буфета и угощала всѣхъ сразу. Маша попробовала помочь ей, но опрокинула нечаянно чашку чая, послѣ чего въ десятый разъ въ теченіе вечера услышала фразу: «не мѣшайся подъ ногами».

Грустно стояла она среди гостей, не зная, куда ей направиться, когда Беренбургъ, подойдя къ ней, сказалъ:

— Какъ вы блѣдны! Должно быть, очень утомительны обязанности хозяйки, особенно съ непривычки. Пойдемте въ сосѣднюю комнату, тамъ прохладнѣе, и вы отдохнете немного.

Онъ подаль ей руку и повелъ въ сосѣднюю гостиную, гдѣ расположилось нѣсколько человѣкъ, но такъ немного, что симпатичныя другъ другу парочки могли уединиться и свободно болтать другъ съ другомъ.

На одномъ изъ дивановъ сидѣли рядомъ два господина — веселый французскій дипломатъ и очень бѣлокурый австріецъ, своего рода извѣстность; его особенность заключалась въ томъ, что онъ никогда не говорилъ ни одного слова съ незамужнею женщиной. Онъ имѣлъ разъ несчастіе быть причиной самоубійства одной молодой дѣвушки и съ тѣхъ поръ боялся подавать надежды. Его звали баронъ Бриксъ; онъ и французъ жаловались другъ другу на скуку.

Беренбургъ подвелъ Машу къ дивану, полускрытому въ зелени пальмъ.

— Не хотите ли мороженого? Оно освѣжитъ васъ, — сказалъ онъ и сдѣлалъ знакъ лакею.

Маша взяла блюдечко, съѣла двѣ ложечки и отставила его.

— Вы ужасно утомлены, — замѣтилъ Беренбургъ съ сожалѣніемъ.

— Сегодня мой первый вечеръ, — отвѣтила Маша со вздохомъ, — я такъ радовалась ему, но если вечера всегда такъ случаются, какъ сегодняшній...

— Большія собранія всегда непріятны, — замѣтилъ Беренбургъ. — Въ толпѣ трудно найти людей, которыхъ ищешь, и нельзя долго оставаться съ ними, когда найдешь ихъ, наконецъ. Въ подобныхъ случаяхъ я напрягаю всѣ свои старанія, чтобы не наступить на шлейфъ какой-нибудь дамѣ, чтобы хозяйка дома не замѣтила, какъ я зѣваю... Сегодня намъ доставляется, правда, исключительное удовольствіе...

— Не говорите объ этомъ, — остановила его Маша, — игра моего отца не доставила, вѣдь, вамъ сегодня удовольствія.

Беренбургъ теребилъ усы.

— Игра вашего отца слишкомъ величественна; она оглушаетъ въ этой залѣ, — пробормоталъ онъ.

— Ахъ, нѣтъ, не то! — воскликнула Маша. — Если бы вы слышали, какъ онъ играетъ, когда мы одни въ этой же самой залѣ — тогда онъ божественно играетъ; но сегодня я не узнаю его... — Маша замолчала и опустила голову.

Беренбургу сдѣлалось жаль ее; ему захотѣлось чѣмъ-нибудь разсѣять ея грусть. Блестящая мысль пришла ему въ голову.

— Пока я не забылъ... я хотѣлъ уже давно сказать вамъ это... не доставитъ ли вамъ удовольствія шкура того медвѣдя, въ лапахъ котораго Николай едва не отдалъ Богу душу? Она находится у меня.

— О! — воскликнула Маша въ восторгѣ, — необыкновенное удовольствіе!

Она протянула ему руку.

Въ то время, какъ онъ прикоснулся къ ней губами, онъ замѣтилъ, что взглядъ опытнаго барона Брикса съ упрекомъ устремленъ на него. Онъ выпустилъ маленькую ручку въ сильномъ смущеніи какъ разъ въ то время, когда Анна проходила черезъ гостиную, провожая двухъ хорошенькихъ англичанокъ. Беренбургъ всталъ и подошелъ къ англичанкамъ. Маша ждала, вернется ли онъ къ ней. Нѣтъ, онъ подалъ руку одной изъ англичанокъ и пошелъ ихъ провожать съ Анной. Маша ушла; она искала отца, брата, — кого-нибудь, кто бы ее дѣйствительно любилъ. Она заглянула черезъ портьеру въ курительную комнату, полную дыма; вдругъ она услышала незнакомый ей смѣхъ, грубый, рѣзкій, смѣхъ стараго человѣка надъ остротами какой-то дамы.

Сквозь дымъ она разглядѣла Ленскаго, сидѣвшаго на низкомъ креслѣ; она ясно видѣла его, видѣла такимъ, какимъ никогда не видала прежде. Лицо его было красно, онъ громко хохоталъ и грубымъ жестомъ ударялъ себя по колѣнѣ. Онъ самъ разсказывалъ веселую исторію и съ непріятнымъ подмигиваніемъ пожималъ руку

сидѣвшей рядомъ съ нимъ дамы. Какъ всё онѣ тѣснились вокругъ него!

Маша отвернулась.

Когда Николай, изъ всѣхъ силъ помогавшій теткѣ занимать гостей, стоялъ съ Соней въ прихожей, онъ услышалъ шуршаніе шелкового платья. Онъ взглянулъ наверхъ. По лѣстницѣ, едва волоча ноги и низко опустивъ голову, тяжело опираясь рукой на перила, поднималась маленькая, бѣлая фигура.

— Маша! — крикнулъ Николай по-русски. — Что съ тобой?

— Ничего! — отвѣтилъ слабый, глухой голосъ.

— Не хочешь ты развѣ дожидаться, когда уѣдетъ отецъ? — спросилъ Коля.

Маленькая фигурка вздрогнула; подавленное рыданіе вырвалось изъ ея груди; она коротко и рѣзко отвѣтила:

— Нѣтъ!

Черезъ полчаса все успокоилось — послѣдніе гости уѣхали, слуги тушили огни.

IX.

— Гдѣ же Маша? — спросилъ Ленскій Николая, помогавшаго ему надѣть пальто.

— Она легла; ты хочешь зайти къ ней?

— Нѣтъ, поздно, — сказалъ Ленскій, сдвинувъ брови. — Ты ничего не имѣешь противъ того, чтобы мы прошлись пѣшкомъ, Коля? Мнѣ хочется гулять. Днемъ я не могу, всякій мальчишка бѣжитъ за мной слѣдомъ; это скучно.

Николаю тоже пріятно было послѣ духоты подышать чистымъ воздухомъ. Они направились по дорогѣ къ Елисейскимъ полямъ; молча шли они рядомъ.

Ленскій былъ въ возбужденномъ состояніи; откинувъ немного голову назадъ, распахнувъ пальто, онъ шелъ рядомъ съ сыномъ, размахивая руками. Недалеко отъ отеля Елагиныхъ они встрѣтили двухъ мужчинъ, остановившихся при видѣ Ленскаго.

— А, Ленскій! — воскликнули они, когда артистъ взглянулъ на нихъ; они сняли шляпы, хотя лично не были знакомы съ нимъ.

Ленскій вѣжливо и привѣтливо отвѣтилъ имъ.

— Какъ глупо, — замѣтилъ онъ, идя дальше, — даже въ два часа ночи нельзя идти по улицамъ, не будучи узнаваемымъ. Я думаю, Бисмаркъ и я — самыя извѣстныя лица въ Европѣ.

Едва онъ произнесъ эту фразу, какъ почувствовалъ, насколько

ко она смѣшна; онъ сердился на себя, и, какъ бывало всегда послѣ его большихъ или маленькихъ триумфовъ, когда начинало проходить минутное опьанѣніе, имъ овладѣвало тяжелое, подавляющее чувство униженія.

Въ концѣ широкой прямой улицы, слабо освѣщенной красноватымъ свѣтомъ нѣсколькихъ фонарей, возвышались сѣровато-лиловыя очертанія триумфальной арки, какъ огромный призракъ ушедшей славы.

Ленскій съ сыномъ приближались къ памятнику, становившемуся все больше, все яснѣе. Громадная триумфальная арка смотрѣла на крохотныхъ людей съ ироніей и презрѣніемъ, съ которыми давнопрошедшее смотреть на ничтожное настоящее. «Какой ты червь! — какъ бы говорила она Ленскому, — и смѣешь поднимать голову передо мной, стоящей здѣсь, чтобы напоминать людямъ о величайшей славѣ, когда-то погибшей!»

Ленскій опустилъ голову; Николай не понималъ сегодня нѣмаго языка триумфальныхъ воротъ. Онъ не былъ честолюбивъ. Какое ему дѣло до славы? Онъ стремился не къ ней, онъ къ счастью стремился.

Сначала Ленскій шелъ очень быстро, теперь онъ съ трудомъ передвигалъ ноги, все его существо было исполнено отвращенія. Это случалось съ нимъ всегда послѣ чрезмѣрнаго повлоненія, вродѣ того, которое было вчера; онъ чувствовалъ на себѣ что-то отвратительное; грязное, чего онъ не могъ стряхнуть.

Вдругъ онъ остановился. Николай взглянулъ на него: его испугало измученное выраженіе блѣднаго лица артиста.

— Тебѣ не хорошо, отецъ? — спросилъ онъ и взялъ его за руку, испугавшись, какъ бы съ нимъ не повторился обморокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, — отвѣтилъ Ленскій, — далеко еще до Вестминстера, я спутался немного.

— Два шага.

Они достигли конца Елисейскихъ полей; передъ ними лежала площадь Согласія.

— Сядемъ на скамейку, — сказалъ Ленскій, — не здѣсь, не у фонаря, а въ тѣни, и поболтаемъ... если тебѣ не хочется еще спать.

— Мнѣ... нисколько! — отвѣтилъ Николай. — Но ты... подумай, завтра въ одиннадцать часовъ ты хочешь ѣхать. Тебѣ слѣдовало бы отдохнуть.

— Нѣтъ, я выплусь завтра въ вагонѣ... Сядемъ... мнѣ страшно идти въ отель.

Николай угадалъ его чувства. Онъ слышалъ, что лордъ Бай-

ронъ въ безумный періодъ своей жизни въ Венеціи часто вечеромъ украдкой уходилъ изъ палаццо Моцениго и одинъ въ гондолѣ проводилъ ночи подь открытымъ небомъ въ лагунахъ.

Ленскій заговорилъ:

— Я думалъ сейчасъ о томъ, что случилось съ любительницей музыки, упавшей тогда въ обморокъ въ Эденѣ? Маша разсказывала мнѣ о ней. Я думалъ, что она получила приглашеніе на вечеръ къ Варварѣ?

— Она была приглашена, — отвѣтилъ Николай.

— Да! и наша, что не стоитъ беспокоиться.

— Она заболѣла.

— Пустяки! — воскликнулъ Ленскій. — Мнѣ досадно, что она не была, — я спрашивалъ о ней. Маша совсѣмъ влюблена въ нее. Какъ ея фамилія?

— Фрейленъ фонъ-Санкиевичъ.

— Санкиевичъ... Санкиевичъ... Она полька? — спросилъ Ленскій.

— Нѣтъ, ея отецъ былъ южный славянинъ, а мать богемскаго происхожденія.

— Такъ, гм!... Ты часто видалъ ее? — Онъ пристально посмотрѣлъ на Николая.

— Да.

— И въ такомъ же восторгѣ отъ нея, какъ Маша?

— Я нахожу ее прелестной, — тихо произнесъ Николай грустнымъ тономъ.

— Какимъ тономъ сказалъ ты это! — Ленскій положилъ руку на его плечо. — Ты влюбленъ, а?

Николай молчалъ. Ленскій засмѣялся.

— Гм!... гм!... Я въ первый разъ поймалъ тебя въ серьезномъ увлеченіи. Скажи! — Онъ хлопнулъ Николая по колѣнѣ. — Теперь ты долженъ уже знать. Есть у тебя надежда?

— Что хочешь ты сказать? — спросилъ Николай, съ трудомъ выговаривая слова.

— Именно то, что я сказалъ.

Николай почувствовалъ въ этотъ моментъ почти отвращеніе къ отцу.

— Ты не знаешь, о комъ ты говоришь, — холодно произнесъ онъ. — Дѣло касается молодой дѣвушки изъ очень хорошаго дома.

— Я хорошо знаю, о комъ говорю, — отвѣтилъ Ленскій, раздраженный замѣчаніемъ сына. — Рѣчь идетъ о молодой художницѣ, которая, разставшись съ семьей, идетъ своею дорогой. Я не могу

ожидать, чтобы такая даровитая, выдающаяся дѣвушка держалась предразсудковъ всѣхъ обыкновенныхъ дѣвушень.

Бровь прилила Николаю къ щекамъ, — ему не приходило раньше въ голову, чтобы независимое положеніе, которое устроила себѣ Нита, могло дать поводъ къ подобнымъ толкованіямъ.

— Я былъ бы въ отчаяніи, если бы думалъ, что она считаетъ себя выше этихъ предразсудковъ! — воскликнулъ онъ.

— Смѣшно, — угрюмо произнесъ Ленскій. — Гм!... Ты, кажется, слишкомъ горячо принявъ это къ сердцу! Если ты хочешь внести эти взгляды въ жизнь, то я поздравляю тебя — тебѣ много придется страдать. Но я не люблю дѣлать неприятности. Если бы я зналъ, что ты... я промолчалъ бы. Я не хочу лишать тебя иллюзіи! Я нахожу, что такъ же нехорошо разрушать иллюзіи, какъ и убивать пѣвчихъ птицъ. Въ сущности, вѣдь, только иллюзія заставляетъ насъ держаться прямо, высоко поднявши голову. Богъ мой, что было бы съ людьми безъ иллюзіи? Они ползали бы на четверенькахъ. Я уже недалеко отъ этого. Но рѣчь не обо мнѣ, — давай говорить о тебѣ. Мечтай ты сколько угодно, если это доставляетъ тебѣ удовольствіе. Я завидую твоей способности.

— Я не имѣю ни малѣйшаго, никакого желанія мечтать, — отвѣтилъ Николай спокойно, но все еще немного холодно, — у меня очень ясно опредѣленная цѣль.

— Ты хочешь жениться?

— Да, — коротко отвѣтилъ Николай.

— Жениться въ твои годы! Прости меня, но такимъ неправильнымъ я никогда не считалъ тебя. — Ленскій недовольно замолчалъ.

Послѣдовала неловкая пауза; Николай откашлялся два раза.

— Отецъ, — началъ онъ, наконецъ, дрожащимъ голосомъ, — когда ты оглядываешься на прожитую тобою жизнь, что находишь ты въ ней прекраснѣе первыхъ лѣтъ твоей женитьбы?

Лицо Ленскаго передернулось отъ мучительнаго воспоминанія, онъ тяжело дышалъ, наконецъ, онъ произнесъ съ горечью:

— Ты былъ бы плохимъ хирургомъ, Коля... у тебя тяжелая рука, очень тяжелая рука. Это больно...

Николай испугался, онъ хотѣлъ бы загладить свою неловкую грубость, сказать отцу что-нибудь ласковое, — ничего не приходило ему въ голову.

Вдругъ Ленскій повернулся къ нему и воскликнулъ:

— Если ты дѣйствительно встрѣтилъ такую дѣвушку, какою была твоя мать, и она беретъ тебя, — ну, тогда держи ее вѣрнѣе!

объятіяхъ и не разлучайся съ ней никогда, переноси ее черезъ каждый камешекъ, гдѣ она можетъ ушибить ногу, защищай ее отъ слишкомъ жаркаго солнечнаго луча, отъ слишкомъ холоднаго дуновенія вѣтра, могущаго причинить ей вредъ, и опускайся каждый вечеръ передъ ней на колѣни и благодари ее за счастье, которое она дастъ тебѣ!... Но я не думаю, чтобы ты нашелъ ее, — такой нельзя найти!

— Мнѣ очень жаль, что ты не могъ познакомиться съ фрейленъ фонъ-Санкиевичъ, отецъ! — сказалъ Николай измѣнившимся, болѣе теплымъ тономъ.

— Мнѣ тоже. Какова она?... Красавица, навѣрное, т.-е. ты считаешь ее такою.

— Нѣтъ, отецъ, не красавица, но такъ прелестна, такъ мила...

— Гм! А что же она собственно?... Когда свѣтская дама беретъ за занятія искусствомъ, ее считаютъ всегда необыкновенно гениальной. Много она работаетъ?

— Не... ну, да, немного... не очень... — отвѣтилъ Николай. — Но если бы ты узналъ ее, ты былъ бы въ такомъ же восторгѣ, какъ и я!

— Да... гм!... Это было бы немного слишкомъ! — замѣтилъ Ленскій, но голосъ сдѣлался мягче и онъ потрепалъ сына за ухо.

— Я убѣжденъ въ этомъ. Ты никогда не встрѣчалъ подобной дѣвушки, полной такой привлекательности въ каждомъ движеніи, такой самобытности, своеобразности, безъ тѣни принужденности, то веселой до безконечности, то вдругъ мрачной и замкнутой, минутами непривѣтливой до невѣжливости и вслѣдъ затѣмъ такъ искренно доброй, такъ чисто-женски нѣжной и сострадательной, граціозной, умной, при этомъ полной такой безконечной тоски, — однимъ словомъ, такой очаровательной, какой нѣтъ подобныхъ на свѣтѣ.

— Такихъ еще не бывало, — серьезно замѣтилъ Ленскій. — Посмотри, посмотри, ты совсѣмъ ожилъ, мечтатель! — Помолчавъ минуту, онъ заговорилъ снова: — Открыто живетъ она?

— Нѣтъ, она почти никого не видитъ.

— А! — воскликнулъ Ленскій съ торжествующимъ выраженіемъ охотника, нашедшаго, наконецъ, слѣдъ, котораго давно искалъ.

— Она не выѣзжаетъ потому, что находитъ общество скучнымъ, пустымъ, — горячо произнесъ Николай.

— Это говорятъ онѣ всѣ, — отвѣтилъ Ленскій, покачивая головой. — Милое дитя, пока я думалъ, что дѣло заключается въ ка-

комъ-нибудь скоро проходящемъ увлеченіи, я не хотѣлъ мѣшать тебѣ. Но когда дѣло принимаетъ такой серьезный оборотъ, какъ твоя женитьба, я долженъ просить тебя быть осторожнѣе и рассмотреть дѣло поближе.

— Но, отецъ!—воскликнулъ возмущенный Николай.—Все, что я сказалъ, должно было доказать тебѣ...

— Оно доказало мнѣ, что ты очень влюбленъ; впрочемъ... впрочемъ, доказываетъ еще, что ты заблуждаешься.

Николай хотѣлъ прервать отца; но, не обращая на него вниманія, Ленскій продолжалъ:

— По всему, что ты говоришь, она слишкомъ интересна, слишкомъ привлекательна для дѣвушки изъ хорошей семьи; потомъ, отчего происходитъ эта загадочная неровность въ ея настроеніи, эта составляющая основную черту ея характера тоска? Справься, Коля. Если ты нападешь на слѣдъ какой-нибудь несчастной любви, печальнаго разочарованія, тогда я буду доволенъ, тогда все въ порядкѣ. Если же ты ничего не откроешь, тогда... тогда будь остороженъ. Рискую окончательно лишиться твоего расположенія, я готовъ держать пари, что она перенесла какое-нибудь страшное потрясеніе, однимъ словомъ, что у нея неладно что-то въ прошломъ.

— Не можетъ быть!

— Не горячись,—замѣтилъ Ленскій.—Ты не первый молодой человѣкъ, разсуждающій такъ. Я, впрочемъ, не хочу осуждать ея: человѣческой природы не передѣлаешь! Но мнѣ, конечно, будетъ очень больно, если ты, не смотря ни на что, будешь настаивать на твоёмъ намѣреніи...

— Тебѣ нечего бояться, отецъ,—воскликнулъ Николай.—Я никогда не рѣшусь жениться на опозоренной дѣвушкѣ; лучше я погоню съ собой!

— Ну, это громкія слова,—сказалъ Ленскій.

— Эти слова выражаютъ мое убѣжденіе; мнѣ не слѣдовало позволять себѣ говорить съ тобой о моемъ чувствѣ. Ты видишь все въ такомъ свѣтѣ...

— Въ свѣтѣ моей опытности, Коля, въ свѣтѣ истины,—сказалъ Ленскій.—Я ничего не могу подѣлать противъ того, что свѣтъ таковъ, какой онъ есть. Болото составляетъ основаніе міра, основаніе всего нашего существа—болото и ничего больше, какъ болото!

— Не говори такъ грустно, отецъ; я не могу этого выносить. Такъ много прекраснаго вездѣ, даже въ твоей жизни! Подумай о твоёмъ искусствѣ!...

— О моемъ искусствѣ?—воскликнулъ Ленскій грустнымъ то-

вомъ. — О моемъ искусствѣ?... Точно самъ-то я не знаю, каково оно?... Искусство, которое можетъ только заставить нѣсколькихъ восторженныхъ женщинъ лишиться послѣдняго остатка благопристойности... Нѣтъ, дѣйствіе, которое можетъ производить на людей мое искусство, то, что отъ него еще осталось, — не можетъ вернуть мнѣ утраченныхъ идеаловъ. Мнѣ жаль, что я огорчилъ тебя; послѣдній вечеръ нашъ слѣдовало бы пріятнѣе провести. Мнѣ досадно, что я не видалъ ея. Если бы я увидѣлъ ее, я бы сразу сказалъ тебѣ, годится она тебѣ въ жены или нѣтъ.

Николай испытывалъ все время такое чувство, точно на груди его сидѣло холодное, скользкое чудовище, котораго онъ не могъ сбросить.

— И во всей твоей жизни тебѣ ни разу не случилось ошибиться въ женщинѣ, быть слишкомъ низкаго мнѣнія объ ея добродѣтели? — немного рѣзко спросилъ Николай.

Ленскій задумчиво смотрѣлъ впередъ. Вдругъ онъ вздрогнулъ и, вставъ, сказалъ тономъ человѣка, желающаго прервать ненужный и неприятный разговоръ:

— Становится холодно, Коля, пойдемъ домой. Къ чему перетрахать старую солому? — Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, затѣмъ взглянулъ Николаю въ лицо и остановился: — Боже мой, какъ ты печаленъ! — воскликнулъ онъ, — я не могу видѣть этого. Забудь все, что я сказалъ, все. Я ошибаюсь, вѣдь, иногда; предположимъ, что я ошибаюсь, что у меня совершенно ложный взглядъ на жизнь. Розы растутъ не съ шипами на землѣ — онѣ падаютъ съ небесъ, ангелы бросаютъ ихъ намъ! Думай все, что хочешь, но не дѣлай такого грустнаго лица на прощанье! — Положивъ свою тяжелую руку на плечо юноши, онъ продолжалъ хриплымъ и надломленнымъ голосомъ: — Да, да, предположимъ, что я ошибся, что тебѣ предстоитъ нѣчто прекрасное... Видишь ли, изъ трехъ вещей, которыя мнѣ были дороже всего на свѣтѣ, я погубилъ двѣ: твою мать и мой талантъ, — остались мои дѣти, и я хочу, чтобы они были счастливы!

X.

Солнечный лучъ, будившій каждое утро Машу, лежалъ широкою полосой на коврѣ ея комнаты, скользилъ по подушкамъ, ласкалъ ея розовую щечку. Внизу въ домѣ раздавался звонъ посуды, укладываемой прислугой въ сундуки, стукъ передвигаемой на свои мѣста мебели, отдающій приказанія громкій голосъ Варвары Александровны. Маша спала крѣпко и сладко.

Раздался стукъ въ ея дверь, сначала тихо, потомъ громче.

— Маша!... это я!... — крикнулъ знакомый голосъ. Она не слыхала. Ленскій осторожно повернулъ ручку двери и нерѣшительно остановился на минуту на порогѣ.

Въ первый разъ со времени ея дѣтства входилъ онъ въ комнату дочери; онъ приблизился къ кровати. Маша спала невиннымъ, покойнымъ сномъ. Трогательно-грустное выраженіе лежало вокругъ ея немного подпухшихъ глазъ, вокругъ губъ; густыя черныя рѣсницы прикрывали ея щеки; ея каштановые волосы растрепались на лбу. Бѣлое фланелевое одѣяло облегалo ея тонкое молодое тѣло; вся ея фигура была окружена неопиcуемымъ вѣяніемъ нѣжной, дѣвичьей скромности.

— Маша... соня... лѣнтяйка! — воскликнулъ онъ, проводя рукой по ея щекѣ.

— Ахъ! — проснулась она съ легкимъ восклицаніемъ. — Ты, папа!

— Да я, кто же кромѣ? — отвѣтилъ онъ, смѣясь. — Я два раза стучалъ въ твою дверь и не получилъ отвѣта. Когда такъ крѣпко спать, какъ ты, моя маленькая плутовка, тогда надо запирать дверь!

— Ахъ, я не боюсь воровъ, — сказала Маша, протирая сонные глаза, — за то боюсь привидѣній; они пролѣзаютъ въ замочныя скважины. — Она засмѣялась.

— Дитя! — прошепталъ онъ, погладивъ ея щеку, и тоже засмѣялся.

— Какъ хорошо, какъ я рада, что ты еще зашелъ! — сказала она, прижавъ губы къ его рукѣ.

— Неужели же ты думала, что я уѣду, не простившись съ тобой? — спросилъ онъ.

Она сдвинула немного брови и отвернула голову.

— Ахъ, я не знала, — прошептала она. — Какъ могла я знать... я не знала даже вчера, любишь ли ты меня. Ты такъ былъ занятъ всѣми этими женщинами, которыя окружали тебя. Ахъ, папа, какъ можешь ты возиться съ такою грязью?

— До этого тебѣ нѣтъ дѣла! — сказалъ онъ почти грубо, по старой привычкѣ скрывая свое смущеніе за своенравнымъ упрямствомъ.

Солнечный лучъ добрался теперь до Машиной головки; онъ игралъ на ея бѣломъ лбу, сливался съ золотистыми волосами, ясно показывалъ слѣды, оставленные на ея дѣтскомъ личикѣ тяжелымъ

горемъ этой ночи, и когда Маша, испуганная суровостью отца, вздрогнула отъ страха, Ленскимъ снова овладѣло безпокойство.

— Какъ ты блѣдна, ангелъ мой! Ты нездорова?

— Нѣтъ, папа... нѣтъ... только... я была страшно несчастлива вчера. И, кромѣ того... я видѣла ночью такой ужасный сонъ.

— Какой же?

— Я видѣла, будто меня преслѣдовали страшныя чудовища, и когда я позвала тебя, ты продолжалъ заниматься... чужими людьми и даже не оглянулся... Тогда въ страхѣ я позвала маму — во снѣ забыла, что она умерла — и тутъ я проснулась.

— Бѣдная голубкая моя, бѣдная сиротка! — прошепталь Ленскій; онъ придвинуль кресло къ кровати и гладиль маленькую ручку дочери. У Маши была красивая рука, но не такая узкая, аристократическая, какую Николай унаслѣдовалъ отъ матери; ея рука была скорѣе коротка и широка, похожа на руку Ленскаго въ миниатюрѣ. — Бѣдная голубка! — повторилъ онъ. — Да, кто могъ замѣнить тебѣ мать? Это была тяжелая потеря для тебя.

Съ минуту они молчали, потомъ Маша спросила:

— Сколько времени ты проѣздишь?

— Въ июнѣ я вернусь въ Парижъ.

— Тогда... тогда ты опять будешь два дня ласковъ со мной... а затѣмъ оставишь опять одну?

— Нѣтъ, нѣтъ, тогда я брошу кочевую жизнь, Маша. Я ѣду въ послѣдній разъ и только для того, чтобы заработать тебѣ большое приданое.

— Отецъ, если бы ты зналъ, какъ охотно отказалась бы я отъ твоего богатства! — произнесла она очень тихо.

Ленскій засмѣялся немного принужденно.

— Нѣтъ, нѣтъ... ты должна быть богата; это могло бы помѣшать твоему замужеству — на этотъ разъ все должно остаться такъ, не огорчай же меня... и вѣрь мнѣ, что я самъ мечтаю о спокойномъ уютномъ гнѣздѣ... что мнѣ больно разставаться съ тобой. Я горячо привязался къ тебѣ, дорогая моя... Но сколько времени останешься ты у меня, моя милая дѣвочка? Кто знаетъ, когда я вернусь, я встрѣчу, можетъ быть, мечтательную, сантиментальную Машу, у которой совсѣмъ другой...

— Папа! ты опоздаешь, — крикнуль Николай снизу.

— Пора развѣ?

— Давно пора... ты пропущетишь поѣздъ.

— Прощай, папочка!

Онъ наклонился къ дочери—она обвила руками его шею и поцѣловала его, рыдая.

— Будь здоровъ!

— Милая моя, радость моя! Пиши мнѣ часто, часто...

Ленскій горячо поцѣловалъ ее еще нѣсколько разъ, и, наконецъ, разстался. У дверей онъ еще разъ обернулся, увидѣлъ ее нѣжное, залитое слезами личико, освѣщенную солнцемъ головку, вдохнулъ еще разъ иропитанную фіалками атмосферу хорошенькой комнаты и, унося въ сердцѣ впечатлѣніе дѣтской невинности, святой непорочности, вышелъ изъ комнаты.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Было около полуночи. Движеніе, предшествовавшее въ каждомъ большомъ городѣ полному, короткому покою, наполняло улицы; со всѣхъ сторонъ стремилась изъ театровъ публика въ экипажахъ, на извозчикахъ и пѣшкомъ. Карлъ Беренбургъ, бывший въ театрѣ Variétés съ тремя англичанками, шелъ пѣшкомъ. Спектакль не доставилъ ему удовольствія, а три англичанки сердили его. Лэди Эмилія Антропосъ была очень милая старуха, несмотря на свое увлеченіе бульварными театрами и немного дѣланную чопорность, а изъ двухъ ея дочерей младшая была очень хорошенькая, старшая же признанная красавица. Было время, когда Беренбургъ состоялъ въ числѣ самыхъ горячихъ поклонниковъ Сильвіи Антропосъ, когда онъ готовъ былъ рисковать всѣмъ на свѣтѣ, чтобы добиться отъ нея, наприимѣръ, котильона, — время, когда онъ на колѣняхъ выпрашивалъ у нея перчатку, измятый бантикъ или завядшій цвѣтокъ. Но съ тѣхъ поръ прошло цѣлыхъ три года, а въ жизни молодого дипломата это цѣлая вѣчность.

Сегодня въ театрѣ она дѣлала все возможное, чтобы вознаградить его за свою прежнюю нелюбезность; но очарованіе, которое она производила на него, исчезло. Теперь онъ находилъ ея красоту холодной, а ея кокетство, — онъ положительно выразился слишкомъ рѣзко, но Карлъ Беренбургъ былъ очень раздраженъ, — ея кокетство онъ называлъ «навязчивымъ».

И, все-таки, идя по бульварамъ домой, онъ думалъ о Сильвіи Антропосъ. Если бы онъ предложилъ ей сегодня отвергнутую нѣкогда руку, ея отвѣтъ былъ бы, очевидно, иной, чѣмъ три года назадъ. Въ принципѣ онъ рѣшилъ жениться, скоро жениться, —

со всѣхъ сторонъ уговаривали его жениться. Чего желать лучше Сельви Антропосъ? Она красива, богата, хорошей фамилии, еще боѣе того—умна, практична и имѣетъ силу воли, которой такъ недостаетъ ему. Она взяла бы на себя отвѣтственность за его существованіе, думала бы за него, дѣйствовала бы и рѣшала бы за него, такъ сказать, исполняла бы за него всю тяжелую моральную работу. Онъ всегда желалъ найти такую жену, которая могла бы управлять за него рулемъ его жизненнаго кораблика.

Отчего же онъ колеблется? Не разъ задавалъ онъ себѣ этотъ вопросъ, идя по многолюднымъ улицамъ съ сигарой въ зубахъ, поднявъ на уши бровы и воротникъ.

Маша воскресла передъ нимъ, ея милое дѣтское личико, ея чудные глаза. Онъ видитъ, какъ гнѣвно свергнула она своими большими очами на невозмутимую кузину, видитъ, какъ топнула она ножкой и сжала кулакъ; онъ улыбнулся; онъ видитъ, какъ, сконфуженная, она съ раскаяніемъ протянула обѣ руки къ отцу и, ставъ на цыпочки, поцѣловала его. Его бросило въ жаръ и въ холодъ. Онъ провелъ рукой по глазамъ, точно желая прогнать сонъ, и посмотрѣлъ по сторонамъ, чтобы разсѣяться. Вездѣ блестящій свѣтъ—блестящіе фонари вдоль тротуаровъ, блестящій газъ за большими зеркальными огнями домовъ, блестящія звѣзды на высокомъ темно-синемъ небѣ, на которомъ странной формы облака, гонимыя холоднымъ вѣтромъ, надвигаются на звѣзды точно неувлѣжія чудовища. Въ воздухѣ холодно. Отчего его вдругъ потянуло въ теплую, уютную комнату, гдѣ забываешь о звѣздахъ и фонаряхъ, куда буря, заглушенная занавѣсами и ставнями, доносится какъ звучная колыбельная пѣсня безпечнаго счастья, потянуло къ покойному креслу около камина, гдѣ трещитъ веселый огонь, къ... къ... И опять онъ видитъ Машу. Онъ видитъ ея стройную фигуру на желтомъ табуретѣ, ея ослѣпительныя плечи, освѣщенные мягкимъ свѣтомъ восковыхъ свѣчей люстры. «Папа! Коля! какъ вы думаете, можетъ кто-нибудь влюбиться въ меня?...» Ея мягкій, звучный голосъ раздался въ его ухахъ, затѣмъ... затѣмъ онъ видитъ, какъ спрыгнула она съ своего пьедестала, безъ аффектаціи, въ дѣтскомъ смущеніи, и, сконфуженная, завернулась въ красный шарфъ.

— Ангелъ мой...—громко проговорилъ онъ; сигара упала на костовую.—Жаль, жаль,—пробормоталъ онъ.

Поравнявшись съ Тортони, онъ вошелъ и приказалъ подать себѣ пушпу, чтобы согрѣться.

Въ комнатѣ было почти пусто. За однимъ столомъ сидѣла па-

рочка, не представляющая собою ничего особеннаго: мужчина и рыжая дама въ голубой шляпѣ, такой высокой, какъ головной уборъ полишинеля. Въ другое время онъ нашелъ бы, можетъ быть, этотъ чисто-парижскій экземпляръ интереснымъ, сегодня же намазанное лицо, съ рѣзко выдѣляющимися красными губами и темными глазами, произвело на него отталкивающее впечатлѣніе, — напомнило ему сразу и вампира, и парикмахерскую восковую куклу съ стеклянными глазами. За другимъ столомъ Беренбургъ увидѣлъ знакомаго.

— Ленскій! — позвалъ онъ, искренно обрадовавшись.

Николай поднялъ глаза отъ газеты, которую читалъ, и протянулъ ему руку; они заговорили о Жюдикѣ, о скачкахъ, о французской политикѣ, — однимъ словомъ, обо всемъ томъ, что въ эту минуту менѣе всего интересовало ихъ. Понемногу они перебрали всѣ предметы и сдѣлались разсѣянны. Николай первый заговорилъ послѣ довольно продолжительной паузы.

— Я недавно познакомился съ одною вашею кузиной.

— Нитой Санкиевичъ, — отвѣтилъ Беренбургъ.

— Почему вы знаете?

— Во-первыхъ, она единственная кузина, находящаяся теперь въ Парижѣ; во-вторыхъ, она рассказывала мнѣ о васъ, — замѣтилъ австриецъ.

— Часто видите вы фрейленъ фонъ-Санкиевичъ? — спросилъ Николай.

— Какъ случится, — отвѣтилъ Беренбургъ, улыбаясь. — Въ *saison morte* очень часто. Тогда я часами сижу въ ея хорошенькой мастерской въ улицѣ Фрохоть — прелестное гнѣздышко, — да вы знаете его, — и болтаю съ ней. Мы ссоримся иногда такъ, что маленькая русская, которую она взяла къ себѣ, — я не могу запомнить ея имени, очень милая дѣвушка, очень *comme il faut*, но немного флегматична, — широко открываетъ глаза отъ изумленія. Нита проповѣдуетъ мнѣ о значеніи жизни, о высокихъ цѣляхъ... но подумайте, что сталъ бы я дѣлать съ возвышенными вопросами? Ставить высшія цѣли кажется мнѣ такъ же забавнымъ, какъ учиться играть на гитарѣ. И я смѣюсь тогда надъ ней, но и немного удивляюсь ей и каждый разъ кажусь себѣ немного свѣжѣе и здоровѣе, когда подглыну нѣкоторое время чистымъ воздухомъ ея святилица. Когда же начинается время усиленныхъ выѣздовъ, я недѣлями не вижу ея.

— А она совсѣмъ не выѣзжаетъ? — спросилъ Николай.

— Мало. Это не доставляетъ ей удовольствія, да еще бы, при ея эксцентричности!

— Она, въ самомъ дѣлѣ, очень эксцентрична?—допрашивалъ Николай.

— Нита?—Беренбургъ поднялъ брови вверхъ, точно онъ удивился тому, что можно сомнѣваться въ такой, бросающейся въ глаза, вещи.—Нита... страшно эксцентрична. Она дѣлаетъ положительно только то, что ей хочется. Противъ желанія всей семьи она избрала живопись своимъ призваніемъ, только чтобы имѣть дѣло, такъ какъ ея матеріальныя средства очень хороши; она безъ колебаній взялась за самыя серьезныя и непріятныя занятія. Хотя моя мать, послѣ смерти моей тетки Санкиевичъ, настойчиво приглашала ее къ себѣ, она предпочла жить одна, съ старою дуэньей. Она читаетъ французскіе романы, катается въ конкахъ и имѣетъ забавную привычку вступать въ разговоръ съ нищими на улицѣ. Она думаетъ обо всемъ и не имѣетъ никакихъ предразсудковъ, и, несмотря на все это,—да, несмотря на это,—я не знаю никого, чья бы жизнь была чище, безупречнѣе, чѣмъ жизнь нашей Ниты!

— Чудная дѣвушка!—прошепталъ Николай.

Беренбургъ пристально посмотрѣлъ на него и, смѣшно сложивъ губы, воскликнулъ:

— И ты, Бруть?

Николай покраснѣлъ.

— Да что съ вами, надъ чѣмъ вы смѣетесь?—спросилъ онъ немного смущенно австрійца.

— Я всегда радуюсь, когда къ многочисленнымъ поклонникамъ Ниты прибавляется еще новый,—замѣтилъ Беренбургъ.—Если бы вы знали, сколько я выслушалъ подобныхъ признаній! Я думаю, что мужчины тѣмъ болѣе даютъ воли своему увлеченію, чѣмъ мѣнѣе боятся, что ихъ поймутъ на словѣ. Но на этотъ разъ Нита можетъ дѣйствительно вообразить о себѣ...

— Я откровенно сознаюсь вамъ,—сказалъ Николай,—что еще ни одна женщина не производила на меня такого впечатлѣнія, какъ ваша кузина, и что я употребляю всѣ силы, чтобы приобрести ея расположеніе, но, по-моему, глупо было бы разбивать голову о препятствіе, котораго нельзя устранить. Скажите мнѣ, вы съ дѣтства знали вашу кузину?

— Да, мы вмѣстѣ переломали всѣ наши игрушки, она помогала мнѣ во всѣхъ моихъ школьныхъ работахъ, причемъ никогда не пропускала удобнаго случая прочесть наставленіе. Но что же собственно хотите вы знать отъ меня?

— Не скрыто ли въ ея сердцѣ страданія или любви, противъ которыхъ было бы бесполезно бороться?

Беренбургъ покачалъ головой.

— Насколько я знаю, Нита была всегда выше подобныхъ земныхъ слабостей.

— Значить, она явилась на свѣтъ съ такими грустными глазами?—спросилъ Николай.

Беренбургъ подумалъ съ минуту.

— Нѣтъ, —отвѣтилъ онъ. —Послѣ того, какъ вы обратили мое вниманіе, это кажется мнѣ самому страннымъ. Въ ранней молодости она была необыкновенно весела, жива, восторженна; на семнадцатомъ году съ ней произошла рѣзкая переменна. Но основанія ея были чисто-физическія. Съ ней сдѣлалась горячка. Я видѣлъ ее, когда она только что начала поправляться; она выросла, лишилась волосъ и сдѣлалась страшна. Потомъ она опять похорошѣла, но свѣжесть уже не вернулась къ ней и съ этого времени глаза ея приняли то грустное выраженіе, о которомъ вы говорите.

Еще вопросъ вертѣлся на языкѣ Николая; но онъ остался невысказаннымъ, такъ какъ въ эту минуту въ комнату входили три человѣка, привлекшіе къ себѣ вниманіе молодыхъ людей: лэди Банбури, Нита и тотъ старый господинъ, котораго Николай видѣлъ недавно съ ними въ оперѣ, котораго Беренбургъ, знакомя съ Николаемъ, назвалъ сэромъ Генри Мусgrave, братомъ лэди Банбури.

Обѣ дамы были въ очень веселомъ настроеніи, сэръ Генри въ сантиментальномъ. Дамы смѣялись надъ тѣмъ, что сейчасъ же встрѣтили знакомыхъ у Тортони, сэръ Генри пожалъ плечами и, глядя то на Николая, то на Беренбурга, сказалъ:

— Что скажете вы на то, что я ночью привелъ моихъ дамъ къ Тортони?... Но я умываю руки, я невиненъ, я не могъ съ ними ничего подѣлать. Дамы теперь удивительныя. Моя сестра захотѣла непременно возвращаться домой на извозицѣ, вмѣсто того, чтобы взять карету. Результаты вышли тѣ, что на углу Rue de la Paix у насъ слетѣло колесо,—съ ужасомъ рассказывалъ сэръ Генри.

— Послѣ этой катастрофы мы объявили, что не въ силахъ сѣсть на другаго извозчика, не подкрѣпившись, —продолжала лэди Банбури, приказавъ кельнеру подать себѣ мороженаго. Нита, находившаяся, повидимому, въ очень шаловливомъ настроеніи, спросила себѣ champagne cocktails, чтобы разсердить важнаго сэра Генри, не любившаго никакихъ напитковъ.

— Да, и вотъ я ночью съ двумя дамами, съ дамами изъ моего общества, у Тортони, —со вздохомъ произнесъ онъ, бросивъ не-

довольный взглядъ на даму въ шляпѣ полишинеля. Но парижанка, не перестававшая со времени появленія лэди Банбури и Ниты бросать на нихъ косые взгляды, теперь встала. Направляясь къ двери, она говорила своему кавалеру что-то о дурныхъ манерахъ свѣтскихъ дамъ, поднимающихъ шумъ всюду, куда онѣ появляются. Лэди Банбури и Нита кусали отъ смѣха губы, а Беренбургъ спросилъ:

— Довольны вы, дядя? Мы, кажется, одни теперь.—Мнѣ досталось сегодня еще хуже вашего: я долженъ былъ везти дамъ въ «Нинишъ».

— Въ «Нинишъ», Барль? Бого же: конечно, иностранокъ?—спросила Нита.

— Лэди Антропосъ и ея двухъ дочерей.

— А! —воскликнула Нита и ея глаза насмѣшливо сверкнули.—Не пора ли заказывать мнѣ платье къ твоей свадьбѣ, Барль, такъ какъ, я надѣюсь, вы пригласите меня на свадьбу, хотя я и сдѣлалась художницей?

— Я не женюсь раньше, чѣмъ буду имѣть честь проводить тебя къ алтарю... дамамъ принадлежитъ первое мѣсто,—отвѣтилъ Беренбургъ.—Бстати, въ какомъ театрѣ были вы?

— Мы... въ театрѣ Французской Комедіи... —сказала Нита, со смѣхомъ опустивъ глаза.

— Подумай только, Чарли, мы смотрѣли *Denise!* —воскликнула лэди Банбури.

— Да, *Denise*,—повторила Нита, обращаясь прямо къ Николаю.—Но Соню я оставила дома. Вы видите, я, все-таки, еще знаю приличія, если и не всегда соблюдаю ихъ.

— Ты опять говоришь глупости, Нита, —воскликнулъ Беренбургъ.

— Въ благовоспитанномъ обществѣ это дозволяется,—отвѣтила Нита.

— Понравилось вамъ представленіе?—спросилъ Николай. Лэди Банбури начала смѣяться.

— Дѣйствіе было различно,—разсказывала она.—На меня и на Ниту оно произвело юмористическое впечатлѣніе; мой братъ былъ въ восторгѣ, несмотря на одно грустное обстоятельство: весь первый актъ онъ сердился на плохой французскій языкъ актеровъ, мѣшавшій ему понять хоть одно слово. Во второмъ актѣ онъ купилъ либретто и во время всего представленія читалъ его. Такое удовольствіе доставляетъ ему всегда французскій театръ.

— Да, у парижскихъ актеровъ невозможный выговоръ, — сказалъ сэръ Генри.

— Вы напоминаете мнѣ, сэръ Генри, немного англичанина, который во время своего перваго путешествія по Италіи жаловался на то, что итальянцы называютъ Флоренцію — Firenze, — поддразнила его Нита.

Николай не могъ оторвать глазъ отъ Ниты. Она разстегнула свою кофточку и распахнула ее; золотистые волосы красиво отънялись черною шляпой; въ каждомъ взглядѣ ея, въ каждомъ движеніи грація соединялась съ шаловливостью. Сэръ Генри принималъ ея насмѣшки съ снисходительнымъ спокойствіемъ.

Лэди Банбури продолжала, между тѣмъ:

— Несмотря на странную манеру слѣдить за представленіемъ...

— Онъ иногда жаловался, что представленіе на сценѣ мѣшаетъ ему читать, — встала Нита.

— И такъ, несмотря на все это, онъ заливался слезами, — продолжала лэди Банбури.

— Я могу подтвердить это, — замѣтила Нита. Затѣмъ, неожиданно положивъ оба локтя на столъ и опустивъ голову на руки, Нита, глядя на сэра Генри съ лицомъ, полнымъ веселаго лукавства, спросила: — А говоря между нами, сэръ Генри, женились ли бы вы на мадемуазель Денизъ?

— При тѣхъ же обстоятельствахъ, конечно! — воскликнулъ онъ. Нита и лэди Банбури весело расхохотались.

— Для такого важнаго сэра, какъ вы, вамъ недостаетъ послѣдовательности въ мысляхъ, сэръ Генри. Во всякомъ случаѣ, послѣ подобнаго отвѣта вы лишаетесь права просить руки порядочной дѣвушки, — замѣтила Нита.

— Я такъ и ожидаю невѣстку изъ страннопріимнаго дома, — воскликнула лэди Банбури.

Еще нѣсколько времени они шутили, вызвали на протесты сэра Генри, послѣ чего молодые люди проводили дамъ до кареты и простились съ ними.

— Нита была сегодня необыкновенно весела, — замѣтилъ Беренбургъ.

— Она была очаровательна, — коротко произнесъ Николай. На сердцѣ у него было легко. Ни тѣни непріятнаго впечатлѣнія, оставшагося отъ вчерашняго разговора съ отцомъ, не тяготило его. Такою веселой она не могла бы быть, если бы въ душѣ ея скрыто было какое-нибудь унизительное воспоминаніе.

— Вы должны знать, — продолжалъ Беренбургъ, — что мой дядя Генри вашъ соперникъ; онъ уже два раза дѣлалъ предложеніе Нитѣ.

— А! — произнесъ Николай немного недовольно.

— Но не безпокойтесь, если бы мнѣ пришлось держать пари за одного изъ васъ, то, конечно, я подержалъ бы за васъ, Ленскій. Только свахой меня, все-таки, не выбирайте, такъ какъ моя кузина непреклонна, а мнѣ было бы непріятно, если бы...

— Мои шансы стоятъ въ вашихъ глазахъ не очень высоко, — замѣтилъ Николай. — Подождемъ; единственное, чего я прошу отъ васъ, это вашей скромности и симпатіи.

Беренбургъ протянулъ ему руку.

— И то, и другое принадлежитъ вамъ. — Съ этими словами они расстались у дверей отеля Вестминстеръ.

II.

Дня черезъ два или три по отъѣздѣ Ленскаго Машѣ, переодѣвавшейся къ обѣду, доложили, что ей принесли большой свертокъ. Сразу догадавшись, въ чемъ дѣло, она приказала подать его наверхъ. Горничная съ трудомъ втащила свертокъ на лѣстницу и положила его передъ каминомъ въ Машинной комнатѣ.

— Гдѣ ножницы, Лиза... пожалуйста! — Маша прыгала отъ волненія въ то время, какъ Лиза разрѣзала шнурки. Предчувствіе не обмануло ее: она увидѣла великолѣпную шкуру медвѣдя съ косматою головой и громадными лапами. Въ страшной раскрытой пасти животное держало букетъ бѣлыхъ розъ и записку:

«Mademoiselle Маріи Ленской обезоруженный врагъ на дружескую память о приключеніи въ Катериновскомъ и объ искренно преданномъ ей слугѣ. К. Беренбургъ».

Внѣ себя отъ восторга Маша бросилась въ комнату Анны и съ свергающими глазами крикнула:

— Анна! Анна! поди скорѣе... взгляни... графъ Беренбургъ... охъ...

— Ну, что съ нимъ такое? — спросила Анна, завивавшаяся передъ туалетомъ, уставленнымъ хрустальными флаконами и туалетнымъ приборомъ изъ слоновой кости съ серебромъ. — Что съ нимъ? — небрежно повторила она, разглядывая въ тройное зеркало свою прическу въ профиль.

— Онъ прислалъ мнѣ шкуру медвѣдя, знаешь, того медвѣдя, который чуть не задушилъ Колю... Громадный медвѣдь... у него голова... голова...

— А! Это очень мило, — отвѣтила Анна, не двигаясь съ мѣста, — но я прошу тебя, одѣвайся, пожалуйста, поскорѣе и не бѣгай по корридорамъ съ распущенными волосами и въ кофѣ, точно примадонна въ пятомъ актѣ.

— Гм... Она ревнуетъ, — подумала Маша, пожавъ плечами, и, напѣвая веселый мотивъ, ушла въ свою комнату, гдѣ докончила прерванный туалетъ, а потомъ, ставъ колѣнами на полъ и опершись на руки, принялась разсматривать шкуру.

Вошла Анна съ измѣнившимся сладенькимъ лицомъ. «Убсусъ съ сахаромъ, знаемъ мы это», — подумала Маша, не мѣняя своей немного странной позы.

— Ахъ, вотъ шкура! — замѣтила Анна съ снисходительнымъ интересомъ, опускаясь на кресло.

— Да! — сказала Маша, медленно поднимаясь, съ смѣшной, чисто-дѣтскою дерзостью, вызвавшею бы улыбку у всякаго посторонняго зрителя. — Вотъ шкура, вотъ цвѣты, вотъ записка.

— И ты принимаешь это за доказательство его особеннаго положенія?

Маша кивнула головой.

— Ты очень неопытна, моя милая Маша, — продолжала Анна, взявъ съ камина японскія ручныя ширмы и заслонивъ ими щеки отъ жара. — Ты относишься ко мнѣ всегда такъ враждебно, такъ недоувѣрчиво, что мнѣ необыкновенно трудно дать тебѣ... какъ бы это выразиться?... объясненія, къ которымъ я считаю себя обязанной какъ твоя родственница: ты не знаешь мужчинъ такъ, какъ я, милое дитя.

— А развѣ тебѣ пришлось испытать много разочарованій, бѣдная Анна? — спросила Маша, сочувственно вздохнувъ.

— Никакихъ разочарованій я не испытала, но я дѣлала наблюденія, — отвѣтила Анна. — Беренбургъ человекъ, котораго надо остерегаться. У него ежеминутно является новая страсть, которую онъ окружаетъ поэтическимъ вниманіемъ до того дня, когда перестанетъ кланяться на улицѣ. Мнѣ очень грустно отравлять твоё удовольствіе, но я должна была предостеречь тебя.

— Гм... — произнесла Маша тѣмъ же тономъ насмѣшливой дерзости. — Моя милая Анна, тебѣ очень хочется самой выйти замужъ за графа Беренбурга?... Seniores, priores, я отступаю.

— Съ тобой невозможно разговаривать! — крикнула Анна и поднялась, краснѣя отъ злости. Но Маша остановила ее, ей вдругъ сдѣлалось совѣстно своихъ насмѣшекъ. Какъ не деликатно былъ

съ ея стороны откуда-то вычитанною цитатой упрекать Анну ея годами. Точно она виновата въ этомъ!

— Анна!— начала Маша ласковымъ тономъ, — я не хотѣла дѣлать тебѣ непріятное, я пошутила. Но скажи мнѣ, я никому не разболтаю, любишь ты графа Беренбурга?... Я конечно, ужь не буду стоять на твоей дорогѣ.

Вмѣсто того, чтобы тронуться этимъ дѣтскимъ самопожертвованіемъ, Анна гордо смѣрила взглядомъ кухню съ головы до ногъ.

— Съ твоимъ соперничествомъ я, можетъ быть, какъ-нибудь справлюсь, — отвѣтила она. — Но успокойся... *moutarde après dîner*, *ma chère!* Если бы я хотѣла выйти замужъ за Беренбурга, то могла бы это сдѣлать осенью въ Спа. Онъ для меня совершенно безразличенъ... Но покажи мнѣ твои руки, *comme vous avez les ongles canailles*, сколько разъ я говорила тебѣ не играть такъ много... у тебя ногти точно у какой-нибудь учительницы музыки...

Лакей доложилъ, что подано кушать.

Обѣдъ кончился, Варвара Александрова съ дочерью и племянницей сидѣли въ гостиной; Анна, растянувшись на качалкѣ передъ каминомъ, читала *Фигаро*; Варвара Александровна раскладывала пасьянсъ маленькими, хорошенькими картами, подаренными ей Машей, главнымъ образомъ, для того, чтобы не слышать ежедневной брани Анны съ матерью изъ-за грязныхъ истрепанныхъ картъ. Маша помогала теткѣ. Положивъ оба локтя на столъ и поддерживая руками голову, она задумалась надъ какимъ-то очень сложнымъ пасьянсомъ.

— Не выходить, — со вздохомъ замѣтила Елагина. — Мнѣ не везетъ сегодня!

— Нѣтъ, нѣтъ, тетя, выходить! Сейчасъ выйдетъ! — громко и радостно воскликнула Маша.

— Да не кричи ты, какъ торговка, — остановила ее Анна, оторвавшись отъ *Фигаро*.

— Выходить, — повторила Маша, преувеличенно-тихимъ голосомъ, — вотъ пиковаго короля сюда, потомъ...

— Леди Эмили Антропосъ и миесъ Антропосъ, — доложилъ лакей.

Пасьянсъ смѣшался, появились три дамы, старуха въ черномъ атласномъ платьѣ и двѣ барышни въ бѣлыхъ шелковыхъ платьяхъ, съ небольшими вырѣзами на груди и короткими до локтя рукавами. Ихъ рыжевато-золотистые волосы были высоко заложены діадемой съ спускающимися на лобъ завитками, обѣ держали въ правой рукѣ, точно скипетры, закрытые вѣера.

Маша сейчас же узнала англичанокъ, ради которыхъ тогда на вечерѣ измѣнилъ ей Беренбургъ.

Когда имъ представили Машу, онѣ холодно кивнули головой, не взглянувъ на нее, и едва разговаривали даже съ Анной, бывшей съ ними необыкновенно предупредительной.

Въ то время, какъ леди Эмили и Варвара Александровна разговаривали, сидя на диванѣ въ углу комнаты, молодыя дѣвушки сѣли къ камину и грѣли себѣ ноги, причѣмъ безъ стѣсненія поднимали свои платья и показывали шелковые чулки. Онѣ произвели на Машу впечатлѣніе совершенно безжизненныхъ автоматовъ... но вдругъ лакей доложилъ о пріѣздѣ двухъ мужчинъ, и онѣ сразу ожили. Одинъ былъ баронъ Бриксъ, другой знаменитый скульпторъ, д'Эрли, который могъ бы сдѣлаться великимъ художникомъ, если бы не напрягалъ всѣхъ силъ на то, чтобы быть посредственнымъ дэнди. Его охотно принимали въ Сентъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, еще охотнѣе въ лондонскомъ обществѣ, гдѣ онъ появлялся каждый сезонъ, чтобы увѣковѣчивать на мраморѣ или терракотѣ вновь появляющихся красавицъ; онъ начиналъ лысѣть и былъ особенно извѣстенъ своимъ искусствомъ аккомпанировать пѣнію.

Баронъ Бриксъ, заѣхавшій сюда послѣ того, какъ не засталъ нѣсколькихъ человекъ дома, чтобы провести вечеръ и выпить чашку чаю, не обращалъ вниманія на молодыхъ англичанокъ, а подсѣлъ къ старухамъ. За то д'Эрли очень ухаживалъ за ними; онъ сѣлъ на низенькое дѣтское кресло почти у ногъ ихъ и безъ усталости болталъ съ ними объ англійскомъ обществѣ, — разговоръ, въ которомъ Анна мало, а Маша совсѣмъ не могла принимать участія, — и попросилъ ихъ, наконецъ, сѣсть что-нибудь. Миссъ Антропосъ изъяснила согласіе съ условіемъ, чтобы д'Эрли аккомпанировалъ ей, на что тотъ выразилъ готовность, и оба направились къ роялю. Она пѣла что-то очень чувствительное въ минорномъ тонѣ, тогда какъ онъ аккомпанировалъ въ мажорномъ, детонировала страшно, что не помѣшало присутствовавшимъ осыпать ее горячими похвалами, послѣ чего она объявила, что она ученица Тости.

Маша слушала съ мрачнымъ лицомъ. Неужели никто не попроситъ ее сыграть? Нѣтъ, никто не попросилъ.

Немного спустя англичанки уѣхали; Анна проводила ихъ въ прихожую; вернувшись въ гостиную, она начала восторгаться ихъ любезностью. Благодаря болтливости всезнающаго барона Брикса, Маша узнала, что молодыя дѣвушки имѣютъ очень хорошія связи и по матери состоятъ въ родствѣ съ Карломъ фонъ-Боннемаро, что Беренбургъ прежде сильно интересовался старшею сестрой.

III.

Елагины оказали Машѣ маленькое вниманіе; за завтракомъ она взяла на своей тарелкѣ билетъ на *Путешествіе вокругъ свѣта* въ Porte St.-Martin. Ея давнишнимъ желаніемъ было побывать въ томъ театрѣ.

— Ты можешь пригласить съ собой Соню и фрейленъ фонъ-Санкиевичъ; Николай поѣдетъ съ вами. Лучше всего было бы, если бы ты отправилась обѣдать къ фрейленъ фонъ-Санкиевичъ, если это тебѣ удобно, — предложила Варвара Александровна.

— О, конечно, удобно! — воскликнула Маша и бросилась обнимать тетку.

— Да не благодари ты такъ за всякій пустякъ, — замѣтила тетка, немного пристыженная сознаніемъ, что она получила этотъ билетъ въ подарокъ отъ своего зубнаго врача. — Не стоитъ, право. Я часто ломаю себѣ голову надъ тѣмъ, какое бы доставить тебѣ увлеченіе. Это особенно затруднительно съ такими дѣвочками, какъ ты, которыя слишкомъ велики, чтобы играть въ куклы, и слишкомъ молоды, чтобы выѣзжать.

— Да неужели же я такъ молода, тетя? Мнѣ было уже семнадцать лѣтъ шестого декабря, — сказала Маша, смотря на тетку.

Варвара Александровна смущенно молчала, Анна же замѣтила:

— Твой возрастъ тутъ не причемъ; твои манеры невозможны. Ты не умѣешь держать себя. Тебѣ необходимо приобрѣсти больше спокойствія и самообладанія и тогда уже можно будетъ везти тебя въ свѣтъ, не боясь, что ты поставишь въ затруднительное положеніе.

Это замѣчаніе Маша выслушала молча, съ пылающими щеками и опущенною головою. Варвара Александровна, почти противъ желанія полюбившая Машу, можетъ быть, потому, что ея предупредительная любезность была единственнымъ солнечнымъ лучомъ, согревавшимъ ее, ласково потрепала ее по плечу и замѣтила:

— Ну, это не такъ грустно. Сдѣлаться старше и положительнѣе не трудно, — это само придетъ.

Маша вытерла слезы и снова начала радоваться предстоящей поездкѣ въ театръ; она весело спросила, какое платье надѣть ей для этого торжественнаго случая, и очень огорчилась, когда ей сказали, что въ этомъ театрѣ не снимаютъ верхняго платья.

Все устраивалось какъ нельзя лучше. Нита и Соня согласились ѣхать; Маша съ братомъ обѣдала въ улицѣ Мурильо. Обѣдъ прошелъ очень весело и Коля былъ счастливъ.

Послѣ обѣда, когда уже собирались ѣхать, Маша вспомнила, что забыла дома бинокль. У Сони не было, одного бинокля Ниты было недостаточно для трехъ близорукихъ; рѣшили заѣхать въ улицу Ваграмъ и взять бинокль.

— Я сейчасъ вернусь, подождите одну минуту, — весело крикнула Маша, соскакивая съ извозчика, остановившагося передъ отелемъ Елагиныхъ.

Но едва она вошла въ прихожую, какъ замѣтила, что происходитъ что-то необычайное. Прихожая ярко освѣщена, нѣсколько дамскихъ ретондъ и мужскихъ шубъ висятъ на вѣшалкѣ. Взоръ Маши сдѣлался мраченъ. «А я-то вообразила, что они хотятъ доставить мнѣ удовольствіе, — думала огорченная дѣвушка. — Онѣ спровадили меня, чтобы я не конфузила ихъ».

— Кто обѣдаетъ у насъ? — спросила она вышедшаго въ прихожую лакея.

— Госпожи Антропосъ, графъ Беренбургъ, г. д'Эрли и князь Трубецкой.

Но Маша не слушала дальше. «Беренбургъ... — Ея сердце громко стучало. — *Moutarde après diner!*... можетъ быть... но, во всякомъ случаѣ, соперничество съ такою ничтожною дѣвчонкой, какъ я, Анна считаетъ не такимъ ужъ низкимъ, какъ хочетъ показать, — думала Маша. — Но мы еще посмотримъ, Анна, посмотримъ!» — и Маша стиснула зубы и сжала свои маленькіе кулаки.

IV.

На слѣдующее утро Маша сдѣлала теткѣ и кузинѣ страшную сцену, въ рѣзкихъ выраженіяхъ и со слезами упрекала ихъ въ томъ, что она изображаетъ въ ихъ домѣ роль замарашки, что она не можетъ жить съ людьми, которые не любятъ ее, и т. д.

Варвара Александровна при этихъ упрекахъ смущенно опустила голову, Анна же противопоставила раздраженію взволнованной кузины спокойствіе.

— Прежде всего, — начала она, — я попросила бы тебя замѣтить, что мы вовсе не обязаны выносить твои капризы. Отвѣчать на твои неприличныя обвиненія я не считаю нужнымъ, такъ какъ думаю, что въ болѣе спокойномъ состояніи ты сама будешь стыдиться ихъ. Но, впрочемъ, я говорю тебѣ прямо: если тебѣ не нравится жить у насъ, ты можешь переѣзжать въ любой пансіонъ.

Всѣ горячіе люди уступаютъ всегда холоднымъ, разсудительнымъ. Вспышка молодой дѣвушки разбивалась о невозмутимость Ан-

ны, какъ пѣнящіяся волны о холодныя твердыя скалы. Если бы у нея хватило рѣшимости объявить, что она соглашается поступить въ пансіонъ, то она поставила бы ихъ въ большое затрудненіе, вслѣдствіе денежной выгоды, которую онѣ извлекали изъ содержанія у себя Маши. Но объ этомъ Маша не думала; пансіонъ представлялся ей чѣмъ-то страшнымъ, — тюрьмой, гдѣ она будетъ лишена возможности видѣть Беренбурга. Поэтому, испуганная и смущенная, она молча выслушала замѣчанія Анны.

Когда ей объявили, что сегодня въ третій разъ на этой недѣлѣ она будетъ обѣдать дома одна, она приняла это съ такою грустною покорностью, что теткѣ сдѣлалось жаль ея и она предложила ей позвать обѣдать Николая.

— Да, это великолѣпно! — воскликнула Маша и, совершенно примирившись съ судьбой, послала комиссіонера въ Колѣ; она строила чудные планы, когда принесли отвѣтъ отъ брата:

«Милая Маша! Сейчасъ получилъ телеграмму отъ тети Кати. Дядя Сергѣй болѣнъ и настоятельно зоветъ меня. Я уѣзжаю съ трехчасовымъ поѣздомъ, такъ что не могу даже заѣхать проститься съ тобой. Мнѣ жаль, что это разстраиваетъ нашъ вечеръ. Будь мила и благоразумна изъ любви ко мнѣ и ради себя самой, пиши мнѣ обо всемъ, что у тебя на сердцѣ, о каждомъ затрудненіи, которое мучаетъ тебя. Если тебѣ понадобится немедленный совѣтъ, то обратись къ Сонѣ и фрейленъ фонъ - Санкиевичъ, которыя объ меня любятъ тебя. Передай имъ мое почтеніе. Обнимаю тебя. •

«Преданный тебѣ братъ Коля».

— Только и есть однѣ непріятности на свѣтѣ! — печально проговорила Маша, прочитавши письмо.

И, погоревавъ съ четверть часа, она опять повеселѣла. Настала вечеръ. Въ прихожей стоятъ, въ ожиданіи экипажа, Анна, съ своею царственною осанкой, и Варвара Александровна въ нервномъ прахѣ, не забыла ли она чего-нибудь.

— Что это за кружева у тебя на шеѣ? — сердито крикнула Анна, осмотрѣвъ мать въ лорнетку. — Точно ты ихъ купила у старьевщика!... Ты похожа на театральную мать.

Варвара Александровна смущенно ощупала свое фишу и уронила на полъ портмонэ.

— Постой, тетя, у меня есть великолѣпныя мамины кружева! — воскликнула Маша, съ дѣтскимъ восторгомъ любовавшаяся до нихъ поръ холодною красотой Анны и ея бѣлымъ платьемъ. — Подожди минуту, я сейчасъ принесу, — крикнула она уже съ поло-

вины лѣстницы и тотчасъ же вернулась съ картонкой и рабочими несесеромъ.

— Надѣнь вотъ этотъ шарфъ... такъ... дай сюда.

— Позовемъ горничную,—предложила тетка.

— Ахъ, нѣтъ, я сама сдѣлаю... сейчасъ будетъ готово!—она быстро отпоролла ножницами раскритикованную Анной косынку и замѣнила ее великолѣпными старинными кружевами point de Grammon.

— Вотъ видишь... такъ... такъ носила ихъ мама... нѣтъ, не надѣвай старую мозаиковую брошку, вотъ возьми мою булавку,—и Маша живо отстегнула свою брошку.—Ахъ, какъ хорошо те перь! Посмотри въ зеркало, какъ ты интересна. Хорошо такъ, Анна?

— Mais oui, très bien,—снисходительно произнесла Анна.

Прибѣжалъ лакей съ докладомъ, что карета подана. Варвара Александровна заволновалась.

— Сейчасъ будетъ готово, сейчасъ...—и Маша поднялась съ колѣнъ.

Лакей подалъ Аннѣ великолѣпную красную ротонту, одну изъ множества вещей, со слезами выпрошенныхъ матерью у портнаго Варварѣ Александровнѣ—старомодную изношенную накидку и они направились къ выходу. У дверей Варвара Александровна обернулась; ея усталое, морщинистое и намазанное лицо дрогнуло и взявъ обѣими руками головку Маши, она поцѣловала дѣвushку въ лобъ.

— Милое дитя!—прошептала она,—милое, хорошее дитя! Мы такъ жаль, что тебѣ придется одной провести вечеръ! Мы постараемся вернуться пораньше.

V.

Лакей, проводивъ господъ, вернулся подавать Машѣ обѣдъ,—скучный обѣдъ въ большой пустой комнатѣ, со стѣнъ которой строго или снисходительно смотрѣли портреты на Машу, сидѣвшую за столомъ, среди котораго стояли увядшіе цвѣты и фрукты, остатки вчерашняго, очевидно, необыкновенно роскошнаго обѣда.

Обѣдъ, хотя и состоявшій изъ однихъ beaux gestes, былъ очень вкусенъ: Маша, бывшая отъ природы большою лакомкой, съ аппетитомъ принялась ѣсть. Но промолчать цѣлый обѣдъ—это скучно. И чтобы только услышать собственный голосъ, она обратилась съ вопросомъ о погодѣ къ старому, серьезному, какъ министръ, камер-

динеру, радовавшемуся здоровому аппетиту молодой дѣвушки. Но разговоръ не завязался. Послѣ обѣда Маша поиграла, пофантазировала немного на роялѣ. Въ десять часовъ, — ей только что подали чай, — она услышала, что отпираютъ дверь.

«Неужели вернулась тетя?... Нѣтъ, это гости, знакомый голосъ... онъ... какъ досадно, что именно сегодня, когда никого нѣтъ дома!» Горничная, недавно нанятая для Маши, отворила дверь.

— Графъ Беренбургъ, — доложила она съ заискивающей улыбкой. — Прикажете принять?

Прежде чѣмъ Маша подумала, что дѣлаетъ, она сказала:

— Да!

Едва она произнесла это слово, какъ хотѣла бы его вернуть; она знала, что нельзя, что неприлично его принять. Но, Боже мой, цѣлую недѣлю она такъ жаждала его увидѣть, выразить ему благодарность за медвѣжью шкуру, — цѣлую недѣлю придумывала она въ своей фантазирующей головѣ столько хорошихъ, отчасти трогательныхъ, отчасти комически-остроумныхъ замѣчаній, которыми займетъ его въ слѣдующее свиданіе, — зачѣмъ это Анна такъ нехорошо поступила съ ней?

Онъ вошелъ, красивый, изящный, почтительный. Маша забыла всѣ приготовленныя фразы и нерѣшительно произнесла:

— Тети нѣтъ дома; можетъ быть, вы хотите что-нибудь передать ей? — и неловкимъ движеніемъ она протянула руку; онъ взялъ ее и продержалъ въ своей рукѣ секундой дольше, чѣмъ позволяютъ приличія.

— Считаете вы необходимымъ меня сейчасъ же прогнать? — спросилъ онъ.

— Во всякомъ случаѣ, не раньше, чѣмъ выскажу вамъ мою благодарность за вашъ подарокъ.

Беренбургъ, которому было необыкновенно досадно, что онъ долженъ прервать разговоръ съ этою странною, интересною дѣвушкой, искалъ предлога продлить свое посѣщеніе. Его взглядъ упалъ на самоваръ.

— Не будетъ ли ваша благодарность настолько велика, чтобы дать мнѣ чашку чаю? — сказалъ онъ. — Ваша тетушка, можетъ быть, пріѣдетъ тѣмъ временемъ.

— Да, тетя сказала, что она рано вернется, — съ жаромъ подтвердила Маша.

Маша налила чаю Беренбургу, опустившемуся на кресло около каміна противъ нея; послѣдовало молчаніе; напрасно старалась она

выбрать что-нибудь подходящее изъ старательно собраннаго ея запаса остроумныхъ фразъ. Наконецъ, она просто сказала:

— Должно быть, это былъ прекрасный медвѣдь!

— Да, — отвѣтилъ графъ, — только съ русскою отвагой можно было идти на такого звѣря... Бѣднягу Николая онъ чуть не смялъ тогда! Я собственно долженъ бы былъ отдать ему шкуру, но, насколько я его знаю, онъ всегда готовъ отдать лучшее своей сестрицѣ.

— Да, онъ очень балуетъ меня, — произнесла Маша съ чувствомъ. — Вы знаете, онъ уѣхалъ сегодня... Вы не можете себя представить, какъ неприятно быть совсѣмъ одной.

— Одной? — повторилъ графъ, нахмуривъ брови.

— То-есть... ну, да... я у родныхъ, но это не то, — поторопилась объяснить Маша. — Тетя очень добра ко мнѣ, но съ кузиной я не могу быть въ короткихъ отношеніяхъ. Не могу. Я не люблю ея. Она удивительно хороша, но — неприятна. А вы, графъ, какъ находите Анну?

— Она очень красива, — сухо замѣтилъ Беренбургъ. — Она напоминаетъ мнѣ алоэ, — такъ же пряма и остра.

— Я удивляюсь только, отчего она до сихъ поръ не замужемъ, — замѣтила Маша, обрадованная холоднымъ отзывомъ Беренбурга о красотѣ Анны.

— Я нисколько не удивляюсь, — сказалъ графъ. — Я сдѣлалъ наблюденіе, что признанныя красавицы по большей части очень поздно выходятъ замужъ. Онѣ похожи на лучшія яблоки въ вазѣ, которые остаются нетронутыми, потому что ни у кого не хватаетъ духа ихъ взять. И потомъ, для того, чтобы зажечь, надо имѣть въ себѣ искру, а ваша кузина холодна, какъ ледъ.

— Да, это правда! — Маша разсмѣялась, потомъ, сдѣлавшись вдругъ серьезной, замѣтила: — Но мнѣ не слѣдовало бы такъ говорить о моихъ ближайшихъ родственницахъ съ чужимъ. Я... я всегда забываю, что вы чужой... вы кажетесь мнѣ... другомъ!

Графъ улыбнулся.

— Если я къ кому-нибудь чувствую такъ быстро симпатію, какъ къ вамъ, то... то мнѣ кажется, что мы давно были друзьями на небесахъ и только встрѣтились опять на землѣ!

— Правда?

— Конечно, — серьезно произнесъ онъ. — Я даже отлично помню нашу дружбу тамъ, наверху. Вы были хорошенькимъ, веселымъ маленькимъ ангелочкомъ съ короткими крылышками, которыхъ еще не умѣли величественно расправлять въ воздухъ, а толь-

то безсильно взмахивали ими. Но Богъ былъ въ восторгѣ отъ васъ и всея ангелы любили васъ. Тогда... дальше затрудняюсь разсказывать,—прервалъ онъ со смѣхомъ свою импровизацію.

— О, да... да, пожалуйста!—воскликнула дѣвушка, безсознательно дѣлая движеніе, точно желая придвинуть свое кресло ближе къ молодому человѣку.

— И такъ,—продолжалъ Беренбургъ,—однажды явился въ рай дьяволъ и потребовалъ васъ себѣ. Онъ утверждалъ, что вы принадлежите ему и только случайно попали въ рай. Богъ очень разсердился,—Ему не хотѣлось отдавать васъ; но такъ какъ они никакъ не могли сговориться, то рѣшили послать васъ опять на землю, чтобы вы подверглись второму послѣднему жизненному испытанію и доказали, кому вы принадлежите, дьяволу или Богу. Богъ былъ очень огорченъ; я сейчасъ еще слышу, какъ Онъ со вздохомъ сказалъ вамъ вслѣдъ: «Я такъ радовался, что у меня есть, наконецъ, такой милый ангелъ, а теперь опять его нѣтъ!» Я же такъ скучалъ на небесахъ безъ васъ, что поспѣшилъ на землю, чтобы найти васъ.

— Какой вы смѣшной!—воскликнула Маша, громко разсмѣившись и опять неволью дѣлая движеніе, точно желая ближе придвинуться.—И вы думаете, что я вернусь на небо?

— Надѣюсь!

Въ это время часы на каминѣ пробили одиннадцать. Маша вдругъ покраснѣла.

— Какъ долго не возвращается тетя!—пролепетала она и встала. Беренбургъ тоже поднялся.

— Дольше ждать ихъ я, право, не могу,—произнесъ онъ въполголоса и протянулъ руку. Дѣвушка опустила головку.

— Мнѣ... мнѣ собственно не слѣдовало васъ принимать,—смущенно пробормотала она.

— Но почему же?—нетерпѣливо воскликнулъ онъ.

— Нѣтъ... я знаю это... но...—и, поднявъ вдругъ головку, она взглянула на него такими чудными, блестящими отъ слезъ глазами, что онъ ничего больше не видѣлъ и не слышалъ,—но... мнѣ такъ хотѣлось поговорить съ кѣмъ-нибудь, кто хоть немного расположенъ ко мнѣ,—прошептала она.

Беренбургу сдѣлалось жаль ея.

— Не бойтесь, что я ложно пойму васъ,—воскликнулъ онъ.— О, если бы вы знали, какъ вы хороши!... Покойной ночи... и если вамъ когда-нибудь понадобится человѣкъ, который пошелъ бы за васъ въ огонь и воду, то знайте, гдѣ его найти.

Онъ поцѣловалъ ея руку горячо, страстно и вышелъ. Маша долго стояла, испуганная, на одномъ мѣстѣ и смотрѣла на руку. Потомъ она поднялась въ свою комнату.

— Весело вамъ было, барышня?—спросила горничная, помогая ей раздѣваться.—Мнѣ такъ жаль было, что вы должны сидѣть одинъ весь вечеръ... конечно, я ничего не скажу Варварѣ Александровнѣ.

— А почему бы нѣтъ?—живо спросила Маша.

— О, если вамъ угодно... я думала только...

— Я сама скажу тетѣ, что былъ графъ Беренбургъ,—громко произнесла Маша,—а теперь уходите!

При всей своей добротѣ, у Маши бывали приступы отталкивающей, почти грубой рѣзкости, унаслѣдованные ею, какъ и многое другое, отъ отца.

— Оставьте меня!

Распустивъ длинные волосы по плечамъ, она сѣла, полуодѣтая, передъ каминомъ, поставивъ босыя ноги на медвѣжью шкуру, лежащую передъ нимъ.

— Ахъ, какъ хорошо, все-таки, было!—Сердце ея сжалось, она опять взглянула на руку.—Онъ любитъ меня!...

И вдругъ въ ея душу закралось сомнѣнiе, какая-то неудовлетворенность. Отчего же онъ не сказалъ сейчасъ же, что любитъ ее и отчего... отчего онъ не прижалъ ее къ груди и не поцѣловалъ?

VI.

— Отчего ты такъ разстроены? Что съ тобой?—этими вопросами положительно надоѣли Карлу Беренбургу послѣ того дня, какъ онъ былъ вечеромъ въ отелѣ Ваграмъ. Одинъ пожилой другъ даже спросилъ его: «Есть у тебя карточные долги? Довѣрься мнѣ».

Беренбургъ имѣлъ дѣйствительно разстроенный видъ. Въ улицу Ваграмъ онъ больше не показывался; воспоминанiе о сценѣ с Машей мучило его, хотя онъ повторялъ себѣ постоянно, что онъ велъ себя очень порядочно, что всякій другой на его мѣстѣ иначе воспользовался бы этимъ случаемъ. Онъ охотно бы поцѣловалъ ее и она не воспротивилась бы; отказать себѣ въ этомъ было героизмомъ.

Почему же онъ былъ недоволенъ собой?

Беренбургъ былъ не дурной, но слабый, безхарактерный человекъ, человекъ безъ всякой инициативы, который по собственному побужденiю не могъ рѣшиться ни на что, ни на хорошее, ни на дурное.

ное, что не написано въ жизненной программѣ всѣхъ равныхъ ему по положенію людей.

У женщинъ онъ всегда имѣлъ успѣхъ, чѣмъ былъ обязанъ не столько красивой наружности, сколько какой-то подкупающей, необыкновенной мягкости въ манерахъ и той магнетической силѣ прелепительности, которой нельзя опредѣлить.

Вотъ и теперь онъ безумно влюбился въ русскую дѣвушку. Это было ужасно, такъ какъ жениться на ней онъ не могъ.

Онъ былъ аристократомъ не по убѣжденію, а по привычкѣ, и высокомернымъ не потому, что это было въ его натурѣ, а по обязанности или, скорѣе, изъ чувства приличія. Такъ надо было. Онъ не могъ жениться на Машѣ, это было положительно неприлично, но онъ сожалѣлъ объ этомъ, — она была такъ хороша. Да, еслибъ она стояла въ обществѣ одною ступенью выше или ступенью ниже!

Его бросило въ жаръ при этой мысли, но потомъ онъ разсердился на самого себя. Ступенью ниже, какъ онъ подразумѣвалъ, Маша была невысказана.

Несмотря на всю свою необдуманную живость, несмотря на недостатокъ самообладанія и общественной рутинѣ, ея личность была проникнута такою нѣжностью, такою скромною милостью, которыхъ не имѣютъ женщины, выросшія внѣ сферы образованія Маши.

Жаль, очень жаль!... Еще ни одна женщина не внушала ему такого страстного, такого волнующаго чувства, какъ Маша. Если бы можно было! Но, вѣдь, не сію минуту надо было принять окончательное рѣшеніе, а пока онъ на всякій случай ухаживалъ за Альвией Антропосъ, и въ одинъ прекрасный день въ отелѣ Мерисъ она неожиданно улыбнулась и, нѣжно взглянувъ на него, сказала:

— Ахъ, вы глупый, хорошій человекъ, неужели вы до сихъ поръ не можете рѣшиться сказать мнѣ, что любите меня?

Когда черезъ часъ Беренбургъ уходилъ изъ отеля Мерисъ, онъ былъ женихомъ и уносилъ съ собой пріятное чувство общаго успокоенія, — по крайней мѣрѣ, все было теперь рѣшено!...

Между его помолвкой и часомъ, когда онъ сказалъ Машѣ, что готовъ идти за нее въ огонь и воду, едва прошло пять дней.

VII.

Въ числѣ отвѣтныхъ любезностей на музыкальный вечеръ Ела-ныхъ было получено нѣсколько приглашеній на большой благотворительный балъ въ отелѣ Кантиненталь. Анна не отказалась бы

поѣхать, если бы не была уже приглашена въ этотъ вечеръ на раутъ къ графинѣ Кримдамуръ. Маша собиралась ѣхать съ графиней д'Ольбрейзе, любезно предложившей взять ее съ собой.

Маша, жившая послѣдніе дни въ лихорадочномъ ожиданіи предложенія Беренбурга, радовалась этому балу, переходя отъ надежды къ страху. «Но обратитъ ли онъ на меня вниманіе?—задавала она себѣ вопросъ.—Ахъ, какое мнѣ дѣло, обратитъ онъ или не обратитъ вниманіе! Онъ совершенно безразличенъ для меня,—убѣждала она себя,—совершенно безразличенъ». Сердце у нея замирало и въ глазахъ темнѣло, когда она вспоминала его. Она не понимала его, да и кто могъ понять... Какъ можно говорить дѣвушкамъ такія глубоко прочувствованныя слова, смотрѣть на нее такимъ любящимъ взоромъ, цѣловать руку такъ, какъ цѣловалъ онъ у Маши, — и вслѣдъ затѣмъ исчезнуть и цѣлую недѣлю ничѣмъ не дать о себѣ знать! Это непостижимо. «Пошутилъ онъ со мной? Онъ думаетъ, вѣроятно, что съ такою дѣвочкой, какъ я, можно все себѣ позволить,—говорила она,—но я покажу ему, что онъ ошибся... я хотѣла бы, чтобы онъ былъ на балѣ, только чтобы показать ему, какъ мало интересуюсь я имъ,—доказать, какою гордой я могу быть!»

Между тѣмъ, она приготовлялась къ балу и старательно обдумывала свой туалетъ. Такъ какъ съ отъѣздомъ Николая ни у кого не было никогда времени сопровождать ее, то она ѣздила по магазинамъ за покупками одна. Она часто заѣзжала въ улицу Фрохоть, гдѣ какъ въ мастерской Ниты, такъ и въ школѣ живописи была всегда желанною гостьей, она никогда не появлялось тамъ безъ какого-нибудь пріятнаго пустяка, или букета сирени, или бонбоньерки отъ Буассіе, или корзинки съ вкусными нирожками отъ Ребатте. Ее занимало разыгрывать роль маленькой феи, распространять вокругъ себя радость, и за это принимать похвалы и ласки. Она была любезна со всѣми; даже съ натурщицей была ласкова, и всѣ любили ее за это.

Но ни съ кѣмъ Маша не сошлась такъ, какъ съ Нитой, къ которой чувствовала какое-то обожаніе, и Нита отвѣчала ей расположенію. Соня мучилась всегда ревностью, когда видѣла, какъ нелюбившая прежде никакихъ нѣжностей подруга ласкала милую шалуницу.

VIII.

На балъ Маша надѣла то же бѣлое платье, въ которомъ была на музыкальномъ вечерѣ, а на голову вѣнокъ изъ розовыхъ анемоновъ. Что это украшеніе, придуманною ею самой и необычно-

венно шедшее къ ней, было слишкомъ оригинально для молодой дѣвушки изъ хорошаго дома, она не подозрѣвала, а кто могъ объяснить ей это? Анна съ матерью уѣхала раньше, чѣмъ Маша начала одѣваться; д'Ольбрейзе, заѣхавъ за дѣвушкой, не вышла даже изъ экипажа, а послала только лакея сказать, что ждетъ ее въ каретѣ. Они подъѣхали къ отелю Бантинталь, вошли въ узкую, длинную гардеробную, одна сторона которой состояла изъ начинающейся отъ полу стеклянной стѣны, выходящей на дворъ, гдѣ собралась толпа любопытныхъ.

Снаружи доносился грохотъ подъѣзжающихъ экипажей, стукъ подковъ о деревянную мостовую, нетерпѣливое фырканье лошадей, хлопанье бичей, крикъ кучеровъ, приказанія лакеямъ, и, среди этого смѣшенія звуковъ, слышалось легкое шуршаніе тарлатона, тюля, кружевъ, тяжелыхъ шелковыхъ матерій, раздавался кое-гдѣ визгливый, раздраженный женскій голосъ и угрюмый, успокоивающій мужской.

Въ прихожей была страшная тѣснота; толпились дамы въ кружевныхъ шарфахъ на головахъ, въ мѣховыхъ ротондахъ и съ длинными шелковыми шлейфами; дамы въ калошахъ и длинныхъ дождевыхъ плащахъ, скрывающихъ ихъ бальный нарядъ; дамы, однимъ движеніемъ плечъ сбрасывающія ротонды лакеямъ на руки; дамы безъ лакеевъ, съ которыхъ ихъ кавалеры съ трудомъ стаскиваютъ за рукава шубы; лакеи, принимающіе приказанія; супруги, смущенно выслушивающіе упреки женъ за то, что извощикъ плохо везъ.

Маша радовалась въ душѣ, что она и ея покровительница принадлежатъ къ важнѣйшимъ изъ пріѣзжающихъ. Графиню д'Ольбрейзе встрѣтилъ въ прихожей какой-то виконтъ; когда она представила его Машѣ, онъ поклонился и не обратилъ на дѣвушку ни малѣйшаго вниманія. Онъ подалъ руку графинѣ; она осмотрѣлась кругомъ, ища кавалера Машѣ, но не нашла никого.

— Будьте около меня, милое дитя, — сказала она, принимая руку виконта. И такъ, немного пристыженная и раздосадованная, чувствуя себя лишней, Маша вошла въ бальную залу.

Люди вродѣ графини д'Ольбрейзе посѣщаютъ подобные балы изъ любопытства, чтобы посмотреть убранство и покритиковать публику. Графиня прошла подъ руку съ кавалеромъ всѣ залы, оборачиваясь изрѣдка къ Машѣ: «Вы здѣсь, моя милая?» Въ это время ея спутникъ показывалъ ей что-нибудь комическое и она сейчасъ же забывала Машу.

Жара дѣлалась невыносимой, давка страшная. Вначалѣ Ма-

шѣ доставляло удовольствіе смотрѣться незамѣтно въ висящія по- стѣнамъ зеркала, но потомъ надобно, — ея глаза встрѣчали уста- лое, разочарованное лицо, съ недовольнымъ мрачнымъ взглядомъ.

— Теперь вы показали мнѣ достаточно дурнаго, я хотѣла бы видѣть что-нибудь хорошее, — обратилась графиня къ своему ка- валеру.

— Если вы хотите видѣть что-нибудь дѣйствительно пре- красное, одну замѣчательную красавицу, то пойдемте въ гостиную- патронессъ.

— Нѣтъ, не надо... я знакома со всѣми; онѣ сейчасъ же за- владѣютъ мной на весь вечеръ.

— Загляните хоть въ дверь, — предложилъ виконтъ. — Вонъ та дама подь пальмой около статуи... англичанка... это видно съ перваго взгляда... блондинка въ бѣломъ платьѣ.

Маша вынула лорнетъ и заглянула вмѣстѣ съ графиней; на нее пахнула атмосфера убійственной скуки, самодовольной обособлен- ности, она увидѣла кружокъ утомленно-полулежащихъ въ креслахъ дамъ, множество сильно обнаженныхъ плечъ, пушистыхъ эгретокъ изъ перьевъ, брилліантовыхъ звѣздъ, ожерельевъ, браслетъ.

— Вонъ... тамъ, около статуи, надо нагнуть немного голову, чтобы видѣть ее, — шепнулъ виконтъ.

Да, тамъ около статуи... около статуи сидитъ, въ низко спус- кающемся съ плечъ бѣломъ платьѣ, Сильвія съ своею римскою ді- адемой изъ рыжеватыхъ локоновъ, съ короткою, античною верхнею губкой, большими темными глазами, длинными золотистыми рѣс- ницами и такими же золотистыми тонкими бровями. Правильная красота ея лица освѣщена необычнымъ для нея выраженіемъ. Она откинула голову немного назадъ и смотритъ вверхъ... на кого? Ма- ша почувствовала вдругъ точно холодный, рѣзкій ударъ въ сердце.

Тамъ, прислонившись къ статуѣ, стоитъ, разговаривая съ пре- красною англичанкой, Карлъ Беренбургъ. Онъ вдругъ поднялъ гла- за, увидѣлъ Машу, замѣтно вздрогнулъ и отвернулся.

IX.

Прошелъ часъ. Маша испытала одно лишнее униженіе. Един- ственный человѣкъ, пригласившій ее танцевать, былъ ея учитель итальянскаго языка, синьоръ Супино. Кромѣ того, одинъ богатый кожевенный торговецъ предложилъ ей руку пройти по заламъ. Бѣдному Супино она отказала такъ рѣзко, что послѣ раскаивалась; отдѣлаться отъ кожевеннаго торговца у нея не хватило рѣши-

тежности. Онъ зналъ графиню д'Ольбрейзе, потому что на одномъ благотворительномъ балу заплатилъ ей за розу сто полуимперіаловъ и подалъ ей руку такъ, какъ будто протанцовалъ съ ней въ этотъ сезонъ нѣсколько котильоновъ. Онъ видѣлъ Машу единственнымъ разъ въ мастерской Ниты и обращался съ ней какъ съ маленькой, нѣжно гладилъ ея руку и говорилъ всякія любезности. Наконецъ, Майна освободилась отъ него. Съ судорожною рѣшимостью она ухватилась за старика, сѣдаго америнанца, отца одной изъ ученицъ въ мастерской Сильвена. Его дочь танцевала въ бальной залѣ, графиня д'Ольбрейзе танцевала тоже, — Маша сидѣла рядомъ съ Корнелиемъ Мерифельдъ въ самой красивой залѣ, зимнемъ саду съ искусственнымъ луннымъ освѣщеніемъ, съ искусственными гротами; журчащими ручьями, живописными мостиками, посплывающими подъ ногами чисто по-деревенскі, съ австралійскими растениями и съ зеркалами, обвитыми гирляндами цвѣтовъ, — она сидѣла усталая, грустная, задумчивая и слушала разсужденія старика о печальномъ вліяніи сѣверо-американскаго квакерства. Иногда она открывала свой черепаховый съ страусовыми перьями вѣеръ, опять закрывала его и ждала... ждала только одного — возможности уѣхать домой. Вдругъ она услышала около себя восклицаніе:

— Наконецъ-то!... Я уже полчаса ищу васъ!...

Это была Беренбургъ. Кровь прилила ей къ сердцу; единственною мыслью ея было не дать ему замѣтить, какъ интересуется онъ ее, показать ему полнѣйшее равнодушіе.

— Ахъ, да! Вѣроятно, полчаса тому назадъ уѣхала съ бала миссъ Антропозъ! — медленно произнесла она, поднявъ немного брови вверхъ, послѣ чего, обратившись къ Мерифельду, спросила: — Знали вы президента Линкольна?

— Будьте любезны, представьте меня, — сказалъ Беренбургъ раздраженнымъ тономъ.

— Графъ Беренбургъ, — мосье Мерифельдъ, — коротко произнесла Маша и, все обращаясь къ Мерифельду, продолжала: — Я слышала разъ, что когда одинъ англичанинъ вставилъ въ разговоръ съ Линкольномъ французскую фразу, тотъ замѣтилъ, что не понимаетъ по-гречески. Считаете вы это возможнымъ?

— Могло случиться, — отвѣтилъ Мерифельдъ, бросая тревожный взглядъ на дверь. — Не понимаю, что дѣлаетъ такъ долго моя дочь; она обѣщала протанцовать только одинъ вальсъ... она до танцуется, пожалуй, до головокруженія. Позвольте мнѣ пойти взглянуть на нее.

— Но, мосье Мерифельдъ, я общала графиню д'Ольбрейзе пождать ее здѣсь, — воскликнула Маша, очень взволнованная и хватая его за рукавъ.

Американецъ безпомощно перевелъ взглядъ отъ нея къ Беренбургу.

— Вы видите, что вынуждены принять мое покровительство, — сказала Беренбургъ, послѣ чего мужчины вѣжливо раскланялись и Мерифельдъ удалился.

Маша осталась одна съ Беренбургомъ въ зеленомъ полумракѣ зимняго сада или все равно, что одна. Правда, иногда проходили мимо мужчины съ дамами подъ руку и одни мужчины, но все это были люди, не знающіе ни ея, ни его. Мужчины, ведущіе подъ руку дамъ, только быстро взглядывали на Машу, мужчины, проходившіе одни, смотрѣли на нее съ нескрываемымъ восхищеніемъ и два, три раза оборачивались еще взглянуть на нее.

Въ тѣсной бальной залѣ ея красота не такъ была эффектна; но здѣсь, въ таинственномъ зеленоватомъ полумракѣ, озаренномъ блѣднымъ электрическимъ свѣтомъ луны, она производила почти магическое дѣйствіе. Соединеніе гордости и задумчивости во всей ея стройной фигурѣ, поэтическая оригинальность головнаго убора, розовый вѣнокъ, на цвѣтахъ котораго уже лежало какъ бы вѣяніе печальнаго увяданія, темно-зеленый фонъ, на которомъ выдѣлялось ея блѣдное дѣтское личико, — все способствовало тому, чтобы увеличить ея фантастическую чужестранную красоту. Сильный запахъ гіацинтовъ наполнялъ атмосферу; изъ бальной залы доносилось легкомысленные звуки штраусовскаго вальса.

Съ минуту оба молчали; наконецъ, Беренбургъ началъ:

— Во всей моей жизни еще ни одна недѣля не тянулась такъ толго, какъ эта.

— Да, а я, напротивъ, нахожу ее очень короткой... При моей однообразной жизни день проходитъ за днемъ, такъ что и не замѣчаешь.

— Развѣ вы совсѣмъ не выѣзжаете? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Моя тетка находитъ, что я еще слишкомъ молода, чтобы выѣзжать; моя кузина говоритъ, что у меня дурныя манеры. Поэтому я сижу дома, — сказала Маша, выходя изъ сдержанной роли, которую она приняла было на себя.

— Ваша кузина говоритъ глупости, а если ваша тетюшка дѣйствительно находитъ васъ слишкомъ молодой для того, чтобы выѣзжать, то ей не слѣдовало пускать васъ на такой балъ, какъ этотъ.

— Развѣ это неприличный балъ?—быстро спросила Маша.

— Нѣтъ, но это балъ, который неудобно посѣщать такой молодой дѣвушкѣ, какъ вы, и подѣ такимъ ненадежнымъ покровительствомъ, какъ графиня д'Ольбрейзе. Если бы васъ ввела съ собою одна изъ патронессъ, тогда другое дѣло.

— Патронессы?... — Маша пожала плечами. — Патронессы знатныя дамы того круга, къ которому я не принадлежу... я—никто, только дочь моего папы,—и ея голосъ задрожалъ,—это не имѣетъ значенія здѣсь, за границей... Анна повторяетъ это мнѣ каждый день... я не знала этого... Конечно, необходимо было объяснить мнѣ это, но это было больно! — Она обмахивалась большимъ вѣеромъ и улыбалась, какъ улыбаются, чтобы не заплакать.

Беренбургъ крутилъ усы.

— А кромѣ вашей кузины, у васъ нѣтъ никого въ Парижѣ, съ кѣмъ бы вы были хороши?—началъ онъ снова.

— Да... есть одна особа, которую я очень люблю; она тоже любитъ меня; это ваша кузина, фрейленъ фонъ-Санкиевичъ.

— Бываете вы у нея въ улицѣ Фрохоть?

— Да,—коротко отвѣтила Маша.

— Гм... Не будете вы тамъ завтра днемъ?

Маша откинула назадъ голову, гордо взглянула на него и отвѣтила:

— Нѣтъ!

Послѣдовало долгое молчаніе. Онъ зналъ, что она имѣетъ право отталкивать его, зналъ, что онъ непростительно поступаетъ относительно ея. Но это сознаніе только выводило его изъ себя. Онъ любить ее безумно, страстно! Воспоминаніе о его помолвкѣ все болѣе представлялось ему чисто-теоретическимъ препятствіемъ, которое должно и можетъ быть устранено.

Маша молча устремила взоръ на акваріумъ, стоящій среди залы, на плававшихъ въ немъ золотыхъ рыбокъ. Мимо прошелъ негръ, длинный, худой, съ высокимъ воротникомъ и свѣтлымъ отблескомъ на шоколадномъ лицѣ, затѣмъ японецъ съ женой, оба въ національныхъ костюмахъ; смѣясь и болтая, окруженная толпой мужчинъ, прошла американка, — Беренбургъ сказалъ Машѣ, что она американка, намазанная женщиною въ очень декольтированномъ черномъ платьѣ, схваченномъ на плечахъ брилліантовыми нитками; еще два какихъ-то господина... Они вдругъ замолчали и устали на Машу.

— Dieu, qu'elle est jolie... qui est-ce... connais pas! — произнесъ одинъ изъ нихъ.

Ихъ дерзкіе взгляды сердили Беренбурга и, въ то же время, разжигали его страсть. Въ эту минуту къ Машѣ приблизился высокій мужчина съ круглыми плечами, тяжелою походкой и до смѣлости небрежными манерами человѣка изъ хорошаго дома, долго вращавшагося въ сомнительномъ обществѣ. Его глаза были водянистаго цвѣта, губы дрожали, когда онъ, наклонившись къ Машѣ, спросилъ по-французски:

— Помните вы меня, *м-ле Marie?*

— Бнязь Орбановъ изъ Ниццы, — отвѣтила Маша, привѣтливо кивнувъ головкой.

Сзади русскаго князя стояли два господина, только что восхитившіеся Машей съ такою нескрываемою дерзостью.

— Могу я васъ просить на вальсъ? — спросилъ князь, запинаясь и растягивая слова.

Маша поднялась.

— Вы забываете, что уже приглашены мною, — замѣтилъ Беренбургъ.

— Вы ошибаетесь, графъ! — гордо отвѣтила Маша и сдѣлала шагъ на встрѣчу князю.

— Ради Николая, послушайте меня, не танцуйте, — шепнулъ ей Беренбургъ.

Хотя эти слова сказаны были очень тихо и быстро, князь Орбановъ услышалъ ихъ.

— Смѣю спросить, кто этотъ молодой человѣкъ, который такъ навязчиво хочетъ заставить васъ измѣнить ваше рѣшеніе? — спросилъ онъ Машу все болѣе тяжелѣющимъ языкомъ, причемъ красное лицо его покраснѣло еще больше.

Беренбургъ досталъ свою карточку и протянулъ ему. Въ эту минуту къ Машѣ подошла графиня д'Ольбрейзе. Русскій исчезъ.

— Весело вамъ было, дитя мое? — воскликнула она. — Я танцевала, какъ безумная; это даже неприлично для женщины моихъ лѣтъ. Теперь пора ѣхать, балъ начинается дѣлаться слишкомъ веселымъ.

Молча, положивъ только концы пальцевъ на предложенную Беренбургомъ руку, послѣдовала Маша за графиней, шедшею впереди съ своимъ кавалеромъ.

Вдругъ она подняла голову.

— Отчего вы помѣшали мнѣ танцевать съ княземъ? — спросила она съ раздраженіемъ.

— Во - первыхъ, онъ пьянъ; во - вторыхъ... но этого вы

не поймете... — во-вторыхъ, онъ пользуется такою репутаціей, что я, напримѣръ, позволилъ бы скорѣе моей сестрѣ танцовать съ клоуномъ изъ цирка Ренцъ, чѣмъ съ нимъ. Танцовать съ Орбановымъ на общественномъ балѣ въ два часа ночи послѣ того, какъ вы весь вечеръ не вставали съ мѣста, было бы такъ... такъ двусмысленно... такъ... однимъ словомъ, я скорѣе дамъ бы на отсѣченіе правую руку, чѣмъ пустилъ бы васъ съ нимъ.

Они стояли въ прихожей, вокругъ нихъ суетились дамы, слышался запахъ цвѣтовъ, мѣховъ, пудры, раздавалось выкрикиваніе экипажей и извозчиковъ. Графиня д'Ольбрейзе замѣтила, наконецъ, громадный мѣховой воротникъ своего лакея. Беренбургъ взялъ изъ рукъ лакея ретонду и надѣлъ ее на плечи Маши. Досада молодой дѣвушки вспыхнула сильнѣе прежняго, болѣе прежняго чувствовала она потребность уколоть его, обидѣть, оскорбить.

— И такъ, вы хотѣли отдать за меня руку на отсѣченіе! Какъ это легко говорится! — насмѣшливо сказала она, смотря ему прямо въ глаза. — Я очень благодарна вамъ за ваше доброе намѣреніе, но нѣтъ было бы пріятнѣе, если бы вы не вмѣшивались въ мои дѣла. Я знаю князя больше, чѣмъ васъ.

Едва произнесла она эти рѣзкія слова, какъ готова была отдать все на свѣтъ, чтобы вернуть ихъ. Но было поздно.

— Я былъ неправъ, простите меня, — фортко сказалъ графъ и, низко поклонившись сначала ей, потомъ графинѣ д'Ольбрейзе, удалился, не сказавъ больше ни слова.

— Ну, *ma petite*, идите же, наконецъ, — воскликнула графиня, обернувшись къ дѣвушкамъ.

Маша стояла блѣдная, точно окаменѣлая, и смотрѣла въ толпу, гдѣ онъ исчезъ. Онъ даже не замѣтилъ, что она, расканываясь въ своей рѣзкости, робко протягивала ему руку; онъ даже не взглянулъ на нее.

X.

Да, она доказала ему, какъ мало интересуется имъ, какою гордой можетъ быть. Но теперь, когда все кончилось, ей мало доставлялъ удовольствія ея геройскій поступокъ, — онъ, напротивъ, сердилъ ее, — и она хотѣла бы во что бы то ни стало вернуть его. Теперь только она вдругъ узнала, что любить его, такъ любить, что готова умереть, чтобы избавить его отъ страданія. Она желала только одного, какъ можно скорѣе увидать его, чтобы загладить свою рѣзкость и холодность. Но какъ увидитъ она его? Послѣ

ея дерзкой выходки онъ не прїѣдетъ больше въ улицу Ваграмъ. Ахъ, отчего она просто не обрадовалась ему, не показала ему какъ она довольна и счастлива, что видитъ его!...

Обо всемъ этомъ думала Маша рано утромъ, безпокойно ворочая на подушкѣ свою хорошенькую головку. Было еще темно только передъ образами въ углу горѣла лампада. Наконецъ, дѣвушка вскочила съ кровати, упала на колѣни передъ кіотомъ и начала молиться искренно, горячо о счастья, — о прекрасномъ, не прочномъ земномъ счастья!

В. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Памяти матери.

Какъ въ дымѣ легкой облака
Неуловимо въ небѣ тають,
Такъ о быломъ издадека
Воспоминая улетають:

То дѣтство свѣтлое мелькнетъ
Въ туманной памяти улыбкой,
То совѣсть ѣдко упрекнетъ
Минувшей юности ошибкой;

То позабудется, то вновь
Въ очахъ души бывшее встанетъ,
То сожалѣнье, то любовь
Къ былымъ обманамъ сердце манить...

Надежды прошлыя, мечты,
Что были дороги и милы,
Сокрыли вѣчные кресты,
Глубоко врытые въ могилы...

Раздумье горькое, печаль,
Въ бывшее глядя, мысль объемлетъ,
Но сердцу прошлаго не жаль,
Былымъ обманамъ мысль не внемлетъ!

Есть голосъ прошлаго, внимать
Ему лишь мысль и сердце просить —
То образъ твой, родная мать,
Его забвенью не уносить!

П. Свободинъ.

*
*
*

Своимъ ожерельемъ любишься ты;
Не мало въ немъ цѣнныхъ жемчужинъ!
Для полнаго блеска твоей красоты
Отливъ ихъ чарующій нуженъ...

Но знаешь ли, сколько отважныхъ пловцовъ
Погибло въ пучинѣ опасной,—
Погибло среди разъяренныхъ валовъ
Въ погонѣ за ними напрасной?

Но знаешь ли, какъ влокотала волна,
Со шкваломъ сливаясь въ ревъ,
Когда океанъ этотъ жемчугъ со дна
На берегъ выбрасывалъ въ гнѣвъ?

Ты пѣснямъ поэта готова внимать...
Стиховъ тебѣ сладостны звуки,
Но, Боже, какъ надо глубоко страдать,
Чтобъ въ пѣняхъ высказывать муки!

Хоть пѣсня, порою, свергаетъ какъ мечь,
Въ ней скрыты незримыя слезы...
Изъ сердца поэта тѣ пѣсни извлечъ
Лишь могутъ душевныя грозы!

Павель Козловъ.

Что такое научная философія? *).

XVI.

Намъ предстоитъ теперь обратиться къ изложенію воззрѣній того изъ представителей научной философіи, который провелъ принципъ экономизаціи силъ, или, точнѣе, принципъ наименьшей траты силъ съ наибольшою полнотой и систематичностью, и который подошелъ къ рѣшенію занимающаго насъ вопроса ближе, чѣмъ всѣ тѣ, съ воззрѣніями которыхъ мы успѣли до сихъ поръ ознакомиться. Затѣмъ намъ останется только рассмотреть тотъ взглядъ, который ведетъ къ окончательному отвѣту на нашъ вопросъ и заключительной формулировкѣ этого отвѣта, — и работа наша будетъ окончена.

Полное и систематическое проведеніе принципа наименьшей траты силъ есть дѣло редактора *Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie*, Рихарда Авенариуса, а заключительное раскрытіе послѣдняго слова той эволюціи мысли, за которою мы прослѣдили, принадлежитъ сотруднику того же журнала Петцольдту, изложившему свои взгляды въ статьѣ, озаглавленной *Zu Richard Avenarius' Prinzip des kleinsten Kraftmasses und zum Begriff der Philosophie*, помѣщенной во 2-мъ выпускѣ журнала за 1887 годъ.

Для резюмированія воззрѣній Авенариуса мы будемъ пользоваться, главнымъ образомъ, его сочиненіемъ *Philosophie als Denken der Welt gemäss dem Princip des kleinsten Kraftmasses* 1876 и статьями, печатавшимися въ *Vierteljahrsschrift*. Что же касается вышедшаго перваго тома его новаго сочиненія *Kritik der reinen Erfahrung*, то намъ придется пройти его молчаніемъ, какъ еще неоконченное. Каково бы ни было, впрочемъ, значеніе этого сочиненія и какую бы ни играло оно роль въ философской эволюціи ея автора, намъ, слѣдящимъ теперь не за судьбами этой эволюціи, а за рѣшеніемъ поставленнаго нами вопроса, возможно было бы обойтись безъ ознакомленія читателей съ этимъ сочиненіемъ даже и въ томъ случаѣ, если бы оно было уже окончено. Мысль, которую мы старались уловить въ сочиненіяхъ цѣлаго ряда писателей, получила уже всю ту полноту, опредѣ-

*) *Русская Мысль*, в. III.

ленность и законченность, которыя вполне достаточны для нашей цѣли, и намъ предстоитъ теперь только довести передачу ея до конца.

Мы сказали уже, что Авенариусъ ставитъ себѣ цѣлью сведеніе всего развитія философіи къ принципу наименьшей траты силъ. Посмотримъ теперь, чѣмъ онъ обосновываетъ и какимъ образомъ проводить это положеніе.

Онъ начинаетъ съ установленія цѣлесообразности, какъ свойства, существа всякой типической дѣятельности. Можно, — говоритъ онъ, — относиться съ сомнѣніемъ къ различнымъ толкованіямъ происхожденія этой цѣлесообразности, но нельзя сомнѣваться въ ней самой, благодаря слишкомъ большому значенію ея для сохраненія индивида. Мы не можемъ даже представить себѣ возможности этого сохраненія, если не допустимъ, что психическія функціи способны выполнить въ самой высокой степени требованія цѣлесообразности.

Каковы же требованія наши по отношенію къ цѣлесообразности психическихъ функцій? Они двойственны: цѣлесообразно-дѣйствующая организація не только должна рѣшать свою задачу, но должна еще рѣшать ее съ относительно наименьшею затратой силъ, т.-е. съ относительно наименьшимъ пользованіемъ имѣющимися средствами. Всякое рѣшеніе той или другой задачи придется счесть тѣмъ болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ менѣе силъ будетъ при этомъ потрачено напрасно, — чѣмъ болѣе будетъ ихъ сохранено для другихъ дѣйствій; мы всегда почтемъ данную силу тѣмъ цѣлесообразнѣе приложенною, чѣмъ значительнѣе будетъ полученный чрезъ ея посредство результатъ.

Установивъ взглядъ на общую цѣлесообразность психическихъ функцій, Авенариусъ переходитъ затѣмъ къ изслѣдованію вопроса о томъ, не обнаруживаетъ ли одна изъ нихъ, именно теоретическая, т.-е. *мышленіе*, такое же стремленіе къ охраненію силъ отъ излишнихъ тратъ.

Въ теоретическомъ мышленіи или апперцепціи, — говоритъ Авенариусъ, — идетъ дѣло о взаимодействіи двухъ комплексовъ представленій, съ цѣлью опредѣленія содержанія или, соотносительно, характеристики того изъ нихъ, которое является сравнительно менѣе опредѣленнымъ. Если бы психическія силы были безграничны, то о цѣлесообразной тратѣ ихъ не было бы и рѣчи; но такъ какъ силы эти ограничены, то указанную выше выработку опредѣленности содержанія представленій и приходится неизбежно вести, по возможности, цѣлесообразно, т.-е. съ наименьшею затратой силъ или, соотносительно, съ наибольшимъ для данной затраты результатомъ.

Что мы можемъ замѣтить, — говоритъ далѣе Авенариусъ, — если присмотримся къ извѣстной склонности человѣческаго ума къ систематизированію? Прежде всего, то, что во всякой системѣ, какъ системѣ, преслѣдуется значительное сбереженіе силъ. Въ систематизированіи имѣетъ мѣсто организація цѣлыхъ совокупностей представленій, достигаемая установкою одного изъ комплексовъ этихъ представленій въ центральномъ пунктѣ и группировкою остальныхъ вокругъ него. Благодаря такому распорядку представленій, сознаніе облегчаетъ себѣ ориентировку среди ихъ, и затѣмъ еще до-

стигается возможность рѣшенія всѣхъ могущихъ возникнуть проблемъ, такъ какъ представленіе, являющееся содержаніемъ этихъ проблемъ, безъ колебаній подводится подъ центральное, и, далѣе, всякую новую проблему легко прикинуть къ родственной ей группѣ другихъ проблемъ, отнесенныхъ уже къ центральному представленію, и, такимъ образомъ, сразу поставить ее на вѣрный путь къ разрѣшенію. Слѣдуетъ замѣтить, наконецъ, что свою дѣйствительною или мнимую полнотой всякая система представляетъ, въ виду могущихъ возникнуть специальныхъ проблемъ, выгоды увѣренности и покоя, и, въ то же время, благодаря своей дѣйствительной законченности, даетъ и выгоды обезпеченной устойчивости системы, такъ какъ всѣ заключенія, выводимыя изъ центрального представленія, приурочиваются къ его же поддержанію и между всѣми входящими въ систему представленіями устанавливается взаимная связь и обоюдная поддержка.

Всѣ эти моменты,—замѣчаетъ Авенаріусъ,—несомнѣнно служатъ охранѣ затрачиваемыхъ силъ.

Еще явственнѣе обнаруживается стремленіе къ минимальной тратѣ силъ во всѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ, что намъ привычно и, относительно, непривычно. Всякому извѣстно, что предпочтеніе, оказываемое всему привычному передъ непривычнымъ, находитъ для себя самыя разнообразныя исходы: непривычное то устраняется изъ обихода мышленія—забывается, то сводится на привычное при помощи той или иной ассоціаци: новое—на старое, чуждое—на обыденное, неизвѣстное—на извѣстное и т. д.

Разсматривая затѣмъ роль языка, какъ орудія, несущаго чрезвычайно полезную службу при охранѣ силъ отъ напрасной траты, Авенаріусъ приходитъ къ заключенію, что теоретическое мышленіе или апперцепція всегда является съ расчетомъ на экономизированіе своихъ средствъ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ всегда руководится этимъ расчетомъ. Въ апперцепціи, какъ мы уже знаемъ, дѣло идетъ о взаимодействіи двухъ комплексовъ представленій, одинъ изъ которыхъ—болѣе опредѣленный по своему содержанію—и долженъ оказать по отношенію къ намѣченной цѣли желаемую услугу. Спрашивается, каковы должны быть входящія въ него представленія, для того, чтобы услуга эта, т.-е. сбереженіе силъ, могла бы достигнуть максимума? Очевидно, прежде всего, что содержаніе этихъ представленій должно быть извѣстно, и затѣмъ оно не должно быть единичнымъ или частнымъ, а общимъ, т.-е., собственно говоря, имѣть значеніе понятія. Оно должно вести не только къ узнаванію, достигаемому чрезъ сведеніе частнаго къ частному, но къ *пониманію*, т.-е. къ обогащенію даннаго представленія всѣмъ содержаніемъ того понятія, подъ которое оно подводится. Благодаря этому свойству, пониманіе его и можно считать теоретическою апперцепціей *par excellence*.

Но оно является и теоретическою апперцепціей *par préférence* именно въ силу той полноты, съ которою имъ удовлетворяется требованіе наименьшей траты силъ. Общее понятіе не только служитъ расширенію содержа-

нія даннаго представленія, но и захватываетъ еще цѣлый рядъ такихъ представленій, которыя могутъ считаться того же рода, что и данное, или, по крайней мѣрѣ, могутъ быть признаны сходственными съ нимъ. Не только все содержаніе этого понятія, но и всѣ объеты, къ которымъ можетъ быть отнесено это содержаніе, проходятъ при этомъ чрезъ сознание. Такъ, наприм., общее понятіе «животное» наводитъ на мысль не только все охватываемое имъ содержаніе, но еще и припоминаніе о всѣхъ тѣхъ животныхъ, схожихъ съ подводимыми подъ наше понятіе, или предположеніе о такихъ, которыя могли бы влючиться въ его содержаніе.

Показавъ важное значеніе пониманія для нашего мышленія, Авенаріусъ ставитъ вопросъ: не принадлежитъ ли философія, столь горделиво именуемая себя «наукою наукъ», къ числу тѣхъ умственныхъ дисциплинъ, задача которыхъ заключается въ пониманіи?

Философія, — говоритъ онъ, — не можетъ еще дать окончательнаго отвѣта на этотъ простой и ясный вопросъ. Можемъ ли мы указать на общепризнанное понятіе философіи, зная, что философій много, но философіи еще нѣтъ? По этой причинѣ и нѣтъ возможности разрѣшить окончательно поставленный вопросъ, хотя и возможно дать ему хотя одностороннее, по крайней мѣрѣ, освѣщеніе. Ставя вопросъ, Авенаріусъ не имѣетъ въ виду исчерпать его въ логическомъ отношеніи, а подразумѣваетъ только возможность его историческаго разрѣшенія. Не подлежитъ сомнѣнію для всякаго сколько-нибудь знакомаго съ исторіей философіи, что такое рѣшеніе оказалось бы положительнымъ, т. е. подтвердило бы намъ ту истину, что общее направленіе философіи имѣетъ своею цѣлью пониманіе.

Такимъ образомъ, оказывается, — говоритъ Авенаріусъ въ заключеніе этой части своего рассужденія, — что мы можемъ смотрѣть на принципъ наименьшей траты силъ вообще какъ на основу теоретическаго мышленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ на основу стремленій къ пониманію всѣхъ наукъ; задающихся пониманіемъ, и, слѣдовательно, въ частности, какъ на *корень философіи*.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію вопроса о *задачѣ философіи*, Авенаріусъ, ссылаясь на предшествующее рассужденіе, говоритъ, что въ цѣлесообразности пониманія были выяснены двѣ стороны: во-первыхъ, сведеніе неизвѣстнаго на извѣстное и, во-вторыхъ, подведеніе частнаго подъ общее, — представленія подъ понятіе. Надо замѣтить, что оба эти момента должны быть разсматриваемы не только какъ основа пониманія, но въ нихъ слѣдуетъ еще видѣть и условія самого пониманія, — тѣ требованія, которыя необходимо должны быть налицо для того, чтобы пониманіе могло состояться. Извѣстное и общее понятія и являются именно тѣми средствами орудіями или факторами, дѣйствіе коихъ производитъ пониманіе. Тамъ, гдѣ ихъ не оказывается, пониманіе становится невозможно.

Теперь является возможность опредѣлить границы пониманія. Онъ, очевидно, распространены въ той же мѣрѣ, какъ и соответствующія имъ понятія. Эти же послѣднія идутъ до, такъ сказать, абсолютнаго простаго по

нѣтія, соотносительно, до понятія абсолютно-простаго и, въ то же время, до, такъ сказать, абсолютнога общаго понятія, соотносительно, до понятія абсолютно-общаго. По этой причинѣ всѣ науки, ставящія себѣ цѣлью пониманіе, считаютъ цѣль свою вполне достигнутою, когда имъ удастся, съ одной стороны, расчленивъ свое содержаніе на простѣйшія составныя части, и, съ другой, вывести тѣ общія понятія, которыя могли бы во всей полнотѣ охватывать данную совокупность явленій. Такія понятія и получаютъ значеніе самыхъ общихъ понятій и высшихъ законовъ; такъ какъ «законы» суть тѣ же апперцепціи, съ тѣмъ только различіемъ отъ общихъ понятій, что подъ нихъ подводятся не однородныя вещи, а однородныя событія.

Изъ этого явствуется, что розысканіе законовъ соотвѣтствуетъ тому же стремленію къ пониманію, что и стремленіе мыслить понятіями, и что корень какъ того, такъ и другаго слѣдуетъ видѣть въ принципѣ наименьшей траты силъ. Можно утверждать поэтому, что закону нельзя приписать большаго объективнаго значенія, чѣмъ понятію; значеніе же ихъ обоимъ выйдетъ на опытѣ, выраженномъ подведенными подъ нихъ представленіями единичныхъ вещей и единичныхъ событій.

Представленія единичныхъ вещей и единичныхъ событій, подводимыя подъ понятія и законы,—разсуждаетъ далѣе Авенаріусъ,—находятъ въ этихъ понятіяхъ и законахъ объединеніе всему тому, что у нихъ есть общаго. Точно такое же объединеніе могутъ дать высшія понятія и законы низшимъ и такимъ путемъ объединеніе можетъ быть доведено до того понятія или закона, который соотвѣтствуетъ наивысшему единству. Такимъ образомъ, принципъ наименьшей траты силъ оказывается не только корнемъ стремленія къ пониманію, но и корнемъ стремленія къ единству вообще, къ наивысшему единству въ особенности.

Изъ этого видно, что представленія множественности противорѣчатъ нашему основному принципу. Множественность всегда принимается высоко развитымъ чувствомъ какъ обремененіе сознанія. Вѣрность этого положенія доказывается исторіею человѣческой мысли, которая, не взирая ни на какія разочарованія, всегда стремилась къ сведенію всей своей дѣятельности къ единству.

Не останавливаясь надъ изслѣдованіемъ вопроса о томъ, существуетъ ли на самомъ дѣлѣ такое единство, Авенаріусъ обращаетъ вниманіе теперь лишь на то, что стремленіе къ нему проявляется въ тѣсной связи со стремленіемъ къ пониманію или къ мышленію общей совокупности всего существующаго посредствомъ понятій и показываетъ затѣмъ, что наука, избравшая себѣ предметомъ эту совокупность, была не изъ числа тѣхъ, которые занимались отдѣльными частями, сторонами или развѣтвленіями этой совокупности, а именно та, которая задачею своею ставила изученіе всей этой совокупности, какъ единаго цѣлаго,—наука эта, по свидѣтельству исторіи, и есть философія.

Если мы припомнимъ теперь,—говоритъ Авенаріусъ въ заключеніе этой

части своего труда,—что направленное на общую совокупность вещей и событий мышление есть мышление отвлеченное, т. е. совершающееся посредствомъ понятій и имѣющее цѣлью пониманіе, и что это мышление опредѣляется принципомъ наименьшей траты силъ, то должны будемъ, согласно высказанному нами выше, смотрѣть на философію какъ на возведенное до научности стремленіе мыслить совокупность всего даннаго въ опытѣ при минимальной на то затратѣ силъ. Совокупность же даннаго въ опытѣ или, соотносительно, того, что можетъ быть дано въ опытѣ вообще, называемъ мы міромъ; подъ философіей, такимъ образомъ, должны мы разумѣть мышленіе о мірѣ согласно принципу наименьшей траты силъ.

XVII.

Исслѣдованіе вопроса о *методѣ философіи* Авенариусъ начинаетъ съ опредѣленія мѣста, занимаемаго философіей въ ходѣ научнаго развитія. Если по отношенію къ ея задачѣ,—говоритъ онъ,—философія должна быть поставлена послѣднею въ ряду наукъ, такъ какъ собственная ея работа предполагаетъ отдѣльныя спеціальныя науки установившимися, то, по отношенію времени установленія, философія, какъ то свидѣтельствуетъ намъ ея исторія, явилась первою. И нельзя не признать, что такое предвосхищеніе философіею ея задачи вполне согласовалось съ присущими ей основными свойствами. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ представленія отдѣльныхъ вещей подводятся подъ общія понятія, которыя, такимъ образомъ, дѣлаютъ возможнымъ пониманіе отдѣльныхъ вещей, то стремленіе къ пониманію находить самое скорое и легкое удовлетвореніе тогда, когда мышленіе получаетъ въ свое распоряженіе тѣ общія понятія, какія оно можетъ выработать, направляя свои силы на всю совокупность данныхъ вещей. По этой причинѣ и приходится мышленію обратиться, прежде всего, къ этой совокупности, и, слѣдовательно, для философіи, согласно принципу наименьшей траты силъ, само собою открывается первая роль въ исторіи развитія умственной дѣятельности, направленной къ «пониманію». Согласно этому же принципу совершается и дальнѣйшее развитіе философіи, поскольку развитіе это заключается въ болѣе и болѣе тѣсномъ ограниченіи предѣловъ ея области.

Подведеніе представленій подъ понятіе, имѣющее при этомъ мѣсто, предполагаетъ, конечно, что представленія единичныхъ вещей могутъ въ самомъ дѣлѣ быть подведенными подъ понятія. Состоятельность общихъ понятій необходимо должна пройти черезъ эту провѣрку. И какиимъ бы путемъ она ни совершалась, во всякомъ случаѣ, окажется нужнымъ обращеніе спеціальныхъ понятій для выработки понятія общаго. Цѣль спеціальнаго изслѣдованія, во всякомъ случаѣ, будетъ поставлена въ служебное отношеніе къ философіи: оно должно будетъ или провѣрить состоятельность даннаго общаго понятія, или подготовить выработку такого, которое было бы состоятельно. Тутъ и лежитъ начало дифференцированія научнаго, по-

средствомъ понятій совершающагося, т.-е. отвлеченнаго мышленія, и чрезъ это дифференцированіе произошло и развѣтвленіе научнаго мышленія на спеціальныя науки.

Характеризуя далѣе отношеніе спеціальныхъ наукъ къ философіи, Авенаріусъ находитъ его двоякимъ: оно является какъ результатъ единства личности мыслителя и какъ результатъ единства цѣли, заключающейся въ томъ, что упомянутой вспомогательной роли спеціальныхъ наукъ. Случайное значеніе перваго обстоятельства очевидно. И если намъ указываютъ на «философа», занимающагося спеціальною наукой, то это не значитъ еще, что имѣется подтвержденіе слиянія данной науки съ философіей. Если логика, этика, эстетика и теперь еще разрабатываются «философами», то это не значитъ еще, что науки эти по отношенію къ философіи имѣютъ такое же вспомогательное значеніе, какъ и естественныя науки, напримѣръ, совершенно выдѣлявшіяся изъ области философіи, или какъ психологія, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе изъ нея выдѣляющаяся. Этимъ постепеннымъ приобрѣтеніемъ самостоятельности спеціальныхъ наукъ задачи философіи, какъ таковой, мало-по-малу свелись къ тому, что философія сознательно отмежевала себѣ пониманіе всей совокупности вещей и противопоставила его пониманію отдѣльных, спеціальныхъ областей. Можно сказать, резюмируя вышеуказанное, что философское пониманіе охватываетъ міръ абстрактною формою, общою всѣмъ единичнымъ вещамъ, тогда какъ естественныя науки или естественно-научная космологія разсматриваетъ міръ, какъ единичную вещь, какъ конкретную форму, изъ которой вырабатывается философская абстракція.

Покончивъ съ этимъ вопросомъ, Авенаріусъ переходитъ къ изслѣдованію тѣхъ факторовъ, при посредствѣ коихъ философія разрѣшаетъ свою задачу—познание общей совокупности вещей. Уже прежде было показано, что всякое познание осуществляется при помощи двухъ элементовъ: извѣстнаго и общаго понятій; теперь предстоитъ разсмотрѣть, какииъ образомъ устанавливалось понятіе «извѣстнаго» въ ходѣ развитія научнаго мышленія.

«Извѣстное» получило свою роль въ процессѣ познания въ качествѣ привычнаго, традиціоннаго. Пока представленія отдѣльныхъ вещей являлись у насъ какъ безпрепятственно подводимыя подъ общія традиціонныя понятія, до тѣхъ поръ въ мышленіи не происходило еще того дифференцированія, которое возникло въ то время, когда стали замѣчать неподводимость нѣкоторыхъ единичныхъ представленій подъ эти понятія. Съ этого времени рядомъ съ традиціонными понятіями, считавшимися неизблѣнными, выступаютъ измѣнчивыя, прогрессирующія понятія науки, которыя не опираются уже на привычку, какъ основаніе своей состоятельности, и въ поступательности своего движенія ищутъ тотъ наибольшій результатъ, который можетъ быть достигнутъ соотвѣтственною затратой силъ.

Извѣстнымъ съ того времени начинаетъ считаться то, чѣмъ овладѣло сознаніе, что присутствуетъ въ сознаніи. Въ этомъ смыслѣ, извѣстное—независимо отъ вопроса его происхожденія—всегда является какъ данное

опытомъ, иначе говоря, оно всегда есть опытъ, совершаемый нами при томъ или иномъ состояніи сознанія; объектъ опыта признается при этомъ такимъ, какимъ онъ обрѣтается въ сознаніи. Этими чертами характеризуется первобытный опытъ,—тотъ опытъ, въ которомъ еще неразличимо заключено какъ то, что внесено въ представленіе самимъ объектумъ, такъ и то, что вложено въ него субъектомъ, переживающимъ опытъ. Въ анимизмѣ мы можемъ найти обильную иллюстрацію такого первобытнаго опыта; но обращеніе его дается и въ томъ возрѣніи естествоиспытателя, который въ падающемъ камнѣ усматриваетъ «силу», повергающую камень на землю.

Различеніемъ того, что дѣйствительно дается опытомъ, отъ того, что влагается въ него мыслью субъекта, полагается основаніе различію научнаго опыта отъ опыта наивнаго. Научный опытъ, какъ оно и разумѣется само собою, и есть именно тотъ, который одинъ только долженъ стать содержаніемъ науки, достигшей высшаго пункта своего развитія. «Извѣстное» съ этого момента перестаетъ уже приниматься такимъ, какимъ намъ даетъ его сознаніе. Теперь требуется уже, чтобы оно было дано научнымъ опытомъ и стало основаніемъ не *наивнаго*, а *научнаго пониманія*. Все, что не является въ объектѣ, какъ данное, а прилагается мыслью переживающаго опытъ субъекта,—все это устраняется окончательно изъ сферы научнаго пониманія *).

Но что же именно такое не дается самимъ объектумъ, а влагается въ представленіе его субъектомъ? На этотъ вопросъ Авенаріусъ даетъ весьма опредѣленный отвѣтъ. Онъ обстоятельно рассматриваетъ одинъ за другимъ тѣ роды апперцепціи, которые антропоморфизируютъ мышленіе, вводятъ въ представленія такіе элементы, которые въ извѣстной степени искажаютъ объекты извѣстною долей человѣкоуподобленія ихъ. Авенаріусъ различаетъ три рода такихъ антропоморфическихъ апперцепцій: миеологическія, антропологическія и тимематологическія. Миеологическія апперцепціи переносятъ въ представленіе предметовъ всѣ тѣ общія свойства, которыми характеризуется весь человѣкъ,—всѣ тѣ формы, въ которыхъ выражается человѣческое «я»; антропологическія—захватываютъ только «сферу чувствованій», а тимематологическія—вносятъ извѣстныя формы нашего разсудка, причинность, субстанціальность. Такимъ образомъ, въ каждой изъ этихъ трехъ апперцепцій мы имѣемъ дѣло съ нѣкоторымъ придаткомъ къ совокупности объективныхъ данныхъ: человѣческая душа является такимъ придаткомъ въ первомъ случаѣ, человѣческое чувство — во второмъ и человѣческая, такъ называемая, «форма мышленія» — въ третьемъ.

Чѣмъ болѣе подымается мышленіе до высоты научнаго значенія, тѣмъ рѣшительнѣе исключаетъ оно, какъ и было показано выше, все то, что не заключается въ данныхъ объектахъ. Въ настоящее время очищеніе отъ

*) Авенаріусъ указываетъ здѣсь тотъ фактъ, который К. Гёрингъ называетъ *переходомъ пониманія въ знаніе*.

эпистемологической приемся подходит почти къ концу; очищеніе отъ приемсей антропологическихъ по меньшей мѣрѣ намѣчено, тогда какъ вопросъ объ апіорныхъ формахъ мышленія, какъ тематологической приемся, которая, въ свою очередь, также должна быть удалена для установленія *чистаго опыта*,—этотъ вопросъ, какъ утверждаетъ Авенаріусъ, не былъ даже и поставленъ. «Постановка эта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оправданіе ея, обоснованное на развитіи самого мышленія, дѣлается здѣсь, — говоритъ Авенаріусъ,—въ первый разъ».

Установленіемъ понятія «чистаго опыта» опредѣляются границы научнаго пониманія, которое теперь разъ навсегда устраняетъ отъ себя всю сферу пониманія наивнаго, никогда не могшаго войти въ какія бы то ни было опредѣленныя границы, такъ какъ хваталось, какъ за орудіе пониманія, за все то, что считалось имъ извѣстнымъ, т.-е., какъ мы знаемъ уже изъ предшествовавшаго, все то, что было ему привычно, что обрѣталось готовымъ въ сознаніи, благодаря традиціи или иной случайности.

Остается прибавить, что и понятіе чистаго опыта также обусловлено принципомъ наименьшей траты силъ, такъ какъ исключить изъ мышленія о данномъ все то, что въ немъ не заключается, значитъ воздержаться отъ затраты на это мышленіе той доли силъ, которая самимъ предметомъ не требуется.

Покончивъ съ уясненіемъ понятія чистаго опыта, Авенаріусъ переходитъ къ вопросу о томъ, каковъ долженъ быть тотъ методическій приемъ, при помощи котораго она можетъ разсчитывать охватить свой объектъ (т.-е., выражаясь кратко, логическую совокупность существующаго), однимъ, на чистомъ опытѣ вѣдущемся, понятіи.

Но что именно должна считать философія своимъ объектомъ? Какимъ образомъ установить она понятіе этого объекта? Очевидно, что первою заботой ея должно быть правильное, методическое установленіе этого понятія, или, говоря иначе, умѣнье добывать для себя дѣйствительно существующіе объекты.

На первомъ планѣ здѣсь, несомнѣнно, стоитъ наблюденіе; всѣ естественно-научные методы суть методы наблюденія. Посредствомъ ихъ не только констатируется наличность предмета, но и, кромѣ того, предметъ этотъ опредѣляется по отношенію его свойства или по содержанію. Эти методы приложимы только къ единичнымъ объектамъ и, слѣдовательно, составляютъ достояніе отдѣльныхъ или специальныхъ наукъ.

Но,—продолжаетъ далѣе Авенаріусъ,—мы уже видѣли, что философія не можетъ существовать въ смыслѣ отдѣльной специальной науки, такъ какъ намъ извѣстно уже, что при дифференцированіи научнаго изслѣдованія на долю философіи выпала не та или эта специальная область, а нѣкоторая отвлеченная общность всѣхъ областей. Отдѣльныя эти области по отношенію къ философіи занимаютъ, какъ мы уже знаемъ, положеніе вспомогательное и посредствомъ своихъ методовъ доставляютъ философіи потребныя

ей объекты. Ихъ методы суть методы наблюденія, совершенно неприложимые, какъ то явствуетъ изъ предъидущаго, къ философіи.

Извѣстно, однако же, что методы наблюденія нельзя считать единственными путями, слѣдуя которымъ естественныя науки достигаютъ до своихъ объектовъ. Такъ какъ всякое наблюденіе неизбѣжно является ограниченнымъ разными физическими—соотвѣтственно: физиологическими—и психологическими моментами, то и приходится пополнять его болѣе рациональными приемами, а именно: заключеніемъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному.

Можно было предполагать, что приемъ заключенія отъ извѣстнаго къ неизвѣстному станетъ если и не исключительно-философскимъ, то, по крайней мѣрѣ, общимъ для философіи и естественныхъ наукъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ направленіи шли лучшія надежды тѣхъ, которые не замѣтили неприложимость этого приема къ философскимъ вопросамъ.

Прежде всего, затруднительно было опредѣлить тотъ пунктъ, къ которому приемъ этотъ могъ бы оказаться приложимымъ. Мы знаемъ уже, что пользованіе «извѣстнымъ» въ научномъ мышленіи подлежитъ ограниченію, стремящемуся свести «извѣстное» въ границы даннаго чистымъ опытомъ. Но камень преткновенія для философіи на этомъ пунктѣ заключается въ томъ, что понятіе чистаго опыта еще предстоитъ выработать.

Притомъ же, указаніемъ на это препятствіе еще не все сказано. Гораздо важнѣе то обстоятельство, что если бы философія и смогла бы, наконецъ, найти ту точку опоры, на которой она имѣла бы возможность утвердить рычагъ своихъ заключеній, то трудъ этотъ остался бы, все же-таки, безъ всякихъ результатовъ. Дѣло въ томъ, что предметы и явленія, констатируемые естественными науками при посредствѣ заключенія, всегда однородны съ тѣми, отъ которыхъ дѣлаемо было это заключеніе. Различіе предметовъ всегда имѣетъ или специфическое, или пространственное, или временное значеніе. Другими словами, неизвѣстное, о которомъ дѣлается заключеніе, подпадаетъ подъ то же понятіе, что и извѣстное, служившее основой заключенія. Такъ, напримѣръ, если изъ наблюденій надъ движеніемъ какой-нибудь планеты я, согласно закону параллелограмма силъ, заключаю о присутствіи центральнаго тѣла, къ которому планета тяготеетъ, то, очевидно, констатированное моимъ заключеніемъ *тѣло* подводится подъ понятіе *тѣла*, а его *движеніе*—подъ понятіе *движенія*. Для естествознанія случай этотъ, представляя значеніе извѣстной проблемы, можетъ имѣть важное значеніе; но для философіи открытіе центральнаго тѣла могло бы только тогда стать событіемъ, когда можно было бы утверждать, что этимъ путемъ получилось вполнѣ новое для опредѣленія бытія понятіе. Нечего и говорить, однако же, что ничто новое этимъ путемъ не получается и что только посредствомъ наблюденія и опыта обогащается имъ естествознаніе. Такимъ образомъ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что приемъ заключенія отъ извѣстнаго къ неизвѣстному не можетъ дать для философіи никакихъ результатовъ.

Точно также,—говорить далѣе Авенаріусъ,—философія не обогатилась

бы никакими результатами, если бы пыталась восходить все къ болѣе и болѣе общимъ понятіямъ. Все, что бы мы ни добыли заключеніемъ, всегда и неизбежно подведется подъ готовыя уже понятія; *объемъ* этихъ понятій увеличится, но *высота* пониманія чрезъ то не измѣнится, такъ какъ она исключительно зависитъ отъ *высоты* отвлеченія того понятія, подъ которое подводится данное представленіе, и ни отъ чего другаго.

Быть можетъ,—не безъ ироніи замѣчаетъ Авенариусъ въ заключеніе своего разсужденія о значеніи для философіи приѣма заключенія отъ извѣстнаго къ неизвѣстному,—быть можетъ, безрезультатность усилій на этомъ пути оставляетъ для философіи болѣе плодотворное приложеніе этого приѣма въ предѣлахъ долженствующаго быть установленнымъ ею чистаго опыта?

Но и въ этомъ направленіи нѣтъ никакой надежды на успѣхъ. Чистый опытъ, вѣдь, отличается отъ опыта обыденнаго не плюсомъ, а минусомъ; чистый опытъ заключаетъ въ себѣ то же, что и обыденный, за исключеніемъ тѣхъ добавленій, которыя прилагаются къ нему субъектомъ и которыя совсѣмъ ужь не годятся для обоснованія на нихъ какого бы то ни было заключенія. Исторія вполне подтверждаетъ эту истину: она даетъ длинный рядъ попытокъ, приведшихъ къ олицетвореніямъ, а не реально-вещамъ,—формамъ, а не къ содержанию,—тавтологіямъ, а не новымъ понятіямъ. Такимъ образомъ, ни одна изъ этихъ попытокъ не можетъ служить для насъ имѣющимъ значеніе прецедентомъ.

Ранѣе уже было замѣчено, что первою задачей, подлежащею теперь философіи, является выработка понятія чистаго опыта. Не теряя изъ вида эту задачу, Авенариусъ обращаетъ сперва вниманіе на то, что и въ прежнія времена философія, рядомъ съ попытками заключеній отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, преимущественно заботилась объ установленіи понятія о такомъ опытѣ, который, сообразно степени развитія научнаго мышленія въ данное время, могъ считаться или близкимъ къ чистому, или совершенно чистымъ.

Характеръ изслѣдованій въ этомъ направленіи былъ, какъ извѣстно, критическій, а потому можетъ показаться, что критическій методъ и есть именно тотъ, при помощи котораго вырабатывается понятіе чистаго опыта. Нѣтъ сомнѣнія, что методъ этотъ является здѣсь необходимымъ, но только не болѣе, какъ подготовительный. Недостаточность критики для установленія чистаго опыта доказалъ уже величайшій критическій философъ Кантъ; его *Критика чистаго разума* прерывается именно на томъ пунктѣ, въ которомъ она могла бы перейти въ критику чистаго опыта. Такая критика не должна была бы довольствоваться раскрытіемъ примѣсей къ тому, что принималось за чистый опытъ, но должна была бы еще рядомъ съ критическимъ анализомъ выдвинуть впередъ и другой приѣмъ, при посредствѣ котораго сдѣлалось бы возможно положительное примѣненіе отрицательныхъ результатовъ критики. Этотъ приѣмъ, какъ оно и очевидно, только и можетъ быть *устраненіемъ* (элиминаціей) всего того, что въ опытѣ является добавленіемъ или примѣсью. Методъ устраненія, или элиминаціонный,

является, какъ видно изъ этого, собственно философскимъ методомъ. Этотъ методъ, какъ замѣчаетъ Авенаріусъ, и примѣнялся во всѣхъ предшествовавшихъ разсужденіяхъ. Веденныя согласно принципу наименьшей траты силъ, они инстинктивно подчинялись методу элиминаціи, хотя онъ былъ сформулированъ только теперь, послѣ цѣлаго ряда случаевъ, въ которыхъ уже имѣло мѣсто его приложеніе.

Занавчивая изслѣдованіе вопроса о методѣ философіи, Авенаріусъ считаетъ нужнымъ добавить, что если въ предшествовавшемъ изложеніи элиминаціонный методъ и представленъ какъ методъ собственно философскій, то изъ этого не слѣдуетъ еще заключать, что его должно считать методомъ исключительно философскимъ. И естественныя науки также не чужды заботѣ объ очищеніи своихъ, изъ опыта добытыхъ, понятій. Если философія занята очищеніемъ тѣхъ данныхъ, которыя составляютъ ея содержаніе, то дѣлаетъ она это не какъ философія, а какъ научное мышленіе. Философія отличается отъ спеціальныхъ наукъ не своимъ методомъ, но исключительно только своимъ объектомъ—понятіями охватываемою совокупностью даннаго. Различіе между философскимъ и естественно-научнымъ мышленіемъ можетъ имѣть, какъ видно изъ этого, не только относительное, но и произвольное значеніе, оправдываемое развѣ въ историческомъ отношеніи, и методъ элиминаціи принадлежитъ несомнѣнно въ такой же мѣрѣ естественнымъ наукамъ, какъ и философіи, которая получаетъ въ свое вѣдѣніе содержаніе естественныхъ наукъ, ими уже очищенное.

Въ заключеніе всего этого разсужденія можно сказать, что если философія, т. е. мышленіе, направленное на изученіе общей совокупности всего существующаго, и перестаетъ быть наукой въ обычномъ значеніи этого слова, то она остается, все же-таки, научнымъ мышленіемъ. Во всемъ предшествовавшемъ разсужденіи о ней въ иномъ смыслѣ не было и рѣчи.

XVIII.

Корень философіи, ея задачи и методъ составляютъ содержаніе первыхъ трехъ, разсмотрѣнныхъ уже нами отдѣловъ сочиненія Авенаріуса; *учладу философіи* посвященъ четвертый и послѣдній отдѣлъ, ознакомленіемъ съ которымъ мы теперь займемся.

Первымъ вопросомъ здѣсь является анализъ тѣхъ опытныхъ понятій, которыя являются данными, выработанными естествознаніемъ, и отдѣленіе въ этихъ понятіяхъ элементовъ, соответствующихъ требованіямъ чистаго опыта, отъ внесенныхъ въ нихъ субъектомъ примѣсей.

Мы знаемъ,—говоритъ Авенаріусъ,—что естественныя науки разсматриваютъ все существующее какъ совокупность *атомовъ, движимыхъ силою* и по необходимости взаимно воздѣйствующихъ другъ на друга.

Отдѣлимъ въ этомъ понятіи примѣсь отъ того, что соответствуетъ въ немъ чистому опыту, и воспользуемся полученнымъ остаткомъ для образованія намѣченнаго нами высшаго понятія.

Результатъ этого изслѣдованія отчасти уже предвосхищенъ нами и въ нѣкоторой степени не чуждъ въ настоящее время неотсталой наукѣ.

Прежде всего, мы ставимъ слѣдующій вопросъ: дана ли сила въ чистомъ опытѣ, какъ нѣчто движущее? Никакое наблюдение движущейся вещи,—отвѣчаемъ мы,—не дало возможности воспринять силу, и тотъ единственный случай, когда мы ее воспринимаемъ, относится не къ движению, а къ нашему ощущенію силы. Ощущение это является всегда какъ сопутствующее движению нашихъ членовъ, а не какъ чувство, причиняющее это движение. Но если порядокъ этотъ и былъ бы обратный, то и тогда никакой опытъ въ свѣтъ не могъ бы указать той точки, съ которой ощущаемая сила воздѣйствуетъ на мускулы. Мы не испытываемъ такого процесса, а потому и не имѣемъ о немъ никакого представленія. Ощущение силы и мускульное движение совершенно разнородны, и поэтому нѣтъ никакой возможности заключить отъ одного къ другому, предполагая найти въ этомъ заключеніи состоятельную зашѣну опыта.

Не испытывая ощущенія силы, какъ чего-то движущаго, мы точно также не испытываемъ и необходимости этого движенія. Вслѣдъ за силой падаетъ и необходимость, такъ какъ сила есть нѣчто принуждающее, а необходимость—самое принужденіе. Мы испытываемъ только одно—послѣдовательность этихъ явленій; принужденія же или произвола мы вовсе не испытываемъ,

Поскольку представленіе причинности,—продолжаетъ Авенариусъ,—требуется силы, необходимости и принужденія, какъ составныхъ частей послѣдовательности явленій, постольку разомъ падаетъ и причинность. Если принужденіе въ указанной выше комбинаціи необходимо въ смыслѣ «причины», то придется признать, что представленіе это возникло въ данномъ случаѣ совершенно аналогично тѣмъ представленіямъ, которыя связываются съ деревьями, камнями, раковинами и т. п. предметами у фетишистовъ. Основной моментъ здѣсь—*пониманіе*; но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ пониманіе это имѣетъ характеръ наивный, антропатическій. Различіе обоихъ случаевъ—чисто-количественное, отнюдь не качественное.

Подведя итогъ разужденію, посредствомъ котораго были устранены (элиминированы) «сила» и «причинность», Авенариусъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что устранены онѣ были постольку, поскольку въ нихъ были открыты антропатическія апперцепціи, а никакъ не въ отношеніи выражаемаго ими эмпирическаго отношенія между двумя и болѣе предметами. Причинность не перестанетъ означать непрерывность въ ходѣ всего совершающагося, и въ этомъ значеніи находить для себя полное оправданіе.

Съ точки зрѣнія принципа наименьшей траты силъ причинность означаетъ соотношенія двухъ моментовъ, одинъ изъ которыхъ можетъ мыслиться какъ цѣль, а другой—какъ средство. На этомъ основаніи самый принципъ можно бы назвать «принципомъ наименьшей затраты средствъ», какъ то и было уже сдѣлано Цѣльнеромъ.

«Сила» и «причинность» останутся, наконецъ, и какъ такіа краткіа формулы или сжатія выраженія, безъ которыхъ пока еще нельзя обойтись.

Теперь предстоитъ изслѣдовать понятіе «субстанціи» и рѣшить вопросъ о томъ, въ какомъ смыслѣ она должна быть устранена и въ какомъ — сохранена.

Для удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса Авенаріусъ считаетъ нужнымъ предварительно бросить бѣглый взглядъ на соотношеніе между развитіемъ мышленія и развитіемъ языка.

Первоначальныя воспріятія, обозначаемыя нашею рѣчью, — говоритъ онъ, — содержатъ предметъ какъ сложное единство, многообразіе котораго остается еще несознаннымъ. Все болѣе и болѣе развивающаяся у чело-вѣка способность различенія разлагаетъ мало-по-малу, при сильномъ вліяніи развитія рѣчи, это первоначальное единство, но немедленно же вслѣдъ затѣмъ опять восстанавливаетъ его въ качествѣ новаго единства высшаго рода: различныя свойства и движенія предмета теперь уже различаются и при посредствѣ названій, относительно изолируемыхъ, вновь притягиваются къ первоначальной единицѣ (сохраненной опять-таки языкомъ), какъ къ своему подлежащему въ формѣ сказуемыхъ.

Такимъ образомъ, первоначальная цѣльная вещь противопоставляется ей же собственнымъ свойствамъ, а это отношеніе вслѣдъ затѣмъ, снова подъ вліяніемъ языка, является уже антропоморфизированнымъ, т. е. вещь представляется уже дѣятельною, подвижною, обладающею и претерпѣвающею. Само собою разумѣется, что это новое понятіе захватываетъ не мало элементовъ, противорѣчащихъ идеѣ чистаго опыта; но дальнѣйшее его развитіе не только не очищаетъ его отъ этой примѣси, но производитъ еще такіа въ немъ перемѣны, которыя только осложняютъ и затрудняютъ задачу критической работы, которая рано или поздно должна наступить.

Значеніе понятія вещи, противопоставленной ей свойствамъ, явно измѣнчивымъ и преходящимъ, приподымаетъ значеніе вещи, остававшейся, какъ-то подтверждаемое сохраненіемъ ея названія, неизмѣнною. «Вещь» становится все самостоятельнѣе и независимѣе и наступаетъ время, когда на нее начинаютъ смотрѣть какъ на существенное или дѣйствительно сущее, какъ на устой измѣнчивыхъ свойствъ и неизблемую основу этой ихъ измѣнчивости.

Отсюда до понятія субстанціи — одинъ шагъ. И какъ только устойчивость, неизмѣнность вещи была возведена до абсолютности, міръ распался на два класса существованій: на субстанціи дѣйствительныя, не уничтожаемыя и въ себѣ существующія, и акциденціи, которыя рассматривались какъ измѣнчивыя и не могущія существовать въ себѣ, т. е. внѣ связи съ субстанціями.

Но что же такое субстанція? Ранѣе, чѣмъ мы дадимъ окончательный отвѣтъ на этотъ вопросъ, — говоритъ Авенаріусъ, — должно намъ рассмотреть еще одинъ моментъ въ развитіи этого понятія.

Если мы желаемъ констатировать какое-нибудь измѣненіе, то необходи-

мымъ для того условіемъ является такое относительное постоянство измѣнившагося нѣчто, которое дало бы намъ возможность признать его за прежнее при новомъ наблюденіи. Если условіе это не имѣеть мѣста, то новое наблюденіе, встрѣчая полное измѣненіе прежде извѣстнаго намъ предмета, имѣеть уже передъ собою нѣчто совершенно новое и не можетъ поэтому найти основаніе для констатированія происшедшаго измѣненія. Изъ этого видно, что воспріятіе измѣненія требуетъ отнесенія измѣняющагося къ неизмѣняющемуся, точно также какъ для воспріятія движенія, всегда равнозначущаго измѣненію, требуется отнесеніе его къ чему-либо неподвижному.

Когда развитіе языка сдѣлало возможнымъ противопоставленіе вещи ея собственнымъ свойствамъ, тогда стало возможнымъ относить измѣняемость свойства къ неизмѣняемости самой вещи и, слѣдовательно, констатировать фактъ измѣняемости. Такимъ образомъ, въ представленіи вещи былъ созданъ устойчивый пунктъ, по которому и устанавливалось представленіе о совершившихся измѣненіяхъ. вмѣстѣ съ развитіемъ воспримчивости къ этимъ измѣненіямъ росло пропорціонально и сознаніе устойчивости, приписываемой неизмѣняющемуся пункту, получившему названіе субстанции. Когда измѣняемость стали считать абсолютностью, тогда и устойчивость, неизмѣняемость субстанции также получила абсолютное значеніе.

И такъ, — говоритъ Авенаріусъ, — субстанція есть психологически-необходимое вспомогательное понятіе, служащее установленію представленія объ абсолютной измѣнчивости, точно также какъ понятіе вещи служить выработкѣ представленія объ измѣнчивости относительной. Изъ этого видно, что понятіе субстанции не подлежитъ устраненію изъ сферы мышленія, но оно должно быть необходимо устранено, какъ соответствующее объективно-реальному нѣчто, въ дѣйствительности совсѣмъ не существующему.

Чтобы относительно опредѣлять значеніе понятія субстанции въ мышленіе, Авенаріусъ ставитъ теперь вопросъ о томъ, какова роль субстанции по отношенію къ пониманію.

Противуположность, въ которую была поставлена субстанція къ ея акциденціямъ, является двойкою: субстанція разсматривается какъ постоянное среди измѣненій и какъ основа всего отъ нея зависимаго. Въ смыслѣ постоянного нѣчто субстанція является скорѣе какъ вспомогательное орудіе для установки представленія измѣняемости, нежели пособіемъ для пониманія этой измѣняемости. Значеніе ея для пониманія надо искать, слѣдовательно, не здѣсь.

Субстанція, какъ основа всего отъ нея зависимаго, есть продуктъ весьма продолжительнаго развитія, — развитія, совершавшагося въ смыслѣ ослабленія первоначальной, вполнѣ антропоморфической апперцепціи, постепенно поддававшейся влиянію роста научнаго мышленія. Согласно смыслу только что указанной апперцепціи, соотношенія между субстанціей и акциденціями установились сперва совершенно по образу и подобию отношеній между нашимъ «я» и его дѣйствіями. Понятія субстанціальности и причинности являются въ этомъ пунктѣ совершенно слитыми.

Это, порожденное наивною апперцепціей, наивное пониманіе еще живо и по настоящее время. Возникшее подъ вліяніемъ развитія рѣчи и рѣчью же сохраненное, пониманіе это стало привычнымъ. И теперь еще продолжаютъ за воспринимаемымъ нѣчто искать скрытое, какъ основу, которая проявляетъ себя въ этомъ воспринимаемомъ. И теперь еще держатся того мнѣнія, что, помимо скрытой отъ насъ субстанціи, ничто внѣ насъ существующее не можетъ быть понято. Все это показываетъ, до какой степени глубоко коренится въ мышленіи эта привычка и какъ легко еще и теперь принимать привычное за понятое.

Но какъ бы ни цѣнило современное мышленіе это привычкою усвоенное понятіе, все же-таки, дальнѣйшее развитіе научнаго мышленія должно будетъ, согласно принципу наименьшей траты силъ, мало-по-малу устранить его, такъ какъ понятіе субстанціи явно приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Для подтвержденія этой мысли слѣдуетъ не упускать изъ вида главные моменты въ ходѣ новѣйшаго развитія соотношеній вещей къ ея свойствамъ.

Рано или поздно долженъ былъ наступить моментъ, когда пришлось уразумѣть, что предполагаемыя свойства вещей были ощущеніями воспринимающаго субъекта. Съ этого времени свойства вещей перестали считаться неотдѣлимою принадлежностью этихъ вещей; освободясь отъ первоначальной отъ нихъ зависимости, сами же вещи были поставлены въ идеалистическое отношеніе къ ощущающему субъекту. Вслѣдствіе этого образовалось различіе между вещью, какъ она представлялась субъекту, и вещью, какъ она была «въ себѣ» (an sich).

Это открытіе «вещи въ себѣ» оказало воздѣйствіе и на развитіе понятія субстанціи. Различеніе вещи «въ себѣ» и вещи «для насъ» основывалось на старинной апперцепціи, приписывавшей вещамъ энергію, воздѣйствующую на другіе субъекты. Но тотъ же анализъ, который привелъ къ открытію «вещи въ себѣ», показалъ, что и энергія вещи была обусловлена апперцепціей, точно такъ же, какъ субстанція. Субстанція и ея энергія вслѣдствіе этого получили двойственное значеніе: во-первыхъ, какъ вещь въ себѣ и ея реальное воздѣйствіе на субъектъ и, во-вторыхъ, какъ субстанція и причинность въ чисто-субъективномъ смыслѣ. Когда же это двойственное существованіе породило сознаніе заключающагося въ немъ противорѣчія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и невозможность разрѣшенія этого противорѣчія съ той же прежней точки зрѣнія, тогда образовалось убѣжденіе въ неразрѣшимости этого противорѣчія, — неразрѣшимости, основывающейся на самой природѣ человѣческаго мышленія.

Не слѣдуетъ забывать, однако же, что мышленіе наше не находится въ безусловной зависимости отъ нашей рѣчи. Съумѣвъ освободиться отъ этой пагубной зависимости, мы создадимъ возможность разрѣшенія и указаннаго противорѣчія. Намъ нужно только уразумѣть, что понятіе субстанціи коренится въ условіяхъ развитія языка, а не въ области, внѣ насъ существующей.

И въ настоящее время еще, — заканчивая свое разсужденіе, говорить Авенариусъ, — томится философъ надъ задачею Данаидъ — *познаіемъ* объективной сущности «вещи въ себѣ», измѣряя при этомъ ея познаваемостью или, соотносительно, непознаваемостью границы своего познаванія. Громада духовной силы и добросовѣстной работы расточается на метафизическое опредѣленіе объективированнаго понятія, — на отысканіе ариадниной нити для выхода изъ лабиринта, существующаго только въ мысли самаго ищущаго.

Предшествующія разсужденія показали, — говоритъ далѣе Авенариусъ, — что понятіе субстанціи можетъ быть устранено изъ нашего міроразумія и что существуетъ весьма большое вѣроятіе, что оно должно устраниться при нормальномъ ходѣ умственнаго развитія. Принимая все это во вниманіе, мы должны теперь считать его уже устраненнымъ. Затѣмъ остается только опредѣлить отношеніе движенія къ ощущенію и разсмотрѣть нѣкоторые второстепенные, соотносящіеся сюда, вопросы и такимъ образомъ исчерпать содержаніе и этой послѣдней части резюмированнаго нами изслѣдованія Авенариуса. Выраженный самыми общими чертами, окончательный результатъ его заключается въ томъ, что все существующее *мыслится* по содержанію своему какъ ощущеніе, по формѣ — какъ движеніе. Авенариусъ не говоритъ, что все существующее *сводится* къ ощущенію и движенію или, еще менѣе, *есть* ощущеніе и движеніе, но только что оно *мыслится* такимъ образомъ. Онъ остается вѣренъ поставленному имъ въ самомъ началѣ его сочиненія опредѣленію философіи, какъ мышленія о мірѣ, согласно принципу наименьшей траты силъ, и, охраняя себя отъ уклоненія въ метафизическія изысканія, не высказывается о существующемъ (о бытіи), а говоритъ только о томъ, какъ оно нами мыслится. По этой же причинѣ и вопросъ о сведеніи обоихъ выставленныхъ имъ понятій къ высшему единству одного всеобъемлющаго понятія онъ считаетъ метафизическимъ и оставляетъ открытымъ.

В. Лесевичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Русскіе слѣпцы.

(По поводу книги: „Статистика слѣпыхъ въ Россіи по переписи 1886 г.“ Спб., 1888 г.).

„Licht, mehr Licht!“ (Goethe).

Избалованный столичный житель, петербуржецъ или москвичъ, случайно встрѣчая слѣпаго, глухонѣмаго, вообще какого-либо увѣчнаго, и не подозрѣваетъ, что передъ нимъ представитель громадной жалкой арміи русскихъ «калѣкъ», мыкающихся по всеямъ и городамъ св. Руси, терпя всевозможныя лишенія, влача самую печальную жизнь и подвергаясь на каждомъ шагу всевозможнымъ невгодамъ. Да и гдѣ столичному обывателю сталкиваться лицомъ къ лицу съ родными страдальцами, слышать ихъ стоны, видѣть ихъ горе и задумываться объ ихъ невеселой участи! Если случайно «убогенькій» и попадаетъ въ наши крупныя центры, его немедленно, какъ нѣчто дисгармонирующее съ блескомъ и богатствомъ роскошныхъ столицъ, устранять подалѣе, отправять на родину, откуда онъ бѣжалъ, гонимый злою нуждой и жизнью впроголодь. Въ лучшемъ случаѣ, счастливые изъ нихъ, послѣ долгихъ лѣтъ ожиданія, попадаютъ въ немногія спеціальныя заведенія, кое-гдѣ разбросанныя по громадному пространству нашего отечества.

Не въ такихъ искусственныхъ условіяхъ живетъ остальная матушка Русь. Вѣками слагавшаяся неблагоприятная обстановка значительной части населенія влечетъ разнообразныя явленія физическаго вырожденія и... въ рѣдкой странѣ (а въ Европѣ — нигдѣ) не встрѣчается такое множество физически обездоленныхъ людей, какъ въ Россіи. Судьба ихъ не можетъ не вызвать самаго серьезнаго вниманія русскаго общества. Пора, давно пора придти имъ на помощь! Они требуютъ участія къ себѣ не только во имя гуманности, обязанности помочь страдальцамъ, не имѣющимъ возможности самостоятельно бороться за жизнь, — нѣтъ, не только потому, а еще болѣе изъ-за того, что слѣпые, глухонѣмые и другіе типы физически аномальныхъ людей способны, благодаря успѣхамъ современной педагогій, сдѣлаться полезными членами общества, внести свою долю труда на общее благо и не быть тяжкою обузой для окружающихъ. Последнее соображеніе особенно важно у насъ въ Россіи.

Одна изъ своеобразныхъ экономическихъ особенностей громадной части русскаго народа, безспорно, та, что здоровый, взрослый, полный силъ и энергіи работникъ вырабатываетъ лишь на свое личное содержаніе и на плату податей. Вотъ почему въ любой крестьянской семьѣ такъ важенъ расчетъ числа «ѣдоковъ» и работниковъ и каждый лишній «ротъ» не только вынуждаетъ изыскивать новые, не всегда доступные, заработки, но требуетъ и сокращенія аппетита другихъ членовъ семьи. Хотя потребности большинства нашего крестьянства крайне ограничены, но его бюджетъ доходовъ и расходовъ вращается въ столь скромныхъ цифрахъ, что нарушеніе равновѣсія немедленно отражается тою или другою задолженностью, ухудшеніемъ пищи и подчасъ разореніемъ семьи. При такой неприглядной обстановкѣ всякій неспособный, по своимъ физическимъ недостаткамъ, къ труду обременяетъ не только свою семью, но общины и государство. Трудно, при всемъ добромъ желаніи, учесть матеріальный ущербъ для страны отъ подобныхъ гражданъ, но онъ громаденъ. Основатель общества для предотвращенія слѣпоты въ Нью-Йоркѣ, Ротъ, вычислялъ, что одна лишь слѣпота стодитъ Европѣ ежегодно болѣе 70 милліоновъ рублей. А нравственные страданія, переживаемыя несчастными, а горе близкихъ людей, конечно, не могутъ быть сведены ни на какіе денежные расчеты. Но и приведенныя цифры, какъ единственное возможное математическое мѣрило, убѣждаютъ, что задачи уменьшенія размѣровъ страданій, сами по себѣ, весьма благодарны, въ особенности въ отношеніи къ слѣпотѣ. Успѣхи медицины и гигіены такъ велики, что во многихъ случаяхъ предупрежденіе, отчасти и устраненіе слѣпоты въ нашихъ рукахъ, специальная же педагогія для слѣпыхъ выработала уже приемы ихъ всесторонняго обученія самымъ разнообразнымъ практическимъ профессіямъ. Слепые, даже от рожденія, при благоприятныхъ условіяхъ, раскрывали самыя выдающіяся способности: слѣпецъ Соундерсонъ, ослѣзивъ отличавшій поддѣльныя римскія монеты, былъ преемникомъ Исаака Ньютона въ званіи профессора математики въ Кембриджскомъ университетѣ, написалъ сочиненіе по алгебрѣ и, что весьма оригинально, съ особенною любовью изучалъ оптику. Другой слѣпецъ, Пенжонъ, былъ профессоромъ математики въ Анжерскомъ лицей. Слепорожденный Франсуа Губеръ, знаменитый естествоиспытатель, написалъ прекрасное сочиненіе о пчеловодствѣ. Многие слѣпцы обнаруживали выдающіеся таланты въ государственной и общественной дѣятельности: Роденбахъ былъ въ теченіе 37 лѣтъ депутатомъ и городскимъ головой въ одномъ изъ городовъ Бельгіи; знаменитый директоръ института для слѣпыхъ въ Сиденгамѣ, мистеръ Кэмпбелъ—слѣпорожденный; Фоусетъ, несмотря на слѣпоту, достигъ высокаго положенія министра почтъ и телеграфовъ въ Англіи. Подобныя примѣры безчисленны. Столь же блестящихъ результатовъ достигаютъ и глухонѣмые, которымъ въ настоящее время не только возвращается способность рѣчи, но и чтенія чужихъ словъ по движеніямъ губъ говорящаго. Извѣстно, напримѣръ, что одинъ профессоръ физиологіи, придя въ школу для глухонѣмыхъ, былъ встрѣченъ учитель-

ницей, дававшей ему всё объясненія, отвѣчавшей на всё его вопросы и на прощаніи поразившей посѣтителя сообщеніемъ о своей глухонѣмотѣ. Знаменитый страбургскій профессор Куссмауль съ изумленіемъ рассказывалъ, что, занимаясь въ теченіе нѣсколькихъ дней съ чахоточнымъ больнымъ, бесѣдуя съ нимъ по цѣлымъ часамъ, подъ конецъ узналъ о глухонѣмотѣ своего пациента.

Приведенные факты убѣждаютъ, что благородныя попытки и стремленія къ облегченію участи несчастныхъ вполне возможны и окупаются громадною пользою даже для окружающихъ,—что трудъ, положенный въ основу обученія слѣпыхъ, не пропадаетъ втунѣ. Такое сознаніе не можетъ не побуждать къ серьезному воздѣйствію на бытъ нашихъ калѣкъ, число которыхъ въ Россіи громадно и которые почти исключительно предоставлены собственной судьбѣ. Подворныя описи нѣкоторыхъ уѣздовъ производятъ ужасающее впечатлѣніе: въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, Херсонской губ., на 392,628 жителей 4,691 калѣкъ, въ Острогжскомъ уѣздѣ, Воронежской губ., на 224,617 жит.—2,953 и т. д. Можно привести цѣлый рядъ такихъ грустныхъ исчисленій, но мы ограничиваемся первыми попавшимися подъ руку. И какіе только «убогенькіе» ни фигурируютъ въ спискахъ: хромые, безногіе, безрукіе, сухорукіе, душевно-больные, эпилептики,—но первое мѣсто принадлежитъ слѣпымъ и глухонѣмымъ. Громадное большинство калѣкъ принадлежитъ самымъ бѣднымъ семьямъ, и не только лишено возможности самостоятельнаго труда, но даже не можетъ надѣяться на помощь своихъ родныхъ. Неизбѣжно многіе вынуждены обратиться къ единственному, доступному имъ промыслу—ниществу; но профессиональное нищенство въ деревняхъ, гдѣ состоятельные хозяева—на-перечетъ, остальные сами еле-еле перебиваются «съ хлѣба на квась», также не можетъ облегчить ихъ участи, и мотаются несчастные по бѣлу свѣту, переходя съ одной деревенской ярмарки на другую, бродя по базарамъ, пока немногіе изъ нихъ не попадутъ въ богадѣльни, другимъ—дать отдыхъ вѣчный покой.

Слѣпые обыкновенно занимаютъ первое мѣсто въ ряду физически аномальныхъ людей. Это относится не только къ Россіи, но и къ большинству западно-европейскихъ странъ, въ которыхъ статистика слѣпоты ведется издавна и достигла довольно значительной точности. Чтобы оцѣнить размѣры распространенія этого тяжкаго страданія среди русскаго народа, мы приведемъ нѣсколько данныхъ о слѣпотѣ въ другихъ странахъ. Нѣкоторые статистики, руководствуясь чрезвычайно неполными свѣдѣніями, рѣшаются утверждать, что число слѣпыхъ на всемъ земномъ шарѣ доходитъ до 87 человекъ на 100,000 жителей или одинъ слѣпой на 1,150 чел. населенія. Въ частности для Европы это отношеніе представляется менѣе благоприятнымъ, такъ какъ на такое населеніе приходится почти 9 слѣпца или одинъ на 1,088 человекъ. Наибольшее число слѣпыхъ въ Европѣ насчитывается въ Норвегіи — 135 на 100,000 жителей или одинъ на 750 жителей. Такая высота обусловливается высокимъ % стариковъ средѣ

норвежцевъ, доживающихъ, какъ извѣстно, въ большомъ числѣ до предлоннаго возраста. А старики очень часто лишаются зрѣнія вслѣдствіе своихъ лѣтъ, а не болѣзней. Второе мѣсто изъ европейскихъ странъ занимаетъ Венгрія, сельское населеніе которой не отличается высокимъ культурнымъ уровнемъ. Въ ней на 100,000 жителей приходится 120 слѣпыхъ. Тѣсно примыкаетъ къ ней несчастная, обездоленная своимъ ландлордизмомъ, Ирландія со своими 117 слѣпыми на сто тысячъ жителей и Испанія, въ различныхъ провинціяхъ которой число слѣпыхъ колеблется отъ 70 до 200 меловѣкъ. Въ Италіи слѣпъ одинъ изъ тысячи жителей. Англія, Германія, Франція и Бельгія даютъ не многимъ болѣе 80 слѣпыхъ, въ Швейцаріи числится ихъ немногимъ болѣе 70, въ Даніи менѣе 70, въ Австріи немногимъ болѣе 50, а въ счастливой маленькой Голландіи даже менѣе 50 на 100,000 жителей.

Какъ же обстоитъ дѣло у насъ? До недавняго прошлаго мы не имѣли никакихъ свѣдѣній для всей Россіи. Правда, пытались вычислить слѣпыхъ въ той или другой мѣстности, но всѣ попытки были отрывочны и не позволяли представить общей для всего государства картины. Въ 1886 году Маринское попечительство для призрѣнія слѣпыхъ предложило центральному статистическому комитету обработать собранныя по Европейской Россіи данныя о слѣпотѣ. Гг. Аленицынъ и Сырневъ, на долю которыхъ выпалъ этотъ трудъ, представили громаднй матеріалъ, разработанный по губерніямъ и уѣздамъ, съ распредѣленіемъ слѣпыхъ по городамъ и селамъ, по полу, возрасту, національности, сословію, семейному состоянію, занятіямъ до слѣпоты, причинамъ ея, по средствамъ существованія слѣпыхъ, и т. п. Аналогичнаго труда, обнимающаго такое громадное число наблюдений, не имѣется ни въ одной литературѣ. Правда, нашъ русскій трудъ не свободенъ отъ многихъ недостатковъ, но вина лежитъ не на составителяхъ его, сдѣлавшихъ изъ сыраго матеріала все возможное, а въ томъ, что собраніе у насъ статистическихъ свѣдѣній связано съ большими затрудненіями: громадность пространства, разбросанность населенія по самымъ разнообразнымъ закоулкамъ, подвижность его, а самое главное—не вездѣ и не всегда удовлетворительный подборъ низшихъ агентовъ, собирающихъ свѣдѣнія,—все это не можетъ не отразиться и на качествѣ собраннаго матеріала. При всемъ томъ, громадность и многосторонность данныхъ о слѣпотѣ въ Россіи позволяютъ весьма широкое пользованіе ими. Вотъ почему извлеченіе изъ труда гг. Аленицына и Сырнева не можетъ не представить нѣкотораго интереса для читателей и не навести ихъ на мысль о причинахъ и о возможныхъ мѣрахъ ограниченія существующаго зла.

Въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи числилось въ 1886 г. 173,745 слѣпыхъ или по 21 слѣпому на 10,000 жителей, почти въ 5 разъ болѣе, нежели въ Голландіи, въ 4 раза болѣе, нежели въ Австріи и Соединенныхъ Штатахъ, въ 3 раза болѣе, нежели въ Саксоніи, Даніи и Швейцаріи. Даже другія части Европейской Россіи представили болѣе благоприятное отношеніе: въ Царствѣ Польскомъ оказалось всего 5,353 слѣпыхъ или 7 че-

ловѣкъ на 10,000 жителей, на Кавказѣ — 10,774 или 15 слѣпыхъ на 10,000 жителей.

Изъ 50 губерній Европейской Россіи только Бессарабская, Гродненская и Петербургская, по своимъ относительно незначительнымъ процентамъ слѣпыхъ, приближаются къ менѣе благоприятнымъ западно-европейскимъ государствамъ. Другія губерніи безусловно превышаютъ ихъ размѣрами господствующей слѣпоты. Особенно печально положеніе Казанской губерніи, гдѣ на 10,000 жителей приходится 42 слѣпыхъ, Могилевской (38), Уфимской (35), Смоленской (34) и т. д. Знакомаясь съ распространеніемъ слѣпоты по уѣздамъ, мы встрѣчаемъ поистинѣ ужасающія цифры. Такъ, напримѣръ въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, Самарской губ., и Царевококшайскомъ, Казанской, 51 слѣпой (на 10,000 жит.), въ Глазовскомъ, Вятской губ., и Хвалынскомъ, Саратовской—52, въ Кольскомъ, Архангельской—53, въ Буинскомъ, Симбирской—68, въ Чебоксарскомъ, Казанской—73, а въ Цивильскомъ уѣздѣ, той же Казанской губ., невѣроятная цифра—95 слѣпыхъ на 10,000 жителей,—цифра, возможность которой не допустилъ бы ни одинъ изслѣдователь Западной Европы.

Изъ тѣхъ же матеріаловъ оказывается, что въ городахъ слѣпота встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ въ селахъ и деревняхъ. Такъ, напримѣръ, въ городахъ 50 губерній Европейской Россіи приходится одинъ слѣпой на 1,000 жителей, въ деревняхъ—одинъ на 435 жителей. Фактъ замѣчательный и въ высшей степени характерный. Въ Западной Европѣ слѣпые преобладаютъ среди городского населенія, такъ какъ въ городахъ существуетъ болѣе неблагоприятныхъ, предрасполагающихъ къ заболѣваніямъ глазъ, условій. Въ одной лишь Россіи положеніе сельскаго населенія такъ печально, что при условіяхъ работы на свѣжемъ воздухѣ, тѣмъ не менѣе, глаза чаще подвергаются заболѣваніямъ, влекущимъ за собой потерю зрѣнія.

Любопытно, что различныя національности даютъ не одинаковый процентъ слѣпыхъ: такъ, напримѣръ, на 10,000 приходится слѣпыхъ: у вотяковъ—83 человекъ, у нѣмцевъ—7 человекъ. Русскіе даютъ на то же число населенія 19 слѣпыхъ. Конечно, по отдѣльнымъ губерніямъ, а тѣмъ болѣе по уѣздамъ, эти проценты представляютъ рѣзкое колебаніе, но, какъ правило, наибольшій процентъ слѣпыхъ представляютъ инородцы.

Въ цѣляхъ практическихъ крайне важно опредѣленіе возраста слѣпыхъ и возраста потери ими зрѣнія. Съ приблизительною точностью можно утверждать, что слѣпые мужчины на половину приходятся въ возрастѣ отъ 20 до 60 лѣтъ. Конечно, наибольшее число слѣпыхъ приходится на возрастъ свыше 50 лѣтъ. Такъ, напримѣръ, 10,000 стариковъ и старухъ свыше 90 лѣтъ насчитываютъ въ своихъ рядахъ въ среднемъ 473 слѣпца, между тѣмъ какъ такое же число дѣтей до 5 лѣтъ—всего трехъ слѣпыхъ. Еще болѣе существенное значеніе имѣетъ вопросъ о возрастѣ, когда потеряно зрѣніе. Гг. Аленицынъ и Сырневъ даютъ безотрадный отвѣтъ: изъ 10 слѣпыхъ мужчинъ родились таковыми или ослабли вскорѣ послѣ рожденія всего 8 человекъ; въ возрастѣ отъ 0 до 5 лѣтъ потеряли зрѣніе—17,5; отъ 5 до

10 лѣтъ слѣпнеть уже только 3,2%. Въ болѣе старшихъ возрастахъ слѣпота поражаетъ значительно рѣже, но, начиная съ 45 лѣтъ, изъ 100 слѣпыхъ потеряло зрѣніе—39,2%; отъ 20 до 45 лѣтъ—19,5%; на остальные возрасты приходится 41,2% случаевъ потери зрѣнія. У женщинъ это отношеніе выражается немного иначе: среди нихъ ослѣпло изъ общаго числа слѣпыхъ до 20 лѣтъ—33,7; отъ 20 до 45 лѣтъ—24%; а на болѣе старыя возрасты приходится 42,3% случаевъ потери зрѣнія. Всѣ приведенныя цифры безотрады въ томъ отношеніи, что указываютъ, какая масса лицъ слѣпнеть не только въ возрастѣ наивысшаго разцвѣта ихъ духовныхъ и физическихъ силъ, но даже въ періодѣ ранняго дѣтства, когда пораженныхъ калѣкъ ожидаетъ долгая жизнь печальнаго прозябанія въ тягость себѣ и окружающимъ.

Въ чемъ лежатъ причины такого безпримѣрнаго распространенія слѣпоты въ Россіи?

Кроются ли онѣ въ неотвратимыхъ явленіяхъ внѣшней природы, въ тѣхъ или другихъ мѣстныхъ и климатическихъ особенностяхъ родной страны, или онѣ являются выразительнымъ итогомъ быта и обстановки, среди которой рождается, живетъ, работаетъ и умираетъ русскій народъ?

На поставленный вопросъ даютъ категорическіе, не допускающіе иного толкованія, отвѣты статистическія цифры гг. Аленицына и Сырнева. Изъ нихъ мы убѣждаемся, что слѣпота находится въ тѣсной связи съ культурнымъ уровнемъ народа, съ его экономическимъ, нравственнымъ, духовнымъ и умственнымъ богатствомъ. Въ этомъ лежитъ весь трагизмъ широкаго господства слѣпоты въ Россіи. Не изъ-за однихъ слѣпыхъ, даже не изъ-за всѣхъ русскихъ калѣкъ должны мы стремиться къ подъему культуры народа,—последняя сама по себѣ должна быть конечною цѣлью всякаго дѣятеля, которому близки интересы роднаго населенія. Но громадное число одержимыхъ физическими недугами лицъ должно служить для насъ энергическимъ стимуломъ къ дѣятельности, могучимъ показателемъ тѣхъ ненормальныхъ условій, въ которыя поставлена громадная часть русскаго народа,—бѣдности, невѣжества и духовной тьмы. Лишь при знакомствѣ съ этими факторами возможно широкое воздѣйствіе на всѣ стороны его жизни,—въ смыслѣ подъема его образованія и экономическаго благосостоянія съ надеждой на хорошій результатъ и въ санитарномъ отношеніи. Здоровый и просвѣщенный народъ будетъ имѣть меньше физически-убогихъ членовъ и число ихъ будетъ сокращаться соотвѣтственно устраненію повальной бѣдности и повальнаго невѣжества. Не въ рукахъ врачей и санитаровъ устраненіе этихъ печальныхъ факторовъ, но врачи ясно видятъ тѣсную связь причинъ и слѣдствій. Вотъ почему на нихъ и лежитъ обязанность всегда держать передъ обществомъ зеркало, въ которомъ отражается грустная дѣйствительность, и, показывая печальную картину, неустанно, не взирая на ропотъ окружающей толпы, громогласно требовать: «Licht, mehr Licht!»

Давно доказано, что, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, слѣпота можетъ быть предупреждена и низведена до относительно ничтожныхъ размѣровъ.

Докторъ Бершбаумеръ говоритъ, что если представить себѣ народъ, у котораго вполнѣ отсутствуетъ всякое санитарное устройство, то у него будетъ имѣть мѣсто «естественное количество» слѣпыхъ: 25 человекъ на 10,000 жителей. Это количество при недостаточныхъ санитарныхъ условіяхъ уменьшится противъ «естественнаго» до 15 человекъ. При удовлетворительныхъ санитарныхъ условіяхъ шансы ослѣпнуть падаютъ до размѣровъ 10 человекъ, а при хорошемъ санитарномъ устройствѣ даже до 6 человекъ на 10,000 жителей. Трое же слѣпыхъ на каждыя 10,000 душъ населенія представляютъ въ настоящее время неизбѣжную повинность человѣческаго общества. Изъ этихъ цифръ не трудно сдѣлать оцѣнку приведенныхъ нами данныхъ о Россіи. Они и позволяютъ настойчиво будить вниманіе общества и безпрерывно указывать причины, вызывающія упомянутыя нами явленія.

Такъ, напримѣръ, двѣ самыя частыя причины слѣпоты у дѣтей могутъ быть вполнѣ устранены при добромъ желаніи и достаточной энергіи. Одна изъ нихъ—*гноеточивое воспаленіе глазъ у новорожденныхъ*—безусловно устраняется крайне простымъ приемомъ, доступнымъ каждой повитухѣ; насколько часта эта причина, видно изъ того, что изъ 6,000 случаевъ слѣпоты, относительно которыхъ составителямъ отчета удалось получить приблизительныя свѣдѣнія о причинѣ потери зрѣнія, почти 14,000 случаевъ оказались «врожденною слѣпотой», которые почти безъ исключенія могутъ быть отнесены къ слѣдствіямъ гноеточиваго воспаленія глазъ. Еще болѣе печальны и часты случаи потери зрѣнія вслѣдствіе перенесенной оспы, каковыхъ ослѣпшихъ оказалось 22,558 человекъ. Нечего и говорить, что эти цифры указываютъ на чрезмѣрное распространеніе оспы,—болѣзни, находящейся въ тѣсной связи съ культурой народа. Человѣчество имѣетъ въ настоящее время въ рукахъ могучее средство для борьбы съ оспой въ рационально-организованномъ оспопрививаніи. Наши официальные отчеты тѣшатъ насъ милліонами ежегодно прививаемыхъ дѣтей, но при ближайшемъ знакомствѣ съ сущностью дѣла оказывается, что эти цифры фиктивны и фигурируютъ только на бумагѣ. Улучшеніе оспопрививанія не только уменьшитъ число слѣпыхъ, но избавитъ насъ и отъ множества другихъ страдальцевъ.

Не только дѣти, но и взрослые у насъ чрезмѣрно часто подвергаются опасности потерять зрѣніе; они теряютъ его не только по собственному невѣжеству, запуская ничтожныя, подчасъ легко поддающіяся излеченію страданія, но и по небрежности лицъ, которымъ ввѣрена участь массы людей; даже въ войскахъ ежегодно слѣпнуть многія сотни солдатъ, глаза которыхъ были бы спасены при мало-мальски серьезномъ отношеніи къ дѣлу.

Каждый слѣпой—тяжкая обуза для окружающихъ; въ большинствѣ случаевъ, слѣпота поражаетъ лицъ, живущихъ въ бѣдности, а потому несчастные, лишенные зрѣнія, не могутъ рассчитывать на поддержку со стороны своихъ родныхъ. Они должны сами изыскивать средства къ существованію, и изыскивать при условіяхъ, когда мускульный трудъ здоровыхъ людей часто не находитъ никакого приложенія и безплодно расточается въ безцѣльномъ кочеваніи, въ тщетныхъ поискахъ труда и заработковъ. По-

бная конкуренція, при которой вѣрпкій и здоровый работникъ за нищенскую плату, почти задаромъ, отдаетъ свой трудъ, особенно тяжела для бѣднаго, не имѣющаго почти никакой подготовки и обязаннаго бороться за существованіе при условіи крайняго неравенства силъ. Вотъ почему нельзя не поблагодарить составителей отчета за представленныя свѣдѣнія о средствахъ къ существованію, занятіяхъ и нищенствѣ слѣпыхъ. Окажется, что собственными средствами обладаетъ только десятая часть общаго числа ихъ; сословныя и благотворительныя общества призываютъ менѣе богатой части ихъ; остальные все находятся на попеченіи своихъ родныхъ. Нужно, впрочемъ, оговориться, что къ лицамъ, имѣющимъ собственныя средства, отнесены, на примѣръ, отставные солдаты, получающіе нищенскую пенсію, и т. под. Только одинъ изъ 34 слѣпыхъ имѣетъ какія-либо занятія. Сфера приложенія труда слѣпыхъ въ высшей степени разнообразна. Наиболѣе частое ихъ занятіе—витье веревокъ, плетенье лаптей и корзинъ, а одиночные представители слѣпыхъ мужчинъ фигурируютъ въ роли священнослужителей, псаломщиковъ, муллъ, чернорабочихъ, мельниковъ, огородниковъ, кузнецовъ, плотниковъ, столяровъ, слесарей, бондарей, шорниковъ, скорняковъ, кирпичниковъ, ткачей, шеточниковъ, часовыхъ мастеровъ, переводчиковъ, извожиковъ, настройщиковъ, табакочодовъ и даже сельскихъ учителей. Мы съ цѣлью выбрали столько примѣровъ дѣятельности слѣпыхъ для указаія, что при нѣкоторой подготовкѣ ихъ можно найти самымъ разнообразнымъ профессіямъ, сдѣлать ихъ самостоятельными тружениками и избавить отъ печальной обязанности невольныхъ паразитовъ, сосущихъ и безъ того тощее русское крестьянство, дающее наибольшее число слѣпыхъ.

Одна изъ формъ жалкаго паразитизма слѣпыхъ—нищество развито въ особенно широкихъ размѣрахъ, причемъ замѣчается, что мужчины чаще женщинъ прибѣгаютъ къ нему. Въ то время, какъ только 18% слѣпыхъ женщинъ прибѣгаютъ къ подаянію, изъ мужчинъ почти четверть отдается нищенскому промыслу. Исключительно подаяніемъ живетъ 14% слѣпыхъ мужчинъ и немного менѣе 10% слѣпыхъ женщинъ.

Этимъ мы закончимъ характеристику слѣпыхъ въ Россіи. Думаемъ, что въ благо изложенія вполне достаточно, чтобы читатель могъ себѣ представить, какое множество увѣчныхъ братій и сестеръ влачатъ жалкое существованіе, не зная радостей, лишены величайшаго блага—самостоятельнаго труда. Пора, давно пора подумать о нихъ. Для желающаго всегда открыта возможность широкой помощи несчастнымъ, но раньше необходимо проникнуться сознаніемъ, что только воздѣйствіемъ на среду, изъ которой выходятъ увѣчные, можно уменьшить число послѣднихъ. Сѣйте умственный свѣтъ въ темной массѣ, распространяйте среди нея знанія, заботьтесь о ея духовномъ, нравственномъ и матеріальномъ благѣ и... въ суммѣ уменьшится число лицъ, лишенныхъ возможности наслаждаться солнечнымъ свѣтомъ. «Licht, mehr Licht!»

Г. Герценштейнъ.

Диллетантизмъ въ шекспировской критикѣ.

(В. Чуйко: „Шекспиръ, его жизнь и произведенія“. Спб., 1889 г.
Изданіе А. С. Суворина).

Г. Чуйко выпало на долю рѣдное счастье: онъ нашелъ издателя, который издалъ его книгу хорошо, даже роскошно, украсилъ ее прекрасными гравюрами и при помощи своей газеты и книжныхъ магазиновъ съумѣлъ пустить ее въ ходъ, несмотря на довольно высокую цѣну. Едва книга г. Чуйко успѣла выйти въ свѣтъ, какъ въ *Новомъ Времени* (отъ 25 ноября 1888 г.) появилась восторженная статья о ней г. Буренина, гдѣ она называлась произведеніемъ замѣчательнымъ, трудомъ превосходнымъ, который даже за границей доставилъ бы хорошую репутацію своему автору, а у насъ сразу выдвинулъ его въ первые ряды критиковъ. Осыпая книгу г. Чуйко самыми лестными похвалами, критикъ высказывалъ опасеніе, что у насъ ее замолчатъ въ ежемѣсячныхъ журналахъ, либо обратятъ на нее мало вниманія. Но эти опасенія оказались неосновательными: съ легкой руки г. Буренина, и другіе рецензенты высказались о книгѣ г. Чуйко если и не такъ восторженно, то, во всякомъ случаѣ, весьма лестно. Теперь, когда первое увлеченіе прошло, когда успѣхъ книги кажется обезпеченнымъ, время исполнить по отношенію къ ней долгъ критики, время отдать себѣ отчетъ въ ея достоинствахъ и недостаткахъ, отдѣлить въ ней пшеницу отъ плевель.

Чтобы быть справедливымъ къ г. Чуйко, не слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, предъявлять къ его книгѣ тѣхъ требованій, которыя критика вправдѣ предъявлять къ ученымъ изслѣдованіямъ. Самъ восторженный пангиристъ г. Чуйко замѣчаетъ, что его сочиненіе отчасти носитъ на себѣ характеръ добросовѣстной и обстоятельной компиляціи, хотя оно и не лишено оригинальнаго критическаго взгляда. «Въ трудѣ г. Чуйко, — говоритъ г. Буренинъ, — именно то и дорого, что онъ относится съ строгою разборчивостію и къ фактамъ, заимствуемымъ изъ многочисленныхъ біографій англійскаго поэта, и къ оцѣнкамъ его произведеній, сдѣланнымъ европейскими критическими авторитетами. Въ группировкѣ фактовъ, въ ихъ освѣщеніи, въ выборѣ критическихъ оцѣнокъ, наконецъ, въ ихъ истолкованіи — вездѣ

нашъ авторъ старается установить правильную точку зрѣнія, чуждую крайностей, вездѣ онъ пользуется чужимъ матеріаломъ съ осторожностью и опытностью внимательнаго изслѣдователя». Если бы книга г. Чуйко обладала на самомъ дѣлѣ хоть половиной тѣхъ достоинствъ, которыми ее такъ щедро надѣляетъ великодушный критикъ, то намъ ничего не оставалось бы больше, какъ присоединить свой голосъ къ хору хвалебныхъ голосовъ, дирижируемому г. Буренинымъ; но, къ сожалѣнію, внимательное чтеніе книги г. Чуйко привело насъ къ другимъ взглядамъ, съ которыми считаемъ долгомъ подѣлиться съ читателями, напередъ прося у нихъ извиненія въ томъ, что статья наша приметъ характеръ мелкихъ замѣтокъ, условливаемый самымъ свойствомъ предстоящей намъ задачи.

Напрасно думаютъ, что написать для большой публики книгу о какомъ-нибудь классическомъ иностранномъ писателѣ дѣло легкое, что для этого не нужно никакихъ особыхъ талантовъ, что достаточно взять нѣсколько хорошихъ сочиненій о немъ, выбрать изъ нихъ все лучшее—и дѣло въ шляпѣ. Увы, всего этого слишкомъ недостаточно. Чтобы справиться съ этою на первый взглядъ легкою задачей, нужно стоять на современномъ уровнѣ науки, умѣть обращаться съ самыми источниками и, кромѣ того, обладать вкусомъ и критическимъ тактомъ. Только обладая всѣми этими качествами, авторъ можетъ выработать себѣ самостоятельный критическій взглядъ, съ помощью котораго онъ съумѣетъ критически отнестись къ мнѣніямъ другихъ критиковъ и выбрать изъ ихъ сочиненій все существенное и достовѣрное. Отъ составителя популярной книги мы не вправѣ требовать сообщенія новыхъ фактовъ или новаго ихъ освѣщенія, но мы имѣемъ полное право требовать, чтобы онъ сообщалъ намъ только твердыя, критически проверенныя данныя, чтобы въ сужденіяхъ своихъ онъ дѣйствительно стоялъ на современномъ уровнѣ науки. Насколько разбираемая книга удовлетворяетъ этимъ необходимымъ условіямъ хорошаго популярнаго сочиненія, покажетъ дальнѣйшее изложеніе.

Главное, что поражаетъ въ трудѣ г. Чуйко, это—отсутствие строго-опредѣленнаго плана. Задумавъ написать на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій популярную книгу о Шекспирѣ, авторъ не вполне уяснилъ себѣ свою задачу, не опредѣлилъ себѣ точно, что должно входить въ подобнаго рода сочиненія, и, вслѣдствіе этого, внесъ въ свой трудъ много ненужнаго балласта. Къ чему, напримѣръ, эти длинныя экскурсіи въ область эстетики (по поводу различныхъ опредѣленій юмора) или въ область сравнительной исторіи (по поводу источниковъ *Венеціанскаго купца*, *Троила и Крессиды* и т. д.)? Зачѣмъ публикѣ знать всѣ гипотезы автора относительно года созданія той или другой пьесы? Всѣ эти вещи, какъ бы онѣ ни были хороши сами по себѣ, неумѣстны въ сочиненіи, предназначенномъ для большаго круга читателей, а, между тѣмъ, онѣ увеличиваютъ собою уже и безъ того значительный объемъ книги (книга г. Чуйко заключаетъ въ себѣ 662 страницы въ большую осьмушку) и, что еще хуже, отвлекаютъ автора отъ многихъ существенныхъ сторонъ его задачи. Посвятить десятки страницъ

странствующимъ сказаніямъ или различнымъ опредѣленіямъ юмора и характеристикъ его главнѣйшихъ представителей, авторъ не нашелъ возможнымъ удѣлить болѣе страницы шекспировскимъ шутамъ и клоунамъ и отвелъ всего четыре страницы характеристикъ созданныхъ Шекспиромъ женскихъ типовъ. Подобныхъ несообразностей не было бы, если бы авторъ напередъ точно опредѣлялъ планъ и границы своего труда.

Слѣдуя плану г. Буренина, мы сначала рассмотримъ фактическую сторону книги г. Чуйко, а потомъ перейдемъ къ оцѣнкѣ взглядовъ и критическихъ приѣмовъ автора. Не во гнѣвъ будь сказано г. Буренину, въ книгѣ г. Чуйко мы не нашли и слѣдовъ той строгой разборчивости по отношенію къ сообщаемымъ фактамъ, которая приводитъ въ такой восторгъ критика. Въмѣсто этого, мы натолкнулись на цѣлый рядъ ошибокъ, неточностей и всякаго рода несообразностей, происходящихъ либо отъ небрежности и отсутствія критики, либо отъ плохого знанія англійскаго языка и литературы. Приведемъ на выдержку нѣсколько примѣровъ. Книгѣ г. Чуйко предпослано обширное введеніе, въ которомъ сообщаются свѣдѣнія объ источникахъ для біографіи Шекспира, о первыхъ біографахъ и издателяхъ его произведеній и т. д. Говоря о писателяхъ XVII в., упоминающихъ о Шекспирѣ, авторъ замѣчаетъ: «все, что встрѣчается въ *изданіяхъ* Филиппа, Устенлея, Лэнгбена, Блоунта, Гильдона *), не заслуживаетъ вниманія» (стр. 5). Здѣсь въ двухъ строкахъ двѣ неточности. Начать съ того, что, за исключеніемъ Эдварда Блоунта, печатавшаго первое in folio, изданное подъ редакціей Геминджа и Конделла, ни одинъ изъ названныхъ писателей не можетъ быть названъ издателемъ произведеній Шекспира. Во-вторыхъ, едва ли справедливо упрекать этого Блоунта въ томъ, что онъ не сообщаетъ ничего заслуживающаго вниманія о Шекспирѣ, такъ какъ извѣстно, что онъ никогда не написалъ ни одной строки о Шекспирѣ. Перевернувъ страницу, наталкиваемся на новый курьезъ. «Какой-нибудь завалывшійся клочекъ бумаги,—пучаетъ г. Чуйко,—приобрѣтаетъ въ глазахъ антикварія необыкновенную важность, если этотъ клочекъ бумаги свидѣтельствуешь о томъ, что Вильяму Шекспиру уплачено впередъ три шиллинга за передѣлку десяти старыхъ пьесъ репертуара» (стр. 7). Авторъ не сообщаетъ, откуда онъ позаимствовалъ приводимое имъ свѣдѣніе; если у Коллера, то ему слѣдовало бы знать, что это свѣдѣніе, равно какъ и упоминаемое имъ на стр. 122, впервые обнародованное Коллеромъ, свидѣтельство верховнаго совѣта, доказывающее, что уже въ 1589 г. Шекспиръ былъ однимъ изъ актеровъ-пайщиновъ Блаффрайерскаго театра, давно признаны критикой подложными. На стр. 13, перечисляя по именамъ актеровъ, выступавшихъ въ XVI и XVII вв. въ пьесахъ Шекспира, г. Чуйко говоритъ, что мы не знаемъ, какія амплуа исполняли Геминджъ и Конделлъ. Это утвержденіе, по крайней мѣрѣ, относительно послѣдняго, не

*) У автора стоятъ Джильдонъ. Вообще произношеніе собственныхъ именъ сильно хромаетъ у г. Чуйко. Онъ пишетъ Барвикшайръ, вмѣсто Уоррикширъ (Warwickshire), Уардъ, вмѣсто Уордъ (Ward), Джебелъ, вмѣсто Джуэлъ (Jewell), и т. д.

вѣрно: въ известной книгѣ Колльера *Memoirs of the Principal Actors in the plays of Shakespeare* названы всѣ пьесы, въ которыхъ игралъ Конделль и какія роли онъ исполнялъ въ нихъ; отсюда авторъ могъ бы также узнать, что актеръ Джозефъ Тейлоръ, котораго онъ считаетъ трагикомъ, былъ столько же и комикъ, ибо онъ игралъ комическія роли въ пьесахъ Бэнъ-Джонсона, что знаменитому Ричарду Борбеджу нечего было, какъ утверждать г. Чуйко (стр. 119), перебѣгать изъ театра въ театръ, потому что онъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ былъ собственникомъ Блэкфрайерскаго театра и однимъ изъ главныхъ пайщиковъ имъ же построеннаго театра Глобусъ. Мы нисколько не сомнѣваемся, что Борбеджи (отецъ и сынъ) очень цѣнили Шекспира, соединявшаго въ себѣ таланты актера и драматурга, но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы они употребили относительно Шекспира выраженіе *deserving man* (почтенный человекъ), приводимое г. Чуйко на стр. 170 своей книги, по той простой причинѣ, что въ XVI в. слово *deserving* не было, какъ въ современномъ англійскомъ языкѣ, прилагательнымъ, а существительнымъ. Откуда заимствованъ авторомъ этотъ отзывъ, мы не знаемъ, такъ какъ г. Чуйко рѣдко дѣлаетъ ссылки, но только его нѣтъ въ изданномъ новымъ Шекспировскимъ обществомъ двухтомномъ сборникѣ *), гдѣ помѣщены въ хронологическомъ порядкѣ всѣ отзывы о Шекспирѣ за цѣлое столѣтіе, начиная съ 1592 г. Въ виду скудости біографическихъ свѣдѣній о Шекспирѣ, въ высшей степени важны отзывы современниковъ, людей, лично знавшихъ великаго поэта. При передачѣ этихъ отзывовъ нужно соблюдать большую осторожность: не сообщать того, что заподозрѣно новѣйшею критикой, самые отзывы приводить съ дипломатическою точностью, не приписывать одному лицу отзывъ другаго и т. д. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи нашъ авторъ отличается особою небрежностью. Такъ, на примѣръ, на стр. 196—197 онъ приводитъ in extenso мнимый отзывъ лорда Саутамптона о Шекспирѣ, который самъ признаетъ подложнымъ. Сообщая на стр. 634—635 крайне любопытный отзывъ Бэнъ-Джонсона о Шекспирѣ, авторъ, конечно, по небрежности, дозволяетъ себѣ нѣкоторыя уклоненія отъ подлинника **). Далѣе, на стр. 225, г. Чуйко приводитъ никому неизвѣстный отзывъ о Шекспирѣ Томаса Наша, который будто бы утверждаетъ, что если бы Шекспиръ, вмѣсто сочиненія пьесъ, продолжалъ бы писать стихотворенія въ духѣ Петрарки, то сдѣлался бы величайшимъ поэтомъ своего времени. Кто въ данномъ случаѣ подшутилъ надъ нашимъ авторомъ—не можемъ догадаться; скорѣе всего Филереть Шаль, который въ своихъ *Etudes sur Shakspeare* (р. 359) влагаетъ нѣчто подобное въ уста Томаса Наша, котораго онъ избралъ путешественникомъ въ своемъ фантастическомъ посѣщеніи театра Глобусъ въ 1613 г. Известно, что Томасъ Нашъ намекаетъ на Шекспира всего два

*) *Shakespeare's „Century of Praise“*. London, 1879—1886. 2 vol.

**) Бэнъ-Джонсонъ, между прочимъ, говоритъ, что Шекспиръ, кромѣ превосходной фантазіи и обиліи свѣдѣній, обладалъ еще даромъ изящной рѣчи (*had gentle expressions*), а г. Чуйко переводитъ это выраженіе словами: *онъ имѣлъ шедрую руку*.

раза (намекъ на Гамлета, относящійся къ 1587 г., отвергнуть новѣйшему критикой, какъ не относящійся къ шекспировскому Гамлету), причѣмъ послѣдній намекъ (въ *Pierce Penniless*) относится къ 1592 г., когда Шекспиръ едва ли что писалъ въ духѣ Петрарки.

Скучность имѣющихся въ ихъ распоряженіи біографическихъ данныхъ біографы Шекспира восполняютъ картинами провинціальной и столичной жизни въ эпоху Шекспира, характеристикой эпохи, описаніемъ театральныхъ порядковъ и т. п. Этого приѣма держится и г. Чуйко и безъ всякой церемоніи заимствуетъ цѣлыя тирады у Голлиуэля, Ф. Шаля и другихъ авторовъ, во многихъ случаяхъ даже не указывая на источникъ. Но это еще не большая бѣда. Специалисты и безъ того догадаются, откуда взята та или другая подробность, тотъ или другой анекдотъ; для большой же публики рѣшительно все равно, отъ себя ли говоритъ авторъ, или за спиной Ивана Ивановича стоитъ кто-нибудь другой. Бѣда въ томъ, что г. Чуйко по временамъ заимствуетъ вещи ни для кого не интересныя и не имѣющія никакого отношенія къ Шекспиру. Кому, напримѣръ, нужно сообщаемое авторомъ (на стр. 60) извѣстіе, что въ домѣ дѣда Шекспира, по матери Роберта Ардена, утирались, вмѣсто полотенца, тряпками, да еще грязными, что работники рѣдко мыли руки и чесали головы *). Еще болѣе неумѣстенъ анекдотъ (стр. 106) о томъ, что Шекспиръ въ молодости бражничалъ на пари, что онъ и его стрѣтфордскіе товарищи въ одномъ изъ такихъ состязаній потерпѣли поражение отъ бѣдфордскихъ пьяницъ и свалились подъ яблони, гдѣ и проспали до утра. Анекдотъ этотъ, впервые сообщенный Айрлендомъ, давно упраздненъ за негодностью и встрѣтить его въ первомъ русскомъ трудѣ о Шекспирѣ столько же странно, какъ встрѣтить опроверженіе того, что поэтъ былъ хромъ (стр. 65). Правда, что Шекспиръ въ своихъ сонетахъ говоритъ о своей хромотѣ, что одинъ изъ комментаторовъ XVIII в. (если не ошибаемся, Кэпелль) на основаніи этого утверждалъ, что Шекспиръ имѣлъ несчастье немного прихрамывать, но критика давно уже доказала, что слово *lameless* въ сонетахъ употреблено не въ смыслѣ физической хромоты, а въ смыслѣ нравственной немощности или беспомощности. Не понимаемъ, зачѣмъ понадобилось автору снова подымать этотъ вопросъ и опровергать то, что давно опровергнуто и забыто. Неужели для того, чтобъ съ наивнымъ самодовольствомъ воскликнуть: «такимъ образомъ я возстановляю репутацію (?) поэта, котораго слишкомъ усердные комментаторы усиленно старались сдѣлать хромымъ»? И—странное дѣло!—хромота, всѣми признаваемая за несчастье, не могущее бросить тѣнь на репутацію человѣка, кажется нашему автору порокомъ, отъ котораго онъ во что бы то ни стало хочетъ освободить Шекспира, тогда какъ, наоборотъ, въ пьянствѣ онъ, повидимому, не видитъ ничего предосудительнаго и выкапываетъ давно забытый анекдотъ, доказывающій,

*) Голлиуэль, у котораго почти дословно заимствована картина домашней жизни Арденовъ, ничего не говоритъ объ этихъ тряпкахъ. Очевидно, онъ введенъ авторомъ для вящаго эффекта.

Шекспиръ въ молодости былъ отчаянный собутыльникъ. Попытку стать самостоятельную точку зрѣнія г. Чуйко въ особенности обнаруживаетъ въ отношеніи къ двумъ темнымъ вопросамъ біографіи Шекспира—вопросу о его религіозныхъ убѣжденіяхъ и вопросу объ его женитьбѣ. Авторъ справедливо замѣчаетъ (стр. 653), что въ своихъ религіозныхъ мировоззреніяхъ Шекспиръ не только перешагнулъ черезъ католичество, но и черезъ протестантизмъ, что ему казались мелкими и папа, и Лютеръ, и Кальвинъ, но къ такому взгляду на религію, раздѣляемому гуманистами, Шекспиръ не могъ придти сразу; любопытно доискаться, подъ какими вліяніями онъ выросъ и въ какой степени эти вліянія отразились на его раннихъ произведеніяхъ. «Русская критика,—говоритъ г. Чуйко,—тѣмъ болѣе имѣть права взяться за разрѣшеніе этого вопроса, что она находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ критика нѣмецкая, французская или даже англійская. Не заинтересованная лично въ разрѣшеніи вопроса въ ту или другую сторону, она болѣе спокойно, болѣе безпристрастно можетъ взвѣсить аргументы обѣихъ сторонъ» (стр. 93). Посмотримъ же, какъ нашъ критикъ воспользовался выгодами своего положенія и насколько самостоятельно и безпристрастно онъ отнесся къ аргументамъ какъ протестантовъ, такъ и католиковъ. Прежде всего, замѣтимъ, что, на нашъ взглядъ, вопросъ о религіозныхъ убѣжденіяхъ Шекспира въ молодости не такъ простъ, какъ онъ представляется г. Чуйко. Если бы дѣло состояло только въ томъ, чтобы въ рѣшеніи его стать выдѣлить религіозныхъ предразсудковъ, то, вѣроятно, и въ Западной Европѣ нашлись бы люди, одаренные этимъ преимуществомъ; если же они до сихъ поръ продолжаютъ радикально расходиться между собой, то это, главнымъ образомъ, объясняется трудностью самаго вопроса и положительнымъ отсутствіемъ матеріала для его категорическаго рѣшенія. Не нужно упускать изъ вида, что по отношенію къ религіозному вопросу Англія XVI в. находилась въ исключительномъ положеніи. Въ нѣсколько десятковъ лѣтъ государственная власть трижды мѣняла религію страны, и каждый разъ господствующая церковь преслѣдовала диссидентовъ: при Генрихѣ VIII подвергались преслѣдованію католики, при Маріи Тюдоръ—протестанты, при Елисаветѣ—и католики, и крайніе протестанты (пуритане). Результатомъ такихъ частыхъ перемѣнъ религій было то, что большинство населенія не было искренно привязано, не успѣвало сжиться ни съ католицизмомъ, ни съ протестантизмомъ. По словамъ Маколея, «англичане XVI в. твердо держались тѣхъ догматовъ, которые общи католическому и протестантскому богословію, но они не имѣли установившагося мнѣнія относительно пунктовъ несогласія между церквями; иногда они были протестантами, иногда католиками, иногда на половину протестантами, на половину католиками». Таковъ былъ, по всей вѣроятности, и отецъ Шекспира, Джонъ Шекспиръ, бывший католикомъ при Маріи и перешедшій, повидимому, безъ особой душевной борьбы въ протестантизмъ. Но г. Чуйко думаетъ иначе. Идя по стопамъ Голлиуэля (*Life of Shakspeare*, vol. I, p. 37), онъ утверждаетъ,

что Джонъ Шекспиръ только внѣшнимъ образомъ присоединился къ установленной протестантской церкви, что онъ продолжалъ оставаться въ душѣ католикомъ и что католическою атмосферой его домашняго очага объясняются католическія симпатіи Шекспира и его отрицательное отношеніе къ протестантизму. Ища подтвержденія своего мнѣнія въ произведеніяхъ Шекспира, авторъ находитъ (стр. 96—97), что протестанты вообще и британе въ особенности выставлены у Шекспира въ крайне непривлекательномъ свѣтѣ, составляютъ для него предметъ насмѣшекъ, иногда очень дѣловительныхъ (пасторъ Эвансъ въ *Виндзорскихъ кумушкахъ*, пасторъ Николасъ въ *Бесплодныхъ усиліяхъ любви*), тогда какъ, наоборотъ, къ представителямъ католическаго духовенства онъ относится съ нескрываемымъ уваженіемъ. «Въ его произведеніяхъ,—говоритъ г. Чуйко,—нѣтъ ни одной комической фигуры католическаго священника. Отецъ Лоренцо въ *Ромео и Джульеттѣ*—лицо, внушающее глубокое уваженіе къ себѣ своимъ великодушнымъ характеромъ». Не отрицая, что отецъ Лоренцо очень почтенный человѣкъ и что Шекспиръ въ своихъ произведеніяхъ относится отрицательно къ протестантскому духовенству вообще и къ пуританамъ въ особенности (еще бы ему любезничать съ людьми, которые хотѣли стереть съ лица земли театры, считая ихъ дьявольскимъ учрежденіемъ!) мы полагаемъ, однако, что заключать отсюда о католическихъ симпатіяхъ Шекспира нѣсколько рискованно. Напомнимъ г. Чуйко, что въ *Короля Иоаннѣ*, написанномъ раньше *Ромео и Юліи*, стало быть, въ то время когда Шекспиръ долженъ былъ сильнѣе испытывать на себѣ вліяніе католической семьи, католическому духовенству досталось еще сильнѣе, чѣмъ протестантскому. Здѣсь Шекспиръ вывелъ въ крайне непривлекательномъ свѣтѣ представителя макіавелистической политики, папскаго легата кардинала Пандульфо, заставилъ католическаго монаха, наперекоръ исторіи, отравить короля и въ заключеніе вложилъ въ уста героя пьесы такіа выходки противъ самого папы, которыя, навѣрное, разсорили бы Шекспира съ его католическою семьей. Въ отвѣтъ на вопросъ Пандульфо, дерзнувшаго отъ имени папы спросить короля, на какомъ основаніи онъ выгналъ съ своего поста архіепископа кэнтербѣрійскаго Стефана Лангтона, раздѣвленный король воскликнулъ: «Да развѣ есть на землѣ сила, которая можетъ подвергнуть допросу помазанника Божія? Ты не могъ, кардиналъ, придумать имени болѣе ничтожнаго, недостойнаго, смѣшнаго, какъ имя папы. Пусть другіе короли, опасаясь проклятія, отъ котораго можно откупиться деньгами, позволяютъ водить себя за носъ папѣ-интригану и подерживаютъ своими деньгами это шарлатанство,—я одинъ встаю противъ папы и считаю всѣхъ его друзей своими врагами». Замѣчательно, что подобныя выходки противъ папства, невозможныя для искренняго католика, попадаются какъ въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ Шекспира (*Титъ Андроникъ*, *Генрихъ VI*, *Генрихъ V*), такъ и въ самыхъ позднихъ (*Генрихъ VIII*). Въ послѣдней пьесѣ Шекспиръ превозноситъ до небесъ горделивостіи католиковъ королеву Елисавету и влагаетъ въ уста ея прина-

, архіепископа Кранмера, невозможныя для католика слова: «въ ея царствованіе люди познають Бога во истинѣ» (In her days God shall be tru-know'n). Разуѣется, обо всѣхъ этихъ фактахъ г. Чуйко благоразумно галчиваетъ, потому что они стѣснили бы самостоятельность его сужденій, если мы привели ихъ, то не для того, чтобы настаивать на протестантизмѣ Шекспира, а для того, чтобы показать, что нашъ критикъ не только изучилъ вопросъ, чтобы, пользуясь выгодами своего нейтральнаго положенія, сказать европейскимъ критикамъ Шекспира свое вѣское отрезвляющее слово.

Если отбросить обоюдоострое свидѣтельство произведеній Шекспира, то единственнымъ прибѣжищемъ для лицъ, желающихъ во что бы то ни стало дѣлать Шекспира католикомъ, остаются два документа: *Исповданіе* епископа Джона Шекспира и свидѣтельство какого-то Ричарда Дэвиса, что Шекспиръ умеръ папистомъ. Первый изъ этихъ документовъ давно признанъ ложнымъ, и самъ г. Чуйко (стр. 95) замѣчаетъ, что вопросъ объ его подлинности остается нерѣшеннымъ. Что касается втораго, то хотя подлинность замѣтки Дэвиса не подлежитъ сомнѣнію, но ей нельзя придавать большого значенія въ виду того, что Дэвисъ, умершій въ 1708 г., стало быть, почти столѣтіе послѣ Шекспира, могъ написать ее только по слухамъ и, главнымъ образомъ, потому, что для пуританина-фанатика, какимъ былъ Дэвисъ, всякій не-пуританинъ былъ не только папистомъ, но даже допоклонникомъ. На этомъ основаніи мы, вопреки г. Чуйко, думаемъ, что этотъ документъ не можетъ служить лишнимъ доказательствомъ приверженности семьи Шекспировъ къ католической церкви. Подобнымъ же отсутствіемъ неточности отличается рассказъ г. Чуйко о женитьбѣ Шекспира. Вместо того, чтобы изложить современное состояніе этого вопроса, авторъ в то же время пересыпаетъ факты своими нерѣдко противорѣчащими другъ другу догадками, что читатель рѣшительно становится въ тупикъ, не зная, чему вѣрить и какъ смотрѣть на этотъ рѣшительный шагъ въ жизни Шекспира. Но, въ самомъ дѣлѣ, дѣлать бѣдному читателю, если ему говорить въ одно мѣстѣ (стр. 100), что бракъ 19-ти лѣтняго Шекспира съ 26-ти лѣтнею Анной Гесвѣ былъ устроенъ родными невѣсты и что родителями поэта былъ встрѣченъ не особенно благосклонно; въ другомъ, что и родные невѣсты не были расположены къ этому браку (стр. 101); въ третьемъ— что мать Шекспира не была нисколько недовольна бракомъ сына (стр. 100), въ четвертомъ, что вообще родители Шекспира не были противъ брака, но не объявляли о немъ потому, что онъ былъ совершенъ нелегально, въ католической церкви, и они боялись огласки подобнаго обстоятельства (id.)?

Слѣдить за ошибками автора на всемъ протяженіи его труда было бы столько же скучнымъ для насъ, сколько и утомительнымъ для читателей. Чтобы покончить съ фактической стороной книги г. Чуйко, приемъ изъ нея на выдержку нѣсколько грубыхъ ошибокъ и неточностей, надеждѣ, что авторъ исправитъ ихъ при второмъ изданіи. На стр. 21

(въ концѣ) г. Чуйко называетъ *The Mirror of Martyrs* Уивера пьесой, тогда какъ это поэма, а не пьеса; на стр. 35, рассказавъ о томъ, что Лейстеръ отравилъ лорда Эссекса, чтобы жениться на его женѣ, г. Чуйко замѣчаетъ, что это преступленіе не только извинялось, но даже узаконивалось правами высшаго общества того времени. Смѣешь увѣрить автора, что не только въ Англіи, но даже въ Италіи XVI в., гдѣ гораздо чаще, чѣмъ въ Англіи, прибѣгали къ яду, чтобъ избавиться отъ стоящаго на дорогѣ чело- выка, это преступленіе считалось за гнусное убійство; въ Англіи же за него полагалась висѣлица. На стр. 134 авторъ ошибочно приписываетъ извѣстную пьесу Мессинжера *Герцога Миланскій* Миддלטону, а на стр. 142 не менѣе ошибочно причисляетъ драматурговъ шекспировской школы Бомонта и Флетчера (изъ нихъ послѣдняго называли вторымъ Шекспиромъ) къ шко- лѣ Бэнъ-Джонсона. На стр. 163 г. Чуйко увѣряетъ, что Гринъ, сдѣлав- шись вышедшимъ изъ моды антикомъ, впалъ въ нищету, которая будто бы и привела его къ полному нравственному паденію, тогда какъ дѣло было совершенно наоборотъ: нищета Грина была слѣдствіемъ его пьянства и разгульной жизни, а послѣдняя въ свою очередь вытекала изъ его нрав- ственнаго паденія; онъ впалъ въ нищету не потому, что его произведенія перестали нравиться публикѣ, а потому, что быстро прокучивалъ зараба- ваемыя деньги и вѣчно жилъ въ долгъ. Томасъ Нашъ, его пріятель и со- бутельникъ, лучше знавшій его, чѣмъ г. Чуйко, свидѣтельствуетъ, что книгопродавцы очень дорожили его работой и охотно платили за нее хоро- шія деньги (см. нашу книгу, *Робертъ Гринъ*, стр. 8). На стр. 197, гово- ря о тавернѣ *Морской Дѣвы* (Mermaid), бывшей своего рода литератур- нымъ клубомъ, въ которомъ сходились и обмѣнивались мыслями поэты, актеры и художники эпохи Шекспира, г. Чуйко замѣчаетъ: «нѣтъ ничего невѣроятнаго, что въ этомъ модномъ клубѣ Шекспиръ былъ представленъ лорду Саутамптону и что это знакомство продолжалось и впослѣдствіи». Напротивъ, совершенно невѣроятно, ибо таверна Mermaid была основана, какъ это значитъ въ книгѣ г. Чуйко (стр. 663) сэромъ Уальтеромъ Рэле- емъ только въ 1603 г., тогда какъ Шекспиръ сблизился съ молодымъ лор- домъ, по крайней мѣрѣ, десять лѣтъ раньше, что доказывается посвященіемъ Саутамптону обѣихъ его поэмъ *Венера и Адонисъ* и *Лукреція*, изъ которыхъ первая вышла въ свѣтъ въ 1593, г. а вторая въ 1594 г. На стр. 332, говоря объ отношеніяхъ Шекспира къ Бэнъ-Джонсону, авторъ приво- дить изъ *Discoveries* Бэнъ-Джонсона слѣдующія слова: «я любилъ этого чело- вѣка и чту его память, какъ никто», и при этомъ заключаетъ: «но эта привязанность и уваженіе относились только къ личности поэта, а не къ его произведеніямъ, такъ какъ сейчасъ послѣ этой *строфы* слѣдуетъ отзы- въ не совсѣмъ одобрительный о пьесахъ Шекспира». Употребленное здѣсь слово *строфа* показываетъ, что г. Чуйко и въ глаза не видалъ сочиненія, о которомъ онъ толкуетъ, иначе онъ не могъ бы считать прозаическій трактатъ поэмой, написанной строфами. Приведенныхъ примѣровъ, полага- емъ, достаточно для утвержденія, что къ фактической сторонѣ своего труда

г. Чуйко отнесся весьма небрежно и что онъ во всякомъ случаѣ не заслужилъ аттестата въ добросовѣстности и осторожности, выданнаго ему на вѣру критикомъ *Новаго Времени*.

Что г. Буренинъ, никогда, повидимому, не занимавшійся Шекспиромъ, могъ просмотрѣть фактическіе промахи, которыми кишитъ книга г. Чуйко, — это вполне понятно, но для насъ становится положительною загадкою, какъ такой опытный критикъ могъ просмотрѣть слабыя стороны критической части труда г. Чуйко, какъ его не поразили отсутствіе исходной точки, послѣдовательности и вся та масса несообразностей, противорѣчій, которыя показываютъ, что автору не подъ силу взятая на себя задача, что онъ не въ состояніи отнестись съ строгою разборчивостью къ оцѣнкамъ произведеній Шекспира, сдѣланнымъ западными учеными, и выбрать изъ нихъ все дѣйствительно лучшее. Повидимому, стоя на эстетической точкѣ зрѣнія, видя въ Шекспирѣ, прежде всего, художника и высказывая по этому поводу много дѣльнаго, авторъ по временамъ совершенно неожиданно переходитъ въ лагеръ нѣмецкой метафизической критики и, подавая руку Ульрици и Ретшеру, принимается, подобно имъ, отыскивать въ драмахъ Шекспира такъ называемыя основныя идеи. Разница между ними состоитъ въ томъ, что у нѣмецкихъ критиковъ подъ основною идеей разумѣется философская или этическая формула, которую Шекспиръ будто бы хотѣлъ доказать своею драмой, тогда какъ у г. Чуйко основная идея есть ничто иное, какъ общій смыслъ пьесы, по его мнѣнію, воплощаемый въ одной или двухъ личностяхъ. Какъ, идею трилогіи *Генрихъ VI* онъ видитъ въ параллелизмѣ двухъ характеровъ Маргариты Анжуйской, какъ представительницы Алой Розы, и Ричарда Глостерскаго, какъ представителя Бѣлой Розы (стр. 189); въ *Потерянныхъ усиліяхъ любви* основная идея пьесы воплощается въ личности Бирона, «который тоже принимаетъ участіе въ идеалистическомъ проклятіи своихъ друзей, но въ полной увѣренности, что современемъ вся эта печтательная постройка обрушится на ихъ же головы и сдѣлаетъ ихъ смѣшными» (стр. 249). Основная идея *Ю. Цезаря* гораздо замысловатѣе. Заимъ свои собственныя слова, что «общій недостатокъ всѣхъ нѣмецкихъ критиковъ-метафизиковъ заключается въ томъ, что они, вмѣсто того, чтобы изучить, не мудрствуя лукаво, текстъ поэта, стараются угадать тайныя нагѣренія его и приписываютъ Шекспиру ученія и идеи, въ которыхъ великій поэтъ совершенно неповиненъ» (стр. 592), авторъ навязываетъ Шекспиру подъ формою основной идеи слѣдующую тенденцію: «Совершенно очевидно, — говоритъ онъ, — что Цезарь былъ лишь простою маріонеткою, въ которой сосредоточились требованія времени, что въ физической и умственной слабости Цезаря Шекспиръ хотѣлъ показать возрастающую силу цезаризма и въ пониженіи личности неизбежное развитіе цѣлой системы. Вотъ основная мысль трагедіи» (стр. 418). Когда г. Чуйко писалъ эту тираду, ему, очевидно, не пришло въ голову очень простое соображеніе: если бы Ю. Цезарь казался Шекспиру такимъ ничтожествомъ, какимъ онъ кажется ему, то заговоръ республиканцевъ противъ него имѣлъ бы комическій ха-

раκτήрь, нѣчто вродѣ погони за мухой съ обухомъ, тогда какъ онъ на самомъ дѣлѣ составляетъ центръ всей трагедіи. Вообще послѣдовательность не принадлежитъ къ числу достоинствъ автора. Въ фактической части своего труда онъ нерѣдко противорѣчитъ себѣ по небрежности и диллетантизму, въ критической—вслѣдствіе отсутствія строго опредѣленныхъ воззрѣній.

Еще больше вредитъ автору его страсть къ общимъ характеристикамъ, для которыхъ у него, къ сожалѣнію, нѣтъ ни свѣдѣній, ни таланта. Общая характеристика тогда только имѣетъ значеніе, когда она опирается на массу изученныхъ фактовъ и на способности критика схватить ихъ дѣйствительно характерныя черты. Ни однимъ изъ этихъ достоинствъ не отличаются общія характеристики, попадающіяся въ книгѣ г. Чуйко. Увлеченный примѣромъ Тэна и Брандеса, онъ неоднократно пытается дѣлать общія характеристики не только отдѣльныхъ писателей, но и цѣлыхъ эпохъ, но изъ всего этого выходитъ нѣчто смутное, фразистое и фантастическое. Вотъ, наприм., характеристика средневѣковаго человѣка: это — существо, «какъ бы созданное изъ пламени и огня, подчиняющееся минутнымъ порывамъ, со страстями, не знающими никакой узды, неспособное подчиняться требованіямъ разума, не анализирующее себя, избѣгающее пошлой дѣятельности, витающее въ идеальныхъ грезахъ своего воображенія» (стр. 304). Что любовь такого созданнаго изъ огня и пламени, не знающаго никакой нравственной узды, человѣка должна отличаться необыкновенною силой земной чувственной страсти,—это само собою разумѣется. «Въ концепціи среднихъ вѣковъ,—говоритъ г. Чуйко въ другомъ мѣстѣ (стр. 254),—любовь совершенно преобразуется; она окончательно теряетъ свой характеръ трезвости, скромности, въ который она облечена у древнихъ грековъ и даже отчасти у римлянъ (наприм., у Катутла)». Сдѣлавъ такую яркую характеристику средневѣковаго человѣка и средневѣковой любви, г. Чуйко вспоминаетъ, что въ средніе вѣка существовала поэзія трубадуровъ, гдѣ любовь изображалась въ весьма идеальномъ свѣтѣ, и безъ всякой оговорки дѣлаетъ такую поправку къ своей теоріи средневѣковой любви, которая ее совершенно уничтожаетъ: «Въ среднихъ вѣкахъ,—говоритъ онъ,—любовь становится болѣзненнымъ экзальтированнымъ чувствомъ, почти мистическимъ, божественнымъ» (стр. 254). Какимъ образомъ совершилось это превращеніе нескромной чувственной любви въ чувство мистическое и экзальтированное, онъ считаетъ лишнимъ объяснять и идетъ дальше, оставляя своихъ читателей въ большомъ недоумѣніи. Последнія въ особенности будутъ негодовать за общую характеристику женщины, сдѣланную авторомъ при разборѣ характера Елены, героини шекспировской комедіи *Все хорошо, что хорошо кончилось*. «Елена стремится къ своей цѣли (выдти замужъ за графа Руссильфонскаго) совершенно прямолинейно, не разбирая средствъ и топча ногами нравственные принципы, если таковые встрѣчаются ей на пути; такая прямолинейность, такое отсутствіе нравственнаго инстинкта могутъ встрѣчаться только у женщины» (стр. 333). Будь подобная общая характеристика прекраснаго пола высказана по поводу леди Мак-

беть, которая, дѣйствительно, отличалась прямолинейностью въ достиженіи своихъ цѣлей и отсутствіемъ всякаго нравственнаго инстинкта, то она была бы, по крайней мѣрѣ, понятна, но произнести ее по поводу влюбленной дѣвушки, которой вся вина состоитъ въ томъ, что она стремится сдѣлаться женой любимаго человѣка нѣсколько рискованными для женщины средствами,—по нашему мнѣнію, очень жестоко, тѣмъ болѣе, что, назвавши въ одномъ мѣстѣ Елену нравственнымъ уродомъ (стр. 333), авторъ въ послѣдствіи, какъ ни въ чемъ не бывало, признаетъ въ характерѣ ея двѣ привлекательныя черты — серьезность (стр. 528) и глубокую нѣжность (стр. 529). Если въ своей общей характеристикѣ женщинъ г. Чуйко свирѣпъ, какъ античный законодатель Драконъ, то въ другихъ характеристикахъ, наприм., въ своей характеристикѣ итальянской поэзіи, онъ капризенъ, какъ самая нервная институтка. «Въ итальянской литературѣ,—говорить онъ,—чувствуется недостатокъ веселости; даже Джустини, одинъ изъ остроумнѣйшихъ поэтовъ XIX столѣтія, смѣется съ горечью» (стр. 380). Чтобы написать эту фразу, нужно позабыть брызжашую веселостью итальянскую комедію dell'arte, Боккачіо и всю итальянскую новеллу, комедіи Маккиавели, Аріосто, Гольдони и др.,—словомъ, почти всю итальянскую литературу; но такъ какъ г. Чуйко все это хорошо знаетъ, то мы ничѣмъ не можемъ объяснить этотъ промахъ, какъ его страстью къ общимъ характеристикамъ. Увлекаемая этою страстью, авторъ въ началѣ книги (стр. 30) дѣлаетъ сравнительную характеристику поэтической манеры Шекспира и другихъ великихъ поэтовъ, замѣчательную по своему легкомыслію, поверхностности и сбивчивости понятій. «Немногіе поэты (вѣрнѣе, ни одинъ) охватывали въ своемъ творчествѣ такую громадную область духа, такую безконечную гамму чувства, какъ Шекспиръ, и немногіе изъ нихъ такъ радикально мѣнялись. У Данте мы видимъ только двѣ манеры: до изгнанія изъ Флоренціи и послѣ изгнанія; до изгнанія онъ творецъ любовной итальянской поэзіи, авторъ *Vita Nuova*, послѣ изгнанія — творецъ *Божественной Комедіи*. У Гёте — одна манера, только подъ конецъ жизни символизмъ преобладаетъ надъ поэтическимъ образомъ. У Шиллера одна манера: юношескій идеализмъ. У Мицкевича двѣ манеры: до и послѣ *Пана Тадеуша*. У Виктора Гюго одна манера. У Шекспира мы замѣчаемъ не то: у него форма измѣняется вмѣстѣ съ содержаніемъ, языкъ—вмѣстѣ съ мыслью, не только въ своей внѣшней оболочкѣ—оболочкѣ стиха, но также и въ своей сущности, въ движеніи, увлекающемъ мысль. Между языкомъ *Ромео и Юліи* и *Ричарда III* и языкомъ *Цимбеллина* или *Макбета* лежитъ такая же пропасть, какъ между стихомъ первыхъ пьесъ и послѣднихъ». Не смотря на всю наивность этой сравнительной характеристики, мы охотно согласились бы съ авторомъ, что поэтическая манера Шекспира отличается бѣльшимъ разнообразіемъ, чѣмъ поэтическая манера перечисленныхъ г. Чуйко писателей, если бы г. Чуйко понималъ подъ этимъ словомъ то, что обыкновенно имъ обозначается. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что, по отношенію къ различнымъ писателямъ, авторъ употребляетъ это слово въ различныхъ значеніяхъ. У Данте,

наприм., онъ подъ переменной поэтической манеры разумѣетъ переходъ отъ одного рода произведеній къ другому; у Шекспира и Виктора Гюго подъ поэтическою манерой разумѣется ихъ поэтическій стиль; у Шиллера—его міросозерданіе. Что разумѣется подъ поэтическою манерой у Гёте, для насъ неясно, ибо если понимать подъ этимъ терминомъ поэтическій стиль, то кто же не знаетъ, что онъ радикально мѣняется задолго до смерти поэта, вскорѣ послѣ возвращенія Гёте изъ путешествія въ Италію, а если такъ, то у него окажется уже не двѣ, а цѣлыхъ три поэтическія манеры.

Слѣдуетъ еще сказать два слова о новомъ и оригинальномъ приѣмѣ, которымъ г. Чуйко обогатилъ шекспировскую критику. Приѣмъ этотъ состоитъ въ томъ, что цитаты, приводимыя авторомъ въ подтвержденіе своей мысли, не всегда подтверждаютъ ее, или, что еще хуже, однѣ и тѣ же цитаты приводятся для подтвержденія положеній, не имѣющихъ между собой никакой связи. Такъ, на стр. 29, характеризуя послѣдній періодъ литературной дѣятельности Шекспира, авторъ заключаетъ: «Вѣчная проблема судьбы человѣческой, тревожившая Гамлета, обнаруживающаяся въ крикахъ ужаса Макбета, уступаетъ мѣсто тихой грусти, спокойной резигнаціи передъ невѣдомымъ,—резигнаціи, распространяющей на міръ и на людей струю жалости и прощенія», и въ подтвержденіе своей мысли приводитъ слѣдующую цитату изъ *Бури* (актъ IV, сцена I): «Мы сами созданы изъ того же вещества, изъ котораго сотканы наши сны, и маленькая жизнь наша окружена сномъ». Цитата эта не имѣетъ никакого отношенія къ тексту; несообразность ея въ данномъ случаѣ видна всего лучше изъ того, что на стр. 661 она приводится авторомъ въ доказательство пантекстическихъ воззрѣній Шекспира. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 84) по поводу Кенильвортскихъ празднествъ, на которыхъ могъ присутствовать одиннадцатилѣтній Шекспиръ, авторъ такъ говоритъ о силѣ дѣтскихъ впечатлѣній: «Дѣтскія впечатлѣнія—великое дѣло: изъ нихъ создается ткань будущей дѣятельности человѣка. Самъ поэтъ, вѣроятно, вспоминая эти впечатлѣнія, говорить: «А теперь прощай навсегда спокойствіе духа; прощай довольство; прощайте пернатые дружины, гордые битвы, дѣлающія и честолюбіе добродѣтелью» (*Отелло*, актъ III, сцена III). Ссылка эта, подобно предъидущей, нисколько не подтверждаетъ текста, потому что относится не къ дѣтскимъ впечатлѣніямъ, а къ воспоминаніямъ боевой жизни, а, сколько намъ извѣстно, Шекспиръ воинствомъ не былъ и ни въ какихъ битвахъ не участвовалъ. На стр. 17 своей книги, говоря о найденномъ Колльеромъ такъ называемомъ Перкинсовомъ in folio 1632, испещренномъ рукописными замѣтками и поправками, большинство которыхъ послѣ горячихъ споровъ отвергнуто новѣйшею критикой, авторъ замѣчаетъ: «Къ сожалѣнію, Кетчеръ въ своемъ прекрасномъ переводѣ Шекспира принялъ большинство поправокъ Перкинсова in folio. Такъ, онъ переводитъ по тексту Колльера: «Вотъ платокъ, оботри имъ лицо, мой сынъ» «Here, is a napkin: rub the brows, my son (*Гамлетъ*, актъ V, сцена II), вмѣсто признаннаго текста: «Here Hamlet, take my napkin, rub thy brows» («Вотъ, Гамлетъ, возьми мой пла-

токъ, оботри свое лицо»). Въ этомъ измѣненіи, предложенномъ Колльеромъ, не представляется никакой нужды, не говоря уже о томъ, что фраза Колльера гораздо менѣ сценична, гораздо менѣ подходитъ къ душевному настроенію королевы, которая ее произноситъ». Нужно быть очень тонкимъ знатомъ шекспировскаго языка и еще болѣе тонкимъ знатомъ сцены, чтобъ усмотрѣть въ этихъ двухъ почти тождественныхъ фразахъ внутреннее различіе и сказать, что одна изъ нихъ болѣе сценична и болѣе умѣстна въ устахъ матери Гамлета, чѣмъ другая. На нашъ взглядъ, обѣ онѣ въ данномъ случаѣ одинаково умѣстны, и если автору хотѣлось доказать, что вѣрность колльеровскому тексту повредила Кетчеру, то нужно было привести другіе примѣры, по крупнѣе. Кстати, отмѣтимъ еще одинъ примѣръ поразительной небрежности автора. Характеризуя на стр. 453 страшное душевное состояніе Макбета послѣ убійства Банко, когда ему видится окровавленный призракъ убитаго, г. Чуйко восклицаетъ: «Можетъ ли оставаться еще какая-либо радость человѣку, находящемуся въ такомъ нравственномъ состояніи? Мрачная, разстилающаяся передъ нимъ картина шотландской природы теперь для него не болѣе, какъ кладбище», и въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ монологъ, начинающійся словами: «Увы! бѣдная страна! Она сама себя не узнаетъ отъ ужаса. Теперь нельзя назвать ее нашею матерью; это могила, гдѣ улыбается только тотъ, кто ничего не знаетъ», и т. д., совершенно забывая, что эти слова произноситъ не Макбетъ, а лордъ Россъ въ разговорѣ съ Макдуффомъ (актъ IV, сд. III).

Такъ какъ трудъ г. Чуйко по самой своей задачѣ долженъ резюмировать въ себѣ все, что было сдѣлано предшествующею критикой, то мы надѣялись по каждому данному вопросу встрѣтить въ немъ мнѣніе если не совершенно оригинальное, то, во всякомъ случаѣ, объективное, чуждое крайностей и стоящее на современномъ уровнѣ науки. Къ сожалѣнію, авторъ и въ этомъ отношеніи не всегда сумѣлъ воспользоваться выгодами своего нейтральнаго положенія: онъ многого не знаетъ, многое принимаетъ безъ всякой критики, многое отвергаетъ безъ достаточныхъ основаній и въ заключеніе къ ошибкамъ западной критики присоединяетъ свои собственные, гораздо болѣе крупныя. Въ подтвержденіе всего это можно привести много примѣровъ. Мы ограничимся немногими, особенно характеристическими. Извѣстно, что рѣдкій изъ критиковъ не навязываетъ кого-нибудь изъ героевъ Шекспировыхъ драмъ въ любимцы поэту. Одни считаютъ такимъ любимцемъ Гамлета, другіе—Генриха V, третьи—Имоджену и т. д. Нашъ критикъ послѣ нѣкотораго колебанія между Гамлетомъ, Генрихомъ V*) и Фальстафомъ, наконецъ, провозгласилъ: «Несомнѣнно, что не только самъ Шекспиръ любитъ своего Фальстафа болѣе всѣхъ другихъ своихъ героевъ, но онъ и насъ заставилъ его полюбить» (стр. 365). Такъ такъ г. Чуйко

*) „Нельзя сказать вмѣстѣ съ Гервинусомъ, что Шекспиръ больше любитъ Генриха V, чѣмъ Гамлета; напротивъ, всѣ симпатіи его на сторонѣ Гамлета, но Генриха V онъ болѣе уважаетъ“ (стр. 9). На стр. 647 авторъ говоритъ: „Генрихъ V, какъ извѣстно, любимый герой Шекспира“.

не привелъ никакихъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія, то его *несомнѣнно* остается подѣ сильнымъ сомнѣнiемъ. На стр. 437 онъ также безапелляционно рѣшаетъ, что въ пьесѣ *Мира за мру* устами герцога Шекспиръ налагаетъ свои личные чувства и взгляды. На стр. 650, принявъ безъ критической провѣрки мнѣнiе Крейсига (*Shakspeares Fragen*, стр. 107), авторъ утверждаетъ, что Брутъ рѣшился умертвить Юлія Цезаря не во имя республики и общественного блага, а потому, что боялся, что монархiя развратитъ его душу. Дѣйствительно, Брутъ въ своемъ знаменитомъ монологѣ приводитъ, между прочимъ, какъ бы желая оправдать себя, и это соображенiе, но главный его мотивъ былъ, конечно, патриотическій. «Смерть его, — говоритъ онъ, — необходима, но не для меня, — мнѣ не къ чему искать его гибели, — а для общественного блага» (дѣйствiе II, сцена I). Мы совершенно согласны съ авторомъ, что честолюбiе есть основная психологическая черта въ характерѣ Макбета (стр. 450), что онъ находится подѣ безусловнымъ давленiемъ одной господствующей страсти — честолюбiя, извратившей весь его нравственный организмъ (стр. 451). А если такъ, то мы не можемъ понять, какимъ образомъ основная психологическая черта характера могла возникнуть подѣ чьимъ-нибудь влиянiемъ, не можемъ допустить, чтобъ Макбетъ, какъ увѣряетъ авторъ (стр. 446), сдѣлался честолюбивымъ подѣ влиянiемъ своей жены. Противъ такого предположенiя протестуетъ самъ Шекспиръ устами лэди Макбетъ, которая, желая склонить мужа на убiйство, напоминаетъ ему, что онъ хотѣлъ убить Донкена гораздо раньше встрѣчи съ вѣдьмами (дѣйствiе I, сцена I). Параллель съ Отелло ничего въ данномъ случаѣ не доказываетъ. Яго могъ возбудить въ Отелло пароксизмъ ревности, хотя Отелло не былъ отъ природы ревнивъ, потому что страхъ потерять любимое существо присущъ всякому любящему человѣку; ревность есть, такъ сказать, чувство производное отъ любви, тогда какъ честолюбiе, подобно зависти, скупости и т. п., принадлежитъ къ чувствамъ основнымъ, которыя составляютъ основу характера и не могутъ возникнуть подѣ чьимъ бы то ни было влиянiемъ. Характеристика лэди Макбетъ также не удалась автору, подпавшему на этотъ разъ подѣ влиянiе Гервинуса; личность ея въ характеристикѣ автора не производитъ впечатлѣнiя психологически-цѣльнаго типа: на одной страницѣ г. Чуйко утверждаетъ, что лэди Макбетъ — натура извращенная, подавленная одною страстью — честолюбiемъ и для этой страсти пожертвовавшая всѣмъ человѣческимъ (стр. 531), а на другой, что она честолюбива не для себя, что она стремится къ престолу для своего мужа (стр. 530). Но верхъ совершенства въ своемъ родѣ представляетъ придуманная г. Чуйко по поводу Макбета теорiя красоты чистаго преступленiя. «Макбетъ — не презрѣнная личность, которая бы внушала одно лишь презрѣнiе; правда, онъ преступникъ, онъ преслѣдуетъ чисто-личную цѣль, но въ его эгоистической страсти нѣтъ ничего подлаго; никакой позорный порокъ не ложится пятномъ на его душу и не омрачаетъ собой *красоту чистаго преступленiя*» (стр. 454). Мы еще могли бы понять автора, если бы онъ проповѣдывалъ красоту чистаго

преступленія по поводу убійства Юлія Цезаря; въ этомъ убійствѣ не было ничего личнаго; оно было совершено Брутомъ и его сообщниками во имя идеальной цѣли—свободы Рима. Вотъ почему они считали свой заговоръ подвигомъ и были увѣрены, что народъ, понявъ истинную цѣль его, назоветъ ихъ не убійцами, а избавителями. Убійство Макбетомъ Донкэна не имѣло никакой идеальной цѣли, которая могла бы хоть сколько-нибудь оправдать его передъ судомъ нравственнымъ; оно было результатомъ честолюбія двухъ лицъ, презрѣвшихъ божескіе и человѣческіе законы для достиженія своей преступной цѣли. Мало того, оно было совершено не въ честномъ бою, а изъ-за угла; воровски прокравшись въ комнату своего короля и гостя, Макбетъ зарѣзалъ его соннаго, потомъ взвалилъ свое преступленіе на невинныхъ людей, слугъ Донкэна, и убилъ ихъ. Не въ этомъ ли состоитъ красота его преступленія? Должно полагать, что именно въ этомъ, ибо г. Чуйко продолжаетъ утверждать, что «герои Шекспира эстетически прекрасны, какимъ бы преступленіемъ они ни были обременены, что они велики своими преступленіями, благодаря поразительному избытку силъ, не уравновѣшенныхъ, не приведенныхъ въ гармонию» (стр. 454). Но если авторъ относится такъ снисходительно къ такому преступленію, какъ убійство, потому что оно иногда способно производить эстетическое впечатлѣніе своимъ мрачнымъ величіемъ, но за то насчетъ женской нравственности онъ очень строгъ. Мы видѣли, какъ онъ обошелся съ Еленой, которая своею энергіей и настойчивостью нравится Кольриджу больше другихъ шекспировскихъ женщинъ. Еще строже и безпощаднѣе третируетъ онъ жрицу наслажденій, нильскую змѣйку Клеопатру. Нравственный уродъ, отвратительная женщина, настоящій монстръ—вотъ эпитеты, которыми надѣляетъ ее нашъ авторъ. «Она—собраніе всѣхъ антипатичныхъ пороковъ: она—кокетка, труслива, низка, коварна, деспотична, жестока, чувственна» (стр. 481). Забывъ основное правило Шекспировой психологіи—сложность мотивовъ, г. Чуйко объясняетъ самоубійство Клеопатры не любовью ея къ Антонію, не потерю царства, но единственно нежеланіемъ украсить собой триумфъ Октавія. Древніе восхищались величіемъ духа Клеопатры, смѣло рѣшившейся предпочесть самую смерть позору.

Обдумавъ смерть свою, достойную царицы,
 На торжество врагамъ не отдалась она
 И не пошла въ цѣлихъ, въ позорной колесницѣ,
 Великая жена! (Горацій).

Нашъ моралистъ находитъ этотъ мотивъ низкимъ и мелкимъ и безповоротно осуждаетъ античную грѣшницу. На здоровье! Да здравствуетъ мораль!

Прежде чѣмъ разстаться съ книгой г. Чуйко, скажемъ нѣсколько словъ о трехъ заключительныхъ главахъ ея. Первая изъ нихъ посвящена очерку шекспировской критики, вторая—такъ называемому бэконовскому вопросу, а въ третьей и послѣдней авторъ дѣлаетъ опытъ характеристики личности Шекспира, его эстетическихъ, нравственныхъ и политическихъ воззрѣній.

Очерку исторіи шекспировской критики предшествуетъ составленный весьма живо и занимательно очеркъ исторіи шекспировской драмы отъ смерти Шекспира до реформъ Гаррика. Что касается исторіи шекспировской критики въ собственномъ смыслѣ, то она отличается крайнею поверхностностью и, очевидно, написана не по источникамъ, а по двумъ-тремъ пособіямъ. Оттого въ ней нѣтъ самаго главнаго—филиаціи идей. Если бы авторъ самъ заглянулъ въ сочиненія Попа, Шафстбери, Джонсона, лорда Кеймза и Гарда, то онъ не сталъ бы утверждать, что и въ XVIII в. какъ друзья, такъ и враги Шекспира видѣли въ немъ первобытнаго художника, настоящее дитя природы (стр. 584); тогда для него выяснилась бы роль Лессинга, который былъ многимъ обязанъ названнымъ писателямъ. Не желая умалить славу своего великаго критика, нѣмцы до сихъ поръ оставляли въ покоѣ вопросъ о вліяніи англійской критики на Лессинга, и русскому критику слѣдовало бы пополнить этотъ пробѣлъ. За главу о бэконовскомъ вопросѣ многіе будутъ весьма благодарны автору. Выросшая на почвѣ американскаго диллетантизма и оригинальничанья, бэконовская ересь начинаетъ проникать и въ русскую публику, и толково изложенная исторія этого заблужденія является какъ нельзя болѣе кстати.

Заключительная глава обширнаго труда г. Чуйко посвящена характеристикѣ нравственной личности Шекспира, его идей и убѣжденій, насколько они отразились въ его произведеніяхъ. При данномъ состояніи нашихъ свѣдѣній о Шекспирѣ всякая попытка въ этомъ направленіи требуетъ тщательнаго до мелочности изученія вопроса и тонкаго критическаго такта. Сколько нужно критической проницательности, чтобы угадать личное мнѣніе поэта въ словахъ того или другаго героя, когда они тѣсно связаны съ его характеромъ! Сколько нужно остроумія и знанія жизни, чтобы вывести личный взглядъ Шекспира на тотъ или другой вопросъ изъ общаго смысла пьесы! А чтобы выяснить общій смыслъ пьесы, мало изучить ее самоѣ, нужно изучить ее въ связи со всею группой, къ которой она относится по времени своего возникновенія, и провѣрить свои выводы единственнымъ автобіографическимъ матеріаломъ — сонетами Шекспира и прологами его драмъ. Есть еще другой способъ составить себѣ общее понятіе о міросозерцаніи Шекспира, это — сопоставить между собой все, что сказано по данному вопросу во всѣхъ его произведеніяхъ. Этому приему держится нѣмецкій ученый Флатте въ своемъ сочиненіи *Shakspeare in Seiner Wirklichkeit*. Чтобы этотъ приемъ привелъ къ какому-нибудь положительнымъ результатамъ, нужно, чтобы указанія изъ Шекспира были расположены не по рубрикамъ, какъ у Флатте, а въ хронологическомъ порядкѣ; тогда мы имѣли бы, по крайней мѣрѣ, нѣчто вродѣ исторіи мнѣній Шекспира по различнымъ вопросамъ и послѣдующей критикѣ предстояла бы задача, принявъ въ расчетъ условія драматической поэзіи, выдѣлить изъ этихъ мнѣній субъективный элементъ. Всѣ эти трудности, неизбѣжныя при рѣшеніи вопроса объ убѣжденіяхъ Шекспира и заставляющія специалистовъ быть крайне осторожными въ своихъ выводахъ, совершенно не суще-

ствують для диллетанта, который приступаетъ къ своей задачѣ съ легкимъ сердцемъ, надергиваетъ наудачу изъ различныхъ пьесъ нѣскольکو общихъ мыслей, сопоставляетъ ихъ между собой и безъ большихъ хлопотъ получаетъ желаемое. Хотите знать, какия были эстетическія возрѣвнія Шекспира, какъ онъ смотрѣлъ на свою художественную задачу? Разверните книгу г. Чуйко на стр. 641,—тамъ вы узнаете, что объ этомъ предметѣ Шекспиръ почти никогда не высказывался; переверните еще страницу—и убѣдитесь, что у Шекспира не было никакого художественнаго идеала, что всѣ попадающіяся въ его пьесахъ эстетическія положенія сводились на совѣтъ слѣдовать природѣ, что искусство, по его мнѣнію, есть синтезъ жизни и ничего больше. Само собою разумѣется, что построенный такимъ образомъ карточный домикъ легко и разрушить; стѣбитъ только привести нѣсколько строкъ изъ 105 сонета, гдѣ Шекспиръ весьма точно и ясно опредѣляетъ свой художественный идеалъ и задачи своей поэзіи: «Красота, добро и истина—вотъ моя основная тема. Красота, добро и истина, воплощаемыя въ различныхъ формахъ,— въ этомъ состоитъ задача моего творчества». Въ заключеніе укажемъ еще на одинъ примѣръ неряшливости или легкомыслія автора, тѣмъ болѣе поразительный, что онъ касается такой общеизвѣстной пьесы, какъ *Гамлетъ*. Излагая на стр. 519—522 свою изумительную теорію о необходимости анахронизма въ художественномъ произведеніи,—теорію, замѣтимъ мимоходомъ, не уступающую по своей курьезности пресловутой теоріи красоты чистаго преступленія,—авторъ подтверждаетъ ее словами Гамлета, но не тѣми, какия онъ говоритъ у Шекспира, а тѣми, которыя самъ влагаетъ ему въ уста: «Поэтому правъ Гамлетъ, когда говоритъ, что искусство есть зеркало не исторіи, а природы» (стр. 522). Авторъ, очевидно, разумѣетъ знаменитыя слова Гамлета актерамъ (актъ III, сц. II), гдѣ онъ говоритъ, что «цѣль драматическаго искусства была, есть и будетъ — отражать въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, природу; показать добродѣтели ея собственныя черты, пороку—его собственный образъ, отразить въ себѣ извѣстную эпоху, ея форму и характеръ». Изъ словъ Гамлета выходитъ, что искусство должно одинаково отражать въ себѣ и природу, и исторію; но такъ какъ послѣдняя не понадобилась автору, то онъ счелъ за лучшее умолчать о ней. Мы могли бы еще привести нѣсколько подобныхъ примѣровъ, если бы намъ не пришлось на мысль, что всякое терпѣніе читателей имѣетъ свои предѣлы.

Впрочемъ, чтобы быть справедливымъ по отношенію къ г. Чуйко, слѣдуетъ замѣтить, что не все въ его книгѣ заслуживаетъ порицанія, что у него есть цѣлыя страницы, написанныя живо, даже увлекательно, что на ряду съ выходками, отдающими поверхностнымъ, фельетоннымъ остроуміемъ, встрѣчаются замѣчанія дѣльныя и тонкія, обличающія въ авторѣ развитой вкусъ и правильное пониманіе сущности шекспировскаго творчества. Таковы, наприм., его замѣчанія объ исторической драмѣ, о Шекспирѣ, какъ моралистѣ, объ отношеніи его къ формальному закону и т. п. Книга

г. Чуйко, изложенная, вообще говоря, бойко и занимательно, украшенная прекрасными рисунками, вѣроятно, будетъ имѣть не одно изданіе. Въ интересахъ дѣла, которое, повидимому, дорого автору, мы совѣтовали бы ему пересмотрѣть внимательно свой трудъ, исправить всѣ попадающіеся въ немъ неточности, ошибки, сгладить противорѣчія, выбросить ненужный балластъ, пополнить пробѣлы,—словомъ, наложить на нее послѣднюю авторскую руку. Очищенная отъ всѣхъ указанныхъ нами недостатковъ, книга г. Чуйко можетъ сдѣлаться полезнымъ пособіемъ при изученіи Шекспира,—качество, которое мы теперь признать за ней не можемъ.

Н. Стороменко.

Очерки кустарной горной промышленности.

(Изъ экономики Донецкаго бассейна).

Основнымъ матеріаломъ для предлагаемыхъ очерковъ послужили данныя мѣстнаго изслѣдованія, частью вошедшія уже въ «сборники» по Славяно-сербскому и Бахмутскому уѣздамъ, частью (о распредѣленіи и мобилизаціи земельной собственности, о продажныхъ цѣнахъ земли, данныя по исторіи арендныхъ цѣнъ и формъ арендной платы, объ арендѣ вѣнадѣльной земли и сдачѣ надѣльной и т. п.), не попавшія въ означенные «сборники», а находящіяся въ нашемъ распоряженіи въ сыромъ, необработанномъ видѣ. Оба уѣзда, занимая солидную площадь въ 1.261,331 десятину или почти 12,500 кв. верстъ, съ населеніемъ свыше 300,000 душъ обоого пола, являются ядромъ Донецкаго бассейна, всѣ характерныя и типичныя черты котораго получили здѣсь самое яркое и рельефное выраженіе. Здѣсь донецкая горная и горнозаводская промышленность около 100 лѣтъ тому назадъ (въ послѣднее десятилѣтіе XVIII в.) получила свое начало; здѣсь же она достигла наибольшаго развитія: заводы Новороссійскій (Юза), Луганскій, Лисичанскій и друг. и болѣе 150 шахтъ и копей, изъ которыхъ добывается уголь, желѣзо, мѣдь, соль и киноваръ. Говорить поэтому объ этихъ двухъ уѣздахъ—значить говорить о *Донецкомъ бассейнѣ*.

I.

Изслѣдователя Донецкаго бассейна съ перваго шага поражаетъ то любопытное явленіе, что многолѣтнее, почти вѣковое существованіе и широкое, сравнительно, развитіе мѣстной горной и горнозаводской промышленности, повидимому, весьма слабо отразилось на общемъ складѣ бытовой и хозяйственно-экономической жизни мѣстнаго сельскаго населенія. Какъ и сто лѣтъ тому назадъ, донецкій крестьянинъ остается до сихъ поръ, какъ бы на зло окружающимъ условіямъ, завязатымъ земледѣльцемъ, хлѣборобомъ до мозга костей, оторвать котораго отъ плуга и бороны въ силахъ только что-либо чрезвычайное. Въ самыя трудныя годы своей земледѣльческой жизни, постигнутый рядомъ сельско-хозяйственныхъ невгодъ, до-

нецкій крестьянинъ, прежде всего, ищетъ спасенія не въ постороннихъ внѣземледѣльческихъ промыслахъ, въ изобиліи окружающихъ его, а все въ томъ же земледѣліи, пуская въ ходъ героическія усилія ради расширенія посѣвной площади до предѣловъ возможнаго. Трудно указать тѣ жертвы, которыя остановили бы донецкаго крестьянина въ его стремленіи къ этому идеалу; онъ даже чрезвычайно охотно разстается со своею изобилующею ископаемыми богатствами и потому весьма цѣнною надѣльною землею, разъ есть возможность получить взамѣнъ большее количество пригодной для хлѣбопашества или даже равное количество земли, но представляющей какія-либо особыя удобства въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. По крайней мѣрѣ, мѣстнымъ изслѣдованіемъ констатировано не мало случаевъ обмѣна крестьянской каменно-угольной надѣльной земли на частновладѣльческую хлѣбопахотную, причѣмъ нерѣдко обмѣнъ происходилъ не непосредственно, а въ формѣ предварительной продажи надѣльной и послѣдующей затѣмъ покупки частновладѣльческой земли ¹⁾). Затѣмъ съ тою же цѣлью—возможно большаго расширенія хлѣбопахотной площади—донецкіе крестьяне въ широкихъ размѣрахъ практикуютъ единоличныя товарищескія и мірскія аренды и покупки земли; послѣднія частью исключительно на собственные средства, а, главнымъ образомъ, съ помощью крестьянскаго банка, при большихъ или меньшихъ доплатахъ изъ собственного кармана. Нѣкоторые изъ этихъ арендъ и покупокъ получаютъ особый интересъ, благодаря отличающему ихъ характеру примитивнаго строго-натуральнаго обмѣна безъ всякаго участія денежныхъ знаковъ ²⁾), что достаточно наглядно свидѣтельствуетъ о параллельномъ существованіи въ Донецкомъ бассейнѣ натурального хозяйства рядомъ съ крупною капиталистическою горною и горнозаводекою промышленностью. Но уже послѣднее обстоятельство само собою дѣлаетъ понятнымъ, что условія, благоприятствующія натуральному обмѣну, не всегда оказываются налицо, причѣмъ такой обмѣнъ уже рѣшительно невозможенъ, когда дѣло идетъ о приобрѣтеніи земли при содѣйствіи крестьянскаго банка. Для покупки земли, какъ и для аренды, необходимы деньги, которыхъ у крестьянъ въ наличности не оказывается. Приходится изыскивать всевозможные источники, изъ которыхъ можно было бы черпать необходимыя на этотъ случай денежные средства. Съ этою цѣлью, помимо убыточныхъ, разорительныхъ займовъ за шейлоковскіе проценты, крестьяне практикуютъ сдачу своей надѣльной земли въ аренду углепромышленникамъ ³⁾ на условіяхъ не менѣе убыточныхъ и разорительныхъ, часто ведущихъ къ тому, что крестьяне, въ концѣ-концовъ, вынуждены разстаться и съ надѣльною, и съ купчею землею и превратиться въ безземельныхъ пролетаріевъ ⁴⁾). Впрочемъ, донецкій крестьянинъ не останавливается и передъ жертвами, несравненно большими, чѣмъ убыточный заемъ или арендный договоръ, особенно тогда, когда дѣло идетъ уже не о расширеніи, а просто о сохраненіи своего земледѣльческаго хозяйства цѣлымъ и невзыблемымъ, что почти немислимо при отлучкахъ хозяина ради сторонняго заработка. Такъ, наприм., строго-земледѣльческая Гришин-

кая волость, Бахмутскаго уѣзда, принадлежитъ къ числу наиболѣе богато надѣленныхъ землей. Однако, многоземеліе (8 — 9 десят. на душу) не спасло гришинцевъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія отъ ряда неурожаевъ, оказавшихъ разрушительное вліяніе на крестьянское хозяйство. Тѣмъ не менѣе, изъ года въ годъ постигаемые засухой, овражками, безормицей и неурожаемъ, почти окончательно разоренные, гришинцы не теряютъ надежды «поправиться»; въ сердцѣ ихъ живетъ неуваждающая вѣра въ наступленіе лучшихъ дней и, выбываясь изъ силъ, они пускаются на всякаго рода ухищренія, только бы не отбиться отъ земли, не оторваться отъ хозяйства, только бы какъ-нибудь поддержать его до этихъ лучшихъ дней. Поступить рабочимъ на шахту или заводъ, находящіяся, притомъ, не вѣдь же, подъ рукой, а въ нѣсколькихъ верстахъ, значить—на болѣе или менѣе продолжительное время оторваться отъ хозяйства, а съ этимъ исконный земледѣлецъ примириться не можетъ. И вотъ, мѣстное изслѣдованіе констатируетъ, что *нѣкоторые изъ крестьянъ Гришинской волости рѣшились идти проситься въ ремонтныя рабочіе на желѣзной дорогѣ только послѣ трехдневной буквальной голодовки ихъ семей...* Дѣлается понятнымъ, во-первыхъ, почему изъ 39,333 душъ, занимающихся подпольными промыслами, подавляющее большинство въ 28,895 душъ или болѣе чѣмъ 70% приходится на долю разнаго рода *сельско-хозяйственныхъ* промысловъ, и, во-вторыхъ, почему среди горнорабочихъ мѣстные крестьяне не составляютъ и 30% или даже менѣе 15%, если выключить тѣхъ, которые работаютъ на шахтахъ только временно, урывками. Сами крестьяне во время мѣстнаго изслѣдованія не разъ категорически объясняли это тѣмъ (наприм., въ сс. Брещенскомъ, Ивановкѣ и др.), что всякаго рода сторонніе промыслы представляютъ для нихъ мало привлекательнаго; прибѣгаютъ къ ихъ помощи только бѣднѣйшіе хозяева въ силу крайней необходимости, когда нѣтъ другаго исхода. Естественно поэтому, что даже крупное капиталистическое производство одерживаетъ побѣду надъ земельскими инстинктами и симпатіями донецкаго крестьянства только послѣ многолѣтней упорной борьбы. Въ этомъ отношеніи особенно интересна исторія Александровской вол. (Бахмутскаго уѣзда), являющейся очагомъ конечной горнозаводской промышленности. Изъ 6 общинъ, составляющихъ эту волость, пять получили дарственный однодесятинный надѣлъ, а шестая выкупила однѣ усадьбы. Будучи по существу безземельными съ перваго же дня освобожденія, эти общины, казалось бы, съ перваго же шага поставлены были въ полнѣйшую невозможность вести земледѣльческое хозяйство и волей-неволей должны были бы разбрестись въ разныя стороны въ погонѣ за заработками. Но александровцы исконные хлѣборобы: когда у крестьянина-хлѣбороба нѣтъ или не хватаетъ надѣльной земли, онъ арендуетъ землю на сторонѣ. Понятно само собою, что хозяйство александровскихъ дарственниковъ и усадебниковъ съ арендованною землей въ основаніи не могло быть особенно прибыльнымъ и устойчивымъ, тѣмъ болѣе, что условія аренды съ каждымъ годомъ дѣлались все тяжелѣе. Есте-

ственно было бы поэтому ожидать, что разъ тутъ же, подъ рукою, откроеся какой-нибудь выгодный промыселъ и александровцы не замедлятъ перейти къ нему, покончивъ съ земледѣліемъ. Не то оказалось въ дѣйствительности. Извѣстно, что начало 70-хъ годовъ ознаменовалось въ Донецкомъ бассейнѣ усиленнымъ горнопромышленнымъ движеніемъ. Между прочимъ, въ 1871 году въ самомъ центрѣ Александровской волости, близъ д. Екатериновки, открыли свои дѣйствія громадный Новороссійскій заводъ (Юза) и нѣсколько каменно-угольныхъ шахтъ. Явился небывалый спросъ на рабочія руки, цѣнившіяся, притомъ, чуть ли не на вѣсь золота. Но непомѣрно высокая заработная плата, державшаяся на одномъ уровнѣ въ теченіе первыхъ 5—6 лѣтъ, не соблазнила никого изъ александровцевъ: какъ бы не замѣчая ничего, происходящаго вѣкругъ, они продолжали вести свое незавидное земледѣльческое хозяйство на арендованной землѣ. Со времени открытія завода прошло слишкомъ полтора десятка лѣтъ, причеиъ успѣло уже образоваться громадное поселеніе съ 6,000 горнозаводскими населеніемъ⁵⁾, а, между тѣмъ, изслѣдованіе застало еще около 68% домохозяевъ-александровцевъ на мѣстѣ въ качествѣ хозяевъ-посѣвщиковъ, засѣвающихъ (конечно, на арендованной землѣ, составляющей 4,028% надѣльной) въ среднемъ по 7,7 десят. на дворъ, — слѣдовательно, только немногимъ менѣе того, что вообще въ Бахмутскомъ уѣздѣ засѣвается въ среднемъ на дворъ (8,4 десят.); что же касается остальныхъ 32%, то за полтора десятка лѣтъ только немногіе изъ нихъ неотразимомъ силою обстоятельствъ превращены въ горнорабочихъ, остальные же просто-напросто оказались не въ силахъ примириться съ новыми капиталистическими порядками и разбѣжались «на линію», «за Кубань», — словомъ, переселились туда, куда такъ манитъ и тянетъ хлѣбороба легендарный земельный просторъ. Обязательно, впрочемъ, отмѣтить, что исторія александровскихъ усадебниковъ и дарственниковъ не представляетъ собой ничего выдающагося изъ ряда вонъ, ничего исключительнаго. Даже тѣ изъ донецкихъ крестьянъ, которые, въ силу исключительно неблагоприятныхъ условий, волей-неволей оказываются вынужденными порвать связи съ землей и превратиться въ горнорабочихъ, въ глубинѣ души сохраняютъ свой заветный земледѣльческій идеалъ и не упускаютъ перваго удобнаго случая для возвращенія къ землѣ. По крайней мѣрѣ, такіе случаи возвращенія къ землѣ насчитываются здѣсь десятками и сотнями. А вотъ явленіе еще болѣе знаменательное, фактъ, если можно такъ выразиться, земледѣльческаго атавизма, фактъ массоваго возвращенія къ землѣ исконно-горнорабочаго населенія. Древнѣйшій горнопромышленный пунктъ Донецкаго бассейна, Лисичанская волость населена бывшими поселянами горнаго вѣдомства, потомками поселенныхъ здѣсь въ концѣ прошлаго вѣка уральскихъ и липецкихъ горнорабочихъ. Лисичане — горнорабочіе по рожденію и традиціямъ, горнорабочіе изъ поколѣнія въ поколѣніе. Казалось бы, среди нихъ нѣтъ и рѣшительно быть не можетъ никакого мѣста земледѣльческимъ инстинктамъ и симпатіямъ; казалось бы, если они и существовали когда-

ибо, то неизбежно должны были заглухнуть, атрофироваться въ специально-горнопромышленной обстановкѣ: ихъ должна была съ корнемъ вырвать юти въковая заводская и подземная рудничная жизнь шахтера. Между тѣмъ, лишь только явилась малѣйшая возможность обзавестись земледѣльческимъ хозяйствомъ—и дремавшіе въ теченіе ряда поколѣній земледѣльческіе инстинкты проснулись и проявили себя съ неожиданною силой: не прошло и десятилѣтій послѣ надѣленія лисичанъ землею на правахъ государственныхъ крестьянъ, и въ моментъ изслѣдованія 30% домохозяевъ оказались уже посѣвщиками, обзаведшимися настоящимъ крестьянскимъ хозяйствомъ и покончившими всякіе счеты съ горнымъ промысломъ.

Чрезвычайная сила земледѣльческихъ инстинктовъ и симпатій донецкаго крестьянства, выдающаяся приверженность его къ земледѣлію тѣмъ болѣе знаменательна, что наличныя условія должны быть признаны рѣшительно неблагоприятными для крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства. И въ отношеніи разнаго рода сельско-хозяйственныхъ удобствъ, и въ отношеніи размѣровъ землевладѣнія обстановка крестьянскаго хозяйства такова, что, повидимому, должна была бы отбить всякую охоту заниматься хлѣбопашествомъ. Помимо громаднаго количества неудобной земли, поступившей въ распоряженіе крестьянъ «сверхъ надѣла», въ составъ послѣдняго подъ видомъ «удобной» вошла еще масса (около 10% всей надѣльной площади) совершенно никуда негодной земли въ видѣ каменистыхъ горъ и овраговъ, сельско-хозяйственная эксплуатація которыхъ, хотя бы въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ, рѣшительно невысказима. Весьма многого оставляетъ также желать самое расположеніе крестьянскихъ надѣловъ. Прежде всего, безусловно вредно отзывается на крестьянскомъ хозяйствѣ недостаточная округленность надѣльныхъ дачъ. Въ надѣльную землю, наприм., д. Македоновки врѣзывается 100 десят. частновладѣльческой земли, на которой имѣется водопой; не имѣя собственнаго водопоя, македоновцы вынуждены на крайне тяжелыхъ условіяхъ арендовать эту землю для водопоя и пастьбы скота. Въ с. Ивановкѣ крестьянскій надѣлъ врѣзывается въ экономическую землю, откуда, по заявленію крестьянъ, крайнее стѣсненіе прогона. То же самое въ дд. Камышевкѣ, Викторовкѣ и мног. друг. Затѣмъ близкое сосѣдство владѣльческой земли съ крестьянскими усадьбами оказывается почти всегда весьма убыточнымъ и неприятнымъ сосѣдствомъ. Въ д. Церковной экономическая земля отстоитъ всего саженой на сто отъ крестьянскихъ дворовъ; и вотъ, не поладить изъ-за чего-либо владѣлецъ съ крестьянами—засѣваетъ свою землю льномъ и взыскиваетъ штрафы, если крестьянскій скотъ случайно взойдетъ на пахоть, что, при крайней близости усадебъ, неизбежно, случается весьма часто. Еще лучше въ с. Авдотьянѣ: здѣсь усадебный надѣлъ такъ удачно выкроенъ, что *часть улицы* оказывается собственностью землевладѣлицы, г-жи М. ⁶⁾. Какъ дорого такое близкое сосѣдство обходится крестьянамъ, судить легко: по заявленію крестьянъ (наприм., въ с. Анненскомъ), нѣкоторымъ изъ нихъ приходилось въ одинъ приемъ уплачивать до 30 руб. штрафа. Наконецъ, еще болѣе вредно от-

зывается на крестьянскомъ хозяйствѣ хаотическая чрезполосица, крайняя растянутость надѣловъ, разбросанность ихъ и въ высшей степени антихозяйственное расположение усадебной осѣдлости по отношенію къ полевому надѣлу. Такъ, въ с. Макаровомъ-Яру надѣлъ растянутъ узкою лентой почти въ *четырнадцать* верстъ длины, причемъ, сверхъ того, онъ разрѣзанъ еще на двѣ части надѣломъ хутора Анастасьевского; усадьбы расположены на разстояніи версты отъ полевого надѣла, къ которому ведетъ неширокій прогонъ (въ 30—50 саж.) по экономической землѣ. Надѣлъ с. Георгіевского чрезполосенъ съ экономической землей, лежитъ дальше послѣдней отъ усадебъ и растянутъ на *девять* верстъ: крестьяне поневолѣ арендуютъ для пастбы скота до 500 десят. экономической земли за солидный отработокъ. Въ с. Дружковѣ усадьбы находятся на разстояніи версты отъ надѣла и выгона, чрезполосныхъ съ частновладѣльческой землей; крайнее стѣсненіе прогона вызвало здѣсь переселеніе части домохозяевъ на отдаленную часть надѣла. Въ дд. Новоселовкѣ, Петровенькѣ, Петро-Голенишевкѣ усадебная осѣдлость отдѣлена отъ остальныхъ угодій земель частныхъ владѣльцевъ. *Среди надѣла* с. Адрианополя находится 6 десятинъ огородной частновладѣльческой земли, д. Васильевки—два участка чужаго лѣса, с. Петровскаго—54 десят. частновладѣльческой земли и т. д. и т. д. Мы могли бы затѣмъ насчитать десятки общинъ, надѣлы которыхъ разбросаны въ двухъ, трехъ и даже четырехъ кускахъ, расположенныхъ другъ отъ друга на почтительномъ разстояніи. Надѣлъ с. Рубежнаго, наприм., чрезполосенъ съ землею г. Б. и состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ кусковъ неравной величины; отдаленность большей части надѣла вызвала выселеніе туда большей части домохозяевъ; пользованіе полевымъ надѣломъ крайне неудобно; прогонъ скота на отдаленную часть надѣла сопряженъ съ большими затрудненіями, во избѣжаніе которыхъ крестьяне вынуждены арендовать толоку (пастбище) у г. Б. Надѣлъ с. Лисичанъ состоитъ изъ двухъ кусковъ и чрезполосенъ съ владѣніями *трехъ* землевладѣльцевъ и надѣльною землей с. Рубежнаго; кромѣ того, *внутри* надѣла—казенная рудничная земля и земля горныхъ чиновниковъ; одинъ кусокъ надѣла лежитъ въ 3 верстахъ, другой—въ 8 верстахъ отъ села; прогонъ скота абсолютно невозможенъ. Но особенно выдающееся, можно сказать, образцовое положеніе занимаютъ въ данномъ отношеніи 11 общинъ, составляющихъ общества дд. Пришибъ №№ 1 и 2. Здѣсь усадьбы *со всѣхъ сторонъ* окружены землей г. К.—выхъ, отдаляющей, въ то же время, надѣлы общинъ другъ отъ друга и отъ усадебъ. Изъ 6 общинъ, составляющихъ общество № 1, общинѣ крестьянъ, бывшихъ А. К.—ва, надѣлъ нарѣзанъ въ полуверстѣ отъ селенія полосой въ *70 саж.* ширины и въ *девять верстъ* длины. Общинѣ крестьянъ, бывшихъ Н. К.—ва, данъ надѣлъ въ 3 верстахъ отъ усадебъ шириною въ 70 саж. и длиною въ *восемь* верстъ. Остальныя четыре общества получили надѣлъ въ *девяяти* верстахъ отъ усадебъ. «Понять скотъ на свою землю,—жалуются крестьяне,—невозможно: она оставляется безъ толоки; выгонъ для пастбы скота приходится ежегодно арендовать за тѣ

цѣну, какую запросятъ; на нѣкоторые участки, чтобы не надѣлать вреда (не наробить шкгоды), невозможно проѣхать, такъ какъ, по причинѣ растянутасти полей, дороги-межниги настолько узки, что при проѣздѣ неизбежно топчется хлѣбъ. Еще хуже положеніе 5 общинъ, составляющихъ общество № 2; здѣсь соединились всѣ бѣды въ совокупности: доведенная до крайности чрезполосица, чрезмѣрная узкость и растянутасть полевого надѣла и чрезвычайная отдаленность усадебъ: до надѣла необходимо проѣхать восемь верстъ по чужой землѣ!... Не надо забывать, кромѣ того, что Донецкій бассейнъ лежитъ въ безводной степной полосѣ. Крестьянскія надѣльные дачи часто совершенно лишены водооя и вотъ къ чему это приводитъ. Въ д. Орѣховкѣ по выкупному договору единственнымъ водопоемъ значится колодець, находящійся въ общемъ пользованіи съ помѣщикомъ на его же землѣ; но владѣлецъ допускаетъ крестьянскій скотъ къ колодцу только тогда, когда это ему угодно; обычнымъ же водопоемъ для крестьянскаго скота служитъ рѣка Камышеваха, протекающая по владѣльческой дачѣ. За этотъ водою платятъ владѣльцу солиднымъ отработкомъ, именно — за каждую штуку *чулваго* скота и каждую корову свозять съ поля по 10 копенъ хлѣба; овецъ, телятъ и свиней поятъ безплатно; а для остальнаго, *рабочаго* скота специально арендуютъ толоку съ водопоемъ. Въ д. Криничной за право пользованія водопоемъ (прудомъ) крестьяне уплачиваютъ владѣльцу опять-таки работой; за *право мойки бѣлья* во владѣльческомъ пруду бабы должны мазать въ экономіи по два дня отъ каждаго двора. То же самое въ сс. Андреевкѣ, Марьиной-Поповкѣ, Краснопольѣ, Георгіевскомъ и друг. Повсюду отсутствіе воды и водооя приводитъ все къ той же принудительной арендѣ: ради водооя приходится арендовать подчасъ совершенно излишнюю, рѣшительно «неподходящую» крестьянамъ землю, уплачивая за нее непомѣрно высокую цѣну въ формѣ разнаго рода отработковъ; ежегодно же крестьянамъ приходится затрачивать значительныя суммы и массу труда на устройство, содержаніе и ремонтъ собственныхъ криницъ и запрудъ, гдѣ онѣ есть, а въ результатѣ, какъ установлено изслѣдованіемъ, и скотъ поятъ гнилою водою и сами пьютъ ее же. Будь еще донецкіе крестьяне въ достаточной степени надѣлены землей, со всѣми этими бѣдами можно было бы какъ-нибудь справиться, ихъ вредное вліяніе не сказывалось; бы такъ сильно. Но существовавшій въ недавнюю эпоху захватнаго владѣнія широкій земельный просторъ, памятный еще живущему поколѣнію?), отошелъ уже въ область преданій. Изъ 464 общинъ, образующихъ мѣстное сельское населеніе, 106 общинъ принадлежатъ къ разрядамъ дарственниковъ или усадебниковъ, слѣдовательно, являются или почти, или вполне безземельными; 309 общинъ владѣютъ надѣломъ, не достигающимъ въ среднемъ двухъ десятинъ на наличную душу, и только остальные 49 общинъ — бывшихъ государственныхъ крестьянъ и поселянъ горнаго вѣдомства — надѣлены землей въ болѣе или менѣе достаточныхъ размѣрахъ. Затѣмъ почти повсемѣстно чувствуется крайній недостатокъ выгона и пастбищныхъ угодій. Сѣнокосныя угодья въ

крестьянскомъ надѣлѣ чрезвычайная рѣдкость: кажется просто неправдоподобнымъ, что на всѣ 191 общину бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Славяносербскаго уѣзда получено въ надѣлѣ всего 101,6 десят. сѣнокошной земли и что изъ 257 общинъ Бахмутскаго уѣзда сѣнокошныя угоды—и то въ крайне ничтожныхъ размѣрахъ—встрѣчаются только у 38 общинъ. Полное почти отсутствіе сѣнокошныя угоды привело къ тому, что донецкіе крестьяне въ большихъ размѣрахъ практикуютъ залужаніе надѣльной пахотной земли подъ сѣнокошь. Но и такимъ путемъ добытое сѣно не можетъ покрыть всѣхъ потребностей въ кормѣ, почему приходится еще прибѣгать къ арендѣ сѣнокоса на сторонѣ, а частью и прямо къ покупкѣ зимняго корма. Нельзя насчитать и десятка общинъ, гдѣ его хватало бы до конца зимы и гдѣ поэтому не приходилось бы приобретать его на сторонѣ частью за деньги, а главнымъ образомъ, за самые разнообразные отработки; при этомъ кубическая сажень старой гнилой соломы обходится нерѣдко въ 30—40 рублей. О достаточныхъ, соответствующихъ хозяйственнымъ потребностямъ размѣрахъ скотоводства, само собою, странно было бы и думать. Если же прибавить еще чуму, мѣстами (наприм., въ Адрианополь и друг.) почти поголовно истребившую рогатый скотъ, широкое развитіе конюводства, благодаря которому нѣкоторыя общины (наприм., с. Верхняго) совершенно перестали держать лошадей,—если прибавить сусликовъ, до послѣдняго колоса истребляющихъ тысячи десятинъ крестьянскаго посѣва, если прибавить, наконецъ, кузьку-жука, засуху, бездождье, хроническіе неурожаи, то картина донскаго крестьянскаго хозяйства явится безобразною картиной какой-то своеобразной «земледѣльческой каторги», притомъ, каторги добровольной, изъ которой крестьянинъ не только не бѣжитъ, но въ которой онъ старается остаться во что бы то ни стало, прибѣгая для этого ко всякаго рода ухищреніямъ и способамъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ аренда внѣнадѣльной земли.

II.

Данныя мѣстнаго изслѣдованія безусловно убѣждаютъ въ томъ, что мѣстное населеніе не удовлетворяется и не можетъ удовлетвориться одною только надѣльною землею, такъ какъ ея рѣшительно не хватаетъ на покрытие всѣхъ нуждъ и потребностей крестьянскаго хозяйства. Если, съ одной стороны, это привело къ тому, что около 10% населенія, при всей силѣ своего тяготѣнія къ землѣ, волей-неволей «пригончили» свое земельное хозяйство, разбѣжавшись по частновладѣльческимъ экономіямъ, шахтамъ, заводамъ, «на Донъ», «на Линію», «за Кубань», то, съ другой стороны, въ остальной части населенія, которая осталась вѣрна землѣ, это вызвало усиленное стремленіе къ пополненію недостатка въ ней, главнѣйшимъ образомъ, путемъ аренды на сторонѣ. Было бы, впрочемъ, не вполне согласно съ истиной относить внѣнадѣльную аренду всецѣло на счетъ недостатка надѣльной земли. Выше было упомянуто о 49 общинахъ, слав-

нительно, многоземельных; между тѣмъ, и въ этихъ общинахъ аренда практикуется въ довольно широкихъ размѣрахъ⁸⁾. Еще немного лѣтъ тому назадъ эти общины вполне удовлетворялись одною своею надѣльною землею, такъ что здѣсь аренда на сторонѣ—явленіе недавнее, *получившее мѣсто въ силу хроническаго пониженія урожая*. Это, конечно, вполне естественно. Если данная сумма потребностей удовлетворяется опредѣленною площадью при извѣстномъ уровнѣ урожая, то съ пониженіемъ этого уровня та же сумма потребностей можетъ быть удовлетворена только соотвѣтственно ббльшею площадью. Это подтверждается какъ показаніями самихъ крестьянъ, такъ и сопоставленіемъ урожая съ размѣрами посѣвовъ. Крестьяне с. Павловки, наприм., положительно заявляютъ, что увеличеніе запашекъ началось у нихъ съ 1870 года и что съ тѣхъ поръ, *благодаря ряду неурожая*, размѣры запашекъ удвоились. По словамъ крестьянъ д. Ново-Анненской, надѣльная земля у нихъ совершенно «выпахана», зарастаетъ сорными травами и даетъ поэтому плохіе урожаи, что вынудило ихъ, съ одной стороны, сократить площадь пастбища и выгона, превративъ ихъ въ пахотныя поля⁹⁾, съ другой—расширить посѣвы на арендованной землѣ. На истощеніе надѣльныхъ полей жалуются также крестьяне с. Каменки, указывающіе въ свою очередь, какъ на слѣдствіе этого, на сокращеніе выгона и расширеніе аренды. «Съ 1861 года,—гласитъ запись въ поселскомъ бланкѣ по д. Давидовкѣ,—значительно увеличился посѣвъ на арендованной землѣ: своя земля стала зарастать сорными травами и стала выпахиваться совсѣмъ». «Вообще,—говорится въ другой записи, по д. Мало-Ивановкѣ,—размѣры запашекъ увеличились чуть-ли не вдвое противъ прежняго, какъ на своей землѣ, такъ и на арендованной, причемъ аренда увеличивается изъ года въ годъ, ибо на своей землѣ по многимъ мѣстамъ одолаваютъ овсюгъ, бурьянъ, суръпа и т. д.» Значительно увеличились также, по свидѣтельству крестьянъ, размѣры запашекъ въ деревняхъ Паньзовкѣ №№ 1 и 2, «но всѣ посѣвы по преимуществу производятся теперь на арендованной землѣ; своя же, надѣльная, повыпахалась и стала зарастать сорными травами». А крестьяне д. Соколовки сѣютъ теперь значительно больше, чѣмъ прежде, потому что, въ виду пониженія урожая, — говорятъ они, — *хотя больше степь, да меньше беремъ, а мало поспѣй—ничего не возьмешь*. Считаемъ совершенно излишнимъ приводить всю остальную массу показаній, совершенно однородныхъ съ вышеприведенными и единогласно свидѣтельствующихъ о томъ, что расширеніе аренды—въ значительной степени продуктъ истощенія почвы и пониженія урожая. Это подтверждается и слѣдующими конечными результатами сопоставленія урожая съ посѣвами, сдѣланнаго нами¹⁰⁾ по 23 волостямъ бывшихъ помещичьихъ крестьянъ Славяносербскаго уѣзда, сгруппированныхъ разъ по урожаю ржи, другой—по урожаю пшеницы, причемъ въ первую группу вошли волости съ урожаемъ отъ 1,5 до 2,5, во вторую—съ урожаемъ 2,5—3,5 и въ третью—съ урожаемъ болѣе 3,5.

Г р у п п и р о в к а п о у р о ж а ю .

Группы волостей съ урожаяемъ.	а) Р ж и .		б) П ш е н и ц ы .	
	Средній по группѣ урожай.	На дворъ десятины посѣва группѣ уро- ржи и ячме- на.	Средній по На дворъ по- сѣва десяти- най пшени- цы.	На дворъ по- сѣва десяти- най ржи и ячменя.
I) 1,5—2,5	1,9	2,9	1,7	3,8
II) 2,5—3,5	2,9	4,7	2,9	3,7
III) 3,5 и болѣе.	3,8	4,5	3,8	3,8

Какъ ни слабо сказывается здѣсь вліяніе высоты урожая на размѣры посѣвной площади, но вліяніе это несомнѣнно: минимальный урожай совпадаетъ съ максимальной посѣвною площадью и наоборотъ. Это взаимоотношеніе высоты урожая и посѣвной площади станетъ еще болѣе очевиднымъ, если мы прослѣдимъ его на одномъ какомъ-нибудь хлѣбѣ, именно главнымъ—пшеницѣ:

Группы волостей съ урожаяемъ.	Общее число домохозяевъ.	Посѣяно пшеницы десятинъ.	
		В с е г о .	На дворъ.
I) 1,5—2,5	3,735	11,739,6	3,14
II) 2,5—3,5	3,203	10,402,5	3,06
III) 3,5 и болѣе.	2,264	6,341,8	2,80

Думается, исходя изъ полученныхъ здѣсь среднихъ, мы имѣемъ всѣ основанія считать доказаннымъ вышеустановленное положеніе, что—*caeteris paribus*—размѣры крестьянскихъ посѣвовъ обратно пропорциональны вы-
сота урожая ¹¹⁾. Затѣмъ уже само собою понятно, что расширение посѣвовъ, вызванное пониженіемъ урожаяемъ, при неизмѣнности надѣльной пахотной площади, могло произойти только на счетъ арендованной земли, приобретаемой изъ двухъ источниковъ. Часть крестьянъ, какъ сказано уже, волей-неволей бросаетъ надѣлы, которые черезъ міръ или непосредственно поступаютъ въ пользованіе оставшихся, — слѣдовательно, дѣлается «просторнѣе» на надѣльной землѣ. Однако, этимъ просторомъ удается воспользоваться далеко не всѣмъ, а только незначительному меньшинству, состоящему изъ экономически-сильнѣйшихъ домохозяевъ: въ ихъ рукахъ концентрируются сданные и брошенные надѣлы. Что же касается подавляющаго большинства, то оно обращается къ другому источнику—къ запасному земельному фонду, образуемому свободною частью внѣнадѣльной земли, т. е. излишкомъ ея сверхъ той части, которая отходитъ подъ собственное хозяйство самихъ частныхъ владѣльцевъ.

Изъ сотни слишкомъ записей (занесенныхъ въ поселные бланки со словъ крестьянъ) по исторіи арендныхъ цѣнъ и формъ арендной платы, приведемъ десятокъ-два, по которымъ уже нетрудно судить о характерѣ всѣхъ остальныхъ. Запись по с. Успеные № 1 гласитъ слѣдующее: «Уже почти съ 1867 года владѣльцы перестали сдавать землю за деньги—больше за отработокъ; если же удастся иногда арендовать за деньги, то за

очень высокую плату: отъ 5,50 до 7 рублей за десятину, вмѣсто прежнихъ 1—3 руб.» По *хут. Гоновскъ*: «Лѣтъ 10 назадъ (около 1875 года) помѣщики перестали сдавать за деньги—больше за отработокъ». По *д. Ново-Павловскъ*: «Денежной аренды почти не существуетъ: вытѣснена отработкомъ и скопщиной». По *д. Уткиной*: «Съ воли существуетъ натуральная аренда; только съ 1880 года у П—на, такъ какъ онъ не занимается хозяйствомъ, начали брать за деньги». Окружающіе *д. Ящиково* «владѣльцы считаютъ гораздо выгоднѣе сдавать землю съ третьей копны, нежели за деньги». По словамъ крестьянъ *с. Николаевки*, «за деньги никакъ не дають (владѣльцы),—только тѣмъ, которые живутъ въ экономіи, служащимъ, но не менѣе, какъ по 5 рублей за десятину»,—слѣдовательно, денежная аренда тутъ фигурируетъ только въ качествѣ особой милости. По *д. Ново-Анненской* запись гласитъ, что «спустя 10 лѣтъ послѣ воли, когда экономіи стали переходить въ руки арендаторовъ, послѣдніе повысили цѣны на пахоты; цѣны эти росли изъ года въ годъ и денежная аренда стала замѣняться отработкомъ». По *д. Михайловскъ*: «Уже черезъ два года по освобожденіи денежная аренда по какимъ-то причинамъ (?) совершенно уничтожена». По *с. Краснокурску*: «Уже девятый годъ, какъ денежная аренда вытѣснена скопщиной—третья копна съ уборкой и возкой доли владѣльца». Крестьянами *д. Петрово-Краснополе* «съ давнихъ временъ аренда производится не за деньги, а за отработки, потому что помѣщики считаютъ такую сдачу выгоднѣе для себя и П—въ и Б—ль за деньги никому не дають, хотя мы (крестьяне) желали бы этого». Крестьянамъ *д. Хротоновки* «съ 1861 года арендовать за деньги не приходилось; лѣтъ десять тому назадъ появилась скопщина». Въ *с. Штеровкѣ* «аренда все время (съ 1861 года) усиливалась на счетъ отработка, вытѣснивъ денежную». Изъ записи по *с. Павловкѣ* узнаемъ, что «съ 1870 года запашки стали увеличиваться и цѣны на землю стали расти; въ 70-хъ годахъ земли прежнихъ владѣльцевъ стали переходить въ руки болѣе стоящихъ (состоятельныхъ?) лицъ, которыя совсѣмъ отказались давать землю крестьянамъ; тогда нѣсколько обществъ стали обращаться за землей къ одному владѣльцу и потому цѣны еще болѣе повысились». Въ *д. Орховкѣ* «преобладающая аренда—натуральная; вызвана недостаткомъ рабочихъ рукъ для полевыхъ работъ по случаю развитія въ окрестностяхъ новаго промысла—возки угля». Въ *д. Дмитриевкѣ* «съ воли подъ скопщину не брали, потому что выгоднѣе за деньги, но теперь заставляютъ брать подъ скопщину». Въ районѣ *с. Васильевки* «со времени проведенія донецкой желѣзной дороги денежная аренда начала замѣняться натуральной; замѣна эта вызвана открытіемъ шахтъ, вслѣдствіе чего помѣщикамъ нужно было везти свой уголь на станцію, почему и нашли нужнымъ сдавать землю подъ отработокъ». Въ *д. Петровкѣ № 1* «скопщина—съ воли; затѣмъ частью замѣнилась отработкомъ—возкой угля на станцію». Крестьяне *с. Петропавловки* «до 1870 года брали за деньги; потомъ—за отработокъ, а съ 1883 года явилось новое условіе аренды, прежде неизнаемое—скоп-

пина». Въ с. *Крымскомъ* «прежде можно было брать за деньги; лѣтъ плавдъ пошла скопщина, но намъ (крестьянамъ) очень не выгодно». На конецъ, вотъ лаконическая, но вразумительная запись по с. *Верунки* «За деньги—никакъ нѣтъ; съ копны».

Мы не пишемъ теперь specialнаго изслѣдованія объ арендѣ и потому эти записи интересны для насъ не со стороны выясняемыхъ ими условій и причинъ возникновенія различныхъ формъ арендной платы,—это вопросъ особый, котораго мы здѣсь касаться не будемъ ¹²⁾. Для насъ въ данномъ случаѣ эти записи интересны постольку, поскольку онѣ свидѣтельствуютъ о лихорадочномъ ростѣ арендныхъ цѣнъ, вполне естественномъ въ краѣ съ быстро возрастающимъ, благодаря земледѣльческой и капиталистической колонизаціи ¹³⁾, населеніемъ, о второстепенной роли денежной аренды и первостепенной, съ каждымъ днемъ усиливающейся роли аренды натуральной въ формѣ скопщины или отработка, относительно которыхъ трудно рѣшить, какая изъ этихъ двухъ формъ убыточнѣе для съемщика. Согласно вычисленію, сдѣланному въ солидномъ изслѣдованіи предсѣдателя екатеринославской уѣздной земской управы, И. Н. Кранца, съемщикъ при скопщинѣ несетъ убытка отъ 1 р. 41 к. до 5 руб. 16 коп. на десятину, въ то время какъ владѣлецъ съ той же десятины получаетъ дохода отъ 4 р. 46 коп. до 6 р. 74 коп. ¹⁴⁾. Но этотъ расчетъ сдѣланъ для Екатеринославскаго уѣзда, гдѣ въ пользу владѣльца при скопщинѣ поступаетъ только третья доля урожая; въ Донецкомъ же бассейнѣ третья доля частію поступаетъ въ пользу съемщика, а наиболѣе распространенныя условія скопщины: $\frac{1}{2}$ и $\frac{2}{3}$ копны въ пользу владѣльца,—слѣдовательно, убыточность скопщины для съемщика здѣсь должна быть еще несравненно болѣе. Что же касается отработка, то, капитализируя его даже по самой низкой оцѣнкѣ труда ¹⁵⁾, мы придемъ къ неизбѣжному заключенію, что въ этомъ случаѣ аренда обходится съемщику не дешевле, чѣмъ при скопщинѣ, причемъ, сверхъ того, аренда за отработку сопряжена еще съ массою неудобствъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ хотя бы только *однѣмъ подесятиннымъ сѣмъ одной только пахотной земли*, которую крестьяне арендуютъ за натуральную плату въ 4 раза чаще (по числу случаевъ) и больше (по площади), чѣмъ за денежную плату. Если мы сдѣлаемъ различіе между *съемщиками и случаями сѣма* ¹⁶⁾, то окажется, что на каждого съемщика приходится $1,36$ случаевъ подесятиннаго сѣма пахотной земли, т. е. что въ среднемъ изъ общаго числа съемщиковъ имѣеть возможность ограничиться однократнымъ сѣмомъ менѣе 50%; остальные же должны прибѣгать къ подесятинному сѣму пахотной земли не менѣе, чѣмъ въ двухъ случаяхъ. Но, вѣдь, это, конечно, только въ среднемъ—во-первыхъ, и относительно одного только подесятиннаго сѣма пахотной земли—во-вторыхъ. Коснись же мы и другихъ случаевъ и видовъ аренды, мы могли бы загроздить нашу статью сотнями примѣровъ того, какъ крестьяне вынуждены арендовать пахоть, сѣнокось, бахчи, конопляники и огородную землю клочками, одновременно въ 4, 5 и 6 разныхъ мѣстахъ, у разныхъ

владѣльцевъ. Сдающій землю владѣлецъ, естественно, прежде всего, руководствуется собственными нуждами и потребностями, соображаясь съ которыми, онъ и стремится покрыть всѣ нужныя ему работы отработками, распределенными между наибольшимъ числомъ съемщиковъ. Между наибольшимъ числомъ потому, что нельзя не принять во вниманіе значительнаго процента съемщиковъ, уклоняющихся отъ выполненія условленныхъ отработковъ,—уклоняющихся поневолѣ, фатально, въ силу простой физической невозможности одновременно явиться для отработка, согласно условію, «по первому требованію въ пять разныхъ мѣстъ»¹⁷⁾. Но, каковы бы ни были причины уклоненія, въ конечномъ результатѣ больше всего страдаютъ отъ него сами же съемщики: во-первыхъ, потому, что разъ уклонившемуся въ другой разъ уже трудно достать землю; во-вторыхъ, потому, что чѣмъ выше процентъ уклоняющихся, тѣмъ болѣею суммой отработковъ старается заpastись владѣлецъ,—слѣдовательно, тяжесть ихъ для съемщиковъ усиливается. И вотъ, оказывается, въ концѣ-концовъ, что, вмѣсто поддержки крестьянскаго хозяйства, аренда вѣнадѣльной земли только ускоряетъ процессъ его разрушенія; оказывается, что тамъ, гдѣ крестьянинъ ищетъ спасенія, онъ попадаетъ въ еще болѣе жестокою каторгу, чѣмъ на своей надѣльной землѣ.

Подведемъ итоги. Усадебники и дарственники (цѣлыхъ 106 общинъ изъ 464, что составитъ около 23%) народились въ Донецкомъ бассейнѣ на свѣтъ Божій одновременно съ положеніемъ 19 февраля; недостатокъ въ выгонѣ, сѣнокосахъ, водопоѣ, результаты хаотической чрезполосицы и т. п.,—все это начало чувствоваться уже въ первые годы по освобожденіи; съ каждымъ годомъ все сильнѣе сказываются прелести малоземелья; съ каждымъ же годомъ условія земельного найма ухудшаются, аренда дѣлается затруднительной, а подчасъ и совершенно невозможной (см. выше записку по с. Павловкѣ). Естественно, что уже въ первые годы по освобожденіи многіе изъ донецкихъ крестьянъ принялись за поиски какого-нибудь другаго исхода (помимо аренды), начали, вопреки, или даже, вѣрнѣе, и въ силу своихъ земледѣльческихъ инстинктовъ и симпатій, именно во имя ихъ, ради поддержанія своего земледѣльческаго хозяйства, изыскивать какіе-нибудь побочные подспорные промыслы. Но для того, чтобы удовлетворить крестьянъ, эти промыслы должны были находиться тутъ же, подъ рукою, чтобы не отрывать ихъ отъ хозяйства, чтобы, не превращая крестьянина въ батрака, наемнаго рабочаго, дать ему возможность оставаться самостоятельною хозяйственною единицей, что онъ цѣнитъ выше всего. Въ этихъ цѣляхъ, очевидно, прежде всего, нужно было поискать ихъ, т.-е. промысловъ, тутъ же, на надѣльной землѣ. Такъ донецкіе крестьяне и поступили, но, обратившись не къ бесплодной, каменистой, заросшей сорными травами поверхности своихъ надѣловъ, а къ ихъ нѣдрамъ, чреватыхъ разнаго рода ископаемыми богатствами. Въ однихъ мѣстахъ, гдѣ оказалась глина, развился горшечный промыселъ; въ другихъ, гдѣ оказался камень, крестьяне, такъ называемые горники, занялись выдѣлкою плитъ, катковъ,

жернововъ и т. д. Наконецъ, въ-третьихъ, гдѣ надѣлы изобилуютъ каменнымъ углемъ, крестьяне занялись его добычей. Это самый важный изъ донецкихъ подспорныхъ промысловъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ весьма мало изслѣдованный. Къ нему мы и переходимъ.

III.

Мѣстные землевладѣльцы не могутъ похвалиться такою дальновидностью, какую проявили въ моментъ освобожденія землевладѣльцы многихъ другихъ мѣстностей, напримѣръ, центрального района. По крайней мѣрѣ, примѣры дальновидности, подобные нижеслѣдующему, здѣсь довольно рѣдки. Существуетъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ дер. Софіевка, жители которой среди мѣстнаго населенія извѣстны подъ кличкой «нехотіевцевъ». Эта кличка дана имъ по слѣдующему поводу. Въ нѣдрахъ той земли, которою софіевцы пользовались до освобожденія, должно было, по предположенію землевладѣльцы, находиться 17 каменно-угольныхъ пластовъ и 14 пластовъ желѣзной руды. Естественно, что при освобожденіи землевладѣлица пожелала изъять эту землю изъ владѣнія крестьянъ, отведя имъ надѣлъ въ другомъ мѣстѣ; кромѣ того, она отвела крестьянамъ подъ новыя усадьбы 7½ десят. сверхъ надѣла, потребовавъ отъ нихъ, чтобы они переселились со старыхъ мѣстъ, о чемъ и подписали бы договоръ. Но софіевцы переселиться не захотѣли и договоръ подписать отказались; онъ остался поэтому за подписью одной только владѣльцы. Тѣмъ не менѣе,—жалуются крестьяне,—въ силу этого договора были они переселены по рѣшенію мирового съѣзда. Отсюда и—«нехотіевцы». Но, повторяемъ, такіе примѣры здѣсь не часты, хотя необходимо, конечно, оговориться, что отмѣченныя выше неудобства въ расположеніи крестьянскихъ надѣловъ, особенно тѣ случаи, когда надѣлы эти выкроены отдѣльными лоскутками, такъ сказать, вкраплены въ помѣщичьи дачи,—должны быть, такимъ образомъ, отнесены на счетъ дальновидности этого рода. Впрочемъ, даже при самой искусной выкройкѣ надѣловъ, трудно было что-нибудь подѣлать тамъ, гдѣ каменно-угольныя залежи и рудныя мѣсторожденія образуютъ почти сплошную площадь въ сотни квадратныхъ верстъ: разнаго рода ископаемыхъ богатствъ оказывается теперь въ крестьянскихъ надѣлахъ не менѣе, чѣмъ въ частновладѣльческихъ, оставшихся за надѣломъ. И нужно отдать справедливость донецкимъ крестьянамъ: многочисленные пионеры изъ ихъ среды, безъ всякой научной подготовки, безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ сдѣлали для мѣстной горной промышленности въ отношеніи развѣдокъ и открытія пластовъ гораздо больше крупныхъ предпринимателей, обыкновенно являющихся уже на готовое, когда развѣдки уже произведены, залежи открыты и добыча, слѣдовательно, обезпечена¹²⁾. Въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія прославился открытіемъ каменно-угольныхъ пластовъ крестьянинъ с. Успенскаго, Ефимъ Смирновъ. Будучи ребенкомъ, онъ часто носилъ обѣдъ своему отцу, работавшему на казенныхъ шахтахъ, снабжавшихъ углемъ Луганскій литейный заводъ. Съ

любопытствомъ и пытливостью присматривался онъ здѣсь къ угольнымъ пластамъ и къ разнымъ признакамъ ихъ на дневной поверхности. Придя затѣмъ въ рабочій возрастъ и сдѣлавшись углекопомъ, Ефимъ Смирновъ мало-по-малу практически настолько изучилъ дѣло, что могъ самъ безъ труда производить развѣдки. Последнія всегда увѣнчивались успѣхомъ и принесли не мало выгодъ тогдашнему владѣльцу с. Успенскаго, Масловичу. Бромѣ Масловича, и крестьяне его, по указаніямъ Смирнова, начали рыть шахты на владѣльческой землѣ, въ чемъ, нужно замѣтить, не встрѣчали помѣхи со стороны владѣльца. Мало того: всѣ, занимавшіеся добычей угля, даже освободились отъ барщины съ тѣмъ условіемъ, чтобы каждый давалъ по 5 пуд. угля въ день для винокуреннаго завода. Между тѣмъ, въ 30-хъ годахъ казенныя шахты выработались и уголь, благодаря большому спросу со стороны Луганскаго завода, сильно вздорожалъ: окрестные владѣльцы бросились производить развѣдки на своихъ земляхъ. Между прочимъ, въ числѣ этихъ владѣльцевъ былъ также генералъ Познанскій, который, тайкомъ отъ Масловича, пригласилъ къ себѣ для развѣдокъ Смирнова. Узнавъ объ этомъ, Масловичъ распорядился было Смирнова «выдрать на конюшнѣ»; однако, къ счастью, благодаря заступничеству генерала Познанскаго, пионеръ горнаго дѣла «изъ народа» не только не былъ выпоротъ, но даже получилъ денежную награду¹⁹⁾.

Послѣ освобожденія крестьянъ, когда уже не охота, а нужда заставила крестьянъ искать подспорнаго промысла, пионеры-развѣдчики изъ среды крестьянъ, подобные Смирнову, появились десятками. На мѣстѣ нынѣшняго громаднаго м. Юзово съ его гигантскимъ Новороссійскимъ заводомъ и равноплеменнымъ населеніемъ, еще въ 60-хъ годахъ стоялъ овечій хуторъ, состоявшій изъ овчарни и двухъ хатъ. Въ 1866 году крестьяниномъ с. Семеновки Тихономъ Дворниченко были здѣсь, около сусликовой норы, открыты признаки каменнаго угля и такимъ образомъ положено было начало «Ливенской» шахтѣ, а частью, косвенно, и самому Новороссійскому заводу. Однородной наблюдательности и пытливости крестьянина же обязанъ своимъ открытіемъ и существованіемъ Нестеровскій рудникъ. Опять-таки крестьяне же—Одинцовъ и Бородавка—первые открыли въ 1865 году каменный уголь въ надѣльной землѣ с. Черкаскаго. Дѣти ихъ пасли скотъ и нашли около сусликовой норы «соху», которую и принесли домой; отцы—Одинцовъ и Бородавка, имѣвшіе кое-какія свѣдѣнія объ углѣ, послѣшили произвести развѣдку, увѣнчавшуюся успѣхомъ, и съ тѣхъ поръ, съ ихъ легкой руки, одна за другой начали здѣсь открываться крестьянскія шахты. Въ томъ же году открыты крестьянами каменно-угольные пласты, эксплуатируемые въ настоящее время однимъ изъ крупнѣйшихъ акціонерныхъ горно-промышленныхъ обществъ (Петромарьевскимъ). Въ Иллирійской волости въ 1874 году первые открыли уголь на надѣльной землѣ и занялись его добычей Хомченко и Сабокъ, познакомившіеся съ каменно-угольнымъ дѣломъ на шахтахъ г. Булацеля. Въ Михайловской волости на землѣ г. Сабо уголь открытъ въ 1875 году старикомъ крестьяниномъ Филиппомъ Нарижнимъ;

раньше онъ работалъ на крестьянскихъ Городищенскихъ шахтахъ, но затѣмъ, по старости, поселился дома и пасъ овецъ. Однажды, въ лѣсу, подъ скалою онъ замѣтилъ черную полосу; началъ рыть землю, бить камень и открылъ пластъ, для эксплуатаціи котораго и составила затѣмъ артель изъ 5 крестьянъ. Въ Петропавловской в. въ 1878 г. крестьянинъ с. Орѣховки, Игнатъ Изотовъ Мостоновъ, первый произвелъ развѣдки и занялся добычей угля на надѣльной землѣ. Если пионеръ немислимъ безъ выдающейся силы воли, энергіи, безъ упорства и настойчивости въ достиженіи разъ намѣченной цѣли, то нѣтъ сомнѣнія, что эти черты свойственны и донецкимъ крестьянамъ-пионерамъ. Въ 1876 году въ Крымской волости открыли уголь 4 крестьянина: Урсилловъ, Чабановъ, Каражановъ и Уршиловъ; это открытіе стоило имъ цѣлыхъ 11 мѣсяцевъ труда и невзгодъ. 10 апрѣля 1886 года четыре крестьянина дер. Орѣховки въ первый разъ попытались на своей надѣльной землѣ дорыться до угля. Сначала прошли шурфъ въ 4,5 сажень глубиною, затѣмъ въ горизонтальномъ направленіи прошли шахту въ 50 сажень длины, но до угля не добрались; тогда прошли еще 14 сажень, но опять-таки безуспѣшно; утомились и бросили было работу, но затѣмъ опять между двумя развѣдками заложили шахту и на глубинѣ 10 сажень добрались до угля. И все это — силами нѣсколькихъ чловѣкъ, безъ всякой научной технической подготовки, безъ надлежащихъ матеріальныхъ средствъ, при помощи примитивныхъ, первобытныхъ орудій — кайла, лома и лопаты!...

Нѣтъ сомнѣнія, никто не рѣшится отрицать, что донецкая горная промышленность болѣе чѣмъ кому бы то ни было обязана своимъ развитіемъ именно пионерамъ-развѣдчикамъ изъ среды мѣстныхъ крестьянъ. Личной инициативѣ, личной предприимчивости община открываетъ широкій просторъ. Приведемъ для примѣра правила, давно уже выработанныя и установленныя мірскими приговорами въ хутор. Нельповскомъ и Щербиновскомъ: 1) право на участіе въ устройствѣ шахтъ имѣетъ всякій крестьянинъ, принадлежащій къ общинѣ; 2) устройство каждой шахты предоставляется артели въ составѣ не менѣе 10 чловѣкъ; 3) никто не можетъ участвовать одновременно въ нѣсколькихъ артеляхъ; 4) каждый участникъ артели обязанъ давать въ теченіе года одну (12-ти пудовую) четверть угля для отопленія общественныхъ зданій. Въ этихъ правилахъ, одновременно и типичныхъ, и нормальныхъ для всего бассейна, начало мірской справедливости, безъ сомнѣнія, достаточно соразмѣрено съ требованіями цѣлесообразности: успѣшность производства гарантируется опредѣленною численностью личного состава артелей; развитію капитализма, вѣрнѣе — кулачества на почвѣ наемнаго труда, препятствуетъ воспрещеніе одновременнаго участія въ нѣсколькихъ артеляхъ. Затѣмъ, когда дѣло идетъ объ открытіи новыхъ шахтъ, то мы изрѣдка встрѣчаемся съ задружнымъ, строго-общиннымъ началомъ, въ силу котораго шахта, открытая кѣмъ-либо изъ членовъ общины, съ перваго же момента дѣлается общественнымъ достояніемъ, — всякій можетъ накопать въ ней угля, сколько ему необходимо для его домашнихъ нуждъ и потребностей. Чаше, однако, въ

таких случаях крестьяне руководствуются общинно-трудовым началом, в силу которого первоначально на некоторое время лица, которые произвели разведку и открыли уголь, пользуются правом преимущественной разработки. Такое право первой разработки, аналогичное праву первой записки, предоставлено было мирским приговором в 1875 году двум крестьянам дер. Александровки, Павлу и Прокофию Бондаренковым, открывшим уголь на удельной земле²⁰). В 1886 году открыть уголь в дер. Ореховкѣ (Терско-Ивановской волости) и крестьяне постановили приговором предоставить каждому, открывшему уголь, исключительное право добычи его на пространствѣ одной десятины нѣдръ, до тѣхъ поръ, пока не выработается ее. В этомъ случаѣ, слѣдовательно, община даже поощряет личную инициативу, предприимчивость отдѣльных своихъ членовъ. То же самое наблюдается и въ десяткѣ другихъ общинъ. Повсемѣстно каждый желающій имѣть право заняться добычей угля на надѣльной землѣ и нерѣдко даже можетъ, не испрашивая спеціальнаго разрѣшенія общины, переуступить заложенную шахту другому лицу, что, конечно, нисколько не претиворѣчитъ общинной «свободѣ присска». Повсемѣстно же собственно община, миръ, какъ верховный распорядитель надѣльной земли, какъ собственникъ всѣхъ заключающихся въ ея нѣдрахъ первопродуктовъ, сознающій за собою верховное право надзора за добычей, ограничивается тѣмъ, что получаетъ натуральную «горную пошлину» въ формѣ опредѣленнаго количества угля для отопленія общественныхъ зданій и устанавливаетъ правила, имѣющія задачей урегулировать разведку и устранить хищническую эксплуатацію подземныхъ богатствъ.

Крестьянскія шахты не безъ основанія могутъ быть названы кустарными. По крайней мѣрѣ, всѣ признаки, характеризующіе подспорный кустарный промыселъ, имѣютъ налицо: во-первыхъ, добыча угля изъ крестьянскихъ шахтъ производится въ свободное отъ земледѣльческихъ работъ осенне-зимнее время, т.-е. въ промежутокъ между двумя сельско-хозяйственными періодами; во-вторыхъ, затраты «капитала» весьма незначительны, — все держится почти исключительно на трудѣ; въ-третьихъ, рабочій-производитель является одновременно и собственникомъ добытаго продукта; въ-четвертыхъ, трудъ наемный — большая рѣдкость: такъ, напримѣръ, на 107 крестьянскихъ шахтахъ Славяносербскаго уѣзда насчитывается всего 27 наемныхъ рабочихъ; наконецъ, въ-пятыхъ, донецкій кустарь-углекопъ большею частью работаетъ не на отдаленный, неизвѣстный рынокъ, а, прежде всего, на самого же себя, затѣмъ — на опредѣленный мѣстный рынокъ и часто даже — на извѣстнаго ему мѣстнаго потребителя. Крестьянскія шахты являются поэтому, такъ сказать, болѣе кустарными, чѣмъ собственно кустарная (обрабатывающая) промышленность центрального района, гдѣ получилъ уже такое широкое приложеніе наемный трудъ, гдѣ кустарное производство въ значительной степени уподобилось уже капиталистическому производству ради производства (на складъ); гдѣ поэтому кустарная промышленность, подобно капиталистической, стала лицомъ къ лицу со зломъ ги-

перпродукціи, переживая, въ бѣшеной погонѣ за рынками, точно такіе же кризисы. Новѣйшія изслѣдованія кустарныхъ промысловъ центрального района (гг. Харизоменова, Пругавина и др.) привели изслѣдователей къ тому заключенію, что нельзя, во-первыхъ, безусловно противопоставлять кустарное производство капиталистическому, и нельзя, во-вторыхъ, сравнивать по значенію кустарную промышленность съ общиной, такъ какъ «условія производства, дѣли его, весь складъ жизни и исторія этихъ двухъ областей совершенно различны, а потому и совершенно противоположны эти области по характеру своего воспитательнаго вліянія на массу»: въ то время, какъ община развиваетъ духъ коллективизма и солидарности, «кустарная промышленность развиваетъ въ народѣ индивидуализмъ и конкуренцію» (Пругавинъ). Все это, можетъ быть, и вѣрно, пока рѣчь идетъ о кустарныхъ промыслахъ въ собственномъ смыслѣ, но рѣшительно не подтверждается о томъ промыслѣ, о которомъ здѣсь у насъ идетъ рѣчь, наоборотъ: 1) кустарныя шахты могутъ быть смѣло противопоставляемы капиталистическимъ: ни въ отношеніи производства наемнаго труда и т. п., ни въ отношеніи сбыта между ними нѣтъ ничего общаго; 2) кустарныя шахты и община по своему значенію вполне тождественны, одинаково развивая духъ коллективизма и солидарности. Въ данномъ случаѣ—нельзя этого забывать—дѣло идетъ о промышленности *добывающей*—въ болѣе строгомъ смыслѣ даже, чѣмъ это можно сказать о земледѣліи. Собственникомъ земли, нѣдръ ея и добываемаго изъ нихъ сырья является та же община, какъ мы видѣли выше, положившая въ основу эксплуатаціи этихъ нѣдръ тѣ же начала коллективизма и мірской справедливости, которыми она руководствуется и въ области земледѣлія. Даже болѣе. Уже въ силу самыхъ техническихъ условій производства, превышающаго силы отдѣльной семьи, въ основу его положено *артельное начало*,—слѣдовательно, здѣсь коллективизмъ проведенъ гораздо дальше, чѣмъ въ области земледѣлія. Крестьянскихъ шахтъ *не-артельныхъ*, гдѣ, слѣдовательно, добыча производится наемнымъ трудомъ, нельзя насчитать и десятка, да и тѣ—исключительно продуктъ ухищреній и махинацій кулаковъ-міроѣдовъ, умудряющихся и до поры до времени игнорирующихъ возможность обходить всякія правила, установленныя мірскими договорами. Составивъ требуемую правилами артель, кулаки затѣмъ, по открытіи шахтъ, даютъ своимъ компаньонамъ отъ 10 р. до 50 р. (хут. Нельповскій и Щербиновскій) *отступнаго* наличными деньгами или углемъ и такимъ образомъ фактически дѣлаются единоличными хозяевами шахтъ. Или еще проще: они составляютъ фиктивную артель, *нанимая*, подчасъ за одинъ «могарычъ», требуемое правилами количество участниковъ. Но, вѣдь, это, во-первыхъ, только *злоупотребленіе*, изъ существа дѣла не проистекающее и нисколько его не измѣняющее; во-вторыхъ, всегда во власти общины положить конецъ такимъ злоупотребленіямъ, и если она этого пока еще не сдѣлала, то потому только, что пока такіе случаи весьма рѣдки и зло не приняло еще чувствительныхъ размѣровъ. Опять-таки не нужно ни на минуту забывать, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не объ обрабатываю-

щей промышленности, гдѣ вмѣшательство общины въ организацію промысла немислимо, — рѣчь идетъ о промышленности добывающей, по отношенію къ которой община, какъ верховный собственникъ надѣла и всѣхъ его первопродуктовъ, вполне ясно сознаетъ свое верховное право контроля, надзора и вмѣшательства. Въ этой области неизбежно произойдетъ то же самое, что наблюдается, наприм., относительно усадебныхъ и приусадебныхъ угодій. Трудно еще гдѣ-либо встрѣтить такую поразительную неравномѣрность въ распредѣленіи усадебной земли, какая наблюдается въ Донецкомъ бассейнѣ, благодаря недавнему еще господству захватнаго владѣнія²¹⁾. Пока эта неравномѣрность не сопряжена была съ особенными неудобствами, община относилась къ ней равнодушно; но разъ только почувствовалась потребность въ уравненіи усадебъ — и вся изслѣдуемая мѣстность охвачена уже оживленнымъ движеніемъ въ этомъ направленіи. Дѣло уравненія усадебъ сдѣлало уже гигантскіе успѣхи, несмотря на отчаянное противодѣйствіе экономически сильнѣйшаго меньшинства, опирающагося, притомъ, на 110 ст. мѣстн. положен. И это вполне естественно. Жизнь того же Донецкаго бассейна даетъ намъ право сказать, что *когда мѣръ чувствуетъ себя въ правѣ, то онъ оказывается и въ силахъ...* Окажется онъ поэтому въ силахъ и тогда, когда найдетъ нужнымъ охранить артельное начало отъ покушеній кулаковъ-мироѣдовъ.

Артель — соединеніе на основѣ труда, а не капитала. Отсюда уже само собою слѣдуетъ, что въ составъ ея должны входить, по возможности, одинаково трудоспособныя лица. Частью это, частью подспорный характеръ промысла и ведетъ къ тому, что донецкія артели углекоповъ организуются по преимуществу изъ молодежи; старики въ артеляхъ встрѣчаются рѣдко, — они остаются дома, при хозяйствѣ, которое, конечно, и въ періодъ, свободный отъ сельско-хозяйственныхъ работъ, все-таки, требуетъ извѣстнаго труда и надзора. Численность личного состава артелей не велика: въ Славяносербскомъ уѣздѣ она не превышаетъ, обыкновенно, 5—6 человекъ; рѣдко встрѣчаются артели въ 7—8 человекъ; въ Бахмутскомъ уѣздѣ, гдѣ больше крестьянскихъ конныхъ шахтъ, чаще встрѣчаются артели въ 10—12 человекъ. Небольшой личный составъ артелей является порукой ихъ жизненности и прочности, которой не всегда могутъ похвалиться слишкомъ многочисленныя артели. Въ небольшихъ донецкихъ артеляхъ сходятся люди, хорошо знакомые съ характеромъ, трудовыми силами и способностями другъ друга, по возможности, люди равносильные даже въ экономическомъ отношеніи. Здѣсь поэтому нѣтъ мѣста тѣмъ недоразумѣніямъ, которыя, при крайне разнородномъ составѣ непомерно большихъ артелей, быстро приводятъ ихъ или къ окончательному разложенію и распаденію, или же къ искаженію артельного начала. Даже въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда въ составъ донецкихъ артелей входятъ лица экономически неравносильные, — это рѣдко приводитъ къ нежелательнымъ осложненіямъ; подчасъ даже это оказывается весьма выгоднымъ для бѣднѣйшихъ участниковъ. Какъ ни ничтожна, сравнительно, въ данномъ случаѣ роль «капитала», но извѣстная сум-

ма денежных затрат (особенно въ началѣ предпріятія) неизбежна. Небольшой основной капиталъ предпріятія обыкновенно составляется путемъ безвозвратныхъ паевыхъ взносовъ, равно великихъ для всѣхъ участниковъ артели. Сами по себѣ эти взносы не велики, но только, конечно, не съ точки зрѣнія крестьянскаго бюджета, въ которомъ сумма въ 5—10 рублей составляетъ солидный капиталъ, которымъ свободно располагаетъ далеко не всякій. Если бы поэтому сохранились въ артели одни только бѣдные хозяева, то предпріятіе пришлось бы основывать всецѣло на счетъ основнаго займа, который не безъ основанія считается гибельнымъ для всякаго артельного предпріятія, а тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ, когда этотъ заемъ пришлось бы произвести у мѣстныхъ Колупаевыхъ на чрезвычайно невыгодныхъ условіяхъ, сопряженныхъ съ запродажей грядущей добычи. При совмѣстномъ участіи въ артеляхъ бѣдныхъ и богатыхъ хозяевъ устраняется необходимость въ основномъ займѣ: богатые взносятъ пай, причитающіеся съ ихъ бѣдныхъ товарищей, которые погашаютъ затѣмъ образовавшіеся такимъ образомъ небольшіе долги *по мѣрѣ добычи и выручки за проданный уголь*. Конечно, эти долги не безпроцентные: въ с. Желѣзномъ, наприм., за каждые десять рублей долга бѣдные уплачиваютъ своимъ богатымъ товарищамъ по артели въ качествѣ процентовъ одну 12-ти пудовую четверть угля; но, вѣдь, это процентъ и самъ по себѣ небольшой ²²⁾, а тѣмъ болѣе—по сравненію съ Колупаевскимъ, особенно же, принимая во вниманіе льготныя условія погашенія долга по частямъ, по мѣрѣ выручки,—слѣдовательно, по мѣрѣ возможности.

Столковавшись относительно основаній своей внутренней организаціи и величины паевыхъ взносовъ, лица, задумавшія организовать артель, доводятъ до свѣдѣнія общества о своемъ желаніи заняться добычей угля и затѣмъ, по окончаніи полевыхъ работъ, энергично принимаются за развѣдки. Открывъ уголь, закладываютъ шахту и приступаютъ къ добычѣ. Вся добыча, за вычетомъ той части ея, которая, какъ увидимъ ниже, употреблена на текущія нужды артели, дѣлится поровну между всѣми первоначальными участниками, будучи разбита для этой цѣли на число паевъ, равное ихъ числу. Замѣчательно, что, несмотря на указанныя выше долговыя отношенія, устанавливающіяся изъ-за паевыхъ взносовъ между бѣдными и богатыми членами артели, нигдѣ не замѣчено концентраціи паевъ добычи. Наоборотъ, благодаря тому, что каждый вправѣ переуступить свой пай цѣликомъ или частью постороннему лицу, очень часто наблюдается дробленіе паевъ, такъ что число лицъ, фактически участвующихъ въ добычѣ, оказывается больше числа паевъ. Это дробленіе паевъ обыкновенно беретъ свое начало въ родственныхъ отношеніяхъ, въ силу которыхъ члены артели принимаютъ къ себѣ въ товарищи «на свой пай» кого-либо изъ своихъ родственниковъ. Переуступка же паевъ цѣликомъ является послѣдствіемъ возникнувшей почему-либо для первоначальнаго пайщика невозможности принимать непосредственное, активное участіе въ работахъ артели, откуда для

него естественно проистекает обязанность замѣнить себя другимъ трудоспособнымъ лицомъ.

Для помѣщенія, отдыха и приготовления пищи общими силами и средствами артели вблизи шахты выкапывается землянка. Въ ней же при конныхъ шахтахъ, заливаемыхъ водою, помѣщаются дежурные работники, оставаемые здѣсь съ лошадьми на время весенне-лѣтняго перерыва работъ для откачиванія воды. Что же касается собственно организаціи работъ, то при среднемъ составѣ артели (на ручныхъ шахтахъ) въ 5 человекъ, по возможности, равносильныхъ и равноискусныхъ и равноловкихъ, внутри шахты находятся два работника и 1 саночникъ, доставляющій набитый ими уголь къ стволу шахты, а наверху остальные двое ручнымъ воротомъ извлекаютъ уголь на дневную поверхность. При этомъ между всѣми членами артели происходитъ періодическій обмѣнъ ролями такимъ образомъ, что каждому приходится быть одинъ день забойщикомъ, другой — саночникомъ и третій — на поверхности. Этотъ же принципъ распредѣленія работъ удерживается по существу и въ болѣе многолюдныхъ артеляхъ, такъ что, наприм., при составѣ въ 10 человекъ, трое изъ нихъ занимаютъ откачиваніемъ воды и извлеченіемъ угля, остальные семь — собственно добычей угля, причѣмъ опять-таки ежедневно происходитъ общее перераспредѣленіе ролей. При равной силѣ, одинаковомъ умѣньи и ловкости членовъ артели, успѣшность производства, благодаря такой организаціи работъ, не только ничего не теряетъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, но даже въ конечномъ результатѣ остается въ значительномъ выигрышѣ. Это безпрерывное перераспредѣленіе ролей мы признаемъ однимъ изъ симпатичнѣйшихъ моментовъ въ артельной организаціи работъ по причинамъ, на которыхъ стоить остановиться. Подземная работа шахтера вообще, а забойщика въ особенности — работа чрезвычайно тяжелая, можно сказать — каторжная, необычайно изнурительная, губительно вліяющая на здоровье ²³). Продолжительную подземную работу въ силахъ выдержать безъ замѣтнаго вреда только желѣзный организмъ или, во всякомъ случаѣ, организмъ, приспособившійся къ условіямъ этой работы въ теченіе долгаго ряда лѣтъ и даже поколѣній. Между тѣмъ, на капиталистическихъ шахтахъ, гдѣ существуетъ строгая специализація труда, горнорабочему приходится изо дня въ день, въ теченіе 14—20 часовъ, при самомъ неестественномъ положеніи тѣла, полулежа или согнувшись, какъ говорится, въ три погибели, часто но колѣна въ водѣ, производить одну и ту же каторжную подземную работу въ атмосферѣ, въ которой, за недостаткомъ кислорода, съ трудомъ горитъ огонь, — въ атмосферѣ, пропитанной сыростью и наполненной вредными газами, мѣзмами, угольною пылью и копотью. Мы не говоримъ уже о высокомъ коэффициентѣ заболѣваемости и смертности, неизбѣжномъ при такихъ условіяхъ: вѣдь, капиталистическую промышленность интересуютъ не люди, а производство. Но производство-то неизбѣжно и должно страдать отъ такихъ условій подземной работы: мѣстнымъ изслѣдованіемъ безусловно установлено, что, послѣ мѣсяца такого адскаго труда, рабочему

(даже изъ числа исконныхъ горнорабочихъ, не говоря уже о мѣстныхъ крестьянахъ-земледѣльцахъ, нуждою загнанныхъ въ капиталистическую шахту), чтобы хотя сколько-нибудь очнуться, придти въ себя, возстановить надорванные силы, необходимо не менѣе *двухъ недѣль* полного отдыха, такъ что изъ девяти номинальныхъ рабочихъ мѣсяцевъ въ результатѣ, даже у самыхъ усердныхъ рабочихъ, фактическаго рабочаго времени получается не болѣе 6 мѣсяцевъ. Принимая же во вниманіе, что *непрерывность*—одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ капиталистическаго производства, легко понять, какъ неблагоприятно должны эти двухнедѣльные перерывы отзываться на капиталистической каменно-угольной промышленности. Если же пока она, сравнительно, легко мирится съ ними, то единственно благодаря окружающей нуждѣ и нищетѣ, въ силу которой на мѣсто каждаго выбывшаго изъ строя—умершаго, заболѣвшаго или утомившагося рабочаго—являются десятки кандидатовъ, жаждущихъ работы во что бы то ни стало. Очевидно, такимъ образомъ, что даже съ точки зрѣнія непрерывности, слѣдовательно, успѣшности производства, помимо всего прочаго, артельная организація должна быть поставлена выше капиталистической, основанной на строгомъ раздѣленіи и специализаціи труда. Правда, за то на первый взглядъ можетъ показаться, что артельное производство, при условіи перераспределенія ролей, все-таки, въ концѣ-концовъ, остается въ проигрышѣ, такъ какъ ведетъ, повидимому, къ недостаточно полной эксплуатаціи лучшихъ силъ, иначе—къ бесполезной затратѣ ихъ на легчайшую работу. Въ самомъ дѣлѣ, трудъ забойщика требуетъ гораздо большаго искусства, гораздо большихъ знаній, умѣнья и ловкости, чѣмъ трудъ саночника (только пробывъ 2—3 года саночникомъ, рабочій дѣлается забойщикомъ); работа вращающихся воротъ, которымъ уголь извлекается на дневную поверхность, еще проще—она подъ силу даже подросткамъ. Казалось бы, поэтому, что періодическое превращеніе забойщика въ саночника и т. д. ничего, кромѣ чистой потери, эксплуатаціи «ямокъ», дать не можетъ. Но дѣйствительность, какъ это часто бываетъ, наперекоръ всякимъ теоріямъ, свидѣтельствуетъ о другомъ. Въ дѣйствительности оказывается, что, именно благодаря переходу отъ болѣе *трудной* къ болѣе *легкой* работѣ, получается наиболѣе полная эксплуатація рабочихъ силъ, но безъ малѣйшаго изнуренія организма рабочаго, безъ всякаго вреда для его здоровья. Рабочій, проработавъ нѣкоторое время въ качествѣ забойщика, неизбежно теряетъ извѣстную часть своихъ силъ и ловкости и, слѣдовательно, оказывается уже не въ состояніи безъ чрезмѣрнаго напряженія продолжать ту же работу съ одинаковою успѣшностью; но въ немъ сохраняется еще достаточное количество энергіи силъ, чтобы, уступивъ мѣсто забойщику другому со всѣми силами, самому въ совершенствѣ выполнить болѣе легкую работу саночника, ит. д. Очевидно, въ этомъ случаѣ силы эксплуатируются наиболѣе полно, такъ сказать, до послѣдней капли, но безъ изнуренія рабочаго, уже потому, что сама по себѣ перемѣна занятій, какъ извѣстно, является весьма дѣйствительнымъ суррогатомъ отдыха, ведущаго къ воз-

становленію силъ. Въ каждую данную минуту силы каждаго члена артели, участвующаго въ производствѣ, оказываются вполнѣ соразмѣрными съ требованіями производимой имъ работы, а это, конечно, самая лучшая гарантія ея успѣшности. Капиталистическая же организація производства, со строгою специализаціей въ основаніи, такой гарантіи не даетъ и дать не можетъ ²⁴).

Само собою разумѣется, что эксплуатація ямокъ сопряжена съ извѣстными, болѣе или менѣе значительными затратами на разныя текущія нужды: продовольствіе, освѣщеніе, починку орудій и т. п. Всѣ эти расходы производятся на *общій счетъ* избраннѣмъ артелью довѣреннымъ лицомъ. Необходимо, однако, замѣтить, что изъ трехъ видовъ артельного предпринимательнаго капитала — основнаго, расходнаго и запаснаго — мы, за рѣдкими исключеніями, не встрѣчаемъ у донецкихъ артелей въ наличности ни втораго, ни — тѣмъ болѣе — послѣдняго. Если отсутствіе запаснаго капитала не можетъ вызвать недоразумѣній, то сразу не легко догадаться, какъ справляются артели съ текущими нуждами при отсутствіи наличнаго расходнаго капитала. Но, конечно, въ дѣйствительности, безъ такого капитала дѣло не обходится. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, для покрытія какой-нибудь экстренной нужды, артели прибѣгаютъ къ помощи займа; чаще, поскольку дѣло идетъ о продовольствіи, расходный капиталъ составляется, подобно основному, путемъ паевыхъ взносовъ, почти исключительно натуральныхъ (хлѣбъ, саломъ и т. д.); обыкновенно же необходимый расходный капиталъ составляется по мѣрѣ надобности путемъ продажи части добытаго продукта, или же путемъ непосредственнаго натурального обмѣна послѣдняго на необходимые артели продукты: хлѣбъ, капусту, картофель и т. д. Въ этомъ нельзя не усмотрѣть еще одного новаго преимущества крестьянскихъ артельныхъ предприятий передъ капиталистическими. Здѣсь препятствіе, такъ сказать, само себя питаетъ, что легко при незначительности потребнаго расходнаго капитала. Совсѣмъ другое на крупныхъ капиталистическихъ шахтахъ: тамъ не только основной, но и оборотный капиталъ часто поневогѣ долженъ быть заемнымъ и, во всякомъ случаѣ, долженъ всегда находиться налицо, такъ какъ текущіе расходы не ждутъ и не могутъ ждать до тѣхъ поръ, пока будетъ капитализированъ добытый продуктъ; да, къ тому же, такая капитализація сопряжена съ большими затрудненіями, такъ какъ сбытъ въ крупныхъ размѣрахъ, обязательный при крупныхъ размѣрахъ производства и текущихъ нуждъ, возможенъ не всегда, не въ каждую данную минуту. Крупному предпринимателю приходится поэтому *volens volens* всегда держать наготовѣ хотя часть расходнаго капитала, прибѣгнувъ для этого къ помощи займа, или же изъясъ ее изъ оборота ²⁵). Рѣшительно не нужно этого артелямъ: беззубыточно продать мѣстному потребителю угля на 2—3 руб., необходимые для текущихъ расходовъ, возможно въ каждую данную минуту, а тѣмъ болѣе возможно добыть необходимые продукты путемъ натурального обмѣна, о которомъ крупныя капиталистическія предприятия, конечно, и думать не могутъ.

Незадолго до начала полевых работ артель приступает къ дѣлежу добычи. Какъ мы знаемъ уже, она дѣлится поровну между всѣми первоначальными участниками артели, соответственно числу первоначальныхъ павъ. Въ однихъ случаяхъ дѣлежъ этотъ производится прямо въ натурѣ, углемъ; въ другихъ—весь добытый продуктъ продается оптомъ, «гуртомъ», и затѣмъ раздѣлъ производится деньгами, причемъ производятся соответственные вычеты у тѣхъ членовъ артели, которые почему-либо уже ранѣе забрали часть причитающагося имъ пая. Затѣмъ, на все время полевыхъ и вообще сельско-хозяйственныхъ работъ, до осени, работы прекращаются и артель расходится²⁶).

IV.

Размѣры крестьянскихъ шахтъ очень не велики, почему сами крестьяне называютъ ихъ «ямками» или «дудками». Эти «ямки», смотря по роду движущей силы, бываютъ ручными или конными. Устройство тѣхъ и другихъ крайне просто и несложно. Обыкновенно ручныя угледоѣзные (вертикальныя) шахты, за немногими исключеніями, не закрѣплены срубамъ. Для спуска въ нихъ и извлеченія угля и воды служить вертикальный или горизонтальный ручной воротъ съ намотаннымъ на немъ канатомъ, къ одному (свободному) концу котораго прикрѣплена бадья или «санки». Глубина такихъ шахтъ весьма незначительна; незначительно также и подземное пространство, вырабатываемое вокругъ ствола. Если это пространство выработано настолько, что на доставку угля къ стволу требуется уже болѣе или менѣе значительное время, благодаря чему сокращается размѣръ дневной добычи, то работы прекращаются, ямку засыпаютъ землей и роютъ новую. Число ручныхъ ямокъ поэтому отличается крайнимъ непостоянствомъ, рѣдко измѣняясь изъ года въ годъ. Немногимъ сложнѣе устройство конныхъ шахтъ. Эти шахты всегда закрѣплены срубамъ; работы идутъ здѣсь днемъ и ночью, обыкновенно, смѣнами въ 5 человекъ; вырабатываемое подземное пространство довольно значительно, такъ какъ въ каждой такой шахтѣ имѣется не менѣе двухъ продольныхъ корридоровъ или «откаточныхъ штрекѣ», надлежащимъ образомъ укрѣпленныхъ. Ручной воротъ здѣсь замѣненъ копьешъ, приводимымъ въ движеніе одной или двумя лошадьми. На воротѣ намотанъ канатъ такимъ образомъ, что оба конца его свободны; къ каждому концу прикрѣплено по бадѣ, изъ которыхъ, при вращеніи ворота, одна (пустая) опускается въ шахту, а другая, наполненная углемъ, поднимается на дневную поверхность. Въ шахтахъ съ значительнымъ притокомъ воды она отводится въ особо устроенные для этого водоемы, изъ которыхъ затѣмъ уже вычерпывается; при этомъ въ наклонныхъ шахтахъ отливка воды производится прямо боченками, которые ставятъ на тележку и вытаскиваютъ на поверхность.

Какъ ни просто и несложно устройство крестьянскихъ шахтъ, но сооруженіе ихъ, все-таки, сопряжено съ значительными затратами,— значи-

тельными, конечно, съ точки зрѣнія крестьянскаго кармана. Объ ихъ величинѣ легче всего судить по какому-нибудь частному примѣру. Артель крестьянъ дер. Орѣховки употребила около мѣсяца на развѣдки, производившіяся шурфами въ $1\frac{1}{2}$ — $4\frac{1}{2}$ саж. глубины и $1\frac{1}{2}$ арш. длины и ширины,—работа весьма солидная. Открывъ слѣдъ угля, артель, соображаясь съ наклономъ пласта, отступила на 21 сажень и заложила шахту въ 10 сажень глубины, причемъ оказалось необходимымъ устроить срубъ въ 4 саж., что обошлось въ 40 руб.; собственно же «выкопка» шахты обошлась въ 75 руб. Затѣмъ для устройства ворота или барабана пришлось произвести заемъ въ 50 руб. на крайне невыгодныхъ условіяхъ—за счетъ будущей добычи. На первыхъ порахъ, вмѣсто каната, обходились втрое скрученною веревкой, но послѣ одного несчастнаго случая (оборвался и убится рабочій) пришлось приобрести канатъ, что потребовало новаго расхода рублей въ 10. Это, впрочемъ, шахта конная; устройство ручной стоитъ дешевле, такъ какъ ручной воротъ можно приобрести за 5 руб., но, во всякомъ случаѣ, въ конечномъ результатѣ сумма для крестьянскаго кармана получается весьма значительная; составить ее всецѣло путемъ паевыхъ взносовъ крестьяне не всегда оказываются въ силахъ: приходится для организаціи предпріятія прибѣгать къ помощи основнаго займа, что и само по себѣ не особенно полезно для предпріятія и, тѣмъ болѣе, вредно для него, что такой заемъ всегда сопряженъ съ продажей грядущей добычи по цѣнѣ, какую благоудно будетъ назначить заимодавцу. Такимъ образомъ, недостатокъ средствъ часто съ перваго же момента закладки шахты ставитъ крестьянъ въ весьма тяжелое положеніе; онъ сильно тормозитъ затѣмъ эксплуатацію шахты и часто ведетъ къ совершенному прекращенію производства. Оказываются необходимыми, для увеличенія глубины и длины шахты, значительныя затраты на лѣсные матеріалы для укрѣпленій; является усиленный притокъ воды, требующій чрезвычайныхъ расходовъ на отливку ея; встрѣчается на пути твердая порода, требующая экстреннаго расхода на покупку взрывчатыхъ веществъ, и, за недостаткомъ средствъ, приходится бросать работу, едва начавъ эксплуатацію шахты, едва успѣвъ выработать ближайшіе къ поверхности, слѣдовательно, худшіе, вывѣтрѣлые концы пластовъ. Благодаря той же нуждѣ и безденежью, кустари-углекопы поставлены въ крайне тяжелыя условія и въ отношеніи сбыта. Начиная съ первой до послѣдней стадіи эксплуатаціи «ямокъ», надъ кустаремъ-углекопомъ всевластно царитъ скупщикъ-вулакъ, ни на минуту не выпускающій его изъ своихъ цѣпкихъ лапъ, начиная съ момента закладки шахты до момента доставки добытаго угля на желѣзно-дорожную станцію. Здѣсь, около желѣзно-дорожныхъ станцій, скупщиками и барышниками открыты десятки каменно-угольныхъ складовъ, въ которые стекается крестьянскій уголь, скупаемый за безцѣногъ и сбываемый затѣмъ подъ видомъ угля крупныхъ фирмъ въ Харьковъ, Екатеринославъ, Одессу и т. д., съ барышомъ отъ 100 до 150%! Этотъ гигантскій барышъ, впрочемъ, необходимо еще нѣсколько повысить, принимая во вниманіе практикуемый скуп-

щиками способъ покупки и расплаты съ крестьянами. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, крестьянскій уголь поступаетъ къ скупщикамъ въ качествѣ уплаты по займамъ и процентовъ по нимъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, въ которыхъ не имѣла мѣста запродажа грядущей добычи и крестьянскій уголь приобретается скупщиками за наличныя деньги, расплата рѣдко производится сразу, въ одинъ приемъ, за весь приобретенный уголь, а по частямъ, въ условленные сроки, никогда, однако, не соблюдаемые и отодвигаемые безъ конца, по произволу скупщиковъ. Нерѣдко также послѣдніе, войдя въ соглашеніе съ мѣстными торговцами и лавочниками, вмѣсто выдачи денегъ, практикуютъ выдачу крестьянамъ записокъ на необходимые имъ товары и продукты. Въ этомъ случаѣ крестьяне несутъ двойную потерю: продавъ за безцѣнокъ уголь, они переплачиваютъ еще на забираемыхъ по запискамъ товарахъ и продуктахъ. Можно думать, что еслибъ не эти отвратительныя условія, въ которыя силою обстоятельствъ поставлена эксплуатація крестьянскихъ шахтъ, то прибыльность промысла возросла бы вдвое или втрое. По крайней мѣрѣ, даже при данныхъ условіяхъ онъ оказывается далеко не безвыгоднымъ: средній заработокъ каждаго участника артели колеблется между 70—100 руб., давая возможность прокормиться семьѣ въ 4—5 душъ. Необходимо, впрочемъ, оговориться, что это относится только къ тѣмъ немногимъ «ямкамъ», эксплуатація которыхъ носитъ болѣе или менѣе правильный, постоянный характеръ. Это именно тѣ «ямки», которыя расположены въ центрѣ капиталистической каменно-угольной промышленности, такъ сказать, у самаго каменно-угольнаго рынка, вліяніе котораго неизбежно должно было сказаться въ томъ, что эксплуатація «ямокъ» получила въ известной степени промышленный характеръ: рядомъ съ добычей для собственнаго потребленія явилась добыча для продажи. Но такихъ «ямокъ» незначительное меньшинство; громадное же большинство имѣетъ своимъ главнымъ назначеніемъ удовлетвореніе собственныхъ нуждъ крестьянъ въ топливѣ. Здѣсь въ продажу мѣстнымъ же потребителямъ—односельчанамъ идутъ только излишки, причѣмъ выручка употребляется по преимуществу на покрытіе текущихъ нуждъ по эксплуатаціи шахтъ: на освѣщеніе, починку инструментовъ и т. д. Самая эксплуатація эта идетъ здѣсь болѣею частью спорадически, прекращаясь и возобновляясь по мѣрѣ истощенія запасовъ угля. Тѣмъ не менѣе, и такая эксплуатація, ограниченная такою узкою задачею, оказываетъ безусловно благотворное вліяніе на крестьянское хозяйство. Въ этомъ не трудно убѣдиться.

Исслѣдуемая мѣстность раздѣлена въ административномъ отношеніи на 63 волости. Въ 19 изъ нихъ мы не встрѣчаемъ никакихъ горнопромышленныхъ предпріятій—ни кустарныхъ, ни капиталистическихъ: это—районъ строго-земледѣльческій. Затѣмъ въ 18 вол., рядомъ съ очень немногими и небольшими капиталистическими шахтами, главную преобладающую роль играютъ крестьянскія «ямки»: это—районъ, который мы назовемъ *кустарнымъ*. Наконецъ, остальные 26 волостей являются очагомъ капиталистической горной и горнозаводской промышленности: это—районъ *капитали-*

стический. Для насъ въ данномъ случаѣ интересны только первые два района, тѣмъ болѣе, что послѣдній—капиталистическій—заслуживаетъ особаго спеціальнаго изслѣдованія. Обратимся, прежде всего, къ населенію и его рабочему составу въ I районѣ (земледѣльческомъ) и II-мъ (кустарномъ).

	Общее число дворовъ.	Душъ обоего пола.	Работниковъ муж. пола.	Безработныхъ семей.
I районъ . . .	10,871	68,056	14,119	814
II районъ . . .	9,764	62,067	12,962	749

Переведа представленныя здѣсь абсолютныя числа на языкъ среднихъ величинъ и процентныхъ отношеній, мы придемъ къ заключенію, что и въ отношеніи численнаго состава семей, и въ отношеніи обеспеченности населенія рабочими руками оба района вполнѣ тождественны. И въ земледѣльческомъ, и въ кустарномъ районѣ средняя семья опредѣляется въ 6,3 душ. об. пола, причемъ, въ среднемъ, на каждый дворъ или семью (если не дѣлать между ними различія) приходится 1,3 работника. Одинаковымъ оказы-вается также отношеніе потребностей къ рабочимъ силамъ, опредѣляемое среднимъ числомъ ѣдиковъ на каждаго работника (4,9). Но затѣмъ распре- дѣленіе рабочихъ силъ въ кустарномъ районѣ менѣе благоприятно, чѣмъ въ земледѣльческомъ: именно, въ первомъ безработныхъ семей нѣсколько болѣе 7,4%, чѣмъ въ послѣднемъ — 7,4%. Ниже земледѣльческаго стоитъ кустарный районъ и въ отношеніи размѣровъ землевладѣнія:

	На дѣльной земли:				Семей безземельныхъ:	
	всего.	на дворъ.	на ра- ботника.	на налич- ную душ.	всего.	въ %/о/о.
I районъ . .	112,306	10,3	7,9	1,8	945	8,6
II районъ . .	88,602	9,1	6,3	1,4	1,045	10,7

Такимъ образомъ, при большемъ количествѣ безработныхъ семей и мень- шихъ размѣрахъ землевладѣнія въ кустарномъ районѣ, оказывается также безземельныхъ или, вѣрнѣе, безнадѣльныхъ семей (усадебниковъ и т. д.) болѣе, чѣмъ въ земледѣльческомъ районѣ. Повидимому, послѣдній, въ от- ношеніи крестьянскаго благосостоянія, долженъ стоять гораздо выше пер- ваго; но de facto наблюдается нѣчто прямо противоположное. Въ самомъ дѣлѣ:

	Семей бездомовныхъ:		Имѣющихъ однѣ хаты безъ холодныхъ построекъ:	
	всего.	въ %/о/о.	всего.	въ %/о/о.
I районъ	438	4,0	519	4,7
II районъ	315	3,2	492	5,0

Если бездомовность, дѣйствительно, наиболѣе существенный признакъ без- хозяйности, то нѣтъ сомнѣнія, что безхозяйность распространена въ зем- ледѣльческомъ районѣ гораздо болѣе, чѣмъ въ кустарномъ. Правда, кустар- ный районъ даетъ нѣсколько болѣе процентъ семей, имѣющихъ однѣ хаты безъ хозяйственныхъ построекъ, но это говоритъ только въ его пользу; это свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, о томъ, что процессъ перехода хозяевъ въ разрядъ бездомовныхъ здѣсь идетъ гораздо медленнѣе; во-вторыхъ, что

бездомовные здѣсь чаще получаютъ возможность обзаводиться, по крайней мѣрѣ, хатой. Однородное же явленіе мы встрѣтимъ и тогда, когда обратимся къ распредѣленію скота, безъ котораго, само собою, немыслимо крестьянское земледѣльческое хозяйство:

	В о л о в ы :		Л о ш а д е й :		Двор., не имѣющихъ никакого скота:		Дворовъ, имѣющихъ рабочій скотъ:	
	всего.	на дворъ.	всего.	на дворъ.	всего.	въ %/о.	всего.	въ %/о.
I районъ.	21,741	1,9	3,359	0,3	1,010	9,3	8,310	76,3
II районъ.	20,841	2,1	7,332	0,7	855	8,7	7,677	78,7

И такъ, въ земледѣльческомъ районѣ, въ среднемъ, на дворъ не приходится даже по парѣ (1,9) воловъ, а лошадей въ кустарномъ районѣ оказывается слишкомъ въ два раза болѣе, чѣмъ въ земледѣльческомъ. Затѣмъ, въ послѣднемъ гораздо болѣе, чѣмъ въ первомъ, дворовъ, не имѣющихъ никакого скота, и, наоборотъ, въ кустарномъ районѣ значительно болѣе процентъ домохозяевъ (78,7%) располагаетъ рабочимъ скотомъ. Приходится, слѣдовательно, придти къ заключенію въ высшей степени парадоксальному, идущему въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что повсемѣстно установлено земскими статистическими изслѣдованіями. Оказывается, что въ Донецкомъ бассейнѣ *размѣры крестьянскаго скотоводства обратно пропорціональны размѣрамъ землевладѣнія*, такъ какъ мы видѣли выше, что населеніе кустарнаго района менѣе земледѣльческаго обезпечено надѣльной землей. Но такова уже благодѣтельная сила крестьянскихъ «ямокъ»; благодаря имъ, населеніе кустарнаго района располагаетъ большимъ количествомъ средствъ для наполненія недостатка въ надѣльной землѣ путемъ аренды земли (выгоны, сѣнокосъ и т. д.) на сторонѣ и, притомъ, аренды на болѣе выгодныхъ условіяхъ: здѣсь аренда за отработокъ не играетъ такой выдающейся роли, какъ въ земледѣльческомъ районѣ; наличность подспорнаго промысла является весьма твердою опорой для того, чтобы высота и форма арендной платы явилась продуктомъ болѣе или менѣе свободнаго соглашенія обѣихъ договаривающихся сторонъ, а не единичной воли землевладѣльца.

V.

Однако, ни размѣры землевладѣнія, ни размѣры скотоводства не являются настолько твердыми и устойчивыми признаками, чтобы по нимъ можно было безошибочно судить о состояніи крестьянскаго хозяйства; это доказывается уже тѣмъ, на первый взглядъ парадоксальнымъ, выводомъ объ обратномъ отношеніи размѣровъ скотоводства къ размѣрамъ землевладѣнія, къ которому мы только что пришли. Обратимся поэтому къ другому признаку, съ такимъ блестящимъ успѣхомъ положенному проф. А. А. Посниковымъ въ основу группировки данныхъ по Смоленской губерніи. Данное состояніе крестьянскаго хозяйства, само собою разумѣется, не можетъ опредѣляться какимъ-нибудь единичнымъ факторомъ: это состояніе—продуктъ

взаимодѣйствія цѣлой массы разнообразныхъ факторовъ—сложныхъ и простыхъ, отрицательныхъ и положительныхъ, частью функционирующихъ параллельно, частью перекрещивающихся, частью расходящихся въ диаметрально противоположныя стороны. Ближе всего, слѣдовательно, оно опредѣлилось бы такимъ признакомъ, который явился бы равнодѣйствующей всѣхъ слагающихъ силъ, среди которыхъ не послѣднее мѣсто должно быть отведено и совершенно игнорируемому обыкновенно субъективному элементу — взглядамъ, симпатіямъ и способностямъ крестьянъ. Но именно благодаря этому элементу, неопредѣленному и неуловимому, не поддающемуся ни учету, ни измѣренію, точное опредѣленіе размѣровъ и силы искомой равнодѣйствующей пока еще не представляется возможнымъ. До поры до времени, однако, можно удовлетвориться тѣмъ, что есть, по крайней мѣрѣ, въ каждомъ данномъ случаѣ возможность установить ея направленіе, вполнѣ опредѣляемое *отношеніемъ крестьянина къ землѣ*. Отъ добра никто не бѣжитъ. Чѣмъ въ лучшія условія поставлено крестьянское хозяйство, чѣмъ устойчивѣе оно, чѣмъ сильнѣе и глубже земледѣльческія симпатіи крестьянина, тѣмъ крѣпче сидитъ онъ на своемъ надѣлѣ; чѣмъ хуже эти условія, чѣмъ больше равнодѣйствующая отклоняется въ сторону факторовъ неблагоприятныхъ, тѣмъ меньше вѣроятія, что крестьянинъ усидитъ на своемъ надѣлѣ, не броситъ его и не убѣжитъ. Процентъ «сдающихъ» и является поэтому признакомъ ближе всего опредѣляющимъ состояніе крестьянскаго хозяйства. Этотъ признакъ и устанавливаетъ наиболѣе рѣзкую разницу между кустарнымъ и земледѣльческимъ райономъ. Именно, если мы обратимся къ надѣльному (земельному) населенію, то окажется, что въ районахъ:

	Хоз., сдающихъ свои надѣлы:		Хоз., обрабатывающ. свои надѣлы:	
	всего:	въ ‰	всего:	въ ‰
Земледѣльческомъ.	1,445	14,8	8,481	85,5
Кустарномъ.	740	8,4	7,979	91,6

то-есть въ кустарномъ районѣ крестьянское земледѣльческое хозяйство стоитъ гораздо прочнѣе, чѣмъ въ земледѣльческомъ, гдѣ крестьяне почти вдвое чаще сдаютъ свои надѣлы и гораздо рѣже имѣютъ возможность ихъ лично обрабатывать. Впрочемъ, тутъ дѣло не въ одной только «возможности», но и въ желаніи, охотѣ, въ томъ, что технически называется «тяготѣніемъ къ землѣ». Правда, само это тяготѣніе въ извѣстной степени находится въ зависимости отъ «возможности», но оно имѣетъ и самостоятельное значеніе, по крайней мѣрѣ, постольку, поскольку оно выходитъ за предѣлы возможности. Если у крестьянина нѣтъ возможности обработать надѣлъ за отсутствіемъ рабочаго скота, если, въ то же время, передъ нимъ широкая возможность, бросивъ надѣлъ, заняться какимъ-нибудь внѣземледѣльческимъ промысломъ,—онъ же, тѣмъ не менѣе, остается на надѣлѣ, обрабатывая его наимыннымъ скотомъ,—то такое явленіе мы вправѣ всецѣло отнести на счетъ земледѣльческихъ симпатій, на счетъ его тяготѣнія къ землѣ. А въ кустарномъ районѣ такія явленія наблюдаются несравненно чаще, чѣмъ въ зем-

ледьельческомъ районѣ. Въ самомъ дѣлѣ, принимая, для сравнимости съ данными о скотоводствѣ, общее (наличное) населеніе за 100%, получимъ:

земледѣльческій р.:	обработв. свои надѣлы:	78,1%	имѣющ. раб. скотъ:	76,8%	разность	1,8%
кустарный . . .	„ „ „ „	81,8%	„ „ „ „	78,7%	„	3,1%

Эти 3% съ лишнимъ не имѣющихъ скота, но, все-таки, обрабатывающихъ свои надѣлы, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ кустарномъ районѣ тяготѣніе къ землѣ почти втрое сильнѣе, чѣмъ въ земледѣльческомъ, гдѣ обрабатываютъ свои надѣлы, за небольшимъ исключеніемъ (1,8%), только тѣ, у которыхъ есть рабочій скотъ; всѣ же остальные предпочитаютъ сдавать ихъ и уходить на заработки. Между тѣмъ, казалось бы, должно имѣть мѣсто обратное явленіе. Мы говорили уже, что постоянная правильная работа въ ямкахъ достаточна для пропитанія средней семьи, затѣмъ обработка земли наемнымъ скотомъ, за который нужно платить деньгами или отработать, можетъ быть только убыточной. Казалось бы, поэтому, домохозяевамъ кустарнаго района, не имѣющимъ рабочаго скота, естественнѣе всего было бы бросить свои надѣлы и заняться исключительно эксплуатаціей «ямокъ». Казалось бы затѣмъ, наоборотъ, домохозяевамъ земледѣльческаго района, не имѣющимъ рабочаго скота, естественнѣе всего было бы, оставаясь на надѣлѣ, обрабатывать его наемнымъ скотомъ. Но въ томъ-то и дѣло, что послѣднее возможно только при наличности «ямокъ», какъ подспорнаго промысла, хотя и не имѣющаго ничего общаго съ земледѣліемъ, *но находящагося тутъ же на надѣлѣ, подъ рукою, съдовзательно, не отрывающаго отъ хозяйства* и дающаго въ распоряженіе крестьянина-углекопа такія средства, какими не можетъ располагать крестьянинъ земледѣльческаго района, гдѣ почти никакихъ однородныхъ промысловъ въ наличности не оказывается. Впрочемъ, весьма возможно, что мы слишкомъ поспѣшно пришли къ выводамъ, благопріятнымъ для «ямокъ», значеніе которыхъ, быть можетъ, совсѣмъ не такъ велико, какъ это намъ могло показаться, хотя бы, наприм., въ силу предвзятаго односторонняго взгляда на роль и значеніе подспорнаго промысла. Въ самомъ дѣлѣ, наше дѣленіе на районы не можетъ удовлетворить строгія требованія: въ дѣйствительности нѣтъ такихъ районовъ, которые представляли бы собой сплошную площадь исключительно однѣхъ только кустарныхъ или земледѣльческихъ волостей. Въ дѣйствительности, наприм., нѣкоторыя изъ кустарныхъ волостей, соединенныхъ нами въ одинъ районъ, окружены со всѣхъ сторонъ капиталистическими волостями; другія тѣсно соприкасаются съ послѣдними; въ самомъ кустарномъ районѣ, какъ сказано уже, есть нѣсколько (5—6) капиталистическихъ шахтъ и т. д. Легко можетъ быть поэтому, что мы слишкомъ поспѣшно признали вліяніе «ямокъ» благотворнымъ, и то, что мы незаслуженно имъ приписали, должно быть всецѣло отнесено на счетъ благодѣтельнаго вліянія крупныхъ капиталистическихъ предпріятій, несомнѣнно дающихъ обильный заработокъ населенію прямо или косвенно, вызвавъ къ жизни рядъ сопряженныхъ съ ними промысловъ (какъ, на-

нибрь, возка угля, доставка лѣса и т. п.). Это необходимо провѣрить лучше всего, конечно, сдѣлать это, обратившись къ капиталистическому йону. Численность его населенія опредѣляется въ 21,338 семей, состоящихъ изъ 132,510 душъ обоого пола, въ числѣ которыхъ работниковъ мужскаго пола 27,746. Такимъ образомъ, какъ и въ земледѣльческомъ районѣ, приходится, въ среднемъ, на семью душъ обоого пола 6,2, работниковъ—1,3, на работника ѣдочковъ—4,7 (вмѣсто 4,8 въ двухъ предыдущихъ йонахъ). Нѣсколько меньше обремененный ѣдочками работникъ капиталистическаго района располагаетъ, въ то же время, наибольшимъ количествомъ средствъ для удовлетворенія ихъ потребностей, такъ какъ онъ гораздо болѣе земледѣльца и кустаря надѣленъ землей: именно, здѣсь, въ среднемъ, на дворъ приходится надѣльной земли 14,7 десят., на работника—10,8 десят. на наличную душу 2,3 десят., т. е почти вдвое болѣе, чѣмъ въ кустарномъ районѣ. Такимъ образомъ, оказываются налицо наиболѣе важныя задатки для процвѣтанія крестьянскаго хозяйства, а, между тѣмъ, о самомъ процвѣтаніи, очевидно, не можетъ быть и рѣчи.

Р А Й О Н Ы.

Кустарный. Земледѣльческій. Капиталистическ.

Семей бездомовныхъ	3,2%	4,0%	5,4%
» им. однѣ хаты	5,0%	4,7%	9,2%
Соловъ на дворъ	2,1	1,3	1,8
Лошадей » »	0,7	0,3	0,5
Семей безъ скота.	8,7%	9,3%	16,1%
» имѣющ. рабочій скотъ	78,7%	76,5%	68,4%
Сдающихъ надѣлы	8,4%	14,5%	20,4%
Именно обрабатывающихъ	91,6%	85,5%	79,6%

Эти данныя не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что если кустарный районъ стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ выше земледѣльческаго, то капиталистическій стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже его: здѣсь крестьянское разореніе достигло размѣровъ небывалыхъ. Эти 20,4% хозяевъ, сдающихъ свои надѣлы, эта *пятая часть* населенія, при относительномъ малоземеліи оторвавшаяся отъ земледѣлія, слишкомъ громко вопіеть о тлетворномъ вліяніи на земледѣльческое населеніе крупной капиталистической горной промышленности. И, наоборотъ, эти 8% сдающихъ свои надѣлы въ кустарномъ районѣ не оставляютъ сомнѣнія въ благотѣльномъ вліяніи «ямокъ», дающихъ крестьянину возможность оставаться хлѣборобомъ даже на крошечномъ истощенномъ надѣлѣ и даже тамъ, гдѣ эти ямки, казалось бы, не должны играть никакой существенной экономической роли, служа исключительно удовлетворенію потребности самихъ крестьянъ въ топливѣ. Но потребность эта играетъ слишкомъ видную роль въ ряду остальныхъ, чтобы если не даровое, то наиболѣе дешевое удовлетвореніе ея не сказывалось весьма замѣтно на крестьянскомъ бюджетѣ даже тогда, когда добыча угля сама по себѣ, соображаясь съ издержками производства, должна

быть признана безусловно убыточной. Вотъ тому наглядное доказательство. Въ с. Луганскомъ, Бахмутскаго уѣзда, крестьяне въ 1882 году открыли на глубинѣ 4—5 саж. очень тонкій и узкій слой угля, эксплуатация котораго не можетъ окупить расходы по устройству правильныхъ шахтъ тѣмъ не менѣе, нуждаясь въ топливѣ, бѣднѣйшіе домохозяева эксплуатируютъ этотъ слой, соединяясь для этой цѣли въ артели, численностью въ 3—9 человекъ. Угля добывается такъ мало, что его едва хватаетъ для топлива самимъ членамъ артелей, и, все-таки, даже эти крошечныя луганскія «ямки», несмотря на свое кратковременное существованіе, успѣли уже оказать громадное влияние на крестьянское хозяйство. До открытія угля топливомъ служили здѣсь (какъ и повсемѣстно, гдѣ нѣтъ ни лѣса, ни угля) «кизякъ» и солома, служащая одновременно, при недостаткѣ сѣнокосныхъ угодій, главнымъ кормовымъ средствомъ. Но ни того, ни другаго въ годы недорода не хватало даже у зажиточныхъ хозяевъ, не говоря уже о бѣднѣйшихъ. Приходилось поэтому прибрѣтать топливо (солому и «кизякъ») на сторонѣ, расплачиваясь за него отработкомъ, а чаще всего — *надѣломъ*,— послѣднее въ тѣхъ случаяхъ, когда топливо прибрѣталось зажиточныхъ односельцевъ. Само собою очевидно, что сдача надѣла въ уплату за топливо прямо вела къ разоренію, такъ какъ, прибрѣтая за свой топливомъ, крестьянинъ весной фактически лишался земли, оказываясь въ невозможности производить посѣвъ и потому волей-неволей долженъ былъ приканчивать свое земельное хозяйство. Но съ открытіемъ на надѣлѣ, хотя бы и бѣднаго, и тощаго, каменно-угольнаго слоя картина резко измѣнилась: быстро сократилась сумма отягощавшихъ крестьянъ отработковъ и почти совершенно исчезла сдача надѣловъ. Открытіе ничтожнаго каменно-угольнаго пласта, эксплуатация котораго на капиталистическихъ началахъ была бы совершенно немыслима, спасло отъ разоренія десятки крестьянскихъ семей, давъ имъ возможность не только оставаться на надѣлѣ, но и въ извѣстной степени поставить болѣе прочно свое земледѣльческое хозяйство.

УШ.

Крестьянскія «ямки» и сами по себѣ, и, въ особенности, въ качествѣ прибыльнаго подспорнаго промысла, нѣтъ сомнѣнія, вполне заслуживаютъ поощренія, помощи и поддержки даже преимущественно предъ капиталистическою каменно-угольною промышленностью, если только придать хотя какое-нибудь значеніе вышеприведеннымъ даннымъ, характеризующимъ ея влияние на крестьянское хозяйство. Нельзя поэтому не пожелать, чтобы изъ суммы, ассигнованной въ распоряженіе г. министра государственныхъ имуществъ для расходовъ по усовершенствованію и поощренію кустарной промышленности, хотя малая доля была бы и въ пользу кустарной — углекоповъ. Нужды ихъ, какъ мы знаемъ уже, сводятся къ двумъ основнымъ моментамъ: первый—это недостатокъ средствъ для правильнаго

стройства шахтъ; второй, частью (запродажа грядущей добычи) проистекающей изъ перваго,—эксплуатація кустаря кулакомъ-скупщикомъ. Этими двумя моментами сама собою опредѣляется форма, въ которую должна вытѣсьаться помощь углекопамъ: 1) организація дешеваго кредита; 2) упорядоченіе быта путемъ устройства на мѣстѣ при желѣзно-дорожныхъ станціяхъ центральныхъ артельныхъ складовъ съ отдѣленіями или агентурами на главныхъ рынкахъ — въ Одессѣ, Харьковѣ, Николаевѣ, Екатеринославѣ, Гагаурогѣ и т. д. Этими мѣрами дѣло крестьянскихъ «ямокъ» было бы сильно подвинуто впередъ, причеиъ, принимая во вниманіе незначительность основнаго капитала, необходимаго «ямкамъ», это потребовало бы сравнительно небольшихъ затратъ. Но, конечно, и самая незначительная трата нежелательна, если она бесполезна, безцѣльна, слѣдовательно, быточна. Является поэтому весьма существенный принципиальный вопросъ: не будетъ ли поддержка кустарныхъ шахтъ искусственною поддержкой того, что по самому существу естественнымъ ходомъ промышленнаго прогресса осуждено на гибель? По господствующему воззрѣнію, мелкое домашнее производство неизбѣжно должно погибнуть предъ лицомъ капиталистической индустріи съ его машинами, раздѣленіемъ труда и производствомъ въ большихъ массахъ; въ силу естественнаго хода промышленнаго прогресса, оно можетъ сохраниться только въ тѣхъ немногихъ областяхъ производства, которыя требуютъ виртуозности, имѣя своею задачей удовлетвореніе разнообразныхъ личныхъ, индивидуальныхъ вкусовъ, неудовлетворимыхъ машиннымъ производствомъ по шаблону. Но, не споря противъ правильности этого воззрѣнія по существу, нельзя, однако, упускать изъ вида, что чѣмъ проще производство, чѣмъ меньшее участіе принимаютъ въ немъ трудъ и капиталъ сравнительно съ естественными силами природы, — словомъ, чѣмъ ближе «производство» подходитъ къ «эксплуатаціи», къ завладѣнію первопродуктами, — тѣмъ уже предѣлы раздѣленія труда и, одновременно, тѣмъ ограниченнѣе область приложенія машинъ. Въ области первичнаго добыванія естественныхъ продуктовъ земли ни машины, какъ *рабочій* механизмъ, ни раздѣленіе труда—эти основные устои крупнаго производства, дающіе ему перевѣсъ въ борьбѣ съ мелкимъ домашнимъ производствомъ,—не играютъ и не могутъ играть той существенной перво-степенной роли, которая безусловно принадлежитъ имъ въ области обрабатывающей промышленности и даже, въ известной степени, въ области земледѣлія. Лучше всего это доказыаается именно тою областью производства, о которой у насъ идетъ рѣчь.

Ни въ одномъ производствѣ, конечно, раздѣленіе труда не можетъ идти дальше известнаго предѣла, опредѣленнаго, если можно такъ выразиться, естественными стадіями или моментами рабочаго процесса; за этимъ предѣломъ оно будетъ уже искусственнымъ, слѣдовательно, вреднымъ и убыточнымъ. Соответственно этому, на крупныхъ капиталистическихъ шахтахъ и мелкихъ кустарныхъ «ямкахъ» процессъ эксплуатаціи ихъ сводится къ тремъ основнымъ моментамъ: *первый*, главнѣйшій, являющійся ос-

новоначаломъ, душою эксплуатаціи, это—отдѣленіе угля отъ нѣдръ; *второй*—доставка набитаго угля къ стволу шахты и *третій*—извлеченіе е на поверхность. Первый изъ этихъ моментовъ исчерпывается ударомъ ломъ кайла или молота, слѣдовательно, такъ простъ и несложенъ, что какое бы то ни было разложеніе его хотя бы на два процесса,—словомъ, дальнѣйшее расчлененіе совершенно немислимо. Онъ производится весь руками одного и того же забойщика, который, притомъ, кажется, нигдѣ еще въ цѣломъ мірѣ машиной не замѣненъ, да и замѣненъ быть не можетъ. Такимъ образомъ, поскольку дѣло идетъ о первомъ основномъ моментѣ эксплуатаціи, между капиталистическими и кустарными шахтами нѣтъ никакого различія, а, слѣдовательно, у первыхъ въ этомъ случаѣ нѣтъ никакихъ преимуществъ. Всѣ же преимущества, которыя могутъ затѣмъ, на остальныхъ стадіяхъ эксплуатаціи, оказаться на сторонѣ крупныхъ шахтъ, уже, во всякомъ случаѣ, не существенны. Сила и значеніе машинъ и раздѣленія труда заключается именно въ томъ, что онѣ чрезвычайно усиливаютъ успѣшность производства, доводятъ до высочайшей степени его продуктивности. Но въ данномъ случаѣ этого нѣтъ и быть не можетъ просто потому, что работы машины и раздѣленіе труда могутъ получить мѣсто только послѣ того, какъ забойщикъ уже произвелъ свою работу и продуктъ, такъ сказать, уже долженъ быть. Пусть на остальныхъ дальнѣйшихъ стадіяхъ эксплуатаціи раздѣленіе труда доведено до крайнихъ предѣловъ, пусть машины получили наилучшее приложеніе,—это не можетъ оказать *обратнаго* вліянія на трудъ забойщика, не можетъ усилить его продуктивности, слѣдовательно, и не можетъ усилить успѣшности эксплуатаціи, а если и можетъ, косвенно, то въ весьма малой, ничтожной степени. Однако, въ дѣйствительности и на остальныхъ стадіяхъ эксплуатаціи на сторонѣ крупныхъ шахтъ не оказывается особенныхъ преимуществъ. Такъ, что касается втораго момента—доставки угля къ стволу шахты, то въ мелкихъ шахтахъ, въ которыхъ обыкновенно работаютъ 2—3 забойщика, весь набитый ими уголь доставляется къ стволу однимъ саночникомъ; въ крупныхъ же шахтахъ, гдѣ работаетъ подземное пространство весьма значительно, гдѣ работаютъ одновременно десятки забойщиковъ въ десяткахъ «печей» (боковые ходы) расположенныхъ вдоль длиннаго подземнаго корридора, доставка угля къ стволу расчленяется на два процесса: уголь, набитый забойщиками, доставляется изъ «печей» саночниками въ главный откаточный штрекъ (корридоръ), а отсюда онъ доставляется вагончиками на вагонеткахъ къ стволу шахты. Нѣтъ сомнѣнія, что, благодаря такому раздѣленію труда, успѣшность доставки угля къ стволу остается въ значительномъ выигрышѣ, но, во-первыхъ, на капиталистическихъ шахтахъ при такомъ раздѣленіи труда наблюдается слѣдующее отношеніе количества забойщиковъ къ числу саночниковъ и вагончиковъ — 4:2:1, то-есть отношеніе, легко возможное и дѣйствительно наблюдаемое (см. выше, глава V) на крестьянскихъ конныхъ шахтахъ при составѣ артели въ 10 человекъ, изъ которыхъ 3 заняты на поверхности извлеченіемъ угля, а остальные 7—подземною рабо-

ной, именно 4 забойщика бьютъ уголь, 2 саночника свозятъ его въ одинъ опредѣленный пунктъ, откуда *седьмой* (только не называемый вагонщикомъ) доставляетъ его къ стволу. Затѣмъ, во-вторыхъ, если сопоставить такую организацію доставки съ тою, которая практикуется въ большинствѣ крестьянскихъ «ямокъ» при артеляхъ въ 5 человекъ (2 на поверхности, 1 забойщика и 1 саночникъ), то всѣ преимущества окажутся на сторонѣ послѣдней. Вотъ простой ариметическій расчетъ. Предположимъ, что забойщикъ набиваетъ въ день 50 пуд. угля или 4 забойщика 200 пудовъ, которые двумя саночниками и однимъ вагонщикомъ будутъ доставлены къ стволу шахты. Принимая поденную плату забойщика въ 1 р. 50 коп., саночника и вагонщика въ 1 рубль, окажется, что доставленные къ стволу 200 пуд. обойдутся въ 9 рублей или пудъ въ 4,5 коп. Въ крестьянской шахтѣ, по тому же расчету, 100 пудовъ, набитыхъ двумя забойщиками и доставленныхъ къ стволу однимъ саночникомъ, обойдутся въ 4 рубля или пудъ—въ 4 коп., *следовательно, дешевле на 11,1%*...

Наконецъ, третій моментъ эксплуатаціи—извлеченіе угля—также не поддается расчлененію, за то именно въ этотъ моментъ на капиталистическихъ шахтахъ получаетъ широкое приложение работа машины—углеподъемной ²⁷⁾. Но, во-первыхъ, появляясь только на третьей ступени эксплуатаціи, машина тѣмъ самымъ получаетъ третестепенное значеніе; во-вторыхъ, на крестьянскихъ шахтахъ извлеченіе угля производится посредствомъ машины (ручного или коннаго ворота съ бадьями)—такой же по существу, но только болѣе простой и дешевой конструкціи; въ-третьихъ, если въ человекѣ необходимо различать его *движущую* и *рабочую* силу, то тѣмъ болѣе въ машинѣ необходимо дѣлать различіе между *движущимъ* и собственно *рабочимъ* механизмомъ. Какъ ни велико значеніе машины, какъ движущаго механизма, но оно совершенно блѣднѣетъ передъ ея ролью, какъ рабочаго механизма, замѣняющаго рабочую силу человека. Именно какъ рабочему механизму, обязана ей своими гигантскими размѣрами современная крупная индустрія, потому что, пока машина оставалась бы только, хотя бы и могучимъ, движущимъ механизмомъ, до тѣхъ поръ о «машинномъ производствѣ», этомъ краеугольномъ камнѣ современной индустріи, не могло бы быть и рѣчи. А въ данномъ случаѣ именно и не можетъ быть рѣчи о «машинномъ производствѣ», потому что здѣсь машина ничего не производитъ и роль ея исчерпывается ролью движущаго механизма, такъ что все сводится только къ тому, что движущая сила человека и лошади замѣнена силой пара. Такимъ образомъ, даже при наличности машинъ, на сторонѣ крупныхъ шахтъ, все-таки, не оказывается, сравнительно съ кустарными, главнѣйшихъ преимуществъ, свойственныхъ крупной капиталистической промышленности. Роль капитала здѣсь сводится къ тому, къ чему она сводится вездѣ, гдѣ ни машины, ни раздѣленіе труда не могутъ найти широкаго приложенія, именно—къ большому скопленію *однородныхъ* рабочихъ, выполняющихъ тѣ же процессы, какіе каждый выполняетъ у себя дома, въ своемъ домашнемъ производствѣ. Словомъ, все сводится къ

«сложению труда», въ *простой кооперации* или *простому сотрудничеству* вмѣсто одной артели, въ капиталистической шахтѣ работаетъ десять; въ сто 2 забойщиковъ, ихъ работаетъ двадцать и т. д. Но такое сложение труда вполне достижимо и на крестьянскихъ шахтахъ при увеличеніи состава артелей.

Затѣмъ, играя второстепенную роль, машины на капиталистическихъ шахтахъ, тѣмъ не менѣе, стоятъ очень дорого; не менѣе дорого стоятъ сопряженные съ ними сооруженія. Условия подземной работы большаго числа *наемныхъ* рабочихъ, требуя большаго контингента лицъ для руководства, надзора и надмотра, вызываютъ усиленные расходы на администрацію: одно лицо «администраціи» приходится на 3—19 рабочихъ, а расходъ на ея содержаніе колеблется между 1 руб. 50 коп. и 8 руб., въ среднемъ, на каждого подчиненнаго ей рабочаго. Продуктивность труда рабочего вообще и въ особенности забойщика, являющагося жизненнымъ нервомъ эксплуатаціи, весьма не высока, не столько потому, что тутъ рабочий *наемный*, сколько потому, что онъ до крайности изнуренъ. Наконецъ, цѣна продукта не только должна возмѣстить углепромышленнику-капиталисту всѣ издержки производства (въ самомъ широкомъ смыслѣ), но и дать ему еще извѣстную, довольно высокую прибыль. Съ другой же стороны, что касается крестьянскихъ шахтъ, то устройство ихъ стоитъ, конечно, гораздо дешевле; продуктивность труда рабочаго здѣсь несравненно выше, частью потому, что тутъ каждый работаетъ самъ на себя, частью потому, что благодаря отмѣченному уже перераспределенію ролей, каждый работаетъ всегда со свѣжими, бодрыми силами. Администрація не нужна и расходовъ на нее крестьянскія артели не знаютъ; пищевые продукты частью добываются путемъ натурального обмѣна, частью приносятся каждымъ изъ дому, — словомъ, издержки производства доведены до *minimum'a*. И если, за вычетомъ ихъ, каждый членъ артели получить въ результатъ обычную рабочую плату (гораздо высшую, чѣмъ на капиталистическихъ шахтахъ), то послѣдняя и составитъ чистую прибыль предпріятія, достаточно гарантирующую его жизненность и дальнѣйшее развитіе. Это значитъ, что крестьяне могутъ беззубыточно сбывать свой уголь по цѣнѣ болѣе дешевой — и всю ту сумму, которая образуется прибылью капиталиста плюсъ разность въ издержкахъ производства. Принимая все это во вниманіе, не трудно уразумѣть, почему, во-первыхъ, беззубыточная эксплуатація капиталистическихъ шахтъ возможна только при условіи крайней дешевизны рабочихъ рукъ и высокой рыночной цѣны продукта, искусственно вздутой, на счетъ кармана потребителей, золотую охранительную пошлиной, и почему, во-вторыхъ, многія конторы не только мелкихъ, но и крупныхъ, капиталистическихъ шахтъ предпочитаютъ, вмѣсто того, чтобы эксплуатировать ихъ, скупать втихомолку, даже изъ вторыхъ рукъ, у скупщиковъ, крестьянскій уголь и сбывать его подъ видомъ угля своей собственной добычи.

Очевидно, на поставленный выше вопросъ можно дать только отрицательный отвѣтъ: поддержка крестьянскихъ «ямокъ» не будетъ поддержкой

мертворожденного, а вполне жизненного явления, заключающего въ самомъ себѣ всё задатки для дальнѣйшаго блестящаго развитія и преуспѣянiя, только временно заглушенные исключительно-неблагоприятными условiями. Устранить эти неблагоприятныя условiя и возможно, и нетрудно, и необходимо въ интересахъ народнаго хозяйства. А съ устраненiемъ ихъ, нѣтъ сомнѣнiя, крестьянскiя шахты быстро займутъ подобающее имъ *первое мѣсто*,—первое мѣсто уже потому, что на ихъ сторонѣ то, что на современномъ рынкѣ неизбежно, фатально даетъ побѣду: на ихъ сторонѣ—*дешевизна*.

Гр. Шрейдеръ.

ПРИМѢЧАНIЯ.

1) „Общество деревни Александровки, Славяносербскаго уѣзда,— читаемъ мы, напримѣръ, въ приговорѣ отъ 1882 года,—слушало заявленiе купца З... (углепромышленника) о желанiи его приобрести отъ 25 до 30 десятинъ (надѣльной земли), состоящихъ въ арендномъ содержанiи у него же, З..., за цѣну 6,000 руб.; постановили: продать за назначенную имъ цѣну, съ тѣмъ, чтобы онъ велъ переговоры о покупкѣ для насъ земли г. В. (216 дес.), и если цѣна не будетъ превышать, то онъ можетъ совершить актъ“. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, крестьяне отдадутъ 25—30 дес. земли, заключающей въ вѣдрахъ своихъ каменный уголь, въ обмѣнъ на 216 десят. хлѣбопахотной, которую З..., не имѣющiй собственной земли, долженъ купить для нихъ у В.

2) Такъ, напримѣръ, три общины Александровской волости, Бахмутскаго уѣзда, арендуютъ у г-жи М. 600 дес. подъ попасъ скота и посѣвъ, срокомъ на 10 и 12 лѣтъ; взаимнѣ онѣ отдали ей срокомъ на 84 года 118 дес. надѣльной земли подъ разработку каменнаго угля съ правомъ возведенiя построекъ на 40 десятинахъ. Крестьяне деревни Еленовки, Вѣровской волости, получили отъ своей владѣлицы дарственный надѣлъ (всего 151 дес.); сверхъ надѣла они приобрѣли у нея еще 24 десятины, въ уплату за которыя предоставили ей безсрочное исключительное (монопольное) право эксплуатацiи подземныхъ богатствъ на пространствѣ всѣхъ 174 десятины.

3) Изъ ряда документальныхъ данныхъ приведемъ два наиболѣе любопытныхъ документа, въ которыхъ ясно, прямо и категорически указаны мотивы, побуждающiй крестьянъ сдать свою землю въ аренду подъ разработку каменнаго угля: а) 28 и 30 августа 1882 года, какъ видно изъ выданныхъ крестьянамъ выписей изъ крѣпостной книги изюмскаго нотарiальнаго архива за №№ 56, 57 и 58, уполномоченные черкаскаго сельскаго общества приобретаютъ по двумъ купчимъ крѣпостямъ у гг. Фениныхъ 820 дес. земли, именно: у Н. В. Ф.—820 дес. и у А. И. Ф.—500 дес.; въ послѣднемъ случаѣ съ переводомъ долга херсонскому земскому банку въ суммѣ 5,109 руб. 48 к. За 4 дня до совершенiя первой купчей крѣпости, 24 августа, тѣ же уполномоченные заключаютъ съ В. И. Ф., какъ *посрѣдникомъ А. В. Рутченку*, арендный контрактъ, согласно которому „отдается довѣрителю Фенина Рутченку въ арендное содержанiе принадлежащiй черкасскому обществу участокъ изъ доставшейся обществу по владѣнной записи № 18 земли, въ количествѣ 85 дес. казенной мѣры, какъ на поверхности, такъ и подъ землею, срокомъ на 25 лѣтъ, для производства каменно-угольныхъ разработокъ“. Затѣмъ 2-й пунктъ контракта гласитъ: „За право пользованiя, какъ выше опредѣлено, отданнымъ ему, Рутченку, участкомъ угольной земли онъ обязуется уплатить черкасскому обществу по 1,160 руб. въ годъ, всего за двадцать пять лѣтъ 29,000 руб. сер., слѣдующимъ порядкомъ: по утвержденiю и выдачѣ сего договора отъ старшаго нотарiуса, Рутченку долженъ тогда же выдать намъ, уполномоченнымъ черкаскаго общества, *передъ двадцатью тысячами восемьсотъ девяносто рублей пятьдесятъ коп.* на уплату за приобретаемое нами для нашего общества, согласно его приговору, недвижимое иманiе и. Фе-

нимъ; затѣмъ 1,000 руб. уплатить обществу черезъ три года" и т. д. Достатокъ очевиденъ цѣль, ради которой произведена была сдача въ аренду надѣльной земли; тается еще добавить со словъ крестьянъ, что въ данномъ случаѣ, какъ и въ случаѣ указанномъ въ примѣчаніи 1, самая сдача въ аренду была обусловлена содѣйствіемъ г. Рутченко въ покупкѣ земли г. Фенина; б) „Мы нижеподписавшіеся,—гласить приговоръ за № 5,—крестьяне собственники Екатеринославской губерніи, Славяносербскій уѣзда, Михайловской волости, деревни Алексѣевки, бывъ сего 15 февраля 1886 года сельскомъ сходѣ, опредѣлили: имѣя крайнюю необходимость въ приобрѣтеніи нами земли, принадлежащей къ нашему надѣлу, мы въ прошломъ 1885 году августа 27 дня сошлись съ владѣльцами этой земли... въ покупкѣ отъ нихъ чрезъ посредство крестьянскихъ поземельнаго банка 179½ дес. за сумму 8,975 руб., на что представили въ то же время въ... банкъ всѣ... документи и просили разрѣшить... суду. Въ томъ же году декабръ 1 екатеринославск. отдѣл. крестьянск. поземельн. банка уведомило насъ, что съ томъ банка разрѣшена намъ ссуда въ суммѣ 8,070 руб., а на остальные 905 руб. должны сойтись съ продавцами имѣнія. А такъ какъ, по договору съ продавцами, случаѣ, если не будетъ разрѣшена ссуда, т.-е. 8,975 руб., обязаны недостающую часть внести наличными деньгами, а, между прочимъ, по случаю неурожайнаго года не имѣя на то своего наличнаго капитала и не желая разстраивать своего имущества до уплаты дополнительнаго съ насъ платежа продавцамъ 905 руб., а также не желая лишиться приобрѣтенія болѣе чѣмъ необходимой для насъ земли, тѣмъ болѣе принявшею къ нашему надѣлу и составляющей всѣ удобства для нашего хозяйства и дабы унестать ее, такъ какъ владѣльцы предложили продать ее въ другія руки, что край бы насъ стѣснило,—повтому мы, имѣя, какъ на надѣлѣ нашемъ, такъ равно и на и обрѣтаемой нами отъ Міковичей землѣ, признаки угольныхъ копей,—мы порѣшили между собой, если окажется кто желающій взять въ аренду разработку угля на нашъ надѣльной и на прибрѣтаемой землѣ... то и предоставить право разработки, тѣмъ только, чтобы намъ въ одинъ разъ была выдана взявшимъ въ аренду сумма менше одной тысячи рублей для того, чтобы мы могли внести слѣдующую съ насъ доплату 905 рублей за прибрѣтаемую нами землю и приступить къ совершенію купчей...“ И далѣе, въ томъ же приговорѣ: „Предложивъ наше желаніе отдать въ аренду разработку угля на сказанной землѣ харьковскому 1-й гильдіи купцу А. К. Алчевскому, который, сойдясь съ нами на 24 года въ ежегодной платѣ, согласился выдать намъ впередъ 1,000 руб.—на основаніи чего, мы, найдя для себя удобнымъ, рѣшили отдать ему, Алчевскому, в сего числа выдали ему отъ нашего общества приговоръ о подчиненіи условіямъ и, получивъ отъ него 1,000 рублей, изъ которыхъ 905 руб. уплатили слѣдующей съ насъ доплаты продавцамъ, а остальные 95 руб. употребили на свои держки“. Такимъ образомъ, нуждаясь въ деньгахъ для доплаты, безъ которой не бы состояться покупка необходимой крестьянамъ хлѣбопашной земли, они уже имѣя, еще до завершения сдѣлки, отказываются впередъ на 24 года отъ эксплуатаціи ихъ подземныхъ богатствъ за собственный счетъ и рискъ, уже заранѣе на четверть ихъ ограничиваютъ аренднымъ контрактомъ свою свободу распоряженія надѣльной и чужою землей.

4) Такъ, неудачный контрактъ, заключенный крестьянами деревни Павловки углепромышленнымъ товариществомъ „Поддѣмовскій и К^о“, привелъ къ тому, что крестьяне были въ конецъ разорены и вся надѣльная земля перешла въ собственность товарищества. Это, впрочемъ, примѣръ не единственный.

5) Въ томъ числѣ Бахмутскаго уѣзда только 21,6‰; остальные 78,4‰—люди и индѣи, среди котораго не мало (5,8‰) иностранцевъ.

6) Это неволью напоминаетъ намъ фактъ, съ которымъ мы встрѣтились въ Смоленскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, столь знаменитой своими обрѣзками—„подпорки и принудительной арендой. Здѣсь посреди деревни Вязовки существовалъ прудъ, который, при надѣленіи крестьянъ землей, остался за владѣльцемъ. Вскорѣ по освобожденіи догадливый владѣлецъ спустилъ прудъ и посреди села образовался прекрасный

Зидишь сосѣда, — говорятъ крестьяне, — а пройти къ нему нельзя“. 14 октября 182 года крестьяне составили приговоръ, въ которомъ читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „Со дня произведеннаго намѣ надѣла мы лишены права пользоваться выгономъ, входящимся въ самой серединѣ нашихъ усадѣбныхъ мѣстъ и подходящимъ подъ самыя или дома, такъ что, лишаясь возможности содержать птицу и домашнихъ животныхъ, и крайне стѣснены таковымъ положеніемъ“. „Въ виду такого стѣсненія, такъ еще болѣе потому, что М. (владѣлецъ) требуетъ съ насъ громадную плату за этотъ выгонъ, также имѣя въ виду, что закономъ таковыя чрезлопосныя владѣнія строго воспрещаются (?), мы по общему согласію избрали изъ своей среды двухъ крестьянъ, которыхъ полномочили ходатайствовать, гдѣ слѣдуетъ, объ уничтоженіи чрезлопосици“. Ходатайство не привело ни къ чему и злополучные вазовцы, чтобы избавиться отъ ежеминутныхъ штрафовъ, волей-неволей вынуждены арендовать выгонъ за невѣроятную дѣну, почти 100 руб. за десятину.

7) Крестьяне слѣдующимъ образомъ характеризуютъ эту эпоху: „вольная жизнь — юльница была, всякій пахалъ, гдѣ хотѣлъ и сколько хотѣлъ“; „люди жили не селеніями, а хуторами, какъ и гдѣ кому вздумалось“; площадь запашки опредѣлилась тогда не гѣрами протяженія, а временемъ: „спасалъ 3 дня, 5 дней“; что же касается сѣнокоса, то захватывъ каждый по столько, что не видать и не слышать другъ друга, и косить, сколько силъ хватить“.

8) Всего сверхъ слишкомъ 500 тыс. дес. надѣльной земли арендуютъ крестьяне до 800 тыс. десятинъ, т.-е. около 60%. Впрочемъ, дѣйствительная величина арендуемой площади несравненно болѣе 300 тыс. дес., потому что необходимо еще принять въ расчетъ практикуемый въ весьма широкихъ размѣрахъ „отгонъ скота“, т.-е. наемъ неопредѣленной площади пастбища съ платой отъ штуки.

9) Въ общемъ, наприм., въ Славяносербскомъ уѣздѣ крестьянская посѣвная площадь составляетъ болѣе 48% всей надѣльной площади, т.-е. въ 1½ раза превосходить норму, допускаемую сельско-хозяйственной наукой. За одно только послѣднее 4—5-ти-лѣтіе крестьянская пахотная площадь увеличилась на 16% на счетъ пастбищной, сократившейся за тотъ же періодъ на 12%.

10) *Сборн. стат. свѣд. по Екат. губ.*, вып. III, стр. 261—262.

11) Въ расширеніи площади крестьянскихъ посѣвовъ многіе склонны видѣть отрадное явленіе — признакъ роста крестьянскаго хозяйства. Если это, быть можетъ, и вѣрно, то, очевидно, не всегда и не вездѣ. Только что приведенныя данныя, во всякомъ случаѣ, указываютъ, что къ расширенію посѣвовъ, какъ къ голому статистическому факту, нужно относиться съ большою осторожностью, что самъ по себѣ этотъ фактъ, безъ надлежащаго анализа порождающихъ его причинъ, не можетъ служить достаточно твердою основой для категорическихъ выводовъ и обобщеній.

12) Нельзя, впрочемъ, не отмѣтить, что наши данныя оказываются въ прямомъ противорѣчій съ установившимся возрѣніемъ на натуральную аренду, какъ на продуктъ натурального хозяйства, долженствующій постепенно исчезнуть вмѣстѣ съ переходомъ послѣдняго въ денежное. Благодаря особеннымъ мѣстнымъ условіямъ (отлученію рабочихъ рукъ на шахты и т. п.) въ Доведкомъ бассейнѣ рядомъ съ развитіемъ капиталистической промышленности идетъ усиленная замѣна денежной аренды натуральною, причемъ послѣдняя является нерѣдко не только косвеннымъ, но прямымъ непосредственнымъ продуктомъ капиталистической промышленности, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ записки по дд. Орѣховкѣ, Дмитріевкѣ, Васильевкѣ.

13) Въ настоящее время здѣсь насчитываются уже десятки крестьянскихъ переселенческихъ товариществъ, приобрѣвшихъ землю частью на собственные средства, а главнѣйшимъ образомъ при помощи крестьянскаго банка. Что же касается горнорабочей колонизаціи, то контингентъ ея доставляется 20 губерніями Европейской Россіи, среди котораго первое мѣсто занимаетъ Тульская (особенно Бѣлевскій уѣздъ) и Орловская (Богоховскій уѣздъ) губ., доставляющія болѣе 80% общаго числа пришедшихъ горнорабочихъ; послѣднее мѣсто — Саратовская губернія. Масса пришаго люда осѣдлетъ на мѣстѣ

въ Донецкомъ бассейнѣ и такимъ образомъ владеть начало ряду новыхъ спеціальныхъ горнорабочихъ поселеній. Таково происхождение м. Юзовки, Горловки и др.

14) *Опытъ изслѣдованія способовъ эксплуатаціи земель частныхъ владѣльцевъ Екатеринославскаго уѣзда*, стр. 88 и 89.

15) Если замѣна денежной аренды отработкомъ нерѣдко увеличиваетъ доходъ владѣльческой десятины на 80—100%, то исключительно благодаря чрезвычайно низкому оцѣнкѣ отработка. При высокой оцѣнкѣ владѣльцу было бы выгоднѣе пользоваться своими рабочими, получая отъ съемщика денежную арендную плату.

16) Къ сожалѣнію, ни одинъ, кажется, изъ земскихъ статистическихъ сборниковъ дѣлаетъ этого различія, хотя его нельзя не признать весьма существеннымъ. И торгаше сборники дѣлаютъ даже такой промахъ, что каждый случай съема принимаютъ съемщика и, такимъ образомъ, благодаря двойному, тройному и даже пятикратному случаю получается общее число съемщиковъ гораздо болѣе дѣйствительнаго.

17) Въ сс. Георгіевскомъ, Пришибѣ № 1 и 2, Александровкѣ и Пятигоровкѣ, на мѣрѣ, насчитывается въ сложности 280 домохоз.-съемщиковъ; въ томъ числѣ: а) арендующихъ землю у одного владѣльца—40 или 17,4%, у двухъ—79 или 34,3%, у трехъ—29,2%, у 4-хъ—35 или 15,2% и у 5-ти—9 или 3,9%; б) арендующихъ одно то же угодье—46 или 20%, два угодья—36 или 15,6%, три—50 или 21,7%, отъ трехъ-шести различныхъ угодій—98 или 42,7%; в) уплачивающихъ арендную плату въ 1-й формѣ—52 или 22,6%, во 2-й—54 или 23,4% и въ 3—6 формахъ 124 или 54%; г) арендующихъ одно и то же угодье у разныхъ владѣльцевъ 94 домохоз.; арендующихъ одно и то же угодье и у одного того же владѣльца нѣсколькими клочками за различную плату—44 домохоз. Вмѣсто комментарія къ этимъ даннымъ, вотъ нѣсколько частныхъ случаевъ. I) Домохоз. *Мих. Громовъ* изъ с. Георгіевскаго арендуетъ: а) у В.—10 десят. пахотной земли съ 1/3 бороздн (т.-е. обязатъ вспахать владѣльцу 1 десят.; такъ называемый „оторъ“); у него же—3 десят. пахоти съ 1/4 копын; б) у К.—сѣновоса 9 десят. съ 1/3 копын съемщику; в) у Г.—ба 1/2 десят. бахчи съ 1/2 бороздн (т.-е., вспахать 1/4 десятины); г) у С. 360 кв. саж. за 9 дней работы на молотилкѣ; д) у К.—за 1/2 десятины пахоти за 1 1/2 рубля. II) *Онисъ Харченко* изъ д. Пятигорода арендуетъ: а) церковной пахотной земли 1 десятину съ 1/2 бороздн; б) у Ч. сѣновоса 15 десятинъ съ 1/2 копын, бахчи 1/2 десятины съ 1/2 бороздн; в) у М. пахотной земли 4 десятины съ 1/3 копын; г) у Г. наволоки 2 1/2 десятины за обработку откоситѣ 1/2 десятины и д) у С. пахотной 4 десятины за откосъ 4 десятины. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, при невозможности одновременно посѣть въ нѣсколько мѣстъ и прилагать выполнить принятія на себя обязательства, съемщики нерѣдко производятъ отработку чрезъ посредство *наемныхъ рабочихъ*.

18) Чрезвычайно важное обстоятельство, совершенно упускаемое изъ вида при оцѣнкѣ жалобъ крупныхъ углепромышленниковъ, являющихся въ подавляющемъ большинствѣ не собственниками, а только арендаторами эксплуатируемыхъ ими шахтъ. Сумма расходовъ на развѣдки составляетъ солидную долю основнаго капитала, затрачиваемую каждымъ горнопромышленнымъ предпріятіемъ; но ее-то именно крупные углепромышленники и сберегаютъ, благодаря указанной причинѣ.

19) Имъ же положено основаніе Бѣльскимъ шахтамъ въ началѣ 40-хъ годовъ.

20) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ право это сохраняется до тѣхъ поръ, пока не умретъ крупный предприниматель, который пожелаетъ взять открытую залежь въ аренду.

21) „Вскочилъ, пошелъ и занимаетъ; кто раньше сколько занялъ усадьбъ, столько у него и есть: у кого десятинъ пять, у кого саженой пять“.

22) Считаая крестьянскій уголь (на мѣстѣ) по 3 коп. за пудъ, это составитъ 1/3 жесстимѣсячномъ періодѣ добычи (сентябрь—февраль или ноябрь—апрѣль) не болѣе 40-50% годовыхъ, между тѣмъ какъ обычно крестьяне платятъ по займамъ: 40—90% въ Славянской волости, 175% въ Гришинской, 225% въ Андреевской, 356% въ Петровской № 1 и т. д.

23) „Что Сибирь?—у насъ своя Сибирь“,—говорятъ крестьяне углепромышленнаго она.

24) Уже потому, что, практикую капиталистическія шахты такую же, какъ кустарныя, организацію работъ, издержки производства возросли бы чрезвычайно, такъ какъ всѣ не должны были бы получать одинаковую плату, между тѣмъ какъ въ настоящее время заработная плата забойщика, наприм., въ $1\frac{1}{2}$ —2 раза выше платы саночника и т. д.

25) Этою необходимостью всегда держать наготовѣ солидный расходный капиталъ и компенсируется въ значительной степени тотъ, обычно фигурирующий въ условіяхъ съ раны, пунктъ, въ которомъ оговаривается, что задержка въ выдачѣ рабочей платы освобождаетъ рабочихъ отъ выполнения принятыхъ на себя обязанностей и не налагаетъ на нанимателя обязанности платить неустойку. На пространствѣ всего бассейна можно насчитать 5—6 рудниковъ (Каменскій, Шениловскій и др.), на которыхъ платятъ съ рабочими производится своевременно, безъ задержекъ. Обыкновенно же на заработанныхъ денегъ задерживается на 2—3 и даже на 5—6 мѣсяцевъ.

26) Существуютъ еще крестьянскія артели, занятыя добычей угля на *арендуемой для этой цѣли частновладѣльческой землѣ*. Организация этихъ артелей ничѣмъ не отличается отъ вышеизложеннаго. Арендная плата болѣею частью натуральная: владѣльцы получаютъ или извѣстное, заранее опредѣленное количество угля, или же извѣстную часть добычи, обыкновенно половину.

27) Кромѣ углеподъемныхъ, на капиталистическихъ шахтахъ встрѣчаются еще водоподъемныя машины. Играя роль вспомогательную, онѣ имѣютъ значеніе единственно по тому, поскольку служатъ устраненію одного изъ неблагоприятныхъ условій (водн) ситуаціи; ихъ значеніе, слѣдовательно, отрицательное и для успѣшности эксплуатаціи существенное.

Первыя бесплатныя городскія читальни въ С.-Петербурѣ.

(Организація ихъ и итоги дѣятельности за 1888 годъ).

Мысль объ устройствѣ въ Петербургѣ бесплатныхъ читаленъ возникла впервые среди частныхъ лицъ, преданныхъ дѣлу народнаго развитія и образованія, подъ впечатлѣнiемъ блестящихъ результатовъ первой «москoской» бесплатной читальни, учрежденной въ память И. С. Тургенева въ 1885 г. Мысль эта встрѣтила горячее сочувствiе со стороны городской головы В. И. Лихачева и была предложена имъ въ засѣданiи думы 23 декабря 1885 г. Предлагая учрежденiе въ Петербургѣ бесплатныхъ читаленъ городской голова высказалъ, между прочимъ, что эти учрежденiя представляютъ собою лучшее удовлетворенiе умственныхъ потребностей бѣднѣшаго городского населенiя, въ особенности фабричнаго люда, населяющаго наши окраины. Въ заключенiе своего предложенiя городской голова выразилъ надежду на поддержку городского общественнаго управленiя въ начинанiи со стороны столичнаго общества и мѣстныхъ издателей и книгопродавцевъ. Предложенiе городской головы было принято и поступило въ комиссiю финансовую и по народному образованiю, для выработки подробностей организаціи читаленъ.

Петербургское общество не замедлило откликнуться на новое дѣло. И вѣстный нашъ путешественникъ, покойный Н. М. Пржевальскiй, предоставилъ въ распоряженiе города на устройство первой бесплатной читальни весь сборъ съ своей публичной лекціи *О путешествiи въ Среднюю Азію* въ количествѣ 587 р. 61 к. Затѣмъ съ тою же цѣлью поступило черезъ Б. Э. Кетрица, отъ частныхъ лицъ, пожелавшихъ остаться неизвѣстными, 800 р. и отъ И. М. Сибирякова «на устройство нѣсколькихъ читаленъ въ память Пушкина» 700 р. Предсѣдатель с.-петербургскаго комитета грамотности препроводилъ въ пользу библиотекъ будущихъ читаленъ 84 книжки изданiй комитета. Книгопродавцы - издатели гг. Глазуновъ, Фену, Карбаниковъ, Суворинъ и другіе—свои изданiя.

Между тѣмъ, управа и комиссiя выработали проектъ устройства двухъ читаленъ въ зарѣчной и не-зарѣчной частяхъ города и составили смету расходовъ на ихъ первоначальное обзаведенiе и ежегодное содержанiе. М

материалами для этого проекта послужили данныя о заграничныхъ и нашихъ провинціальныхъ бібліотекахъ-читальняхъ. Проектъ управы былъ внесенъ въ думу въ засѣданіи ея 28 января 1887 г., т. е. въ день 50-й годовщины смерти Пушкина.

На этомъ же засѣданіи было доложено о полученіи городскимъ головою письма отъ предсѣдателя комиссіи по народному образованію А. А. Краевского «о посвященіи предложенныхъ къ открытію двухъ читаленъ имени А. С. Пушкина». Проектъ управы и предложеніе Краевского были приняты. Рѣшено было въ томъ же 1887 году открыть двѣ бесплатныя читальни въ память Пушкина: одну по Обводному каналу, другую на Выборгской сторонѣ, съ ассигновкою на каждую по 2,400 руб. ежегоднаго содержанія. На первоначальное обзаведеніе были предоставлены вышеупомянутыя пожертвованія въ количествѣ 2,087 р. 61 к., къ которому впоследствии присоединились еще 250 р. отъ г. Нарышкина въ пользу второй городской читальни и остатокъ отъ ассигновки вслѣдствіе открытія читаленъ не съ начала 1887 г. Дальнѣйшая детальная организація была поручена комиссіи по народному образованію. Комиссія избрала изъ своей среды двухъ членовъ, завѣдующихъ читальнями: П. А. Потѣхина для 1-й и Н. А. Варгунина для 2-й, которые и приняли на себя завѣдываніе читальнями подъ свою личную отвѣтственность. Члены завѣдующіе пригласили утвержденныхъ комиссіей по народному образованію бібліотекаршъ г-жъ Барсукову и Горянскую. Бібліотекарши, подъ руководствомъ членовъ завѣдующихъ, занялись окончательнымъ устройствомъ читаленъ.

Личный составъ читаленъ слѣдующій: 1) бібліотекарша, состоящая на службѣ городского общественнаго управленія, живущая при читальнѣ, съ содержаніемъ въ 540 р.; 2) помощница ея, вольнонаемная, съ содержаніемъ въ 300 руб.; 3) мальчикъ для услуги во время раздачи книгъ, съ содержаніемъ въ 120 руб., и 4) сторожъ и женская прислуга, живущіе при читальнѣ, съ содержаніемъ въ 300 руб. Остальные 1,140 р. распредѣляются: на квартиру съ отопленіемъ 720 р., на пополненіе бібліотеки 300 р. и на прочіе хозяйственные расходы 120 р. Первоначальное обзаведеніе читаленъ обошлось городу въ 4,526 р. 71 к., изъ которыхъ 2,337 р. 61 к. были пожертвованы. Эти средства дали возможность обставить читальни просто, но вполне удобно и цѣлесообразно какъ со стороны обстановки, такъ и со стороны первоначальнаго запаса книгъ. Квартиры читаленъ свѣтлыя, высокія, состоятъ: 1) изъ читальной залы въ 5 оконъ. Зала 1-й читальни можетъ вмѣстить одновременно 70 чело-вѣкъ и располагаетъ особою комнатою для дамъ. Зала 2-й читальни имѣетъ 50 мѣстъ; для читательницъ здѣсь отведенъ особый столъ; отдѣльный столъ устроенъ и для дѣтей; 2) изъ запасной комнаты на случай разро-станія бібліотеки; 3) изъ просторной передней и 4) помѣщенія бібліотекарши и прислуги. Читальная зала вмѣщаетъ въ себѣ бюро читальни и украшена бюстомъ Пушкина, портретами и гравюрами. Въ настоящее время въ 1-й читальнѣ къ нимъ долженъ присоединиться, по постановленію думы

24 октября 1888 г., портретъ покойнаго Пржевальскаго. Что касается библиотекъ читальнѣ, то, благодаря живому участию петербургскаго общества, онѣ продолжали пополняться пожертвованіями частныхъ лицъ, различныхъ учреждений и обществъ, издателей-книгопродавцевъ, редакцій газетъ и журналовъ. Нѣкоторые изъ нашихъ литераторовъ прислали въ читальни свои сочиненія съ автографами: гр. Л. Н. Толстой, А. Н. Плещеевъ, покойный М. Е. Салтыковъ и другіе.

Во времени открытія читальнѣ библиотеки ихъ располагали количествомъ книгъ въ 6,353 тома, распределенныхъ почти поровну на обѣ читальни. Изъ этого количества 4,165 т. на 2,394 р. пожертвовано, а остальные 2,188 т. на 2,800 р. приобретены на средства города.

Среди этого первоначальнаго запаса книгъ имѣлись налицо главнѣйшія общедоступныя сочиненія по всѣмъ отраслямъ знанія и произведенія лучшихъ беллетристическихъ писателей русскихъ и иностранныхъ, въ русскомъ переводѣ. Для дѣтей имѣлся особый запасъ дѣтскихъ книгъ. Всѣ книги распределены на одиннадцать отдѣловъ и занесены въ особые алфавитные каталоги.

Процессъ выдачи книгъ въ читальняхъ слѣдующій: читателю выдается требовательный листокъ, требуемая книга отыскивается при помощи алфавитнаго карточнаго каталога, въ которомъ точно обозначено мѣсто-нахожденіе ея. Цифровыя данныя о книгѣ заносятся на требовательный листокъ и особую закладку. Требовательные листки сохраняются, какъ матеріалъ для ежедневнаго статистическаго отчета, а закладка вручается вмѣстѣ съ книгой читателю. При сдачѣ книги, на закладкѣ ставится штемпель для свободнаго пропуска читателя изъ читальни. Время закрытія читальни возвышается за 10 минутъ звонкомъ. По окончаніи чтенія, читальня приводится въ надлежащій порядокъ; бывшимъ посѣтителемъ и выданнымъ имъ книгамъ подводятся ежедневные итоги по специально-составленнымъ для нашихъ читальнѣ статистическимъ таблицамъ. Таблица книгъ разбита на одиннадцать графъ, сообразно одиннадцати отдѣламъ каталога, а таблица посѣтителей—на 19 графъ, сообразно 19 рубрикамъ различнаго общественнаго ихъ положенія, а именно:

- 1) Духовенство.
- 2) Офицерскіе чины.
- 3) Юнкера и вольноопредѣляющіеся.
- 4) Низшіе воинскіе чины и военные писаря.
- 5) Писатели, художники и лица другихъ свободныхъ профессій.
- 6) Служащіе въ правительственныхъ, частныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ.
- 7) Начальники и учащіе въ учебныхъ заведеніяхъ.
- 8) Купцы и фабриканты.
- 9) Медики и аптекаря.
- 10) Фельдшера и акушерки, сестры милосердія.
- 11, 12, 13) Учащіеся въ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

- 14) Лица, живущія своимъ капиталомъ.
- 15) Лица, живущія на средства семьи.
- 16) Мелкіе промышленники.
- 17) Рабочіе на фабрикахъ и другихъ промышленныхъ заведеніяхъ.
- 18) Прислуга и
- 19) Временно-заѣзжіе въ столицу, — съ соответственными подраздѣлами на рубрики мужчинъ, женщинъ, взрослыхъ и малолѣтнихъ. Изъ ежедневныхъ итоговъ составляются ежемѣсячныя, а по нимъ третныя и годовыя отчеты, печатающіеся въ *Извѣстіяхъ С.-Петербургской Думы*.

Когда всѣ подготовительныя работы по читальнямъ были окончены, коммиссія по народному образованію приступила къ ихъ открытію. Открытіе возвѣщалось печатными объявленіями, расклеенными на улицахъ соедѣнныхъ съ читальнями частей города. Открытіе 1-й читальни (помѣщаемая по Обводному каналу, Московской части, Рузовская улица, № 43), состоялось 24 ноября 1887 г., а открытіе 2-й (Выборгская ч., Б. Самойловскій, № 23) — 17 декабря того же года. На открытіи присутствовали: с.-петербургскій градоначальникъ, городской голова, председатель члены коммиссіи по народному образованію, председатель комитета градоначальности, жертвователи и другія лица. Послѣ благодарственнаго молебствія были произнесены въ 1-й читальнѣ рѣчи: городскимъ головою, гласнымъ М. И. Семейскимъ и председателемъ коммиссіи по народному образованію А. А. Краевскимъ. Рѣчи эти выражали радость по случаю возникновенія новыхъ городскихъ образовательныхъ учрежденій, представляющихъ собою лучшее завершеніе начального обученія, самыя теплыя пожеланія успѣха новымъ читальнямъ и возможно широкаго развитія этого дѣла вообще. Членами завѣдующими, П. А. Потѣхинымъ и Н. А. Варгунинымъ, были прочтены краткіе отчеты о состояніи читаленъ ко дню открытія. Ровно въ 5 часовъ вечера открылись входныя двери читаленъ и публика, ожидавшая этого момента еще задолго на крыльцѣ, буквально хлынула въ переднюю. Тутъ были представители различныхъ классовъ общества — и взрослые, и дѣти. Но, несмотря на свою массу, пестрая толпа первыхъ посѣтителей поражала своимъ благонравіемъ и полнѣйшимъ подчиненіемъ правиламъ и внѣшнему порядку читальни. Число желающихъ далеко превысило наличное число мѣстъ и многіе остались терпѣливо ожидать очереди въ передней и на крыльцѣ. Публика наполняла читальню до самаго конца дня. То же оживленіе наблюдалось и въ слѣдующіе дни, такъ что въ 1-й читальнѣ приходилось отказывать по недостатку мѣстъ до 100 лицамъ. Насколько великъ былъ наплывъ посѣтителей въ первое время по открытіи читаленъ, свидѣтельствуютъ данныя нашего отчета по 1 января 1888 г. Въ этому времени 1-я читальня была открыта 36, а 2-я — 13 дней. Число лицъ записавшихся составило: 1,215 въ 1-й читальнѣ (т.-е. 22% всего количества записавшихся по 1 января 1889 г.) и 440 лицъ во 2-й читальнѣ (т.-е. 21% этого количества). Этими лицами было сдѣлано посѣщеній: въ 1-й читальнѣ 3,891 пос. (т.-е. въ среднемъ ежеднев-

но 108, въ праздники—149 и въ будни 99); во 2-й читальнѣ—1,184 посѣтителей (т.-е. въ среднемъ ежедневно 91, въ праздники—125, въ будни — 89). Особенно осаждались читальни дѣтьми, заполняя ихъ собою въ ущербъ взрослымъ читателямъ. Въ виду этого, число мѣстъ для дѣтей было ограничено: 25-ю для 1-й читальни и однимъ столомъ на 14 человекъ въ 2-й читальнѣ. Благодаря размѣрамъ читальной залы 1-й читальни, число мѣстъ ея было увеличено съ 50 до 70. Впослѣдствіи число посѣщеній уменьшилось и желающіе всегда находили свободныя мѣста. Такимъ образомъ, успѣхъ дѣла не только оправдалъ возложенныя на него ожиданія, но даже превзошелъ ихъ. Личный персоналъ читаленъ оказался недостаточнымъ для быстрого удовлетворенія требованій публики, явилась необходимость во 2-й помощницѣ и 2-мъ мальчикѣ. Явились и непредвидѣнные хозяйственные расходы: на прислугу и канцелярскія принадлежности. Такъ что къ первоначальной годичной ассигновкѣ въ 2,400 р. понадобилось добавить еще 600 р. и положить, такимъ образомъ, на читальни по 3,000 р. ежегоднаго содержанія. Мотивированное ходатайство комиссіи по народному образованію объ этой дополнительной суммѣ было представлено въ думу и утверждено ею въ началѣ текущаго 1889 года.

Перейдемъ теперь къ обзору жизнедѣятельности читаленъ въ теченіе перваго года ихъ существованія, т.-е. съ 1 января 1888 г. по 1 января 1889 года. Читальни обогатились за это время новыми пожертвованіями, денежными и книгами. Денежныхъ пожертвованій поступило: отъ г. фонъ-Дервизъ 100 р. и отъ княгини Гагариной—30 р., по ровну на обѣ читальни. Всѣхъ книгъ къ 1 января 1889 г. числится: пожертвованныхъ 5,031 т. на 3,455 руб. и прибрѣтенныхъ на средства города 2,496 т. на 3,166 рублей. Всего библіотеки читаленъ располагаютъ, слѣдовательно, въ настоящее время запасомъ книгъ въ 7,527 т. (въ 1-й читальнѣ—3,696 т. и во 2-й читальнѣ—3,831 т.). Нѣкоторыя сочиненія имѣются въ нѣсколькихъ экземплярахъ, такъ что отдѣльныхъ названій всего 4,128. По отдѣламъ каталога онѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Беллетристика (оригин. и перев.)	31 %
Богословіе.	22 >
Дѣтскія книги.	12 >
Исторія съ біографіей	8 >
Естествознаніе, медицина и математика.	7 >
Географія и путешествія	6 >
Журналы и газеты	4 >
Философія, технология и педагогика	3 >
Промышленность, сельское хозяйство, рыболов-	
ство и охота, и смѣсь по	2 >
Юридическія и общественныя науки	1 >

Въ отчетномъ году читальни были открыты въ теченіе 347 дней. Со дня открытія по 1 января 1889 г. общее число лицъ записавшихся: въ 1-й читальнѣ 5,623, а во 2-й—2,140. Распредѣливъ это число лицъ по об-

щественному ихъ положенію, видимъ, что читальни служили именно той публикѣ, для которой онѣ предназначались. Приведемъ главнѣйшія цифры этой таблицы:

	1-я читал.	2-я читал.
1) Рабочіе на фабрикахъ и друг. промышл. завед.	16 %	27 %
2) Учащіеся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ .	27 >	18 >
3) Малолѣтніе рабочіе	10 >	10 >
4) Малолѣтніе, живущіе при семьѣ	6 >	6 >
5) Служащіе въ правлен. частн. и обществ. учрежд.	5 >	3 >
Количество взрослыхъ и малолѣтнихъ почти равны между собою и составляютъ (взрослые) .	45 >	50 >
Женщины составляли	14 >	19 >
Особенно мало посѣщали читальни женщины рабочаго класса и дали всего	0,04 %	2 %.

По мѣсту жительства посѣтителі распрѣдѣлились такъ:

Главнѣйшій контингентъ въ 1-й читальнѣ, именно 88% общаго числа, дали слѣдующія части:

- 1) Московская часть 56%
- 2) Нарвская > . . . . . 16 >
- 3) Спасская > . . . . . 7 >
- 4) Коломенская > . . . . . 6 >

Во 2-й читальнѣ, 86% общаго числа, дали:

- 1) Выборгская часть 66%
- 2) Петербургская > . . . . . 12 >
- 3) Литейная > . . . . . 8 >

Такимъ образомъ, очевидно, что читальни посѣщаются преимущественно жителями ближайшихъ къ нимъ частей города. Вышеприведеннымъ числомъ лицъ сдѣлано въ теченіе года весьма значительное число посѣщеній, а именно 32,709 посѣщ. въ 1-й читальнѣ (т.-е. 5—6 пос. каждымъ лицомъ) и 13,658 пос. во 2-й читальнѣ (т.-е. 6—7 п. кажд. лиц.). Въ дѣйствительности число посѣщеній распрѣдѣлялось по лицамъ крайне неравномѣрно. Съ одной стороны, мы имѣли случайныхъ посѣтителей, заглянувшихъ въ читальню разъ-другой изъ любопытства къ новинкѣ, а съ другой—меньшинство постоянныхъ посѣтителей, изъ которыхъ нѣкоторые посѣщали читальни, въ теченіе извѣстнаго времени, почти ежедневно. Замѣчалась большая разница въ количествѣ посѣщеній по буднямъ и воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; при этомъ слѣдуетъ, конечно, принимать въ расчетъ различное число часовъ, въ которые читальни въ тѣ и другіе дни открыты. Воскресныхъ и праздничныхъ дней было въ истекшемъ году 74. На эти дни приходится:

- въ 1-й читальнѣ . 31% общаго числа посѣщеній.
 во 2-й > . 35 > > >

Лѣтніе праздники посѣщаются менѣе зимнихъ. Число посѣщеній по праздникамъ вообще колебалось: отъ 41—221 въ 1-й читальнѣ (макси-

мумъ въ воскресенье 3 апрѣля) и отъ 16 до 165 во 2-й (максимумъ въ воскресенье 24 января). Колебаніе посѣтителей въ будни выразилось такъ: отъ 34—131 въ 1-й читальнѣ и отъ 6—88 во 2-й. Минимумы наблюдались: въ 1-й читальнѣ въ іюнѣ и іюлѣ, во 2-й—въ апрѣлѣ и маѣ.

Среднія годовыя числа получаются слѣдующія:

въ 1-й читальнѣ: общее 93_{,11}, въ праздники 145_{,18}, въ будни 81_{,87}
 во 2-й > > 39_{,62}, > > 64_{,40}, > > 32_{,19}

Въ теченіе года посѣщеніе читаленъ было также неравномѣрно, какъ это видно по даннымъ нашихъ третнихъ отчетовъ. Въ теченіе 2-й трети года, т.-е. съ 1 мая по 1 сентября, число посѣщеній значительно понизилось. Въ 1-й читальнѣ оно упало на 17% противъ первой трети, а во 2-й читальнѣ на 34%^д. Въ послѣднюю треть года число посѣщеній снова возвысилось: во 2-й читальнѣ на 12%, а въ 1-й почти до своего первоначальнаго уровня.

Если распредѣлимъ количества посѣщеній по рубрикамъ общественнаго положенія, то получимъ для каждой читальни рядъ чиселъ, не совсѣмъ совпадающихъ между собою.

Приведемъ изъ этихъ цифръ главнѣйшія въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

	1-я читал.	2-я читал.
1) Посѣщенія учениковъ низшихъ учебныхъ заведеній . . .	33%	26%
2) > взрослыхъ рабочихъ	11 >	22 >
3) > малолѣтнихъ рабочихъ	7 >	19 >
4) > > живущихъ при семьѣ	9 >	9 >
5) > учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній . . .	7 >	5 >
6) > ученицъ низшихъ учебныхъ заведеній	4 >	7 >
7) > служащихъ въ правительственныхъ, частныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ	5 >	3 >
Взрослые вообще составляли	36 >	37 >
Женщины	11 >	15 >

Стоимость каждаго посѣщенія обошлась городу въ истекшемъ году: въ 1-й читальнѣ въ 8,7 к., во 2-й читальнѣ—18,12 к.

Сопоставляя цифровыя данныя о посѣтеляхъ обѣихъ читаленъ между собою, видимъ между ними рѣзкую разницу: 1-я читальня обладаетъ весьма большимъ количествомъ посѣщеній и, притомъ, изъ представителей различныхъ классовъ общества, 2-я же посѣщается гораздо менѣе и отличается однообразіемъ состава своихъ читателей—рабочими мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ и ихъ дѣтьми по преимуществу. Эта разница объясняется положеніемъ читаленъ и составомъ окружающаго ихъ населенія: 1-я читальня находится, какъ извѣстно, въ Московской части, густо населенной различными классами общества и преобладающей къ центральнымъ частямъ города; 2-я читальня помѣщается въ Выборгской части, т.-е. на окраинѣ города, изолированной рѣкой отъ прочихъ частей города, въ мѣстности мало населенной и изобилующей фабриками и заводами.

Познакомимся теперь съ тѣмъ, что читалось нашими читателями по итогамъ годовой таблицы выданныхъ книгъ. Общее число этихъ книгъ, считая въ томъ числѣ журналы и газеты, выражается солидною цифрой въ 77,355 треб. (52,655 треб. въ 1-й читальнѣ и 24,700 треб. во 2-й). Среди этихъ требованій находимъ представителей всѣхъ отдѣловъ нашего каталога. Но наибольшее число требованій, именно 97%, дали слѣдующіе отдѣлы:

- 1) Оригинальная беллетристика 29%
- 2) Дѣтскія книги . . . . . 22 »
- 3) Журналы (преимущественно иллюстрир.) . 19 »
- 4) Газеты . . . . . 9 »
- 5) Переводная беллетристика . . . . . 7 »
- 6) Географія и путешествія . . . . . 6 »
- 7) Исторія съ біографіей . . . . . 3 »
- 8) Богословіе . . . . . 2 »

Изъ приведенныхъ данныхъ слѣдуетъ, что главнѣйшій интересъ нашихъ читателей сосредоточивался на беллетристивѣ, иллюстрированныхъ журналахъ, газетахъ и дѣтскихъ книгахъ. По 2-й читальнѣ составленъ поименный списокъ авторовъ оригинальной и переводной беллетристики. Наибольшее число требованій, до 100 въ году, оказалось на сочиненія 24 авторовъ.

Во главѣ ихъ состоитъ А. С. Пушкинъ, затѣмъ:

1) Гоголь,	12) Некрасовъ,
2) Крестовскій, Вс.,	13) Данилевскій,
3) Погосскій,	14) Жуковскій,
4) Толстой, Л.,	15) Ершовъ,
5) Салиасъ,	16) Диккенсъ,
6) Достоевскій,	17) Крашевскій,
7) Тургеневъ,	18) Григоровичъ,
8) Мордовцевъ,	19) Гюго,
9) Соловьевъ, Вс.,	20) Лейкинъ,
10) Толстой, А.,	21) Писемскій,
11) Гончаровъ,	22) Сенкевичъ

и 23) Лермонтовъ.

По второй читальнѣ было сдѣлано еще одно специальное изслѣдованіе. Здѣсь были именно собраны подробныя статистическія данныя о типической группѣ читателей этой читальни, именно о взрослыхъ рабочихъ мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ. Задачей этой работы было изученіе отношенія читателей-рабочихъ къ читальнѣ вообще—съ одной стороны и изученіе ихъ литературнаго вкуса, поскольку онъ отразился въ выборѣ ими книгъ для чтенія,—съ другой. Конечно, нужно имѣть въ виду, что въ читальню приходило избранное меньшинство своего класса, въ смыслѣ нѣкоторой подготовки къ чтенію, приобретенной собственною любознательностью или подъ вліяніемъ своихъ болѣе начитанныхъ товарищей. Общее количество

взрослых рабочих 2-й читальни, считая по 1 января 1889 года, равняется 537 лицам, что составляет 22% общего числа лиц и 54% числа взрослых. Среднее годовое число посещений на одно лицо отъ 5—6. Годовое число посещений (3,041) составляет 22% общего числа посещений и 66% посещений взрослых. Принимая во внимание окончание работ на фабриках и заводах въ 8 час. вечера, трудно было ожидать большаго числа посещений рабочих въ будни. И действительно, число посещений ихъ въ воскресные и праздничные дни составляет 45% общего годоваго ихъ посещения. Среднее годовое: въ праздники 22 посещения, въ будни 12 пос. Въ течение года число посещений подвергалось различнымъ колебаниямъ. Среднее въ мѣсяцъ 253,0. Отдѣльные мѣсяцы располагаются по численности посещений въ слѣдующемъ нисходящемъ порядкѣ:

Январь	27%	Сентябрь	6%
Февраль	19%	Декабрь	5%
Мартъ	13%	Май	3%
Октябрь	8%	Июнь	3%
Ноябрь	7%	Августъ	3%
Апрѣль	6%	Июль	1%

Изъ этой таблички очевидно, что на посещение рабочихъ имѣетъ большое влияние время года. Съ наступленіемъ свѣтлыхъ теплыхъ дней—весной и лѣтомъ—число ихъ сильно убываетъ до минимума въ июнь, съ осени снова поднимается и достигаетъ своего максимума въ серединѣ зимы, т. е. въ январѣ. По возрасту читатели большею частью изъ молодыхъ—подростки и взрослые лѣтъ 20—30. Отношеніе къ чтенію у нихъ серьезное. Взявъ книгу, предпочтительно болѣе объемистую, читаютъ ее подолгу, оставляя нерѣдко за собою на слѣдующій день или на ближайшій праздникъ. Въ праздники нѣкоторые любители проводили въ читальнѣ по нѣскольکو часовъ сряду, приходя иногда и по два раза въ день. Прочтя серьезную книгу, по богословію или исторіи, спрашиваютъ газету или иллюстрированный журналъ, который охотно смотрятъ вмѣстѣ съ товарищемъ-сосѣдомъ, обмѣниваясь впечатлѣніями. Поведеніе ихъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Съ первыхъ же дней установилось само собой какое-то серьезное, полное уваженія отношеніе читателей къ читальнѣ и завѣдующимъ въ ней, выражающееся благопристойностью и вѣжливостью въ обращеніи. Во время чтенія всегда господствуетъ полнѣйшая тишина. Обращеніе съ книгами бережно-порядочное; не было ни одного случая зашѣтной порчи книгъ. Постоянные читатели, повидимому, свыклись съ читальней и чувствуютъ себя въ ней свободно и непринужденно. Бывали случаи заявленія съ ихъ стороны о приобрѣтеніи книгъ, въ читальнѣ не имѣющихся. По этимъ заявленіямъ приобрѣтены: двѣ книги по общедоступной механикѣ (сочиненія Жиро и Губерта), *Ремесленникъ* Классена, *Энциклопедическій словарь* Ключникова и иллюстрированные журналы за прежніе годы.

Посмотримъ теперь, что читалось рабочими. При выборѣ книгъ читателямъ былъ предоставленъ полнѣйшій просторъ и только при просьбѣ съ

ихъ стороны дѣлались указанія въ смыслѣ рекомендаціи того или иного сочиненія; случаи такихъ заявленій были, однако, крайне рѣдки. Замѣтимъ при этомъ, что только что высказанное не относится къ дѣтскому чтенію,—имъ постоянно руководятъ, принимая во вниманіе и возрастъ, и подготовку маленькаго читателя.

Разсматривая таблицу книгъ, потребованныхъ рабочими, видимъ въ ней представителей всѣхъ отдѣловъ каталога, но далеко не въ равной пропорціи. Наибольшее число книгъ, 87%, принадлежитъ слѣдующимъ отдѣламъ:

1) Оригинальная беллетристика	36%
2) Журналы иллюстрированные	14%
3) Газеты	14%
4) Переводная беллетристика	10%
5) Дѣтскія книги (сказки, сочиненія Ж. Верна, переложенія Робинзона и др.)	5%
6) Исторія съ біографіей	4%
7) Богословіе	3%

Изъ этой таблицы ясно, что главнѣйшій спросъ приходится на сочиненія беллетристическаго содержанія нашихъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Въ этихъ сочиненіяхъ и заключаются, слѣдовательно, характеристическія черты литературнаго вкуса нашихъ читателей.

По русской беллетристикѣ наибольшее количество требованій, а именно 14%, относится къ дешевымъ изданіямъ. Изъ авторовъ на первомъ мѣстѣ оказывается Вс. Крестовскій, затѣмъ:

Достоевскій,	Лермонтовъ,
Толстой, А.	Крестовскій (псевдон.),
Толстой, Л.	Тургеневъ,
Гоголь,	Писемскій,
Соловьевъ, Всевол.	Немировичъ-Данченко,
Мордовцевъ,	Гончаровъ,
Саліась,	Милюковъ,
Пушкинъ,	Лажечниковъ,
Данилевскій,	Печерскій,
Лейкинъ,	Салтыковъ,
Некрасовъ,	Гаршинъ,
Погосскій,	Большцовъ,
Загоскинъ,	Никитинъ и

Надсонъ стоять на 26-мъ мѣстѣ, Успенскій Глѣбъ на 27-мъ, Островскій на 28-мъ, Крыловъ на 30-мъ. Всего спрошены были произведенія 91 автора.

Изъ иностранныхъ писателей первое мѣсто принадлежитъ Гюго; затѣмъ слѣдуютъ: Крашевскій, Диккенсъ, Сенкевичъ, Сю, Золя, Гуливеръ, Ауэрбахъ, Марлитъ, Бичеръ-Стоу, Гёте, Шпильгагенъ, Теккерея, Шекспиръ, Шиллеръ, Додэ и др. Всего спрошено было 44 автора. Приведенные списки даютъ намъ право сказать, что литературный вкусъ нашихъ читателей об-

ладаеть некоторымъ развитіемъ и что и они отзывчивы на творенія лучшихъ авторовъ не только своей родной литературы, но и всеобщей. Отдѣлы каталога, которыхъ не пришлось называть по незначительности спроса на нихъ, относятся къ книгамъ научнаго содержанія, которымъ, слѣдовательно, отводится весьма незначительное мѣсто среди прочихъ. Не показываетъ ли этотъ выводъ незначительности результатовъ нашего дѣла? Нѣтъ, онъ показываетъ только, что читатель нашъ не подготовленъ пока еще къ серьезному чтенію и книги для него—источникъ развлеченія. Но и этотъ выводъ крайне драгоцененъ для дѣла. Онъ указываетъ на ближайшую задачу, которую должны преслѣдовать читальни по отношенію къ неподготовленному читателю. Задача эта заключается въ томъ, чтобы удовлетворить и правильно направить существующую въ такомъ читателѣ потребность къ чтенію, какъ источнику развлеченія. За эту первую потребностью пробудится въ немъ невольно, сама собой, и другая—исканіе въ книгѣ источника знанія.

Въ своемъ мѣстѣ мы указывали на тотъ фактъ изъ жизни 2-й читальни, что число читателей ея сильно понизилось. Это обстоятельство навело на мысль о томъ, что самый способъ пользованія читальней недостаточно удобенъ для большинства мѣстной публики. Приходилось подумать объ иномъ, лучшемъ ея приспособленіи. Такимъ приспособленіемъ, оказавшихся въ распоряженіи читальни новыхъ матеріальныхъ средствахъ—вслѣдствіе увеличенія годичной ассигновки, рядомъ съ уменьшеніемъ расходовъ на персоналъ читальни—является организація раздачи книгъ на домъ. Правила раздачи нами уже выработаны и утверждены комиссіей по народному образованію. Главнѣйшимъ образцомъ для нихъ послужили правила берлинскихъ библіотекъ. Книги будутъ выдаваться по денежнымъ залогамъ и по поручительству извѣстныхъ лицъ, точно указанныхъ въ правилахъ. Залоги установлены сообразно стоимости книгъ—отъ 20 коп. до 4 рублей. Книги свыше 4 руб. на домъ выдаваться не будутъ и пользоваться ими предоставляется читателямъ лишь въ помѣщеніи читальни.

Введеніе раздачи книгъ на домъ послѣдуетъ осенью этого года.

Способъ пользованія книгой у себя дома, среди членовъ семьи или товарищей, представляетъ собою такую массу преимуществъ въ смыслѣ удобства, возможности сосредоточиться, что, надо надѣяться, сдѣлаеть читальню гораздо болѣе доступною и для читателя, располагающаго малымъ количествомъ досуга, и для читателя болѣе отдаленныхъ частей города. Раздача книгъ на домъ можетъ привести къ совершенно иной организаціи читальни, при извѣстныхъ жизненныхъ условіяхъ мѣстнаго населенія, имени къ уничтоженію читальныхъ залъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ они существуютъ теперь и, слѣдовательно, къ сокращенію затратъ города на эти учрежденія. Наконецъ, этотъ способъ дастъ намъ опытъ новой отрасли дѣятельности бесплатныхъ читальни вообще, расширяющей далеко за нѣстоящіе предѣлы сферу ихъ цивилизующе-просвѣтительнаго вліянія.

С. Горянская.

Искусство съ социологической точки зрѣнія.

(Guyau: «L'art au point de vue sociologique»).

Въ *Русской Мысли* много разъ упоминалось о трудахъ замѣчательно даровитаго французскаго мыслителя Гюйо. Онъ умеръ недавно, всего тридцати трехъ лѣтъ. Изъ двухъ посмертныхъ трудовъ Гюйо одинъ посвященъ вопросу объ искусствѣ съ социологической точки зрѣнія, другой, еще не вышедшій изъ печати, воспитанію и наслѣдственности. Съ содержаніемъ перваго изъ названныхъ сочиненій я и познакомлю читателей. Мнѣ приходилось высказывать нѣсколько мыслей, сходныхъ съ идеями, которыя съ блескомъ и силою развиваетъ такъ рано умершій французскій писатель. Его новый трудъ, по справедливому замѣчанію Альфреда Фуилле, есть первое глубокое изслѣдованіе объ искусствѣ съ социологической точки зрѣнія.

Наивысшая задача девятнадцатаго вѣка, — говоритъ Гюйо въ предисловіи къ своей книгѣ, — заключается въ томъ, чтобъ ярко выдвинуть *соціальную* сторону личности и всякаго индивидуума. Наше столѣтіе кончитъ открытіями въ мірѣ нравственнымъ, быть можетъ, столь же важными, какими въ мірѣ физическомъ были открытія Ньютона и Лапласа: открытіемъ притягательности чувствованій и воли, солидарности разума, взаимной проникновенности сознанія людей. Искусство, какъ и нравственность, въ результатъ измѣляетъ личность изъ ея узгаго я и отождествляетъ ее со всѣми. Цѣль искусства — непосредственное осуществленіе въ мысли и въ воображеніи, — въ то же время и непосредственно чувствуемое, — всѣхъ нашихъ грезъ идеальной жизни, жизни страстной и одухотворенной, полной гармоніи существованія. Искусство есть жизнь, и высшее искусство есть высшая жизнь. Оно серьезно относится къ нашимъ дѣятельнымъ способностямъ и къ нашимъ общественнымъ симпатіямъ.

Указавъ на то, что наши ощущенія и волненія передаются вообще, Гюйо останавливается на эстетическомъ волненіи, наименѣ матеріальной и наиболѣ интеллектуальной изъ нашихъ эмоцій. Совершенствованіе челоѣческаго сознанія увеличиваетъ первобытную и бессознательную солидарность нашей нервной системы. Эстетическій характеръ чувствованій въ гораздо болѣшей степени зависитъ отъ ихъ формы и развитія, чѣмъ отъ ихъ про-

исхождения и источника; эти чувствования подобны растениямъ, которые живутъ не столько корнями, сколько листьями. Другими словами, эстетическая эмоція устанавливается и объясняется *средою сознанія* главнымъ образомъ, а не первоначальными ощущеніями (*Sensation brute*). Приятное становится прекраснымъ по мѣрѣ того, какъ въ него все болѣе и болѣе входятъ элементы общественности и солидарности. Эстетическія эмоціи могутъ имѣть вліяніе на органическую жизнь, увеличивая ея дѣятельныя силы. Приятное ощущение становится эстетическимъ при пробужденіи сознанія и, наоборотъ, эстетическое удовольствіе переходитъ въ просто приятное ощущение, когда оно не будитъ въ насъ никакихъ ассоціаций, мыслей и чувствъ, когда оно выходитъ, въ этомъ смыслѣ, за предѣлы сознанія. Можно сказать, что въ нѣкоторой степени восхищеніе есть дѣло нашей воли.

Отождествляя прекрасное съ интеллектуально-приятнымъ, Гюйо долженъ былъ, разумѣется, вооружиться противъ отождествленія прекраснаго и полезнаго. Полезное не всегда совпадаетъ съ приятнымъ, оно является средствомъ для достиженія удовольствія, а прекрасное должно нравиться непосредственно. Въ извѣстныхъ случаяхъ возможно, конечно, придти къ прекрасному отъ полезнаго (архитектура). Чѣмъ больше опредѣляютъ полезное назначеніе предмета, тѣмъ больше суживается его эстетическое значеніе. Полезное прекрасно только интеллектуальнымъ элементомъ—усмотрѣнною цѣлесообразностью, и элементомъ чувствованія—заранѣе испытываемаго удовлетворенія (когда извѣстно назначеніе вещи). Надобно прибавить, что полезное имѣетъ обыкновенно и социальную сторону, что увеличиваетъ его эстетическое значеніе: мы симпатизируемъ всему, что имѣетъ гуманную цѣль, что хорошо приспособлено, въ особенности, къ потребностямъ коллективной жизни.

Подымаясь отъ зачатковъ прекраснаго, мы будемъ увеличивать его социальную сторону, покуда она не станетъ, наконецъ, господствующею. Чтобы наслаждаться пейзажемъ, надо установить гармонию между нимъ и собою; чтобы понять солнечный лучъ, слѣдуетъ вибрировать вмѣстѣ съ нимъ; надо, съ лучомъ луны, трепетать въ вечерней тѣни. Чтобы чувствовать весну, необходимо сердцу дрожать, какъ крылу бабочки. Надо, однимъ словомъ, любить природу. У нашего глаза свой свѣтъ, и онъ видитъ только то, что этимъ глазомъ освѣщается. Поэтому прекрасный пейзажъ рисуемъ мы сами, *lacrimae rerum* (слезы вещей)—наши собственные слезы. Пейзажъ—не состояніе *души*, а состояніе *души*, потому что въ него входитъ элементъ общенія, гармоніи. Само собою разумѣется, что эстетическія чувства, вызываемыя въ насъ людьми, приобрѣтаютъ еще болѣе социальный характеръ. Удовольствіе только личное осуждено на кратковременность и не можетъ быть эстетическимъ.

Искусство есть методическая совокупность средствъ, чтобы произвести общее и гармоническое возбужденіе сознательной жизни, которое и образуетъ чувство красоты. Въ каждомъ произведеніи искусства мы находимъ нѣчто намъ знакомое, похожее или тождественное съ тѣмъ, что сохрани-

лось въ нашей памяти. Вглядѣвшись хорошенько, мы увидимъ въ этомъ знакомомъ какъ бы частицу собственного я. Встрѣтитъ, такимъ образомъ, прежде извѣстное есть интеллектуальное удовольствіе эгоистическаго или, по выраженію Конта, эгоистическаго (égotiste) характера. Второй элементъ удовольствія—симпатія художнику, сочувствіе его труду, замыслу, искусству исполненія. Соответствующее этому удовольствіе заключается въ томъ, что мы чувствуемъ и критикуемъ недостатки художника. Третій элементъ есть удовольствіе симпатизировать тѣмъ существамъ, которыя изображены въ произведеніи искусства. Артистическая эмоція, слѣдовательно, есть эмоція социальная, которая заставляетъ насъ испытывать жизнь, подобную нашей. Къ прямому наслажденію приятными ощущеніями (ритмомъ, гармоніей красокъ) присоединяется удовольствіе отъ общенія съ тѣми образами, которые вызваны воображеніемъ художника. Гюйо сравниваетъ дѣйствіе артистическаго произведенія съ дѣйствіемъ индуктивнаго электрическаго тока. Вы не знаете, что такое любовь? Поэтъ заставитъ васъ испытать муки и радости любви, показывая вамъ существо, которое любить. Вы посмотрите, вдумаетесь и, въ извѣстной степени, сами полюбите. Всѣ искусства представляютъ совокупность средствъ для того, чтобы конденсировать индивидуальное чувство и сдѣлать его непосредственно передаваемымъ, въ нѣкоторой мѣрѣ общительнымъ. Если я взволнованъ изображеніемъ скорби, то именно вслѣдствіе того, что эти страданія поняты другою душой, что устанавливается, вопреки физическимъ препятствіямъ, нравственная связь между гениемъ и тѣмъ горемъ, которое онъ изобразилъ. Интересъ, возбуждаемый художественнымъ произведеніемъ, обуславливается тою ассоціаціей, въ которую мы вступаемъ съ артистомъ и выведенными имъ лицами. Къ этому выраженію сложной совокупности идей и чувствованій присоединяется *фикція, вымыселъ*, благодаря которымъ міръ увеличивается для насъ и въ глубину, и въ ширину. Наше отношеніе къ произведеніямъ искусства Гюйо сравниваетъ съ душевнымъ состояніемъ человѣка, который находится въ многолюдномъ собраніи. Въ этой средѣ возбуждаются и крѣпнутъ всѣ лучшія стремленія человѣка, въ томъ, разумѣется, случаѣ, когда искусство стоитъ на высотѣ своего общественнаго призванія. Наивысшая цѣль искусства состоитъ въ томъ, чтобы возбуждать эстетическое волненіе общественнаго характера.

Во второй главѣ Гюйо говоритъ о гени, который является силою, создающею общежительныя связи и симпатія. Искусство не довольствуется дѣйствительностью, переступаетъ ее, перестраиваетъ реальныя данныя въ нныя сочетанія, чѣмъ тѣ, которыя нами наблюдаются въ жизни. Въ этомъ отношеніи сходятся созданія художника и ученаго, химика, напримѣръ, который изобрѣлъ новыя сочетанія веществъ. Гений творитъ иной разъ такіе типы,—и въ этомъ одна изъ высокихъ надеждъ искусства,—которыя нѣтъ въ дѣйствительности и которые, быть можетъ, никогда всецѣло не воплотятся въ жизни; но, въ то же время, типы эти вліяютъ на людей, живутъ въ созданіяхъ искусства, и каждый чувствуетъ ихъ неразрывную

связь съ дѣйствительностью, ихъ возможность. Артистическій и поэтический гений является для Гюйо необыкновенно напряженною формою симпатіи и общежительности, которая стремится, для своего удовлетворенія, къ созданію новаго міра, къ созданію *жизель существъ искусства*. Въ этомъ отношеніи великій художникъ сходенъ съ великимъ ученымъ, энтузіазмъ котораго передъ истиною творить чудеса, какъ у Дарвина, который любилъ природу въ ея мельчайшихъ проявленіяхъ и наблюдалъ ихъ съ поразительнымъ терпѣніемъ, невозможнымъ безъ любви къ истинѣ.

Гений не есть продуктъ только среды: онъ—счастливый случай. Гений вноситъ въ міръ новыя идеи и чувства, видоизмѣняетъ общественную среду, создаетъ для нея новыя условія, новыя факторы. Тенъ впасть въ односторонность, пытаясь объяснить *все* въ гении окружающей его природой и обстановкой: это также немислимо, какъ нельзя опредѣлить возраста даннаго человѣка статистическою среднею цифрою или главныя событія его жизни исторіей вѣка. Гюйо не соглашается и съ крайнимъ мнѣніемъ Геннеена *), который утверждаетъ, что вліяніе соціальной среды совсѣмъ не отразилось на большей части гениевъ. Слѣдуетъ только отмѣтить, что вліяніе это перестаетъ быть господствующимъ въ высокоразвитыхъ, т.-е. разнородныхъ обществахъ, гдѣ свободно уживаются разныя теченія мысли и чувства, гдѣ личность отличается разнообразіемъ своихъ стремленій, чувствованій и знаній. Великіе люди и ихъ среда находятся во взаимодѣйствіи, и опредѣлить природу этого взаимодѣйствія является задачей необычайной сложности и трудности. Во всякомъ случаѣ, теорія Тена приложима къ талантамъ средней величины, а не къ гениямъ, которые рождаются отъ счастливой встрѣчи законовъ природы, конечно, но встрѣчи не постоянной, могущей болѣе и не повториться, а во всѣхъ подробностяхъ никогда и не повторяющейся. Дѣйствительное общество обуславливаетъ и отчасти возбуждаетъ дѣятельность гения. Гений въ свою очередь создаетъ идеальное общество въ образахъ своихъ произведеній; и тѣ, которые удивляются гению (т.-е. подражаютъ ему, потому что удивленіе есть внутреннее подражаніе), постепенно осуществляютъ то новое общество, которое творитъ гений. Исторія показываетъ намъ примѣры какъ благотворнаго, такъ и пагубнаго вліянія искусства на общество, смотря потому, умножаетъ ли оно идеи и чувства общественныя, или, наоборотъ, разлагаетъ ихъ.

Симпатію и общежительность (*la sociabilité*) Гюйо признаетъ главными достоинствами и истинной критикой. Въ наши дни критика *произведенія* превратилась въ критику *автора*. Тенъ, напримѣръ, пишетъ о Бальзакѣ такъ, какъ этотъ романистъ о своихъ дѣйствующихъ лицахъ. Но, отдавши должную дань изученію и среды, и личнаго темперамента художника, необходимо разсмотрѣть самое произведеніе, опредѣлить приблизительно заключенное въ немъ *количество жизни*. Историческая критика есть только подго-

*) *Hennequin*: „Critique scientifique“. Ср. объ этомъ сочиненія статью г. Арсефа въ *Вѣстникъ Европы* 1888 г.

товленіе къ теоретической оцѣнкѣ художественнаго созданія. Школа Тэна отмѣчаетъ такія черты въ этомъ созданіи, которыя общи и другимъ произведеніямъ искусства у даннаго народа и въ данное время, тогда какъ слѣдуетъ выдвигать и особенности отдѣльнаго произведенія, его индивидуальность; чтобы понять созданіе искусства, необходимо глубоко проникнуть въ замыселъ художника, войти въ его душу, стать на его точку зрѣнія и пережить то, что пережилъ самъ художникъ въ процессѣ творчества. А для этого критикъ долженъ любить разбираемое произведеніе, долженъ обладать вкусомъ и благосклонностью, чтобы не останавливаться на мелочахъ и не подчеркивать второстепенныхъ недостатковъ художника. Великое произведеніе возбуждаетъ множество волненій; но въ каждомъ изъ насъ вибрируютъ при этомъ, естественно, лишь тѣ струны, которыми онъ обладаетъ, или тѣ, которыя звучали уже прежде. Задача критики состоитъ въ томъ, чтобы разяснить и подкрѣпить дѣйствіе такихъ особенностей художественнаго произведенія, которыя не всякому замѣтны. Идеальный критикъ получить отъ разбираемаго созданія наибольшее количество мыслей и чувствъ и сообщить ихъ другимъ, т.-е. будетъ не пассивнымъ, а наиболѣе активнымъ въ созерцаніи того, что далъ художникъ.

Черезъ-чуръ критическіе умы свидѣтельствуютъ объ антисоціальныхъ инстинктахъ и стремленіяхъ. Такимъ критикамъ мы не должны вполнѣ довѣрять, и нерѣдко толпа вѣрнѣе (благосклоннѣе) оцѣниваетъ художественное произведеніе: она наивно поддается очарованію автора, тогда какъ критика поддается влеченію непремѣнно схватиться за его недостатки. Принизить другаго представляется какъ бы возвышающимъ самого критика. «Не составляетъ ли удовольствія,—говоритъ Кандидъ,—все критиковать, чувствовать недостатки тамъ, гдѣ другіе люди видятъ красоту?» «Безъ сомнѣнія,—отвѣчаетъ Вольтеръ,— это значить, что есть удовольствіе въ томъ, чтобы не имѣть вовсе удовольствія». Критику еще болѣе, чѣмъ философу, необходимы справедливость и братство, потому что въ искусствѣ преобладающую роль играетъ чувство. Взгляните равнодушно на случайно встрѣтившагося вамъ прохожаго,—его взглядъ ничего вамъ не скажетъ. Посмотрите въ глаза любимому человѣку,—передъ вами раскроется цѣлый міръ. Критикъ не долженъ относиться къ разбираемому произведенію какъ къ этому случайному прохожему: онъ не пойметъ тогда художника, потому что надо любить мысль человѣка, чтобы вполнѣ уразумѣть ее. Подмѣтить и истолковывать красоту труднѣе и сложнѣе, чѣмъ указать на недостатки, и первая задача выше послѣдней.

Одна сторона въ произведеніяхъ искусства подлежитъ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія ясныхъ и точныхъ законовъ эстетики, соприкасающейся здѣсь съ оптикой, акустикой и т. п. Это та сторона искусства, которая заключаетъ въ себѣ стремленіе производить пріятныя ощущенія. Но область искусства далеко не исчерпывается такими ощущеніями. Настоящимъ предметомъ искусства является выраженіе жизни. Красота есть именно жизнь, движеніе изнутри наружу. Гюйо сильно вооружается поэтомъ противъ фор-

мализма въ искусствѣ *)). Надо брать изъ природы и жизни не то, что легче переносится въ искусство, на полотно или въ стихъ, а то, что всего труднѣе для подобной передачи. Чтобы вдохнуть въ искусство жизнь, надо понять, насколько жизнь обширнѣе искусства. Подъ прекрасною формою всегда должны скрывать идея, чувство и воля. Безъ идеи эстетическая эмоція станетъ избитою, рискуетъ опошлиться. Наши элементарныя ощущенія и чувства остаются неизмѣнными во времени и пространствѣ; только накопленіе знаній и идей усложняетъ и преобразуетъ ихъ. Развитие науки беспредѣльно, и потому любовь къ наукѣ и къ связанной съ ней философіи, будучи введена въ область искусства, въ состояніи безконечно разнообразить художественный замыселъ и исполненіе. Поэтъ долженъ быть мыслителемъ, онъ не долженъ только отражать въ себѣ безконечную вереницу явленій, ему не слѣдуетъ превращаться въ регистратора ощущеній. Искусство должно сгущать дѣйствительность, сосредоточивать наивозможно большее количество жизни въ наивозможно меньшее время и пространство. Подлинное искусство (*le grand art*) возбуждаетъ въ насъ симпатическія эмоціи, а не ограничивается изображеніемъ выдающихся моментовъ жизни. А для того, чтобы достигать этого результата, художнику необходимы искренность и энтузіазмъ, иначе мы останемся холодными передъ его произведеніемъ. Каждое лицо въ художественномъ произведеніи должно выступать съ ярко выраженными особенностями, какъ индивидуальность, потому что, въ противномъ случаѣ, въ немъ не доставало бы главнаго — жизни. Но художественный образъ долженъ заключать въ себѣ и типическія черты, иначе онъ не будетъ возбуждать продолжительнаго интереса. Герой въ литературѣ или защищаетъ, или нападаетъ на общество, — этимъ онъ въ особенности задѣваетъ вниманіе съ нашей стороны.

Великіе типы, созданные первостепенными романистами и драматургами, въ одно и то же время, и реальны, и символичны, и въ этомъ тайна ихъ особеннаго значенія, ихъ чрезвычайнаго вліянія на длинный рядъ поколѣній. Въ нихъ сосредоточены преобладающія черты извѣстной эпохи, опредѣленнаго народа. Гамлетъ, Фаустъ, Альцестъ — вотъ примѣры такихъ типовъ-символовъ. Эти и подобные типы олицетворяютъ философскія теченія времени, суть типы сложные, и интеллектуальные, и моральные. Другіе — Отелло, Тартюфъ — олицетворяютъ собою добродѣтели или пороки **). Обыкновенная жизнь, которую изображаетъ искусство, заключаетъ въ себѣ много условнаго, и это условное возростаетъ въ исторіи. Поэтому намъ трудно иной разъ понять произведеніе, восхитившее современниковъ даже нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, не говоря уже о столѣтіяхъ. Но художникъ и въ условности схватываетъ постоянное, длящееся. Во всякомъ слу-

*) Бальзакъ говоритъ: „La beauté sans expression est peut être une imposture“ (Красота безъ выразительности есть, быть можетъ, обманъ).

***) Губо указываетъ послѣ этого, что лирическія произведенія, въ которыхъ замѣчается *постоянное* въ человѣческой природѣ, переживаютъ произведенія эпическія и драматическія (исключая, конечно, гениальныя произведенія послѣднихъ родовъ).

чаѣ, онъ отчасти исполнилъ свою задачу, если заставилъ симпатично биться сердца своихъ современниковъ. Художникъ силой своего дарованія можетъ разрушить банальныя ассоціаціи мыслей и чувствъ; онъ можетъ многократно какъ бы начинать новую жизнь, возстановляя въ себѣ могуществомъ мысли бессознательную наивность ребенка.

Такъ какъ возможное и идеальное—многообразны, то многообразны и эстетическія теоріи. Двѣ главныя формы эстетики—идеализмъ и натурализмъ—Гюйо сводитъ къ единству. Истинное искусство, по мнѣнію французскаго мыслителя, даетъ намъ непосредственное чувство наиболѣе напряженной и наиболѣе экспансивной жизни, наиболѣе индивидуальной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе соціальной. Идеализмъ и реализмъ выражаютъ существенныя стороны человѣческой природы и дополняютъ другъ друга. Жизнь есть единственный принципъ и истинная мѣра красоты. Жизнь растительная и животная ниже жизни умственной и нравственной; но въ искусствѣ жизнь необходима, и слишкомъ неопредѣленный и слишкомъ условный идеализмъ составляетъ измѣну красотѣ. Красота никогда не была абсолютно простою: она есть упрощенный комплексъ. Идеаль не долженъ отрываться отъ жизни: возможное есть уже осуществляемое путемъ труда, а внѣ возможнаго нѣтъ и идеальнаго. Съ другой стороны, вопреки крайнимъ утвержденіямъ натурализма, художникъ не долженъ удовлетворяться изображеніемъ голаго факта. Если онъ намъ прямо и не объяснить его причины, то, по крайней мѣрѣ, заставить почувствовать ее, указать на движеніе, на мотивы, которые скрыты въ глубинѣ и производятъ тѣ или другія явленія на поверхности жизни. Изображайте вещи только въ томъ случаѣ, когда онѣ что-нибудь значатъ, когда онѣ пробуждаютъ въ насъ мысли и чувства. Оправданіемъ реализма именно то и служить, что *все* говорить, *все* заслуживаетъ быть выслушаннымъ,—надо только умѣть понимать. Подлинное искусство заключается въ умѣнїи схватить и передать *духъ вещей* (*l'esprit des choses*),—иными словами, то, что связываетъ индивидуума съ цѣлымъ и преходящее съ вѣчнымъ, въ человѣческомъ смыслѣ послѣдняго выраженія. Для искусства важна *перспектива*, которая введена въ переданные образы, та точка зрѣнія, на которую становится художникъ. Данное лицо—предметъ дѣйствительнаго наблюденія—получаетъ въ художественномъ произведеніи *лошечное* развитіе, его изображеніе далеко уходитъ отъ значенія портрета: въ мѣру дарованія автора и его умственной силы къ нему присоединяется особенная знаменательность и способность возбуждать въ читателяхъ или зрителяхъ сложный рядъ чувствованій и мыслей. Всѣ великіе драматическіе типы,—замѣчаетъ Гюйо,—поистинѣ живыя доктрины.

Прогрессъ искусства измѣряется отчасти тѣмъ, насколько въ немъ раскрывается интересъ къ существамъ жалкимъ и мелкимъ. Для искусства, какъ для науки, нѣтъ ничего ничтожнаго, заслуживающаго пренебреженія. Жизнь неразрывна со зломъ и страданіями, она исключаетъ абсолютно-совершенное, поэтому и современное искусство опирается на понятіе не-

совершеннаго, какъ философская мысль на понятіе относительнаго. Въ былыя времена искусство имѣло дѣло съ царями и полубогами. Теперь мы понимаемъ, что существуетъ только одинъ способъ быть великимъ,—это быть самимъ собою. Введеніе некрасиваго въ искусство объясняется преимущественно нравственными и общественными основаніями. Однако, Гюйо спѣшилъ прибавить, что безобразное можетъ быть введено въ художественное произведеніе гениемъ; простой талантъ можетъ убить имъ свое созданіе. Плохо понимаемый реализмъ дѣлаетъ небольшія дарованія нестерпимыми.

Гюйо возвышается до истинной поэзіи, когда говоритъ объ описаніяхъ, о симпатическомъ одухотвореніи природы. «Ничто въ природѣ,—сказалъ еще Мишле,—не безразлично для меня. Я ее ненавижу или обожаю, какъ женщину». Такимъ и долженъ быть поэтъ. Онъ окрашиваетъ пейзажъ нравственнымъ смысломъ, вся судьба человѣчества проступаетъ въ лучшихъ описаніяхъ природы у Шатобриана, Гюго, Флобера, Золя. Единство вносится въ описаніе только господствующимъ чувствомъ и только это господствующее чувство сдѣлаетъ пейзажъ для насъ симпатичнымъ.

Въ настоящее время особенное развитіе получилъ, какъ извѣстно, романъ. Этотъ родъ литературныхъ произведеній есть существенно психологическій и социальный. Романъ повѣствуетъ о *дѣйствіяхъ* въ ихъ отношеніяхъ къ *характеру* и къ общественной *средѣ*. Романъ соединяетъ въ себѣ важнѣйшія черты поэзіи, драмы, психологіи, науки объ обществѣ и исторіи. Исторія заключаетъ въ себѣ множество случайностей, которыхъ нельзя предвидѣть, ирраціональныхъ съ человѣческой точки зрѣнія. Въ моментъ приближенія своего торжества погибаетъ великій человѣкъ; смерть уноситъ множество незаконченныхъ мыслей. Дѣйствительная жизнь разбиваетъ нерѣдко самую крѣпкую волю. Вслѣдствіе всего этого, исторія, выигрывая въ научной точности, теряетъ въ смыслѣ человѣческой логики. Поэтому-то романъ (и вообще поэзія) можетъ быть болѣе истиннымъ, чѣмъ сама исторія. Въ немъ сосредоточиваются и систематизируются историческія событія; сложная игра случайностей, которая на самомъ дѣлѣ дѣлаетъ иной разъ бесплодною человѣческую волю, низводится въ романѣ до предѣловъ строгой необходимости, до тѣхъ границъ, дальше которыхъ отодвинуть ихъ никогда не бываетъ въ нашей власти. Романъ есть гуманизованная исторія. Здѣсь личность переносится въ среду наиболѣе благоприятную для развитія и обнаруженія ея внутреннихъ стремленій. Именно вслѣдствіе этого романъ является упрощеннымъ и поразительнымъ изображеніемъ психологическихъ и социологическихъ законовъ. Онъ ищетъ въ человѣкѣ существеннаго чувства, идеи и дѣйствія, вокругъ которыхъ тяготеютъ всѣ остальные, если только эта естественная жизнь и этотъ логическій порядокъ не нарушаются вмѣшательствомъ силъ, чуждыхъ человѣческому разуму и сердцу. При изображеніи людей, розысканіе *истинствующаго характера*, о которомъ говоритъ Тэнъ, есть нечто иное, какъ розысканіе индивидуальности, основной формы нравственной жизни. Могучія личности обыкновенно носятъ на себѣ какую-либо ярко определенную

верту характера. Тагъ, Наполеонъ — это честолюбіе, Винсенъ де-Поль — доброта, и т. д. Само собою разумѣется, что величайшею ошибкой художника было бы такое изображеніе характера, при которомъ его господствующая особенность стала бы единственнымъ двигателемъ его дѣйствій. Жизнь безконечно сложна и надо только, чтобъ во всѣхъ ея важныхъ обнаруженіяхъ (это и есть область искусства) чувствовался господствующій характеръ, который, кромѣ того, не можетъ состоять лишь изъ одного стремленія или страсти. Изъ борьбы силъ, желаній и опасеній побѣдоносно выходитъ одно стремленіе, подобно тому, какъ въ результатѣ дѣйствія разныхъ силъ физическихъ является движеніе тѣла по диагонали ихъ параллелограмма. Изображать живое существо двигающимся подъ вліяніемъ единственнаго побужденія—значитъ изображать не характеръ, а эту диагональ, — не живое существо, а геометрическую линію. Въ такую односторонность впадаютъ иногда даже великіе художники (Бальзакъ, напримѣръ).

Гюйо подвергаетъ анализу нѣсколько романовъ, гдѣ развивался характеръ одного лица (*Вертеръ*), двухъ (*Карменъ* Мериме); онъ съ необыкновенною тонкостью анализируетъ нѣкоторые изъ произведеній Стендала, Жоржъ Занда, Гюго и другихъ художниковъ. Съ полнымъ основаніемъ опровергаетъ онъ мнѣніе Жюльа Леметра, будто композиція (планъ) не существенна для романа. Великая заслуга Жоржъ Занда заключается въ томъ, что она ввела въ романъ «соціальныя вопросы». Дѣйствующія лица многихъ ея произведеній выходятъ изъ тѣснаго круга семейныхъ отношеній, живутъ общественными идеями и стремленіями. Бальзакъ сопоставитъ потомъ богатаго съ бѣднякомъ, Золя—предпринимателя съ рабочимъ; но великія общественныя задачи введены уже были названною писательницей (*Meunier d'Augibault, Compagnon du tour de France*). Соціальный романъ Жоржъ Занда, гдѣ изученіе общественной жизни не ставится цѣлью, превращается у Бальзака въ *социологическій* романъ. Еще Гюго замѣтилъ, что *комедія* человѣческой жизни является у Бальзака ея *исторіей*. Бальзакъ ищетъ психологической и соціальной истины какъ въ прекрасномъ, такъ и въ безобразномъ. Его цѣль состоитъ въ изображеніи человѣческой души и общественныхъ отношеній.

У Флобера и его школы романъ занимается посредственностью, входитъ въ повседневныя мелочи заурядныхъ людей. Гюйо справедливо осуждаетъ односторонность этого направленія. Развѣ благородное побужденіе, иногда поднимающее человѣка надъ его средою, не реально? Развѣ не великіе люди отмѣчаютъ эпоху? Пессимизмъ явился естественнымъ послѣдствіемъ указанной односторонности. Гюйо представляетъ по этому поводу нѣсколько всѣхихъ возраженій противъ *экспериментальнаго романа* Золя, но я не буду ихъ приводить, такъ какъ въ нашей критической литературѣ давно уже были высказаны, въ общемъ и главномъ, такія же соображенія. Романа нельзя отождествлять съ наукою, но онъ можетъ и долженъ быть проникнутъ научнымъ духомъ. Наука и философская мысль настолько развились въ современномъ обществѣ, что, можно смѣло сказать, мы видимъ

міръ и людей не тѣми глазами, какими смотрѣли на нихъ наши дѣды. Не для науки нѣтъ ничего, кромѣ истины, закона явленій, тогда какъ искусство изображаетъ человѣка, неустанную жизнь, ея горе и радости. Она не можетъ отказаться отъ идеала, потому что идеаль есть сама природа, только въ ея высшихъ стремленіяхъ, желанный и правдоподобный конецъ той эволюціи, которую мы наблюдаемъ въ дѣйствительности. Хорошо указать дорогу, по которой не слѣдуетъ идти; но еще лучше, еще труднѣе опредѣлить тотъ путь, по которому должно идти. Сами натуралисты школы Золя проникнуты философскою идеей, только идея эта очень узка, очень односторонняя: всегда и повсюду они видятъ въ человѣкѣ лишь животное. Между тѣмъ, именно въ наше время замѣчается все большее и большее распространеніе идей, которыя проникаютъ въ глубину общества, завоевываютъ литературу и другія искусства. *Имѣть убѣжденіе* много значить и съ чисто-эстетической точки зрѣнія, потому что оно устанавливаетъ цѣль, порядокъ и мѣру въ пользованіи средствами искусства. Кромѣ того, безъ убѣжденія нѣтъ искренности, искренность же необходима для того, чтобы художественное произведеніе возбуждало въ насъ сочувственное волненіе. Недостатокъ искренности вредитъ, на примѣръ, Ришпену, расхолаживаетъ производимымъ впечатлѣніе. Идея не отдѣлима отъ образа, она составляетъ существо даже лирической поэзіи. Это отлично понималъ Викторъ Гюго (въ предисловіи къ *Одамъ и балладамъ*, 1822). Каждому истинному поэту свойственно чувствовать себя немного пророкомъ и это въ значительной мѣрѣ справедливо. Искусство не доказываетъ и, однако, вводитъ въ нашъ умъ нѣчто безспорное, потому что нѣтъ въ насъ ничего могущественнѣе чувства.

Гюго указываетъ на присутствіе и важную роль философскихъ идей въ поэтическихъ произведеніяхъ даровитѣйшихъ французскихъ писателей. Эти страницы книги объ *искусствѣ съ социологической точки зрѣнія* въ своихъ подробностяхъ представляютъ мало интереса для русскихъ читателей, если только ихъ не занимаетъ исторія литературы, ходъ ея развитія во Франціи съ Ламартина и до нашихъ дней. Упомянутыя страницы испещрены выписками изъ стихотвореній Ламартина, Виньи, Мюссе и въ особенности Виктора Гюго. Для насъ достаточно отмѣтить, что философская мысль постоянно расширялась и углублялась во французской поэзіи нынѣшняго вѣка. Конечно, даже наиболѣе замѣчательные французскіе поэты являются не самостоятельными философами. Въ ихъ произведеніяхъ отражаются идеи вѣка, господствующія въ обществѣ мысли (на примѣръ, пессимизмъ у Альфреда де-Мюссе); но они сумѣли придать этимъ идеямъ поэтическое очарованіе, заключить нѣкоторые изъ нихъ въ художественныя формулы, разъяснить самостоятельно нѣкоторыя глубокія душевныя движенія. Съ Виктора Гюго поэзія становится, — говорить Гюго, — дѣйствительно социальною: она включаетъ въ себѣ и отражаетъ мысли и чувства всего общества и обо всѣхъ вопросахъ. Истинный поэтъ, — сказалъ еще Ронсаръ, — долженъ быть увлеченъ будущимъ *).

*) „Le vrai poète doit être épris d'avenir“.

Одну главу въ своей книгѣ Гюйо отводитъ Сюлли-Прюдому, Леконтъ де-Лиллю, Коппе, Аккерманъ и Ришпену. Перваго изъ названныхъ писателей Гюйо считаетъ лучшимъ изъ французскихъ поэтовъ-философовъ. Свою собственную природу выразилъ Сюлли-Прюдомъ въ этихъ двухъ прелестныхъ стихахъ:

„On a dans l'âme une tendresse
Où tremblent toutes les douleurs“ *).

Сюлли-Прюдому можно упрекнуть за то, что онъ иногда старается быть въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ научно точнымъ; но нельзя не признаться высотѣ его настроенія, его благороднымъ думамъ о счастья и справедливости **):

У Леконтъ де-Лилля мы не находимъ того чувства, тѣхъ эмоцій, какъ у Сюлли-Прюдому: онъ принадлежитъ къ школѣ Теофила Готье, для него выше всего безстрастіе и форма. Гюйо сравниваетъ подобныя произведенія съ сталактитовыми гротами. Тамъ красиво переливаются всѣ цвѣта, но тамъ холодно, оттуда каждому захочется выйти на свѣжій воздухъ, къ живымъ цвѣтамъ. У Коппе опять выступаетъ, въ прекрасной формѣ, гущая мысль. Эта мысль является отравленною безнадежнымъ пессимизмомъ у г-жи Аккерманъ.

Разобравши полныя грубыхъ и нелѣпныхъ выходы *Blasphèmes* Ришпена, Гюйо указываетъ, что многіе выводы этого писателя сходятся съ выводами крайнихъ реакціонеровъ.

Сильно и краснорѣчиво вооружается Гюйо противъ этихъ выводовъ, по которымъ наука и связанная съ нею философія ведутъ будто бы къ безнравственнымъ и противуобщественнымъ результатамъ. Человѣчество не утрачиваетъ, благодаря точному знанію, глубокой потребности въ идеалѣ. Наоборотъ, потребность эта очищается при свѣтѣ науки отъ предразсудковъ и суевѣрій, возвышается вѣрою въ разумъ человѣка, въ его историческое развитіе. Не падаютъ и семейныя основы отъ того, что наука прослѣдила ихъ происхожденіе въ глубинѣ вѣковъ, отмѣтила тѣ фазы, которыя проходила и проходитъ семья: мы видимъ, что животныя стремленія уступаютъ все болѣе и болѣе мѣста духовнымъ стремленіямъ, что первобытная грубость вытѣсняется просвѣтленною симпатіей. Гюйо объявляетъ успѣхъ книги Ришпена переходнымъ характеромъ нашего времени, которое можно называть *междущарствіемъ идеала*.

Десятая глава книги Гюйо отведена *стило, какъ средству выраженія и орудію симпатіи*. Французскій мыслитель, прежде всего, указываетъ, что

*) Въ душѣ есть нѣжность, въ которой дрожатъ всѣ печали.

**) Сюлли-Прюдомъ самъ тонко понималъ, что очарованіе поэзіи заключается не въ точности и строгости описаній:

„Tous les corps offrent des contours
Mais d'où vient la forme qui touche?
Comment fais-tu les grands amours,
Petite ligne de la bouche?“

въ теорію стиля можно положить основою въ высокой степени общественный характеръ языка. Изъ этой основы вытекаетъ слѣдующее положеніе: важнѣйшій законъ или требованіе стиля заключается въ томъ, чтобы передача другимъ нашихъ идей и чувствованій совершалась съ наибольшимъ легкостью и съ наибольшимъ силой. Исходя изъ этого механическаго воззрѣнія, Спенсеръ называетъ языкъ машиною (*machine*) для взаимныхъ сношеній и видитъ въ стилѣ только приложеніе закона, по которому слѣдуетъ производить наибольшій результатъ съ наименьшею затратою силъ. Совершенство стиля состоитъ въ томъ, что оберегается вниманіе слушателя (или зрителя). Гюйо замѣчаетъ, что Спенсеръ, какъ англичанинъ, придаетъ своей теоріи яркую утилитарную окраску. Регуляторомъ художника является *комфортъ* слушателя или зрителя. *Время—деньги*, надо все схватить въ короткій промежутокъ времени. Спенсеръ говоритъ, что тайна искусства,—главная, если не единственная,—именно въ томъ и заключается, чтобы довести *трение машины* до возможнаго минимума. Гюйо справедливо возражаетъ, что дѣло идетъ не объ одной экономіи вниманія, но и объ его руководствѣ, о томъ, чтобы его сильнѣе возбудить въ одномъ случаѣ и направить на опредѣленную ассоціацію идей и чувствованій. Время, затраченное на разумное наслажденіе, не даромъ потрачено: это наслажденіе поднимаетъ силы для работы, облегчаетъ новый трудъ*). Стиль есть умѣнье заинтересовать читателя или слушателя, поставить идею, какъ ставятъ картину, въ условія наилучшаго освѣщенія, передать другому всю мысль, полноту чувствованій автора. Кромѣ того, въ стилѣ отражается самъ авторъ, его особенности, которымъ мы можемъ симпатизировать. Мы живемъ тогда въ теченіе нѣкотораго времени жизнью художника, а въ этомъ заключается высокая социальная роль, по справедливости приписываемая языку. Изъ всего этого отнюдь не вытекаетъ, что для искусства не имѣетъ значенія принципъ сбереженія силы: это значеніе очень велико, только оно не абсолютно, не имѣетъ однимъ слѣдуетъ измѣрять достоинство стиля. Языкъ служить не для простой передачи простыхъ идей и чувствъ: онъ долженъ возбуждать въ одномъ лицѣ сложные волненія, которыя испытывало другое лицо, устанавливать между ними симпатичную связь, являться орудіемъ общественного совершенствованія. Языкъ приобретаетъ поэтому знаменательную и возбуждательную силу (*parole à la fois significative et suggestif*). Стиль рождается отъ идеи и чувства въ ихъ совокупности и служитъ наилучшимъ выраженіемъ, и личнымъ, и общественнымъ. Сочиненія, въ которыхъ не чувствуется этого истиннаго стиля, похожи на механическіе инструменты: они могутъ исполнять красивыя мелодіи, но мы остаемся при этомъ холодными, насъ не коснется вѣяніе живой человѣческой души. Писать, рисовать, ваять—значитъ умѣть выбирать. Регуляторомъ здѣсь является *вкусъ* художника, его врожденный и воспитанный тактъ. Поэтому

*) Читатели припомнятъ, что эту мысль давно уже высказалъ Н. Г. Чернышевскій; я упоминалъ объ этомъ въ статьѣ *О прекрасномъ въ искусствѣ* (*Русская Мысль*, кн. IX).

нельзя смѣшивать стили чисто-научнаго (логическаго) и стили эстетическаго. Стилъ *только* логическій устанавливаетъ связь и послѣдовательность идей, стилъ же поэтический (литературный) стремится къ *организации* этихъ идей, къ установленію ихъ живой совокупности. Идеаломъ въ первомъ случаѣ является стройная, прямая цѣль, во второмъ—цвѣтокъ, распустившійся въ разныхъ линіяхъ.

Гюйо различаетъ *прекрасное* (въ тѣсномъ смыслѣ — красивое) отъ *эстетическаго*. Въ первомъ случаѣ господствуютъ прямыя пріятныя ощущенія, въ основѣ которыхъ лежатъ психо-физиологическіе законы. Здѣсь прекрасна непосредственно даваемая форма. Поэтическое не столько даетъ, сколько подсказываетъ; оно возбуждаетъ въ насъ много волненій, какъ мягкій полусвѣтъ сумерекъ, который скрываетъ рѣзкія очертанія и даетъ росторъ нашему воображенію, настраивая его на извѣстный ладъ. Смотрите,—говоритъ Альфредъ Фуилье,—на стеклянный и на живой глазъ: ради перваго нѣтъ ничего, а во второмъ вамъ раскрывается безконечная сценица чувствъ, стремленій и мыслей,—и въ этомъ его очарованіе, его поэзія. То, что представляетъ только себя, не можетъ быть истинно поэтическимъ. Поэтическое всегда принимаетъ символическій и социальный характеръ; оно возбуждаетъ въ другихъ,—какъ и въ душѣ самого художника, разумеется,—больше мыслей и чувствъ, чѣмъ ихъ выражено непосредственно въ данной формѣ. Почему поэзія семнадцатаго вѣка, въ общемъ, такъ мало поэтична? Потому, что она слишкомъ логична, слишкомъ геометрична. Мысль, планъ, лица,—все въ произведеніяхъ этого авѣка стройно и симметрично, какъ версальскіе сады, и такъ же холодно впечатлѣніе, какъ производимое, какъ видъ этихъ садовъ. За исключеніемъ Лафонтена, истинную поэзію этой эпохи надо искать у прозаиковъ — Паскаля, Босюэта, Фенелона.

Существенную принадлежность поэтическаго стили составляетъ *образъ*. Суть поэзіи заключается именно въ томъ, чтобы говорить, какъ природа, образами. Образы искусства являются какъ бы иллюстраціями духа, средствомъ пролить свѣтъ и вдохнуть жизнь въ предметъ художественнаго произведенія. Сравненіе или метафора служатъ при этомъ средствомъ усилить мысленный образъ, связавши его съ другими, сохранившими свѣжесть, представленіями. Психологически это объясняется такъ: предметъ рѣзко переносится въ другую среду, при этомъ возникаютъ сложныя сочетанія, способныя вызвать въ насъ большія симпатическія волненія. Соответствующее возбужденіе нѣсколькихъ нервныхъ центровъ при сопоставленіяхъ само по себѣ увеличиваетъ удовольствіе эмоціи. Гюйо довольно долго останавливается на ритмѣ и приводитъ многочисленныя примѣры изъ стихотвореній французскихъ поэтовъ. Симметрия, говоритъ онъ, и повторенія въ этихъ произведеніяхъ доставляютъ наслажденіе, потому что вносятъ согласіе, единство въ разнообразіе. Измѣненія стили, въ обширномъ смыслѣ этого слова, являются результатомъ общественныхъ измѣненій; стилъ не только *человѣкъ*, это народъ и вѣкъ, отразившіеся въ индивидуумѣ.

Последняя глава *Искусства с социологической точки зрѣнія* отведетъ литературѣ неуравновѣшенныхъ и декадантовъ,—затрудняюсь перевести это слово (*litterature des déséquilibrés et des décadents*). Невропаты и преступники заполнили литературу. Писатели, которые выводятъ такіе типы охвачены болѣзненными вѣяніями; у нихъ какая-то скорбная организациія и они нерѣдко впадаютъ въ полный пессимизмъ. Такого рода настроеніе въ болѣе простой, разумѣется, формѣ, замѣчается у нѣкоторыхъ душевно больныхъ. Одинъ изъ такихъ больныхъ пишетъ, напримѣръ, слѣдующее: «Пусть смерть придетъ, я сожму ее своими руками, я покрою ее поцѣлуями» *). Второю характерною чертой *неуравновѣшенныхъ* является не помѣрное тщеславіе. Отсюда болѣзненная страсть къ автобіографическимъ подробностямъ, вѣчное стремленіе наблюдать за собою, превращать каждое движеніе собственной души, малѣйшее свое дѣйствіе въ цѣлую эпопею. Точное познаніе самого себя, лучшая координація умственныхъ явленій приводитъ человѣка въ собственныхъ глазахъ къ его истиннымъ размѣрамъ. Но именно этихъ-то свойствъ и недостаетъ *неуравновѣшеннымъ*.

Въ тѣсной связи съ этимъ печальнымъ явленіемъ находится литература представителей упадка, декадантовъ. По мѣрѣ того, какъ цивилизація развивается, ходъ ея развитія становится сложнѣе и быстрѣе. Последствіемъ такого осложненія и ускоренія является *разложеніе* въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ подробностяхъ. Въ наши дни двадцать лѣтъ значить болѣе, чѣмъ недавно еще значило столѣтіе. Естественно, что нѣкоторыми людьми овладѣваетъ преждевременная дряхлость, что они, какъ писатели, представляются изысканными и холодными. Форма у нихъ выдвигается на главный планъ, цѣлое подчиняется частямъ. Страница ихъ книги,—говоритъ Поль Бурже,—приобрѣтаетъ больше значенія, чѣмъ вся книга, параграфъ они отдають преимуществу передъ страницей, а отдѣльной фразѣ или слову—передъ параграфомъ. Культъ слова и фразы заглушаетъ у писателей декадантовъ культъ мысли и чувства **).

Усложненіе и ускореніе хода нашей цивилизаціи,—личнаго развитія и общественной жизни,—ведутъ за собою и другія послѣдствія. Область искусства расширяется, для индивидуальной дѣятельности раскрываются все новые и новые пути, и пути эти не всегда, конечно, правильные. Искусство, подвергаясь всѣмъ колебаніямъ эпохи, то поддерживаетъ, то разлагаетъ равновѣсіе духовныхъ силъ. Оно формулируетъ для ума и заставляетъ жить для чувства многообразные страсти и пороки, которые безъ содѣйствія искусства не приобрѣли бы большаго значенія въ обществѣ. Если Наполеонъ притягивалъ къ себѣ волю другихъ, притягивають ее и Бор-

*) Другой больной выражаетъ свою меланхолію въ стихахъ:

„O, mère, comme je regrette, heure par heure,
Tout ce lait que vous m'avez donné!
Vous êtes morte, ensevelie sans terre,
Et vous m'avez laissé au milieu des tourments“.

**) Изъ этихъ писателей слѣдуетъ отмѣтить Боделера и Верлена.

ель, и Гюго. Кто знаетъ, сколько преступленій было вызвано увлекательными (внѣшнимъ образомъ) уголовными романами? Свойственная людямъ подражательность дѣлаетъ художественное произведеніе могучимъ орудіемъ добра или зла. Искусство должно поэтому осмотрительно избирать область своей дѣятельности. Это необходимо и съ эстетической, и съ нравственной точки зрѣнія. Наиболее возвышенныя идеи являются предметомъ и наиболее возвышенной поэзіи. Эти идеи, разумеется, должны лежать въ глубинѣ души художника, а не быть для него внѣшней цѣлью. Достоинство художественнаго произведенія превосходно доказывается, если послѣ чтенія романа, напримѣръ, человекъ чувствуетъ себя чище и выше, если романъ этотъ пробудилъ и укрѣпилъ въ немъ общественныя симпатіи, стремленіе къ дѣятельности и совершенствованію.

Такъво, въ краткомъ пересказѣ, содержаніе посмертной книги Гюго, одного изъ наиболее даровитыхъ и симпатичныхъ французскихъ мыслителей новѣйшаго времени. Альфредъ Фуилле примѣняетъ къ автору *Искусства съ социологической точки зрѣнія* его собственное выраженіе:

„Droit comme un rayon de lumière,
Et comme lui vibrant et chaud!“ *)

Дѣйствительно, нельзя дать лучшей характеристики общаго впечатлѣнія, которое получается при чтеніи сочиненій Гюго. Они дышатъ глубокою вѣрой въ достоинство человѣка, пламенною любовью къ истинѣ, красотѣ и общественности. Его книга призываетъ на дружную работу, на борьбу съ различными призраками унынія и недовѣрія къ людямъ. Нѣтъ ничего прекраснѣе дѣятельной жизни, руководимой высокимъ идеаломъ личнаго и общественнаго совершенствованія, и нѣтъ при такомъ убѣжденіи мѣста ни работамъ и опасеніямъ тщеславія, ни меланхолическимъ преувеличеніямъ своихъ собственныхъ страданій.

Въ этомъ направленіи дѣйствовало и должно дѣйствовать искусство— великое, подлинное искусство,—*grand art*.

В. Г.

*) „Прямъ, какъ лучъ свѣта, и, какъ онъ, вибрируетъ и горитъ“.

Наука для всѣхъ.

Въ аристократической Англии съ 1876 г. возникло и разростается движеніе, подобнаго которому мы не видимъ въ Европѣ, даже въ демократической Франціи. Университеты, провозгласивъ принципъ: наука для всѣхъ, организовали стройную систему курсовъ во многихъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ жители просили знанія и городскія власти доставляли помѣщенія и средства на покрытіе части расходовъ. Починъ дѣла принадлежитъ Кембриджскому университету. Подробный очеркъ движенія даетъ брошюра Ричарда Моультона, магистра искусствъ, бывшаго лекторомъ литературы въ кембриджской коллегіи Христа (Christ's college). Брошюра озаглавлена названіемъ обществъ, существующихъ для распространенія высшаго образованія во всѣхъ сословіяхъ англичанъ и находящихся въ связи съ университетами, — University Extension Movement, въ буквальный переводъ: университетское движеніе во имя распространенія просвѣщенія. Моультонъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ организаторовъ «движенія» Кембриджскаго университета, который въ продолженіе десяти лѣтъ, съ 1876 г. по 1885 г., устроилъ 600 курсовъ чтеній и классовъ для свыше 60,000 учащихъ мужчинъ и женщинъ всѣхъ сословій общества.

Подъ словомъ высшее образованіе (highest education) слѣдуетъ понимать не университетское въ строгомъ смыслѣ слова, не высшіе спеціальныя курсы по разнымъ отраслямъ прикладныхъ знаній, но просто болѣе высокое образованіе, нежели то, какое получаетъ данная личность по своему положенію въ свѣтѣ. Въ программы университетскихъ курсовъ входятъ предметы, изучаемые и въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, и на первомъ университетскомъ курсѣ. Курсы назначены для взрослыхъ и общедоступны. Слушатели изъ рабочихъ и ремесленныхъ классовъ подготовлены вечерними классами, устроенными при рабочихъ товариществахъ, болѣею частью въ объемѣ среднихъ классовъ гимназій или колледжей; причемъ надо замѣтить, что курсъ англійскихъ начальныхъ школъ сравнительно высокъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ является потребность высшаго образованія. Профессоръ Стюартъ, членъ парламента, въ предисловіи своемъ

въ брошюрѣ Моультона говорить, что потребность знанія будетъ несомнѣнно возрастать въ англійской націи и должна быть удовлетворена. Наука, сама по себѣ, не есть благо, доступное только однимъ избраннымъ. Если до сихъ поръ массы лишены его, то виною тому недостатокъ культуры и спячка общества, съ одной стороны, съ другой—предвзубокъ и узость мысли самихъ людей науки, которые превращаютъ ее въ жреческій культъ, недоступный для непосвященныхъ. Университетское образованіе, по общепринятому мнѣнію, требуетъ многихъ годовъ жизни и несовмѣстимо ни съ какими другими занятіями; его вообще считаютъ удѣломъ образованныхъ и достаточныхъ классовъ, несовмѣстнымъ съ заработкомъ, занятіями профессиональными и домашними. Но если университетское образованіе во всей полнотѣ своей захватываетъ все время учащагося въ продолженіе опредѣленнаго срока, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы оно, по частямъ, было недоступно людямъ, которые могутъ удѣлить ему часть своего времени и готовы посвятить свои досуги на усвоеніе одного предмета за другимъ изъ университетской науки.

Систематически организованные курсы въ университетскихъ городахъ, веденные подъ руководствомъ университетскихъ педагогическихъ совѣтовъ, удовлетворяютъ потребности жителей, издавна приученныхъ къ публичнымъ чтеніямъ. Но движеніе имѣло болѣе широкую цѣль—захватить всю Англію. Преподаватели и члены обществъ, возникшихъ для этой цѣли, входили въ сношенія съ мѣстными властями и повсюду, гдѣ находились жаждущіе знанія, были открываемы курсы съ экзаменами, практическими занятіями. Изъ 60,000 учащихся, о которыхъ было говорено выше, 37,000 участвовали въ практическихъ занятіяхъ, 8,800 представили письменныя работы, 9,000 сдали экзамены въ экзаменаторскихъ комиссіяхъ, выбранныхъ синдикатами, т. - е. комитетами, завѣдующими дѣломъ. Города, гдѣ были устроены курсы, сверхъ помѣщенія и расходовъ, внесли синдикатамъ въ общемъ итогѣ отъ 25,000 до 30,000 фунтовъ стерлинговъ, — это была плата за ученіе. Надо замѣтить, что въ первые годы дѣло шло очень неудовлетворительно: первыми учащимися были неудачники, которымъ не повезло въ университетахъ и коллегіяхъ, не доставало средствъ на плату хорошимъ преподавателямъ, на устройство библіотекъ, кабинетовъ, учебныхъ пособій. Крупныя пожертвованія въ основной капиталъ и болѣе мелкія для оборотнаго явились позже, когда англійская публика убѣдилась въ томъ, какая сильная потребность знанія живетъ въ ея средѣ.

Университеты откликнулись на призывъ городовъ и было положено начало дѣлу, которое, разрастаясь, захватывало все болѣе болѣе кругъ городовъ и мѣстечекъ, которые въ свой чередъ становятся центрами просвѣщенія въ округѣ. Университетъ беретъ на себя организацію преподаванія, городъ—устройство помѣщенія и средства. Все устраивается очень просто, безъ всякихъ препятствій со стороны правительства, безъ ненужныхъ стѣсненій и проволочекъ. Найдется въ какой-нибудь мѣстности извѣстное число желающихъ, они адресуются къ педагогическому совѣту университета.— и дѣло

сдѣлано. Въ 1885 г. Кэмбриджскій и Дѣргэмскій университеты сообща за-вѣдывали курсами въ 23 городахъ. Другіе университеты: Лондонскій, Оксфордскій — этотъ столпъ консерватизма — и коллегія Троицы тоже приняли участіе въ общемъ движеніи. Отчетъ лондонскаго общества показываетъ, какъ оно выросло въ продолженіе десяти лѣтъ. Въ 1876 г. было не болѣе пяти мѣстныхъ центровъ въ вѣдѣніи Лондонскаго университета, въ 1885 г. — 24. Число курсовъ изъ первоначальнаго 7 разрослось до 34, слушателей на всѣхъ курсахъ въ 1876 г. было 139, среднимъ числомъ по 28 на каждый центръ и 20 на каждый курсъ; въ 1885 г. ихъ было 5,195, по 134 на каждый изъ центровъ и 94 на каждый курсъ.

Университетамъ, организовавшимъ дѣло, приходилось бороться съ предубѣжденіемъ, сильно вкоренившимся въ обществѣ, что нѣтъ другаго пути къ знанію, кромѣ курсовъ въ alma mater, и что публичные курсы не могутъ не быть отрывчатыми и популярными чтеніями, не дающими систематическаго знанія. Англійскіе ученые съ практическимъ смысломъ, отмѣчающимъ націю ихъ, дѣйствуютъ на основаніи такого положенія: невозможно никакимъ закономъ опредѣлить для каждой личности количество знанія, т.-е. научныхъ предметовъ, равно какъ и времени, нужнаго для усвоенія ихъ, — все это опредѣляется способностями учащихся и условіями ихъ жизни. Университетскіе совѣты никогда не отказывали городамъ въ ихъ спросѣ на науку, даже если спрашивали не болѣе одного предмета. Но, въ то же время, совѣты строго держались метода основательнаго изученія и не дѣлали ни малѣйшихъ уступокъ учащимся, несмотря на все затруднительное положеніе послѣднихъ; если они хотѣли учиться, то должны были учиться основательно. При этомъ имѣлась въ виду не одна передача научныхъ фактовъ, но и система, которая приучала умъ работать самостоятельно, поднимала общее развитіе личности. Для желающихъ были учреждены экзамены, но они считаются наименѣе важною частью дѣла: они не болѣе, какъ свидѣтельство о желаніи учащихся продолжать ученіе, потому что, по проекту University Extension Movement, выдержавшіе удовлетворительно экзамены могутъ поступать въ университетъ, выгадывая годъ, т.-е. на второй курсъ.

Общее и высшее образованіе — цѣль курсовъ и они имѣютъ для нея то же значеніе, какое имѣютъ вечерніе классы для элементарнаго образованія. Учащіеся на курсахъ дѣлятся на два разряда; одинъ — и наиболѣе многочисленный — слушателей; другой, который представляетъ ядро, выделяющееся изъ среды ихъ, — дѣйствительно учащіеся, students, т.-е. лица, вызывающіяся заниматься на дому въ промежутокъ между лекціями. Они поднимаютъ характеръ курсовъ, который безъ нихъ впалъ бы въ излишнюю популярность. Курсъ чтеній о каждомъ предметѣ трехмѣсячный, чтенія еженедѣльные; отдѣльныя чтенія о предметѣ, не имѣющемъ отношенія къ курсу, не допускаются. Существуетъ особое учрежденіе для такихъ публичныхъ чтеній и университетскіе курсы не имѣютъ цѣлью конкуренцію съ этимъ дѣломъ, которое ведется въ общемъ хорошо и стоитъ на прочномъ основаніи. Содержаніе cadaго курса изложено въ брошюрахъ отъ 20—50

страницъ, продающихся при началѣ курса за нѣсколько пенсовъ. Онѣ содержатъ не только сжатое изложеніе каждой лекціи курса, преимущественно порядка и метода, но и указаніе на книги, которыя слѣдуетъ прочесть для изученія фактовъ, и темы для еженедѣльныхъ занятій между лекціями. Занятія эти необязательны, свобода—девизъ курсовъ. Работы учащихся, рѣшенія задачъ, отвѣты на вопросы пересылаются лектору, который просматриваетъ ихъ передъ слѣдующею лекціей и возвращаетъ съ помѣтками на поляхъ. Работы можно присылать и при условіи сохраненія въ тайнѣ имени учащагося, и тайна свято сохраняется ради огражденія самолюбія. Лекція продолжается часъ; часъ до нея или послѣ называется классомъ. Лекторъ задаетъ вопросы, приглашаетъ къ обсужденію затруднительныхъ пунктовъ лекціи, читанной на прошлой недѣлѣ. Классъ открытъ для всѣхъ слушателей, но обыкновенно присутствуютъ только students. По окончаніи каждаго курса назначается экзаменъ; экзаменаторомъ назначается членъ университета, но никогда имъ не бываетъ лекторъ. Къ экзамену допускаются только лица, занимавшіяся на дому. Университетъ, по окончаніи экзамена, выдаетъ свидѣтельства на основаніи отмѣтокъ экзаменатора и отзывовъ лектора о еженедѣльныхъ работахъ учащагося. Слѣдовательно, свидѣтельство не имѣетъ характера случайности, не есть результатъ бойкаго отвѣта о какой-нибудь подробности, хорошо сохранившейся въ памяти,—оно есть отзывъ о работѣ въ продолженіе цѣлаго курса. Эта система не допускаетъ учащихся до искушенія ничего не дѣлать въ продолженіе курса и усиленно готовиться въ концѣ его къ повѣрочному испытанію. Кромѣ того, она имѣетъ еще преимущество—увеличивать число экзаменующихся: люди робкіе, неспособные бойко излагать свои мысли, знаютъ, что уснѣхъ болѣе чѣмъ на половину обусловленъ работами ихъ и не зависитъ исключительно отъ удачнаго отвѣта. Свидѣтельства бываютъ двухъ родовъ: *Pass*, т.-е. переходное, и *Distinction*, т.-е. съ отличіемъ.

Педагогическій совѣтъ университетовъ контролируетъ преподавателей, ограждая, въ то же время, свободу преподаванія. Лекторъ можетъ вести курсы свои, какъ считаетъ за лучшее, соображаясь съ способностями и условіями жизни учащихся; но это въ предѣлахъ, указанныхъ *Syllabus'*ами, т.-е. брошюрами съ изложеніемъ курса, которыя выработаны совѣтомъ или лекторами съ одобренія совѣта и даютъ учащемуся не только конспектъ лекцій, но и критеріумъ того объема познаній, передать который обязанъ лекторъ. Онъ можетъ предложить совѣту сдѣлать въ программѣ измѣненія, какія найдетъ нужными; иногда совѣтъ пользуется этими предложеніями въ видѣ опыта и, убѣдившись въ полезности ихъ, затѣмъ вводитъ ихъ какъ общую мѣру. Экзаменаторскія комиссіи тоже служатъ контролемъ лекторовъ. Контроль тѣмъ болѣе нуженъ, что опытные профессора, люди съ громкимъ именемъ и авторитетомъ въ наукѣ, не идутъ въ лекторы *University Extension Movement*, хотя и читаютъ отдѣльными публичными лекціи. Лекторами бываютъ молодые люди, новички профессіи, способные соединить въ себѣ и лектора, и учителя, который нуженъ для неподготовленныхъ

слушателей. Отъ нихъ требуется умѣнье прочесть лекцію живо и научно-интересно.

Курсы читаются съ конца сентября до апрѣля и дѣлятся на два трехмѣсячные срока. Общій планъ ихъ даетъ желающимъ возможность получить основательное общее образованіе, которое не только служитъ подготовкой къ университетскому, но и замѣняетъ одинъ годъ университетскаго. Учащіяся, слушавшіе три года сряду соответственную группу предметовъ, занимавшіеся на дому и выдержавшіе экзамены, считаются студентами, афилированными университету и подготовленными къ какой-либо научной специальности. Курсы эти даютъ людямъ, не имѣющимъ средствъ поступать въ университетъ, цѣлый годъ университетской науки. За этотъ срокъ способности успѣють вполне опредѣлиться и будетъ выяснено, стоить ли приносить для дальнѣйшаго ученія тѣ жертвы, какихъ требуетъ университетское образованіе. Система афилиаціи имѣетъ другую и болѣе значительную выгоду: въ мѣстныхъ центрахъ образуются группы учащихся, которыя служатъ стимуломъ, поднимающимъ уровень образованія. Отъ афилированныхъ студентовъ требуется вступительный экзаменъ въ университетъ или мѣстномъ центрѣ, находящемся въ вѣдѣніи университета, и удовлетворительныя отмѣтки въ элементарномъ курсѣ латыни и одного иностраннаго языка, переводѣ Евклида (I—III книги) и алгебры до квадратныхъ уравненій. При поступленіи на второй годъ университетскаго курса, студентъ обязанъ пройти: 1) специальную серію курсовъ, т.-е. послѣдовательно пять трехмѣсячныхъ курсовъ въ мѣстномъ центрѣ, обнимающихъ группу предметовъ словеснаго, естественнаго или физико-математическаго отдѣленія. Серіи эти опредѣлены университетомъ сообразно съ потребностями мѣстнаго центра; 2) общую серію курсовъ, причѣмъ требуются два трехмѣсячные курса по предметамъ, не входящимъ въ избранный специальный курсъ. Эту общую серію можно слушать до или послѣ, или въ продолженіе специальнаго курса. Эта общая серія имѣетъ цѣлью застраховать умъ отъ узкой специализаціи. Требования, предъявляемыя афилированнымъ студентамъ, такъ же строги, если не строже еще, чѣмъ требования, предъявляемыя студентамъ университетовъ. Но иначе и невозможно поставить дѣло успѣшно; при публичномъ характерѣ курсовъ, при мало подготовленныхъ слушателяхъ, отвлекаемыхъ профессиональными и домашними занятіями, опасность понизить уровень преподаванія до малосодержательной популяризаціи слишкомъ велика.

Курсы приспособлены къ потребностямъ общества; имѣя въ виду взрослыхъ слушателей всѣхъ сословій и степеней развитія, разныхъ профессій и ремеселъ, педагогическій совѣтъ учредилъ отдѣльные курсы — Single Courses. Каждый желающій можетъ выбирать предметъ, интересующій его, нужный по его профессіи, ремеслу. И, въ то же время, отдѣльные курсы такъ сгруппированы, что желающіе получить болѣе широкое образованіе могутъ слушать нѣсколько курсовъ по однороднымъ предметамъ. Объемъ курсовъ отвѣчаетъ высшимъ классамъ средне-учебныхъ заведеній (коллед-

жей) и первому университетскому курсу. Предметы распадаются на три группы и хотя нѣтъ обязательнаго раздѣленія ихъ на факультеты, но оно существуетъ на практикѣ.

Въ отдѣлѣ словесности и литературы значительное мѣсто отведено литературѣ и исторіи Англіи въ сравненіи съ исторіею и литературою другихъ странъ; новыхъ европейскихъ литературъ нѣтъ въ числѣ предметовъ, если о нихъ не читаютъ въ курсахъ объ избранныхъ авторахъ и произведеніяхъ ихъ; но на это, кромя лекцій о Гёте, нѣтъ указаній въ матеріалахъ для этой статьи, имѣющихся въ рукахъ автора. Впрочемъ, въ Англіи узкій патриотизмъ, подсказавшій такое исключеніе, не можетъ принести большого вреда, потому что англійская литература, въ лучшихъ представителяхъ своихъ, по смѣлости и широтѣ мысли, не уступаетъ ни французской, ни германской, и въ произведеніяхъ своихъ воплотила всѣ элементы общечеловѣческаго развитія, какія даютъ европейскія литературы. Въ курсахъ исторіи выбраны эпохи наиболѣе знаменательныя въ жизни цивилизованнаго міра, тѣ, разумное пониманіе которыхъ уясняетъ члену общества его отношеніе къ средѣ, гдѣ онъ живетъ, къ государственному порядку и возможности совершенствованія его.

Хозяйственной частью завѣдуютъ мѣстные комитеты изъ жителей и городскихъ властей; комитеты эти, смотря по условіямъ мѣстности, соединяются съ другими обществами, имѣющими однородныя цѣли: съ ассоціаціями рабочихъ и ремесленниковъ, устраивающими вечерніе курсы, съ обществами женскаго образованія. Это зависитъ вполне отъ мѣстныхъ комитетовъ и университетъ не вмѣшивается въ эту часть дѣла; комитеты эти бываютъ или временныя, собравшіяся для попытки привить научное образованіе, или правильно организованная вѣтвь «общества для распространенія университетскаго образованія», или какое-нибудь частное мѣстное учрежденіе, какъ - то: коллегіи большихъ городовъ—Ливерпуля, Лидса, Бристоля, Шеффилда и др., устроенныя по типу существующихъ при университетахъ коллегій; мѣстные институты, имѣющіе цѣлью дать образованіе взрослымъ,—напримѣръ, мидлэндскій институтъ въ Бирмингамѣ и гаррійскій въ Престонѣ. Во многихъ большихъ городахъ существуютъ литературныя и философскія общества, преимущественно съ цѣлью устраивать публичныя популярныя чтенія; въ иныхъ мѣстностяхъ то же дѣлаетъ небольшой кружокъ интеллигенціи. Иные институты—спеціальныя учрежденія, напримѣръ, церковныя институты, институты образованія женщинъ или институты ремесленниковъ. Послѣдніе, впрочемъ, измѣнили свой обособленный характеръ и стали общедоступными. Вечерніе классы, имѣющіе цѣлью давать элементарное образованіе, оказываются сильными союзниками университетскаго движенія. Нерѣдко основаніе университетскаго колледжа являлось слѣдствіемъ курсовъ; такъ было въ Лидсѣ и др. городахъ. Въ такомъ случаѣ University Extension Movement доставляло лекторовъ для тѣхъ отдѣловъ знаній, преподаваніе которыхъ не вводили учредители коллегій. Бываетъ, что университетъ, находя веденіе дѣла вполне удовлетворитель-

нымъ, предоставляет все мѣстному колледжу и переноситъ дѣятельность свою туда, гдѣ она нужнѣе; такъ было въ Ливерпулѣ, въ Южномъ Валлсѣ и др. Или, наоборотъ, мѣстный колледжъ, какъ, напримѣръ, въ Ноттингемѣ, находитъ выгоднымъ афилироваться университету, т. е. получить для учениковъ своихъ право поступать на второй университетскій курсъ.

Литературныя и философскія общества, присоединившіяся къ University Extension Movement, иногда приносили въ жертву систематическимъ курсамъ свои популярныя чтенія, въ цѣломъ представлявшія крайне пеструю смѣсь и удовлетворявшія только научному диллетантизму публики. Большая часть этихъ обществъ устроила компромиссъ между обоими родами лекцій и отдаетъ на половину учебнаго года свое помѣщеніе университетскимъ курсамъ, сохраняя другую для популярныхъ чтеній. Всѣ институты для образованія взрослыхъ и колледжи для средняго образованія могутъ вступать въ сношеніе съ университетомъ и устраивать курсы, какъ отдѣльные для всѣхъ слушателей, такъ и совокупные для афилированныхъ студентовъ. Все устраивается крайне просто и быстро. Городъ или какое-нибудь учрежденіе посылаетъ въ университетъ заявленіе о желающихъ слушать курсы; университетъ посылаетъ лектора, *Syllabus's*. Инициатива дѣла въ мѣстности принадлежитъ иногда единичной личности или небольшой группѣ ревнителей просвѣщенія, или мѣстному учрежденію; они берутъ на себя отвѣтственность передъ университетомъ за помѣщеніе и средства. Наилучшій способъ, это—собрать митингъ и придать возможно-большую огласку дѣлу. Лицъ, сочувствующихъ дѣлу, приглашаютъ печатными циркулярами, городской меръ вообще предсѣдательствуетъ на митингѣ. Иногда митинги собираются очень многолюдные; но обыкновенно считаютъ за лучшее прочесть курсъ, другой въ видѣ опыта, прежде чѣмъ сзывать многолюдный митингъ, отъ котораго ожидаютъ средствъ для прочнаго устройства дѣла. Въ такомъ случаѣ курсами завѣдуетъ временный комитетъ, который иногда нѣсколько лѣтъ ведетъ дѣло, пока оно не завоеуетъ себѣ право гражданства въ публикѣ, и тогда учреждается мѣстное общество курсовъ и они поставлены на сравнительно прочномъ основаніи.

Въ члены хозяйственныхъ комитетовъ избираются лица, сочувствующія дѣлу, причѣмъ старательно избѣгаютъ тѣхъ, которые могли бы придать ему политическую или религіозную окраску; University Extension Movement—движеніе исключительно культурное и держится въ сторонѣ отъ какихъ бы то ни было политическихъ или религіозныхъ партій. Независимость науки давно уже признана въ Англіи неприкосновенной. Число членовъ комитета вообще очень значительно и потому Моультонъ находитъ нужнымъ выбирать изъ членовъ комитета исполнительный комитетъ; сверхъ того, онъ находитъ еще нужнымъ выбирать въ члены комитетовъ женщинъ, молодыхъ людей, лицъ, занимающихся преподаваніемъ, и ремесленниковъ. Женщины нужны для пропаганды движенія и инициаторы его понимаютъ какъ нельзя лучше, какъ много зависитъ совершенствованіе общества отъ образованія женщины; молодые люди, вообще очень энер-

личные помощники, пропагандируютъ дѣло въ обществѣ, продаютъ билеты. Лицамъ, занимающимся преподаваніемъ, и ремесленникамъ необходимо имѣть своихъ представителей въ комитетахъ для заявленій о томъ, какого рода знанія наиболѣе имъ нужны.

Университетскіе совѣты вообще стараются удовлетворять требованіямъ мѣстныхъ комитетовъ; единственные затрудненія, это—единовременныя требованія читать курсы, когда нѣтъ достаточнаго числа лекторовъ. Дѣло улаживается тѣмъ, что совѣтъ сведетъ нѣсколько комитетовъ, которые приходять къ соглашенію чередоваться курсами, наприм., въ одномъ городѣ словесныя науки читаются въ первое полугодіе, въ другомъ во второе, естественныя—наоборотъ. Городъ, въ которомъ University Extension Movement пустило крѣпкіе корни, становится рассадникомъ просвѣщенія въ цѣломъ округѣ. Оживаетъ умственный интересъ, открываются бібліотеки для чтенія, устраиваются группы для домашнихъ чтеній и занятій наукою, устраиваются экскурсіи. Преподаватели, пополняющіе пробѣлы своего знанія на курсахъ, поднимаютъ уровень средней и элементарной школы. Въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ средствъ для устройства полныхъ курсовъ, открывали половинчатые Half Courses въ видѣ опыта, т.-е. курсы изъ шести лекцій по одному предмету, всего чаще опытъ давалъ блестящіе результаты и находились средства для открытія полныхъ курсовъ.

Свобода митинговъ и публикацій обезпечиваетъ быстрое распространеніе движенія. Публикаціи дѣлаются разсылкой циркуляровъ, расклейкой по стѣнамъ и фонарнымъ столбамъ и раздачей по фабрикамъ и мастерскимъ объявленій. Въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣло ведется съ наибольшимъ успѣхомъ, многое было сдѣлано личною энергіей комитетскихъ членовъ. Они передъ началомъ курсовъ ходили съ объявленіями, билетами и брошюрами по городу, предлагая желающимъ и дѣятельно пропагандируя дѣло. Иногда первую лекцію читали бесплатно, приглашая наиболѣе популярныхъ лицъ, иногда устраивали при помощи ихъ публичный митингъ.

Средства на курсы собираются подпиской, членскими взносами въ гиней и менѣе; иногда взносы взимаются съ платою за билеты на слушаніе лекцій, т.-е. желающіе быть членами общества платятъ за билеты болѣе простыхъ слушателей. Недостаточные люди могутъ сложиться на одинъ членскій билетъ и выбрать отъ себя депутата въ комитетъ. Общихъ правилъ нѣтъ для всѣхъ мѣстныхъ обществъ; каждое устраиваетъ свой порядокъ сбора и взносовъ. Продажа *Syllabus*'овъ даетъ извѣстный доходъ, тѣмъ болѣе, что *Syllabus*'ы могутъ служить очень полезнымъ руководствомъ и для самообразованія лицъ, не имѣющихъ возможности посѣщать курсы. Моультонъ очень энергически напоминаетъ въ своей брошюрѣ обществу о необходимости собирать фонды для успѣшнаго веденія дѣла. Отдѣльные курсы иногда давали большіе барыши; курсы для аффилированныхъ студентовъ вообще барыша не давали; но съ распространеніемъ курсовъ и усиленіемъ въ рабочихъ классахъ стремленія къ высшему образованію средствъ оказывается недостаточно. Продажа билетовъ можетъ покрыть не

болѣе половины расходовъ на содержаніе курсовъ. Высшее образованіе не имѣетъ рыночной цѣны,—говоритъ Моультонъ. Ремесленные и профессиональныя школы могутъ существовать на счетъ платы за ученіе въ Англии. Всѣ учрежденія для высшаго образованія существуютъ, благодаря поддержкѣ націи, пожертвованнымъ крупнымъ капиталамъ. Высшее образованіе стоитъ дорого, а курсы University Extension Movement требуютъ расходовъ на поѣздки и содержаніе лекторовъ, которые въ университетскомъ городѣ могли бы найти частныя уроки. Это невозможно для лектора, проживающаго полугодіе въ одномъ мѣстѣ, полугодіе въ другомъ. Притомъ, время лектора занято преподаваніемъ въ классѣ, руководствомъ и просмотромъ работъ учениковъ; трудъ его долженъ давать ему средства къ жизни. Поставить курсы въ зависимость отъ выручки съ продажи билетовъ было бы измѣной цѣли движенія. Первое создало бы искушеніе для лекторовъ придавать легкой популярный характеръ лекціямъ; второе сдѣлало бы лекціи недоступными для той массы, въ которую University Extension Movement несетъ свѣтъ знанія. Нѣкоторые мѣстные комитеты, не понимая условий, при которыхъ могутъ существовать курсы, и видя блестящіе финансовыя результаты публичныхъ популярныхъ лекцій о модныхъ предметахъ, прекращали свою дѣятельность на томъ основаніи, что дѣло не оплачивается; но это дѣло никогда само себя оплатить не можетъ и крайне нежелательно ставить его въ зависимость отъ измѣняющихся вкусовъ публики. Люди, понимающіе значеніе университетскаго образованія, должны найти средства для этого дѣла, а правительство—прийти къ нимъ на помощь. Существуетъ мнѣніе, будто на обязанности правительства лежитъ только элементарное образованіе народа, а высшее, какъ доступное незначительному меньшинству, должно быть дѣломъ этого меньшинства. Но это значитъ ставить свѣтильникъ подъ спудомъ. Высшее образованіе поднимаетъ среднее и элементарное тѣмъ, что даетъ общій тонъ уровню образованія; преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній для мальчиковъ получаютъ университетское образованіе, котораго не требуется для преподавателей въ женскихъ и народныхъ школахъ; но рано ли, поздно ли, настанетъ неизбѣжно пора, когда это будетъ считаться ошибкою.

University Extension Movement, распространяя науку, въ то же время, объединяетъ интеллигенцію мѣстности. Учащіеся составляютъ общества, которыя нерѣдко продолжаютъ существовать и по окончаніи курсовъ и служатъ хорошую службу образованію мѣстности. Въ городахъ, гдѣ дѣло идетъ наиболѣе успѣшно, учащіеся составили общество самопомощи. Въ иныхъ, какъ, напримѣръ, въ Гултѣ, общество учащихся вошло въ составъ общества, поддерживающаго курсы, которое повязываетъ нѣсколько собраній дѣламъ учащихся. Въ Дарлингтонѣ на билетахъ членовъ общества учащихся напечатаны слѣдующіе пункты устава: «Содѣйствовать University Extension Movement Кембриджскаго и Дѣргемскаго университетовъ. Содѣйствовать мѣстнымъ комитетамъ и лекторамъ. Продолжать ученіе во время вакацій, читая научныя сочиненія, устраивая обсуждения, добавочныя

щии, экскурсіи въ лѣтніе мѣсяцы». Общество въ Тайпъ-Сайдѣ прибавило къ одному пункту: «Содѣйствовать устройству новыхъ курсовъ». Ахиллесова пята курсовъ — бѣдность книгами; лекторы рекомендуютъ иногда для чтенія книги, которыя не по средствамъ учащимся и которыхъ далеко не всегда можно найти и въ хорошо обставленныхъ бібліотекахъ. На обществѣ учащихся лежитъ обязанность доставлять книги. Моультоу советуетъ быть въ богатыхъ бібліотекахъ отдѣльный столъ «University Extension Table» или особую комнату для слушателей курсовъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ бібліотекъ, приходится нанимать помещеніе, а если и это не по средствамъ, можно войти въ сношенія съ книгопродавцемъ, поставщикомъ комитовъ, и устроить доставку книгъ, которыя читались бы поочередно учащимися.

Рабочіе и ремесленники основываютъ свои общества высшаго образованія. Взносы не болѣе шиллинга въ годъ; вносящіе пять шиллинговъ считаются почетными членами. Лекторы съ большою похвалою отзываются о занятіяхъ на дому членовъ этихъ обществъ. Бэквортская ассоціація заслуживаетъ особеннаго вниманія; рѣдкому обществу приходилось быть основнымъ при такихъ стѣснительныхъ экономическихъ условіяхъ. Округъ населенъ рудокопами и взносъ одного пени въ недѣлю отзывался на бюджетѣ рабочаго. При началѣ своею общество поставило себѣ цѣлью имѣть университетскіе курсы, но, по недостатку средствъ, удовольствовалось отдельными лекціями, сказавъ, что какое-нибудь образованіе лучше, чѣмъ никакое. Первыми шагами рудокоповъ были собранія для изученія *Новой книги* Бука и для практическихъ уроковъ землѣдѣрства. Профессоръ Стюартъ, въ которому рудокопы обратились за программой, прислалъ учебникъ помѣченными карандашомъ параграфами. Хозяева позволили снять планъ пастбищъ, сочувствующіе люди одолжили цѣпь и инструменты. Выбравъ руководители наиболѣе знающаго, учащіеся рудокопы такъ успѣшно исполнили свою работу, что заслужили похвальный отзывъ экзаменатора, профессора Стюарта. Въ началѣ общество было, въ сущности, небольшимъ кружкомъ; новые члены затруднялись примыкать, находя себя недостаточно подготовленными, и основатели занялись подготовкой ихъ, давая разъ въ недѣлю вечерній урокъ изъ ариметики. Устройство бібліотеки и лабораторіи стоило большихъ трудовъ бэквортскимъ рудокопамъ. Вначалѣ было собрано около 40 книгъ; для лабораторіи собирали старые инструменты, брали взаймы на лекцію, предпочтая займу пожертвованіе старыхъ; устраивали, что было возможно, очень первобытными способами; банки изъ-подъ пива и уголь, въ которомъ не было недостатка, послужили матеріаломъ для первой электрической батареи. Пожертвованные микроскопы принесли въ міръ умственныхъ наслажденій рудокопамъ. Секретарь бэквортской ассоціаціи, изъ отчета котораго заимствованы эти подробности, говоритъ о вліяніи ея на учащихся слѣдующее: она объединяетъ членовъ, поддерживая въ нихъ интересъ къ просвѣщенію; она приноситъ пользу членамъ, мабымъ въ ученю, и начинающимъ. Благодаря ей, выдерживали экзаменъ

учащіеся, которые не рискнули бы экзаменоваться безъ помощи другихъ членовъ. Она полезна и старымъ студентамъ. Приятнѣе изучать сухую часть предмета или добиваться пониманія трудной виѣсть съ товарищами чѣмъ напрягать свой мозгъ одному.

Общество рабочихъ Дерби отличается энергическою дѣятельностью; члены его собираются еженедѣльно по разнымъ отдѣленіямъ, соотвѣтственно курсамъ, и обсуждаютъ прослушанныя лекціи; иногда устраиваются публичныя митинги для научныхъ бесѣдъ—*Conversazioni*. Общество иногда для пополненія средствъ устраиваетъ публичныя чтенія на разнородныя популярныя темы. Въ числѣ лекторовъ встрѣчаются извѣстныя имена: Спенсеръ, Герчинсонъ, Флетчеръ; есть и женщина миссъ Р. Робинзонъ. Въ другихъ обществахъ читались лекціи на такія темы: какъ мы видимъ, боль, этика науки, фотографическіе виды мѣстныхъ произведеній архитектуры съ историческими описаніями. На бесѣдахъ обсуждали, между прочимъ, темы: какіе предметы должны входить въ курсъ женской средней школы, итальянское искусство и литература, погода, полчаса съ старыми газетами, зардыши и дѣйствіе ихъ, наследственность и т. п. Для эстетическаго развитія устраиваютъ чтенія съ декламаціею, съ аккомпаниментомъ музыки, драматическія пьесы читаются съ распредѣленіемъ ролей (шекспировскія чтенія). Въ Гултѣ слушатели курса о древней драмѣ устроили представленіе *Антигоны*, съ хорами музыки Мендельсона; это дало хорошій сборъ и пользу общества.

Результаты университетскаго движенія принадлежать къ тѣмъ, которые нельзя взвѣсить и измѣрить. Экзамены не даютъ никакого критеріума описательно усвоенія знаній въ массѣ слушателей. Изъ отчета лондонскаго общества за 1885 г. видно, что слушателей на каждый курсъ приходило по 60, на каждый классъ по 50, а экзаменъ держали максимумъ 20 человекъ. На 1,972 слушателей полугодичнаго курса было 229 экзаменовавшихся изъ которыхъ не выдержали испытанія 31 человекъ, то - есть около 13½%. Практическихъ выгодъ не даютъ экзамены слушателямъ, за исключеніемъ афилированныхъ студентовъ и преподавателей. Сверхъ того нѣкоторые изъ фабричныхъ рабочихъ, рудокоповъ и друг. рассчитываютъ благодаря прибрѣтеннымъ техническимъ познаніямъ, получить лучшее положеніе. Изъ цифръ, указанныхъ выше, очевидно, что массу слушателей привлекаютъ идеальныя цѣли знанія и потребность его сильна во всѣхъ классахъ общества. Женщины не уступаютъ мужчинамъ въ любви къ знанію. Въ отчетахъ объ экзаменахъ на курсахъ, находящихся въ завѣдѣніи Кембриджскаго университета, показано званіе экзаменовавшихся. На экзаменѣ политической экономіи и литературы было 58 человекъ, изъ нихъ 31 мужчина и 27 женщинъ; изъ первыхъ 4 студента, 5 ремесленниковъ, 4 прикащика торговыхъ складовъ, 9 писцовъ и лавочниковъ, 6 мануфактуристовъ, 1 школьный учитель, званіе послѣднихъ двухъ неизвѣстно; изъ вторыхъ: 7 — дочери мануфактуристовъ, 2 — пасторовъ, 12 — торговцевъ, 6 — изъ модистокъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ученицы и ученики школъ, конечно, старѣе классовъ, посѣщаютъ курсы и успѣшно занимаются въ часы классовъ при лекціяхъ; но сочиненія вообще оказываются дѣломъ непосильнымъ для этого разряда слушателей. За курсами University Extension Movement заслуга поддерживать живой интересъ къ знанію, чего школа вообще дѣлаетъ, потому что всего чаще учащіяся, сдавъ школьные экзамены, про охлаждаются къ знанію. Большею частью ученики и ученицы школъ имеютъ отдѣльные курсы, потому что курсъ афилированныхъ студентовъ имѣетъ труденъ и требуетъ слишкомъ много времени. Моультонъ находитъ, что учащіяся въ школахъ могутъ слушать курсы для афилированныхъ студентовъ, начиная съ послѣдняго школьнаго, что особенно полезно старшихъ учениковъ—помощниковъ учителей (Pupil Teachers). Годы по отбѣ изъ школы—лучшая пора для ученія на курсахъ. Въ эту пору свѣтло-восприимчивости часть работы имѣетъ болѣе значенія для развитія, въ два-три часа въ позднѣйшіе годы; молодымъ силамъ указана прекрасная и полезная цѣль. Юношество достаточно обезпеченное поступаетъ въ техникумы, университеты; University Extension Movement замѣняетъ курсъ колледжа первый годъ университетскаго курса для небогатой молодежи и, кромѣ того, даетъ ей интересъ — принимать участіе въ устройствѣ курсовъ. Для занятыхъ, рабочихъ, вечерніе курсы приносятъ умственное наслажденіе и нерѣдко можно видѣть рядомъ родителей съ дѣтьми.

University Extension Movement оказываетъ великую услугу женскому образованію и женщины всѣхъ сословій и возрастовъ дѣятельно пропагандируютъ его. Въ числѣ членовъ и лекторовъ встрѣчаются имена мистрисъ Вебстеръ, автора популярныхъ разсказовъ изъ политической экономіи, писаницы леди Эльдерли, миссъ Гёрней, мистрисъ Брайантъ, доктора наукъ, вѣвшей лекціи о нравственныхъ идеалахъ. Моультонъ приводитъ и подкрепляетъ выводъ одного лица, хорошо знакомаго съ дѣломъ, доказывая, что въ Англій женщинъ нынѣшняго поколѣнія «болѣе стремятся къ общественнымъ интересамъ», чѣмъ мужчины. Ходячій предрассудокъ, получающій большую силу въ реакціонныя эпохи, утверждаетъ, что домашнія обязанности несомнѣны съ ученіемъ. Моультонъ справедливо замѣчаетъ, на основаніи цифровыхъ данныхъ, что обязанности эти гораздо менѣе несомнѣны, чѣмъ служба въ конторахъ и работа всякаго рода. Домашнія заботы разнообразны, не требуютъ усидчивости въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ; распредѣленіе ихъ въ рукахъ самой хозяйки. Слушательницы курсовъ представили нѣсколько сочиненій, которыя были признаны лучшими. Мать большаго семейства сказала лектору, что она не прочла ни одной учебной книги со дня выхода изъ школы. Ее убѣдили не ограничиваться паніемъ лекцій, но заниматься въ классахъ, и вскорѣ она выдержала экзамены съ отличіемъ. Женщины оказываютъ большую услугу движенію, будучи хозяйственной частью, собирая средства; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ завѣдываніе курсами находится исключительно въ рукахъ женскихъ клубовъ.

Мультистонъ, въ брошюрѣ своей, отводитъ значительное мѣсто отзывамъ учащихся рабочихъ и ремесленникахъ; и это не потому, — говоритъ онъ, — чтобы университетскіе курсы преимущественно имѣли въ виду слушателей изъ этого сословія, но потому, что курсы эти — первая попытка науки удовлетворить умственнымъ потребностямъ рабочихъ классовъ. Рабочій получаетъ систематическое образованіе; онъ не стѣсненъ сроками, можетъ слушать столько предметовъ, сколько то допустятъ время и способности его. Онъ можетъ принять участіе и въ устройствѣ курсовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ хозяйственные комитеты состоятъ исключительно изъ рабочихъ. Потребность знанія съ каждымъ годомъ сильнѣе распространяется въ рабочихъ классахъ и ей приносятъ крупныя жертвы. Многие рабочие послѣ дня утомительнаго труда идутъ пѣшкомъ миль за шесть, да за десять, во всякую погоду и возвращаются ночью, по плохимъ дорогамъ. Недостатокъ помѣщенія для классовыхъ занятій пополняется гдѣ и какъ придется: въ теплое время учащіеся собираются въ сараяхъ, въ холодное подъ каждую крышей, открытою для нихъ; случалось, въ билліардной трактира, когда билліардъ былъ въ починкѣ, а потомъ за газетнымъ столомъ по другой сторонѣ котораго трактирные посѣтители читали газеты. Курсы обходятся рабочему значительно дороже шиллинга за предметъ; онъ долженъ покупать Syllabus'ы, учебники, платить за пересылку лектору посылку своихъ недѣльныхъ работъ. Рабочіе, живущіе далеко отъ центровъ въ мѣстностяхъ, гдѣ часы поѣздовъ неудобно распредѣлены, теряютъ въ день работы одинъ день въ недѣлю, и трехмѣсячный курсъ, кромѣ платы обходится имъ 1 ф. 6 шил. вычета изъ заработной платы, не считая поѣзда по желѣзной дорогѣ. Со всѣми этими расходами курсы иногда стоить рабочему 3 ф.

Меньшая братія платитъ лишениями за свѣтъ знанія; объ этомъ коротко и порѣчиво говоритъ выдержка изъ письма рабочаго: «Какъ можете вы отдать отъ нашего брата, чтобы онъ могъ имѣть крышу надъ головою, держать семью и жить прилично и, въ то же время, платить 6 шиллинговъ за цѣлый курсъ, и все это изъ 1 ф. въ недѣлю? Я знаю многихъ желавшихъ получить научныя знанія и обремененныхъ многочисленными семьями. Я и другіе рабочіе только протягиваемъ руки къ тому, что сорвалось съ устъ умирающаго Гёте въ предсмертныя минуты: «Свѣта, больше свѣта!» Но когда намъ приходится платить такъ дорого за все это, то я слышу, что намъ придется остаться въ потемкахъ». Рабочіе, имѣющіе средства получить свѣтъ, братски несутъ его сидящимъ во тьмѣ. Два члена Бейвортской ассоціаціи учащихся посѣщали курсы въ Крэмлингтонѣ, миль пять-шесть отъ жилища. Нашлись въ Бейвортѣ еще жители, желавшіе изучать химию, но не имѣвшіе возможности ходить пѣшкомъ такъ далеко, и оба учащіеся устроили вечерніе классы. На другой день послѣ крэмлингтонской лекціи они, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ слышаннаго, съ помощью Syllabus'овъ и своихъ записокъ, воспроизводили лекцію, насколько могли. Они купили самые простые химическіе снаряды и дешевые реагенты,

вторяли видѣнные на курсѣ опыты. Въ концѣ крэмлингтонскаго курса сторъ прѣѣхалъ на лекцію своихъ учениковъ, экзаменовалъ ихъ слушатель и нашелъ свѣдѣнія ихъ удовлетворительными и для университетскаго экзамена.

Англійское общество переросло предубѣжденіе, что знаніе не для народа, что онъ—даръ, опасный для него. Слѣдующія выдержки изъ писемъ рабочихъ доказываютъ, что знаніе не несетъ ничего народу, кромѣ добра. Одинъ рудокопъ пишетъ: «Я глубоко сожалею о 34 годахъ своей жизни. Зарытый съ девяти лѣтъ въ рудники, я былъ приученъ думать, что наука враждебна религіи. Я и понятія не имѣлъ о томъ, какія надежденія мысли и созерцанія я терялъ. И я порвалъ свои оковы и иду впередъ. И во многихъ изъ моихъ товарищей рабочихъ пробуждается то же чувство». Упомянувъ о курсѣ геологіи, онъ замѣчаетъ: «Я пробылъ въ Кливлендѣ 18 лѣтъ и нахожу теперь вѣрными слова учителя, что я живу въ странѣ, неизвѣстной мнѣ. Но я имѣю намѣреніе изучить геологію». Ланкаширскій ткачъ пишетъ: «Проведя семь лѣтъ жизни своей за станками бумагопрядильни и прилежнымъ изученіемъ въ часы отдыха прѣбралъ сколько-нибудь болѣе высокое образованіе, я теперь имѣю понятіе о силѣ и наслажденіи, какія оно даетъ рабочимъ: облаченіе предмета до него скрытыми отъ глазъ ихъ, совершенно иное освѣщеніе всего окружающаго ихъ и импульсъ, каковой оно придаетъ человѣку, усиливая его рѣшительность ко всякому роду труда». Одинъ плотникъ на митингѣ въ Йоркѣ сказалъ: «Шесть лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ пошелъ на скамью въ этой залѣ слушать курсы University Extension Movement. Я слушалъ всѣ курсы, за исключеніемъ одного, пропущеннаго по болѣзни. Я не могу выразить, какъ многимъ я обязанъ этимъ чтеніямъ. Они произвели переворотъ въ моей жизни. Теперь я способенъ имѣть болѣе широкіе взгляды о вопросахъ жизни и мои интересы расширились. Жизнь въ этой залѣ стала свѣтлѣе и счастливѣе». Въ подтвержденіе этихъ отзывовъ приведена интересная выписка изъ *Путевыхъ впечатлѣній* м-ра Бѣрта, члена парламента, путешествовавшаго по Америкѣ: «Я встрѣтилъ интеллигентнаго молодого человѣка въ одномъ изъ дикихъ и отдаленныхъ селеній штата Огайо; онъ недавно эмигрировалъ изъ Нортумберленда, гдѣ былъ студентомъ курса наукъ и искусствъ, учрежденныхъ университетомъ; сверхъ того, онъ былъ членомъ института ремесленниковъ. Онъ глубоко ощущалъ отсутствіе подобныхъ учреждений въ мѣстности, гдѣ поселился, и призналъ, что хотя его положеніе, какъ животнаго, несравненно лучше, чѣмъ на роднѣ, но недостатокъ въ средствахъ образованія и въ сочувственномъ товариществѣ заставляетъ его колебаться и онъ не рѣшается избрать Америку своимъ отечествомъ». Не объ одномъ хлѣбѣ будетъ живъ человѣкъ. Стремленіе къ образованію проникло и въ сословіе, считающееся наиболѣе консервативнымъ,—земледѣльческое. Нѣкоторые шотландскіе земледѣльцы лѣтомъ пахутъ землю, зимой же слушаютъ университетскіе курсы. Время чтенія курсовъ, основанныхъ шотландскими университетами, не совпадаетъ съ на-

часть земледельческих работ; курсы английских читаются в марте и апреле—пору начала работ.

Слабая сторона движения, это—недостаток в опытных лекторах. Нет недостатка в молодых и талантливых силах, готовых и жить делом; но для успеха его нужна опытность и необходимы лекторы преподававшие несколько лет, хотя бы по одному на серию курсов. Для них лекторов плата, назначаемая местными центрами, 30 ф. стерлингов в предмет, очень недостаточна; в эти годы человек составил себе прочное положение, иногда обзавелся семьей и ожидать, чтобы он, из вида к просвещению провинции, взялся за роль разъезжающего лектора было бы маниловщиной. Города назначают вообще максимум платы, которую могут дать; но она считается очень недостаточной и в наиболее богатых городах. Плата за умственный труд, впрочем—за иные отрасли его, очень высока в Англии. Лекторы, найдя более выгодные и интересные занятия, оставляют дело University Extension Movement и оттого неизбежна частая смена лекторов, которая невыгодно отзывается на слушателях, особенно на слушателях последовательных курсов, т. е. курсов аффилированных студентов.

В будущем можно ожидать такого расширения курсов, которое обеспечит курсы. Рабочие союзы и ассоциации, как рассчитывает Моульте, должны в будущем настолько прочно поставить дело в своих центрах, что найдутся средства для содержания постоянных лекторов. Рабочие союзы не только доставляют учащихся, но тратят свои средства на другие цели: ассоциации в числе своих целей поставили образование и некоторые из них вносили на устройство местных курсов по 1,000 ф. стерлингов в год, посылающие сыновей в колледжи и университеты, заинтересованы так сильно в University Extension Movement, как и для которых движение это — источник научного образования. Некоторые влиятельные лица в провинции играют роль меценатов движения, председательствуют в местных обществах и делают пожертвования. В многочисленных центрах всегда найдется более или менее крупный и влиятельный человек, интересующийся наукою, и он дает слушателей на отдельные курсы. Среднее сословие, — как-то: торговцы, фабриканты, — поддерживает курсы не только ради научного интереса, но и потому, что для каждого англичанина, если он только человек практический, это — «step in life» (подняться в жизни). В борьбе за существование практическому человеку все более и более приходится убеждаться, насколько нужна наука. О живом участии женщин в устройстве и поддержке курсов было сказано выше. У University Extension Movement все шансы на прочное и блестящее развитие.

В настоящее время оно переживает критический период. Моульте находит, что университеты, если не хотят выпустить из своих рук дело национального образования, должны придти на помощь местным центрам. Университетам принадлежит роль миссионеров науки, и если о

поняться отъ нея, то народныя массы будутъ искать знанія помимо раз-
 никовъ науки. Религіозныя и политическія партіи захватятъ въ свои
 публичныя курсы и цѣль университетовъ—направлять народное обра-
 ваніе въ либеральныхъ идеалахъ—будетъ подорвана. За университетомъ
 слуга—иниціатива общеобразовательнаго движенія; совѣты его разрабо-
 ни планъ сѣти мѣстныхъ центровъ, которая можетъ покрыть всю Вели-
 британію; имъ остается довершить свое дѣло, давъ курсамъ постоянный
 ставъ преподавателей. Въ настоящемъ кризисѣ, переживаемомъ дѣломъ,
 статочно, по мнѣнію Моультона, десяти человекъ, которые самоотвер-
 нно взяли бы за дѣло, несмотря на недостаточное вознагражденіе, и
 работали бы цѣлую жизнь. Каждый изъ нихъ сталъ бы во главѣ како-
 нибудь мѣстнаго центра и, направляя курсы, всѣ вмѣстѣ дружною ра-
 той придали бы University Extension Movement стройность и силу захва-
 ть въ свой кругъ все современное поколѣніе. Разъ эта цѣль будетъ до-
 стигнута, найдутся и средства для прочнаго обезпеченія курсовъ: ни одно
 мезное дѣло не погибло еще въ Англии за недостаткомъ средствъ. Вы-
 кая культура общества и вѣковыя привычки самодѣятельности не допус-
 ютъ оставить безъ поддержки дѣло цивилизаціи. Англійское общество
 росло до сознанія, что лучшее средство для сохраненія порядка и мирна-
 развитія, это — образованіе, очеловѣчивающее массы, и что политика
 ртанцевъ, выкалывавшихъ глаза илотаамъ для того, чтобы они лучше
 рѣли жернова, — политика, несущая гибель: слѣпой илотъ, котораго
 ржать въ состояніи животнаго, опасенъ. Исторія показала поучитель-
 не примѣры того, какъ бываютъ страшны невѣжественныя массы.

М. Цебрикова.

Уголовное правосудіе и адвокатура во Франціи во второй половинѣ XVIII вѣка.

Основнымъ матеріаломъ предлагаемыхъ очерковъ послужило собраніе знаменитыхъ уголовныхъ и гражданскихъ процессовъ за періодъ временъ 1773—1790 гг.: *Causes célèbres curieuses et interessantes de toutes les Cours Souveraines du royaume avec les jugemens, qui les ont décidées* въ 112 томахъ, а также извлеченія изъ *Journal des causes célèbres*, составленныя г. Дезэссаромъ, «адвокатомъ и членомъ многихъ академій», въ 1786 г., подъ заглавіемъ *Choix de nouvelles causes célèbres*. Оба изданія составляютъ отчасти и переработку еще болѣе ранняго сборника Гайо и Питаваля подъ однороднымъ заглавіемъ и выпускались періодически каждыя два мѣсяца.

Всѣ эти изданія представляютъ собою собраніе лишь тѣхъ «знаменитыхъ дѣлъ», которыя *могутъ интересовать или особенностью своихъ обстоятельствъ, или природою разрѣшенныхъ ими вопросовъ, или значеніемъ началъ и преній, подготовившихъ ихъ рѣшеніе.* «То будутъ факты, — продолжаетъ предисловіе, — совершившіеся въ наши дни, прошедшіе передъ нашими глазами, еще наполняющіе собою память нашу, — факты къ которымъ можно возвращаться не разъ, такъ какъ они представляютъ истину. А истина всегда правится, всегда оставляетъ продолжительныя впечатлѣнія. Романы не удовлетворяютъ серьезнаго читателя; при всемъ обаяніи своей фантасіи, они не дадутъ ему чего-либо реальнаго. Между тѣмъ судъ представляетъ какъ бы сцену, на которой людскія страсти, послѣ безчисленныхъ темныхъ изворотовъ, безчисленныхъ таинственныхъ маскировокъ, разоблачаются, наконецъ, чтобы здѣсь завершая свою роль, все принять кару закона за свои уклоненія. Сборникъ подобныхъ фактовъ будетъ разнообразною картиною нашей гражданственности, нашихъ нравовъ и того поколѣнія, среди котораго мы живемъ, а при такихъ условіяхъ можетъ до извѣстной степени сдѣлаться и достояніемъ нашей исторіи. Однако, задачу свою мы сочтемъ исполненною только на половину, если предложимъ досужему читателю одно лишь развлеченіе занимательными разсказами; мы хотимъ заинтересовать и юристовъ, давъ имъ полезное и соот-

вѣтственное важности ихъ профессіи чтеніе. Мы постараемся выяснять истинную суть процесса и мотивы, руководившіе судьями, чтобы доставить и юнымъ ученикамъ судебного дѣла наслажденіе ознакомиться съ образцами краснорѣчія и съ мудростью дебатовъ, которые, послѣ мимолетнаго удивленія столицы, слишкомъ скоро позабываются провинціями, гдѣ эти ученики начинаютъ свою дѣятельность».

Ознакомившись съ означенными изданіями, составители которыхъ такъ широко поставили свою задачу, нельзя не признать, что она исполнена ими съ вѣскимъ, выдающимся совершенствомъ и, дѣйствительно, представляетъ собою «разнообразную картину гражданственности, нравовъ и поколѣнія эпохи», которая сама по себѣ и въ свою очередь изобилуетъ поучительными бытовыми особенностями: борьба свободы съ абсолютизмомъ, оживающихъ формъ съ новыми идеями, права писаннаго съ «правомъ человѣческимъ»,—все это съ наибольшою рельефностью отражалось въ судебной процедурѣ, концентрируясь въ ея фокусѣ и разсвѣчая ее крайне своеобразнымъ колоритомъ. Въ то время, когда дѣйствующій законъ допускалъ пытку, каралъ смертью заурядныя преступленія, когда своевольничали королевскія «lettres de cachet», когда бѣшеная роскошь, необузданный развратъ и казнокрадство царствовали вокругъ, когда Ваалъ и Маммонъ собирали отовсюду обильныя жертвы, — судебное сословіе стойко держалось нравственныхъ началъ. Оно шло дальше, предвозвѣщая грядущее царство иныхъ идей, поднятыхъ и поставленныхъ пока теоретически высшими умственными силами и лучшими избранныками страны. Проводникомъ просвѣтительныхъ идей вѣка являлась адвокатура—и въ томъ ея великая заслуга. Законъ хранилъ еще въ себѣ множество отпечатковъ феодализма, мистицизма, беспощадной суровости вообще, а съ адвокатской трибуны уже раздавалось смѣлое, убѣжденное слово въ защиту права, человѣчности и добра. Подъ ея неотразимыми ударами склонялись объективно-холодные судьи, склонялся нерѣдко устарѣвшій, но еще обязательный законъ; когда же это послѣднее оказывалось явно невозможнымъ, адвокатура не складывала своего оружія и въ этомъ случаѣ переносила дѣло выше, прибѣгала къ «монаршему милосердію»; стойко, открыто, но въ выраженіяхъ, устранявшихъ возможность вредныхъ *въ судебномъ* послѣдствій, она указывала въ рѣчахъ и въ жалобахъ на варварство закона, на его несоотвѣтствіе съ духомъ времени, съ нравственными требованіями и, если проигрывала *дѣло*, то защищала *право*, являясь провозвѣстницею лучшихъ идей. Дѣйствуя такимъ образомъ, тогдашняя адвокатура оживляла и питала, такъ сказать, дѣло отправления правосудія, вносила въ него «душу живу», направляла его и, рядомъ со всѣмъ этимъ, путемъ оглашенія талантливейшихъ рѣчей въ «курьезныхъ процессахъ», популяризировала свою судебную пропаганду.

Такимъ образомъ, сборники выдающихся уголовныхъ дѣлъ за 17-ти лѣтній періодъ любопытнѣйшей переходной эпохи культурнаго развитія страны, когда энергія въ сокрушеніи отжившихъ общественныхъ институтовъ, шла гигантскими шагами рука объ руку съ беззавѣтною вѣрой въ лучшіе

идеалы, развертываютъ передъ нами протокольно-достоверную картину взаимныхъ общественныхъ отношеній, страстей, характеровъ, нравовъ и воззрѣній эпохи, сквозь которыя золотою нитью изъ года въ годъ проходитъ передъ внимательнымъ читателемъ исконное стремленіе человѣка впередъ, къ свѣту, къ правдѣ и милости, — той «правдѣ и милости», которыя съ 1864 г. призваны были «царствовать» и въ нашихъ судахъ, реформированныхъ новыми судебными уставами.

Вотъ почему и въ наши дни, когда съ ученыхъ кафедръ слышатся голоса, вызывающіе къ системѣ благоустройства, допускающіе осужденіе невиновныхъ, «дабы другимъ неповадно было», и измѣряющіе человѣческое достоинство получаемыми окладами, когда публицистика съ изумительнымъ упрямствомъ преслѣдуетъ нашу молодую адвокатуру и отрещивается отъ началъ, положенныхъ въ основаніе судебной реформы, когда смиренно-озлобленное глумленіе надъ наукой и интеллигенціей безжалостно стремится вырвать даже надежду на лучшее будущее, — въ такіе дни будетъ далеко не лишнимъ оглянуться на красную весну прошедшаго, на «дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой», и хотя на нихъ, хотя немного отдохнуть душой.

I.

Установивъ общую точку зрѣнія, съ которой нижеслѣдующее изложеніе можетъ получить наибольшій, присущій ему, интересъ и которая служила намъ критеріумомъ въ выборѣ изъ богатаго архива «знаменитыхъ дѣлъ» наиболѣе характерныхъ образцовъ, мы познакоимъ читателя съ основными чертами тогдашняго судоустройства и законодательства, безъ чего многія детали могутъ остаться не вполне ясными. Мы дѣлаемъ это теперь же, чтобы не возвращаться къ тому въ подстрочныхъ комментаріяхъ, которые почти всегда пестрятъ текстъ и отвлекаютъ вниманіе.

Отправленіе правосудія въ ту отдаленную эпоху было обставлено съ этой стороны самыми неблагоприятными условіями: не говоря уже о полномъ соціальномъ разложеніи среды, въ которой приходилось ему дѣйствовать, судоустройство носило на себѣ слѣды первобытной и, кромѣ того, хаотической организаціи; систематическаго кодекса вовсе не существовало; суды руководились въ рѣшеніяхъ своихъ беспорядочнымъ, разбросаннымъ, чрезвычайно исключительнымъ по мѣстностямъ законодательнымъ матеріаломъ, составленнымъ изъ особыхъ кодексовъ — римскаго права, обычнаго права, гражданскаго и уголовнаго уложенія Людовика XIV и свод. Мишо, изданнаго во времена Ришельё, высочайшихъ повелѣній, регламентовъ высшихъ судебныхъ учреждений, частныхъ приказовъ (arrêts), парламентскихъ рѣшеній, капитуловъ, грамотъ и т. п. Нерѣдко въ судебныхъ приговорахъ цитировались творенія св. отцовъ, папскія буллы, положенія римскаго права или современные кодексы другихъ государствъ. Вслѣдствіе всего этого задача юриста представлялась чрезвычайно сложною, а дѣла его — очень

рискованными; то и дѣло приходилось распутывать казуистическія хитро-сплетенія, рыться въ источникахъ, искусно ихъ комбинировать и справляться съ противорѣчіями. Но не бываетъ худа безъ добра: юридическая мысль зрѣла и развивалась въ этой тяжелой работѣ, а спасительнымъ компасомъ въ ея странствіяхъ служили классическія творенія юристовъ-философовъ. Адвокатура и въ этомъ кропотливомъ, усидчивомъ трудѣ была на высотѣ своего призванія: «Мнѣ нечего вамъ доказывать, господа, — говорилъ адвокатъ Тронсонъ дю-Кудре въ дѣлѣ Тибо, — что общественныя учрежденія формируются и направляются необходимою сосредоточенія слабыхъ силъ для отпора сильнѣйшимъ посягательствамъ и обузданія ихъ законами; точно также нечего мнѣ доказывать, что для увеличившихся въ обществѣ пороковъ и страстей потребовалось и увеличеніе въ той же мѣрѣ и законовъ, ихъ сдерживающихъ. Еще того менѣе предстоитъ мнѣ надобность доказывать, что законодательство осложнилось теперь до такой степени, что представляетъ часто безвыходный лабиринтъ, въ которомъ съ трудомъ можетъ разобратся человѣкъ самый опытный въ этомъ дѣлѣ. Потребовалось вслѣдствіе этого создать въ центрѣ общества особое сословіе людей, занимающихся изученіемъ законовъ, углубленіемъ въ смыслъ ихъ и пользованіемъ ими на благо гражданина, прибѣгающаго подъ ихъ защиту отъ нападений того, кто нарушаетъ ихъ. Я принадлежу къ этому сословію законниковъ (légistes), которые ежегодно собираются здѣсь, чтобы передъ вами дать клятву въ усердной и безпристрастной защитѣ всякаго невиннаго, слабого или несчастнаго существа, которое потребуеть нашего вѣщательства».

Высшею судебною инстанціей являлся учрежденный Людовикомъ XIV государственныи совѣтъ, но онъ вѣдалъ лишь дѣла особо-важныя: низшую составляли три разряда судовъ: tribunal du prévôt, tribunal du châtelain и tribunal du maire; изъ нихъ дѣла переносились къ судѣ (bailli), каковымъ оказывался иногда «sénéchal», или въ особое присутствіе, называвшееся «siège présidial»; апелляціи разсматривались четырнадцатю высшими судами, надъ которыми стояли парламенты — парижскій и областные. Парламенты подраздѣлялись на три камеры: большую, подъ предѣдательствомъ перваго президента, въ составѣ девяти президентовъ, двадцати пяти свѣтскихъ и двѣнадцати духовныхъ совѣтниковъ, трехъ генераль-адвокатовъ и генераль-прокурора; въ остальныхъ камерахъ, слѣдственной и ревизіонной, было въ вѣждой по три отдѣленія съ тремя президентами и двадцатю двумя совѣтниками; изъ нихъ пять младшихъ президентовъ съ двѣнадцатью совѣтниками большой камеры и четырьмя слѣдственной образовали уголовный трибуналъ, иногда называемый «la tournelle». Подробности этой организаціи мѣнялись смотря по обстоятельствамъ. Лучшею характеристикой отношеній парламентовъ къ королевской власти можетъ служить дѣло герцога Эгильонскаго, которому покровительствовала Лудовикъ XV и противъ котораго, несмотря на то, генераль-прокуроры, парижскій и руанскій, возбудили преслѣдованія; раздраженный король пытался силою уничтожить процедуру, но

парламентъ объявилъ такое распоряженіе нарушающимъ королевскую присягу, присвокупивъ, что, «рискуя немилостью государя, онъ, все-таки, останется вѣрнымъ голосу правды». Тогда король распустилъ оба парламента и назначилъ новыхъ членовъ; но такое мѣропріятіе встрѣтило общій протестъ; принцы крови, пэры и всѣ остальные парламента королевства отказались признать въ новыхъ членахъ «защитниковъ народа и стражей закона». Конфликтъ разрѣшился смертью короля; Людовикъ XVI, рѣшившій управлять согласно желаніямъ страны, успѣшилъ отмѣнить всѣ эти распоряженія своего предшественника.

II.

Таково было судоустройство, таковы были законы. Казалось бы, и обусловливаемое такимъ образомъ судопроизводство должно было бы слѣдовать тому же пути. Однако, на дѣлѣ оказывается совершенно обратное, — и только потому, что судьи дѣйствовали «подъ влияніемъ общественнаго мнѣнія», въ свою очередь направляемаго могуществомъ тогдашней прессы. Каждый изъ разсматриваемыхъ ниже процессовъ представляетъ тому неопровержимыя доказательства; а насколько успѣло уже развиться самосознаніе судей, насколько выработалась въ этихъ законодательныхъ «лабиринтахъ» юридическая мысль и насколько усвоились судами свобода и непогрѣшимость концепціи, — видно изъ приложеннаго къ *Сборнику знаменитыхъ дѣлъ* особаго указателя разрѣшенныхъ судьями и трибуналами юридическихъ вопросовъ и поставленныхъ сторонами тезисовъ или принципиальныхъ опредѣленій. Къ сожалѣнію, указатель этотъ составленъ только за четыре года (1773 — 1776), но и того совершенно достаточно, чтобы получить полное понятіе о свойствѣ и направленіи судейской и адвокатской дѣятельности какъ въ данную эпоху, такъ и въ послѣдующее за нею время, болѣе къ намъ близкое и потому въ этомъ отношеніи менѣе интересное; во всякомъ случаѣ, онъ отлично характеризуетъ общее направленіе тогдашней практической юриспруденціи.

Вотъ на выдержку нѣсколько сгруппированныхъ нами по категоріямъ подобныхъ опредѣленій съ мотивами, гдѣ это окажется нужнымъ, взятыми изъ постановленій суда, или рѣчей сторонъ, насколько послѣднія входили факторами рѣшенія.

«Съ точки зрѣнія закона и разума, говорятъ намъ, свидѣтели суть обвинители. Но съ точки зрѣнія разума эти двѣ функціи различны, а съ точки зрѣнія закона — несомвѣстны: обвинитель, полагаясь на свои познанія, увѣренность или опрометчивость, обличаетъ преступленіе другою добровольно и лично; свидѣтель повелѣніями правосудія показываетъ о томъ, что видѣлъ или слышалъ, и никогда не отвѣтственъ за ложное показаніе, если самъ вѣритъ въ его справедливость. Подозрѣніе, основанное на свидѣтельскихъ показаніяхъ, не признается клеветою; равнымъ образомъ, оправданіе обвиняемаго не дѣлаетъ доносителя клеветникомъ. Самъ обвини-

емый можетъ быть признанъ обвинителемъ не прежде обнаруженія собственной невиновности. Не всякій доносъ вызываетъ дѣятельность лицъ прокурорскаго надзора; послѣдніа обязаны въ этомъ случаѣ дѣйствовать съ мудрою осмотрительностью, взвѣшивать факты, оцѣнивать улики, удостовѣряться въ положеніи и качествахъ заявителя и быть всегда готовыми назвать его оправданному обвиняемому. Никто не обязанъ доносить о преступленіи; виновные могутъ пользоваться даже убѣжищемъ безнаказанно для давшихъ оное, если только не обвиняются въ государственномъ преступленіи: лучше спасти преступника, чѣмъ загубить невиннаго. Прокурорскій надзоръ—органъ публичнаго мщенія (*vengeance publique*); въ этомъ качествѣ онъ возбуждаетъ преслѣдованіе, не выжидая доноса, по преступлениямъ, имѣющимъ общественный интересъ. Личная месть и пристрастіе унижаютъ чиновъ прокурорскаго надзора въ глазахъ закона и дискредитируютъ ихъ передъ обществомъ, а потому въ подобныхъ случаяхъ они, въ качествѣ частныхъ лицъ, отвѣтственны «въ проторяхъ и убыткахъ» передъ обвиняемымъ. Судебная ошибка влечетъ тѣ же послѣдствія и для судей. Законъ не дозволяетъ предполагать преступность, пока остаются еще средства обнаружить невинность. Онъ караетъ *преступленія*, но не *слабости*. Прокурорскій надзоръ, котораго не знали римляне, — вѣрная защита слабымъ, прочная охрана правамъ, учрежденіе, снискавшее уваженіе и любовь своею дѣятельностью; женщины въ особенности должны цѣнить всѣ блага его, дающія имъ возможность довѣрять высшимъ представителямъ правосудія и стражамъ общественного порядка свое домашнее, щекотливое, семейное горе; чины надзора, беря на себя обвиненіе, щадятъ тѣмъ ихъ чувство стыдливости, устраняютъ возможность предполагать интриги, сплетни или злословіе въ инкриминированныхъ отношеніяхъ между супругами и предлагаютъ ихъ суду уже очищенными отъ подобныхъ подозрѣній. Лицамъ прокурорскаго надзора никогда не можетъ быть отказываемо въ принятіи апелляціи.

Таковы границы, въ которыхъ судебная практика нормировала функціи публичнаго и частнаго обвиненія. Принятія при этомъ воззрѣнія сдѣлали бы честь и нашему времени, когда «защита слабымъ» въ большинствѣ, и въ громадномъ большинствѣ случаевъ, и не по количеству только, а «по качеству», предоставлена ихъ собственной инициативѣ, когда публичный обвинитель, обязательно охраняя имущество, а не личность отыскивающего правосудіе, ведетъ обвиненіе за кражу курицы и благодушно покидаетъ залу засѣданія, разъ оно посвящено разсмотрѣнію жалобы искалѣченной женщины, беззащитнаго ребенка или разоблаченію цѣлаго семейнаго ада: всѣ эти ужасы замкнуты предѣлами «частнаго обвиненія».

Переходимъ теперь къ категоріи тезисовъ, охраняющихъ интересы личности обвиняемаго. И въ нихъ нашъ уставъ, нашъ слѣдователь, въ особенности, найдутъ не мало новаго и полезнаго.

«Никогда *обвиняемый* не долженъ разсматриваться какъ *виновный*. Косвенныя улики могутъ вліять на осужденіе, но никогда сами по себѣ не

должны рѣшать его. Наши законодатели установили священные принципы, охраняющіе жизнь и свободу человѣка; императоръ Карлъ Великій въ одномъ изъ своихъ капитуловъ говоритъ объ этомъ такъ: «Да ни одинъ судья не обвинитъ кого бы то ни было, не бывъ убѣжденъ въ правотѣ своего суда; да никогда не рѣшитъ о жизни человѣческой на основаніи предположеній; да усмотритъ прежде ясныя доказательства и да осудитъ потомъ; не обвиняемый, а изобличенный можетъ признаваться виновнымъ. Нѣтъ ничего опаснѣе, ничего несправедливѣе смѣлости судить по однимъ соображеніямъ; всѣ подобныя дѣла, въ которыхъ доказательствами служатъ косвенныя улики, должны быть предоставлены суду Всевышняго». При отсутствіи *corpus delicti* обвиняемый не можетъ быть взятъ подъ стражу. Пока не приговоренъ, онъ предполагается невиннымъ. Ему должно вѣрить, пока не доказана лживость его оправданій. Въ случаѣ сомнѣнія, онъ долженъ быть отпущенъ. Противорѣчія или недостатки извѣстной предусмотрительности въ его объясненіяхъ или поведеніи должны служить указаніемъ его невинности. Все — противъ него, пока идетъ слѣдствіе; все — за него, когда оно кончено. Умершій до осужденія признается *integri status*, хотя бы умеръ послѣ обвинительнаго, но обжалованнаго приговора, еще не провѣреннаго апелляціонною инстанціей. Обвиненіе въ прелюбодѣяніи вчинается только мужемъ, который вправѣ простить и по возбужденіи преслѣдованія. Вынужденное признаніе или исторгнутое пыткой, если не согласуется съ доказанными процессомъ фактами, не составляетъ никакого доказательства. Не могутъ составлять таковаго: народная молва, умозрительныя соображенія и свидѣтельскія показанія до разъясненія ихъ очною ставкой (*confrontation*). Соображенія, основывающіяся на вѣроятностяхъ, на заявленіяхъ неосторожныхъ или плохо комбинированныхъ, не образуютъ базиса, на которомъ правосудіе можетъ провозгласить осужденіе обвиняемаго, оно не руководится предположеніями; послѣднія указываютъ ему лишь путь, который можетъ вести къ увѣренности; пока ея нѣтъ, правосудіе не колеблетъ своихъ вѣсовъ и наноситъ ударъ тогда лишь, когда полное убѣжденіе наклонитъ ихъ въ сторону, противоположную невинности. Врачи и хирурги также не должны допускать соображеній въ своихъ экспертизахъ. Чѣмъ важнѣе преступленіе, тѣмъ несомнѣннѣе должны быть доказательства. Волю, а не событія слѣдуетъ имѣть въ виду, обсуждая проступокъ. Всякому извѣстно, что секретари склонны излагать показанія свидѣтелей и обвиняемыхъ своимъ собственнымъ слогомъ и, полагая, что послѣдніе не выражаются достаточно точно и ясно, довольствуются утвержденіемъ допрашиваемаго, что записанное показаніе *точно тому, что онъ хотѣлъ сказать*; кто не пойметъ, однако, всѣхъ неудобствъ столь печальнаго обычая? Однимъ оборотомъ фразы очень легко исказить смыслъ дѣлаго показанія или отвѣта; несчастный крестьянинъ, неспособный замѣтить разницы между сказаннымъ и записаннымъ и объясняющій ее лишь бѣлымъ изяществомъ слога, одобряетъ запись, которая, отличаясь, по мнѣнію редактора, такими же качествами, такъ часто несоответ-

ствуешь истинѣ. Заключение экспертовъ не должны оставлять чего-либо невыясненнымъ для судейскаго разумѣнія; съ особенною осмотрительностью долженъ относиться судья къ экспертизѣ почерка въ дѣлахъ о подлогѣ. Вообще между экспертизой и свидѣтельскимъ показаніемъ существуетъ коренное различіе: первая основывается на искусствѣ чисто-умозрительнаго характера, тогда какъ второе достигаетъ увѣренности, касаясь самаго факта преступленія, обуславливается не мнѣніемъ, а знаніемъ, физически приобрѣтеннымъ путемъ слуха или зрѣнія; поэтому, не довольствуясь письменнымъ заключеніемъ эксперта, судъ долженъ допросить его въ томъ же порядкѣ, какъ и свидѣтеля. Человѣкъ не золъ по природѣ своей; слѣдовательно, каждый, осмѣливающійся предполагать его преступнымъ раньше доказательства его вины, оскорбляетъ тѣмъ природу человѣческую. Двусмысленность улики толкуется въ пользу обвиняемаго. Не всегда сознаніе невинности можетъ поддерживать бодрость въ обвиняемомъ. Побѣгъ еще не служитъ указаніемъ виновности. Обвиняемому должны предъявляться все протоколы. Судебные акты должны получать наибольшую гласность: правосудіе не можетъ быть врагомъ гражданъ; оно является покровителемъ ихъ; каковы бы ни были мнѣнія наши, все мы дѣти его; оно блюдетъ и охраняетъ насъ, не играетъ нашею судьбой, а защищаетъ ее; не отнимаетъ правъ нашихъ, а мститъ за нихъ; не скрываетъ во мракѣ свои приговоры, угрожающіе нашей чести, а восстанавливаетъ ее; приписывать правосудію инны намѣренія—значитъ не признавать его, клеветать на него!»

Этими выписками далеко не исчерпывается весь юридическій матеріалъ, выработанный судебною практикой въ дѣлахъ огражденія личности обвиняемаго, оцѣнки и систематизаціи доказательствъ. Мы по необходимости опускаемъ массу руководящихъ правилъ, направленныхъ къ тому, чтобы судья могъ легче и безошибочнѣе разобраться въ разнообразномъ арсеналѣ обвинителя; многія изъ нихъ поражаютъ глубиною своего анализа и практичностью выводовъ.

Что касается функций самого суда, то и въ этомъ отношеніи практика не осталась безъ разработки руководящихъ указаній. Приведемъ наиболѣе интересныя. «Нравственность и законы—это двѣ сестры, изъ которыхъ каждая должна покровительствовать другой; отъ ихъ союза зависитъ общественное благо. Наши дѣйствующіе кодексы—законы Дракона, а не просвѣщенной и гуманной націи, они несомнѣнно страшны добродѣтельнѣйшему изъ людей; у насъ обвиняемый не имѣетъ защитника при слѣдствіи; у римлянъ мы заимствовали мелочи и не воспользовались великими гуманными принципами, ради которыхъ законодательство ихъ пережило имперію. Нація наша спитъ среди самыхъ вопіющихъ злоупотребленій; установился жестокий обычай считать правымъ то, что дозволяетъ неправый законъ. Но придетъ время, и оно уже недалеко, когда падетъ позорное различіе между закономъ и нравственностью».

Заклучимъ эти выписки нѣсколькими сентенціями по вопросамъ преступности въ области правъ семейственныхъ и брачныхъ,—области, какъ

это уже мы разъ видѣли, далеко не закрытой тогда для судебнаго вмѣшательства—не ради цензуры нравовъ, а ради помощи угнетаемому.

Въ этой щекошливой сферѣ замѣтно въ мотивахъ, предлагаемыхъ сторонами и руководящихъ судебными приговорами, несравненно болѣе колебаний, противорѣчій, иногда страстности, что, впрочемъ, и естественно: суровыя постановленія римскаго права, съ безпощадною логикой разработавшія институтъ родительской власти, еще болѣе прямолинейная нетерпимость права каноническаго, не допускавшаго по преобладавшему тогда толкованію ни развода (*divorce*), ни разлученія (*séparation*), причеиъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ верховномъ совѣтѣ на 25 свѣтскихъ членовъ приходилось 12 духовныхъ (*conseillers ecclésiastiques*), рядомъ съ «новыми вѣяніями», съ нравами эпохи, съ блестящею аргументаціей защиты, и здѣсь ратовавшей за права челоуѣка, за «слабаго» противъ «сильнаго», за «высшую справедливость»,—все это неизбежно должно было смущать судейскую совѣсть, колебать судейское рѣшеніе и, *en masse*, лишать его стойкости и единства. Поэтому мы остановимся въ данномъ случаѣ на тѣхъ только тезисахъ и мотивахъ, которые были подсказаны прогрессирующимъ юридическимъ сознаніемъ и, вслѣдствіе того, сохраняютъ живой интересъ въ задачѣ нашихъ очерковъ.

«Власть родительская дарована для попеченія, а не для погибели. Не ради ея одной отецъ обладаетъ такимъ сокровищемъ, а ради сына, ради его интересовъ онъ руководитъ имъ; эта власть не знаетъ ни тщеславія, ни деспотизма, и *магнество отца* не болѣе, какъ *право сына* имѣть стража въ дѣтствѣ, совѣтника въ молодости, утѣшителя въ страданіяхъ, опору, покровителя и друга во всю жизнь свою. Въ этомъ—истинный смыслъ этой священной власти, не похожей ни на какую иную, *сильной только любовью и мѣстъ съ нею разрушающейся*» (въ этихъ немногихъ выраженіяхъ, дышащихъ высочайшею истиной, адвокатъ Тарже охарактеризовалъ всю *природу и происхождение* отеческой власти въ процессѣ Алльо, выигранномъ имъ во всѣхъ инстанціяхъ). «*Pater et filius sunt una et eadem persona*», поэтому римское право не допускаетъ жалобы дѣтей на отца, не понимаетъ даже ея возможности; наше обычное право совершенно разрушило этотъ авторитетъ: интересы сына и отца болѣе не тождественны, оба они могутъ спорить о своихъ взаимныхъ правахъ, какъ бы и чужіе. Родители не имѣютъ никакихъ правъ на личность или имущество совершеннолѣтняго, не состоящаго подъ опекой. Законъ о правѣ на наслѣдство дѣтей послѣ родителей—законъ «*non scripta, sed nata*»; природа начертала его въ каждомъ родительскомъ сердцѣ и не позволяетъ ему безнаказаннаго нарушенія». Ограничивая такимъ образомъ права родителей, судъ необыкновенно строго относился къ ихъ обязанностямъ по отношенію къ дѣтямъ: наприиѣръ, нѣкто Лебрень былъ обвиненъ въ качествѣ сообщника маркиза Мирбеля, приговореннаго къ обезглавленію за похищеніе дочери Лебрена, 18—19-ти лѣтней дѣвицы; преслѣдованіе отца возбуждено было прокурорскимъ надзоромъ; обвиняемому вмѣнялось въ вину допущеніе час-

ныхъ визитовъ похитителя и принятіе отъ него подарковъ; судъ, не взирая на то, что жалоба о похищеніи дочери была принесена самими родителями, приговорилъ нерадиваго отца къ штрафу въ пользу мѣсть заключенія и къ уплатѣ 20,000 ливровъ на воспитаніе и содержаніе его незаконныхъ внуговъ.

Съ такою же ревностью охранялись судомъ и интересы незаконно-рожденныхъ дѣтей. Судебная практика отличала въ этомъ отношеніи двѣ категоріи: дѣти, рожденные отъ свободныхъ, не состоящихъ въ бракѣ родителей (*bâtards*), и дѣти, незаконно прижитыя женатымъ или замужнею (*adulterins*). Первые разсматривались какъ «продуктъ хотя и преступной любви, но представляющей обыкновенное послѣдствіе несовершенства природы человѣческой»; вторыя признавались «существомъ чудовищнымъ, рожденнымъ преступленіемъ, наказуемымъ всѣми народами, разрушающимъ семейный миръ и общественное спокойствіе». Тѣмъ не менѣе, однако, тѣмъ и другимъ присуждалось «право на продовольствіе», а иногда и на приданое отъ ихъ родителей. Бракъ безусловно узаконялъ дѣтей, прижитыхъ до его заключенія.

Въ сборникахъ, откуда мы извлекаемъ эти тезисы, допускавшіяся практикою уголовныя причины разлученія супруговъ до того разнообразны въ разныхъ судебныхъ приговорахъ, то отвергавшихъ, то допускавшихъ одинъ тотъ же поводъ (что, главнымъ образомъ, зависѣло отъ ловкости защиты), что систематическія о существѣ ихъ свѣдѣнія мы беремъ изъ другаго изданія, въ которомъ также пользовались справками,—изданія не менѣе любопытнаго, въ 12 томахъ *in folio*, подъ заглавіемъ: *Code de l'humanité ou la législation universelle, naturelle, civile et politique, composé par une société de gens de lettres, revu et mis en ordre alphabétique par M. de Felice*. 1778 г. Въ этомъ «кодексѣ» причины разлученія сгруппированы такъ: 1) «Жестокое и дурное обращеніе; но то и другое должно быть значительно (*considérable*); ни обиды, ни угрозы не составляютъ достаточнаго повода; къ особамъ высшаго класса судьи должны относиться съ большею пощадой, такъ какъ для нихъ обиды столь же чувствительны, какъ дурное обращеніе для людей обыкновенныхъ. 2) Покушеніе мужа на жизнь жены, если онъ изблίζεται въ этомъ. 3) Распутство мужа, если оно угрожаетъ опасностью женѣ. 4) Обвиненіе мужемъ жены въ прелюбдѣяннн или въ иныхъ тяжкихъ нарушеніяхъ чести, если, притомъ, онъ страдаетъ отъ этого. 5) Безуміе или бѣшенство мужа, если угрожаютъ опасностью жизни жены, и 6) сильная ненависть, питаемая мужемъ къ женою». Въ одномъ изъ приговоровъ мы встрѣчаемъ слѣдующій курьезный мотивъ: «если преступленія, въ которыхъ жена, добываясь разлученія, обвиняетъ мужа, доказаны,—разлученіе слѣдуетъ присудить; если эти обвиненія ложны, мужъ долженъ быть разлученъ съ своею клеветницей». «Дѣла по искамъ о разлученіи супруговъ представляютъ общественный интересъ; такой интересъ охраняется прокурорскимъ надзоромъ; слѣдовательно, ему принадлежитъ неотъемлемое право предъявлять свои заключенія и протесты,

въ принятіи которыхъ никогда не должно быть судомъ отказываемо. Опасенія, что удовлетвореніе подобныхъ исковъ окажется оскорбительнымъ для тайнства брака или взбунтуетъ женщинъ, въ наше время, когда семейное благополучіе такъ рѣдко,—опасенія восбражаемы: наоборотъ, поощряя развратъ мужей, суды нанесутъ прискорбный ударъ общественной чести».

Заключимъ настоящее обозрѣніе усвоенныхъ сто лѣтъ тому назадъ практикою французскаго уголовного судопроизводства принциповъ выдержку изъ рѣчи защитника по дѣлу Монбальи, въ которой онъ, между прочимъ, обратился къ судьямъ съ слѣдующими словами: «Высока, прекрасна и страшна обязанность судить людей. Но, чтобы никогда не смѣшать виноватаго съ правымъ, необходимо, быть можетъ, обладать мудростью свыше-человѣческою. Если бы движенія сердца раскрывались передъ глазами судей или если бы преступленіе оставляло на челѣ преступника какой-либо знакъ, чтобы распознать его наличность, тогда съ меньшимъ ужасомъ можно было бы согласиться принять на себя честь карать преступленіе и охранять невинность; но истина не всегда является передъ взывающими къ ней судьями,—имъ часто приходится открывать ее въ потѣ лица, такъ сказать. Нельзя не простить имъ, поэтому, если иногда послѣ утомительныхъ поисковъ въ потемкахъ, которыя окружаютъ ихъ, они хватаютъ невиннаго, чтобы не упустить виноватаго. Каждый разъ, какъ совершено преступленіе, судья, сознающій опасности своего призванія, долженъ трепетать: онъ съ ужасомъ помнитъ роковыя ошибки, жертвою которыхъ гибнетъ невинность; онъ помнитъ, какъ людей, на основаніи однихъ предположеній, отрывали отъ ихъ семьи, чтобы цѣлые года томить въ заточеніи, помнитъ, какъ другіе, еще болѣе жалкіе, на эшафотахъ искупляли бѣдствія челоуѣческой слабости. Такія роковыя заблужденія—достояніе всѣхъ странъ; не найдется, быть можетъ, націи, судьи которой могли бы похвалиться тѣмъ, что ни разу не засудили невиннаго. Нѣкогда въ Венеціи задержали одного хлѣбопека; онъ стоялъ около зарѣзаннаго челоуѣка; ножъ застрялъ въ трупѣ несчастнаго, а ножны, какъ бы нарочно сдѣланныя для этого ножа, оказались въ карманѣ хлѣбопека. Онъ былъ тотчасъ же арестованъ, приговоренъ и повѣшенъ. Потомъ обнаружилась его невинность. Это несчастіе дало мѣсто трогательному обычаю, который нѣсколько вѣковъ соблюдался въ Венеціи и который слѣдовало бы сохранять и до сихъ поръ: какъ только судьи готовились произнести смертный приговоръ, одинъ изъ приставовъ возглашалъ имъ: «Recordate vi del rovero fognao, —вспомните бѣднаго хлѣбопека!...»

Намъ не предстоить болѣе надобности ни выписывать дальнѣйшіе тезисы, ни свабжать ихъ дальнѣйшими комментаріями: они «говорятъ сами за себя» своимъ сильнымъ, сжатымъ, какъ бы выкованнымъ изъ блестящей стали языкомъ, многое, къ сожалѣнію, утратившимъ въ переводѣ; они открываютъ предъ нами величественныя и широкія перспективы благороднѣйшихъ мотивовъ, возвышеннѣйшихъ идеаловъ, изъ мрака къ свѣту путеводившихъ французское правосудіе минувшаго вѣка и до нашихъ дней».

сохранившихъ весь блескъ свой, все обаяніе своей бодрой и чарующей свѣжести. Общественный и этический элементы преобладаютъ въ судебной процедурѣ, не освободившейся еще изъ оковъ «драконоvsкаго кодекса», изъ сѣтей запутаннѣйшаго процессуализма; новыя начала торжествуютъ все чаще и чаще, далеко гонять прочь мертвую казуистику и сухое буквовѣдство, раздвигая замкнутость и холодную обособленность судовъ; они живутъ за одно съ обществомъ, волнуются его страданіями, пекутся о благѣ его, стремятся къ его лучшимъ идеаламъ, беззавѣтно вѣрятъ въ нихъ и мало-по-малу сливаются съ нимъ въ единый, живой организмъ. Возможное водвореніе правды и милости на землѣ, возможно-широкое развитіе правъ личности, усовершенствованіе законодательства, смягченіе нравовъ, обличеніе зла, гдѣ бы и въ чемъ бы оно ни проявлялось,—вотъ задачи, которыя ставятъ себѣ судъ, за которыя ратуетъ побѣдоносная защита и которыя ведутъ страну къ безусловной гласности, къ институту присяжныхъ и къ тому высокому положенію въ обществѣ и государствѣ, какимъ до сихъ поръ пользуется и гордится французская адвокатура. Таково общее, преобладающее впечатлѣніе. Имѣются, конечно, исключенія: изрѣдка то тамъ, то здѣсь выглядываютъ еще изъ мрака вѣговъ пытка, колесованіе, четвертованіе и другіе ужасы, но рѣдко проходятъ въ высшей инстанціи, — это уже не болѣе, какъ мертвецы, возставшіе изъ гробовъ, какъ тяжелый кошмаръ передъ утреннимъ пробужденіемъ...»

Приступая затѣмъ къ передачѣ существа «знаменитыхъ дѣлъ», общее значеніе которыхъ для юридической современности достаточно, полагаемъ, исчерпано въ предъидущемъ изложеніи, намъ остается пожелать, чтобы прикѣпкъ французскихъ юристовъ XVIII вѣка, потрудившихся надъ составленіемъ трехъ послѣдовательныхъ сборниковъ и указателя къ нимъ, нашелъ себѣ подражателей и у насъ. Суды наши обязаны уставомъ вести періодическіе указатели разрѣшенныхъ ихъ опредѣленіями юридическихъ вопросовъ; извѣстно, какъ не соблюдается эта обязанность, но несомнѣнно, все-таки, что въ большинствѣ нашихъ судебныхъ мѣстъ такіе указатели ведутся. Періодически собирать всѣ такія опредѣленія, объединять тезисы, отмѣчать разнорѣчія было бы дѣломъ не особенно труднымъ въ настоящемъ и чрезвычайно полезнымъ въ будущемъ. Конечно, не тѣ люди, не то время: ни той свободы въ интерпретаціи закона, ни того прямого и бьющаго въ глаза вліянія на совершенствованіе и развитіе его требовать теперь нельзя; но несомнѣнно, все-таки, одно: судебная практика, вердикты присяжныхъ, выдающіяся рѣчи сторонъ и напутствія предсѣдателя оказываютъ и *всегда будутъ оказывать* вліяніе на пробѣлы и несовершенства законодательства; а насколько поучительно можетъ оказаться искусная интерпретація смысла и разума законовъ, хотя бы по отношенію къ фактическому руководству, мы всѣ имѣли случай недавно убѣдиться изъ сборника А. О. Кони. Кромѣ этого сборника, мы имѣемъ въ переводѣ г. Шмазова рѣчи современныхъ *французскихъ* адвокатовъ; наши собственные «знаменитыя дѣла», рѣчи *нашей* адвокатуры разбросаны по разнымъ газе-

тамъ, отчасти прочтены, а того болѣе позабыты — вотъ и все, чѣмъ можетъ или, вѣрнѣе, *не можетъ* воспользоваться читатель, пожелавшій ознакомиться съ предметомъ такъ широко, удобно и наглядно, какъ это оказывается возможнымъ по отношенію къ французскому правосудію конца прошедшаго столѣтія.

III.

Не малую долю въ разсмотрѣнныхъ судами и занесенныхъ въ лѣтописи «causes célèbres» громкихъ процессахъ составляютъ бракоразводныя дѣла, дѣла по преступленіямъ противъ женской чести, въ которыхъ нерѣдко фигурируютъ въ качествѣ обвиняемыхъ и духовныя особы, дѣла по жалобамъ сожительницъ, ихъ незаконнорожденныхъ дѣтей и т. п. Передъ читателемъ проходятъ цѣлыя фаланги маркизовъ, привлеченныхъ за похищенія или оболщенія довѣрчивыхъ дѣвицъ, пестрыя вереницы пылкихъ графинь, отыскивающихъ въ судахъ средство избавиться отъ своихъ еще до брака оплошавшихъ супруговъ; аббаты, перебывающіе другъ у друга молоденькихъ горничныхъ. Судьямъ приходится устраивать судьбу потомства, происшедшаго отъ аббесы и судіагона и комбинировать физиологическія детали, приводимыя дамами высшаго круга съ поразительною развязностью... При всей скабрѣзности поставляемаго такимъ порядкомъ матеріала, судоговореніе отличалось, однако, крайнею сдержанностью; пикантныя детали излагались не иначе, какъ по латыни, «дабы не шокировать прекрасный поль, въ этомъ языкѣ плохо компетентный», въ рѣчахъ сторонъ — ни пошлаго сарказма, ни дешеваго остроумія, какъ бы ни благопріятствовала тому трактуемая тема; сюжеты самаго игриваго свойства обрабатывались дебатами съ пуританскою серьезностью; французы передъ судебнымъ трибуналомъ забывали національныя свойства своего веселаго ума.

Въ своихъ очеркахъ мы не коснемся процессовъ этой категоріи, ограничившись изложенною общею ихъ характеристикою: при неизбѣжныхъ выпускахъ они многое потеряютъ изъ юридической сути своей и, кромѣ того, представляя временное явленіе эпохи, они не заключаютъ въ себѣ ни задатковъ историческаго значенія, ни особеннаго интереса для русской современности.

Съ другой стороны, чтобы отклонить всякій упрекъ въ какой-либо тенденціи, въ желаніи «показать товаръ лицомъ», мы не обойдемъ дѣлъ, имѣющихъ отрицательное значеніе, разоблачающихъ судебныя ошибки, грубые промахи или недостатки юридической концепціи. Замѣтимъ только, что эти ошибки, промахи и недочеты болѣею частью, какъ это и увидимъ ниже, своевременно поправлялись, благодаря адвокатской инициативѣ, высшими инстанціями, и что, затѣмъ, онѣ являютъ исключеніемъ, ни мало не колеблющимъ общаго вывода о свойствахъ, направленіи и цѣляхъ тогдашней французской юстиціи, на которыя было указано выше. Мы не опустимъ этихъ темныхъ пятенъ на общемъ свѣтломъ фонѣ, следуя при-

мѣру почтеннаго составителя одного изъ сборниковъ, который, самъ принадлежа къ сословію адвокатуры, не побоялся, однако, дать добросовѣстный, безпристрастный и обстоятельный отчетъ и о тѣхъ дѣлахъ, гдѣ собраты его являлись обвиняемыми въ «позорящихъ корпоративную честь» проступкахъ,—опять—таки представляя прискорбное, но неизбѣжное въ дѣлахъ человѣческихъ исключеніе, въ данномъ случаѣ безслѣдно исчезающее въ ряду величайшихъ заслугъ, оказанныхъ сословіемъ французскому правосудию, законодательству и общественной нравственности, послѣдней — по преимуществу.

I.

Крестьяне, приговоренные къ четвертованію за драку, признанную первою инстанціей суда преднамереннымъ убійствомъ на большой дорогѣ.

Событія, давшія поводъ къ этому процессу, крайне просты. Ужасный приговоръ, завершившій его, къ счастью, не былъ исполненъ, такъ какъ Совѣтъ уничтожилъ все производство и направилъ дѣло къ подлежащему суду. Безопасность большихъ дорогъ (замѣчаетъ редакторъ настоящаго отчета, Дезэссаръ) требуетъ, конечно, чтобы нарушители ея были строго наказываемы; но не слѣдуетъ смѣшивать ссору или драку между крестьянами сосѣднихъ приходоу съ убійствомъ и грабежомъ на большой дорогѣ. Однако, подобное смѣшеніе послужило основаніемъ къ протесту Трусселя, адвоката при Совѣтѣ и защитника обвиняемыхъ, изображающаго дѣло въ слѣдующемъ видѣ.

29 іюня 1783 г. нѣсколько парней изъ деревни Гамбсгеймъ въ Эльзасѣ, отстоящей въ полумилѣ отъ Оффендорфа, собрались съ цѣлью поплясать въ кабакѣ Іосифа Гуммеля, расположенномъ въ той же деревнѣ; съ ними былъ и Фридрихъ Броннъ, почтальонъ мѣстной почты; подошло еще нѣсколько ребятъ изъ Оффендорфа, чтобы повеселиться вмѣстѣ. Броннъ съ товарищами стали издѣваться надъ оффендорфскими ребятами, слегка поколотили ихъ, и тѣ, оказавшись въ меньшинствѣ, благоразумно удалились. Но общинныя пререканія не скоро забываются. Черезъ годъ въ тотъ же день оффендорфцы собрались въ казенномъ кабакѣ своей деревни. Туда же пожаловалъ и почтальонъ Броннъ съ двумя скрипачами изъ сосѣднихъ селъ, снова началъ свои издѣвательства, компанія успѣла уже подвыпить и около 10 часовъ вечера была удалена кабацкикомъ. Броннъ съ своими музыкантами и лакеемъ Куномъ направился по дорогѣ изъ Оффендорфа въ Гамбсгеймъ; четверо оффендорфцевъ послѣдовали за ними и скоро настигли ихъ; завязалась ссора, перешла въ драку; Бронна поколотили и спихнули въ ручей; ни у кого не было ни ножей, ни какого-нибудь рѣжущаго орудія; компанія удалилась, а одинъ изъ сообщниковъ, не принимавшій участія въ дракѣ, Гроссъ, остался и видѣлъ, какъ Броннъ, поднявшись на ноги, ушелъ въ Оффендорфъ, гдѣ и ночевалъ въ кабакѣ. Надо было полагать, что дѣло тѣмъ и покончится. Однако, мѣстный ко-

ролевскій прокуроръ, извѣстясь о «событіи», возбудилъ преслѣдованіе у мѣстнаго *prévôt général de la maréchaussée*, пребывающаго въ Страсбургѣ, который, рассмотрѣвъ дѣло, нашель, что четверо обвиняемыхъ «достаточно изболчуются въ томъ, что съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ, ночью, на королевскомъ шоссе изъ Оффендорфа въ Гамбсгеймъ, поджидали вышереченнаго Фридриха Бронна, напали на него, избии палками и, полагая его убитымъ, стащили въ рѣку Нейбахъ, похитивъ при этомъ кошелекъ, серебряныя запонки, шляпу и башмаки, а потому и подлежатъ отсѣченію заживо (*à etre rompus vifs*) рукъ, ногъ, икръ и бедръ на эшафотѣ, для сего возведенномъ на городскомъ плацу, и возложенію засимъ на колесо, лицомъ къ небу, дабы такимъ образомъ повончить дни свои; по исполненіи сего, тѣла ихъ должны быть отнесены чрезъ палача на мѣсто совершенія преступленія». Остальные сообщники, между ними и свидѣтель Гроссъ, за попустительство присуждены къ денежнымъ штрафамъ и возмѣщенію судебныхъ издержекъ.

«Не трудно замѣтить, — говорилъ защитникъ обвиненныхъ, — сколько кассационныхъ поводовъ представляетъ этотъ приговоръ. Уже одна редація его (*exposé des condamnations*) достаточна, чтобы убѣдиться, какъ онъ неправиленъ, внутренне противорѣчивъ и противенъ повелѣніямъ закона». Дѣйствительно, это *exposé des condamnations* до того живописно, что отъ одного чтенія морозъ подираетъ по кожѣ. Чтобы надлежащимъ образомъ понять и оцѣнить суть этого живописанія и этихъ «*méprises*» (!), надо знать, что такое былъ «*prévôt général de la maréchaussée*», ихъ авторъ. *Code de l'humanité* (стр. 336, т. XI) такъ опредѣляетъ функцію этого судебного чина: «Il y a des *prévôts royaux* et des *prévôts seigneuriaux*»; представителями послѣднихъ назначаются лица изъ крупнопомѣстнаго дворянства. *Prévôt général* — военный офицеръ, охраняющій общественный порядокъ и тишину; онъ учрежденъ «чтобы обходить дозоромъ мѣстность» (*pour battre la campagne*) съ подчиненною ему командой и рѣшать дѣла о бродягахъ, людяхъ безъ опредѣленныхъ занятій и мѣстожительства, а въ извѣстныхъ случаяхъ вѣдать и маловажные уголовные проступки». Слѣдовательно, этотъ судебный чинъ, обломокъ феодализма и вотчинной полиціи, нѣчто среднее между начальникомъ внутренней стражи и нашимъ дореформеннымъ земскимъ исправникомъ, избираемымъ дворянами.

Низшіе органы административной власти, во всякія времена и во всякихъ странахъ, разъ они облакаются, хотя бы въ самадѣйшей дозѣ, судебною юрисдикціей въ своихъ *prévôts seigneuriaux*, всегда склонны поднимать тревогу изъ-за всякаго пустяка, принимать проселочную дорогу за проѣзжій трактъ, драгу — за предумышленное убійство, обывателя — за бродягу и приговаривать простодушныхъ ребятъ «*à etre rompus vifs et avoir la face tournée vers le ciel*». И благо еще тѣмъ, кому удастся, подобно оффендорфскимъ парнямъ, разыскать толковаго адвоката и угодить въ подлежащій трибуналъ, чтобы во-время осадить не по разуму усердствующую судебно-полицейскую прыть.

Но возвратимся къ дальнѣйшей судьбѣ злосчастнаго процесса. Доказавъ всю нелѣпость приговора и некомпетентность суда, защитникъ обвиняемыхъ продолжалъ: «Очень далеко отъ обыкновенной потасовки до предумышленнаго убійства, а между дѣяніемъ и наказаніемъ должно быть точное соотвѣтствіе: это—одинъ изъ несокрушимѣйшихъ принциповъ криминалистики; въ дѣлѣ имѣется показаніе Бронна, данное передъ мѣстнымъ нотариусомъ и имъ засвидѣтельствованное, удостовѣряющее, что онъ не получилъ никакой опасной раны въ завязавшей между нимъ и обвиняемыми дракѣ, что онъ не потерялъ ни своей шляпы, ни запонокъ, ни какихъ-либо другихъ вещей, и что онъ крайне сокрушенъ исходомъ процесса, такъ какъ никто изъ ребятъ не покушался на его жизнь. Другимъ удостовѣреніемъ, даннымъ передъ тѣмъ же нотариусомъ (вѣроятно, потому, что воинствующій гревотъ «не принималъ никакихъ рѣчей»), доказано, что гамбургскій «присяжный хирургъ» не нашелъ у Бронна ни ранъ, ни вывиховъ, а констатировалъ лишь одни мелкія поврежденія. Нѣтъ, затѣмъ, въ дѣлѣ и признаковъ грабежа на большой дорогѣ или предумышленнаго убійства; не вѣтъ, наконецъ, несомнѣнно и то, что обвиняемыхъ нельзя считать бродягами, такъ какъ даже въ самомъ приговорѣ они значатся мѣстными жителями. Все производство, поэтому, подлежитъ кассации, какъ страдающее френнымъ и существеннѣйшимъ недостаткомъ всякой процедуры—некомпетентностью судьи».

Защита Трусселя возымѣла должный успѣхъ: приговоромъ, состоявшимся въ докладу начальника ревизионной (апелляціонной) камеры, Совѣтъ уничтожилъ все производство и направилъ дѣло къ оффендорфскому судѣ (bailli).

И такъ, ужасная «ошибка» страсбургскаго гревотъ, такъ лихо квалифировавшаго дѣяніе, была исправлена *только адвокатомъ*, избавившимъ оффендорфскихъ юношей отъ лютой казни.

II.

Дѣло поселянъ Юрской Горы (Mont Jura).

Труднѣе оказывалось положеніе адвокатуры, когда ей приходилось отстаивать интересы тѣхъ же простодушныхъ поселянъ, но уже не противъ едличнаго, хотя и браваго гревотъ, а противъ цѣлой духовной конгрегаціи. Сильное въ то время вліяніе духовенства, принимавшаго непосредственное участіе въ рѣшеніяхъ высшихъ судебныхъ установленій, и «*durа lex*», торый весь былъ на его сторонѣ, разъ дѣло шло объ имущественныхъ ягахъ духовной корпораціи, являлись преградою самымъ отважнымъ мытцамъ, самой блестящей аргументаціи.

Всѣ тогдашнія повременныя изданія говорили объ этомъ знаменитомъ дѣлѣ, рассмотрѣнномъ въ государственномъ совѣтѣ; участіе, которое пришло въ этомъ дѣлѣ Вольтеръ, еще болѣе усиливало общій интересъ. Судья могъ не уступить обычному праву и законамъ, специально установленнымъ для нѣкоторыхъ провинцій королевства и, между прочимъ, предоста-

вившимъ монастырю св. Клавдія крѣпостныя права и привилегіи надъ телями Юрской Горы. Проигравъ дѣло объ отысканіи свободы въ безсоставномъ парламентѣ, они перенесли его въ государственный совѣтъ, прѣдъ столь же безуспѣшно промежуточныя инстанціи.

Обстоятельства этого вопіющаго дѣла краснорѣчиво изложены въ докладной запискѣ защитника юрскихъ поселянъ, адвоката при государственомъ совѣтѣ. Изъ этой записки мы и замствуемъ нижеслѣдующія свѣдѣнія, стараясь, по возможности, придерживаться дословнаго текста, но опуская подробности.

«Обыватели и общины Лоншамуа, д'Ореверъ, де-Ламуйль, де-Морбье, д'Бельеронтенъ, де-Руссъ и дю-Буа д'Амонъ, расположенныя въ вотчинѣ и настыря св. Клавдія въ графствѣ Бургундскомъ, всеподаннѣйше представляютъ вашему величеству, что они вынуждены еще разъ повергнуть на благосмотрѣніе ваше безправную картину удручающаго ихъ рабства. Жалобныя стоны ихъ уже восходили однажды до Совѣта вашего величества. От тронули сердце покойнаго короля, его правосудіе готово было протянуть руку помощи и дать надежду возвыситься до положенія другихъ, бѣдѣ счастливыхъ подданныхъ его и, какъ и они, пользоваться благами свободы. Но эта столь законная надежда разрушена приговоромъ беззастѣсливаго парламента, который повергъ просителей всѣмъ ужасамъ ненавистнаго рабства.

«Насиліе и страхъ создали первыхъ рабовъ. Лишь воздѣвая рабское ярмо на себя и потомство свое, побѣжденный отвратилъ мечъ, занесенный на голову его; лишь этою цѣной слабѣйшій купилъ дни свои у насилія и бѣдителя. Колыбель рабства надо искать въ тѣхъ временахъ смуты и anarchii, когда безсиліе верховной власти обезпечивало безнаказанность феодаловъ-грабителей, которые въ борьбѣ другъ съ другомъ опустошали провинціи, отнимая одинъ отъ другаго окровавленные клочки ихъ,—въ тѣхъ вѣварскихъ вѣкахъ, когда, окутанная мракомъ невѣжества, религія должна была созерцать, какъ обманутый народъ, не замѣчая ея священной хору въ ужасѣ становился подлѣ знамени суевѣрія.

«Тутъ видимъ мы семьи, оторванныя отъ очаговъ своихъ и водвореныя вокругъ логовища разбойника, который держитъ ихъ тамъ прикованными барщинѣ, чтобы пользоваться плодами пота и крови ихъ. Тамъ раскинуты передъ нами цѣлыя области, уничтоженныя огнемъ и мечомъ, обитатели которыхъ сохраняютъ жизнь свою, лишь подчиняясь позорному рабству. Эти или крестьяне, идущіе къ тирану, чтобы цѣною свободы купить у него щипоту отъ другаго, или жертвы суевѣрія, отдающія и свободу, и имуще въ руки жадности, прикрывшейся почтеннымъ монашескимъ облаченіемъ.

«Прошли эти вѣка волненій и невѣжества, но плачевныя послѣдствія грабежа и суевѣрія продолжаютъ существовать. Возстановленная и освобожденная провинція отъ гнета опустошавшихъ ихъ тирановъ, свѣточъ лигіи разсѣялъ мракъ ночи, покрывавшій царство ея... а рабство, рожденное насиліемъ, страхомъ и суевѣріемъ, сдѣлалось законнымъ правомъ!»

«Можетъ ли законъ, разбивающій цѣпи рабства для каждаго иностранца, счастьемъ привлеченнаго во Францію, охранять своимъ авторитетомъ вѣчное закабаленіе цѣлыхъ поколѣній туземныхъ землепашцевъ? Но просителямъ нечего бояться этого закона, безпощадность котораго смѣетъ бороться съ естественнымъ правомъ: не противъ него взываютъ они, а противъ злоупотребленія имъ,—противъ злоупотребленія властью монаховъ, противъ насилій, воспользовавшихся слабостью просителей, противъ обмановъ, эксплуатировавшихъ ихъ невѣжество, противъ множества попытокъ, которыя, въ концѣ-концовъ, похитили у просителей свободу, обезпеченную договоромъ между ними и предшественниками теперешнихъ владѣльцевъ.

«Законъ различаетъ три вида кабалы: личную, имущественную и смѣшанную. Эта послѣдняя тяготеетъ надъ просителями; въ ней смыкаются цѣпи двухъ другихъ» (здѣсь мы опускаемъ пространныя цитаты защитника изъ общаго свода, мѣстныхъ законоположеній и договоровъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія между собственникомъ земли и его крѣпостными, съ цѣлью выяснитъ исключительно-бѣдственное положеніе своихъ кліентовъ, и переходимъ къ исторической части записки).

«Учрежденіе аббатства св. Клавдія теряется во мракѣ вѣковъ. Первые монахи, вѣрные своему призванію, дѣлили время между трудомъ и молитвами. Уединенные отъ людей, они далеки были отъ мысли закабалить ихъ себѣ. Чтобы убѣдиться, насколько потомки ихъ успѣли позабыть суровыя предписанія своего чина, достаточно бросить взглядъ на далекое прошлое Юрской Горы.

«Неблагопріятная почва, скалистыя горы, лѣса, ихъ покрывавшіе,—вотъ что встрѣтили первые поселенцы. Разработка страны доставляла имъ скудныя средства; однако, ихъ усилія показали, что и природу можно заставить сдѣлаться производительною въ самыхъ глухихъ ея захолустяхъ и заселить пустыню, способную по условіямъ своимъ служить убѣжищемъ лишь для хищныхъ звѣрей. Обширною территоріей, покрытой лѣсами, утесами и ландами, не владѣлъ никто; бургундцы пренебрегли ея раздѣломъ. «Юрскія горы, — говоритъ Дюно въ своей исторіи Бургундіи, — болѣе скалистыя, болѣе возвышенныя и болѣе холодныя, нежели иныя наслѣдія бургундцевъ, считались за ничто; онѣ, попрежнему, служили убѣжищемъ лишь звѣрямъ, выгоняемымъ съ низовья»; онѣ прибавляетъ, что вмѣстѣ съ ними въ этихъ дремучихъ лѣсахъ укрывались добродѣтель и свобода: набожныя отшельники искали въ нихъ мира и забвенія; скоро явились и иныя пришельцы и заняли никому не принадлежащія земли. Земли эти хартією 1126 года объявлены были свободными.

«И такъ, эта горная цѣпь не имѣла собственниковъ, кромѣ тѣхъ, кому ее первое занятіе дало право на то. Но монахи, уже избалованные приношеніями, не захотѣли раздѣлить право это съ владѣльцами, пріобрѣтшими его своими трудами. Воспользовавшись беспорядками, разрушившими послѣднее Бургундское королевство въ XIII в., они присвоили себѣ *Ию Юрскихъ горъ* (такъ до сихъ поръ называется часть хребта у рѣки Орбъ);

«Иго» это представляло нѣсколько поселеній, разсѣянныхъ по тѣмъ печальнымъ мѣстамъ; нетрудно было подчинить ихъ; затѣмъ въ 1268 г., заодно съ же-графомъ бургундскимъ, самозванцемъ Іоанномъ, монахи завладѣли всею территоріей до рѣки Орбъ. Впослѣдствіи, при герцогахъ бургундскихъ, возстановившихъ свою власть, монахамъ уже трудно было оформить свой захватъ, и они прибѣгли къ средству, которое и удалось: въ типши монастырскихъ стѣнъ они сфабриковали нѣсколько документовъ, выдали ихъ за законные, недостававшіе имъ, акты. Подлогъ былъ до того очевиденъ, что само аббатство, въ виду предъявленныхъ просителями доказательствъ, не рѣшилось защищать эти документы при разбирательствѣ дѣла въ Безансонѣ. Столь же неуспѣшно оказалась эта попытка и ранѣе, когда мѣстный парламентъ, устраняя подложные акты, призналъ спорныя земли состоящими въ границахъ графства. Монахи тщетно обжаловали этотъ приговоръ герцогу Филиппу, который ограничился выдачей имъ льготныхъ записей на отправление правосудія и на регалии «во вниманіе, какъ значится въ нихъ, особеннаго благоговѣнія, питаемаго нами къ славнымъ останкамъ св. Клавдія, покоящагося въ церкви аббатства». Поощренныя такимъ «вниманіемъ», монахи въ 1684 году заявили претензію на пять общинъ съ 12,000 населеніемъ, образовавъ эту громадную вотчину путемъ послѣдовательныхъ мѣропріятій изъ ничтожнаго клочка земли, производившаго въ XIV вѣкѣ по куску сыра въ недѣлю и дававшего 15 фл. дохода; притязанія свои они простерли, кромѣ того, еще и на два селенія, расположенныя на землѣ, проданной аббатствомъ въ 1390 году безъ права на кабалу, и, несмотря на то, закабаленыя ими теперь. Не трудно понять, что монахи оказались достаточно ловкими, чтобы оформить всѣ эти притязанія и нечувствительнымъ образомъ склонить несчастныхъ жителей Юрской Горы подъ ярмо, которое давить ихъ теперь.

«Естественное стремленіе сбросить это ненавистное ярмо заставило ихъ доискаться его основанія, и вотъ, вмѣсто подтвержденія своей кабалы, они открыли въ древнихъ хартіяхъ доказательства своей свободы и своихъ вольностей. Съ цѣлью избавиться отъ медленности и значительныхъ издержекъ, неразлучныхъ съ процессомъ, просители прибѣгли къ высшему авторитету короля, ходатайствуя о милости, на дарованіе которой имъ была подана и надежда.

«Напрасно испуганное аббатство завопило о бунтѣ, напрасно напрягало всѣ усилія съ цѣлью убѣдить, что освобожденіе юрскихъ горцевъ поколеблетъ законы. Отеческая доброта и справедливость его величества усмотрѣли въ ходатайствѣ просителей лишь обращеніе къ праву естественному, — праву, которое всего дороже человѣчеству. Аббатство, которому ходатайство это было предъявлено, попытавшись оспорить доводы просителей, потребовало передачи дѣла въ *мѣстный* трибуналь. Это требованіе отчасти получило исполненіе, но Совѣтъ, съ цѣлью предотвратить «недоразумѣнія», счелъ нужнымъ констатировать положеніе вопроса: его опредѣленіе заключаетъ въ себѣ повелительное требованіе рѣшить споръ столько же на ос-

нованіи предъявленныхъ просителями *документовъ*, сколько и на доводахъ въ пользу монастырскаго *владѣнія*. Слѣдовательно, Совѣтъ, признавая за доказательствами просителей документальное значеніе, усматривалъ въ доводахъ противной стороны лишь домогательства по актамъ владѣннымъ или частнымъ, неспособнымъ колебать основанія иска о правѣ на свободу, — иска, который, какъ это и оговорено въ упомянутомъ опредѣленіи Совѣта, долженъ быть разрѣшенъ согласно грамотамъ и хартіямъ, указаннымъ просителями, и домогательствамъ монастыря, поскольку послѣдніи имъ не противорѣчатъ.

«Разбирательство дѣла дало въ руки просителей новый неожиданный аргументъ.

«Между документами, представленными аббатствомъ, былъ одинъ отъ 27 февраля 1541 г., объявленный поселянами подложнымъ. Было наряжено слѣдствіе; оказалось, что слово «другіе» писано не тѣми чернилами, не тою рукой, какъ остальной текстъ документа, и, очевидно, написано по выскобленному. Аббатство запросили, желаетъ ли оно воспользоваться опроверженнымъ актомъ (точь-въ-точь какъ и въ нашемъ современномъ производствѣ по спору о подлогѣ въ актахъ). Аббатство объявило, что не желаетъ настаивать на словѣ «другіе», но не беретъ назадъ остальнаго текста. Между тѣмъ, и этотъ текстъ, какъ было обнаружено изслѣдованіемъ: 1) не соответствовалъ слогу, которымъ обыкновенно писались акты 1541 года, 2) не заключалъ въ себѣ ни имени, ни жительства нотариуса, его засвидѣтельствовавшего, 3) былъ написанъ на пергаментѣ бѣлѣе, тоньше и глянцевиѣе употреблявшагося въ ту эпоху, и 4) нотариуса съ фамиліей Saint-Mец тогда и въ той мѣстности вовсе не существовало. По такому изслѣдованіи аббатство представило дубликатъ того же акта, съ формальной стороны безупречный. Производство о подлогѣ было приобщено къ дѣлу и, не взирая на то, что аббатство должно было признать подмѣну акта и приписку въ немъ по выскобленному слова «другіе», безансонскій парламентъ, разрѣшая процессъ, отклонилъ заявленіе о подлогѣ и приговорилъ просителей къ штрафу въ 300 ливровъ (опять какъ въ современномъ нашемъ производствѣ).

«Между тѣмъ, защита указывала на то, что Совѣтъ, обращая дѣло въ мѣстный трибуналъ, признавалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, невозможнымъ придавать какое-либо значеніе владѣннымъ записямъ, несогласнымъ съ хартіями поселянъ, она указывала на общіе и частные законы, отмѣнившіе рабство во Франци, на то, что если такое еще существуетъ въ Франшъ-Бонте, то не въ видѣ общаго, а лишь исключительнаго права; она ссылалась и на историка аббатства Фавернэ, который въ книгѣ своей пишетъ: «Во времена дны, когда безпорядки и право сильнаго водворили рабство, оно не проникло въ пустыни и лѣса Юрскихъ горъ; свобода укрылась въ нихъ и была какъ бы погребена тамъ». Равнымъ образомъ и хартіи 1350, 1364 и 1384 гг. указываютъ, что почва и климатъ мѣстности поддавались только свободному земледѣлію; неимовѣрный трудъ былъ не въ расчетѣ крѣпост-

ныхъ, собственность которыхъ такъ шатка, а работа такъ непроеводительна. Наконецъ, въ архивахъ самого аббатства хранится множество подобныхъ же свидѣтельствъ (слѣдуетъ переченъ разысканныхъ тамъ документовъ).

«И, несмотря на все это, парламентъ Безансона *приворнулъ* (vient de condamner) просителей со всемъ ихъ нисходящимъ потомствомъ къ ужасамъ самаго суроваго рабства, самаго унижительнаго, самаго плачевнаго и для культуры, и для народонаселенія. Кто же, однако, тѣ, ради которыхъ принесена эта страшная жертва? Это наследники бѣдныхъ отшельниковъ, благочестіе которыхъ уходило искать въ дремучихъ лѣсахъ Юрской Горы покоя и уединенія, чтобы тамъ молитвѣ посвятить трудовые дни свои. Благочестіе это, скромность и профессиональная нищета возбудили милосердіе сосѣдей. Приношенія, возростая болѣе и болѣе, совратили монаховъ; алчность и гордыня смѣнили собою прежнія доблести; обширныя земли безъ помѣщика раззадорили аппетитъ; смуты и безпорядки того времени помогли удовлетворить его. Первобытные обитатели этихъ пустынь, прежде спорившіе за убѣжище только съ медвѣдами, не могли ни предвидѣть, ни предотвратить опасности, которая поджидала ихъ. Между тѣмъ, крохотный скитъ вскорѣ возводится въ пріорство, получаетъ право суда и доходовъ и мало-помалу разрастается въ огромную вотчину, захватившую земли пяти деревень.

«Вотъ *грамота*, на которой монахи послѣ многократныхъ безуспѣшныхъ попытокъ основываютъ предполагаемое крѣпостное право свое, а противъ нихъ крестьяне возражаютъ хартіями 1350, 1364, 1384 и 1390 гг., образующими несокрушимыя доказательства ихъ вольности, устрояющими не только правомѣрность покушеній на ихъ свободу, но и закономѣрность актовъ, вырванныхъ у невѣжества, страха или нужды.

«Осѣнивъ себя этою грамотой, просители дерзаютъ взывать къ правосудію его величества. Если бы безансонскій парламентъ подчинился указанію совѣта, предрѣшавшему споръ, они уже проникли бы въ счастливыя поля свободы, исчезли бы рубцы на ихъ челѣ и язвы на рукахъ — слѣды ярма и кандаловъ, и, благословляя монарха, Богомъ даннаго имъ господина, они уже наслаждались бы упованіемъ оживить измученную страну и призвать въ нее то изобиліе, которому страхъ рабства и неволи мѣшаютъ пока. И это упованіе не погасло еще въ сердцахъ ихъ: они чувствуютъ, какъ возростаетъ оно по мѣрѣ приближенія къ престолу, на которомъ царствуютъ правда, благо и милость».

Рѣшеніемъ государственнаго совѣта 23 декабря 1777 г. утвержденъ приговоръ безансонскаго парламента, а кассационная просьба поселянъ Юрской Горы оставлена безъ послѣдствій въ виду: 1) особаго муниципальнаго закона провинціи и 2) факта давностнаго владѣнія.

Такъ неожиданно завершившійся процессъ представляетъ, помимо интереса по существу, примѣръ образцоваго знакомства защиты со «*сѣтми* обстоятельствами дѣла» и такую же ихъ разработку въ запискѣ. Мы утомили вниманіе читателя передачей этой записки, но да вспомнить онъ, что въ своемъ изложеніи мы значительно сократили ее противъ редакціи *Causes*

célebres, которая въ свою очередь еще больше сократила ее противъ текста подлинника (что и оговорено въ началѣ отчета), опустивъ даты, ссылки, выписки и т. п. «скучныя подробности», т.-е. то именно, что составило кропотливѣйшій трудъ адвоката; да вспомнить читатель и то, что этотъ адвокатъ, адресуясь въ высшее учрежденіе съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, непременно стремился ко всевозможной краткости, излагая лишь конечные выводы своихъ безконечныхъ изысканій,—пусть вспомнить все это «благоклонный читатель», и тогда онъ пойметъ, мыслимъ ли въ данномъ случаѣ упрекъ, такъ часто обращаемый къ нашей адвокатурѣ,—упрекъ, повторенный еще такъ недавно *изъ самаго непосредственнаго источника* и отчасти обусловившій нашу систему изложенія разсмотрѣннаго процесса: по «знаменательному», сказалъ бы фаталистъ, стеченію обстоятельствъ, въ то самое время, когда въ старинномъ книгохранилищѣ, съ полокъ котораго смотрѣли Дидро, Даламберъ, Вольтеръ, Руссо, Корнель и вся современная вѣку плеяда «*des belles lettres*» и «*des beaux esprits*», мы упивались отчетомъ по дѣлу «*Mont Jura*», принесли почту, а съ нею и № 145 *Русскихъ Вѣдомостей* отъ 28 мая, гдѣ Одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей передаетъ свои «впечатлѣнія» послѣ законченной гдѣ-то сессіи,—откровеніе, крайне у насъ рѣдкое и крайне, разумѣется, любопытное; присяжный засѣдатель пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Защитникъ—молодой человекъ, только что соскочившій съ университетской скамьи. Тутъ ли не ждать *юрячаго, искренняго отношенія къ дѣлу, къ человеку, къ интересу подсудимаго, къ присяжнымъ*, наконецъ? И что же? Очень часто защитникъ вникаетъ въ дѣло менѣе присяжныхъ, специально къ тому неподготовленныхъ, *не знаетъ его*, не знаетъ подсудимаго. Съ послѣднимъ онъ не говорилъ, или же говорилъ за пять минутъ до засѣданія, дѣла не читалъ, о чемъ спрашивать свидѣтелей—не знаетъ и, вслѣдствіе всего этого, *очень часто не обращаетъ вниманія на такія, заключающіяся въ дѣлѣ, стороны или обстоятельства, которыя имѣютъ существенное значеніе* и которыя присяжные засѣдатели отмѣчаютъ сами. Какое значеніе можетъ имѣть такая защита для дѣла, какое впечатлѣніе она можетъ производить на присяжныхъ засѣдателей—объ этомъ ужъ говорить не приходится... А, между тѣмъ, ознакомившись съ обстоятельствами дѣла, защитникъ приобрѣлъ бы нѣкоторое знаніе среды, столь необходимое для гражданина и юриста; такой защитникъ и присяжнымъ сьумѣлъ бы передать часть своего человѣческаго чувства къ подсудимому и вынесъ бы изъ всего дѣла высокое нравственное удовлетвореніе. Подумайте-ка обо всемъ этомъ, гг. адвокаты «по назначенію отъ суда», и тогда вы серьезнѣе отнесетесь къ защитѣ и участи подсудимыхъ».

Вотъ отъ такихъ-то современностей и отрадно уходитъ въ «дѣла давно минувшихъ дней»; изъ нихъ оба, только что изложенныя, особенно выдаются рѣзкимъ для нашего «присяжнаго засѣдателя» контрастомъ въ роли, которую занимаетъ въ нихъ защита. Что могъ ожидать адвокатъ отъ четырехъ деревенскихъ парней отдаленной провинціи? Чего ради другой при-

идя такъ близко къ сердцу горькую участь юрскихъ рабовъ, уже истощенныхъ монашескою жадностью? Чего ради, горячо и смѣло отстаивая ихъ *неинтересные* интересы, рисковалъ онъ возстановить всецѣльное въ то время, опасное не только его карману, но и собственной особѣ защитника, духовенство? Однако, и тотъ, и другой не позадумались своею грудью защитить слабыхъ и «неинтересныхъ» отъ сильныхъ и вліятельныхъ; первый успѣлъ, второй — нѣтъ; но за то не продалъ онъ своего таланта богатымъ монахамъ, а подарилъ его обездоленнымъ мужикамъ.

О, еслибъ подобные примѣры-факты, — а ихъ такъ много передъ нами въ грудѣ старыхъ книжечекъ въ порыжѣвшихъ кожаныхъ переплетахъ, — смогли, хотя отчасти, возвратить судамъ то *горячее, искреннее отношеніе къ дѣлу и къ человеку*, котораго тщетно искалъ нашъ впечатлительный «присяжный засѣдатель», и разсѣять тотъ туманъ, которымъ клевета и злорадство стремятся окружить высокое общественное значеніе адвокатуры, мы сочли бы задачу настоящихъ очерковъ выполненною.

Да не подумаетъ читатель, что эти старыя книжечки въ порыжѣвшихъ переплетахъ собрали и сохранили потомству лишь громкіе (съ извѣстной точки зрѣнія) процессы, — далеко нѣтъ. Не всѣ они громки своимъ «сюжетомъ», именами, злодѣйствомъ, — между ними масса такихъ, читать которые согласилась бы развѣ та только часть большой публики, которая страдаетъ бессонницей. Не такую «славой» громки они; ихъ слава — иного порядка: юристъ-составитель сборника включилъ ихъ въ свои *Causes célèbres* ради ихъ внутренняго содержанія, ради технического ихъ интереса, ради тщательнѣйшей въ нихъ разработки заурядныхъ на первый взглядъ деталей, ради глубины юридической мысли и цитатъ, разысканныхъ и комбинированныхъ съ величайшимъ и очевиднымъ трудомъ; а о знаніи дѣла, о вложеніи въ него «всего разумнѣя своего», всей души своей — и говорить нечего; и не всегда, далеко не всегда, красота мысли и изящество слова, одни и сами по себѣ, подкупаютъ въ нихъ вниманіе читателя. Подобающее мѣсто такимъ процессамъ — въ специальномъ журналѣ, и потому излагать ихъ мы здѣсь не будемъ, ограничившись констатированіемъ ихъ наличности, такъ какъ безъ этого характеристика французской адвокатуры XVIII вѣка оказалась бы далеко не полною.

III.

Состязаніе адвокатовъ съ медиками изъ-за первенства въ каркассонской городской ратушѣ.

Это — маленькій дивертисментъ, которымъ мы заключимъ на этотъ разъ нашъ очеркъ. Сражаясь то съ тупоуміемъ чиновниковъ, то съ ачностью монаховъ, то съ варварствомъ законовъ, французская адвокатура XVIII вѣка строго и ревниво относилась къ исполненію своихъ собственныхъ профессиональныхъ обязанностей. Мы уже видѣли, какъ не боялась она «выносить соръ изъ избы», — до того чиста была эта изба, — видѣли, какъ не щадила она трудовъ своихъ на защиту праваго дѣла; съ такою же ревностью

относилась она и къ охраненію корпоративной чести сословія, и ревность эта доходила иногда до курьезнѣйшихъ предѣловъ щекотливости.

По обычаю, начало котораго давно затерялось, городской голова въ г. Барнассонѣ избирался исключительно изъ среды адвокатскаго сословія до 1674 г., когда Кольберъ, въ виду особыхъ заслугъ одного негоціанта на пользу общественной промышленности, издалъ приказъ Совѣта, допускавшій, въ погодной съ адвокатами очереди, къ избранію на эту должность и купечество. Та же очередь соблюдалась и при депутаціяхъ въ генеральные штаты: то купецъ сопровождалъ избраннаго въ головы адвоката, то адвокатъ—купца. Однажды, вопреки городовому положенію, былъ избранъ въ головы холостой адвокатъ, и парламентъ кассировалъ избраніе. Въ городѣ поднялся переполохъ, образовались двѣ партіи: медики, примкнувъ къ купцамъ, заявили и свои права на избраніе въ качествѣ «людей науки и графовъ имперіи»,—достоинство, издревле ими присвоенное,—ссылаясь на уже бывшіе случаи избранія врачей Фабра и Видаля. Парламентъ рѣшеніемъ 14 іюля 1769 г. отмѣнилъ обычай и призналъ медиковъ конкуррентами на избраніе. Адвокаты продолжали, все-таки, настаивать на исключительной прерогативѣ занимать спорный постъ, являться депутатами, говорить въ штатахъ и добились-таки рѣшенія, по которому медикамъ было предоставлено дѣлать свою очередь съ купцами. Медики и купцы обжаловали рѣшеніе; дѣло было перенесено въ особую аудіенцію и рассмотрѣно при громадномъ стеченіи публики, «спѣшившей позабавиться предстоящимъ состязаніемъ между дѣтми Иппократа и Юстиніана». Представитель адвокатовъ не возражалъ противъ очереди медиковъ, общей съ купцами, но требовалъ безраздѣльной очереди для своего сословія. «Искусство врачеванія,—говорилъ онъ,—старо, какъ и болѣзни; его практика будетъ существовать, пока существуютъ слабости и довѣрчивость людей. Стражи здоровья, слуги природы, врачи заботятся о продленіи сочтенныхъ дней нашихъ. Это ли не права на наше почтеніе! Столь полезное учрежденіе не останется безъ славы и отличія. И фабрикантамъ не можетъ быть отказано въ своей долѣ на уваженіе: факторы общественнаго благосостоянія, они даютъ работу ремесленнику и обогащаютъ государство своею промышленностью. Нужна же и адвокатамъ частичка въ общественной признательности. Они работаютъ ради покоя гражданъ и семействъ ихъ; они стерегутъ страсти человѣческія и постоянно сдерживаютъ ихъ уздою законовъ. Городской голова-медикъ отниметъ у ратуши адвоката; его не будетъ и въ депутаціяхъ, а, между тѣмъ, и обычаемъ, и судебными рѣшеніями установлено, что адвокаты должны держать слово (*porter la parole*) во всѣхъ депутаціяхъ; при новой системѣ они потеряютъ это право. Кромѣ народнаго здравія, у ратуши есть и другія заботы: случаются процессы, требуется составленіе протоколовъ, приказовъ, и т. п. Возьмутъ ли все это на себя врачи, станутъ ли наблюдать виѣсть съ *prévôts* за безопасностью путниковъ, а ихъ перо, врачующее добрыхъ людей, съумѣетъ ли оно посылать злодѣевъ на эшафотъ? Если таково ихъ честолюбіе, то из-

бранныя ими средства очень неподходящія: кресло городского головы — не тронъ и изъ-за него не стоить совершать преступленія; тѣмъ же не менѣе, таковое совершилось: въ избирательномъ присяжномъ спискѣ (парламентъ не замѣтилъ этого) кто-то вычеркнулъ слово «адвокатъ», стоявшее рядомъ съ другимъ — «медикъ», тогда какъ врачи Видалъ и Фабръ были избраны потому только, что, кромѣ того, состояли и адвокатами».

Съ меньшею ядовитостью, но съ большимъ тщеславіемъ защищали свое дѣло медики: «Мы ничего не имѣемъ противъ возвышенія адвокатской профессіи; мы знаемъ, что короли часто возводили ихъ на самыя выдающіяся посты государства; Ногаре, Дедонанъ, Монтолонъ, Лафоре, Корби, Дипра, Пуае, Оливье, Брюларъ и др. доказали Франціи, что адвокату немудрено шагать изъ «барро» на высшую судебную должность. Но и за медиками исторія помнить не меньшія заслуги. Знаменитый Антоній Муза, вылечившій Августа, былъ имъ и сенаторомъ удостоенъ права носить золотое кольцо. Это кольцо присваивалось затѣмъ каждому врачу въ знакъ дворянскаго достоинства. Императоры Гонорій и Θεодосій даровали придворнымъ медикамъ санъ «графа и викарія имперіи»; тѣмъ же саномъ пользовались и врачи при французскихъ короляхъ, получая съ нимъ и права потомственнаго дворянства. Венеціанская республика въ XVI вѣкѣ почтила знаменитаго Фабричіо статуею, украшенною золотою цѣпью — атрибутомъ краснорѣчія, которое каркассонскіе адвокаты хотѣтъ сосредоточить только въ своей средѣ, присвоивая себѣ рѣшеніемъ 1771 г. исключительное право «держатъ рѣчь». Искусство, говорить писаніе, возвеличить врача предъ сильными міра сего, а св. Августинъ свидѣтельствуетъ, что нѣтъ ничего выше, ничего достойнѣе уваженія и почестей, какъ служба адвокатовъ и врачей и что у нихъ только можно найти дѣйствительную защиту въ дѣловыхъ затрудненіяхъ и въ человѣческихъ немощахъ. Повсюду медики и адвокаты идутъ рядомъ и потому могутъ разчитывать на равныя почести, на равныя отличія».

Такова была защита медиковъ. Приговоромъ, состоявшимся въ іюнь 1779 г., утверждено рѣшеніе 1769 г., возстановившее порядокъ конкуренціи, нормированной имъ для медиковъ.

Въ наше время домогательства задорныхъ каркассонскихъ адвокатовъ могутъ показаться суетными, мелочными, — «соствязаніе» происходило за сто слишкомъ лѣтъ назадъ. Но и въ немъ всѣ наши симпатіи на сторонѣ адвокатуры: медики не могли предъявить никакихъ *профессиональныхъ* правъ на свое вмѣшательство; адвокаты же, вѣрные традиціонной прерогативѣ *porter la parole во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ*, стремились и въ данномъ случаѣ вносить право и правду не въ одни только судебные трибуналы; не мелочное, стало быть, самолюбіе, а общественный интересъ въ *имъ однимъ* живая корпоративная честь сословія заставляли ихъ такъ горячо стоять за стародавній обычай Баркассона; влюбленные въ свою задачу, они ревновали каждого, кто искалъ приблизиться къ ней, а ревность если и можетъ иногда разгораться до смѣшнаго, то зажигаетъ ее всегда любовь.

(Отношеніе слѣдуетъ).

П. Обнинскій.

Ш а т о б р і а н ь.

(Emile Faguet: „Études littéraires sur le Dix-neuvième Siècle“ *).

Франсуа-Рене Шатобрианъ, старинной бретонской фамиліи, родился въ С.-Мало, въ домѣ, стоявшемъ на берегу моря, «подъ шумъ волнъ», какъ онъ любилъ говорить, 4 сентября 1768 г.

Сурово воспитанный матерью, мало понимавшей свое назначеніе, и жестокииъ, какъ кажется, отцомъ, онъ не любилъ своихъ родителей; это необходимо имѣть въ виду для пониманія его характера. Въ дѣтствѣ онъ любилъ только одну изъ сестеръ, Люсилъ. Она была слабыиъ, восторженннъ и безпокойннъ ребенкомъ и умерла молодою въ душевннъ состояннъ, близкомъ къ помѣшательству. Онъ провелъ свои первые дни, играя на пескѣ, среди морскаго пейзажа, самаго величественнаго и наиболѣе прекраснаго во Франціи.

Потомъ настало школьное ученіе, пустыя занятія, кромѣ того, и не постоянныя, въ С.-Мало, Долѣ, Динанѣ. Затѣмъ жизнь въ отцовскомъ замкѣ, въ ястребиномъ гнѣздѣ, среди лѣсовъ, долгіе дни, пасмурные вечера среди двухъ молчаливыхъ стариковъ и сестры, парализованной ужасомъ, одинокія ночи въ чемъ-то вродѣ будки на самомъ верху башни. Шатобрианъ мало читалъ, отличался горячимъ темпераментомъ и крѣпкимъ сложеніемъ и предавался въ постоянномъ уединеннъ около моря и среди лѣсовъ бѣшеной верховой ѣздѣ и охотѣ.

Между тѣмъ, когда ему исполнилось 20 лѣтъ, онъ не зналъ почти ничего, былъ застѣнчивъ и пылокъ, въ отчаяннъ отъ пустоты своей жизни и очень близокъ къ тому (если ему вѣрить), чтобы положить ей конецъ. Ему хо-

---

*) Въ числѣ современныхъ французскихъ критиковъ Эмиль Фаге занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ. Одна изъ лучшихъ статей вышеназванной книги этого автора посвящена характеристикѣ писателя, весьма даровитаго и въ свое время чрезвычайно вліятельнаго,—Шатобриана. Очень интересно сопоставить съ статьей Фаге талантливый очеркъ, отведенный Шатобриану въ книгѣ покойнаго Алек. Шахова: *Французская литература съ первые годы XIX вѣка.*—Ред.

тѣлось сдѣлаться морякомъ. Попытка осуществить это желаніе не удалась и отъ нея осталось только прекрасное описаніе Бреста. Ему доставили мѣсто подпоручика въ наваррскомъ полку. Онъ въ Парижѣ. Его первыя впечатлѣнія тамъ почти впечатлѣнія дикаря, которыя мы потомъ встрѣтимъ въ *Natches*.

Во всемъ доходящій до крайности, онъ предался удовольствіямъ утонченной цивилизаціи съ тѣмъ же жаромъ, съ какимъ предавался уединенію. Его привлекалъ литературный міръ. Онъ зналъ Барни, Шенье, Лагарпа и Фонтана, который, къ его чести, угадалъ Шатобріана съ перваго дня, всегда поддерживалъ и любилъ.

Въ 1790 г. Шатобріанъ появился въ *Альманахъ Музъ*. Въ это время онъ особенно занимался своимъ образованіемъ. Совсѣмъ невѣжественный въ 20 лѣтъ, въ 25 онъ обладалъ уже начитанностью не систематической, но чрезвычайной. Онъ читалъ древнихъ историковъ; слѣды этого мы найдемъ въ *Опытъ о революціяхъ* (*Essai sur les Révolutions*). Онъ изучалъ Монтескьё, который всегда ему импонировалъ; Руссо, идеи котораго онъ ненавидѣлъ, но обожалъ воображеніе; Бернардена де -С. - Пьеръ, казавшагося ему безумцемъ, одареннымъ восхитительнымъ слогомъ; наконецъ, двухъ людей, въ которыхъ инстинктивно онъ признавалъ себѣ подобныхъ и которыми онъ всегда завидовалъ, стараясь соперничать съ однимъ и уничтожить другаго: Боссюэта и Вольтера.

Но настала 1791 г. Лично въ это время Шатобріанъ не ненавидѣлъ революціи. Но его полкъ больше не существовалъ, литература переживала плохіе дни, и его семья, знатная и реакціонная, была въ тревогѣ. Ему пришло въ голову поѣхать въ Америку, подъ предлогомъ отыскать на Сѣверѣ проходъ въ Индію. Онъ отправился, видѣлъ Соединенные Штаты, привѣтствовалъ Вашингтона, проѣхалъ Лабрадоръ, область Озеръ, Центральныя Преріи, Луизиану, Флориду.

Извѣстіе о смерти Людовика XVI измѣнило направленіе его жизни, какъ позднѣе извѣстіе объ убійствѣ герцога Ангэнскаго. Онъ возвращается въ Европу, поступаетъ въ армію эмигрантовъ, участвуетъ въ экспедиціи противъ Тіонвиля; больной и раненый, онъ оставленъ въ лѣсу, какъ мертвый. Спасенный почти чудомъ, очень слабый, безъ средствъ, онъ успѣлъ пробраться въ Англію, гдѣ терпѣлъ ужасную нищету, узналъ холода, отчаяніе и даже милостыню; оставался около пяти дней безъ ѣды. Но Шатобріанъ работалъ съ ожесточеніемъ. Одаренный невѣроятною способностью къ труду, онъ могъ писать по двѣнадцати часовъ подрядъ, зарабатывая хлѣбъ въ продолженіе дня переводами для книгопродавцевъ, проводя ночи за *Опытъ о революціяхъ*. Иногда его снова посѣщала демонъ мечтательности и онъ уходилъ тогда изъ Лондона искать уединенія.

Но онъ былъ мужественъ и именно въ это время любилъ жизнь. Ему нашли мѣсто секретаря въ провинціи. Онъ оставался тамъ нѣсколько времени; потомъ возвратился въ Лондонъ, уже менѣе нуждаясь, и выпустилъ въ свѣтъ свой *Опытъ о революціяхъ* (1797 г.).

Смерть матери и одной изъ сестеръ, а еще больше, по нашему мнѣ-
 нію, естественное развитіе его мыслей возвратили его къ религиознымъ чув-
 ствамъ. Онъ началъ готовить *Геній христіанства* (*Génie du Christianisme*); о которомъ говоритъ Фонтану въ своей *Перепискѣ*. Въ 1800 г.
 ему было дозволено вернуться во Францію. Фонтанъ ободрялъ и поддер-
 живалъ его. Шатобрианъ написалъ статью въ *Меркурій* о 3-мъ Сталь.
 Статья была замѣчена. Вынужденный поддержать свою литературную из-
 вѣстность, онъ отдѣлилъ изъ рукописи *Геній христіанства* одинъ эпизодъ
Жаала, составляющій маленькій романъ, и напечаталъ его. Успѣхъ былъ
 громадный. Шатобрианъ сталъ знаменитостью (1801 г.). Удвоивъ работу,
 чтобъ не обмануть ожиданій публики, онъ въ 1802 г. выпускаетъ *Геній*
христіанства. Какъ онъ самъ замѣтилъ, ни одно произведеніе не являлось
 болѣе своевременно. Безвѣріе было еще въ воздухѣ, но религиозная реакція
 была въ умахъ, и правительство ей благопріятствовало. Это единственный
 моментъ его жизни, когда Шатобрианъ пользовался и популярностью, и бла-
 госклонностью двора. Первый консулъ отправилъ его въ Римъ первымъ се-
 кретаремъ посольства. Онъ оставался тамъ два года. Въ 1804 г., находясь
 въ Парижѣ и готовясь ѣхать въ Швейцарію повѣреннымъ въ дѣлахъ, онъ
 слышалъ на улицѣ извѣстіе о казни герцога Энгіэнскаго. Онъ возвратился
 домой и подалъ въ отставку.

Въ 1807 г. Шатобрианъ напечаталъ *Рене*, также эпизодъ изъ *Генія*
христіанства. Ни одно изъ его произведеній не имѣло такого успѣха,
 какъ это. Затѣмъ слѣдовали *Мученики* (*Les Martyrs*) (1809 г.) и *Пу-
 тевная замѣтки отъ Парижа до Іерусалима* (*Itinéraire de Paris*
à Jérusalem) (1811 г.). Въ этомъ году онъ былъ принятъ во француз-
 скую академію. Его вступительная рѣчь заключала въ себѣ ядовитые на-
 мекы на императора. Ему было запрещено произнести эту рѣчь.

Въ 1814 г. онъ привѣтствовалъ возвращеніе во Францію Бурбоновъ
 наменитою брошюрой: *О Бонапартѣ и Бурбонахъ*, былъ въ Гентѣ во
 время ста дней, возвратился во Францію съ Людовикомъ XVIII, явился въ
 числѣ рѣшительныхъ сторонниковъ новаго царствованія и весь отдался
 политикѣ.

Всегда оставаясь роялистомъ, онъ былъ то въ рядахъ династической
 оппозиціи, то на сторонѣ министерства, сотрудничалъ въ различныхъ жур-
 налахъ и написалъ много политическихъ статей. Онъ былъ посланникомъ
 въ Берлинъ и Лондонъ, въ 1823 г. министромъ иностранныхъ дѣлъ и на-
 стоялъ на войнѣ съ Испаніей (1824 г.). Онъ удалился изъ министерства
 въ слѣдствіе оппозиціи товарищей и въ 1828 г. принадлежалъ къ независи-
 мымъ журналистамъ. Въ этомъ году онъ былъ назначенъ посланникомъ въ
 Римъ, но подалъ въ отставку съ назначеніемъ Полиньяка главой кабинета.
 Онъ предвидѣлъ революцію 1830 года, съ которою открывалась ему блестя-
 щая карьера, но онъ ея не воспользовался. Изъ преданности идѣѣ, если не
 подямя старшей линіи, а также изъ дворянской гордости показаться болѣе
 бѣднымъ въ несчастіи, чѣмъ въ счастіи, онъ остался въ сторонѣ, работая

надъ своими *Замышленными воспоминаніями* (*Mémoires d'outretombe*), сохраняя меланхолическое настроеніе прославленнаго старика. Онъ видѣлъ паденіе іюльскаго правительства, котораго не любилъ, и наступленіе республики, которую не любилъ еще больше, и скончался 80 лѣтъ 4 іюля 1848 г. По его просьбѣ, его родной городъ уступилъ ему для могилы кусокъ скалы на островѣ, на рейдѣ С.-Мало. Тамъ онъ похороненъ въ гробницѣ, простоты которой не лишена напыщенности. Камень безъ надписи, крестъ, сзади С.-Мало, впереди океанъ и небо; дальше, по ту сторону горизонта, куда углубляется взоръ, Америка; кругомъ шумъ волнъ, который, кажется, поддерживаетъ еще и баюкаетъ «печаль его души и вѣчную меланхолію его мыслей».

Неизлечимая печаль есть въ самомъ дѣлѣ вѣчная основа характера Шатобриана. Одна молодая англичанка сказала ему въ Лондонѣ въ 1795 г. «You carry your heart in a sling» («Вы носите ваше сердце въ траурѣ»). Онъ носилъ свое сердце въ траурѣ всю жизнь. Съ перваго взгляда можно въ этомъ сомнѣваться. Когда читаешь суровую полемику журналиста 1818 и 1829 г. или эти очаровательныя *Замышленныя воспоминанія*, которыхъ обыкновенный отгѣнокъ—лукавое добродушіе, то спрашиваешь себя, разочарованіе Рене—не роль ли, которую онъ разъ сыгралъ и которую прикрѣпили разъ навсегда къ идеѣ, составленной о немъ и которую онъ потомъ разыгрывалъ отъ времени до времени? Но нѣтъ; его тонъ совсѣмъ искрененъ, когда онъ говоритъ о своемъ презрѣніи къ людямъ, о своемъ отвращеніи къ жизни, когда онъ говоритъ, что «равнодушенъ ко всему, кромѣ религіи».

Оставимъ книги. И въ перепискѣ Шатобриана, въ его задушевныхъ изліяніяхъ мы видимъ тѣ же черты. Повсюду мы находимъ: «я скучаю, я скучаю». «Кто меня освободитъ отъ мании бытія?» Самыя мрачныя сочиненія написаны имъ въ молодости, а въ зрѣломъ возрастѣ онъ горько сожалѣетъ о своей молодости, такъ что нѣтъ эпохи въ его жизни, когда бы онъ былъ доволенъ. Меланхолія чувствуется даже въ шуткахъ и выходкахъ Шатобриана, хотя онъ и помнилъ, что родился въ XVIII вѣкѣ. «Я былъ бы лучше, еслибъ могъ чему-нибудь отдаться»,—повторяетъ онъ не одну разъ. И всегда, въ дни его полной славы, во время путешествія въ Востокъ (1806 г.), человѣческая жизнь кажется ему смѣшной и ничтожною среди вѣчной природы.

Мы находимъ въ душѣ Шатобриана, прежде всего, гордость, гордость глубокою, вкоренившуюся въ сердце. Когда онъ былъ ученикомъ, его хотѣли высѣчь, какъ Руссо. Но сходство здѣсь и оканчивается: пришлось отказать отъ этого наказанія, потому что Шатобриана было легче убить. Онъ говоритъ о самыхъ великихъ людяхъ, какъ о равныхъ себѣ: «Я видѣлъ Вашингтона и Бонапарта. Никакое человѣческое лицо меня не удивитъ». Онъ не говоритъ: я родился въ томъ же году, какъ и Бонапартъ; но «въ годъ, когда я родился, родился въ Корсиѣ...» *). Въ своихъ *Воспоминаніяхъ* онъ

*) Онъ полагалъ, что родился въ 1769 году.

говорить только о себѣ за однимъ исключеніемъ. Полтома изъ четырехъ посвящены Наполеону.

Умъ спасъ Шатобриана отъ пустаго тщеславія. У него было много ума. Но это мало обращаютъ вниманія, потому что его гений бросаетъ тѣнь на его второстепенныя достоинства. Но объ этомъ надо помнить. Онъ разсказываетъ съ насмѣшливою и очаровательною граціей. Въ *Путевыхъ запискахъ*, въ *Воспоминаніяхъ*, въ *Natchez* встрѣчаются забавныя анекдоты, напоминающіе *Персидскія письма* и романы Вольтера. Поэтому-то, несмотря на всю свою гордость, Шатобрианъ рѣдко бываетъ смѣшонъ глубокимъ тщеславіемъ. Указываютъ на тѣ страницы *Воспоминаній*, гдѣ онъ рисуетъ свой образъ жизни, когда онъ былъ посланникомъ. Безъ сомнѣнія, тамъ слишкомъ много овацій, чествованій и каретъ въ шесть лошадей; встрѣчается и нѣсколько буржуазныхъ черточекъ. Шатобрианъ забываетъ, что дворянинъ и писатель вездѣ должны чувствовать себя въ своей тарелкѣ. Но, замѣйте, что главное, что онъ выставляетъ, это контрастъ между его нищетой, какъ эмигранта въ Лондонѣ, и его пышностью, какъ посланника въ Англии, и что здѣсь видѣнъ въ особенности художникъ. Онъ не имѣлъ мелкаго самолюбія писателя, охотно исправлялъ свои работы по совѣтамъ друзей, позволялъ передѣлывать свои статьи Бертену, не заботясь объ этомъ или притворяясь, что не замѣчаетъ такихъ пустяковъ. Онъ говоритъ о своей славѣ, о томъ, что онъ сдѣлалъ въ исторіи, но, въ концѣ-концовъ, тщеславія меньше, чѣмъ гордости.

Неудовлетворенная гордость можетъ быть самымъ страшнымъ изъ тирановъ, если она не является самымъ обманчивымъ изъ утѣшителей. Это и случилось съ Шатобрианомъ. Гордость въ немъ быстро превратилась въ горькое чувство, въ отвращеніе къ дѣятельности, къ славѣ и къ самому себѣ, потому что надменную душу, просвѣщенную живымъ умомъ, ничто не ведетъ такъ къ презрѣнію даже самого себя, какъ именно гордость. Считать себя созданнымъ для сверхчеловѣческаго величія и оказаться въ теченіе обыкновенной жизни до смѣшнаго маленькимъ?...

«Къ чему слава и блескъ?—говоритъ Евдоръ въ *Мученикахъ*.—Я былъ краснорѣчивъ, я былъ знаменитъ, и я себѣ сказалъ: что значить литературная слава, оспариваемая при жизни, невѣрная по смерти и раздѣляемая часто съ посредственностью и порокомъ? Къ чему дѣятельность? Я былъ честолюбивъ, я занималъ высокой постъ и сказалъ себѣ: «Стоило ли изъ-за этого бросать спокойную жизнь, и то, что я нахожу, замѣняетъ ли то, что я теряю?» Къ чему удовольствія? Пресыщенный удовольствіями моего возраста, я не видѣлъ ничего лучшаго въ будущемъ, и мое *такое воображеніе лишило меня еще того немногаго, что я имѣлъ*. Къ чему привязанности? Тотъ, кого охватило отвращеніе, можетъ быть любимымъ; онъ не можетъ любить: «Страсти выходятъ изъ него и не могутъ возвратиться». А счастливымъ дѣлаютъ привязанности испытываемыя, а не внушаемыя. Рене могъ только ихъ внушать. «Его утомляли любовью». «Его счастье походило на раскаяніе», и онъ подчеркивалъ этотъ стихъ

Иова. «Моя душа утомлена моею жизнью». Къ чему въ самомъ дѣлѣ сама жизнь? Что въ ней такого наверху или внизу, чтобы стоило труда ее любить? Я скучаю жизнью. Скука меня всегда пожирала. Пастухъ или король, что бы я сталъ дѣлать съ моимъ посохомъ или съ моею короной? Я одинаково бы утомился славой и гениемъ, работой и досугомъ, благополучіемъ и несчастіемъ. Въ Европѣ и въ Америкѣ общество и природа меня утомили». «Молодые люди, для человѣка громадное несчастье достигнуть слишкомъ рано конца своихъ желаній и пройти въ нѣсколько лѣтъ иллюзію долгой жизни».

Таковъ Шатобрианъ. Рене — только безъ лѣсовъ Америки, безъ дикой жизни, безъ битвъ и безъ пренебреженія къ смерти; Евдоръ — безъ покрововъ мученичества, — пылкая и беспокойная душа, слишкомъ высокая, чтобы удовлетвориться обыкновенными удовольствіями тщеславія или честолюбія; эта душа ищетъ великаго дѣла, чтобы служить ему, иногда вѣрять, что нашла такое дѣло, но незначительность результата или тщетность усилія вновь пробуждаютъ чувство отвращенія; она страдаетъ постоянно отъ несоотвѣтствія между величіемъ мечтаній и посредственностью дѣйствительнаго міра, страдаетъ до того, что становится несправедливой къ дѣйствительности и не признаетъ или презираетъ то, что въ дѣйствительности есть добраго и хорошаго. Тогда Шатобрианъ становится еофистомъ по отношенію къ самому себѣ, чтобы лучше доказать своей гордости, что онъ права, не отдаваясь ничему. Онъ находитъ скуку невыносимой и, въ то же время, любитъ свою скуку, какъ славное несчастье; онъ отдыхаетъ, наконецъ, «въ мрачныхъ удовольствіяхъ меланхолическаго сердца», т. е. въ гордомъ и спокойномъ созерцаніи разрушенныхъ иллюзій, неудавшихся мечтаній, исчезающаго величія, какъ въ зрѣлищѣ красиваго бѣдствія, но лишеннаго очарованія для художника и въ которомъ опять-таки скрывается гордость.

Наши общія идеи служатъ выраженіемъ нашего характера. Это важно для каждаго, для Шатобриана же болѣе чѣмъ для кого-либо. Мы начинаемъ умственную жизнь съ идей нашего времени; но, смотря по нашимъ свойствамъ, мы или придерживаемся ихъ, или измѣняемъ ихъ въ зависимости отъ нашего характера, или очень скоро разрываемъ съ ними. Это послѣднее и случилось съ Шатобрианомъ.

Въ 1790 г. въ Парижѣ онъ думаетъ такъ же, какъ и его окружающіе, какъ Лагарпъ, какъ Шамфоръ. Въ 1795 г. въ Лондонѣ онъ уже далеко отъ нихъ. Онъ не долго увлекался философіей XVIII вѣка. Онъ уже сталъ скептикомъ и не могъ съ жаромъ отдаться философіи, очень опредѣленной, смѣлой и самоувѣренной, главнымъ свойствомъ которой была полная догматическая неустрашимость и искренность утверждений. Будучи въ глубинѣ души пессимистомъ, Шатобрианъ долженъ былъ удивляться доктринамъ, главнымъ содержаніемъ которой служить вѣра въ человѣческое совершенствованіе и послѣднимъ выраженіемъ которой была теорія «безконечнаго прогресса» Кондорсе. Эти идеи показались ему очень скоро удивительно

наивными. Самъ онъ питалъ мало утѣшительныхъ надеждъ, мало вѣрилъ; и если въ это время онъ не вѣрилъ въ христіанскую религію, то ужь, конечно, не могъ вѣрить въ религію человѣческаго совершенствованія. Эта идея XVIII вѣка занимаетъ и раздражаетъ его. Онъ пишетъ книгу для ея опроверженія, что очень характерно. Изгнанный, несчастный, безъ куска хлѣба, онъ возстаетъ противъ восторжествовавшей революціи, противъ Вольтера и Руссо, признанныхъ богами, и хочетъ изблечить XVIII вѣкъ въ ребячествѣ. Съ этою цѣлью онъ пишетъ *Опытъ о древнихъ и новыхъ революціяхъ*. Эта книга—настоящій хаосъ. Главная выдѣляющаяся въ ней идея состоитъ въ томъ, что совершенно бесполезно производить какую бы то ни было революцію; что прогресса не существуетъ, что желаніе улучшенія есть обманъ нашей природы и химера нашего ума; человѣчество постоянно проходитъ черезъ тѣ же самыя фазы надеждъ, разочарованія, новыхъ иллюзій и новаго отчаянія и думаетъ, что идетъ впередъ, только потому, что движется.

Духъ противорѣчія современнымъ ему идеямъ привелъ Шатобріана около 1795 г. къ политическому скептицизму и социальному пессимизму. Въ *Запискахъ о восточныхъ воспоминаніяхъ* онъ самъ находитъ въ себѣ это первоначальное настроеніе: «Мой умъ, созданный для того, чтобъ ни во что не вѣрить, даже въ себя самого, созданный, чтобъ презирать все—величіе, бѣдствіе, роды и королей, тѣмъ не менѣе, инстинктивно слушался разума, повелѣвавшего подчиняться всему, что признано прекраснымъ: религіи, справедливости, человѣчности, равенству, свободѣ, славѣ».

Вотъ переходъ отъ Шатобріана-скептика и пессимиста къ Шатобріану-христіанину. Прекрасное привлекаетъ его. Оно привлекло его къ христіанству. Онъ сталъ христіаниномъ съ того дня, какъ задумался надъ *красотами христіанской религіи* (первоначальное заглавіе *Генія*). Онъ былъ элигозень изъ чувства художника. Въ данное время онъ видитъ чудную расоту въ христіанствѣ и стремится къ нему. Тогда это было открытіемъ: съ XVIII вѣкъ объявилъ христіанство смѣшнымъ, неизящнымъ, грубымъ. Этою причиною больше! Для Шатобріана двойное наслажденіе открытъ новую форму прекраснаго и доказывать XVIII вѣку, что онъ говоритъ вздоръ.

Но скептицизмъ, пессимизмъ? Ничто не мѣшаетъ имъ оставаться какъ бы внизу, подъ новымъ вѣрованіемъ (они и остались тамъ на самомъ дѣлѣ), и даже поддерживать его. Настоящимъ отрицаніемъ христіанства было раціоналистическое ученіе XVIII вѣка, вѣра въ человѣческой геній. Но съ скептицизмомъ христіанство очень легко справляется, какъ съ отчаяніемъ, которое оно исцѣляетъ, а съ пессимизмомъ—какъ съ общимъ взглядомъ на вещи, который оно дополняетъ. Шатобріанъ могъ думать (и отчасти думалъ), что въ прошель путь Паскаля, чтобы достигъ христіанства. Но онъ не встрѣтилъ настоящихъ препятствій: для этого пылкаго, подвижнаго генія было достаточно живаго порыва воображенія, склонности къ парадоксамъ, чтобы отклонить его на новые пути. Онъ никогда не уклонялся отъ главнаго направленія своей мысли. Мы находимъ отвращеніе къ XVIII вѣку въ его со-

ціальныхъ теоріяхъ, въ религиозныхъ разсужденіяхъ, въ литературныхъ идеяхъ. *Геній христіанства* очень часто обращается въ памфлетъ противъ духа энциклопедистовъ. Въ сущности говоря, это его главное содержаніе.

Шатобріанъ всегда смѣялся надъ самоувѣренностью «вѣка, въ который не сомнѣвались ни въ чемъ, кромѣ существованія Бога». Даже въ произведеніяхъ фантазіи онъ преслѣдуетъ своего врага. Ораторъ въ *Мученикахъ* представляетъ собой любопытное соединеніе Вольтера, Руссо, Дюпюи и С.-Жюста и собираетъ крайности ихъ доктринъ въ рѣчь, превращенную въ ядовитую пародію.

Пессимизмъ Шатобріана удобно располагается подъ покровомъ религіи, въ которой онъ служитъ какъ бы введеніемъ. Замѣчательная вещь: современники были такъ далеки отъ пессимизма и христіанства, что искренно упрекали Шатобріана за признаки горечи въ его сочиненіяхъ. Шатобріанъ заставляетъ говорить отца Обри въ *Атала*: «Что вамъ сказать о дружбѣ на землѣ? Хотите знать ея силу? Еслибъ человѣкъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своей смерти снова появился на свѣтъ, я сомнѣваюсь, чтобъ ему обрадовались даже тѣ, которые наиболѣе плакали о немъ: такъ быстро образуются новыя связи, такъ непостоянство врожденно человѣку, такъ наша жизнь мало значить даже въ сердцѣ нашихъ друзей!» Аббатъ Морелле возмущается этимъ. «Какъ мы теперь стали чувствительны!» — возражаетъ Шатобріанъ съ своею обычною горечью и настаиваетъ на томъ, что сказалъ истину.

Его политическія идеи—идеи человѣка, рожденнаго аристократомъ, который все презираетъ и имѣетъ въ XVIII вѣкѣ личнаго врага. Онъ не любитъ демократіи—«худшаго изъ правительствъ», особенно «когда надо вести борьбу съ могущественнымъ врагомъ и когда воля одного необходима для спасенія отечества». Онъ особенно ненавидитъ демократическое государство за то, что оно, по его мнѣнію, ослабляетъ націю въ борьбѣ съ иностранцами. Въ этой мысли, позднѣе повторявшейся многими, нѣтъ ничего оригинальнаго, но она любопытна, потому что была высказана вслѣдствіе побѣдоносными войнами французской революціи. Шатобріанъ находитъ смѣшной идею *Общественнаго договора*. Отвлеченная политика ему невидна. Онъ доказывалъ въ *Отгытъ*, гораздо ранѣе другихъ, что революціи произвелъ «классическій духъ», т. е. духъ XVIII столѣтія, который характеризуется отвлеченностью и логикой. Особенно не любитъ Шатобріанъ политическую свободу. Одна замѣтка въ *Путевыхъ запискахъ* даетъ основаніе думать, что рабство древняго міра не было ему ненавистно. Я приведу цѣликомъ мѣсто, гдѣ онъ высказываетъ эту мысль: «Для полного выраженія моей мысли я говорю, что эта система (рабство) есть одна изъ причинъ того превосходства, какое имѣютъ великіе люди Аѳинъ и Рима надъ великими людьми новыхъ временъ. Извѣстно, что только тогда можно наслаждаться всѣми способностями ума, когда человѣкъ избавленъ отъ матеріальныхъ заботъ жизни; а вполне избавиться отъ этихъ заботъ можно лишь въ странѣ, гдѣ искусства, ремесла и домашнія занятія поручены рабамъ».

Также извѣстно, что привычка приказывать придаетъ возвышенность уму и благородство манерамъ, какія никогда нельзя приобрести въ буржуазномъ равенствѣ нашихъ городовъ. Но не будемъ жалѣть объ этомъ превосходствѣ древнихъ, потому что его пришлось бы купить цѣною человеческой свободы, и благословимъ навсегда христіанство, разбившее оковы рабства». Не чувствуется ли, что послѣдняя оговорка менѣе искренна, что въ ней слышится риторика?

Несмотря на перемѣны и превратности, которымъ подвержена жизнь всякаго политическаго дѣятеля, Шатобрианъ былъ всегда въ дѣйствительности «человѣкомъ древняго государства», т.-е. стараго режима. Онъ, какъ ученикъ Монтескье, проповѣдуетъ теорію «смѣшаннаго правленія» (*gouvernement mixte*), но ведетъ начало этой теоріи не отъ XVIII вѣка, что ему не можетъ нравиться, а отъ древней монархіи, которая съ своимъ равновѣсіемъ «трехъ сословій» есть, по его мнѣнію, образецъ этой формы конституціоннаго устройства. Постоянно, энергически онъ защищалъ только свободу печати. Въ концѣ-концовъ, для него, какъ для многихъ художниковъ и какъ для большей части людей, которые убѣждены въ томъ, что рождены повелѣвать, тайнымъ идеаломъ является просвѣщенный деспотизмъ.

Пессимистъ-христіанинъ, скептикъ во всемъ, за исключеніемъ прекраснаго и религіи, потому что она прекрасна, аристократъ и художникъ, онъ испробовалъ всѣ способы презирать людей и любить прекрасное, находя именно въ своемъ влеченіи къ прекрасному законное основаніе любить самого себя. Идеи у него почти всѣ одинаково искренни, но не глубоки. Онъ не былъ ни великимъ философомъ, ни великимъ моралистомъ, ни великимъ политикомъ, ни глубокимъ христіаниномъ. Всѣ его философскія размышленія поверхностны. Поэтому часто подозрѣваютъ его искренность, въ которой лично я не сомнѣваюсь. Относительная слабость доводовъ дала поводъ сомнѣваться въ силѣ его убѣжденія. Но онъ убѣжденъ въ томъ, во что хочетъ заставить вѣрить, только доказываетъ это слабо, потому что его идеи не такъ глубоки, какъ его чувства. Онъ—великій художникъ, великій поэтъ, великій ораторъ; какъ мыслитель, онъ не принадлежитъ къ первому разряду, хотя и не изъ послѣднихъ. Несмотря на всю его горячность, ему недостаетъ суроваго, сильнаго убѣжденія Паскаля въ жалкой участи людей; мы нисколько не сомнѣваемся въ его страданіи, но невольно приходится въ голову, что слѣдующія слова Паскаля относятся какъ будто къ нему: «Это невзгоды знатнаго господина» («*Ce sont misères de grand seigneur*»). Его скептицизмъ, конечно, не выдумка, но и не мука. Это скорѣе черта, характеризующая его аристократизмъ, чѣмъ беспокойная пытливость его разума. Вы не видите, чтобы онъ дрожалъ отъ ужаса и гнѣва, отъ невозможности все познать и отъ пылкаго нетерпѣнія найти, чему бы отдаться.

Успоеніе онъ нашель въ христіанствѣ. Но его возлюбленное христіанство не глубоко. Онъ въ него вѣритъ, онъ его любитъ, но онъ имъ не проникнуть. Оно не составляетъ основы его духа и его сердца, какъ это

должно быть у каждого истиннаго христианина. Рансе какъ-то въ юности стрѣлялъ птицъ на маленькомъ островкѣ сзади Notre Dame. Другіе охотники выстрѣлили съ противоположнаго берега; онъ остался въ живыхъ только благодаря стальной цѣпи его охотничьей сумки. Что бы стало со мной,—говоритъ онъ,—еслибы Богъ призвалъ меня въ эту минуту? «*Удивительное пробужденіе совѣсти!*»—воскликаетъ Шатобрианъ. Какъ, удивительно, что христианинъ, встрѣтясь неожиданно лицомъ къ лицу со смертью, думаетъ о Божьемъ судѣ? Но, вѣдь, эта мысль должна быть его первою и, по всей вѣроятности, единственною мыслью въ это мгновеніе. Было бы смѣшно давать уроки христианства Шатобриану, но я хочу только показать разницу: вѣдь, христианинъ среднихъ вѣковъ или XVII вѣка нашелъ бы слова Рансе настолько естественными, что и не подумалъ бы ихъ отмѣтить.

Подобныя несообразности встрѣчаются даже въ изложеніи идей и въ ходѣ доказательствъ *Генія*. Попадаются доводы, которые показывают небрежное отношеніе къ важности задачи, хотя искренность ихъ не подлежитъ сомнѣнію. Шатобрианъ доказываетъ Троицу тремя граціями, подкрѣпляетъ безбрачіе духовенства закономъ Мальтуса и доказываетъ божественность креста созвѣздіемъ южнаго креста. Онъ постоянно мѣшаетъ (въ апологетическомъ сочиненіи) христіанскія чудеса съ чудесами языческими, помѣщаетъ въ *Геніи христіанства*, во главѣ объ обѣтѣ цѣломудрія, найдя, Приама, Платона и Діану, озаглавливаетъ одну главу *Генія*: «Имѣютъ ли превосходство въ поэтическомъ отношеніи языческія божества надъ *божествами христіанскими?*» Написанное Шатобрианомъ очаровательно, граціозно, плѣнительно; но не надо во все это слишкомъ вдумываться, если хочешь удержаться отъ улыбки. Какъ надо вѣрить, чтобы позволить убѣдить себя такими доказательствами!

Самая задача труда есть задача христианина, но не отца церкви. Методъ Шатобриана, по его собственнымъ словамъ, заключается въ доказательствѣ не того, что христіанство превосходно, потому что исходить отъ Бога, но что оно потому исходить отъ Бога, что превосходно. Защита христіанской религіи, такимъ образомъ понятая, будетъ всегда только общимъ мѣстомъ,—великолѣпнымъ, если оно написано такимъ художникомъ,—о добрѣ и красотѣ и о томъ, что они заключаются въ христіанствѣ. Истинные учителя вѣры не такъ исповѣдывали своего Бога. Боссюэтъ старается выставить истину христіанства и не смотритъ на него съ поэтической или романтической точки зрѣнія. Паскаль хочетъ доказать необходимость христіанства; и оба они презираютъ литераторовъ и поэтовъ, въ которыхъ Шатобрианъ видитъ свидѣтельство и доказательство вѣры.

Безъ сомнѣнія, Шатобрианъ очень хорошо доказываетъ, что христіанство достойно любви. Но онъ хочетъ доставить ему не торжество, а уваженіе. Онъ какъ бы проситъ снисхожденія. Въ подобныхъ случаяхъ обезоружить врага не значитъ еще его побѣдить. Новаторы тоже находятся подъ вліяніемъ своего времени и поколѣнія, отъ котораго происходятъ. И Шато-

Бріанъ по временамъ такъ же легкомысленно защищаетъ христіанство, какъ люди XVIII вѣка легкомысленно нападали на него.

Шатобріанъ повѣдалъ міру новый способъ чувствовать. Но онъ не анализируетъ, не изслѣдуетъ, не доискивается до тайныхъ причинъ и темныхъ источниковъ. Онъ рисуется крупными штрихами, не объясняетъ, не старается объяснить. Онъ болѣе поэтъ, чѣмъ моралистъ. Исторія Рене представляетъ картину трехъ или четырехъ послѣдовательныхъ *состояній* безпокойной и больной души. Въ ней чудесно изображено безпокойство и болѣзнь этой души, но оставлено въ неизвѣстности, почему она больна и безпокойна и гдѣ лежитъ причина этого безпокойства и источникъ отравы. Въ Рене цѣлая драма, не въ смыслѣ нравственности, не въ смыслѣ классической трагедіи, а скорѣе въ смыслѣ Расиновской пьесы, которая является въ основѣ какъ бы трактатомъ о страстяхъ. Я не упрекаю Шатобріана. Я говорю не объ его гениі, но объ его идеяхъ, и не могу скрыть, что у него мало глубокихъ.

Идеи Шатобріана объ искусствѣ не имѣютъ ничего отвлеченнаго и не представляютъ полной теоріи. Но онѣ заключаютъ новые взгляды чрезвычайной важности и произвели литературную революцію, подобной которой не было со времени возрожденія искусствъ. Критика и поэзія Шатобріана сводятся къ отвращенію къ XVIII вѣку. Онъ врагъ философіи. М-ше Сталь повторила въ своей книгѣ *О литературѣ (De la littérature)* идеи Кондорсе о безконечномъ прогрессѣ человѣческаго гениа: «Вамъ не безызвѣстна, — пишетъ Шатобріанъ Фонтану, — моя страсть видѣть повсюду Иисуса Христа, подобно тому, какъ м-ше Сталь видитъ вездѣ совершенствованіе. Я лижю несчастіе думать, какъ Паскаль, что христіанская религія... Вы видите, что я начинаю съ того, что ставлю себя подъ защиту великаго имени, чтобы вы пощадили нѣсколько мои узкія идеи и мое *антифилософское суетствіе*». Затѣмъ онъ перечисляетъ всѣ недостатки мысли и слога м-ше Сталь и спрашиваетъ: «Откуда происходятъ эти недостатки? Отъ вашей философіи. Вашей работѣ недостаетъ краснорѣчія, а краснорѣчія нѣтъ безъ религіи... Вашъ талантъ развился только въ половину. Его душитъ философія. Если вы останетесь при вашихъ мнѣніяхъ, вы не достигнете высоты, которой бы могли достигъ». Это лежитъ въ основѣ его критики. Духъ XVIII вѣка заглушаетъ, по мнѣнію Шатобріана, краснорѣчивую, возвышенную и поэтическую сторону человѣческаго ума. XVIII вѣкъ не зналъ величія и не подозрѣвалъ поэзіи. Чтобы найти ихъ, надо только не дѣлать того, что онъ дѣлалъ, и вѣрить въ то, во что онъ не вѣрилъ... Шатобріану слѣдовало бы прибавить: при помощи гениа.

Ученіе, заключающееся въ томъ, чтобы не брать за образецъ XVIII вѣкъ, кажется узкимъ и почти отрицательнымъ. Но оно гораздо меньше грѣшитъ этимъ, чѣмъ это представлялось людямъ 1800 г. и даже самому Шатобріану; оно идетъ дальше, чѣмъ онъ самъ того хотѣлъ.

Замѣтимъ, въ самомъ дѣлѣ, что этотъ ужасный XVIII вѣкъ, «отъ ко-

торого происходит все зло», если вѣрить Шатобриану, съ литературной точки зрѣнія есть только прямой наслѣдникъ XVII вѣка, а этотъ ничто иное, какъ столько же знаменитый, какъ и неблагодарный сынъ Плеяды. Во Франціи былъ литературный вѣкъ, продолжавшійся двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, въ который стремились *подражать древнимъ*, создать, слѣдовательно, литературу *не національную и не религіозную*. Въ этомъ заключается весь духъ классической литературы во Франціи отъ 1550 до 1800 г.

Съ этой точки зрѣнія литература XVIII вѣка развѣ менѣе религіозна, менѣе національна, менѣе оригинальна и искренна, чѣмъ литература XVII вѣка? Нисколько. И развѣ литература XVII вѣка открываетъ новые пути, находитъ единое, только ему свойственное, вдохновеніе, котораго не знала школа Ронсара? Также нѣтъ. Вся классическая школа, несмотря на поправки, исправленія и измѣненія, восходитъ къ Ронсару. Она вся цѣликомъ избѣгала брать содержаніемъ и заботиться о національной исторіи, національной религіи, о гениі своего народа. Это не помѣшало ей имѣть въ числѣ представителей удивительно гениальныхъ людей. Но дѣло теперь не въ этомъ. Дѣло въ томъ, что когда новаторъ объявляетъ о своемъ разрывѣ съ традиціей XVIII вѣка, онъ, самъ того не сознавая, разрываетъ со всею классическою традиціей, начиная съ 1550 г., съ Расиномъ столько же, сколько съ Вольтеромъ, и съ Боало столько же, сколько съ Ронсаромъ. Именно это и сдѣлалъ Шатобрианъ, и, прибавимъ сейчасъ же, онъ имѣлъ основаніе такъ поступать. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ что случилось, Французская классическая литература, родившаяся въ XVI вѣкѣ изъ очень законнаго удивленія передъ древними образцовыми произведеніями и изъ потребности избѣгнуть средневѣковаго реблчества, вначалѣ подражала рабски античной литературѣ, больше по формѣ, чѣмъ по духу; потомъ она стала подражать ей разумно и смѣло, не выходя изъ рамокъ обдуманнаго и разсудительнаго усвоенія; она подражала съ странною скромностію сравнительно съ своими силами; но такъ хорошо, что столько же дѣйствіемъ своей скромности, сколько и обаяніемъ совершенства привела умы къ той мысли, что надо подражать, безконечно. И люди XVIII вѣка еще подражаютъ, но уже не непосредственно античности, а образцамъ великаго вѣка, которые сами по себѣ подражательны. Они составляютъ подражаніе подражанію.

Настало время остановиться въ этомъ направленіи. Первый художникъ, который непосредственно смотритъ на природу, исключаетъ уже известную часть дѣйствительности, которая ему не нравится; второй, который дѣлаетъ свой выборъ изъ выбора перваго, удаляетъ еще часть дѣйствительности и поле истиннаго все ограничивается. Послѣдній изъ подражателей подражаетъ уже чистой отвлеченности или пустой условности. Въ концѣ XVIII вѣка отъ этого были очень не далеко. Правда, существовала еще другая, не чисто-литературная область — область философіи, политики, общественныхъ наукъ, въ которыхъ сама природа предмета не позволяетъ быть подражателемъ и въ которыхъ оригинальность ума находила исходъ. Этимъ спаслись Вольтеръ, Дидро и Монтескьё. *Prolem*

sine matre creatam. Но въ области собственно литературы и въ особенности поэзіи наклонность, сейчасъ нами отмѣченная, была очень замѣтна къ концу XVIII столѣтія, и опасность, заключающаяся въ ней, была велика. Область политическихъ и философскихъ работъ въ то время была въ значительной степени дискредитирована и въ ней подвизаться рѣшались не многіе. Такимъ образомъ, оставалась только первая область, подражаніе подражателямъ, т.-е. пустота.

Противъ этого-то Шатобріанъ и возставалъ всѣми своими силами.

Онъ требовалъ, чтобъ остановили безконечное подражаніе, чтобы Франція имѣла свою собственную, а не заимствованную литературу; онъ говорилъ, что такъ какъ она не язычница, то не можетъ имѣть мифологической поэзіи; что такъ какъ Франція страна новая, то и не имѣетъ древней литературы; что такъ какъ она существуетъ, то имѣетъ литературу національную. Это значило отступать за 1550 г.

Развѣ онъ требовалъ всего этого? — возражать мнѣ. Конечно, немногимъ менѣе. Обратите вниманіе на его опущенія. Во всей части *Генія христіанства*, который онъ такъ хорошо называетъ *христіанскою поэзіей*, онъ не говоритъ ни слова о «Возрожденіи». Это очень знаменательно. Онъ избѣгаетъ упоминанія о движеніи умовъ, которое для всякаго классика, для всякаго историка французской литературы есть начало классическаго искусства во Франціи. Онъ постоянно энергично высказывается, съ нѣсколькими печальною настойчивостью, противъ пользованія мифологіей: «Она унижаетъ природу. Только христіанство, изгнавъ эти мелкія божества изъ лѣсовъ и водъ, возвратило поэту свободу представлять пустыни въ ихъ первоначальномъ величіи». Съ тѣхъ поръ, «свободные отъ этого стада смѣшанныхъ боговъ, ограничивавшихъ ихъ со всѣхъ сторонъ, лѣса наполнились безпредѣльнымъ Божествомъ...» Эта мысль повторяется по сту разъ.

Но, однако, что это на самомъ дѣлѣ значить? Эта мысль можетъ завести очень далеко. Если французская классическая поэзія усвоила античную мифологію, то не ради мифологіи только, а ради античнаго міра. Боало именно какъ христіанинъ былъ противъ христіанства въ литературѣ. Христіанская щепетильность доходитъ у него до того, что онъ говоритъ въ стихахъ только объ Юпитерѣ. Шатобріанъ, какъ христіанинъ, изгоняетъ мифологію изъ произведенія искусства. Онъ уничтожаетъ древнее различіе и требуетъ христіанскаго искусства.

Если Шатобріанъ такъ любить христіанское вдохновеніе, то онъ станетъ, вѣроятно, его искать повсюду, въ средніе вѣка, потому что въ эту эпоху христіанство было особенно страстно почитаемо. Онъ такъ и дѣлаетъ; но такъ какъ онъ не могъ восхищаться литературой того времени, мало извѣстной тогда, то онъ наслаждается и старается заставить наслаждаться истинною поэзіей среднихъ вѣковъ, заключающейся въ ея памятникахъ. И вотъ готическая архитектура предпочитается греческой, и еще разъ французскій классическій духъ раненъ въ одно изъ самыхъ чувствительныхъ мѣстъ.

Но, вѣдь, если христіанское вдохновеніе такъ прекрасно, то греческая и латинская древность погибнетъ въ глазахъ нашей критики? Что же остается отъ литературнаго направленія, происходящаго отъ Возрожденія и даже отъ всей французской классической литературы? Отъ нея осталась поэтическая и философская литература, которая не происходитъ прямо отъ античной древности и не соединяется съ ней,—*Отитъ о нравахъ, Общественный договоръ, Энциклопедія*; но, вѣдь, все это (за исключеніемъ Монтескьё) Шатобрианъ ненавидѣлъ самою сильною ненавистью.

Оставалась еще нравственность, взгляды на человѣка, то, что можно бы было назвать *психологическою литературой*, такой блестящей во Франціи, какъ извѣстно, въ классическіе вѣка. Но и здѣсь необходимо различать. Нравственность, проникнутая христіанскимъ духомъ, какова нравственность Паскаля, само собою разумѣется, не только признавалась Шатобрианомъ, но и осыпалась похвалами. Но ту, другую нравственность, потому что въ классическихъ произведеніяхъ есть еще другая,—ту нравственность, которая является наслѣдіемъ древности болѣе стойческой, чѣмъ христіанской, изображающую человѣка великимъ и способнымъ очень высоко подниматься собственными силами, Шатобрианъ удаляетъ или сомнѣвается въ ней. Эта нравственность часто и счастливо вдохновляла Монтэня, Корнея, С.-Эвремона, Расина, Боало, Вовенарга. Для Шатобриана все ложно, что заключаетъ въ себѣ древнюю нравственность, стойческую добродѣтель, героевъ Плутарха; и вотъ еще одинъ изъ источниковъ классическаго вдохновенія объявленъ подозрительнымъ. Изъ всего, что составляло самую основу литературной и поэтической мысли во Франціи, начиная съ Ронсара, не остается почти ничего, что бы Шатобрианъ не колебалъ, на что бы онъ не нападалъ.

Но, вѣдь, это можетъ привести Шатобриана къ отрицанію существованія великой литературы во Франціи съ 1550 г. до него? Онъ очень далеко отъ подобной мысли, если не изъ скромности, то изъ хорошаго литературнаго вкуса. Прежде всего, ясно, что внѣ спора великіе и искренніе христіане, бывшіе писателями и посвятившіе свое перо защитѣ вѣры. Есть Боссюэтъ, есть Фенелонъ, есть Паскаль. Дажѣ, великіе классическіе писатели становились иной разъ христіанами въ литературѣ. Есть Полиэктъ, есть Амалія. И вотъ именно эти произведенія, которыя осуждались современною имъ критикой за ихъ христіанство, ставятся Шатобрианомъ на самый высокій пьедесталъ, *потому что* они христіанскія. Есть даже Вольтеръ—въ Альзирѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ; для Шатобриана составляетъ удовольствіе поздравить его съ такими прекрасными вещами, внушенными христіанствомъ.

«Если поэтическія произведенія XVII столѣтія были прекрасны,—говоритъ Шатобрианъ,—не бывъ христіанскими, то это потому, что они были такими бессознательно, и волей-неволей подвергались косвенному могучему вліянію христіанскаго духа. Вы не хотите быть христіанами въ вашихъ произведеніяхъ, французскіе поэты классическихъ вѣковъ, но вы христіане»

въ вашихъ сердцахъ, что бы вы тамъ ни дѣлали; нельзя отдѣлить своего ума отъ своей души, чтобы отдать одинъ искусству, а другую вѣрѣ, одну истинѣ, а другой прекрасному. Между сердцемъ и духомъ существуетъ, какія бы теоріи ни возставали противъ этого, невидимая и произвольная связь, и ваше искусство пользуется тѣмъ, чѣмъ переполнена ваша душа, и даже тѣмъ, въ чемъ ей отказывалъ вашъ вкусъ».

Эта теорія не только очень остроумна, но и содержитъ отчасти истину. Она стоитъ того, чтобы познакомиться съ нею поближе. Въ сущности, она подымаетъ вопросъ о безличномъ искусствѣ. Справедливо ли различіе, дѣлаемое Боало и его современниками между человѣкомъ, который думаетъ, вѣрить и любить извѣстныя вещи, и этимъ самымъ человѣкомъ съ перомъ въ рукѣ, выражающимъ и рисующимъ другія чувства, другія страсти и другія вѣрованія? Хорошо ли, чтобы художникъ выставялъ самого себя съ своими истинными и задушевными чувствами, выставялъ свое внутреннее существо въ своемъ произведеніи? Хорошо ли, а также возможно ли, чтобы онъ изображалъ только чужую душу, языческую, если онъ христіанинъ, античную, если онъ нашъ современникъ, испанца, если онъ французъ? Возможно ли требовать, чтобы онъ справился съ этимъ силой своего генія?

Это спорная вещь. Одни говорятъ, что самое назначеніе художника состоитъ въ томъ, чтобы выставялъ въ своемъ произведеніи не себя, а что-нибудь постороннее; кто говоритъ лишь о своемъ я, тотъ не творить, а только высказывается,—у него ограниченный и бѣдный талантъ. Искусство должно выйти изъ рамокъ своего я, понять самыя разнообразныя настроенія, какъ будто бы они были наши собственные, и выразить ихъ такъ, какъ еслибы они исходили изъ нашего сердца. Другіе находятъ, что мы никогда не можемъ изобразить ничего помимо себя; когда мы рисуемъ внѣшнія для насъ вещи, то не мы переносимся въ нихъ, а переносимъ ихъ въ себя, и какъ бы тщательно авторъ ни старался избѣгать откровенности, ему никогда не удастся спрятать себя въ своемъ произведеніи.

Я не знаю, на чьей сторонѣ правда въ теоріи, но на практикѣ хорошо извѣстно, что искусство никогда не было ни исключительно-личнымъ, ни абсолютно-безличнымъ. Существуютъ степени. Нѣкоторые художники любятъ особенно выставять себя; но ихъ душа проникнута и наполнена массой внѣшнихъ впечатлѣній, которыя и входятъ въ неразрывную связь съ ихъ я. Другіе любятъ скрывать свою личность и свои собственные чувства и изображать только чужую душу; но эту чужую душу они перечувствовали своею, и потому въ манерѣ, съ которой они заставляють говорить другихъ, слышится ихъ собственный тонъ.

Шатобрианъ правъ, когда думаетъ, что въ изображеніяхъ античной души, сдѣланныхъ художниками XVII столѣтія, есть многочисленныя черты ихъ собственныхъ чувствъ. Но онъ правъ только отчасти, потому что люди, о которыхъ онъ намъ говоритъ, великіе художники; они умѣли если не вполне, то съ необыкновеннымъ могуществомъ превращаться въ тѣхъ

кого хотѣли изобразить, и становиться испанцами, творя Сида, и римлянами, создавая Горація. Приведенное мнѣніе Шатобріана походить скорѣе на ловкій аргументъ, къ которому увлекло его рвеніе защитить свое положеііе, чѣмъ на сильное доказательство. Но, однако, надо прибавить, что это немного болѣе, чѣмъ аргументъ: это, вѣроятно, убѣжденіе. Шатобріанъ не вѣрилъ въ безличное искусство, потому что его собственное содержить много чертъ его личности. Во *всѣхъ* своихъ произведеніяхъ, *Атала*, *Рене*, *Мученикахъ*, *Начертъ*, *Путевыхъ запискахъ*, *Воспоминаніяхъ*, *Рансе*, онъ рисуетъ себя самого; и такъ какъ при этомъ онъ чувствовалъ себя великимъ художникомъ, что же удивительнаго въ его недовѣрїи къ тому, чтобы другіе художники имѣли обыкновеніе и способность выходить изъ рамокъ своей личности?

Какъ бы то ни было, традиція разбита: нѣтъ античнаго духа, античной религіи, античной нравственности. Будемъ французами, христіанами, новыми людьми и самими собой. Подражательная литература, даже свободная, есть заблужденіе. Классическая литература заблуждалась. *Геній христіанства*, какъ произведеніе критики, былъ знаменіемъ новыхъ временъ, призывомъ къ новымъ вдохновеніямъ. Но какія же новыя вдохновенія? Посмотрите, что сдѣлали древніе; не надо подражать древнимъ, надо поступать такъ, какъ они поступаютъ, а это не одно и то же. Они воспѣвали своихъ боговъ, свое отечество и самихъ себя. Создадимъ національныя произведенія, христіанскія поэмы, элегическую или лирическую поэзію, гдѣ бы мы раскрыли истинныя чувства нашего сердца.

Таковы литературныя идеи Шатобріана съ ихъ отважными заключеніями и слабыми пунктами. Онѣ глубоки, новы и въ цѣломъ справедливы. Для ихъ времени онѣ удивительны. Онѣ были чрезвычайно плодотворны, уничтожали упорные и вредные предразсудки, освобождали умы, указывали на почти новые источники вдохновенія.

Чувствительность и воображеніе составляютъ поэта, и одного изъ этихъ двухъ качествъ достаточно, если оно превосходно или могущественно. Сочетаніе обоихъ даетъ необыкновенныя произведенія. У Шатобріана живая чувствительность и обширное воображеніе. Воображенія у него больше, чѣмъ чувствительности. Его чувствительность эгоистична, а воображеніе сильно.

Онъ чувствуетъ, и очень живо. Толчки въ его нравственной жизни всегда отличались страшною силой. Первое причащеніе произвело въ немъ переворотъ. Первые приступы юношеской любознательности и страстей молодости дѣйствовали на него, какъ горячка. Меланхолія, которую ведетъ съ собой наступленіе зрѣлаго возраста, была для него отчаяніемъ; онъ провелъ весь день, въ который ему исполнилось 40 лѣтъ, въ мрачномъ оцѣпенѣніи. Его гнѣвъ былъ ужасенъ. Нѣтъ болѣе жестокаго взрыва ненависти, какъ его брошюра *О Бонапартѣ и Бурбонахъ*. Но предметомъ этой чувствительности служить всегда только онъ самъ. Немного найдетея людей, которые бы болѣе плѣняли, любили плѣнять и менѣе любили сами. «Оча-

ователь», какъ называетъ его Жуберъ съ свойственною ему вѣрностью наблюденія и выраженія, плѣнялъ мѣръ; это только и связывало его съ нимъ. Онъ рассказываетъ о смерти лицъ, наиболѣе любившихъ его, съ простымъ и скромнымъ величіемъ, внушающимъ уваженіе; но для человѣка съ такимъ могущественнымъ и часто роскошнымъ воображеніемъ это нѣсколько сухо. Въ молодости и даже въ 22 года мы видимъ его чрезвычайно боязливымъ. Отъ этого осталось у него совершенное отсутствіе довѣрчивости и откровенности: «Осторожность есть внутреннее уединеніе, мѣшающее болтать обо всемъ, что меня занимаетъ. Я никогда не говорю о моихъ интересахъ, о намѣреніяхъ, работахъ, идеяхъ, привязанностяхъ, такъ какъ глубоко убѣжденъ въ скужѣ, которую мы причиняемъ другимъ, говоря о себѣ». Это смѣсь застѣнчивости и гордости, которая обнаруживаетъ душу, способную удовлетворяться собой.

Это не мѣшаетъ быть нѣжнымъ; это отлично уживается съ жгучими изліяніями Рене, съ безпокойными ласками его задушевной переписки. Такіе люди любятъ только свои мечты и отголосокъ этихъ мечтаній въ сердцахъ другихъ и изливаютъ свою душу въ чужую лишь для того, чтобы имъ отдали эту послѣднюю; а это только утонченный способъ любить себя. Отсюда происходитъ стремленіе къ откровенности безъ ея опредѣленнаго предмета и нравящееся имъ мученіе вѣчной страсти, столько же горячей, какъ и неопредѣленной.

Это ведетъ къ заключенію, что можно имѣть нѣжное сердце, но не доброе, и быть глубоко потрясенному любовью, не любя. Всѣ привязанности Шатобріана были таковы. Онъ никогда не отдается, онъ ссушаетъ себя съ расточительностью. Его страсти, какъ частнаго человѣка, такъ и политика и вѣрующаго, носятъ этотъ характеръ. Онъ страстно любилъ быть любимымъ своею страной, своимъ королевемъ, своимъ Богомъ. Онъ хотѣлъ бы, чтобы его ласкала его извѣстность, и, въ то же время, дѣлалъ видъ, что ее презираетъ, и всю свою жизнь онъ кокетничалъ со славой.

Изъ всего этого образовалась дѣйствительная, но странная чувствительность, въ которой страсть служитъ блестящею формою эгоизма. У человѣка съ гениемъ изъ этого получается глубокое знакомство, печальный анализъ и великолѣпная выставка своего я. Всю жизнь Шатобріанъ съ самодовольствомъ наблюдалъ самого себя, съ жестокостью изслѣдовалъ, рассказывалъ съ нѣжностью и краснорѣчіемъ. Но какъ же это не надоедаетъ? Во-первыхъ, потому, что это прекрасно; во-вторыхъ, потому, что каждый человѣкъ, исключая таланта, походить на другаго, и въ трагическомъ монологѣ Шатобріана насъ интересуется трагедія нашей собственной природы. Къ тому же, все это было такъ далеко заведено, что даже *Исповѣдь* Руссо даетъ только слабое предвзвѣшеніе подобнаго состоянія.

Своею чувствительностью Шатобріанъ всецѣло обратился внутрь себя; своимъ воображеніемъ, не будучи преувеличеніемъ сказать, онъ свѣтитъ на цѣлый мѣръ. Тутъ нѣтъ ничего несовершенствомаго, во-первыхъ, потому, что великіе гени очень часто представляютъ соединеніе противоположныхъ качествъ;

затѣмъ, потому, что между субъективною чувствительностью и экспансивнымъ воображеніемъ нѣтъ даже противоположности. Вещи созданы не такъ, какъ люди; нѣтъ необходимости имъ отдаваться; надо заняться ими настолько, чтобы не только ихъ понимать, но и чувствовать. Въ этомъ отношеніи Шатобрианъ удивителенъ. Его чувствительность, не поглощенная, мало задерживаемая даже другими лицами, предоставила его воображенію полный просторъ распространяться съ сочувствіемъ на все мірозданіе.

«Я блуждалъ по большому вереску, который кончался лѣсомъ. Какъ много надо для моей мечтательности! Сухой листъ, гонимый передо мной вѣтромъ, хижина, дымъ которой поднимается надъ обнаженною верхушкой деревьевъ, мохъ, дрожащій на стволѣ дуба при дуновеніи сѣвернаго вѣтра; отдаленная скала, пустынный прудъ, на которомъ шепчетъ завядшій тростникъ... Уединенная колокольня подымалась въ глубинѣ долины. Я часто слѣдилъ глазами за перелетными птицами, летѣвшими надъ моею головою. Я представлялъ себѣ незнакомые берега, далекія страны, куда онѣ направляются, я хотѣлъ бы имѣть ихъ крылья. Поднимитесь же, желанныя бури, которыя должны унести Рене въ предѣлы другой жизни! Говоря такимъ образомъ, я ходилъ большими шагами съ пылавшимъ лицомъ, вѣтеръ развѣвалъ мои волосы, я не чувствовалъ ни дождя, ни холода; я былъ очарованъ, взволнованъ, мной какъ бы владѣлъ демонъ моего сердца... Мнѣ казалось, что жизнь удвоивалась въ глубинѣ моего сердца, что я имѣлъ *мощество творить міръ*».

Вотъ мученія одинокой и одинокой по своему желанію души, которая обращается сама въ жадное воображеніе исчерпать природу, въ горячее желаніе смѣшаться съ вещами и въ нетерпѣніи творить.

Всѣ уединенные мечтатели имѣютъ эти порывы, которые часто только утомляютъ ихъ нервы. Но Шатобрианъ имѣлъ крѣпкое сложеніе, большую силу ума и ни съ чѣмъ несравнимую способность къ работѣ. Подобно многимъ другимъ, онъ вопрошалъ міръ, но міръ отвѣчалъ ему, какъ и всѣмъ тѣмъ, которые умѣютъ диктовать ему отвѣты. Стремленіемъ его артистической природы было понять и прочувствовать красоту всѣхъ предметовъ, предметовъ наиболѣе противоположныхъ, наиболѣе отдаленныхъ одинъ отъ другаго, и наслаждаться ихъ сближеніемъ въ обширныхъ и хорошо расположенныхъ сочиненіяхъ. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Эпопея должна заключать въ себѣ вселенную». Не только въ эпопеѣ, но и вездѣ онъ никогда не стремился ни къ чему меньшему.

Античныя общества, новыя общества и дикія общества встрѣчаются и нѣсколько сталкиваются въ *Опытѣ*. Надо, чтобы христіанство, фетишизмъ, любовь естественная, любовь христіанская и любовь своевременная встрѣчались въ *Атала*; надо, чтобы природа, развалины, цивилизація, общество, уединеніе, желанія, дѣйствіе и стремленіе къ несчастію встрѣчались на нѣсколькихъ страницахъ *Рене*; тамъ же можно встрѣтить древнюю войну, современную войну, естественное состояніе, высшую цивилизацію, жестокое варварство, безнадежную утонченность, любовь бессознательную, любовь

покинутую и нѣжную, любовь меланхолическую и горькую; мало этого: XVII вѣкъ и вѣка первобытные, дѣвственные лѣса и Версаль, патриархальный бытъ и Людовикъ XIV, ночи Вооза и ужины Ниноны де-Лангло и т. п. умѣщались (и поистинѣ въ очаровательной формѣ) въ *Natches*.

Несмотря на громадное усиліе, и артистическаго умѣнья Шатобріана было недостаточно, чтобы спаять и совмѣстить столько несходствъ. Но онъ стремится къ этому и въ этомъ заключается новое, совѣмъ оригинальное понятіе о поэтической идеѣ и произведеніи искусства. Современникамъ Шатобріана нравилось мелочное во всѣхъ вещахъ. Они придерживались описаній въ области искусства, но замѣтите, что они описывали все и придавали тѣмъ больше цѣны обработкѣ предмета, чѣмъ мелочнѣе былъ предметъ. Въ области эпической поэзіи они рассказывали хорошенкіе анекдоты и ихъ умъ былъ остроуміемъ. Шатобріанъ какъ бы сказалъ имъ: «Развѣ вы не видите, что существуютъ великія вещи? Откройте же глаза; въ особенности подымите ихъ и смотрите!»—Но на что?—«Да на все!—это очень интересно».

Благодаря этой любви къ поискамъ и этой способности чувствовать красоту всего, наиболѣе разнообразнаго, онъ переступалъ границы своей относительно узкой чувствительности; онъ переступалъ даже свои литературныя идеи. Въ самомъ дѣлѣ, его литературныя идеи стремились къ литературѣ оригинальной и искренней, къ литературѣ національной и христіанской. Но въ нихъ заключается еще нѣчто болѣе и лучшее. Знать, что все въ вселенной и въ исторіи поэтично и заключаетъ въ себѣ зародышъ прекраснаго, матеріалъ для искусства, что если новая душа таинственна, то античная душа имѣетъ другое величіе—наивность, что Афины и Иерусалимъ достойны удивленія, каждый въ своемъ родѣ, и что если христіанство прекрасно, то прекрасно также и язычество,—это значило открыть новое искусство, искусство Гёте и позднѣе Гюго.

Но это еще не все. Искусство, понятое такимъ образомъ, двигаясь отъ Флориды до Пирамидъ, идетъ также отъ величія къ граціи и отъ святости къ улыбкѣ. Шатобріанъ владѣетъ не однимъ только гениемъ. У него много ума. Онъ весело рассказываетъ хорошенкіи анекдоты, ловко набрасываетъ силуэтъ своего лакея, своего проводника, сумасброднаго паши. Веселый, насмѣшливый умъ, который мы съ удивленіемъ видимъ иногда въ какомъ-нибудь изъ привлеченій его молодости, переданныхъ Жюберомъ, встрѣчается въ *Путевыхъ запискахъ, Воспоминаніяхъ* съ живымъ, быстрымъ, краткимъ слогомъ, который такъ къ нему идетъ.

Богатство, разнообразіе, гибкость воображенія помогли ему удивительно чувствовать произведенія природы. Бернарденъ де-С.-Пьеръ, на половину скромно; на половину лукаво, говоритъ м-ше Бомонъ: «Я владѣю только небольшою кисточкой, а Шатобріанъ — щеткой». Такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ людьми, говорящими метафорами, то позволимъ себѣ сказать, что у Бернардена де-С.-Пьера была маленькая флейта, а у Шатобріана цѣлый оркестръ, или лучше скажемъ просто, что на ряду съ Лукреціемъ и

Лафонтенемъ Шатобрианъ величайшій живописецъ, краснорѣчивѣйшій толкователь природы, и надо прибавить, что онъ является Лукреціемъ безъ системы и, благодаря путешествіямъ, болѣе богатымъ, чѣмъ Лафонтенъ.

«Пейзажъ есть состояніе дѣла»,—сказалъ остроумно одинъ современный моралистъ; это значить, что художникъ окрашиваетъ предметы, которые его окружаютъ, чувствомъ, которое имъ владѣть, и, помимо даже желанія, рисуетъ ихъ красками, которыя служатъ выраженіемъ этого чувства. Въ этомъ тайна пейзажистовъ, даже самыхъ великихъ. Но для того, кто передъ лицомъ природы испытываетъ только любовь къ ней, дѣло обстоятъ иначе. Шатобрианъ любилъ природу, какъ Лафонтенъ животныхъ, и это, можетъ быть, единственно глубокое и постоянное чувство, которое онъ когда-либо имѣлъ. Онъ ѣздилъ на Востокъ искать религіозныхъ волненій, а привозилъ оттуда преимущественно пейзажи, и въ такомъ количествѣ, что они переполнили *Мучениковъ*, ихъ хватило на *Путевыя записки* и еще осталось для *Воспоминаній*.

Предметы говорятъ съ нимъ. Шатобрианъ получаетъ отъ нихъ прямое и полное впечатлѣніе. Ничто не обезображиваетъ и не искажаетъ яснаго и свѣтлагого изображенія, идущаго отъ нихъ прямо къ нему въ душу. Его гордость и горечь, заставляющія его иногда несправедливо относиться къ людямъ, не стѣсняють его передъ природой; онъ не отличался систематичностью и не простиралъ мизантропію до всемірнаго пессимизма, который заставляеть видѣть злую природу.

Мнѣ кажется, что именно это онъ намъ самъ говоритъ въ такихъ выраженіяхъ: «Очаровательныя размышленія! тайныя и невыразимыя прелести души, наслаждающейся собой! я васъ позналъ вполне среди пустынь Америки. Хвастаются любовью къ свободѣ! Когда во время моихъ путешествій я оставилъ европейскія поселенія и очутился въ первый разъ одинъ среди океана лѣсовъ... охваченный какимъ-то безуміемъ; я не держался никакой дороги, я шелъ отъ дерева къ дереву; безразлично направо, налево, и говорилъ себѣ: «Здѣсь не надо держаться дорогъ, здѣсь нѣтъ ни городовъ, ни узкихъ домовъ, ни королей, ни президентовъ республики, ни законовъ, ни людей...»

Природа у Шатобриана является не прикрашенная, не идеализированная, не обезображенная, а такая, какъ она существуетъ въ дѣйствительности. Другіе писали наизусть по поводу ея или романъ, или философское сочиненіе; онъ видитъ ее и любитъ ее.

Трудно было, чтобъ изъ этой чувствительности, такой живой, но такъ замкнутой въ себѣ самой и такъ мало распространявшейся на людей, могла выйти глубокая и пронизательная психологія. Обратите вниманіе, что самый большой мизантропъ между моралистами началъ съ любви къ людямъ, до крайней стѣпи, съ того, что любилъ смѣшиваться съ ними.

Вспомните Рошфуко и Лабрюйера; Расина и Мольера, Корнеля, который скорѣе великій идеалистъ: челоѣческой природы, чѣмъ точный живо-

писецъ людей, и, наконецъ, Руссо. Великій моралистъ начинаетъ любить людей; по крайней мѣрѣ, изъ любопытства; потомъ онъ ихъ узнаетъ, потомъ отдѣляетъ себя отъ нихъ, что также необходимо, чтобъ ихъ нарисовать; затѣмъ онъ ихъ рисуетъ. Но кто никогда даже не ощущалъ удовольствія находиться среди нихъ, тотъ можетъ быть великимъ поэтомъ; онъ никогда не будетъ живописцемъ человѣчества. Шатобрианъ имъ и не былъ. Единеніе учить людей, обладающихъ гениемъ, всему, кромѣ человѣческихъ страстей, если исключить ихъ собственныя. Въ этомъ отношеніи Шатобрианъ ограниченъ: онъ знаетъ только свою душу, онъ знаетъ ее хорошо настолько, чтобы вкладывать ее съ достаточнымъ разнообразіемъ во всѣхъ своихъ героевъ: Шаптаса, Рене, Евдора. Но, вълѣдствіе этого, романъ даетъ намъ только одного героя. За исключеніемъ этого главнаго лица, нарисованнаго часто съ удивительною выпуклостью и разобраннаго съ чрезвычайною глубиной, ясно, что авторъ колеблется и что именно часть его искусства и безконечнаго очарованія художника употребляется, чтобы прикрыть это затрудненіе. У этого великаго художника портреты, даже физическіе, отсутствуютъ или представляютъ только быстрый, хотя и прелестный набросокъ. Что касается нравственныхъ портретовъ, за исключеніемъ всегда тѣхъ, въ которыхъ онъ изображаетъ самого себя, то они слабы до такой степени, что кажется, что онъ ихъ избѣгаетъ. Въ этомъ состоитъ главный недостатокъ Шатобріана, и, говоря правду, единственный, который очень чувствуется.

Другіе недостатки происходятъ отъ другихъ причинъ, которыя мы также знаемъ. Планъ сочиненія у Шатобріана представляетъ богатый предметъ для спора. Одни находятъ, что его нѣтъ вовсе; другіе находятъ, что онъ удивительно хорошъ, — и тѣ, и другіе говорятъ не безъ основанія. Его сочиненія превосходны, какъ произведенія искусства, и очень плохи, какъ произведенія логики. При чтеніи *Генія христіанства*, если вы хотя немного вспомните *Изложеніе католической вѣры* или рѣчь о *Всемирной исторіи*, вамъ станетъ нѣсколько совѣстно за нашъ вѣкъ. Въ дидагическомъ сочиненіи планъ есть способъ доказательства, и этого искусства недостаетъ у Шатобріана, который во всю свою жизнь ничего не доказалъ, кромѣ того, что онъ великій поэтъ. Въ этомъ заключается особенность названнаго сочиненія, стремившагося стать поучительнымъ произведеніемъ и представляющаго изъ себя собраніе блестящихъ отрывковъ и прекрасныхъ страницъ. Не достаетъ связи. Это листья, которые вылетаютъ изъ грота Сивиллы. Самъ Шатобрианъ не отвергнулъ бы этого сравненія.

Наоборотъ, въ произведеніяхъ воображенія никто болѣе его не имѣлъ чувства мѣры и заковченности. Онъ былъ классикомъ и французомъ въ этомъ отношеніи, какъ всѣ наши великіе новые писатели, даже наиболѣе освободившіеся отъ традицій, какъ Гюго, какъ Флоберъ. Въ этомъ сказывается устойчивый инстинктъ расы.

Прежде всего, онъ владѣетъ симметричностью сочиненія, которую мы такъ любимъ, и стараньемъ хорошо расположить и соразмѣрить части.

Путевыя записки, которыя могли бы обойтись безъ этого; такъ какъ представляють собой дорожныя впечатлѣнія, носятъ именно такой характеръ. Здѣсь являются три пункта, которые составляютъ три центра, отдѣльные, но, въ то же время, связанные между собой и, притомъ, въ восходящемъ порядкѣ: *Спарта — Аѳины — Иерусалимъ*: античная сила, античное искусство, христіанскій духъ; затѣмъ онъ быстро скользитъ мимо Египта, Карфагена, мимо Испаніи, о которой, кажется, онъ имѣлъ поразить сказать кое-что очень интересное: надо, чтобы послѣ Иерусалима остатокъ путешествія имѣлъ характеръ только эпилога.

Затѣмъ Шатобрианъ обладаетъ истинно артистическою способностью, если можно такъ сказать, органическою, которая заставляетъ жить и волноваться произведеніе искусства около группы чувствъ, его оживляющихъ. Въ *Путевыхъ запискахъ* господствуютъ, вращаются и появляются черезъ промежутки три или четыре чувства, которыя даютъ единство самымъ разнообразнымъ сценамъ. Незначительность человѣка передъ памятниками исторіи и самая суетность этихъ памятниковъ, представляющихъ развалины, среди вѣчной и спокойной природы, — вотъ одно изъ тѣхъ настроеній, которыя появляются время отъ времени при удобномъ случаѣ, чтобы связать блестящіе очерки и отступленія любознательнаго путешественника и художника.

Одинъ изъ недостатковъ Шатобриана зависитъ отъ самаго старанія его поучать и доказывать. Что бы тамъ ни говорили, *Мученики* представляютъ изъ себя поэму и ничего больше. Но въ его намѣренія входило сдѣлать изъ этого сочененія тезисъ, и слѣды этого замѣтны. Надо было доказать, что христіанское чудесное прекраснѣе языческаго чудеснаго и сопоставить эти два рода чудеснаго. Именно вслѣдствіе того, что Шатобрианъ обладаетъ удивительною способностью находить прекрасное вездѣ, гдѣ оно есть, то-есть повсюду, онъ даетъ намъ образцовыя страницы античнаго вдохновенія (всѣ первыя книги *Мучениковъ*) и чудные, оживленные образцы христіанскаго духа. Но онъ считаетъ своимъ долгомъ ввести въ свою поэму *то*, что есть чудеснаго въ христіанствѣ, и *все*, что есть чудеснаго въ язычествѣ, чтобы развитіе его тезиса отличалось полнотой; вотъ почему мы встрѣчаемъ тамъ столько бесполезнаго съ точки зрѣнія искусства.

Несмотря на это, всѣ произведенія Шатобриана заслуживаютъ того, чтобы ихъ читали; между ними есть даже четыре или пять безусловно-превосходныхъ: прежде всего, эти короткія прелестныя книги *Рене*, полныя такой поэзіи и такого изящнаго волненія; затѣмъ *Мученики*, несмотря на ихъ недостатки, или, если хотятъ выбрать ихъ нѣхъ, то рассказъ Евдора, гдѣ есть страницы, равныя самымъ чудеснымъ страницамъ нашей литературы; картины религіозной жизни, заключающіяся въ *Геніи христіанства*; *Спарта*, *Аѳины* и *Иерусалимъ* въ его *Путевыхъ запискахъ*; годы юности въ *Воспоминаніяхъ*; наконецъ, *Natchez*, кромѣ первыхъ главъ. Это вмѣстѣ съ *Рене* есть истинная книга молодости Шатобриана, безъ системы, безъ претензіи, — Шатобриана, опыяннаго свободой, удивленіемъ, книга, полная искренней ироніи, наивности и великодушнаго отчаянія. Не надо забывать,

это возвышенныя страницы *Гемля* (напримѣръ, дѣсь Америки при лунѣ) попросту заимствованы изъ *Natches*, и *Рене* и *Атала* были въ ихъ первоначальной формѣ его отрывками. Здѣсь заключенъ живой, свѣжій, чудесно бьющій и свободный источникъ, изъ котораго должна была родиться эта река, такъ обильно разливавшаяся въ продолженіе сорока лѣтъ.

Слогъ, наиболѣе характеризующій Шатобріана, тотъ слогъ, который всѣ видѣютъ въ виду, говоря: *слогъ Шатобріана*, отличается блескомъ, плавностью и гармоніей. Живость описанія увеличивается искусствомъ группировать и обставлять сцену, выдѣляя и ограничивая ее. Его сравненія стали знамениты. Многія, на самомъ дѣлѣ, новы, оригинальны, т.-е. являются оборотами мысли, а не слога. Много говорили объ «этой высокой колоннѣ, которая возвышается одна въ пустынѣ, какъ великая мысль возвышается черезъ промежутки времени въ душѣ, которую опустошили время и несчастье». Склонность къ сближенію состоянія души съ матеріальнымъ предметомъ, который становится, такимъ образомъ, символомъ, очень ярко выдѣляется у Шатобріана.

Плавность, которую нужно отличать отъ гармоніи, есть даръ представлять мысль, даже когда она не живописна и не выражаетъ никакой гармоніи природы, въ полной, звучной и уравновѣшенной формѣ, въ которой ухо находитъ раньше ума и возбужденіе, и удовольствіе. Учителями плавности были Платонъ, Цицеронъ и Боссюэтъ. Шатобріанъ далъ языку какъ бы трепетаніе сильнаго вдохновенія. Позднѣе слогъ его испортился. Въ *Мученикахъ* онъ очень неровенъ, въ *Рансе* онъ совсѣмъ плохъ.

Шатобріанъ представляетъ собой самое крупное явленіе въ исторіи французской литературы со времени Пелледа. Онъ полагаетъ конецъ литературному развитію, продолжавшемуся около трехъ столѣтій, и съ него начинается новая литература, которая будетъ долго еще развиваться. Его идеи освободили его поколѣніе; его примѣръ поднялъ новое; его гений оживляетъ еще тѣхъ, которые за нимъ послѣдовали. Весь Ламартинъ, весь Виньи, первая манера Гюго, первая манера Жоржъ Занда, часть Миссе, большая часть Флобера происходятъ отъ него, и Огюстенъ Тьерри открываетъ искусство современнаго историка, читая Шатобріана. Мы оставляемъ въ сторонѣ подражателей въ собственномъ смыслѣ, которые неисчислимы.

Его вліяніе на нравы было значительно, потому что онъ ихъ затрогивалъ въ ихъ источникѣ, въ глубинѣ души. Отчаяніе, меланхолія, усталость бытія стали послѣ него обыкновенными состояніями и нравственными привычками и даже свѣтскою рисою. Одно время забытыя, и то не вполне, онъ возрождаются въ настоящее время. Шатобріанъ понималъ красоты всѣхъ временъ и всѣхъ міровъ и призвалъ всѣ таланты тамъ черпать. Историки, поэты, романисты, моралисты, философы, историки религіозныхъ идей, путешественники, — всѣ ему чѣмъ-нибудь обязаны. Какъ бы ни относились недобѣрчиво къ точнымъ формуламъ, въ одно и то же время, всегда слишкомъ широкимъ и слишкомъ узкимъ, все же можно риснуть назвать Шатобріана человекомъ, обновившимъ французское воображеніе.

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

XXIX.

Настоящій *Очеркъ* я задумалъ писать по поводу книги М. Г. Моргулиса *Вопросы еврейской жизни*. Подобралъ матеріалъ и собравшись уже работать, я прочелъ въ *Новостяхъ* рассказъ о находящемся на парижской выставкѣ сибирскомъ самоучкѣ-механикѣ Растиковѣ-Алмазовѣ. Рассказъ показался мнѣ очень удобнымъ для предисловія и въ такомъ видѣ я имъ и воспользуюсь.

То, что рассказываетъ въ *Revue des Deux Mondes* Мельхиоръ де-Вогюэ объ Алмазовѣ, не просто рассказъ о походеиіяхъ русскаго самоучки, — нѣтъ, тутъ и между строкъ, и прямо изложена цѣлая умственная драма, ужасъ которой для Вогюэ и для всякаго европейца заключается въ младенчески-первобытной и, въ то же время, самодовольной безсознательности какъ тѣхъ, кто направлялъ Алмазова на выставку, такъ и въ безсознательности самого Алмазова, сѣвшаго на парижской выставкѣ съ своими изобрѣтеніями. Конечно, мы думали изумить Европу непочатою даровитостью нашихъ народныхъ силъ; въ дѣйствительности же мы изумили ее лишь нашею неумѣлостью давать зачаткамъ даровитости такое развитіе, которое бы превращало ихъ въ дѣйствительную силу и не сжимало сердца скорбною болью о бесплодно пропадающихъ способностяхъ.

Не Растиковъ-Алмазовъ фигурировалъ на парижской выставкѣ представителемъ русскихъ самобытныхъ изобрѣтеній, фигурировали мы, русскіе, выставившіе Алмазова, какъ печальныйъ результатъ нашей неумѣлости обращаться съ нашими умственными силами, какъ обращеніе нашего собственнаго непониманія и неразвитія, какъ продуктъ нашей умственной атмосферы, какъ плодъ нашей отсталой общественной и умственной культуры.

Алмазовъ — это наиболѣе жалкая и обидная антитеза нашимъ самохвално-самодовольнымъ крикамъ о русскомъ умѣ, о нашихъ умственныхъ успѣхахъ и нашемъ интеллектуальномъ ростѣ. Если бы Парижъ былъ выставкой не успѣховъ ума, а выставкой средствъ, которыми всѣ эти умственные успѣхи чѣловѣчествомъ созданы, то мы не могли бы дать болѣе за-

вонченной наглядной отрицательной картины этихъ средствъ, какъ отпраздненья на выставку Алмазова.

Патріоты, отправлявшіе Алмазова въ Парижъ, конечно, меньше всего понимали, что не русскаго изобрѣтателя-самоучку они выставляютъ, а выставляютъ они свое собственное умственное младенчество, выставляютъ прагмъ нашей домашней умственной атмосферы, въ которой всякая умственная сила или вымираетъ въ зародышѣ, или развивается въ несовершенную форму, или же становится уродствомъ. Вотъ что выставили мы въ Парижѣ въ образѣ Растикова-Алмазова.

Исторія умственнаго развитія Алмазова очень поучительна, хотя и нова. Родился онъ въ Омскѣ, работалъ на фабрикахъ, съ дѣтства чувствовалъ влеченіе къ механикѣ, рассматривалъ машины, придумывалъ въ нихъ разныя измѣненія и усовершенствованія, желалъ учиться, желалъ испробовать на дѣлѣ свои изобрѣтенія. Услышавъ, что на Уралѣ, въ Екатеринбургѣ, устраиваютъ выставку, Алмазовъ рѣшилъ отправиться туда. Благодаря покровительству генералъ-губернатора, Алмазовъ добрался до Екатеринбурга, гдѣ и получилъ на свои изобрѣтенія патентъ. Изъ Екатеринбурга Алмазовъ со всѣми своими моделями поѣхалъ въ Казань. Въ Казани встрѣтилъ онъ добродушную барыню, которая довезла его до Харькова. Въ Харьковѣ на выставкѣ онъ опять разложилъ свои изобрѣтенія и получилъ второй патентъ. Въ томъ же Харьковѣ заинтересовался Алмазовымъ актеръ Андреевъ-Бурлакъ и привезъ его въ Москву. Здѣсь какой-то американецъ, осмотрѣвъ модели Алмазова, выбралъ изъ нихъ нѣкоторые и предложилъ за нихъ сто рублей. Это показалось Алмазову мало и онъ написалъ Бурлаку. Бурлакъ посоветовалъ не связываться съ американцемъ, и пригласилъ Алмазова пріѣхать въ Петербургъ и выслалъ деньги на дорогу. Въ Петербургѣ направили Алмазова къ генералу Рихтеру, который пристроилъ его на заводъ морскаго вѣдомства въ Бронштадтѣ. Приглядѣвшись къ усовершенствованнымъ заводскимъ механизмамъ, Алмазовъ убѣдился, что многія изъ его изобрѣтеній были давно уже изобрѣтены и въ гораздо лучшемъ видѣ. Такъ прошелъ годъ. Пошли толки и приготовленія къ парижской выставкѣ. Алмазову очень захотѣлось показать свои изобрѣтенія Европѣ. Опять помогли добрые люди и Алмазовъ со всѣми своими изобрѣтеніями очутился въ Парижѣ. Здѣсь нашлись новые добрые люди; одни изъ нихъ его кормили, другіе устроили ему на выставкѣ клѣтку, посадили въ нее жѣстѣ съ его изобрѣтеніями и на клѣткѣ сдѣлали надпись: «Растиковъ-Алмазовъ, изобрѣтатель-механикъ изъ Омска въ Сибири».

Да, свѣтъ не безъ добрыхъ людей! Но всѣ эти добрые люди не увидѣли въ Алмазовѣ ничего, кромѣ любопытной звѣрушки, выучившейся сама собою дѣлать разныя занятныя штуки, и стали они эту звѣрушку возить на-показъ по всѣмъ выставкамъ и ярмаркамъ, пока не привезли въ Парижъ, гдѣ и бросили.

И въ то время, когда добрые русскіе люди, возившіе съ тщеславнымъ чувствомъ любопытную звѣрушку на-показъ, наконецъ, довели ее до Па-

рижа, гдѣ съ тѣмъ же самодовольнымъ патристическимъ тщеславіемъ посадили въ отдѣльную кѣтку, какъ образчикъ сибирскаго самородка, европейски-просвѣщенный французъ, совершенно случайно замѣтившій кѣтку съ запертымъ въ нее изобрѣтателемъ, смотрѣлъ на него съ сердечною болью и думалъ: «Вотъ человекъ, который, за недостаткомъ первоначальныхъ свѣдѣній, затратилъ массу умственнаго труда, чтобы открыть себѣ дорогу, давно уже проложенную человѣческимъ гениемъ, чтобы снова изобрѣсти азбуку науки, подобно гениальному ребенку, который собственнымъ умомъ дошелъ до эвклидовскихъ теоремъ. Онъ и не подозреваетъ, какую умственную тяжесть нужно поднять, чтобы создать себѣ мѣсто въ высшемъ умственномъ мірѣ, притягивающемъ его къ себѣ. Полный неунывающей надежды, онъ всю жизнь свою рассчитывалъ на добродѣтельныхъ барынь и благодушныхъ актеровъ, которые, наконецъ, и довели его до Парижа, гдѣ онъ и затерялся одинокой, почти нѣмой»... «Умоляю нашихъ инженеровъ и ученыхъ, которымъ эти строки попадутся на глаза, — взымайте де-Вогюзъ, — чтобы они бросили взглядъ на выставку Алмазова и опредѣлили степень его дарованій. Сибирскій изобрѣтатель напомнитъ имъ предшественниковъ, подговлявшихъ нынѣшнее торжество науки, искавшихъ догадывавшихся и вѣрившихъ подобнымъ же образомъ въ сравнительно недавнее еще время».

Между этимъ стройнымъ, законченнымъ, осмысленнымъ и сознательнымъ отношеніемъ къ жизни, — отношеніемъ, которое каждое явленіе сейчасъ же устанавливаетъ на принадлежащее ему мѣсто, и умственнымъ младенчествомъ «добродѣтельныхъ барынь и благодушныхъ актеровъ», только перемещившихъ Алмазова съ мѣста на мѣсто, лежитъ такая же пропасть, кадая раздѣляетъ самого Алмазова... ну, хотя бы отъ Эдиссона.

Эдиссонъ — тоже сынъ рабочаго и, подобно Алмазову, росъ тоже на улицѣ. Но этотъ сынъ рабочаго уже одиннадцатилѣтнимъ мальчишкой, торгуя на станціи желѣзной дороги спичками и всякою дрянью, въ свободное время между поѣздами читалъ Гиббона, Юма, энциклопедію, качественный химическій анализъ. Любознательный ребенокъ проникалъ не только въ спеціальныя частности химическихъ явленій, но усмивался этимъ частіямъ подыскать мѣсто въ общихъ явленіяхъ жизни, ввести ихъ въ общую съ ними связь. То была цѣлая умственная школа, которую проходилъ ребенокъ, — школа, вырабатывавшая ему полную законченную сѣть представленій, дававшая стройную связь его мышленію и создавшая то, что называется дисциплиною ума.

Пройдя такую умственную школу, Эдиссонъ на парижской выставкѣ является не изолированнымъ тѣломъ; онъ не теряется въ чудесахъ ея многообразія, для него на ней все ясно и понятно, всему онъ видитъ его надлежащее мѣсто, все отдѣльное частное сливается для него въ общее гармоническое цѣлое, въ которомъ онъ съ тою же сознательною ясностью видитъ и свое собственное мѣсто.

Это умственное ясновидѣніе, сознание своей умственной преэминен-

сти и точнаго положенія этой преемственности связываютъ Эдиссона такими опредѣленными и ясными для него узлами съ культурными результатами общаго промышленнаго труда человѣчества, что Эдиссонъ среди чудесъ парижской выставки чувствуетъ себя такъ же легко и свободно, какъ рыба въ водѣ, и сознаетъ вполне свою точную частную опредѣленность среди такой же ясной и точной для него общей опредѣленности.

Нашъ же Алмазовъ сидитъ изолированную звѣрушкой въ своей клѣткѣ, «затерянный, одинокій, почти нѣмой», подъ особенною сочиненною для него вывѣской, точно экспонатъ какой! И мы, добрые русскіе люди, поставили его дѣйствительно въ это обидное, оскорбительное положеніе, мы сами навели просвѣщеннаго француза къ клѣткѣ съ этимъ русскимъ экспонатомъ, и просвѣщенный французъ, тронутый страдательнымъ положеніемъ несчастнаго, взываетъ къ экспертамъ, чтобы они успокоили этого нравственнаго мученика и удовлетворили бы его, признавъ въ немъ человѣка. Такимъ образомъ, потребовалась случайность парижской выставки и европейски-просвѣщенные люди, чтобы сдѣлать то, что слѣдовало сдѣлать намъ, когда Алмазовъ былъ еще ребенкомъ и, живя въ своемъ родномъ Омскѣ, занимался изготовленіемъ изъ пробки и проволоки механическихъ игрушекъ.

Между этимъ просвѣщеннымъ европейскимъ сужденіемъ и сужденіемъ нашихъ «добрыхъ людей», не сумѣвшихъ удовлетворить Алмазова въ самомъ дорогомъ и важномъ для него вопросѣ: есть ли у него дарованіе и каковъ размѣръ его—лежать цѣлые вѣка культуры и умственнаго роста. Какъ Алмазовъ долженъ напомнить современнымъ французамъ ихъ предшественниковъ, подготовлявшихъ нынѣшнее торжество науки, такъ и «доброудѣльные барыни и благодушные актеры» должны теперешнимъ французамъ напомнить тоже ихъ уже давно пережитыя времена.

Да, тутъ двѣ разныя ступени роста, двѣ разныя степени развитія общественаго темперамента. Французъ уже выработалъ себѣ головной, умственный темпераментъ, онъ создалъ въ себѣ сознаніе и умственную дисциплину, поразительные факты которыхъ европейцы имѣютъ возможность наблюдать теперь... ну, хотя бы въ международномъ политическомъ поведеніи французовъ и въ изумительномъ тактѣ этого поведенія.

Французская печать вполне свободна. Каждый французъ можетъ писать все, что онъ хочетъ. А этихъ каждаыхъ пишущихъ французовъ не десятки людей, какъ у насъ, а тысячи, и къ какой бы французъ политической партіи ни принадлежалъ, онъ ни однимъ неосторожнымъ словомъ, ни одною неумѣстною, не относящеюся къ дѣлу мыслью не выйдетъ изъ предѣловъ того, что для этой мысли устанавливается общимъ ходомъ европейскихъ отношеній и политическими цѣлями, которыми задалась Франція.

Тактъ! Да, тактъ. Но что такое тактъ? Это очень тонкая, сознательная, мелочная работа такой же тонкой и сложной мысли, работа того же сознанія, совершенно ясно и несомнѣнно устанавливающаго для каждаго, что въ данный моментъ возможно и что невозможно, о чемъ слѣдуетъ говорить, о чемъ—молчать и какъ молчать.

Даже въ самыхъ, повидимому, обыденныхъ и повседневныхъ отноше- нияхъ французъ никогда не теряетъ своего мѣста, не выходитъ изъ предѣ- ловъ, которые онъ долженъ занимать. Его мысль всегда дисциплинирована, сдержана, всегда видитъ ясно связь причинъ и слѣдствій. Вотъ это-то об- щественное ясновидѣнiе, принявшее во Франціи уже наследственную ум- ственную форму, дѣлаетъ французовъ наиболее общественно-развитымъ европейскимъ народомъ.

Шло во время выставки первое торжественное представленіе триум- фальной оды въ честь республики. Громадный зрительный залъ, въ кото- ромъ было заготовлено 22 тысячи мѣстъ, настолько переполнился публикой, что многимъ пришлось жаться по двое на одномъ стулѣ. Ровно въ 9 часовъ началась торжественная увертюра, и только что публика стала вслушивать- ся въ мягкіе, мелодичные ея звуки, какъ загорѣлась одна изъ повѣшенныхъ къ потолку большихъ электрическихъ люстръ. Особенной опасности пожаръ не представлялось, потому что огонь не могъ передаться сосѣднимъ частямъ зданія, но, вѣдь, этого же публика не знала, и стоило какому-нибудь расте- рявшемуся человѣку крикнуть «пожаръ», чтобы многотысячною толпой овла- дѣла паника и, бросившись къ тѣснымъ выходамъ, она произвела давку со- всѣми ея страшными послѣдствіями. «И, несмотря на то,—разсказываетъ очевидецъ,—что всѣ чувствовали себя очень и очень не по себѣ, тѣмъ бо- лѣе, что пожарные почему-то долго медлили и люстра горѣла минутъ 7—10, прежде чѣмъ сообразили спустить ее внизъ, большинство сохрани- лочѣйшее присутствіе духа, старалось успокоить и другихъ и изъ залъ въ концѣ-концовъ, вышли очень немногіе, только тѣ, у кого было свѣдѣ- ния впечатлѣнiе ужаснаго пожара въ Орега Comique».

Теперь на мѣстѣ этой умной публики, сознающей и понимающей, что вокругъ ея происходитъ, представьте себѣ многотысячную толпу, состо- ящую изъ слѣдующихъ образчиковъ зоологическаго типа. Фактъ, который приведу, почти невѣроятный и, въ то же время, несомнѣнный. Кажется, по- добно Самарой или подъ какими-нибудь другими городомъ, но, во всякомъ случаѣ, по- добно Самарѣ, т.-е. тамъ, гдѣ люди, все-таки, повидимому, и больше думаютъ и больше знаютъ, нѣсколько мѣщанскихъ парней ловили ершей. «А ты ребята, хотите я проглочу ерша?»—говоритъ одинъ изъ парней, очевидно осѣненный необыкновенною для него, по своей новизнѣ, мыслью.—«Проглоти»,—отвѣчаютъ товарищи. Парень взялъ ерша и проглотилъ. «Да что, —говоритъ онъ,—ершъ небольшой, а я проглочу большого ерша». Проглотилъ парень, къ общему удовольствію публики, и большого ерша. Всѣ пришли въ восторгъ, а парень, упоенный успѣхомъ, предложилъ про- глотить ерша противъ шерсти. Выбравъ ерша побольше, парень глотнулъ его, посинѣлъ, запнулся и упалъ. Товарищи всполошились, однако, до- далься отнести несчастнаго въ больницу, по дорогѣ куда онъ и умеръ.

Между этими фактомъ и фактомъ умственнаго самообладанія, котор- ый я привелъ раньше, лежатъ, конечно, цѣлыя вѣка, но этотъ фактъ я, в- сего-таки, не притянулъ за волоса. Прослѣдите его въ ближайшей связи

другими фактами нашей русской жизни, тамъ, гдѣ она становится, повидному, интеллигентной, и вы увидите, что это все то же «глотаііе ершей». Развѣ «добродѣтельныя барыни и благодушныя актеры» (а ихъ только Алмазовъ и встрѣчалъ повсюду, начиная еще съ Омска) не занимались глотаііемъ ершей? Развѣ многочисленныя сотрудники нашихъ охранительныхъ органовъ, всѣ эти галдящія, шумящія, кричащія и не сознающія ничего Мещерскіе, Окрейцы и ихъ даже, повидному, болѣе образованное продолженіе не занимаются только «глотаііемъ ершей»?

Вѣдь, все несчастіе парня, поплатившагося за невѣжество жизнью, заключалось лишь въ томъ, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое человеческое горло, что такое ершъ и что можетъ случиться, если этого ерша проглотить противъ шерсти. Парень зналъ только свое «нутро»: «захочу—и сѣдлаю», вотъ весь его законъ. Это законъ—ощущеній и смутно бродящихъ силъ, толкающихъ человѣка туда и сюда. И толкаемый человѣкъ съ одинаковою легкостью будетъ свершать поступки глухые и умные, честные и безчестные, не понимая и не сознавая, что онъ дѣлаетъ. Въ жизни такого толкаемаго человѣка зависитъ все отъ случайностей, обстоятельствъ, столкновеній съ тѣми или другими людьми. Будетъ человѣкъ окруженъ однѣми случайностями—онъ будетъ такой, будетъ окруженъ другими—выйдетъ другой.

Ну, хотя бы Савинъ, котораго недавно судили въ Берлинѣ за мошенничество и оправдали, развѣ это не человѣкъ той самой «роковой случайности», которая дѣлаетъ русскую жизнь такую неопредѣленной, что у насъ сложилась даже поговорка: «отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся»? Что въ этой жизни опредѣленнаго, яснаго, руководящаго и настолько сознательно установившагося, чтобы для каждой неустановившейся силы создавало общее русло умственной и нравственной порядочности, которымъ бы и опредѣлялось умственное и нравственное поведеніе каждаго?

Посмотрите, съ какимъ апломбомъ держалъ себя Савинъ. Для этого нужна большая нравственная увѣренность въ жизненныя основы, которыя его работали и сложили. Когда предсѣдатель берлинскаго суда вздумалъ обвинить Савина въ мошенничествѣ, онъ съ достоинствомъ отвергъ это обвиненіе, какъ клевету. Его никогда и нигдѣ не судили за мошенничество или обманъ. Въ Брюсселѣ его судили за оскорбленіе должностныхъ лицъ; въ Парижѣ хотѣли арестовать по подозрѣнію въ сношеніи съ нигилистами; въ Константинополѣ у него было столкновеніе съ оберъ-полицеймейстеромъ, котораго онъ вынужденъ былъ побить. Чтобы окончательно испровергнуть всѣ эти клеветы, оскорбительныя для его нравственнаго достоинства, Савинъ съ гордостью заявилъ, что онъ «настоящій русскій патріотъ и никогда не былъ нигилистомъ».

Наши газетные патріоты по поводу объясненій Савина замѣтили, что онъ будто бы очень хорошо зналъ, «что чѣмъ болѣе онъ будетъ клеветать на свое отечество, тѣмъ снисходительнѣе отнесется къ нему нѣмецкій судъ». Но развѣ Савинъ клеветалъ? Развѣ факты, на которые онъ ссылался, не

общеизвестные у нас факты? Савинъ, конечно, рисовался и своимъ патриотизмомъ, и своими политическими замыслами, и своимъ притязаніемъ въ интересахъ Россіи на болгарскій престолъ. Ну, а Ашиновъ, который чуть было не произвелъ международнаго политическаго инцидента? Ну, а наша московская и петербургская патриотическая печать, принявшая Ашинова, во имя православія и русскихъ интересовъ, подъ свое покровительство? Распутайте-ка этотъ клубокъ! Гдѣ въ немъ начинается Савинъ, какъ онъ переходитъ въ Ашинова и какою идейною, нравственною, политическою и патриотическою связью сливается все это въ нѣчто однородное съ цѣлою массой представителей печати, пытающихся руководить общественнымъ мнѣніемъ и поучать его истинному патриотизму? Какими таинственными путями мысли лично-заматавшаяся безнравственность можетъ связать себя съ идеей патриотизма, самое обыденное проходимость поставить себя на пьедесталъ государственныхъ и политическихъ интересовъ, да найти еще и поддержку въ руководящихъ людяхъ? Это, можетъ быть, любопытная особенность мещеническаго мышленія, ищущаго себѣ опоры въ патриотизмѣ.

Защитникъ Савина охарактеризовалъ его коротко и вѣрно. Онъ назвалъ его легкомысленнымъ и заносчивымъ славяниномъ, «малооблизыннымъ» культурой полуазіатомъ, надѣблявшимъ турецкихъ пашей затрещинами просто для удовольствія, вообразившимъ себѣ, что онъ можетъ быть претендентомъ на болгарскій престолъ, и думавшимъ, что съ помощью затрещинъ и наводокъ можно прожить вѣкъ. «Такую скобелевскую натуру, — сказалъ защитникъ, — нельзя считать простымъ обманщикомъ».

И Савина, дѣйствительно, нельзя считать обманщикомъ, какъ нельзя считать обманщикомъ Ашинова, какъ нельзя считать обманщиками и людей печати, которые думаютъ какъ Савинъ и Ашиновъ, да могутъ и поступать, какъ они. Это все люди «нутра». Конечно, ихъ не разожжешь проглотить живаго ерша, потому что они, все-таки, учились въ гимназіи и знаютъ, что ершей глотать нельзя. Но это все тотъ же «первобытный» темпераментъ, которому извѣстенъ лишь одинъ законъ его внутренняго, смутнаго «хочу», темпераментъ не упорядоченный ни познаніями, ни умственною дисциплиной, которому никогда не бываетъ ясно, что онъ дѣлаетъ, и для котораго мы сами придумали очень мѣткую формулу: «русскій человекъ заднимъ умомъ крѣпокъ».

Въ Европѣ этотъ первобытный, бессознательный темпераментъ давно уже уступилъ мѣсто темпераменту умственному, головному, выработавшему внутри себя извѣстную сдерживающую силу, приводящую въ равновѣсіе смутные, скорые порывы «нутра».

Въ Ниццѣ мнѣ случилось разъ быть свидѣтелемъ таковой сцены. У станціи желѣзной дороги, въ ожиданіи поѣзда, съѣхались извозчики и два изъ нихъ изъ-за чего-то начали браниться. Брань становилась все запальчивѣе, крупнѣе и, наконецъ, одинъ изъ бранившихся соскочилъ съ козелъ, то же моментально сдѣлалъ и другой и, остановившись въ угрожающей позѣ, занесъ надъ противникомъ руку. Этимъ все дѣло и кончилось. А вотъ в

жестокость на эту же тему, конечно, русский, придуманный въ насмѣшку надъ иностранцами. Два англичанина побранились и одинъ изъ нихъ, не перпѣвъ обиды, говоритъ своему противнику: «Я васъ вызываю на дуэль». — «А я васъ убиваю», — отвѣтилъ противникъ. Ну, конечно, все это смѣшно. Проглотить ерша противъ шерсти не смѣшно, выворотить, ради шутки, газъ пріятелю — не смѣшно, довести гезетную полемику до того, что писатель объявляетъ печатно: «я васъ побью» — не смѣшно. Дѣйствительно, все смѣшно, даже совсѣмъ не смѣшно!

И вотъ, живя-то весь свой историческій вѣкъ подобнымъ «нутромъ», мы выработались совсѣмъ въ особенный типъ, «великорусскій», ничего общаго, пока, съ европейскимъ впечатлительнымъ типомъ не имѣющій.

Обыкновенно, «великорусскій» типъ зовутъ холоднымъ, головнымъ. И лишь этотъ, дѣйствительно, холодный, въ томъ смыслѣ, что для возбужденія въ немъ чувствительности требуются усиленные воздѣйствія. Но то типъ вовсе не головной въ европейскомъ смыслѣ. Тить Титычъ и кулакъ — вотъ его наиболѣе яркіе представители.

Еще болѣе характернымъ и разностороннимъ представителемъ великорусскаго типа является наше духовенство. Оно сохранило въ себѣ въ наиболѣе чистомъ, традиціонномъ видѣ всѣ этнографическія, культурныя и историческія черты русскаго кореннаго человѣка, каковымъ его сложила першая, до-петровская половина нашей исторіи.

Духовенство составляетъ у насъ единственную народную группу, живую настолько изолированно и замкнуто, что въ нее почти совсѣмъ не проникали постороннія расовыя и племенные примѣси, изъ слиянія которыхъ могъ бы возникнуть теперешній великорусскій типъ. Точно также оно было менѣе доступно и гражданскимъ культурнымъ вліяніямъ и развивалось преимущественно бытовымъ образомъ. Къ сожалѣнію, этотъ любопытный и своеобразный типъ у насъ мало обработанъ художественною литературою, да остался въ сторонѣ и отъ ученаго изслѣдованія.

То, что въ «великорусскомъ» типѣ кажется намъ головнымъ, есть именно его слишкомъ слабая нервная возбуждаемость, его трудная доступность чувствительности. Грубость, прямота, неделикатность, холодность, практичность, переходящая въ безжалостность и неумолимость, — всѣ эти «головныя» черты великоросса, особенно рѣзкія въ кулакѣ, происходятъ исключительно отъ малой чувствительности его нервной системы.

И это черты не одного только кулака. Тотъ нашъ интеллигентъ, который по развитію стоитъ въ ближайшей связи съ великорусскимъ типомъ, созданнымъ московскою историческою культурою, тоже мало доступенъ нервной впечатлительности, онъ даже надъ нею смѣется, какъ надъ ненужною сантиментальною чувствительностью. Нашу «охранительную» печать и такъ называемую «русскую партію» составляютъ именно люди этого мало впечатлительнаго типа. Даже въ интеллигентѣ болѣе развитой формы, если онъ находится еще въ переходномъ состояніи, наблюдаются тѣ же особенности.

Являясь въ видѣ такой своеобразной человѣческой формы въ средѣ иной умственной культуры, иной нервной впечатлительности, другаго умственного движенія и роста, мы образуемъ дѣйствительно какое-то инородное тѣло, съ людьми этой культуры и нервности не сливающееся.

Мы, русскіе, на парижской выставкѣ всё были Растиковы-Алмазовы. Каждый являлся въ собственной клѣткѣ, подѣ собственной вывѣской и изъ своей клѣтки не выходилъ. Корреспонденты столичныхъ и провинціальныхъ газетъ, описывавшіе русскихъ на парижской выставкѣ, всё одинаково, въ той или другой формѣ, подѣ тѣмъ или другимъ соусомъ, преподносили все ту же суть, для которой культурная умственная и душевная среда Европы еще слишкомъ тонка и деликатна. То они заставляли русскихъ вздыхать о пирогахъ и кашѣ, то объ очищенной, то о невозможности распуститься по душѣ, потому что попадешь въ полицію, то о неумѣлости найти и создать себѣ мѣсто въ европейской природѣ, раствориться въ той европейской культурной общности, частью которой чувствуетъ себя всякій другой пришлый европеецъ—нѣмецъ, англичанинъ, итальянецъ, испанецъ (даже японецъ) и въ которой только мы, русскіе, чувствуемъ себя инороднымъ тѣломъ, «затеряннымъ, одинокимъ, почти нѣмымъ». Въ сентябрьской книгѣ *Неделя* г. Дѣдловъ рисуетъ остроумную, вполне вѣрную и, увы, далеко не льстящую нашему самолюбію картину Россіи на парижской выставкѣ. Прочтите, читатель!

И, странное дѣло, этотъ самый русскій человѣкъ, недоступный тонкимъ ощущеніямъ и тонкимъ мыслямъ, неспособный устроить такую простую вещь, какъ русскій отдѣлъ на парижской выставкѣ, можетъ творить иногда дѣйствительно великія дѣла, вродѣ петровской реформы, освобожденія крестьянъ, составленія судебныхъ уставовъ. Какимъ-то чудомъ великорусскій типъ выскакиваетъ внезапно въ подобныхъ случаяхъ изъ себя и достигаетъ до высоты вполне европейскаго умственного, просвѣщеннаго, прогрессивнаго и глубоко-гуманнаго типа.

Въ чемъ же причина этой странной двойственности: съ одной стороны—крайней тупости чувства и неспособности справиться съ самыми простыми и односложными комбинаціями мысли, а съ другой—поразительной глубины мышленія, проникающаго въ самыя сокровенныя и сложныя соотношенія и созидающаго совершенно новый, невиданный порядокъ вещей?

Причина все въ той же малой чувствительности нервовъ великорусскаго человѣка, держащаго въ рукахъ судьбу своихъ собственныхъ общественныхъ дѣлъ. Нуженъ именно громъ небесный, чтобы великороссъ, наконецъ, перекрестился. Сколько вѣговъ крѣпостное право било насъ по самымъ чувствительнымъ мѣстамъ, сколько намъ нужно было вынести и перетерпѣть жестокостей этого страшнаго, нечеловѣческаго быта, сколько вѣговъ томилла и мучила насъ московская волокита, сколько пришлось намъ выстрадать отъ невозможности найти хоть мало-мальски человѣческую правду и справедливость, чтобы, наконецъ, почувствовать, что такъ жить нельзя, а нужно покончить и съ крѣпостнымъ бытомъ, и съ прежнею судебскою

волокитой! Для всякаго другаго болѣ впечатлительнаго народа даже половина этихъ неустройствъ оказалась бы невыносимой, а у насъ во время самаго освобожденія находились люди, которые говорили, что съ крѣпостнымъ правомъ можно было бы прожить и еще много лѣтъ.

И вотъ, когда громъ грянетъ и великороссъ перекрестится, онъ открываетъ ходъ своей умственной и душевной напряженности, и получаются результаты даже для него самого неожиданные. Затѣмъ, когда громъ немножко поутихнетъ и креститься больше неужно, русскій человекъ примиряется съ остальными тучками, закрывающими небосклонъ его жизни, и рѣшаетъ, что креститься больше незначѣмъ, потому что маленькія тучки пока не гремятъ.

Это время, когда маленькія тучки накаплиются и креститься пока незначѣмъ, называется у насъ временемъ вопросовъ, и едва ли у какаго-нибудь другаго народа въ мірѣ имѣется столько вопросовъ, и, притомъ, самыхъ элементарныхъ, сколько ихъ у насъ: вопросъ о малоземельи и многоземельи, вопросъ переселенческой, продовольственный, пожарный, кустарный, фабричный, школьный, вопросъ о классическомъ, реальномъ, техническомъ и ремесленномъ образованіи, вопросъ о школьномъ переутомленіи и школьной гимнастикѣ, вопросъ объ отношеніи школы къ семьѣ и семьи къ школѣ, вопросъ о женскомъ образованіи, о перепроизводствѣ и недопроизводствѣ интеллигенціи и объ интеллигентномъ пролетаріатѣ, вопросъ желѣзно-дорожный и тарифный, о хлѣбной торговлѣ и элеваторахъ, вопросъ земскій и объ упорядоченіи мѣстнаго самоуправления, вопросъ судебный и мирового института, вопросъ объ осушеніи, орошеніи и облѣсеніи, вопросъ о сельскомъ хозяйствѣ и о поднятіи сельско-хозяйственной производительности, вопросы окраинъ—остзейскій, финляндскій, польскій, малороссійскій, еврейскій...

Большинство изъ этихъ вопросовъ превратились давно уже въ вопросы сезонные, такъ что каждому извѣстно, что весной онъ будетъ читать въ газетахъ о переселеніи, лѣтомъ—о деревенскихъ пожарахъ, осенью—о народномъ продовольствіи, о наплывѣ учениковъ въ учебныя заведенія, въ которыхъ не оказывается мѣста для всѣхъ желающихъ, объ учебникахъ и т. д.

Основное свойство нашихъ вопросовъ въ томъ именно и заключается, что они подлежатъ закону безконечной повторяемости, точно непрерывная дробь, что мы можемъ 20, 30, 40 лѣтъ (даже цѣлое столѣтіе) говорить изъ года въ годъ все объ одномъ и томъ же и что единоличной жизни бываетъ зачастую далеко не достаточно, чтобы дождаться конца «назрѣвающаго» вопроса. Найдите хотя одинъ вопросъ, который бы разрѣшился при жизни любаго изъ насъ. И я говорю не о молодежи, а о старикахъ, которые всю жизнь свою прожили на этихъ вопросахъ, состарились съ ними, умрутъ, а вопросы все останутся неразрѣшенными. И съ молодежью повторится то же—и она состарится на своихъ вопросахъ и умретъ раньше ихъ разрѣшенія.

Въ этомъ «назрѣваньи» есть одна любопытная особенность, и тоже исключительно русская, или, точнѣе, «великорусская», — наша враждебность къ вопросамъ. Мы точно сердимся на каждый изъ нихъ, считаемъ каждый вопросъ своимъ врагомъ, чѣмъ-то лежащимъ внѣ насъ, какою-то помѣхой, съ которой приходится возиться. Мы даже крестьянъ винили, что нужно ихъ освободить. Между разрѣшаемымъ и разрѣшающимъ у насъ всегда стоитъ какая-то стѣна и чувствуется антагонизмъ, разрѣшаемое всегда есть нѣчто пассивное, страдательное, всегда оно точно не наше, а свалившееся на насъ внезапно съ крыши или съ неба.

Эта враждебность и даже озлобленность чувствуются въ особенности въ крайнихъ органахъ печати «русской партіи», какъ наиболѣе чистой представительницы великорусскаго центрального начала. Печать эта никакъ не умѣетъ понять, что всѣ эти вопросы, какую бы они вличку ни носили, всѣ безъ исключенія наши собственные, и именно великорусскіе вопросы, что дѣло заключается не во внутренней сущности вопросовъ, которую слѣдуетъ признать за фактъ, а въ нашемъ умственномъ отношеніи къ этой сущности, что это-то умственное отношеніе и есть именно то самое искомое, которое прежде всего нужно установить и опредѣлить, и что въ немъ-то собственно и заключается вопросъ всѣхъ нашихъ вопросовъ. Если взглянуть на наши неустройства и на трудности, которыя они для насъ представляютъ, даже въ пустякахъ, именно съ этой точки зрѣнія, т. е. со стороны нашихъ способностей справляться съ неустройствами, это дѣло, очевидно сведется къ нашей душевной и умственной непроницаемости, къ трудностямъ, съ которыми мы поддаемся новымъ ощущеніямъ, чувствамъ, понятіямъ, представленіямъ.

О непроницаемости, напримѣръ, *Гражданина* и вообще людей его умственныхъ средствъ говорилось у насъ столько, что кн. Мещерскій и его органъ (да и другіе органы того же направленія) стали уже нашимъ сезоннымъ вопросомъ, вродѣ неурожаевъ, голодобоковъ и пожаровъ. Какъ не разрѣшить намъ при жизни этихъ вопросовъ, такъ, конечно, не придумать намъ никакихъ страховыхъ средствъ и противъ нязей Мещерскихъ.

Одно намъ только и остается продолжать съ мужествомъ, «заслуживающимъ лучшей участи», — ни въ чемъ, никогда и нигдѣ не дѣлать ни малѣйшей уступки этой общественной и личной толстокожести, гдѣ бы и въ какой бы формѣ она ни проявлялась. И не объ уступкѣ тутъ, конечно, разговоръ, потому что какую же уступку можно сдѣлать людямъ, ископаемой формациі! Можно и не уступать, но можно и замолчать, а замолчать — значитъ самимъ ослабить въ себѣ душевную и умственную впечатлительность, самимъ начать обростать мохомъ и становиться тоже тостокожими. Еще недавно мы были гороздо впечатлительнѣе къ ненормальнымъ явленіямъ нашей жизни, они насъ беспокоили, тревожили, раздражали, а теперь все спокойнѣе и неизвѣжнѣе начинаемъ къ нимъ относиться, все больше и больше утрачиваемъ непосредственность ощущеній и душевную свѣжесть и начинаемъ смотрѣть не только равнодушно на разныя общественныя и лич-

ныя жерзости, но еще и обростающему шерстью современному русскому человѣку стараемся печатно внушать, что его время—очень хорошее время (*Неделя*, № 38). Усиливаясь обезчувствитъ себя въ отношеніи общаго воспріятія нашей жизни, мы этимъ обезчувствимъ себя для воспріятія частностей и утратимъ не только связь между ними, да разучимся понимать и то, что намъ бы и хотѣлось понять. Ну, хотя бы тотъ же самый Растиковъ-Алмазовъ, которымъ я началъ этотъ очеркъ. Вдумайтесь, читатель, въ положеніе этого глубоко-несчастливаго молодого человѣка. Что сдѣлали мы съ нимъ? Сдѣлали ли мы заглянуть въ живую душу его, когда онъ былъ еще ребенкомъ? И просиль-то этотъ способный ребенокъ только одного—школы, знанія. Мы же оставили его дѣлать игрушки изъ пробки и проволоки, а затѣмъ стали возить его на-показъ. Не нашлось ни въ Сибири, ни въ Россіи, ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ никого, въ комъ бы обрѣлась хоть малѣйшая крупница умственной проницательности и способности увидѣть и понять, какое начало какого конца стоитъ тутъ передъ нимъ, не нашлось способности увидѣть, что этотъ маленькій даровитый мальчикъ есть зародышъ дѣлаго общественнаго явленія, что онъ нашъ текущій вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго мы стоимъ въ безпомощномъ недоумѣніи.

Все, что мы дѣлали съ Алмазовымъ, была лишь хирургическая операція; мы освобождались отъ него, какъ отъ занозы, мы выростили его въ неудачника, да еще и выставили на-показъ на парижской выставкѣ въ густарномъ отдѣлѣ, какъ образецъ загубленныхъ способностей, которымъ не сдѣлали дать правильнаго развитія. Алмазовъ, пока, еще надѣется и вѣрить, но надолго ли у него достанетъ и этой вѣры, и этой надежды? Присяжные эксперты уже прошли разъ мимо его, не останавливаясь, и это его глубоко огорчило. Вогюэ замѣтилъ его совершенно случайно и, тронувшись его страдательнымъ положеніемъ, придумалъ только одно средство помочь бѣдняку, болѣющему непризнанностью: «умолять» французскихъ инженеровъ и ученыхъ обратить на него вниманіе, потому что Алмазовъ напомнитъ имъ «предшественниковъ, подготовлявшихъ нынѣшнее торжество науки». Вѣдь, такъ къ нормальнымъ явленіямъ не относятся.

И Алмазовъ, дѣйствительно, болевой продуктъ русской жизни, это—чистокровный неудачникъ, заѣденный средой и не нашедшій себѣ въ ней мѣста. Въ этомъ или въ другомъ видѣ мы можемъ насчитать тысячи, если не десятки тысячъ людей, воображающихъ себя выше среды, которая ихъ создала, рвущихся изъ нея вонъ и не подозрѣвающихъ, что для нихъ будетъ невозможна борьба за умственное и нравственное существованіе въ той высшей области, для которой они считаютъ себя призванными. И когда въ человѣкѣ проснется сознаніе и онъ пойметъ, что то, чего онъ хочетъ, ему не по силамъ, а отъ посильнаго онъ совсѣмъ отвернулся и разорвалъ съ нимъ,—наступаетъ моментъ мучительнаго душевнаго состоянія, за которымъ зачастую слѣдуетъ острый конецъ.

Вотъ въ этихъ-то случаяхъ мы—общество, писатели, проповѣдники нрав-

ственности, гуманности и прогресса и руководители общественной мысли — обнаруживаемъ свое полнѣйшее непониманіе смысла фактовъ и явленій и выставляемъ въ сугубомъ видѣ ту толстокожесть и непроницаемость для живыхъ чувствъ и понятій, съ которой мы съ самаго начала толкаемъ человѣка или на ложный путь, или же закрываемъ отъ него путь истинный, а затѣмъ, когда человѣкъ оцутится, растерянный, на распутии, мы еще съ большею толстокожестью начинаемъ побивать несчастнаго камнями и предаемъ его анафемѣ.

Подобнаго рода общимъ врагомъ, на котораго мы накидываемся съ ожесточеніемъ и озлобленіемъ, нерѣдко даже личными, сталъ у насъ несчастный интеллигентъ въ разныхъ его непристроившихся къ жизни формахъ. Призадумавшись надъ неудачниками, лишними людьми и интеллигентомъ, ищущимъ мѣста, мы необыкновенно просто и легко сообразили слѣдующее. Если я, интеллигентъ, пристроившійся, положимъ, въ газетѣ или журналѣ, т.-е. имѣю занятіе и кусокъ хлѣба, то я несомнѣнно почетный гость на пиру природы и имѣю все права на существованіе; а если вы, совершенно такой же интеллигентъ, мѣста не имѣете, то очевидно, что вы — «перепроизводство», и потому должны быть сокращены.

Этотъ хирургическій способъ разрѣшенія всехъ общественныхъ недоразумѣній и неустройствъ примѣняется преимущественно въ такихъ случаяхъ, когда фактъ, явленіе (вообще результатъ извѣстныхъ причинъ) можно оцупать и взять въ руки, показать на него пальцемъ: напримѣръ, женщины, ищущія высшаго образованія, интеллигентъ, отыскивающий мѣста, неудачникъ, внезапно учиняющій что-нибудь неподходящее. Тутъ виноватые всегда налицо и самому незамысловатому репортеру *Гражданина* или подобной ему газеты совершенно ясно, въ чемъ должно заключаться разрѣшеніе. Разрѣшеніе, прежде всего, заключается въ томъ, что этотъ самый незамысловатый репортеръ (про самого князя Мещерскаго, разумѣется, и говорить нечего) несомнѣнно почетный гость на пиру природы, ну, а затѣмъ онъ такой же несомнѣнный судья и вершитель судебъ всехъ *тѣхъ*, кто на пиру природы прибора еще не получилъ. При такомъ хирургическомъ способѣ мышленія разрѣшеніе получается всегда самое простое и всегда доступное незамысловатымъ способностямъ незамысловатаго репортера или его газетнаго шефа.

Но получается тутъ еще и нѣчто другое. Возникаетъ болѣе важный вопросъ: въ сущности ли разрѣшаемой задачи заключается трудность разрѣшенія, или же трудность лежитъ исключительно въ нашихъ отношеніяхъ къ этой сущности? И отвѣтъ получается одинъ, ибо другаго отвѣта и быть не можетъ: трудность разрѣшенія въ нашихъ отношеніяхъ.

Поэтому-то мыслящему читателю, для котораго вопросы русской жизни и явленія современнаго умственного порядка представляютъ интересъ, книга М. Г. Моргулиса *Вопросы еврейской жизни* дастъ богатый матеріалъ для весьма поучительныхъ размышленій. Не говоря уже о томъ, что онъ познакомится съ сущностью положенія у насъ евреевъ и узнаетъ объ

этомъ положеніи полную безпристрастную правду, онъ призадумается и надъ тѣмъ, о чемъ г. Моргулисъ, повидимому, не говоритъ, призадумается надъ правдой человѣческихъ отношеній и надъ тѣми изумительными препятствіями, которыя самыя естественныя, простыя, элементарныя требованія справедливости встрѣчаютъ еще въ понятіяхъ людей.

Помимо общаго интереса, книга М. Г. Моргулиса является въ сей моментъ встать еще и потому, что, какъ сообщаетъ *Судебная Газета*, министерство государственныхъ имуществъ, въ которомъ имѣется проектъ заселенія евреевъ, командируетъ на югъ Россіи гг. Трирогова и Случевского для изученія на мѣстѣ быта еврейскихъ колоній. Кромѣ этихъ лицъ, то же министерство и для этой же цѣли командируетъ чиновниковъ еще и на западъ Россіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что богатая содержаніемъ книга г. Моргулиса послужитъ для командированныхъ лицъ очень цѣннымъ и неизбѣжнымъ матеріаломъ при изслѣдованіи и того вопроса, изученіе котораго на нихъ возложено.

Но такъ какъ въ этомъ очеркѣ я говорю не объ еврейскомъ вопросѣ и не о бытѣ еврейскихъ земледѣльческихъ колоній, а о самыхъ элементарныхъ требованіяхъ справедливости и общественной нравственности, то и обращаю вниманіе читателя на слѣдующее.

Судебная Газета, сообщая о командировкѣ чиновъ министерства государственныхъ имуществъ, говоритъ, что «задача командировокъ клонится къ тому, чтобы болѣе наглядно выяснить вопросъ о способности евреевъ къ земледѣльческому труду и къ ассимиляціи ихъ въ этомъ дѣлѣ съ русскою націей. Средствъ на это предпріятіе министерство ассигновало довольно много. Но вопросъ вотъ въ чемъ: вознаградятся ли всѣ эти труды и затраты? По исторіи развитія еврейскихъ колоній на югѣ Россіи мы (т.-е. *Судебная Газета*) знаемъ, что семиты неспособны заниматься сельскимъ трудомъ; они могутъ только владѣть землею, но обрабатываютъ ее малороссы. Еврей же, какъ человѣкъ, рожденный, по его понятію, для господства въ мірѣ, только ходитъ съ бичомъ по полю и подгоняетъ къ работѣ христіанина»

Емизаветградскій Вѣстникъ, изъ котораго я беру эти свѣдѣнія, не безъ ироніи замѣчаетъ: «Мы убѣждены, что редакция *Судебной Газеты* хорошо освѣдомлена насчетъ возрѣній евреевъ, и спорить противъ заключительныхъ словъ редакціи не будемъ, хотя, конечно, было бы болѣе умѣстно съ своими категорическими заявленіями подождать до выясненія этого вопроса командированными ревизорами. Мы можемъ только добавить, что обобщеніе юридической газеты относительно неспособности семитовъ къ физическому труду, по меньшей мѣрѣ, неосновательно. Въ городахъ и селахъ есть десятки тысячъ семитовъ, занимающихся физическимъ трудомъ, а въ селахъ среди еврейской молодежи, выросшей уже среди крестьянъ, встрѣчаются тоже заправскіе косари и жницы, которыми восхищаются сами малороссы, которые не доктринерствуютъ, а сами трудятся...»

И дѣйствительно, почему *Судебная Газета* такъ категорично предрѣ-

шаает, что расходы министерства (и, как видно, значительные) будутъ сдѣланы напрасно, а труды и затраты едва ли вознаградятся, ибо вопросъ о неспособности семитовъ къ земледѣльческому труду уже рѣшенъ исторіей? Вѣроятно, министерство государственныхъ имуществъ знаетъ исторію евреевъ не хуже *Судебной Газеты* и, вѣроятно, въ этой-то самой исторіи и усмотрѣло необходимость подвергнуть тотъ же самый вопросъ новому и, какъ видно, весьма тщательному изслѣдованію. Вѣроятно, и *Судебной Газетѣ* извѣстно, что семиты, прежде чѣмъ они стали тѣмъ, что они теперь, были и пастушескимъ, и земледѣльческимъ народомъ. Ужь если такъ предвзято разсуждаетъ серьезная юридическая газета (для которой полагается знать, что если правительство предполагаетъ такое трудное и обширное изслѣдованіе и тратитъ на него массу труда и средствъ, то очевидно, что оно руководствуется весьма серьезными мотивами), то въ какомъ бы видѣ явилось толкованіе тѣхъ же самыхъ извѣстій о командировкѣ въ *Гражданинъ*, *Лучъ*, *Новомъ Времени*?

Надо отдать справедливость этимъ газетамъ, что онѣ ведутъ свою борьбу съ евреями, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Окажется ли по ихъ соображеніямъ необходимымъ обвинить евреевъ въ небываломъ поджогѣ или аграрномъ преступленіи,—онѣ выдумаютъ и то, и другое; нужно ли обвинить въ небываломъ смертоубійствѣ,—сочинятъ и смертоубійство. И ради чего все это дѣлается? То-то ради чего!

Я знаю нѣсколько петербургскихъ барынь, которыя никогда не выѣзжали изъ Петербурга, въ жизнь свою не видѣли ни одного еврея и, несмотря на то, не могутъ слышать равнодушно слова «еврей». И эту непостижимую ненависть къ евреямъ, доходящую до идіосинкразіи, онѣ вычитали исключительно въ *Новомъ Времени*. Конечно, это барыньки-патріотки, т. е. онѣ уже были попорчены предрасположеніемъ къ исключительно-національнымъ симпатіямъ и антипатіямъ. Онѣ недолюбливаютъ поляковъ, остзейцевъ, финляндцевъ и вообще всѣхъ нерусскихъ и, слѣдовательно, на подобной благопріятной почвѣ сѣять всякую національную ненависть уже не трудно. И, тѣмъ не менѣе, когда вы видите, что барынька-патріотка, не слушая никакихъ доводовъ, затыкаетъ уши и уходитъ, вы, все-таки, озадачиваетесь. Вамъ ясно лишь одно, что никакими разумными средствами тутъ ничего не достигнешь и что вы все равно ничего не понимаете въ этомъ недоконченномъ умственномъ и душевномъ организмѣ. Совершенно такія же женскія, первичныя и недоконченныя душевныя движенія овладѣваютъ *Гражданиномъ*, *Лучомъ* и *Новымъ Временемъ*, когда въ нихъ возбуждается національное чувство. Всякое усиліе ихъ укротить, успокоить, убѣдить или вразумить оказывается не только бесплоднымъ, но и приводитъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Возраженія ихъ только раздражаютъ и, чтобы ихъ успокоить, съ ними, какъ и съ барыньками, нужно согласиться. Къ счастью, судьба общественныхъ вопросовъ зависитъ и у насъ, какъ во всемъ свѣтѣ, не отъ барынекъ и отъ газетъ, страдающихъ разными идіосинкразіями, а потому опас-

ность отъ нихъ въ настоящее время не такъ велика, но за то тѣмъ несомнѣннѣе ихъ дурное вліяніе на чувства и понятія той части общества, для которой онѣ имѣютъ воспитательное значеніе. Эта часть общества не передовая, она масса, она то, что называется «собрательною посредственностью», но у нея есть свое несомнѣнное значеніе, своя сила если не въ настоящемъ, то въ будущемъ. Поэтому-то совсѣмъ не все равно, какой для будущей передовой Россіи готовится въ настоящее время фундаментъ изъ «собрательной посредственности», на который этому будущему придется опираться. Вотъ въ чемъ главный вредъ современныхъ органовъ печати, служащихъ приготовительнымъ классомъ нашей общественности и издающихся для менѣ образованной массы. Противъ этого вліянія нужно бороться всѣми силами, чтобы въ приготовительномъ классѣ общественныхъ понятій не было бы учителей, приносящихъ только вредъ.

Рисовать картины приниженаго положенія евреевъ, чтобы возбудить въ читателѣ *Русской Мысли* чувство общественной справедливости, я, конечно, не стану. Ни убѣждать, ни поучать мнѣ его не въ чемъ. Но л обращу вниманіе читателя на нѣкоторые факты, которые возьму изъ книги г. Моргулиса, и читатель оцѣнитъ ихъ самъ.

Евреи достались намъ въ наслѣдство въ видѣ законченнаго цѣлаго вмѣстѣ съ присоединеніемъ западныхъ губерній и Царства Польскаго. Такое же законченное цѣлое мы приобрѣли съ присоединеніемъ и всѣхъ остальныхъ нашихъ разнообразныхъ народностей: Малороссіи, Польши, Остзейскаго края, Финляндіи, Кавказа. Но дѣло въ томъ, что всѣ остальные народности поддавались легче изученію и были для насъ понятнѣе, чѣмъ евреи. Кромѣ того, съ присоединеніемъ другихъ народностей, къ намъ не переходили разныя предвзятія на нихъ воззрѣнія и средневѣковыя понятія, а съ присоединеніемъ евреевъ ихъ вошла цѣлая масса. Вѣдь, *Лучъ и Гражданинъ* (да, кажется, и *Новое Время*) до сихъ поръ вѣрятъ, что евреи пьютъ на Пасхѣ христіанскую кровь. Попробуйте ихъ въ этомъ разувѣрить. Ну, вотъ съ подобными-то предразсудками и приходилось всегда бороться, когда дѣло касалось евреевъ. На нихъ всегда глядѣли какъ на враговъ христіанства, какъ на людей, которымъ ихъ еврейскій законъ предписываетъ смотрѣть на христіанина, какъ на врага, и у которыхъ выработалось даже цѣлое особое учрежденіе—кагалъ, превращающій евреевъ въ какую-то замкнутую республику, враждебную и государственной власти, и общественному порядку, котораго кагалъ не признаетъ и которому онъ запрещаетъ подчиняться.

А, между тѣмъ, и этотъ «республиканскій» кагалъ (теперь уже не существующій), и всѣ остальные еврейскія корпоративныя учрежденія были для нихъ не больше, какъ страховыми средствами, подъ защиту которыхъ они укрывались отъ вышшняго гнета и угнѣсненій. Совершенно подобное же значеніе имѣли въ Западной Европѣ въ феодальныя времена гильдіи. Только подъ защитой ихъ оказывалось еще возможно дышать нѣсколько свободно и спастись отъ господствовавшаго кулачнаго права. Государство

оказывалось бессильнымъ ограждать интересы своихъ собственныхъ гражданъ отъ анархій и произвола сильныхъ, и гражданамъ поневолѣ приходилось замыкаться въ корпораціи и придумывать средства замозащиты. Вотъ именно такимъ-то средствомъ самозащиты и служилъ для евреевъ кагалъ, учрежденіе средневѣковое, но которое еще въ XVIII и даже въ XIX вѣгѣ имѣло фактическое основаніе для своего существованія именно въ томъ безправіи, отъ котораго приходилось евреямъ спасаться.

Главное обвиненіе, которое всегда ввозили на евреевъ, заключается въ томъ, что они сдѣлали себѣ обособленную общественную организацію, что они составляютъ государство въ государствѣ. Но если бы евреи сами себя не оберегали, кто сталъ бы ихъ оберегать? У евреевъ есть масса благотворительныхъ учреждений (которые евреи обязаны содержать и по закону), дающихъ пріютъ и образованіе дѣтямъ, призрѣвающихъ сирыхъ и безпомощныхъ, дающихъ ремесленное образованіе, бесплатное леченіе. Укажу на одно изъ подобныхъ учреждений.

У евреевъ грамотность и элементарное знаніе закона развито очень сильно и евреи почти поголовно всѣ грамотные. Когда въ сороновыхъ годахъ правительство задумало заняться еврейскимъ образованіемъ, оно нашло уже цѣлую готовую школьную организацію: низшія школы («талмудторы»), высшія («ешиботы») и цѣлую армію частныхъ учителей («меламедовъ»). Низшія школы и меламеды учили грамотѣ и давали элементарныя познанія въ еврейскомъ законѣ, а въ высшихъ школахъ изучались талмудъ и другіе богословскіе предметы съ религіозною цѣлью. Меламеды обучали за плату и обыкновенно ничтожную. Талмудъ-торы же посѣщались или круглыми сиротами, или дѣтьми такихъ родителей, которые, по бѣдности, не могли давать дѣтямъ никакого образованія. Школы эти не только обучали дѣтей даромъ, но давали имъ пищу, одежду, обувь.

Несмотря на учрежденіе для евреевъ специально-еврейскихъ казенныхъ школъ и открытіе евреямъ доступа въ общія учебныя заведенія, народныя еврейскія школы удержались повсюду и до сихъ поръ. Даже меламеды, противъ которыхъ вооружался не разъ и законъ, существуютъ до сихъ поръ. Очевидно, что есть же какая-нибудь народная потребность, и потребность неустраимая, которой они удовлетворяютъ.

И потребность эта дѣйствительно есть, и они ей дѣйствительно удовлетворяютъ; но потребность эта не религіозная, потребность не въ обособленіи, а попросту нужда. Евреи, какъ извѣстно, всѣ благословлены многолюдными семьями. Отецъ работаетъ, мать работаетъ,—кому же смотрѣть за ребятишками? Вотъ удовлетвореніе этой-то потребности и взяли на себя меламеды. Они посылаютъ за дѣтьми на домъ своихъ помощниковъ, держать дѣтей въ школѣ цѣлый день, а зимой даже и вечеромъ, доставляютъ дѣтямъ изъ дому пищу два раза въ день и разводятъ дѣтей по окончаніи занятій по домамъ. Все это дѣлается за самую ничтожную плату. Меламедъ не учитель, онъ просто нянька, нянька общественная, дешевая, избавляющая родителей отъ хлопотливаго, а подчасъ и невозможнаго надзора

а дѣтьми и за которой не родителямъ приходится ходить, а она сама при-
 етъ къ нимъ. Пускай меламедь и невѣжественъ, и не умѣетъ учить, и
 ержитъ дѣтей въ невозможной гигиенической обстановкѣ,—всѣ эти его не-
 остатки перевѣшиваются удовлетвореніемъ такой настоятельной народной
 отребности, которую нельзя оставить безъ удовлетворенія. Конечно, ме-
 амедовъ можно запретить,—ну, а куда же дѣнутся безприторныя дѣти?

Еврейскія учрежденія, какъ бы они ни были несовершенны, даютъ ев-
 ейской массѣ столько благодѣяній, что безъ нихъ она совершенно бы
 огибла. Учрежденія эти даютъ грамотность, элементарное образованіе,
 бегчаютъ участь больныхъ и немощныхъ, призрѣваютъ дѣтей организа-
 іей надъ ними надзора,—можетъ быть, и не особенно совершеннаго, но,
 се-таки, достаточно спасительнаго,—чтобы держать дѣтей въ первые годы
 въ извѣстной нравственной дисциплинѣ, не предоставляя ихъ улицѣ и раз-
 уданной праздности. Наконецъ, еврейскія учрежденія, насколько это для
 ихъ возможно и доступно, сдерживаютъ распространеніе еще въ болѣе
 широкихъ размѣрахъ несчастнаго еврейскаго пролетаріата западныхъ гу-
 ерній.

Еврейскій пролетаріатъ происходитъ не отъ одной скученности еврей-
 каго населенія, но и отъ особенностей его историческаго наслѣдства, съ
 торымъ оно, между прочимъ, досталось намъ. Одна изъ такихъ особен-
 стей, наприимѣръ, *общественные дома*, которые на нихъ лежатъ и фи-
 рируютъ до сихъ поръ въ русскихъ законахъ. А долги эти образовались
 къ. Въ Познани евреи выстроили разъ синагогу, а рядомъ съ нею сто-
 ть доминиканскій монастырь, на который отъ синагоги падала тѣнь. Вотъ
 а эту-то тѣнь евреевъ и заставили платить ежегодную подать. Евреи ее
 астью совсѣмъ не платили, а частью платили неисправно, и на нихъ на-
 опился долгъ. Въ той же Познани случился разъ падежь скота и одинъ
 въ доминиканскихъ монаховъ причину его объяснилъ тѣмъ, что евреи
 бокрвали доминиканскую церковь и закопали гости въ полѣ. Возникъ
 ѣлый процессъ, запылали костры, на которыхъ жгли евреевъ. Изъ этого
 роцесса возникъ еще процессъ съ доминиканцами о судебномъ убійствѣ,
 янувшійся 120 лѣтъ и кончившійся тѣмъ, что познанское еврейское об-
 цество было приговорено къ платежу ежегодно къ празднику Тѣла Хри-
 това налога въ 800 золотыхъ и къ выполнению позорной церемоніи. Це-
 емонія заключалась въ томъ, что три еврейскихъ представителя, одѣтые
 въ черную кожу и въ цѣпяхъ, шли впереди торжественной процессіи, неся
 ольшую доску, на которой была изображена исторія о трехъ гостяхъ.
 эту позорную церемонію евреи выполняли 170 лѣтъ, а затѣмъ она была
 ередложена въ натуральную повинность. Повинность эту, однако, оказы-
 валось платить невозможно и на евреяхъ накопилась громадная недоимка.
 Браковская духовная академія имѣла обезпеченный на разныхъ кагалахъ
 капиталъ въ 550,000 польскихъ золотыхъ, а въ другихъ провинціяхъ Ве-
 шкой и Малой Польши суммы, обезпеченныя на разныхъ еврейскихъ ка-
 алахъ, доходили до 6.000,000 польскихъ золотыхъ» (не золотыхъ ли?).

И у насъ въ Россіи,—говорить г. Моргулисъ,—долги, слѣдовавшіе катлическимъ монастырямъ и перешедшіе затѣмъ къ русскому правительству образовались подъ вліяніемъ тѣхъ же условій, такъ что и до сихъ поръ на евреяхъ лежитъ религіозная контрибуція въ память прошлой средневековой нетерпимости.

Но исключительность экономическаго и юридическаго положенія евреевъ не въ этомъ одномъ. Еврей, какъ поданный Русскаго государства, облагается податями и налогами наравнѣ съ другими подданными, но, какъ еврей они облагаются еще особыми сборами—коробочнымъ и свѣчнымъ, для поддержания казенныхъ еврейскихъ училищъ. И рядомъ съ этимъ тѣ же, по видимому, свободные подданные составляютъ въ западныхъ губерніяхъ крѣпостное населеніе владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ въ силу чиншевого права владѣльцевъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ особые сборы доходятъ до 28 статей, а въ другихъ городахъ и болѣе. Въ Бердичевѣ сборы въ пользу владѣльца составляютъ ежегодно 70,000 руб. Сколько платятъ евреи разныхъ чиншевыхъ съ нихъ сборовъ, г. Моргулисъ не говоритъ, но, судя по тому, что въ юго-западномъ краѣ считается до 347 владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ, нужно думать, что сборы эти очень велики.

Коммиссія, учрежденная въ 1868 г. въ Кіевѣ для составленія проекта устройства земледѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ юго-западнаго края, нашла, что бытъ крестьянъ упроченъ положеніемъ 19 февраля, но что затѣмъ «остается масса еврейскаго населенія, живущаго въ мѣстечкахъ, на основаніи обычнаго права, почти безъ всякаго опредѣленія закономъ ихъ правъ по владѣнію недвижимымъ имуществомъ и отношеній къ владѣльцамъ, и подъ дѣйствіемъ разнообразныхъ монополій, отчасти утвержденныхъ закономъ, большею же частью существующихъ по обычаю, вопреки закону, но стѣсняющихъ торговлю и промыслы и лежащихъ тяжестью на потребителяхъ сельскихъ продуктовъ». А *Судебная Газета* увѣряетъ, что мы такъ хорошо знаемъ исторію евреевъ, что узнавать о нихъ что-нибудь совсѣмъ ужъ больше и не нужно. Въ томъ-то и бѣда, что мы никакъ исторіи не знаемъ, какъ слѣдуетъ, даже своей собственной. Ужъ евреямъ такое счастье, что мы о нихъ кричимъ больше, чѣмъ о другихъ національностяхъ, составляющихъ Россію; но если бы пришлось заговорить о полякахъ, остзейцахъ, финляндцахъ, малороссахъ, кавказскихъ племенахъ, то оказалось бы, что мы и о нихъ знаемъ столько же, сколько объ евреяхъ.

И пока такъ ли, сякъ ли, но обычный, установившійся ходъ жизни евреевъ, къ которому они притерпѣлись, не нарушается, все идетъ, видимо, благополучно, такъ же, какъ и съ русскимъ деревенскимъ обитателемъ, къ жизни котораго впроголодь мы (особенно изъ петербургской дали) присмотрѣлись и привыкли. Но чуть явится хоть небольшой минусъ, нарушающій это установившееся равновѣсіе, и тогда начинается чисто-иностранное бѣдствіе.

Такъ было съ евреями въ 1869 году, когда они цѣлыми массами изъ

ались кочерыгами, брюквенною и картофельною шелухой и умирали тысячами от тифозной горячки. Помощь несчастному населенію пришла не изъ Россіи, а изъ-за границы. Участіе европейцевъ было поистинѣ замѣчательное и доходило до энтузіазма. Въ Мемелѣ, Лыгѣ, Кенигсбергѣ образовались центральные комитеты для помощи, а въ Кобленцѣ, Берлинѣ, Гамбургѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Кельнѣ, Мюнстерѣ, Ахенѣ и друг. городахъ—мѣстные. Какой-то ремесленникъ въ Гамбургѣ прислалъ въ комитетъ 15 зильбергрошей при запискѣ: «для страждущихъ евреевъ въ Россіи. Отказывающій себя въ удовольствіи посѣщать циркъ. Да найдутся подражатели».

Прежде всего, оазывалось необходимымъ хоть какъ-нибудь накормить голодныхъ и спасти больныхъ мѣстности отъ дальнѣйшаго распространения заразы. И въ видѣ временной мѣры остановились на переселеніи, которое и было направлено въ иностранныя государства и въ Америку. Мѣра дѣйствительно любопытная, точно евреевъ хотѣли спасти отъ Россіи. Но скоро иностранные евреи догадались, что такое переселеніе ни къ чему не поведетъ, и докторъ Рюльеръ, предсѣдатель мемельскаго комитета, прибывшій въ Россію по приглашенію нашего правительства, подалъ козенскому губернатору князю Оболенскому записку, въ которой, между прочимъ, говорилъ: «Намъ нечего скрывать передъ вашею свѣтлостью, что всѣ пожертвованія, если бы они составляли даже миллионы, могутъ доставить только временное облегченіе. Къ сожалѣнію, нужно опасаться, что при настоящемъ порядкѣ вещей бѣдствія западно-русскихъ евреевъ не только могутъ, но и должны повторяться. Противъ такой возможности мы, конечно, безсильны. Если мы даже въ третій разъ возьмемъ на себя заботу о вспомошествованіи, мы, все-таки, будемъ находиться въ положеніи того врача, который, лечя по наружнымъ признакамъ болѣзни, думаетъ такимъ образомъ устранить зло. Мы должны направить свои упорныя и продолжительныя усилія къ тому, чтобы придумать такой способъ леченія, который уничтожилъ бы зло въ самомъ корнѣ. Не говоря уже о необходимости введенія такого порядка вещей, который мы, съ нашей отечественной, прусской точки зрѣнія, находимъ лучшимъ и который, однако, очень трудно привить къ чужой почвѣ, я осмѣливаюсь обратить теперь ваше вниманіе на одно только обстоятельство. Чуть только мы переходимъ русскую границу и вступаемъ на прусскую почву, уже замѣтно различіе въ положеніи евреевъ. Въ пограничной чертѣ Пруссіи они далеко не такъ скучены, и еврейскія общины, находящіяся тамъ, отличаются большимъ благосостояніемъ и образованностью и не уступаютъ своею дѣятельностью на поприщѣ ремесленнаго и промышленнаго труда никому изъ внутреннихъ прусскихъ городовъ. Кромѣ того, въ значительной части большихъ и малыхъ прусскихъ городовъ, отъ Мемеля до Ахена, отъ русской до французской и бельгійской границъ, находится весьма большое число евреевъ, уроженцевъ прусскихъ провинцій, лежащихъ вдоль русской границы, которые недавно тамъ поселились и занимаютъ тамъ почетное положеніе, какъ куп-

цы и промышленники. Они существеннымъ образомъ способствуютъ поднятію и оживленію прусской торговли и промышленности въ этихъ мѣстностяхъ. Чѣмъ же объяснить такое полное и рѣзкое отличіе въ положеніи тѣхъ евреевъ, которые въ былыя времена жили вмѣстѣ съ пограничными русскими евреями? Причину найти не трудно: она обуславливается господствующимъ въ Пруссіи полнымъ, неограниченнымъ правомъ свободного передвиженія».

Бывали и русскіе государственные люди, которые смотрѣли на еврейскій вопросъ такимъ же образомъ. Въ 60-хъ годахъ, когда вся русская жизнь провѣрялась идеей свободы, существовавшему тогда еврейскому комитету было поручено «пересмотрѣть всѣ существующія о евреяхъ постановленія для соглашенія ихъ съ общими видами слиянія ихъ съ коренными жителями».

Комитетъ этотъ, состоявшій подъ предсѣдательствомъ графа Биселева, потребовалъ черезъ министра внутреннихъ дѣлъ соображенія губернаторовъ по еврейскому вопросу и вотъ отвѣты, которые получились.

Могилевскій губернаторъ писалъ, что между евреями много отличныхъ мастеровъ, произведенія которыхъ отличаются изяществомъ отдѣлки и прочностью работъ, но что все искусство евреевъ бесплодно, потому что еврейскіе ремесленники не пользуются правами, предоставленными мастеровымъ внутреннихъ губерній, и что число мастеровъ-евреевъ несоразмѣрно съ потребностями бѣднаго Могилевскаго края.

Кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ находилъ необходимымъ предоставить еврейскимъ ремесленникамъ право заниматься своими произведеніями во внутреннихъ губерніяхъ и учредить въ юго-западныхъ губерніяхъ ремесленно-техническія школы.

Графъ Строгановъ, новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ, писалъ, что существованіе какихъ бы то ни было ограниченій въ гражданскихъ правахъ евреевъ, сравнительно съ христіанскимъ населеніемъ, не сообразно ни съ духомъ времени, ни съ стремленіемъ правительства къ слиянію евреевъ съ кореннымъ населеніемъ имперіи, и потому полагалъ дозволить евреямъ жить во всѣхъ мѣстахъ имперіи и заниматься безъ всякихъ ограниченій, на одинаковыхъ со всѣми русскими подданными правахъ, ремеслами и промыслами, добровольно ими избираемыми, соответственно ихъ способностямъ.

Черниговскій губернаторъ писалъ, что въ малороссійскихъ губерніяхъ евреи слились почти совершенно съ коренными жителями и потому всѣ существующія для малороссійскихъ евреевъ ограниченія слѣдуетъ измѣнить.

Графъ Шуваловъ, генералъ-губернаторъ: встляндскій, лифляндскій и курляндскій, находилъ, что географическое и экономическое положеніе Остзейскаго края обуславливаетъ необходимость постояннаго жительства въ немъ евреевъ и потому онъ считаетъ делательной наивозможно скорѣйшую отмѣну существующихъ въ Остзейскомъ краѣ ограничительныхъ для евреевъ законовъ, исполненіе которыхъ въ дѣйствительности оказы-

вается невозможнымъ, и разрѣшеніе евреямъ права повсемѣстнаго жительства въ Россіи.

Наконецъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ сосредоточивался еврейскій вопросъ, высказывалось не только за расселеніе евреевъ-ремесленниковъ въ общихъ экономическихъ интересахъ Россіи и интересахъ производителей и потребителей, но, ссылаясь на отзывъ полтавскаго губернатора, указывало на то, что проживаниеъ евреевъ-ремесленниковъ въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ они теперь не имѣютъ права жить и гдѣ будутъ составлять незначительное меньшинство, совершенно исчезающее въ массѣ кореннаго населенія, послужитъ къ скорѣйшему смягченію ихъ національныхъ особенностей.

Необходимость расселенія евреевъ доказывалъ и министръ финансовъ, который въ подробной запискѣ по этому вопросу, между прочимъ, писалъ: «Внесеніе въ массу земледѣльческаго населенія промышленнаго еврейскаго элемента оказало бы неисчислимую пользу, съ одной стороны, самимъ евреямъ, облегчивъ и обезпечивъ имъ добываніе средствъ къ существованію, а съ другой—не только Западному краю, который освободился бы отъ излишка еврейскаго населенія, но и прочимъ мѣстностямъ имперіи, куда евреи внесли бы свои капиталы, свою предприимчивость и полезную конкуренцію въ положеніи труда».

Совершенно такъ же просто, логически, умно и безъ предубѣжденій смотрѣли тогда на еврейскій вопросъ общество и печать.

Но вотъ прошло 25 лѣтъ и воцарившаяся было терпимость опять смѣнилась нетерпимостью, точно мы сразу перескочили изъ XIX вѣка въ средніе вѣка.

Что же такое случилось? Или евреи въ эти двадцать пять лѣтъ дали какой-нибудь особенный поводъ, что противъ нихъ потребовалось снова воздвигать костры?

Что-то дѣйствительно случилось, но только не съ евреями. Евреи въ это время не только не подали ни малѣйшаго повода для нетерпимости,—напротивъ, они дѣлали самыя энергическія нравственныя и умственныя усилія, чтобы вывести еврейство на новый путь, и даже выставили цѣлую законченную программу для сліянія еврейскаго прогресса съ началами прогресса общечеловѣческаго.

«Но такъ какъ экономической строй обществъ и государствъ измѣняется только вѣками, а предрасудки — тысячелѣтіями», и, слѣдовательно, даже при самой лучшей теоретической программѣ быстрыхъ пережѣвъ въ положеніи евреевъ ждать никакъ нельзя, то рядомъ съ этою идейною программой явились и программы болѣе непосредственно-практическія, нѣчто вродѣ ученія объ уни, предлагающаго пережѣны въ обычаяхъ и религіозныхъ установленіяхъ, напримѣръ, замѣна субботы воскресеньемъ и т. д.

Базалось бы, что причины, вызвавшія подобную уступку, просты и понятны. Но кн. Мещерскій и тутъ ухитрился найти поводъ бить себя въ грудь и требовать костровъ. Онъ не усмотрѣлъ въ этомъ движеніи мысли

ничего, кромѣ отступничества и нравственной мерзости, превращающей въ гешефтъ даже религію. Я знаю одно интеллигентное, образованное и умное еврейское семейство, въ которомъ всѣхъ дѣтей крестятъ православными, чтобы избавить ихъ въ будущемъ отъ всякихъ несчастныхъ случайностей. Неужели это ренегатство, вѣроотступничество и самоотреченіе? Что сказалъ бы кн. Мещерскій, если бы, вслѣдствіе внѣшняго гнета, ему пришлось бы обращать своихъ дѣтей въ католичество или въ протестантство? Вѣроятно, призадумавшись надъ обстоятельствами, заставляющими его поступать такимъ образомъ, князь просвѣтлѣлъ бы умственно и сталъ бы говорить меньше вздоромъ.

И любопытно, что всѣ вздоры, всѣ завыванія, всѣ безшабашныя требованія преслѣдованія стали раздаваться именно тогда, когда, повидимому, слѣдовало бы радоваться прогрессивной программѣ слиянія, выставленной евреями, и помогать ей осуществленію.

Но дѣло въ томъ, что за эти двадцать пять лѣтъ въ самой русской жизни обнаружилось умственное теченіе, ранѣе незамѣтное. Въ образѣ кн. Мещерскаго и его многочисленныхъ соратниковъ выступилъ ископаемый человѣкъ, провозгласившій себя не только проповѣдникомъ истины и прогресса, но вотъ уже пятнадцать лѣтъ занимающійся безъ помѣхи пропагандированіемъ своихъ ископаемыхъ понятій. Это явленіе, поминѣе возорящее Россію послѣ того, что она освободила крестьянъ и создала себя гласный судъ, замѣчательно, можетъ быть, еще болѣе тѣмъ равнодушіемъ, съ которымъ къ нему относится лучшая часть общества и печати, точно и мы-то, еще недавніе живые люди, освободившіе крестьянъ стали тоже ископаемо-неуязвимыми для всякой нравственной и умственной мерзости.

Еврейскій вопросъ тутъ, конечно, не причемъ, потому что для ископаемыхъ людей и всѣ русскіе вопросы—такой же еврейскій вопросъ. Имъ бы только заткнуть всѣ щели отъ Божьяго свѣта. А мы сидимъ въ стонѣ, сложа руки, да смотримъ, какъ они конопатятъ!

Н. Ш.

Литература и жизнь.

(Критическія замѣтки).

Странное время мы переживаемъ: приходится выступать на защиту такихъ истинъ, которыя еще недавно считались азбучными, приходится опровергать такіе взгляды, которые прежде поражали своею нелѣпостью и являлись чрезвычайнымъ исключеніемъ. Надвинулся какой-то періодъ атавизма, стало воскрешеніе скороненнаго было невѣжества и дигности... Поднимаются и отрицательно рѣшаются вопросы о пользѣ образованія вообще и женскаго въ частности. Конечно, и правительство, и наше самоуправленіе, и частныя лица съ года на годъ увеличиваютъ число школъ и умножаютъ средства для многосторонняго образованія; но было бы ошибкою думать, что указанное реакціонное теченіе мысли не отражается въ дѣйствительности печальными фактами неуваженія человѣческаго достоинства и научнаго знанія. Идея есть сила. Отвлеченная мысль претворяется въ правило поведенія или въ практически поставленную цѣль жизни; она просасывается въ наши чувства и стремленія и иной разъ незамѣтно руководитъ ими. Нельзя поэтому пренебрегать настойчивою пропагандой невѣжества. Если въ отвѣтъ на дикія требованія, на такіе взгляды, по которымъ надо урѣзать разумъ и совѣсть человѣка, только плечами пожимать, то можно, пожалуй, дожидаться, какъ повторяющаяся изо дня въ день нелѣпость сначала перестанетъ оскорблять слухъ, а потомъ покажется мыслью, достойною размышленія, чуть ли не самою истинной.

Русская Мысль всегда съ особенною настойчивостью высказывалась за необходимость правильной постановки женскаго образованія, которая нелѣпима при отсутствіи образованія университетскаго. Невозможно переислить того зла, какое натворило женское невѣжество. То, что создавалось героическими усиліями одного поколѣнія, исчезало иногда почти безжѣдно, потому что женщина-мать принадлежала къ другой формации и воспитывала дѣтей въ иныхъ воззрѣніяхъ и привычкахъ. Правильной преемственной передачи духовнаго богатства нечего и ждать въ томъ обществѣ, гдѣ супруги во многомъ существенномъ не понимаютъ другъ друга, если у нихъ совсѣмъ не сходны идеалы, и хорошее для одного — плохо и

возмутительно для другаго. Печальные результаты полуобразования всѣмъ извѣстны и повсюду одинаковы. Для молодой дѣвушки, не прошедшей университетской школы, всѣ пути открыты для празднои и легкомысленной погони за послѣдними словами науки, за горящими мишурнымъ блескомъ наслажденіями. Ее не можетъ уже удовлетворить старая жизнь. Мысль проринулась, но она не воспитана къ самостоятельной работѣ и жаждетъ сильныхъ ощущеній, того, что чисто-внѣшнимъ образомъ не похоже на будни и съ виду лишь возвышается надъ повседневными заботами и мелочами. Рѣдкой женщиной легко дается потому та внутренняя краса, въ которой залогъ свободы и духовной мощи народа, та глубокая, тепло и ясно свѣтящаяся работа самосознанія, которая создаетъ честныя задачи для жизни и творить счастье человѣка.

Ужъ сколько лѣтъ приходится мнѣ въ той или иной формѣ говорить о женскомъ образованіи, и до сихъ поръ я не могу отнестись къ этому вопросу безъ особеннаго волненія. Оглянитесь вокругъ: сколько зла и жестокости въ семьѣ, въ обществѣ! Какъ можно сомнѣваться, что намъ надо свѣта, побольше свѣта? А вотъ сомнѣваются-таки, и сомнѣваются люди, не нѣкоторымъ видимостямъ, порядочные, во всякомъ случаѣ, съ университетскимъ образованіемъ. Такъ, напримѣръ, въ одной изъ книжекъ *Вѣстника общественной жизни, судебной и практической медицины* за нынѣшній годъ напечатана статья г. Толстаго о женщинахъ-врачахъ. Авторъ доказываетъ, что и для науки, и для государства женщины-врачи не нужны. Стоитъ ли опровергать это *переживаніе*? Слѣдуетъ ли повторять, что врачъ-женщина незамѣнима для женщинъ, для дѣтей, что продолжительный уже опытъ показалъ всю благодѣтельность доступа женщины къ высшему медицинскому образованію? Г. Толстой не вѣдаетъ, должно быть, что такое женская стыдливость, благодаря которой запускается много болѣзней и разрушается здоровье въ ряду поколѣній. Не знаетъ, по всей вѣроятности, авторъ статьи специально-медицинскаго журнала и того внушительнаго, казалось бы, факта, что въ предѣлахъ Россійской имперіи живетъ много миллионъ магометанъ, жены и дочери которыхъ, по религіознымъ предписаніямъ, не могутъ лечиться у врачей-мужчинъ. Разумѣется, не стоило бы напоминать всего этого, если бы статья доктора Толстаго не была напечатана въ изданіи медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. Правда, есть обстоятельство, лишшающее, по нашему мнѣнію, статью г. Толстаго офиціознаго характера: редакція *Вѣстника* помѣстила столь же легковѣсныя, сколько и рѣшительныя разглагольствованія г. Толстаго о медицинскомъ образованіи женщинъ въ отдѣлѣ: *Земская и сельская медицина*. Дѣйствительно, въ этомъ отдѣлѣ неумѣстныя разсужденія поставлены уже совсѣмъ не у мѣста; но было бы еще лучше печатать такіа сочиненія въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: *Признаки атавизма или Застарѣлая переживанія*.

Но вопросу можно придать и другую постановку: учиться есть право, и лишать этого права дозволительно только за опредѣленные провинно-

сти или въ виду явной, не подлежащей сомнѣнью, неспособности. Но такіе случаи составляютъ очень и очень рѣдкое исключеніе. Какимъ же образомъ, съ консервативной точки зрѣнія, съ которой будто бы разсматриваютъ жизненные явленія наши реформаторы навыворотъ,—отрицать самостоятельное значеніе за *основами*, надѣюсь, жизни—взрослымъ человѣкомъ и его семьею? Вѣдь, охранять слѣдуетъ именно достоинство и крѣпость личности и нравственный смыслъ семьи, а для этого за человѣкомъ и семьею необходимо признать достаточный просторъ, извѣстное поле самоопредѣленія, въ общественномъ значеніи послѣдняго слова.

За интересы семьи, за право родителей имѣть голосъ въ дѣлѣ школьнаго воспитанія и обученія высказался недавно г. Еленевъ, о книгѣ котораго былъ данъ отзывъ въ библиографическомъ отдѣлѣ нашего журнала, въ августовской книгѣ. «Одни только родители,—говоритъ г. Еленевъ,—поставлены въ возможность наблюдать духовное и физическое развитіе своихъ дѣтей въ его цѣломъ видѣ, судить о степени ихъ зрѣлости не по балламъ изъ той или другой науки, а по ежедневному опыту, какъ во время прохожденія ими гимназическаго курса, такъ и впослѣдствіи». Дѣло идетъ, разумѣется, не о мелкихъ техническихъ подробностяхъ преподаванія, въ которыхъ рѣдкіе родители могутъ быть компетентны, а объ общемъ смыслѣ этого преподаванія, о пониманіи того, что жертвить и что оживляетъ умъ и сердце дѣтей. По справедливому замѣчанію г. Еленева, голосъ родителей долженъ имѣть особенное значеніе у насъ, при бѣдности нашей педагогической литературы, почти при полномъ отсутствіи сѣздовъ учителей и воспитателей, которыми обсуждались бы вопросы семьи и школы.

Опираясь на множество наблюденій и на свидѣтельство лицъ, заслуживающихъ уваженія и довѣрія, мрачными красками рисуетъ г. Еленевъ состояніе нашихъ классическихъ гимназій: «На сѣздахъ врачей въ Петербургѣ (въ 1885 г.) и въ Москвѣ (въ 1887 г.) извѣстные специалисты по леченію дѣтскихъ болѣзней, на основаніи огромнаго числа наблюденій, засвидѣтельствовали тотъ, поистинѣ ужасающій, фактъ, что число гимназистовъ, страдающихъ хроническими головными болями, увеличивается вмѣстѣ съ возрастомъ и доходитъ до 28—40%, въ возрастѣ отъ 14 до 18 лѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, учащаются у гимназистовъ и другія нервныя болѣзни, и общая психическая возбужденность». Вотъ какъ *охраняетъ* наша пресловутая классическая система русское учащееся юношество!

Указывая и доказывая всю несостоятельность учебныхъ программъ классическихъ гимназій, г. Еленевъ настаиваетъ на необходимости значительно сократить, по крайней мѣрѣ, преподаваніе латинскаго и въ особенности греческаго языка. Общеобразовательная школа немыслима безъ введенія въ кругъ преподаваемыхъ предметовъ естественныхъ наукъ. «Если цѣлью гимназическаго преподаванія должно быть,—говоритъ авторъ книги *О некоторыхъ желаемыхъ улучшеніяхъ въ гимназическомъ обученіи*,—не одно формальное образованіе ума, но и сообщеніе юношамъ фактическихъ свѣдѣній, необходимыхъ всякому образованному человѣку по ихъ

важному значенію въ жизни, то почему бы, казалось, не удѣлить въ гимназическихъ планахъ скромнаго мѣста свѣдѣніямъ, отсутствіе которыхъ отзывается на всѣхъ насъ тяжкими и уже непоправимыми послѣдствіями». Г. Еленевъ разумѣетъ гигиену и діететику. «Можно ли, — продолжаетъ онъ, — назвать того человѣка образованнымъ, который не знаетъ начальныхъ правилъ для предохраненія своего здоровья отъ разрушительныхъ дѣйствій климата, нездоровыхъ жилищъ, неуѣренности и неправильнаго образа жизни? Въ особенности намъ, русскимъ, обреченнымъ жить при самыхъ неблагоприятныхъ климатическихъ условіяхъ, необходимо раньше запасаться свѣдѣніями о томъ, какъ уберечь свое здоровье. Какой горькій упрекъ вправѣ сдѣлать своему образованію тотъ молодой человѣкъ, котораго выпустили изъ гимназіи напичканнымъ всевозможными тонкостями латинской и греческой грамматики и скоро забываемымъ балластомъ историческихъ именъ и годовъ и который на первыхъ же порахъ сгубилъ навсегда свое здоровье, по незнанію тѣхъ необходимѣйшихъ предосторожностей въ одеждѣ, пищѣ и образѣ жизни, которыя дознаны опытомъ и медицинскою наукой».

Вопросы воспитанія давно уже занимаютъ и тревожатъ русское общество. Къ сожалѣнію, обсужденіе этихъ вопросовъ въ печати было обставлено у насъ большими препятствіями, и мы съ особенною радостью привѣтствуемъ поэтому книгу г. Еленева, въ которой наша среднеучебная система подвергнута многосторонней критикѣ. Странно читать, какъ иные педагоги упрекаютъ общество въ пассивномъ отношеніи къ дѣлу ученія и воспитанія дѣтей. Такой упрекъ высказываетъ г. Тихомировъ въ брошюрѣ, озаглавленной *Гдѣ и какъ готовить дѣтей къ средней школѣ?* «Образованная (г. Тихомировъ иронически подчеркиваетъ это слово) семья, какъ-нибудь приготовивши ребенка къ поступленію въ среднюю школу, заботится, — утверждаетъ авторъ брошюрки, — главнымъ образомъ, о томъ, чтобы пристроить свое дѣтище на казенный счетъ, пристроить въ такую школу, которая даетъ больше правъ и привилегій; а чему и какъ въ школѣ учать, какъ воспитываютъ, — объ этомъ родители не спрашиваютъ».

Въ приведенныхъ словахъ заключается клевета на образованную русскую семью. Нужно вообразить себя какимъ-то опричникомъ педагогіи, чтобы бросить обществу такой упрекъ. Дѣйствительно, родители хлопочатъ о томъ, чтобы ихъ дѣти получали въ учебномъ заведеніи права; но это вполнѣ естественная забота въ государствѣ, гдѣ, напримѣръ, срокъ обязательной военной службы сильно колеблется въ соответствіи со степенью полученнаго школьнаго образованія. Очень интересуются родители и программами, и самими преподавателями учебныхъ заведеній, и если изъ этого *интереса* выходитъ мало толку, то ужъ, конечно, не по винѣ родителей.

Впрочемъ, г. Тихомировъ и школу не одобряетъ, — онъ всѣми недоуменъ. «Нужно, — патетически восклицаетъ онъ, — забыть взаимную вражду, нужно погнунуть бесплодные сѣтованія, нужно проявить себя въ дѣлѣ».

Какимъ же образомъ? «Родители не хотятъ понять, увѣряютъ г. Тихомировъ, что первая ступень обученія имѣетъ очень важное значеніе, что нужно знать, чему учить, и умѣть учить на этой ступени». Какіе-то готтототы эти русскіе родители! Какъ же, однако, имъ готовить своихъ дѣтей къ средней школѣ? Вся бѣда, видите ли, въ томъ, что семья имѣетъ дѣлю приготовить ребенка по программѣ къ экзамену, и только. «Программа не требуетъ и не можетъ требовать отъ поступающаго ни извѣстнаго умственнаго и нравственнаго развитія, ни любви къ занятіямъ, ни умѣнья взяться за дѣло,—словомъ, ничего такого, что не можетъ быть опредѣленно и точно формулировано, но что имѣетъ существенно важное значеніе по отношенію къ послѣдующему ученію,—и подготовительныя занятія ничего такого не дають».

Программа, дѣйствительно, ничего подобнаго не требуетъ, да и не можетъ требовать: на то она—программа. Но школа, но живой человекъ—учитель должны были бы предъявлять такія требованія, и г. Тихомировъ сваливаетъ отвѣтственность съ большой головы на здоровую. Семья горюетъ и страдаетъ отъ того, что гимназія предъявляетъ черствыя формальныя условія для поступленія въ учебное заведеніе, но измѣнить такой порядокъ вещей семья не можетъ. Г. Тихомировъ предлагаетъ отдавать дѣтей въ народную школу, а въ городахъ «создать» хорошую подготовительную школу. По поводу крестьянской (земской) школы г. Тихомировъ «смѣетъ увѣрить, что и при дурныхъ манерахъ крестьянскія дѣти и нравственны, и чисты сердцемъ,—въ нихъ оболочка только можетъ казаться непривлекательной». Эта наивная *смѣлость* г. Тихомирова совершенно напрасна: достоинства земской школы признаны всею образованною Россіей, но готовить въ ней городскихъ дѣтей къ средней школѣ,—а именно городскія дѣти наполняютъ среднія учебныя заведенія,—дѣло немислимое. Никто не станетъ отрицать необходимости *создать* удовлетворительную подготовительную школу въ городѣ; но только къ чему тутъ діатрибы г. Тихомирова противъ родителей и какую цѣну имѣютъ его соображенія? Въ діатрибахъ не было никакой надобности, а практическихъ указаній, сколько-нибудь новыхъ и полезныхъ, въ брошюрѣ г. Тихомирова не заключается.

Общество (надо полагать, что въ его средѣ встрѣчаются и *родители*) положительно обнаруживаетъ значительную энергію въ дѣлѣ развитія народнаго образованія, какъ только открывается достаточный просторъ для личной и общественной самодѣятельности. Въ столицахъ, въ большихъ и малыхъ городахъ, на частныя средства, по частному почину, устраиваются народныя читальни, воскресныя чтенія и школы. Къ сожалѣнію, въ уѣздныхъ городахъ всѣ такія предпріятія встрѣчаютъ препятствія въ административныхъ распоряженіяхъ. Но въ губернскихъ городахъ дѣло замѣтно развивается. Въ нашихъ рукахъ много отчетовъ такого рода изъ Астрахани, изъ Костромы, изъ Одессы и другихъ мѣстностей.

Въ *Отчетѣ о состояніи народныхъ чтеній въ 1. Астрахани за 1888/9 1.* приведены слѣдующія, напримѣръ, данныя. Комиссія народныхъ чтеній

имѣла въ этомъ году въ своемъ распоряженіи четыре аудиторіи. Всѣхъ чтеній было 41 (серьезное вниманіе было обращено на распространеніе свѣдѣній по естествознанію и медицинѣ). Чтенія разнообразились духовнымъ и свѣтскимъ пѣніемъ. Общее количество посѣтившихъ чтенія отчетъ опредѣляетъ въ 14,000 человекъ. Въ концѣ прошлаго года *коммиссія* открыла библіотеку и книжный складъ. Одесское *Славянское общество имени св. Кирилла и Меодія* также устраиваетъ народныя чтенія (въ двухъ аудиторіяхъ въ прошломъ году было сорокъ шесть чтеній) и общедоступныя литературно-музыкальные вечера. Общее число посѣтителей (платныхъ и бесплатныхъ) равнялось въ 1888 году 32,306. Библіотека и книжный складъ общества быстро развиваются. Въ далекомъ Барнаулѣ плодотворно дѣйствуетъ *Общество попеченія о начальномъ образованіи*. Общество имѣетъ школу, школьный садъ, публичную библіотеку. Изъ *Отчета о народныхъ чтеніяхъ въ г. Екатеринославѣ за 1888/9 г.* мы узнаемъ, что комиссіею народныхъ чтеній *) было устроено въ этомъ городѣ тридцать одно чтеніе. Два раза, на площади, показывались народу и объяснялись историческія картины. На каждое изъ этихъ общественныхъ чтеній собиралось до восьми тысячъ человекъ. Харьковское *Общество распространенія въ народѣ грамотности* въ мартѣ нынѣшняго года праздновало двадцатилѣтіе своей дѣятельности, принявшей уже значительные размѣры. Оно устроило нѣсколько очень хорошихъ школъ, книжный складъ, сельскія библіотеки, народныя чтенія въ Харьковѣ. Отдѣленія *Общества* возникли въ Славянскѣ и въ Сумахъ. «Служеніе человечеству, — сказалъ предсѣдатель правленія *Общества* проф. Шимковъ на собраніи, по случаю двадцатилѣтія существованія *Общества*, — слагается изъ отдѣльныхъ, мелкихъ, скромныхъ, незамѣтныхъ услугъ ему, которыя каждый можетъ и долженъ нести по мѣрѣ силъ и средствъ». Въ результатѣ этихъ согласованныхъ личныхъ усилій получится великое дѣло.

Ограничусь этими примѣрами, потому что имѣю въ виду только возразить людямъ, упрекающимъ наше общество въ пассивномъ отношеніи къ вопросамъ народнаго образованія.

Какъ добрый признакъ все развивающагося общественнаго самосознанія, отмѣтимъ возникновеніе въ Одессѣ педагогической газеты *Школьное Обзорніе*. Желаемъ этому изданію долгой жизни и широкаго распространенія, если *Школьное Обзорніе* останется вѣрно своей программѣ. Газета ставитъ себѣ задачей быть посредникомъ между школой и семьей. Въ числѣ поставленныхъ *Школьнымъ Обзорніемъ* задачъ только что названная является, безъ сомнѣнія, одною изъ труднѣйшихъ. «Само собою разумѣется, — говоритъ редакціонная статья газеты, — что мы считаемъ преступленіемъ вторженіе школы въ семью и никакого насильственнаго нарушенія неприкосновенныхъ границъ семьи, во имя какихъ бы то ни было

*) Коммиссія состоитъ при *Обществѣ попечительства о женскомъ образованіи въ г. Екатеринославѣ*.

школьных идеаловъ, мы проповѣдывать не будемъ и не смѣемъ. Но есть другой способъ воздѣйствія на семью: это—проведеніе въ нее здоровыхъ педагогическихъ идей, которыя должны служить ей для свѣдѣнія, но отнюдь не обязательно для руководства». По справедливому замѣчанію Герберта Спенсера, изъ всѣхъ обязанностей взрослого человѣка самая трудная—*умѣнье вести семью*. Между тѣмъ, въ этомъ направленіи наше школьное воспитаніе ничего не дѣлаетъ, и всѣ надежды покуда остаются возложить, какъ это дѣлаетъ и *Школьное Обозрѣніе*, на благотворное вліяніе здоровыхъ педагогическихъ идей, которыя должна распространять литература. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что наша литература во многомъ исправляетъ недостатки дѣйствующей школьной системы, но она не можетъ, конечно, воротить потраченного напрасно времени и возстановить потеряныя силы. Долгое время особеннымъ почетомъ и авторитетомъ пользовался въ русскомъ обществѣ университетъ; но его общественно-воспитательное значеніе весьма ослабло съ отмѣною устава 1863 года. Само министерство народнаго просвѣщенія начинаетъ признавать неудовлетворительность новыхъ университетскихъ порядковъ. Такъ, въ концѣ августа *Московскія Вѣдомости* сообщали, что министерствомъ народнаго просвѣщенія «предполагается еще въ нынѣшнемъ году урегулировать гонорарную плату профессорамъ университетовъ такъ, чтобы неравномѣрность ея между профессорами многочисленныхъ и малочисленныхъ факультетовъ была устранена». На несправедливость гонорарной системы, которую выдавали за одинъ изъ краеугольныхъ камней новаго университетскаго устава, давно уже указывала либеральная печать. Другія измѣненія, которыя, повидимому, предполагаются произвести министерство народнаго просвѣщенія въ университетскомъ уставѣ 1884 года, также направлены къ возстановленію основныхъ идей устава 1863 года. Въ началѣ лѣта въ одесскихъ, а потомъ и въ столичныхъ газетахъ появилось извлеченіе изъ записки, составленной профессоромъ Петербургскаго университета и разосланной министерствомъ народнаго просвѣщенія въ историко-филологическіе факультеты другихъ университетовъ для свѣдѣнія и отзыва. Въ запискѣ указывалось, что опытъ подтвердилъ опасенія компетентныхъ ученыхъ относительно достоинства новыхъ программъ преподаванія на филологическихъ факультетахъ: уровень этого образованія понизился, его *университетскій* характеръ сильно пострадалъ. Въ началѣ сентября министерство народнаго просвѣщенія разослало по факультетамъ проекты новыхъ учебныхъ плановъ, въ которыхъ возстановляется многое изъ отмѣненнаго было уставомъ 1884 года. Этому нельзя не порадоваться. Въ дѣло воспитанія необходимо вносить какъ можно болѣе такта и живой внимательности къ запросамъ общества. Министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ въ виду, конечно, прежде всего и больше всего, интересы просвѣщенія. Ту же цѣль выше всего ставить и общество. Само собою разумѣется, не всѣ желанія и требованія общества могутъ быть удовлетворены, въ особенности сразу; но, по меньшей мѣрѣ, странно было бы предположить, что этими желаніями и требованіями слѣ-

дуетъ пренебрегать, что въ нихъ не слышенъ голосъ истинныхъ потребностей образованія. Всего менѣе дозволительно вносить раздраженіе въ обсужденіе вопросовъ педагогическихъ и всего необходимѣе въ этомъ отношеніи дружное взаимодѣйствіе правительства и общества. Явная или затаенная вражда, которая иной разъ возникаетъ между школой и семьей, не можетъ, всякому понятно, принести никакихъ иныхъ послѣдствій, кромѣ самыхъ печальныхъ.

Вотъ, напримѣръ, одно изъ желаній, раздѣляемыхъ всѣми родителями, и желаніе далеко не маловажное (его давно уже высказываютъ въ печати): въ нашихъ школахъ слишкомъ часто мѣняются учебники,—нельзя ли избѣжать этого неудобства и этихъ лишнихъ расходовъ? Вѣдь, не можетъ быть, чтобы наша педагогическая литература, разныя грамматики и задачки улучшались съ сказочною быстротой, да намъ извѣстны въ этомъ отношеніи и положительныя злоупотребленія. Русская семья сказала бы большое спасибо министерству народнаго просвѣщенія, еслибъ оно приняло ограничительныя въ этомъ смыслѣ мѣры.

Въ концѣ этихъ замѣтокъ, отведенныхъ на этотъ разъ вопросамъ воспитанія, я хочу помянуть въ нѣсколькихъ словахъ писателя, скончавшагося двадцать пять лѣтъ тому назадъ (25 сентября 1864 года), Аполлона Григорьева.

Аполлона Александровича Григорьева помянули добрымъ словомъ газеты разныхъ направленій. Въ покойномъ критикѣ и друзья, и недруги его идеи признали честнаго и независимаго писателя, искренне и горячо преданнаго народу и искусству. Конечно, въ лагерьъ нашихъ лже-охранителей не преминули причислить Григорьева къ своимъ, но на это нѣтъ никакихъ основаній. Аполлонъ Григорьевъ не либераль, конечно, но отнюдь и не консерваторъ. Выше всего ставилъ онъ независимость—личную, общественную и національную. «Художество,—писалъ Григорьевъ *),—какъ выраженіе правды жизни, не имѣетъ права ни на минуту быть неправдою: *въ правдѣ*—его искренность, *въ правдѣ*—его нравственность, *въ правдѣ*—его объективность». Въ другой статьѣ (*Критическій взглядъ на основы, значеніе и приемы современной критики искусства*) Аполлонъ Григорьевъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «Между искусствомъ и критикою есть органическое родство въ сознаніи идеальнаго, и критика поэтому не можетъ и не должна быть слѣпо-исторической, а должна быть, или, по крайней мѣрѣ, стремиться быть, столь же органическою, какъ само искусство, осмысливая анализомъ тѣ неорганическія начала жизни, которымъ систематически сообщаетъ плоть и кровь искусство». Въ сужденіяхъ Григорьева было много неопредѣленнаго и неправильнаго. Его идеализація пушкинскаго Бѣлкина, *простая здраваго толка и смиреннаго чувства*, справедливо вызвала отпоръ со стороны писателей иного направленія. Но, съ другой стороны, критикъ вы-

*) *Сочиненія Аполлона Григорьева, т. I: О правдѣ и искренности въ искусствѣ, стр. 189.*

сказалъ много свѣтлыхъ мыслей, напримѣръ, въ статьѣ, носящей характерное названіе: *Оппозиція застоя (черты изъ исторіи мракобѣсія)*. Григорьева слишкомъ увлекала его *органическая* теорія. «Поэтъ,—говорилъ онъ, напримѣръ,—учитель народа только тогда, когда онъ судить и рядить жизнь во имя идеаловъ, жизни самой присущихъ, а не имъ, поэтому, сочиненныхъ» *). Аполлонъ Григорьевъ называетъ «массою, чувствомъ массы то, что въ извѣстную минуту сказывается невольнымъ общимъ настроеніемъ, вопреки частному и личному, сознательному или безсознательному настроенію, въ каждомъ изъ насъ». Прежде всего, нельзя, разумѣется, отождествлять *идеалы* и *настроеніе*. Ярko формулировать идеалы, возроставшіе на почвѣ извѣстнаго настроенія, это дѣло большого художественнаго творчества, глубокой и сознательной работы мысли. Неправильно затѣмъ изображать народное настроеніе какою-то нирваной, въ которой тонуть и гаснуть всѣ личныя стремленія, всѣ личнымъ трудомъ созданныя мысли и образы. Геніальный писатель, какъ Пушкинъ, расширяетъ и поднимаетъ совокупность народныхъ чувствованій и просвѣтляетъ его міровоззрѣніе, внося въ область общественнаго сознанія образы иной жизни, иной цивилизаціи. Кромѣ того, кто же рѣшится утверждать, что *чувство массы* всегда справедливо, что эта масса не можетъ быть введена въ заблужденіе своими инстинктами? Въ своихъ замѣткахъ я могу, разумѣется, только коснуться этого вопроса, который у насъ выродился отчасти въ печальное недоразумѣніе, въ противоположеніе, враждебное и крайне вредное,—либерализма и народничества. На самомъ дѣлѣ народную жизнь не слѣдуетъ укладывать на Прокрустово ложе одного какого-либо начала, какъ ни будь оно широко и симпатично. Никогда не должно терять изъ вида, что человѣкъ (личность) существуетъ не исключительно для цѣлаго, что онъ носитъ въ себѣ самостоятельный міръ идей и чувствъ, вторгаться въ который и стѣснять его внѣшнее выраженіе въ словѣ и печати *цѣло* (общество, государство) не имѣетъ права. Человѣкъ, являясь *результатомъ* вліяній прошлаго, среды и личнаго воспитанія, въ то же время, можетъ и долженъ быть *причиной* совершенствованія этой среды. Не слѣдуетъ противопоставлять народъ личности,—другими словами, число населенія живому человѣку, потому что народъ состоитъ изъ многообразныхъ группъ и единицъ, въ живомъ взаимодействіи которыхъ создается *чувство массы*, а на болѣе высокой (сознательной) ступени развитія—*общественное мнѣніе*.

Т.

*) Сочиненія: Письма „Грозы“ Островскаго, стр. 454.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ прошломъ обзорѣніи мы высказали предположеніе, что на общихъ выборахъ въ палату депутатовъ Французской республики коалиція монархистовъ, клерикаловъ и буланжистовъ потерпѣть пораженіе. Къ счастью для мирнаго и свободнаго развитія европейскихъ народовъ, республиканцы, дѣйствительно, одержали побѣду. Въ новой палатѣ будетъ болѣе 360 республиканцевъ и 200 съ небольшимъ ихъ противниковъ, если зачислить въ эту категорію всѣхъ буланжистовъ, нѣкоторые изъ которыхъ, повидимому, искренне преданы республикѣ, только желали бы уничтожить *парламентарную* республику. Между тѣмъ, побѣдила именно послѣдняя. По справедливому замѣчанію газеты *Le Voltaire*, выборы 22 сентября выгодно отличаются отъ выборовъ 1881 и 1885 годовъ: они опять внесли согласіе въ республиканскій лагерь, произвели сосредоточеніе силъ въ виду близкой опасности отъ общихъ враговъ. Другія республиканскія газеты отмѣчаютъ относительно большой успѣхъ умѣренныхъ республиканцевъ отѣнка Леона Сэ и Рибо. *Le Parti National* говорятъ, что Франція категорически высказалась противъ пересмотра конституціи. Газета совѣтуетъ радикаламъ не упорствовать въ этомъ отношеніи и отказаться отъ внесенія предложеній и проектовъ, имѣющихъ цѣлью измѣненія въ государственныхъ учрежденіяхъ республики. *Le Matin*, торжествуя побѣду республиканцевъ, обращается къ монархистамъ съ примирительными словами. «Потерявши, монархисты выиграли, — говоритъ газета, — пусть только они, не пропуская ни часа, ни минуты, искренне примкнутъ къ республикѣ, чтобъ играть въ ней, вмѣстѣ съ нѣкоторыми давними республиканскими группами, роль большой консервативной партіи». Въ станѣ противниковъ республики разладъ увеличивается. Одни изъ монархическихъ изданій настаиваютъ на окончательномъ разрывѣ съ буланжизмомъ, другіе, въ особенности бонапартисты, не могутъ, разумѣется, отказаться отъ стремленія добиться своего путемъ какихъ угодно приключеній и даже преступленій. *Figaro* возстаетъ противъ упорства въ той политикѣ, которой держались монархисты съ 1885 по 1889 г. Убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ ея непригодности *Figaro* считаетъ ея полную неудачу. Газета заявляетъ, что

необходимо фактически подчиниться республикѣ, которая укрѣплена выборами 22 сентября. Это подчиненіе, — продолжаетъ *Figaro*, — не требуетъ принесенія въ жертву внутреннихъ предпочтеній, не запрещаетъ надежды (на возникновеніе конституціонной монархіи). Достигнуть такого подчиненія не легко, но, вѣдь, нѣчто подобное монархистамъ приходилось уже испытать, когда они вступали въ союзъ съ буланжистами и бонапартистами. Газеты отъявленныхъ буланжистовъ и бонапартистовъ выступаютъ, конечно, съ иными рѣчами. Онѣ возлагаютъ большія надежды на то, что умѣренные республиканцы вступятъ въ ожесточенную борьбу съ радикалами, и этимъ раздоромъ съумѣютъ воспользоваться враги парламентарной республики. *Gaulois* и нѣкоторые другія изданія предсказываютъ неизбежность непримиримыхъ столкновеній между будущимъ кабинетомъ и вождемъ радикальной партіи, Клемансо. Но есть надежда, — и надежда значительная, — на то, что республиканцы, умудренные опытомъ, пойдутъ на взаимныя уступки. Общій врагъ нынѣшней формы правленія во Франціи разбить, но далеко не обезоруженъ, и этого не могутъ не видѣть вожди республиканскихъ фракцій.

Побѣда республиканцевъ признается независимою печатью всѣхъ странъ важнымъ событіемъ, укрѣпляющимъ миръ. Нѣмецкія газеты, конечно, невольны. Нѣкоторыя изъ нихъ указываютъ на страшное, будто бы, усиленіе буланжизма, на анархію, которая будто бы въ недалекомъ будущемъ угрожаетъ Франціи. Печальные послѣдствія кроваваго насилия, отнявшаго у Франціи Эльзасъ и Лотарингію, чувствуются, попрежнему, въ Германіи, и нѣмецкое общественное мнѣніе, въ большинствѣ случаевъ, оказывается насквозь проникнутымъ высокоуміемъ и злобою, въ которой звучатъ опасенія передъ возрастающею силой Французской республики. Отсюда, разумѣется, и заигрыванія передъ нашимъ отечествомъ, которыя смѣняются раздраженными выходками, когда русское правительство уклоняется отъ какихъ-либо соглашеній во вредъ національнымъ русскимъ интересамъ и на пользу политики крови и желѣза, усвоенной германскимъ имперскимъ канцлеромъ. *Московскія Вѣдомости* недавно заявили, что князь Бисмаркъ «принадлежитъ къ числу тѣхъ государственныхъ людей, которые считаются только съ реальными фактами и для которыхъ нравственныя соображенія имѣютъ мало значенія. Правда, задача сближенія съ Россіей даже для князя Бисмарка не можетъ быть легкою, такъ какъ онъ не настолько наивный человѣкъ, чтобы не понимать, что въ Россіи вѣрно сознаютъ роль, какую играла Германія въ послѣдніе годы. Тѣмъ не менѣе, — продолжаютъ *Московскія Вѣдомости*, — онъ еще не отказался отъ этой задачи, сознавая, что Германія навсегда утратитъ надежду на европейскую гегемонію, если не втянетъ такъ или иначе Россію въ сферу своей политической мощи».

Мы раздѣляемъ надежду московской газеты, что для Россіи пора самообмановъ миновала. Неудобно имѣть дѣло, вступать въ какія-либо соглашенія съ политикомъ, который, по выраженію *Московскихъ Вѣдомостей*, считается только съ реальными фактами, для котораго мало значатъ нрав-

ставленныя соображенія. Пресловутая *Лига мира*, направленная канцлеромъ Германской имперіи противъ Франціи и нашего отечества, не можетъ внушать къ себѣ, къ своимъ замысламъ и тѣмъ средствамъ, которыя она пускаетъ въ ходъ, ни малѣйшаго довѣрія. Австро-Венгрія, съ благословенія князя Бисмарка, старается, во вредъ Россіи, укрѣпить и расширить свое вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ. Она не прочь принца Фердинанда Кобургскаго, своего ставленника, признать официально княземъ болгарскимъ. Въ сферу *Лиги мира* втягивается Турція, къ ней стараются притянуть Англію. Къ счастью, въ послѣдней странѣ высоко развита въ обществѣ политическая мысль и есть Гладстонъ. Статья, которую съ достовѣрностью приписываютъ этому великому государственному человѣку, напечатанная въ октябрьской книгѣ *Contemporary Review* и направленная противъ *Лиги мира*, произвела немалый переполохъ и вызвала крайнее озлобленіе во многихъ органахъ германской, австрійской и итальянской печати. Современному Макіавели Италіи, Криспи, и его политикѣ статью Гладстона нанесенъ сильный ударъ. Предостерегая свое отечество отъ несправедливаго союза съ Германіей и подчиненной ей Австро-Венгріей, вождь англійской либеральной партіи не скрываетъ своего глубокаго изумленія по тому поводу, что въ союзѣ съ этими государствами явилась Италія. Ей-то что дѣлать на этой галерей?—спрашиваетъ Гладстонъ. Экономическія средства итальянскаго народа, значительная часть котораго находится поистинѣ въ бѣдственномъ состояніи истощаются непосильными тратами на вооруженія. Вооруженія имѣютъ въ виду войну съ Франціей. Но эта война, даже при успѣшномъ ея исходѣ, не принесетъ Италіи ничего добраго. Гладстонъ находитъ, что силы Лиги уравниваются соединенными силами Россіи и Франціи, и что перевѣсъ Германіи, Австро-Венгрии и Италіи можетъ быть обезпеченъ только присоединеніемъ къ нимъ Великобританіи. Какъ англичанинъ, какъ либералъ, какъ человѣкъ, проникнутый отвращеніемъ къ политикѣ крови и желѣза, Гладстонъ вооружается противъ такой комбинаціи всею силой своего долготѣлнато опыта въ государственныхъ дѣлахъ, всею мощью своего убѣжденнаго краснорѣчія. Онъ словомъ и дѣломъ доказалъ искреннія и прочныя симпатіи къ Италіи, которыя начались еще тогда, когда итальянскій народъ стоналъ подъ игомъ разныхъ деспотовъ. Совѣты и предостереженія Гладстона не могутъ поэтому не произвести сильнаго впечатлѣнія на итальянское общественное мнѣніе. «Италія,—говоритъ Гладстонъ,—естественнымъ образомъ не можетъ находиться въ союзѣ ни съ анархіей, ни съ цезаризмомъ; она должна являться заступникомъ дѣла разумной свободы и прогресса во всей Европѣ» *).

Вызовъ, брошенный Гладстономъ мнимой *Лиге мира*, и его симпатіи къ Франціи приобрѣтаютъ особенное значеніе въ виду возможности близкаго возвращенія къ власти этого гениальнаго государственнаго человѣка,

*) „Italy by Nature stands in alliance neither with anarchy nor with Caesarism, but with the cause and advocates of rational liberty and progress throughout Europe“.

ту котораго мы видимъ рѣдкое сочетаніе необычайно остраго практическаго ума съ глубоко-гуманною мыслью. Побѣды гладстоніанцевъ на нѣсколькихъ выборахъ въ парламентъ, происходившихъ недавно, свидѣлствуютъ о томъ, что близится часъ паденія консервативнаго министерства. Съ одной только стороны возникаетъ въ этомъ отношеніи большое опасеніе: Гладстону въ декабрѣ нынѣшняго года минеть восемьдесятъ лѣтъ. Какъ ни вѣропокъ тѣломъ и духомъ этотъ знаменитый человѣкъ,—дни его сочтены. Остаётся пожелать, чтобы они продлились на пользу Англій и всего человѣчества. Далекое не утомленіемъ, но грустнымъ сознаніемъ близкаго конца звучали слова Гладстона во время посѣщенія имъ парижской выставки въ отвѣтъ на многочисленныя заявленія глубокаго уваженія и симпатіи. Гладстонъ былъ въ восторгѣ отъ выставки, которая блистательно заканчивается. Торжество присужденія наградъ экспонентамъ всего міра (кромя Гогенцоллернской имперіи) прошло съ необычайною торжественностью и произвело въ высшей степени отрадное впечатлѣніе, какъ праздникъ промышленнаго труда и общественной свободы.

Естественно, что каждый фактъ, свидѣтельствующій о симпатіяхъ русскихъ къ французамъ и наоборотъ, возбуждаетъ злобу, насмѣшки и угрозы со стороны нѣмецкихъ, мадьярскихъ и итальянскихъ шовинистовъ. *Neue Freie Presse* признается, что сближеніе Франціи и Россіи явилось неизбѣжнымъ послѣдствіемъ тройственнаго союза, устроеннаго княземъ Бисмаркомъ. Разсуждая въ день выборовъ въ палату депутатовъ Французской республики объ отношеніи послѣдней къ Россіи, австро-нѣмецкая либеральная газета признаетъ, что побѣда республиканцевъ, образованіе достаточно сильнаго и прочнаго правительственнаго большинства, послужить на пользу союза съ Франціей нашего отечества. Брюссельскій *Nord*, которому приписываютъ значеніе офиціознаго органа нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, заявлялъ, что союзу этому не можетъ быть препятствіемъ форма государственнаго устройства. Но такимъ препятствіемъ является неустойчивость французскаго правительства, быстрая смѣна кабинетовъ. Такимъ образомъ, къ соображеніямъ внутренней политики, требующимъ единенія республиканскихъ группъ новой палаты, присоединяются не менѣе повелительныя соображенія международнаго характера. *Neue Freie Presse* жалобно замѣчаетъ, что тотъ день, въ который будетъ заключенъ франко-русскій союзъ, принесетъ Европѣ неисчислимыя бѣдствія. Почему же, однако? Тройственному союзу, въ который князь Бисмаркъ старается втянуть то Испанію, то Турцію, то Китай,—соединенныя силы Россіи и Франціи противопоставятъ непреходимую границу. Франція очутилась бы въ безпомощномъ положеніи, если бы допустила разгромъ нашихъ военныхъ силъ. Для Россіи и для всего славянскаго міра могущественная Франція необходима въ виду историческаго натиска германизма.

Далека отъ насъ мысль поддерживать и усиливать въ русскомъ обществѣ расовую неприязнь; но въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о самооборонѣ. Мы съ величайшимъ сочувствіемъ отмѣчаемъ успѣхи германскаго народа

въ области культуры и общественнаго развитія, только успѣхи эти въ послѣднія двадцать лѣтъ вовсе не такъ значительны, какъ этого слѣдовало бы ожидать отъ столь богато одареннаго, столь высоко образованнаго народа, каковъ народъ нѣмецкій. Рядъ побѣдоносныхъ войнъ повелъ къ нравственному одичанію Германіи, къ пагубному усиленію въ ней солдатчины, отодвигающей на задній планъ все, чѣмъ въ былые годы гордились нѣмцы, что составляетъ ихъ безсмертную славу въ исторіи развитія чело-вѣчества. Философія, наука, искусство отравлены въ Германіи милитаризмомъ. Извѣстный философъ Эдуардъ Гартманнъ, сочиненія котораго одно время сильно нашумѣли у насъ, съ величайшимъ, наприжѣръ, хладнокровіемъ доказываетъ необходимость безчеловѣчнаго способа войны. По его мнѣнію, слѣдуетъ разрушать бомбардировкой открытыя части городовъ для «нравственнаго» воздѣйствія на врага.

Конечно, не иззякли въ Германіи и другія теченія, но по главному руслу ея политической жизни направляются, къ сожалѣнію, не они. Въ послѣдней книжкѣ *Вѣстника Европы* упомянута вышедшая въ нынѣшнемъ году въ Берлинѣ брошюра неизвѣстнаго автора, въ которой безусловно отвергается мысль о неизбѣжности вражды между нѣмцами и славянами. Авторъ брошюры *) говоритъ, что въ Германіи съ возрастающимъ интересомъ и симпатіей слѣдятъ за русскою литературой и русскою жизнью, тогда какъ русская печать свидѣтельствуетъ о враждѣ къ Германіи нашего общества. Но рецензентъ *Вѣстника Европы* основательно замѣчаетъ, что нѣмецкія газеты (въ особенности офиціозныя изданія, получающія внушенія отъ имперскаго канцлера) полны такихъ злобныхъ выходовъ противъ Россіи, передъ которыми блѣднѣютъ грубыя и вызывающія статьи нѣкоторыхъ изъ русскихъ газетъ.

Но и въ настоящее время германская общественная жизнь, хотя и угнетенная милитаризмомъ, представляетъ для насъ много интереснаго и поучительнаго. То въ одномъ, то въ другомъ городѣ собираются съѣзды, научные и политическіе; теоретическіе и практическіе вопросы ставятся и свободно обсуждаются и на этихъ съѣздахъ, и въ печати. Въ прошломъ обзорѣніи мы упомянули о двадцатомъ съѣздѣ германскихъ юристовъ. Онъ состоялся въ Страсбургѣ. Особенный интересъ былъ возбужденъ вопросомъ о разводѣ. Новый законопроектъ очень ограничилъ расторгженіе брака и отвелъ, кромѣ того, необычайный просторъ судебному усмотрѣнію. Сильныя возраженія были представлены противъ того постановленія законопроекта, по которому не служить поводомъ къ разводу даже неисцѣлимое помѣшательство. Съѣздъ юристовъ высказался за признаніе этого повода достаточнымъ. Другими постановленіями выражено, чтобы причиною развода не признавалась одна только виновность той или другой стороны (то есть нарушеніе супружеской вѣрности), чтобы расторгженіе брака не было

*) *Russland und der Dreiebund* (*Вѣстникъ Европы*, октябрь: *Новости иностранной литературы*).

оставлено излишними формальными требованіями и не отдавалось на относительно произволъ суда.

Но и съездъ юристовъ не прошелъ безъ повиннистской окраски. Ученые цивилисты и криминалисты собрались вечеромъ на банкетъ, на берегу Рейна, и, какъ сообщаетъ страсбургскій корреспондентъ *Kölnische Zeitung*, съ энтузіазмомъ слушали боевую пѣсню *die Wacht am Rhein*. Глубокую пропасть вырыла война 1870—71 годовъ между нѣмцами и французами и не скоро закроется она успѣхами просвѣщенія.

Мертвящее реакціонное дыханіе чувствуется въ нѣкоторой степени и въ новѣйшемъ австрійскомъ законодательствѣ, въ проектѣ, напримѣръ, уголовнаго уложенія. Нынѣшній дислейтанскій министръ юстиціи, графъ Шенборнъ, предполагаетъ произвести нѣсколько дополненій и измѣненій въ законопроектъ, который былъ выработанъ знаменитымъ криминалистомъ Глазеромъ. *Neue Freie Presse* жѣтко указала на многіе изъ недостатковъ законопроекта графа Шенборна. Всѣ они вытекаютъ изъ неправильнаго понятія о центральной власти, которая чрезвѣрно опекаетъ гражданъ и стѣсняетъ свободное выраженіе ихъ политическихъ и религіозныхъ убѣжденій. Въ числу особенно важныхъ постановленій, которыя имѣются въ виду министромъ юстиціи, слѣдуетъ отнести ограниченія суда присяжныхъ и гласности судебныхъ засѣданій. Но много шансовъ за то, что эти реакціонныя постановленія не пройдутъ въ парламентъ.

Признаки реакціи, какіе замѣчаются теперь въ Германіи, Австро-Венгріи, Италіи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ Европы, наводятъ многихъ на грустныя предположенія о будущей судьбѣ нашей части свѣта. Указываютъ на быстрые успѣхи просвѣщенія въ Америкѣ, въ Японіи, въ Австраліи и съ этимъ сопоставляется неслыханный ростъ милитаризма въ Европѣ, усиленіе вражды между ея главными народами. Въ этихъ опасеніяхъ, къ счастью, много преувеличеній. Франція и Великобританія, несмотря на множество затрудненій, неустанно развиваютъ свое богатство, матеріальное и духовное, и свои политическія учрежденія. Хуже, но далеко не безотрадно стоитъ дѣло и въ другихъ странахъ Западной Европы. Что касается успѣховъ неевропейскихъ странъ, то они не подлежатъ сомнѣнію. На парижской выставкѣ разцвѣтъ промышленности республикъ центральной и южной Америки вызвалъ всеобщее удивленіе. Конечно, на ряду съ благодѣяніями цивилизаціи возникаетъ и общественное зло, въ разныхъ формахъ и размѣрахъ. Но съ этимъ зломъ можно и должно бороться, въ самой цивилизаціи заключаются для этого пути и средства. Сильное развитіе промышленности въ Америкѣ, въ особенности въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, повело къ образованію пролетаріата, къ скопленію земель въ однѣхъ рукахъ; но противъ этого выступило законодательство и частный починъ, переходящій въ могущественное общественное движеніе. Крайнему раздробленію земли, съ одной стороны, и ея пагубному сосредоточенію въ лати-фундіи, съ другой стороны, былъ, напримѣръ, положенъ предѣлъ закономъ

о неприкосновенности семейныхъ участковъ (*Homestead exemption laws* *)). Первый законъ такого рода былъ изданъ въ Техасѣ въ 1839 году. Неотчуждаемый и недѣлимый участокъ устанавливался этимъ закономъ въ 350 акровъ. За Техасомъ послѣдовали Нью-Йоркъ (1842 г.), Пенсильванія (1849 г.) и многіе другіе штаты. Авторы книги, заглавіе которой приведено ниже, лучшимъ закономъ о семейныхъ участкахъ признаютъ законъ, введенный въ Миссури. Теперь подобныя постановленія дѣйствуютъ въ 44 изъ 48 штатовъ Союза. Число недѣлимыхъ участковъ достигаетъ 4.008,407. Въ официальномъ отчетѣ англійскаго консула въ Вашингтонѣ говорится, что владѣльцы маленькихъ земельныхъ участковъ благословляютъ законодательство, дающее имъ возможность не дрожать, въ случаѣ болѣзни или какого-либо несчастія, за свой домашній очагъ, не опасаться того, что семья впадетъ въ нищету. Слабыхъ эти законы защищаютъ отъ сильныхъ, жену и дѣтей охраняютъ отъ безумной расточительности главы семейства. Три года тому издано запрещеніе иностранцамъ владѣть въ Соединенныхъ Штатахъ земельною собственностью. Запрещается имѣть такую собственность и акціонернымъ компаніямъ, если десятая часть ихъ акцій принадлежитъ иностранцамъ. Ни одно общество (кромѣ желѣзно-дорожныхъ) не имѣетъ права владѣть больше, чѣмъ 5,000 арпановъ земли. Общества, земельная собственность которыхъ превышаетъ эти размѣры, обязаны въ теченіе десяти лѣтъ низвести ее до установленной закономъ границы. На нашихъ глазахъ сильное аграрное движеніе въ этомъ направленіи развивается въ Англій **).

Свиданіе въ Берлинѣ Государя Императора съ императоромъ Вильгельмомъ является, по общему мнѣнію печати, признакомъ мира. Отсутствие на этомъ свиданіи нашего министра иностранныхъ дѣлъ указываетъ на то, что наше правительство твердо рѣшило сохранить за собою свободу дѣйствій, не поддаваться хитроумнымъ предложеніямъ «честнаго маклера». Такая политика уже принесла добрые плоды. Несомнѣнно, что въ будущемъ ея благоприятныя послѣдствія скажутся еще значительное. Дѣла на Балканскомъ полуостровѣ и въ Австро-Венгріи все усложняются, противоположность славянскихъ и германскихъ интересовъ становится все рѣзче, потому что нѣмцы и не помышляютъ о томъ, что пора ихъ господства надъ славянскими племенами приходитъ къ концу. Газета *Boleslavan*, органъ одного изъ вождей старо-чеховъ, Матуша, такъ отзывается о союзѣ Австро-Венгріи съ Германіей: «Всѣ германофильствующіе нѣмцы въ Австріи ликуютъ и, основываясь на заявленіяхъ, сдѣланныхъ императоромъ въ Берлинѣ, предвѣща-

*) Свѣдѣнія объ этомъ вопросѣ сгруппированы въ книгѣ *R. Meyer et G. Ardant*: „Le mouvement agraire dans la péninsule des Balkans, l'Angleterre et ses colonies, la plaine saxonne, les Etats-Unis“. Paris, 1889. Ср. статью *К. П. Пободоносцева*: „Семейные участки“ (въ сентябрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за нынѣшній годъ).

***) Основателемъ ассоціаціи съ этою дѣлю является *Devas*, изложившій свою программу въ *The Month* (см. *Le mouvement agraire*, 140—146).

ють, что политическій союзъ Австро-Венгріи съ Германскою имперіей вѣченъ. Напрасно протестуемъ противъ этого мы, австрійскіе славяне, — напрасно заявляемъ громогласно, *что только въ силу необходимости подчиняемся* этому союзу, — напрасно требуемъ полнѣйшей независимости нашей имперіи, первѣйшимъ столбомъ которой оказываемся опять-таки мы, австрійскіе славяне, — напрасно доказываемъ, что союзы устраиваются только временно. Австрійскіе нѣмцы, тяготящіе къ Берлину, продолжаютъ ликовать и презираютъ всѣ наши протесты. Однако, всему бываетъ конецъ. Если бы Германія не испытывала чувства величайшаго страха передъ соединенными силами Россіи и Франціи, то она не стала бы добиваться столь тѣснаго союза съ Австро-Венгріей. *Что же касается насъ, то мы сумѣли бы обезпечить себѣ миръ и безъ союза съ Германіей, если бы наша дипломатія не запустила свои руки въ горячіе уголья Балканскаго полуострова* *)).

Дѣйствительно, еслибъ по дѣламъ Балканскаго полуострова состоялось прямое и прочное соглашеніе между нашимъ отечествомъ и Австро-Венгріей, то гегемоніи Германской имперіи былъ бы нанесенъ смертельный ударъ и миръ Европы былъ бы обезпеченъ.

В. Г.

*) *Славянская Корреспонденція*, № 13.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Новый законъ о переселеніяхъ. — Казенныя аренды въ Сибири. — Продажа крестьянскимъ банкомъ заложенныхъ участковъ. — Промышленныя училища. — Открытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ. — Надзоръ надъ банкирскими конторами. — Ходатайства о сохраненіи мировыхъ установленій въ городахъ. — Дѣла объ истязаніи дѣтей. — Школы для фабричныхъ дѣтей и фабричныя больницы. — Съѣздъ земскихъ врачей въ Москвѣ. — Ливадо-роменская дорога и казенная эксплуатація. — Закрытіе тотализатора въ Москвѣ. — Завѣщаніе А. А. Краевского.

Изъ экономическихъ причинъ, исходи вызывавшихъ у насъ переселеніе, едва ли не первую представляется первобытность приѣмовъ обработки, требующая большаго пространства земли. Второю причиною, несомнѣнно, являлись встарину поборы, затѣмъ тягость крѣпостнаго права, а въ настоящее время малоземелье и высота обязательныхъ платежей. Въ извѣстной мѣстности наступаетъ иногда такой «психологическій моментъ», что въ умъ крестьянства пробивается отчаяніе «справиться» когда-нибудь съ окружающими условіями, одерживаетъ верхъ сознаніе, что «тутъ сколько ни бейся, все будетъ только хуже». Въ этотъ-то психологическій моментъ мысль о просторѣ на дальнихъ земляхъ представляется воображенію крестьянъ съ отбѣнкомъ страстнаго увлеченія. По большей части они и не знаютъ не только каковы тѣ обтѣованныя земли по своимъ условіямъ, но даже и какъ далеко онѣ лежатъ. Сознается лишь вообще, что онѣ—далеко, а слухъ идетъ, что земли эти—богатыя. Обыкновенно, тавія мечтанія, переходяща затѣмъ въ практическое стремленіе, сосредоточиваются на какомъ-нибудь географическомъ названіи—Амуръ, Кавказъ, Оренбургъ.

Въ далекія мѣста не пошлешь ходоковъ для развѣдки. Ходоки отправляются, но уже какъ переселенцы, съ тѣмъ, чтобы не вернуться, а вызвать своихъ за собой. И вотъ, нѣсколько семей ѣдутъ и идутъ изъ одного конца Россіи въ другой, на свой полный «страхъ», ничего не зная, всѣмъ рискуя, но съ неодолимою силой упованія на свои силы и на Божью помощь; это—авангардъ переселенія. Удалось имъ, за ними, какъ эшелоны перелетныхъ птицъ, потянутся въ слѣдующіе годы новые ряды переселенцевъ. Но и невзгодъ встрѣчаютъ переселенцы на пути своемъ и на новыхъ мѣстахъ не меньше, чѣмъ тѣ же перелетныя птицы.

Но русскій народъ не только склоненъ къ переселенію,—онъ, сверхъ того, сильный и умѣлый колонизаторъ. Даровитость, наблюдательность, умѣнье приспособиться къ условіямъ природы, желѣзная сила въ перенесеніи лишеній всякаго рода—вотъ тѣ свойства, какія онъ несетъ съ собою на чужую сторону и часто не несетъ съ собою ничего иного. Но и это — не все. Хотя народъ не особенно привязанъ къ извѣстному мѣсту, но онъ глубоко привязанъ къ своимъ приемамъ и обычаямъ, къ извѣстной «манерѣ» жить и работать. Сколько пережѣненныхъ имъ осѣдлостей пережили его пѣсня, его дуга, форма топора и сохи, узоръ, который онъ рѣжетъ подъ крышей, кувшинъ для умыванья, который на двухъ веревочкахъ виситъ на крыльцѣ. Такъ именно онъ вездѣ, на новыхъ мѣстахъ и среди чужаго населенія, будетъ запрягать, и пахать, и пѣть, и мыться—не инымъ, а унаслѣдованнымъ способомъ. Въ совокупности своеобразныхъ взглядовъ, обычаевъ и привычекъ, онъ опять-таки несетъ съ собою нѣчто гораздо большее, чѣмъ остальной скарбъ, какой можетъ взять съ собою. Онъ несетъ свою собственную культуру, а въ ней, должно быть, скрыта сила немалая, когда, лѣтъ черезъ десятокъ, оказывается, что густая сперва на новомъ мѣстѣ инородческая среда кругомъ его начинаетъ таять. И таетъ она такъ успѣшно, на востокъ и сѣверъ, что черезъ извѣстный періодъ времени ея уже нѣтъ: она слилась съ переселенцами, переработалась венгерорусскою бытовою силой.

Такимъ-то образомъ колонизировался русскимъ народомъ востокъ приволжскій, затѣмъ и заволжскій. Половина всего пространства нынѣшней Великой Руси мирно завоевана и переработана переселеніемъ во времена уже историческія, а частью не далѣе прошлаго столѣтія. Какъ народъ шелъ семьями, потомъ общинами, такъ лихіе молодцы бѣжали въ одиночку, отъ тѣсноты, отъ поборовъ и насилія, отъ законовъ и властей, бѣжали на Волгу, на Донъ и Уралъ. И бѣгство ихъ также содѣйствовало великому дѣлу колонизаціи, оно приобрѣло русскому народу доступъ къ Азовскому морю, обладаніе Заволжьемъ и Сибирью, раздвинуло на востокъ Русь политическую. Но оба эти вида выселенія и переселенія имѣли первоначальные источники если не вполне одинаковые, то сходные. По крайней мѣрѣ, обоимъ имъ была обща страстная мысль — уйти отъ родной тѣсноты въ далекое приволье, освободиться отъ гнетущихъ условій быта. Въ обоихъ сказалась та же мощь русскаго народнаго характера: отвага, неизмѣримая выдержанность въ лишеніяхъ, когда впереди манитъ цѣль, и, кромѣ того, умѣнье совладать съ чужими природой и людьми, одолѣть ихъ, отчасти передѣлать на свою пользу.

Намъ казалось не лишнимъ бросить взглядъ на историческій характеръ и бытовое значеніе русскаго переселенческаго движенія въ виду тѣхъ заботъ, какія оно вызываетъ въ настоящее время. Мы хотѣли напомнить, что и нынѣшніе поиски за землей и частныя переселенія составляютъ во все не что-либо случайное и произвольное, нѣчто, что можетъ быть болѣе или менѣе терпимо, разрѣшено и регулируемо или приостановлено, но лѣ-

ляется историческимъ закономъ, необходимостью, стихійною силой, съ которою въ общемъ ничего не подѣлаешь. «Регулировать» ее можно, но лишь въ такомъ смыслѣ, какъ регулируются рѣки—углубленіемъ ихъ русла и утвержденіемъ ихъ береговъ. Поставить же законъ плотиною поперекъ ихъ было бы напрасно: слишкомъ широка и слишкомъ сильна рѣка.

Обратимся теперь къ опубликованному 26 сентября важному узаконенію «относительно переселенія сельскихъ обывателей и мѣщанъ на казенныя земли и о порядкѣ перечисленія лицъ означенныхъ сословій, переселившихся въ прежнее время». Относящееся сюда мнѣніе государственнаго совѣта получило утвержденіе 13 іюля. Законъ этотъ имѣетъ въ виду двѣ цѣли: одну—бытовую, другую—административную; къ этой послѣдней относятся положенія о «порядкѣ перечисленія». Первая статья новаго закона о переселеніяхъ изложена слѣдующемъ образомъ: «Переселенія *допускаются* не иначе, какъ съ предварительнаго на то разрѣшенія министровъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. Лица, предпринявшія переселенія безъ сего разрѣшенія, возвращаются на мѣсто приписки распоряженіями административныхъ властей». Надо замѣтить, что наше законодательство всегда, когда оно касалось вопроса о переселеніяхъ, рядомъ съ предоставленіемъ переселенцамъ легальнымъ нѣкоторыхъ льготъ, относилось съ нѣкоторымъ опасеніемъ къ возможности переселеній массовыхъ и старалось ихъ отъагитировать. Такое опасеніе съ административной точки зрѣнія понятно, такъ какъ переселенія даже не массовыя, а хотя бы значительными группами семей и цѣлыми обществами, производятъ перемѣну утвержденнаго на прежнихъ мѣстахъ порядка и ликвидацію поставленныхъ закономъ обязанностей. Съ другой стороны, предоставляя переселенцамъ нѣкоторыя льготы, законодатель естественно пытается обставить полученіе ихъ предварительнымъ разрѣшеніемъ. Такъ и временныя правила 1881 года о переселеніяхъ содержали въ себѣ это условіе—предварительнаго разрѣшенія.

Можно только замѣтить, что такъ какъ настоящій законъ не названъ временнымъ, то это ограничительное условіе могло бы быть изложено въ немъ нѣсколько яснѣе. Въ самомъ дѣлѣ, законъ 13 іюля относится собственно къ переселенію *на казенныя земли*, какъ то и сказано въ его заголовкѣ. И если крестьяне изъ селенія, находящагося, положимъ, въ центрѣ имперіи, условились съ владѣльцемъ имѣнія въ Оренбургскомъ краѣ или хотя въ Тобольской губерніи о предоставленія имъ земли въ пользованіе или на выкупъ, а на прежнемъ своемъ мѣстѣ пришли къ соглашенію съ обществомъ относительно взноса выкупныхъ платежей и прочихъ сборовъ и получили отъ общества увольнительныя свидѣтельства, то ясно, что къ нимъ настоящій законъ примѣняемъ быть не можетъ. Они не ищутъ казенной земли, не ждутъ отъ казны пособія и не требуютъ для себя льготъ, платежи ихъ по прежнему мѣсту обезпечены. Къ чему же было бы еще предварительное разрѣшеніе министровъ, а тѣмъ болѣе возвращеніе этапнымъ порядкамъ на родину при неизмѣннѣ такого разрѣшенія? А, между

ст. 1 (п. 1) новаго закона выражается безусловно, что «переселеніе допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія министровъ». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это можетъ подать мѣстной администраціи поводъ къ недоразумѣнію.

Точно такъ и въ п. 4-мъ имѣются, очевидно, въ виду только крестьяне, переселяющіеся на земли казенныя; крестьянамъ разрѣшается въ просьбахъ о позволеніи переселиться указывать тѣ мѣстности имперіи, на которыхъ просители преимущественно бы желали водвориться. «Заявленія того рода, — прибавлено въ законѣ, — принимаются правительствомъ въ уваженіе въ той мѣрѣ, насколько выполнение ихъ признано будетъ удобнымъ и согласнымъ съ его видами». Вполнѣ естественно, что для отвода крестьянамъ казенныхъ земель правительство предоставляетъ себѣ судить, гдѣ ихъ отводить удобнѣе. Но, для избѣжанія недоразумѣній, не мѣшало бы вообще въ тѣхъ пунктахъ узаконенія, гдѣ говорится о переселеніи и прибрѣтеніи земель не иначе, какъ по предварительному ходатайству съ прежнихъ мѣстъ о полученіи разрѣшенія, повторить слово «казенныхъ» земель.

Разрѣшеніе будетъ даваемо только въ тѣхъ случаяхъ, «когда причины, вызвавшія ходатайство о переселеніи, признаны будутъ министрами заслуживающими уваженія и, притомъ, имѣются свободные участки казенной земли, предназначенной для заселенія переселенцами». Для полученія разрѣшенія потребуется время немалое, такъ какъ просьбы подаются черезъ губернатора, а затѣмъ происходитъ переписка между двумя министерствами и, наконецъ, крестьяне получаютъ увѣдомленія черезъ губернатора и подвѣдомственные ему власти. За то отмѣтимъ важное, въ формальномъ смыслѣ, преимущество, какое получаютъ такіе легальные переселенцы на казенныя земли: получивъ разрѣшеніе министровъ, они уже не нуждаются въ увольнительныхъ свидѣтельствахъ отъ своихъ обществъ, а всѣ состоянія на переселенцахъ недоимки по прежнимъ обществамъ, въ сборахъ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ, переводятся на переселенцевъ по новому мѣсту ихъ водворенія и съ освобожденіемъ прежнихъ обществъ отъ всякой отвѣтственности за такія недоимки.

Но вотъ вопросъ. Переселенія, въ большинствѣ случаевъ, дѣлаются наугадъ, по крайней мѣрѣ, тѣми первыми семьями, которыя отправляются на поиски за землей, иногда даже и значительными группами. Крестьяне и сами не знаютъ, на какія земли они рассчитываютъ — казенныя или частныя, или просто пустопорожнія, которыя стоятъ только придти да занять, и собственно мечта переселенцевъ, то, что наиболѣе ихъ соблазняетъ въ зимнихъ пересудахъ о далекихъ земляхъ, представляется именно въ земляхъ «ничьихъ». Установивъ твердое правило, что переселеніе на казенныя земли допускается не иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія министровъ, законодатель лишь въ принципѣ оградилъ администрацію отъ обязанности предоставлять свободную казенную землю тѣмъ переселенцамъ, которые прибыли на нее безъ разрѣшенія. Но оградилъ ли онъ фактически администрацію отъ необходимости исполнять просьбы пересе-

ленцевъ, уже пришедшихъ на новое мѣсто безъ разрѣшенія? Прослышавъ про образованіе въ губерніяхъ Европейской Россіи, Тобольской и Томской, въ областяхъ Семирѣченской, Акмолинской и Семипалатинской особыхъ участковъ изъ свободныхъ казенныхъ земель для предоставленія ихъ будущимъ переселенцамъ, десятокъ семей является изъ-за тысячъ верстъ, положимъ, въ Тобольскую губернію, къ такому участку и просить земли. Вѣдь, только лишь въ этомъ можетъ и обнаружиться, что переселенцы «желаютъ» переселиться на земли казенныя; ранѣе этого обнаружиться не могло уже потому, что изъ дому крестьяне отправлялись, въ самомъ дѣлѣ, наугадъ «искать земли», — можетъ быть, даромъ, можетъ быть, и за невысокую плату, — казенной ли, частной ли, все равно, а лучше, если случилась бы совсѣмъ «вольная». Неужели же по обнаруженіи крестьянами положительнаго желанія относительно отвода имъ именно земли казенной препровождать ихъ административнымъ порядкомъ за тысячи верстъ назадъ? Да и за что? Не лучше ли просто отказать имъ въ отводѣ и пустить ихъ — пусть ищутъ себѣ дальше.

А если на мѣстѣ, куда зашли переселенцы, въ самомъ дѣлѣ есть казенная земля свободная и если крестьяне пришли въ такое положеніе, что ихъ все равно кормить надо на счетъ казны, иначе они въ скоромъ времени помрутъ съ голоду, то не придется ли, оказавъ имъ временную помощь, согласиться и на ихъ просьбу, хотя они и явились безъ предварительнаго разрѣшенія? Стало быть, и несмотря на столь рѣшительно высказанное, въ новомъ законѣ запрещеніе, дѣло останется едва ли не въ прежнемъ положеніи. Администрація тѣхъ губерній, черезъ которыя идутъ переселенцы, не можетъ ихъ остановить и обратить назадъ, такъ какъ ей, да по большей части и самимъ переселенцамъ въ продолженіе большей части пути неизвѣстно, на казенной ли землѣ они желаютъ селиться, или на какой иной. На всякой, разумѣется, если бы оказалась удобною и дешевою.

Да и возможно ли какимъ-либо закономъ остановить стремленіе къ переселенію на казенныя ли, на инныя ли земли? Положеніе 19 февраля, законы о податяхъ и о паспортахъ не менѣе обязательны, чѣмъ нынѣшній законъ о переселеніяхъ. А, между тѣмъ, во второй части послѣдняго содержатся постановленія для урегулированія положенія тѣхъ переселенцевъ, которые ушли съ своей родины безъ внесенія должныхъ платежей, безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ обществъ и даже безъ паспортовъ. И такъ, если прежніе законы не удержали переселенія въ условіяхъ, ими не дозволенныхъ, то почему же удержалъ бы нынѣшній?

Порядокъ надѣленія переселенцевъ казенными землями устанавливается слѣдующій: въ Европейской Россіи участки отводятся имъ сперва временно, какъ бы на испытаніе, на срокъ 6 — 12 лѣтъ въ арендное содержаніе, а по истеченіи срока могутъ быть оставляемы въ безсрочное пользованіе; въ Сибири же и въ степномъ генералъ-губернаторствѣ казенныя земли предоставляются переселенцамъ прямо въ безсрочное пользованіе.

Этотъ видъ надѣла имѣетъ то преимущество передъ уступкой въ полную собственность, что съ нимъ могло быть соединено условіе неотчуждаемости отведенной земли, которая не можетъ быть и закладываема. Пользованіе надѣломъ допускается какъ общинное, такъ и подворное; избраніе того или другаго вида предоставляется на рѣшеніе крестьянъ большинствомъ головъ. При пользованіи общинномъ круговая порука распространяется и на взносъ арендной платы, при пользованіи же подворномъ—только на взносъ казенныхъ и другихъ сборовъ. Переселенцы могутъ воспользоваться на мѣстахъ новаго водворенія ссудами на продовольствіе и обмѣненіе полей. Надѣлы, оставленные на прежнихъ мѣстахъ, остаются въ составѣ земель тамошнихъ сельскихъ обществъ, съ переводомъ на нихъ и выкупныхъ, и другихъ обязательныхъ платежей. Здѣсь въ законѣ ничего не сказано о такихъ случаяхъ, когда переселяется цѣлое общество. Но дѣло, конечно, пойдетъ и дальше, какъ оно шло до сихъ поръ, да иначе трудно ему и идти. Переселенцы обыкновенно уступаютъ свои надѣлы обществу за малое вознагражденіе, съ условіемъ, чтобы общество приняло на себя платежи, или же уступаютъ прежнюю землю переселенцамъ, приходящимъ изъ другихъ мѣстностей, населенныхъ еще гуще. Такъ и при переселеніяхъ на казенныя земли съ разрѣшеніемъ прежняя земля будетъ уступаться сосѣдямъ или вновь прибывающимъ изъ другихъ мѣстностей крестьянамъ.

Но, сверхъ того, нерѣдко бывали и, конечно, будутъ переселенія безъ всякаго согласія не только администраціи, но и мѣстныхъ обществъ; особенно часто бываетъ такъ съ переселеніями единичными. Понятно, что при такой ликвидаціи, едва ли отвратимой, хотя и не согласной съ законами, земля переходитъ въ руки тѣхъ, кто остается на мѣстѣ и вноситъ за нее платежи. Оговорено въ новомъ узаконеніи, что средняя плата по отводимымъ казеннымъ землямъ не должна превышать указанной сравнительной нормы. Льготы же предоставляются переселенцамъ слѣдующія: переселенцы, свободные отъ подушной подати, не облагаются ею и тамъ, гдѣ она еще не отмѣнена, освобождаются переселенцы отъ всякихъ казенныхъ сборовъ въ Европейской Россіи—на 2, а за предѣлами ея—на 3 года; на такое же время отсрочивается и исполненіе воинской повинности тѣмъ переселенцамъ, которые вступаютъ въ призывной возрастъ во время пути на мѣста новаго водворенія.

Нынѣшній законъ отмѣняетъ существующую въ Сызрани переселенческую контору, тѣмъ самымъ признавая неуспѣшность мѣръ, доселѣ принимавшихся по отношенію къ переселеніямъ. Въмѣсто той конторы, учреждается при земскомъ отдѣлѣ 6 должностей чиновниковъ по особымъ порученіямъ, которые должны оказывать переселенцамъ содѣйствіе во время пути. Наконецъ, нынѣшній законъ регулируетъ и юридическое положеніе тѣхъ переселенцевъ въ губерніяхъ и областяхъ: Самарской, Оренбургской, Уфимской, Тобольской, Томской, Семирѣченской, Акмолинской и Семипалатинской, которые уже находятся тамъ, до изданія узаконенія, все равно, выселились ли они съ прежнихъ мѣстъ и проживаютъ на новыхъ законо-

или незаконно, то-есть съ увольнительными отъ обществъ свидѣтельствами или безъ нихъ, по произведенной ими въ свое время уплатѣ или безъ уплаты недоимокъ, съ имѣющими силу или просроченными паспортами. Различіе лишь то, что не уплатившіе недоимокъ на прежнихъ мѣстахъ обязаны будутъ внести ихъ на новыхъ мѣстахъ, причеиъ дается разсрочка, а увольнительныя свидѣтельства прежнія общества обязаны имъ выслать и до внесенія недоимокъ.

Подобное же опредѣленіе находилось и въ предшествующихъ мѣрахъ, какія постепенно принимало законодательство для признанія совершившихся фактовъ переселенія. Но уже самое это обстоятельство—необходимость признанія переселеній *post factum*—доказываетъ невозможность ограничить ихъ впередъ какииъ-либо условіемъ.

Рядомъ съ закономъ о переселеніяхъ слѣдуетъ поставить другое такое узаконеніе, которому, впрочемъ, приданъ временный характеръ. Этимъ узаконеніемъ (утвержд. 7 іюля) предоставлено министру государственныхъ имуществъ разрѣшать отдачу безъ торговъ казенныхъ земель въ Сибири, отмежеванныхъ отъ надѣловъ крестьянъ-старожиловъ, отдѣльнымъ крестьянскимъ товариществамъ, сельскимъ обществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ на срокъ до 12 лѣтъ. Получившіе землю въ аренду не имѣютъ права переуступать ее другимъ лицамъ. При этомъ допускается еще такая льгота, что сельскія общества и товарищества изъ крестьянъ могутъ, вмѣстѣ денежныиъ залоговъ, обеспечивающихъ исправность взносовъ аренды, представлять мирскіе приговоры и взаимныя ручательства съемщиковъ. Отказываясь отъ сдачи аренды путемъ торговъ, казна лишаетъ себя нѣкоторой выгоды, но за то устраняетъ при сдачѣ земли элементъ барышничества и облегчаетъ себѣ самую сдачу земель.

Въ прошломъ мѣсяцѣ опубликованъ также законъ, вносящій нѣкоторыя измѣненія въ уставъ крестьянскаго банка, собственно въ отношеніи порядка продажи съ торговъ заложенныхъ въ банкѣ земельныхъ участковъ. Узаконеніе это, получившее утвержденіе еще 26 іюня, направлено къ отвращенію потерь банка при несостоятельности крестьянъ къ платежамъ и заключаетъ въ себѣ облегченіе для банка въ производствѣ продажи. Показывается, что участокъ можетъ быть назначенъ въ продажу и раньше льготнаго срока для внесенія недоимокъ, если заемщики письменно заявятъ о своемъ отказѣ отъ владѣнія. Затѣмъ допускается предложеніе участка къ публичной продажѣ и по частямъ, если не явятся покупатели при первыхъ торгахъ, на которыхъ участокъ предлагается къ продажѣ въ цѣломъ составѣ. При продажѣ участка по частямъ должна производиться раздѣлка частей и распредѣленіе на каждую долю долга банку, недоимокъ ему же, а также и недоимокъ въ земельныхъ сборахъ, казенныхъ, земскихъ и общественныхъ. Противъ такого раздробленія участковъ можно возразить, что едва ли всѣ разрозненныя части могутъ быть продаваемы банкомъ безъ убытка.

Дѣло въ томъ, что участокъ земли, приобретаемый крестьянскимъ обществомъ или товариществомъ при помощи банка, не есть нѣчто произвольное по своимъ размѣрамъ, положенію и вообще удобствамъ: такимъ именно, каковъ онъ есть, его выбрали крестьяне сами, признавали его выгоднымъ для себя. Между тѣмъ, раздробленіе участка съ раздѣлкой его частей и отнесеніемъ на нихъ доли долга будетъ производиться отдѣленіемъ банка, а не покупщикомъ, а, стало быть, отрѣзки земли и соответствующіе каждому изъ нихъ платежи представлять собой именно нѣчто произвольное, нѣчто опредѣляемое лишь по усмотрѣнію администраціи. Такимъ образомъ, легко можетъ случиться, во-первыхъ, что совокупность этихъ частей составитъ въ дѣйствительности нѣчто менѣе цѣнное, чѣмъ полный участокъ, а, во-вторыхъ, что покупщики на вторыхъ торгахъ выберутъ только тѣ части, которыя оцѣнены сравнительно ниже или менѣе обременены раскладкою долга въ сравненіи съ удобствами, какія онѣ представляютъ. Въ такихъ случаяхъ менѣе выгодно раздѣленные для покупателя части будутъ оставаться за банкомъ.

Подобный результатъ можетъ являться тѣмъ легче, что по новому закону въ волостномъ правленіи производятся только первые торги, то-есть тѣ, на которыхъ участокъ предназначается къ продажѣ цѣликомъ. Вторые же торги, на которыхъ участокъ продается по частямъ, должны производиться въ ближайшемъ или даже въ губернскомъ городѣ. И такъ, допустимъ, что, по раздробленіи участка, какая-либо доля его хотя и оцѣнена слишкомъ высоко или слишкомъ обременена долею недоимки, но представляетъ для новаго покупателя-крестьянина ту особую цѣнность, что часть эта находится вблизи съ его усадебною землею или съ его участкомъ въ общинномъ пользованіи. Между тѣмъ, при первыхъ торгахъ, происходящихъ въ волости, часть эта еще не опредѣлилась, такъ какъ участокъ предлагается въ цѣлости, а на какія части онъ распредѣлился затѣмъ при назначеніи вторыхъ торговъ, крестьянинъ можетъ и не знать, потому что эти торги происходятъ въ уѣздномъ городѣ, и тѣмъ болѣе не узнаеть, если они будутъ назначены въ «губерніи».

Положеніе о промышленныхъ училищахъ доселѣ не могло быть введено въ дѣйствіе, такъ какъ не были еще утверждены ни росписанія курсовъ въ училищахъ, входящихъ въ эту категорію, но могущихъ, какъ извѣстно, имѣть типы весьма различные, ни самые штаты училищъ, по степени ихъ и спеціальности. Это сдѣлано опубликованнымъ въ прошломъ мѣсяцѣ и утвержденнымъ еще 7 июля мнѣніемъ государственнаго совѣта, которымъ, одновременно, создается уже и начинъ къ дѣйствительному осуществленію промышленныхъ школъ (оговоримъ на этомъ мѣстѣ, что позднѣе опубликованіе новыхъ узаконеній, являющихся плодомъ предшествующей законодательной степени, зависѣло отъ продолжительности самой сессіи въ нынѣшнемъ году, что, какъ извѣстно, было обусловлено рѣшеніемъ окончить въ ней разсмотрѣніе закона о земскихъ начальникахъ). Первыми по вре-

мени средними промышленными училищами будутъ красноуфимское и иркутское, имѣющія замѣнить реальное и техническое училища въ тѣхъ же городахъ. Это является лишь преобразованиемъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, положено открыть низшія промышленныя училища въ Архангельскѣ, Брянскѣ, Жидрѣ, Устюжнѣ и Батумѣ. Въ Архангельскѣ низшее техническое училище учреждается на новое ассигнованіе изъ казны, съ покупкой для этого училища зданія. Въ Брянскѣ учреждается низшее механико-техническое училище, а въ Жидрѣ и Устюжнѣ—ремесленные училища съ упраздненіемъ существующихъ въ этихъ городахъ прогимназій и съ обращеніемъ ихъ средствъ на вновь устраиваемыя школы. Такимъ образомъ, первый шагъ къ открытію промышленныхъ училищъ совершается нѣкоторымъ образомъ на счетъ классической системы образованія.

Промышленные училища предполагаются вообще со слѣдующими спеціальностями: строительныя, химическія и механическія—на степени низшей; затѣмъ, на степени среднихъ училищъ—какъ тѣ же строительныя, химическія и механическія, такъ еще горнозаводскія и сельско-хозяйственныя. Сверхъ того, и ниже первыхъ, поставлены училища ремесленные. Однако, училища разныхъ степеней и спеціальностей могутъ быть соединяемы въ одномъ заведеніи. Такъ, наприм., низшія училища всѣхъ трехъ спеціальностей могутъ быть соединены въ одномъ заведеніи; точно такъ среднее училище по каждой спеціальности можетъ быть соединено съ низшимъ той же спеціальности, или два среднихъ по разнымъ спеціальностямъ, даже нѣсколько не сходнымъ (наприм., горнозаводско-сельско-хозяйственное училище), могутъ составлять одно общее заведеніе. Самымъ сложнымъ и высшимъ типомъ промышленнаго училища можетъ быть такое, въ которомъ соединены всѣ три спеціальности, притомъ, въ обѣихъ степеняхъ и съ добавленіемъ ремесленной школы.

Изъ опубликованной теперь таблицы учебныхъ часовъ, положенныхъ въ промышленныхъ школахъ, оказывается, что занятія рассчитаны на 42—46 недѣльныхъ часовъ въ школахъ низшихъ и на 34—42 часа въ среднихъ. Но большая часть въ этихъ числахъ часовъ отводится подъ занятія практическія, и, притомъ, такъ, что въ низшихъ школахъ, гдѣ положено наибольшее число учебныхъ часовъ, теоретическое преподаваніе должно занимать всего треть и нѣсколько болѣе трети ихъ числа, остальные же часы посвящаются занятіямъ практическимъ.

Въ результатъ, ученикъ средней промышленной школы будетъ имѣть не болѣе 4-хъ уроковъ и 4-хъ часовъ практическихъ занятій ежедневно, а ученикъ низшей школы—не болѣе 3-хъ уроковъ, но за то—до 5 часовъ практическихъ занятій. Максимальныя цифры въ этомъ распредѣленіи кажутся намъ преувеличенными. Положимъ, число лекцій для среднихъ училищъ положено меньшее, чѣмъ въ гимназіяхъ, а практическія занятія могутъ, до нѣкоторой степени, быть рассматриваемы какъ отдохновеніе, но только до нѣкоторой степени. Такъ, рисованіе и въ особенности черченіе не составляютъ отдыха даже отъ умственнаго напряженія, такъ какъ тре-

будутъ большаго вниманія, а въ физическомъ отношеніи, при значительности учебныхъ часовъ вообще, могутъ быть крайне утомительны. При 4-хъ лѣтнемъ курсѣ, казалось бы, вовсе нѣтъ и нужды въ 8-ми недѣльныхъ часахъ преподаванія, къ которымъ присоединяются еще часы, нужные для повторенія уроковъ и исполненія задачъ. Относительно низшихъ училищъ, 3 часа въ день занятій уроками, конечно, не обременительны, а 4 — 5 часовъ практическихъ занятій могутъ быть объясняемы тѣмъ, что для малолѣтнихъ на фабрикахъ законъ допускаетъ тѣ же 8 часовъ работы. Но если прибавить сюда время на затверживаніе уроковъ, то выйдетъ, все-таки, слишкомъ много. Авторы распредѣленія, очевидно, не приняли во вниманіе устанавлиющагося все болѣе и болѣе общаго убѣжденія во вредѣ того обремененія дѣтей занятіями, какое доселѣ существуетъ въ школахъ особенно среднихъ.

Промышленныя училища могутъ быть учреждаемы земствомъ, обществами и частными лицами безъ пособія и съ пособіемъ отъ казны. Настоящій же законъ составляетъ первый шагъ къ учрежденію нѣкотораго числа такихъ училищъ, въ видѣ образца, прямымъ починомъ правительства.

Высшіе женскіе курсы въ Петербургѣ открылись; 28 сентября уже начались лекціи. Все дѣло было сдѣлано въ 1½ мѣсяца и въ этотъ краткій срокъ подано было до 160 прошеній, принято же 144 слушательницы. Въ общежитіи помѣстились 41, остальные живутъ у родителей (72) и близкихъ родственниковъ (28), у опекуна (1) и при мужьяхъ (2). Замѣчательно, что на историко-филологическое отдѣленіе поступили 92, а на физико-математическое только 37. Объясняется такой фактъ тѣмъ, что за исключеніемъ изъ курса послѣдняго отдѣленія нѣсколькихъ предметовъ, относящихся къ естествознанію, курсъ этотъ получилъ составъ, главнымъ образомъ, математическій. Сословіе дворянское и должностное положительно преобладаетъ въ общемъ числѣ слушательницъ; къ этому сословію принадлежатъ 111. Замѣчателенъ еще фактъ, что изъ 144 успѣвшихъ попасть на курсы въ теченіе краткаго срока послѣ неожиданнаго объявленія объ ихъ открытіи, 64 слушательницы получили образованіе не въ петербургскомъ учебномъ округѣ, а нѣкоторыя пріѣхали издалека, въ томъ числѣ 5—изъ Сибири, наконецъ, что эти иногороднія—родомъ изъ 42 разныхъ городовъ. По вѣроисповѣданіямъ слушательницы распредѣляются далеко не пропорціонально цифрамъ населенія: ровно девять десятыхъ (130)—православныя.

Не знаемъ, точно ли передаютъ въ газетахъ рѣчь, съ которой обратился къ курсисткамъ директоръ г. Кулинъ. Но въ томъ видѣ, какъ слово его напечатано, въ немъ отражается какой-то полемическій тонъ, всегда излишній въ смыслѣ педагогическомъ. Совершенно достаточно было бы тѣхъ мѣстъ, гдѣ напоминалось, что «всякое образованіе обязываетъ, и чѣмъ оно выше, тѣмъ серьезнѣе, строже и самыя обязанности», и выражалась увѣренность, что слушательницы «вездѣ — и на курсахъ, и въ общежитіи, и въ стѣнъ этихъ учрежденій, въ словахъ и поступкахъ—представятъ до-

стойные примѣры полнаго пониманія лежащихъ на нихъ обязанностей». Напоминаніе объ общемъ нравственномъ долгѣ, безъ сомнѣнія, умѣстно въ училищѣ. Но г. Булинь говорилъ еще о «всѣхъ праздныхъ, незрѣлыхъ мечтаніяхъ, которыя были бы оскорбленіемъ нравственнаго чувства женщины», объявляя слушательницамъ, что онѣ «готовятся не для профессиональной дѣятельности, но для жизни, главнымъ образомъ, въ семьѣ», и высказалъ при этомъ болѣе округленное, чѣмъ точное положеніе: «основа благосостоянія личнаго, общественнаго и государственнаго кроется въ доброй, нравственной семьѣ, а основа семьи и залогъ истиннаго счастья въ ней—женщина». Но если основой счастья мужчины въ семьѣ есть женщина, то настолько же основой счастья жены—мужъ, который, сверхъ того, содержитъ семью и является ея главой, что едва ли не равнозначуще съ основой. Что касается благосостоянія общественнаго и въ особенности государственнаго, то это благосостояніе несомнѣнно болѣе обеспечивается тѣмъ, кто подготовлялся именно для профессиональной дѣятельности—земледѣльца, ремесленника, солдата и ученаго, чѣмъ тѣми, кому даны средства лишь для приготовленія себя «къ жизни».

Прибавимъ, что слова, сказанныя при томъ же случаѣ г. министромъ народнаго просвѣщенія, болѣе простыя и краткія, судя по газетной передачѣ, заключали въ себѣ, однако, болѣе задушевности и поучительности. Министръ высказалъ слушательницамъ надежду, «что жизнь ихъ будетъ тихая, мирная, вся обращенная на серьезный, честный трудъ въ области науки, чѣмъ только и можетъ быть обеспечена возможность существованія этихъ курсовъ».

Въ истекшемъ же мѣсяцѣ опубликованъ утвержденный 26 іюня законъ о банкирскихъ конторахъ. Законъ этотъ обошелъ трудность юридическаго различенія между спеціальною банкирскою конторой, банкирскимъ домомъ и мѣняльскою лавкой, занимающей банкирскими операціями, такимъ образомъ, что подвелъ всѣ такого рода учрежденія подъ общую категорію «банкирскихъ заведеній», къ которымъ причисляются: банкирскіе дома и конторы «и тому подобныя заведенія, не имѣющія утвержденныхъ правительствомъ уставовъ». Трудность различенія, дѣйствительно, была немалая. Хотя разстояніе, казалось бы, очень велико между первостепеннымъ частнымъ банкирскимъ домомъ, каковъ былъ, наприм., встарину петербургскій домъ Штиглица, и мѣнялой, принимающей биржевыя порученія и продающей процентныя бумаги въ разсрочку, но точнаго юридическаго различенія между ними нельзя установить ни по существу операцій, ни по названію заведенія. Такъ, есть у насъ нѣсколько (очень немного, впрочемъ) такихъ банкирскихъ конторъ, которыя приобрѣли болѣе значеніе и болѣшій кредитъ даже на международномъ рынкѣ, чѣмъ иные частные банкиры; а, съ другой стороны, есть банкирскіе дома, которые только называютъ себя такъ, но въ дѣйствительности представляютъ собой ничто иное, какъ именно банкирскія конторы. Что такое спеціально «банкирская контора»? Оче-

видно, она — просто большая мѣняльная лавка, не производящая только мелкаго размѣна.

Но, обойдя трудность различенія между всѣми этими заведеніями, новый законъ лишился за то и возможности дать положительное рѣшеніе вопроса о надзорѣ за заведеніями того типа, за которымъ усвоилось названіе банкирскихъ конторъ. Банкирскіе дома и конторы соединены въ одну группу, а такъ какъ невозможно настоящіе частныя банкирскіе дома, не имѣющіе утвержденного устава, подвергнуть регламентаціи, потому что они немедленно бы закрылись, то отсюда произошло, что законъ отказался установить какия-либо общія условія надзора и для банкирскихъ конторъ и «тому подобныя» заведеній. Затѣмъ, при отсутствіи какого-либо законодательнаго различенія и законодательнаго же опредѣленія гарантій, не оставалось болѣе ничего, какъ установить различеніе административное, съ предоставленіемъ административной власти признавать одни банкирскія заведенія какого бы то ни было рода благонадежными и потому свободными отъ всякаго контроля, а другія банкирскія заведенія — неблагонадежными и, вслѣдствіе того, подлежащими совершенно неограниченному надзору со стороны министерства финансовъ, которое можетъ имъ запрещать производство такихъ или иныхъ операцій, можетъ требовать отъ нихъ всякихъ свѣдѣній и даже представленія торговыхъ книгъ.

Въ виду новаго закона, министерство финансовъ можетъ воспрещать банкирскимъ заведеніямъ, «относительно коихъ это будетъ признано необходимымъ», продажу билетовъ выигрышныхъ займовъ въ разсрочку, перезалогъ процентныхъ бумагъ въ высшей суммѣ, чѣмъ выданныя по нимъ ссуды, приемъ вкладовъ на храненіе и на проценты, а также открытіе специальныхъ текущихъ счетовъ. Такое запрещеніе можетъ касаться или всѣхъ ноименованныхъ операцій, или нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но какъ только банкирское «заведеніе» подверглось подобному воспрещенію, то оно уже обязано доставлять по требованію министерства всякія свѣдѣнія о своихъ операціяхъ и предъявлять свои документы и книги для повѣрки правильности дѣйствій заведенія.

Неудобства такого рѣшенія вопроса представляются двоякія: во-первыхъ, банкирскія конторы, не подвергшіяся ограничительной мѣрѣ, останутся, стало быть, и впредь внѣ всякихъ условій правильнаго контроля, такъ что и самое примѣненіе ограничительной мѣры можетъ являться не на основаніи какой-либо гласной повѣрки, а лишь въ силу частныхъ свѣдѣній о благонадежности дѣйствій конторъ; во-вторыхъ, самое примѣненіе ограничительной мѣры, — въ которомъ законъ допускаетъ большую или меньшую строгость, стало быть, предполагаетъ, что контора можетъ продолжать однѣ операціи и по запрещеніи ей производства другихъ, — на дѣлѣ едва ли не окажется равносильнымъ простому закрытію любой конторы по усмотрѣнію министерства финансовъ. Кто же будетъ обращаться въ такую контору, которой неблагонадежность удостовѣрится официально самымъ воспрещеніемъ ей какихъ-либо операцій, прочимъ конторамъ дозволенныхъ? Ясно,

что такая контора должна будет немедленно закрыться къ выгодѣ тѣхъ, которыя подобному распоряженію не подвергались.

А, между тѣмъ, формальное рѣшеніе о закрытіи банкирскаго заведенія и настоящій законъ предоставляютъ только суду, и то лишь въ видѣ крайней мѣры наказанія за нарушение этого же закона, то-есть за производство операций, воспрещенныхъ по распоряженію правительства. Уложеніе о наказаніяхъ дополняется по этому случаю особою статьей, которая полагаетъ за нарушения этого рода взысканія денежные: въ первый разъ 100—1,000 рублей, во второй—200—2,000 рублей и въ третій—300—3,000 рублей, съ прибавленіемъ въ третій разъ—тюремнаго заключенія на срокъ 2—8 мѣсяцевъ и закрытія заведенія съ лишеніемъ права содержать оныя. По поводу размѣра этихъ взысканій можно только замѣтить, что у насъ вообще слишкомъ высоки нормы каръ за нарушение распоряженій административныхъ. Но, сверхъ того, такъ какъ указанныя взысканія устанавливаются собственно за производство операций, запрещенныхъ финансовою администраціей на основаніи нынѣшняго закона, то можно себѣ представить случаи, въ которыхъ прямое присвоеніе конторою чужой собственности будетъ подлежать личному заключенію виновнаго на меньшіи сроки съ отсутствіемъ штрафа, какой налагается за нарушение административнаго запрещенія. Допустимъ, что какой-нибудь мѣняла, производившій продажу выигрышныхъ займовъ въ разсрочку, будучи лишентъ этого права министерствомъ финансовъ, совершилъ два правонарушенія: онъ продалъ постепенно троиимъ лицамъ выигрышные билеты въ разсрочку, а у четвертаго лица еще раньше просто похитилъ выигрышный билетъ, оставивъ у себя въ рукахъ представленную квитанцію. За это послѣднее дѣйствіе виновный можетъ быть приговоренъ судомъ къ заключенію въ тюрьму на 1½ мѣсяца, съ лишеніемъ особенныхъ правъ, но безъ всякаго штрафа, кромѣ возвращенія цѣнности похищеннаго, составляющаго сумму менѣе 300 руб., а также безъ закрытія конторы. За первое же дѣйствіе виновный долженъ быть, въ силу новаго закона, присужденъ къ заключенію въ тюрьмѣ на срокъ не менѣе 2-хъ мѣсяцевъ, къ уплатѣ пени не менѣе 300 рублей, сверхъ вознагражденія за билетъ, и затѣмъ къ закрытію заведенія и лишенію права содержать другое подобное. Между тѣмъ, второе изъ приведенныхъ дѣйствій составляетъ кражу, а первое — только нарушение административнаго распоряженія.

Въ законъ введены нѣкоторыя обязательныя для всѣхъ банкирскихъ заведеній правила, но только въ отношеніи страхованія отъ тиража и выдачи документовъ на пріемъ процентныхъ бумагъ. Банкирскія конторы обусловливали замѣну билета, вышедшаго въ тиражъ, болѣе или менѣе краткими сроками, иногда — всего 3-хъ мѣсячными; законъ устанавливаетъ для вознагражденія страхователя общій 10-ти лѣтній срокъ (земскую давность). Затѣмъ, конторы, принимая въ залогъ процентныя бумаги, по большей части отказывались проставлять на залоговомъ билетѣ номера принятыхъ бумагъ, разсчитывая, что если бы самой конторѣ пришлось тѣ бумаги продать и

наступленія срока, то залогодатель не могъ бы въ такомъ случаѣ претендовать на выдачу ему другихъ экземпляровъ той же бумаги. Въ отвращеніе этого, новый законъ требуетъ, чтобы въ документахъ, выдаваемыхъ залогодателямъ, заключалось указаніе нумера, серіи и другихъ отличительныхъ признаковъ каждой отдѣльной бумаги.

Сомнительно, чтобы финансовая администрація часто рѣшалась на примѣненіе къ банкирскимъ конторамъ установленной въ новомъ законѣ запретительной мѣры, тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія о свойствахъ операций каждой изъ нихъ могутъ доходить до нея только частнымъ путемъ. И такъ, на практикѣ, конторы и впредь останутся внѣ условій правильного контроля, но будутъ находиться подъ острасткой примѣнія къ нимъ упомянутой мѣры, которая почти равносильна закрытію караемой конторы. Короче, законъ въ этомъ объемѣ могъ, въ сущности, заключаться просто въ предоставленіи министерству финансовъ права закрывать банкирскія заведенія въ случаѣ убѣжденія въ ихъ неблагонадежности. Замѣтимъ, по этому поводу, что, внѣ сферы охраненія порядка, у насъ нѣтъ вѣдомства съ болѣе широкою властью, чѣмъ министерство финансовъ, такъ какъ оно административнымъ порядкомъ взымаетъ штрафы по нарушенію акцизныхъ уставовъ и распоряженій, разрѣшаетъ или не разрѣшаетъ открытіе промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, а отчасти и заведеній, наконецъ, устанавливаетъ тарифы перевозки по желѣзнымъ дорогамъ. Такъ, наприм., правила объ открытіи винокуренныхъ заводовъ и о питейной продажѣ заключаютъ въ себѣ значительное число такихъ опредѣленій, которыя ставятъ вопросъ о разрѣшеніи прямо въ зависимость отъ усмотрѣнія высшей или мѣстной финансовой администраціи. Если судить сравнительно, то можно признать, что нынѣшній законъ о банкирскихъ конторахъ не составляетъ ничего новаго въ этомъ смыслѣ, и нѣтъ, конечно, никакой особой необходимости, чтобы существованіе того или другаго банкирскаго заведенія было обставлено болѣе большими гарантіями, чѣмъ открытіе винокуреннаго завода или хозяйственныя распоряженія желѣзно-дорожныхъ обществъ.

Отмѣняя институтъ мировыхъ судей въ городахъ, за исключеніемъ столицъ и Одессы, положеніе о земскихъ начальникахъ предоставило, однако, министерству юстиціи обсудить, не представится ли удобнымъ сохранить прежнія мировыя установленія и въ другихъ большихъ городахъ. Министерство сдѣлало запросъ по этому предмету предсѣдателямъ судебныхъ палатъ, которые въ свою очередь потребовали отзывовъ предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ и губернскихъ городскихъ думъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ стали поступать изъ разныхъ городовъ ходатайства объ оставленіи мировыхъ установленій въ прежнемъ видѣ. Ходатайства эти вызываются мотивами весьма уважительнаго свойства. Уже государственный совѣтъ, при обсужденіи проекта о замѣнѣ мировыхъ судей городскими, принялъ во вниманіе, что города съ большимъ населеніемъ и значительнымъ числомъ мировыхъ судей могли бы быть, съ пользою для дѣла, выдѣлены въ особые судебно-миро-

вые округа, «ибо можно полагать не безъ нѣкотораго основанія, что подчиненіе сихъ городовъ уѣзднымъ сѣздамъ, помимо ущерба интересамъ городского населенія, повлекло бы крайнее обремененіе этихъ сѣздовъ разбирательствомъ мелкихъ городскихъ дѣлъ».

Но городскія думы не могутъ, разумѣется, оставаться равнодушными и къ тому обстоятельству, что мировыхъ судей избираетъ земство, а городскіе судьи будутъ по назначенію, что надъ первыми слѣдующею инстанціей является мировой сѣздъ, а кассационною—сенатъ, и что весь этотъ институтъ составляетъ нѣчто цѣльное, дѣйствующее на основаніяхъ судебныхъ уставовъ, между тѣмъ какъ городскіе судьи будутъ принадлежать къ уѣзднымъ сѣздамъ, въ которыхъ членами состоятъ, кромѣ нихъ, участковые начальники, а предсѣдателями—предводители дворянства; что учрежденія эти разобщены съ сенатомъ, и, наконецъ, что судопроизводство въ нихъ будетъ происходить на основаніи имѣющихъ еще быть изданными «особыхъ правилъ».

Въ концѣ мѣсяца получены ходатайства объ оставленіи прежнихъ мировыхъ установленій изъ Казани, Саратова, Екатеринослава, Николаева, Симбирска, Кишинева, Елисаветграда и Ялты. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ ходатайствъ прямо высказано желаніе, чтобы мировые судьи были выборными отъ думы. Саратовская дума проситъ при этомъ о выдѣленіи города въ особую земскую единицу, по примѣру столицъ. Дума екатеринославская высказала, что населеніе желаетъ сохраненія того суда, «къ которому за 20 лѣтъ его существованія оно привыкло, питаетъ полное довѣріе и который за все это время стоялъ на высотѣ своего назначенія». Екатеринославскій мировой сѣздъ высказался въ томъ же смыслѣ въ примѣненіи ко всему уѣзду. Относящіяся сюда постановленія городскихъ думъ были приняты, по большей части, единогласно и безъ преній. Говоря о городскихъ ходатайствахъ по этому предмету, *С.-Петербургскія Вѣдомости* замѣчаютъ, между прочимъ, что современной Россіи «нельзя удовлетворить ни сколькомъ съ блаженной памяти управъ благочинія, ни крайне простою, но и крайне неудовлетворительною полицейскою юрисдикціей. Существуютъ,—прибавляетъ газета,—непоколебимыя начала судебного порядка, въ которыхъ нельзя себѣ представить сколько-нибудь благоустроенный судъ въ современномъ городѣ; таковы: гласность, устность процесса, нормальная система обжалованія, кассационный пересмотръ и, наконецъ, единство высшаго судебного надзора». То, что здѣсь сказано о судѣ городскомъ, разумѣется, не менѣе справедливо и относительно суда въ уѣздѣ, и если названная газета имѣла въ виду судъ въ городѣ, то потому лишь, что въ настоящее время вопросъ остался открытымъ только относительно городовъ, и то лишь большихъ городовъ.

Ходатайства городовъ и ихъ отзывы о мировомъ судѣ составляютъ тѣмъ болѣе сочувственное явленіе, что у насъ не часто встрѣчаются выраженія признанія положительной пользы, принесенной какими-либо учрежденіями. Свидѣтельствуя о пользѣ выборнаго мирового суда, городскія сословія

тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ о довѣріи къ собственнымъ, всемірнымъ силамъ, доказываютъ зрѣлость своего гражданскаго самосознанія.

Изъ помѣщенныхъ недавно въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* статистическихъ данныхъ о дѣятельности мировыхъ судебныхъ установлений за 1886 и 1887 годы, дѣйствительно, истекаетъ основанный уже на цифрахъ выводъ объ удовлетворительномъ ихъ дѣйствіи въ общемъ и цѣломъ, причемъ еще оказывается, что результаты именно за послѣдніе годы были особенно утѣшительны, что статью приписывается извѣстному циркуляру сената, точнѣе разъяснившему мировымъ судьямъ ихъ обязанности по отношенію къ производству дѣлъ. Такъ, въ 1882 году число дѣлъ, рѣшенныхъ мировыми судьями, составляло лишь 92% общаго числа дѣлъ, къ нимъ поступившихъ; но отношеніе это въ послѣдующихъ годахъ значительно улучшилось, выражаясь слѣдующимъ рядомъ годовыхъ цифръ: 94,1, 97, 93,4. Въ сложности же за послѣдніе отчетные два года, 1886 и 1887, число дѣлъ рѣшенныхъ превзошло число дѣлъ поступившихъ за то же время и составило 102,5% послѣдняго.

Приведемъ еще нѣсколько частныхъ цифръ, чтобы напомнить о громадности мировой юрисдикціи. Въ 1887 году къ мировымъ судьямъ вступило дѣлъ уголовныхъ 1.007,055 и разрѣшено 1.038,642, что составляетъ 104,2% всего поступленія. Но такъ какъ значительная часть въ цифрѣ дѣлъ рѣшенныхъ перешла съ предшествующаго года, то вообще дѣлъ, вступившихъ въ 1887 г. и нерѣшенныхъ въ теченіе его, оставалось 17,5% общаго числа вступившихъ. Послѣдняя цифра сама по себѣ невелика, и, притомъ, надо имѣть въ виду, что нѣкоторое количество дѣлъ, вступившихъ въ самомъ концѣ года, по необходимости должно остаться въ категоріи нерѣшенныхъ. Соответствующія приведеннымъ выше цифры дѣлъ гражданскихъ въ 1887 г. представляются такъ: вступило дѣлъ 1.047,548, рассмотрѣно 1.067,481, что составляетъ 101,5% общаго числа, нерѣшенныхъ перешло на 1888 годъ всего 9% общаго поступленія.

Затѣмъ, чтобы составить себѣ общее сужденіе о степени удовлетворительности поставленныхъ рѣшеній, нѣтъ иного средства, какъ только обратиться къ сравнительнымъ даннымъ по апелляціонной и кассационной отѣнѣ рѣшеній. И вотъ что представляютъ эти данныя: изъ общаго числа приговоровъ и рѣшеній мировыхъ судей было обжаловано во вторую инстанцію въ 1886 г.—10,1%, изъ нихъ отѣнено въ томъ году 25,4%; въ 1887 г. обжаловано—10%, изъ нихъ отѣнено—26,6%. Если же число отѣненныхъ второю инстанціей рѣшеній и приговоровъ сравнить съ общимъ числомъ приговоровъ и рѣшеній, постановленныхъ мировыми судьями, то окажется, что отѣнено въ 1886 г.—2,4%, въ 1887 г.—2,7%. При обжалованіи и протестахъ, въ порядкѣ кассационномъ, оказались слѣдующіе результаты: въ 1886 году сенатомъ отѣнено—27% обжалованныхъ рѣшеній, а въ 1887 году—32,5%; въ сравненіи съ общимъ числомъ постановленныхъ въ теченіе года рѣшеній это составляетъ: за 1886 г.—1,5%, а за 1887 г.—1,3%. Результаты эти нельзя не считать «весьма удовлетворительнымъ»

ми», какими они и признаются въ официальной статистикѣ. Тѣмъ, стало быть, болѣе фактическаго основанія приобретаютъ нынѣшнія ходатайства городовъ объ оставленіи въ нихъ мировыхъ установленій въ прежнемъ видѣ.

Оставаясь еще на минуту въ области дѣятельности судебной, замѣтимъ, что за послѣдніе годы обнаруживается нѣкоторое усиленіе строгости нашихъ судовъ къ обвиняемымъ въ истязаніи дѣтей. Было время, когда присяжные оправдывали иногда возмутительно-жестокихъ родителей просто по тому соображенію, будто самими же страдавшими дѣтями, все-таки, лучше страдать и въ будущемъ отъ жестокости родителей, лишь бы не лишиться ихъ помощи съ отправленіемъ такихъ родителей въ тюрьму. Такой взглядъ и привелъ въ прежнее время къ нѣсколькимъ оправдательнымъ приговорамъ, несочувственно встрѣченнымъ въ обществѣ. Взглядъ этотъ былъ вполне невѣрнымъ, такъ какъ для ребенка несомнѣнно лучше поступить на общественное призрѣніе, чѣмъ подвергаться нѣсколько лишнихъ лѣтъ такимъ истязаніямъ, отъ которыхъ душа содрогается при чтеніи подробностей. Спрашивается, какъ же общественное признаніе, какъ бы оно ни было недостаточно, можетъ заставлять дѣтей голодать по цѣлымъ днямъ и держать ихъ полуодѣтыми въ холодныхъ чуланахъ, какъ то, по многократному, не особенно даже рѣдкому, судебному удостовѣренію, дѣлаютъ иные родители?

Прежняя снисходительность присяжныхъ по такимъ дѣламъ, вѣроятно, и обусловливалась предположеніемъ, что случаи эти составляютъ явленія совершенно исключительныя, что, стало быть, педагогическо-общественною стороною приговора нѣтъ повода озабочиваться и лучше каждый случай разсматривать совершенно отдѣльно. Но оказавшаяся въ теченіе времени нерѣдкость подобнаго, едва ли не возмутительнѣйшаго изъ всѣхъ, преступленія заставила суды переимѣнить отношеніе къ нему. Въ продолженіе послѣдняго года было нѣсколько случаевъ строгаго примѣненія къ виновнымъ въ немъ тягости закона. Послѣдній изъ такихъ случаевъ представился въ истекшемъ мѣсяцѣ въ практикѣ тифлискаго суда. Мѣщанка Глѣбова обвинялась въ истязаніи своей незаконной дочери, и свидѣтельскими показаніями (даже не единогласными) установленъ былъ только фактъ частныхъ побоевъ ремнемъ, нанесенныхъ 6-ти лѣтней дѣвчкѣ, такъ что случай этотъ вовсе не выдавался въ категоріи преступленій такого рода. Между тѣмъ, судъ призналъ фактъ истязанія и приговорилъ Глѣбову къ лишенію личныхъ правъ и къ заключенію въ тюрьмѣ на годъ.

Самый законъ, позволяющій родителямъ, опекунамъ и содержателямъ ремесленныхъ заведеній примѣнять къ живущимъ у нихъ дѣтямъ «домашнія мѣры исправленія», не мѣшало бы изложить точнѣе, опредѣлявъ какую-нибудь мѣру для самыхъ этихъ «мѣръ». Разные родители смотрятъ разное на средства, нужныя для исправленія, и на размѣры въ употребленіи этихъ средствъ. Въ предшествующемъ дѣлѣ мать признавала необходимымъ постоянное употребленіе ремня для исправленія 6-лѣтней дочери. Право родителей тѣлесно наказывать дѣтей нисколько не болѣе священно, чѣмъ

была, также въ свое время признаваемая въ законѣ, власть господъ наказывать крѣпостныхъ; право «исправленія» во всякомъ случаѣ ограничено, такъ какъ законъ не допускаетъ ни истязанія, ни жестокости. Но если въ законѣ, который оставилъ тѣлесное наказаніе въ практикѣ крестьянскаго суда, прямо выражена высшая его мѣра и названо единственное дозволенное орудіе «исправленія», то необходимо сдѣлать то же самое и по отношенію къ дѣтямъ. Иначе выходитъ, что здороваго парня нельзя «исправлять» болѣе чѣмъ 20 ударами розогъ (собственно говоря, и въ этомъ нѣсколько стыдно за законъ), а ребенка можно хоть по нѣсколькы разъ въ день бить чѣмъ попало и съ неограниченнымъ числомъ ударовъ—все для домашняго «исправленія».

Нерѣдки случаи жестокости самихъ родителей. Но легко себѣ представить, что происходитъ съ дѣтьми, отданными въ ученіе въ мастерскія. Это — совершенные невольники, вполне зависящіе отъ самодурства мастеровъ и пьянства подмастерьевъ. Бьютъ учениковъ и ученицъ чѣмъ случится и сколько влѣзетъ. Едва ли изъ тысячи случаевъ положительной жестокости одинъ доходитъ до суда. Да и на судѣ неопредѣленность закона обращается въ пользу мучителей. Сверхъ того, въ ихъ же оправданіе зачастую принимается то обстоятельство, что не одни они это дѣлали, что вездѣ, въ другихъ мастерскихъ, бываетъ такъ же и еще хуже,—соображеніе, которое, по правдѣ сказать, должно бы лишь побуждать суды къ болѣе строгой.

Передъ нами отчетъ о другомъ дѣлѣ, разсмотрѣнномъ въ прошломъ мѣсяцѣ въ петербургскомъ судѣ. Дѣвочку 14-ти лѣтъ, находившуюся въ ученѣ, закройщица Ватулина безпрестанно таскала за волосы и била плетью. Положимъ, плеть, представленная на судѣ, оказалась состоящею только изъ «трехъ полосъ матеріи съ узломъ на концѣ». Эта (или другая?) плеть, по общему отзыву ученицъ, постоянно виситъ у нихъ на стѣнѣ, и, по неимѣнію опредѣлительнаго выраженія въ законѣ, судъ не могъ своимъ приговоромъ отвратить употребленіе плети и въ будущемъ. Плеть и теперь, послѣ разбора дѣла петербургскимъ судомъ, навѣрное, виситъ на стѣнѣ. Какъ бы то ни было, но наказанная дѣвочка была затѣмъ послана купить лентъ, и «такъ какъ ленты не совсѣмъ подходили», то не посмѣла передать ихъ закройщицѣ, изъ боязни той же столь, повидимому, невинной плети «изъ матеріи», а пошла и бросилась въ Фонтанку. Ей не оставалось искать защиты ни у кого: мать била ее еще хуже, чѣмъ мастерицы, а законъ допускаетъ «домашнія мѣры исправленія». Судъ призналъ только злоупотребленіе «дозволенными закономъ мѣрами» и приговорилъ закройщицу къ 25 р. штрафу или 7-ми дневному аресту. И здѣсь были приняты въ уваженіе показанія свидѣтельницъ, что «хотя Ватулина была ученица, таскала ихъ за волосы и за уши, наказывала ихъ безъ обѣда и завтрака, но въ другихъ мастерскихъ бываетъ еще хуже».

Не слышно болѣе жалобъ фабрикантовъ на инспекцію, завѣдующую надзоромъ надъ условіями, среди которыхъ производится работа въ промышленныхъ заведеніяхъ, прекратились и нападки газетъ извѣстнаго лагеря на либерализмъ и безбожіе инспекторовъ. Можно бы подумать, что фабричная инспекція прекратила свои дѣйствія,—такъ «съ ней стало тихо». Между тѣмъ, инспекторы продолжаютъ представлять свои отчеты, и отчеты ихъ не остаются совсѣмъ безъ результатовъ, какъ то видно изъ сообщеннаго въ газетахъ извѣстія о назначеніи комиссіи для изученія вопроса объ обложеніи фабрикантовъ и заводчиковъ особымъ сборомъ на устройство и содержаніе школъ для малолѣтнихъ рабочихъ. Законы обязываютъ владѣльцевъ фабрикъ устраивать такія школы, точно такъ, какъ и приѣмные покои при фабрикахъ по расчету 1 кровати на 100 человѣкъ рабочихъ.

Но оказывается, что представители отечественной промышленности уважаютъ только тѣ законы, которые покровительствуютъ ихъ производству въ видѣ охраненія его пошлинами и предоставленія имъ привилегіи на изготовленія и поставку издѣлій и продуктовъ въ казну, желѣзно-дорожныя и мореходныя общества. А тѣ законы, коими регулируется бытъ рабочихъ, фабриканты исполняютъ лишь по статьямъ, уснащеннымъ штрафами за неисполненіе. Изъ отчетовъ видно, что на большинствѣ фабрикъ и заводовъ, даже крупныхъ, пользующихся дѣтскимъ трудомъ, школъ вовсе не существуетъ и инспекція не имѣетъ никакихъ средствъ побудить владѣльцевъ къ устройству школъ. И такъ, остается выбрать одно изъ двухъ: или установить ежегодные штрафы за неимѣніе школъ при фабрикахъ, или устроить такія школы на счетъ сбора, который бы взимался съ фабрикантовъ. Последнее представляется предпочтительнымъ уже потому, что такимъ путемъ школы могутъ устроиться безъ соглашенія между владѣльцами небольшихъ фабрикъ, то-есть результатъ получится скорѣе.

Но и дѣло врачебной помощи на фабрикахъ и заводахъ продолжаетъ оставаться въ положеніи неудовлетворительномъ. Года два тому назадъ мы останавливались на данныхъ инспекторскихъ отчетовъ по отношенію къ промышленнымъ заведеніямъ центрального района. Въ двухъ недавнихъ корреспонденціяхъ *Русскихъ Вѣдомостей* изъ Лодзи и Ченстохова сообщаются цифры, изъ которыхъ видно, что и на западной окраинѣ государства положеніе врачебной части на фабрикахъ нисколько не лучше въ общей совокупности. Изъ 300 фабрикъ въ Лодзи оказывается всего 35 такихъ, которыя сдѣлали что-нибудь для врачебной помощи рабочимъ: на нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются приѣмные покои, при другихъ состоятъ врачи, съ даровымъ отпускомъ лѣкарствъ или съ платою за нихъ. Только одна фабрика, имѣющая отъ 5 до 6 тысячъ рабочихъ, содержитъ больницу на 30—50 кроватей; другая фабрика на 3—4 тысячи рабочихъ содержитъ нѣсколько кроватей въ еврейской больницѣ. Но, за исключеніемъ этихъ двухъ фабрикъ, нѣтъ правильного устройства врачебной части: изъ 300 фабрикъ на 260 не оказывается рабочимъ совсѣмъ никакой врачебной помощи. Въ такомъ положеніи находятся 21 тыс. рабочихъ въ Лодзи. Въ

Ченстоховѣ, гдѣ еще въ 1880 г. было всего два заведенія съ 170 рабочихъ, а теперь находятся уже десятки фабрикъ съ 2 слишкомъ тысячами рабочихъ, ни одна фабрика не имѣетъ своей больницы, а врачебная помощь подается врачами, приѣзжающими разъ въ недѣлю.

И такъ, въ Царствѣ Польскомъ врачебная часть на фабрикахъ поставлена, въ общемъ, никакъ не лучше, чѣмъ въ центральномъ промышленномъ районѣ. Преимущество развѣ въ томъ, что врачей въ томъ краѣ больше. Но за то въ центральномъ районѣ на 500 фабрикъ насчитывается гораздо болѣе 2 съ правильнымъ врачебнымъ устройствомъ. Обеспечить медицинскую помощь фабричнымъ возможно въ губерніяхъ земскихъ тѣмъ же самымъ средствомъ, къ какому хотятъ теперь обратиться для обезпеченія устройства фабричныхъ школъ: въ Московской губерніи, какъ извѣстно, многіе фабриканты изъявили согласіе платить особый сборъ въ пользу земства, съ тѣмъ, чтобы школы содержало оно. Оставалось бы, чтобы вмѣстѣ съ установленіемъ сбора на школы законъ сдѣлалъ обязательнымъ въ земскихъ губерніяхъ и сборъ въ пользу земства на содержаніе фабричныхъ школъ. Но въ губерніяхъ польскихъ не остается ничего, какъ строго взыскивать штрафы за отсутствіе на фабрикахъ лазаретовъ съ установленнымъ процентнымъ числомъ кроватей.

На происходившемъ въ прошломъ мѣсяцѣ губернскомъ съѣздѣ врачей московскаго земства выяснилось, что, въ исполненіе желанія, выраженнаго однимъ изъ предшествовавшихъ съѣздовъ, о наблюденіи въ Москвѣ со стороны города надъ санитарнымъ состояніемъ рабочихъ на городскихъ фабрикахъ; недавно устроена амбулаторія въ Лефортовѣ, какъ главнымъ центръ фабричнаго населенія. Устроено еще три амбулаторіи для надзора за здоровьемъ ночлежниковъ и коачниковъ, а также многочисленнаго бѣднаго люда въ Рогожской части. Изъ данныхъ о положеніи врачебной части въ Москвѣ оказывается, что, считая вмѣстѣ больницы городскія и негородскія, какъ-то: состояція при учебныхъ заведеніяхъ, монастыряхъ и проч., въ Москвѣ состоитъ 4,984 больничныхъ койки, что составляетъ по одной на 151 чел. населенія и что изъ этого числа 77% мѣсть принадлежать городу. Отмѣтимъ также, что земскія лечебницы въ Московской губерніи, въ которыхъ доселѣ было въ сложности 120 кроватей, сразу увеличиваются еще на 80 кроватей, предназначенныхъ для неизлечимыхъ какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей; на устройство дополнительныхъ съ этою цѣлью баракровъ при земскихъ больницахъ губернскимъ земствомъ ассигновано въ концѣ прошлаго года 24 тыс. руб., а ежегодно на содержаніе будетъ ассигновываться 8 тыс. руб.

Весьма важенъ, въ принципиальномъ смыслѣ, исходъ дѣла по оппозиціи русскаго земства противъ установленной губернскимъ земствомъ организаціи санитарной части въ губерніи, введенной послѣ 1885 г. Русское земство не хотѣло подчиниться исполненному прочими уѣздами постановленію губернскаго земства объ образованіи санитарнаго совѣта въ каж-

домъ уѣздѣ, и ходатайствовало предъ сенатомъ объ отмѣнѣ упомянутаго постановленія, какъ незаконнаго. Но сенатъ разъяснилъ, что законъ предоставляетъ губернскимъ земскимъ собраніямъ издавать обязательныя для мѣстныхъ земскихъ учреждений постановленія въ предѣлахъ вѣдомства земства, а организація санитарнаго врачебнаго надзора, несомнѣнно, принадлежитъ къ предметамъ вѣдомства земства. Это разъясненіе имѣетъ значеніе общее для опредѣленія отношеній уѣздныхъ земствъ къ губернскимъ.

Желѣзно-дорожное дѣло постепенно приближается къ полному и непосредственному правительственному завѣдыванію. Перваго числа нынѣшняго октября должны были поступить въ казну желѣзныя дороги ряско-виземская и моршанская, а, между тѣмъ, въ прошломъ мѣсяцѣ казна скупила акціи либаво-роменской дороги, фактически сдѣлавшись, такимъ образомъ, владѣлицею и этой большой и важной артеріи. Затѣмъ, въ недалекомъ будущемъ въ казну, какъ говорятъ, имѣетъ перейти и балтійская дорога. Все это—линіи малодоходныя, несмотря на торговое значеніе послѣднихъ двухъ. Акціи либаво-роменской дороги, по слухамъ, прибрѣтены по цѣнѣ 100 кредитныхъ за 100 металлическихъ. Извѣстно, что общество либаво-роменской дороги, вслѣдствіе ея малодоходности, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ старалось о прибрѣтеніи ея въ казну, причемъ распускался слухъ, что иначе акціи ея могутъ быть куплены прусскимъ правительствомъ. Въ смыслѣ же общаго непосредственнаго вліянія правительства на хозяйство частныхъ желѣзныхъ дорогъ, вслѣдъ за полнымъ подчиненіемъ правительству тарифнаго дѣла, состоялся въ истекшемъ мѣсяцѣ дальнѣйшій, также значительный шагъ. Въ особомъ совѣщаніи министровъ рѣшено подчинить государственному контролю съ 1 ноября нынѣшняго года всѣ обороты желѣзныхъ дорогъ и, притомъ, не только гарантированныхъ правительствомъ, но и не гарантированныхъ имъ. Говорятъ, что ближайшимъ поводомъ къ подчиненію желѣзныхъ дорогъ послужили неоднократныя недоразумѣнія относительно зачетовъ по линіямъ главнаго общества. Теперь обороты дорогъ гарантированныхъ будутъ подлежать ревизіи контроля такъ, какъ ей подлежатъ обороты дорогъ казенныхъ, за негарантированными же устанавливается только наблюденіе контроля, съ назначеніемъ на важнѣйшія изъ нихъ особыхъ правительственныхъ контролеровъ, которыхъ промотру будетъ подлежать вся отчетность.

Все это, очевидно, переходныя мѣры къ постепенному взятію всѣхъ дорогъ въ казну, хотя покажутся болѣе въ принципіальномъ, чѣмъ въ фактическомъ смыслѣ, такъ какъ въ собственность казны перешли лишь малодоходныя линіи. Съ другой стороны, хотя законодательство, а отчасти и администрація (въ тарифномъ дѣлѣ) въ принципѣ и идутъ къ непосредственно-казенному завѣдыванію желѣзными дорогами, но, въ то же время, замѣчается и нѣкоторое какъ бы опасеніе въ принятіи столь сложнаго, такъ сказать, «неудобоваримаго» дѣла. Колебаніе въ этомъ смыслѣ, несо-

инѣнно, проявилось въ рѣшеніи оставить николаевскую дорогу въ прежнихъ рукахъ еще на 12 лѣтъ.

Надо признать, что казенныя дороги администрируются недурно и въ наше время уже нельзя довольствоваться для рѣшенія этого вопроса прежнимъ теоретическимъ убѣжденіемъ въ неспособности казны къ хозяйству. За то лица, служащія на желѣзныхъ дорогахъ, всё «отъ мала до велика» рѣшаютъ вопросъ противъ казны и въ пользу частныхъ обществъ. Дѣло въ томъ, что въ казенномъ управленіи не только не существуетъ окладовъ въ 25 тыс. рублей одному лицу, но и оклады самыхъ низшихъ служащихъ обрѣзаны до послѣдней степени возможности. Такъ, наприм., желѣзно-дорожные телеграфисты получаютъ на нѣкоторыхъ компанейскихъ линіяхъ по 25 р. въ мѣсяць и, сверхъ того, обмундированіе отъ общества, между тѣмъ, казна платитъ имъ по 15 рублей на собственномъ ихъ обмундированіи. Также и въ отношеніи пенсій компанейскіе служащіе поставлены гораздо лучше казенныхъ. Намъ кажется, казенное управленіе относительно низшихъ окладовъ руководствуется не совѣтъ вѣрною мѣркой конкурренціоннаго минимума. Принять такой взглядъ: съ какой стати платить больше, когда и за эту цѣну можно имѣть сколько угодно людей, нѣтъ отбоя отъ кандидатовъ? Но казнѣ, когда она принимаетъ на себя регулированіе какого-либо промышленнаго предпріятія, едва ли слѣдовало бы усвоивать себѣ такой взглядъ, всецѣло принадлежащій къ области той частной конкурренціонной борьбы, которую вмѣшательство казны устраняетъ. Еще при забастовкѣ нынѣшнимъ лѣтомъ въ лондонскихъ докахъ мистеръ Норвудъ, одинъ изъ директоровъ компаніи, высказывалъ этотъ взглядъ съ чисто-англійскимъ «мужествомъ своего убѣжденія»: съ какой стати прибавлять, когда за ту же цѣну можно имѣть сколько угодно иностранныхъ рабочихъ и когда есть полное основаніе ожидать, что упрямые рабочіе не выдержатъ, такъ какъ голодъ заставитъ ихъ отказаться отъ ихъ требованій, пусть только придетъ суббота?

У насъ казенная плата разнощикамъ телеграммъ (курьерамъ городскихъ телеграфныхъ станцій) составляетъ 10 руб. въ мѣсяць, причѣмъ кормиться и одѣваться они должны на свой счетъ, а, между тѣмъ, отъ нихъ требуется, чтобы они имѣли приличный мундиръ, чтобы были грамотны и работали 12 часовъ въ сутки. Очень вѣроятно, что если бы у нихъ сбавить изъ жалованья еще по рублю, то служащіе, приневоленные нуждою, все-таки бы нашлись. Но для казеннаго управленія долженъ существовать, сверхъ принципа спроса и предложенія, еще и принципъ справедливости. И на частныя желѣзно-дорожныя общества слышалось уже немало нареканій относительно скудости вознагражденія низшихъ служащихъ, между тѣмъ, казна заходитъ въ этомъ отношеніи еще дальше.

Съ «вопросомъ» объ упраздненіи тотализатора въ Москвѣ случилось то, что бываетъ и съ вопросами гораздо болѣе важными: его не могли подвинуть никакіе резоны, ни даже ходатайство городской думы, и вдругъ его

едва ли не рѣшило обстоятельство случайное, которое само по себѣ, конечно, ничего не доказываетъ,—безпорядки, происшедшіе на ипподромѣ 3 сентября. Мы безусловно несогласны съ вице-президентомъ скакового общества, гн. Оболенскимъ, какъ защитникомъ тотализатора, но не можемъ не признать, что во время безпорядковъ онъ былъ совершенно правъ, отказавшись признать произвольное сужденіе публики и возвратитъ деньги. Вѣдь, если допускать, что кто-либо, кромѣ судей, можетъ возбуждать вопросъ о «неправильности старта» и требовать на этомъ основаніи возвращенія закладовъ, тогда не только игра, но и самое назначеніе призовъ лошадямъ сдѣлались бы невозможны. Точно такъ, какъ неправильность старта, всякая иная неправильность или недоразумѣніе могутъ подать публикѣ поводъ къ требованію, чтобы бѣгъ или скачка были признаны несостоявшимися, а деньги были возвращены.

Игры въ публичныхъ мѣстахъ на деньги воспрещены у насъ, азартныя же игры воспрещены даже въ частныхъ собраніяхъ; между тѣмъ, тотализаторъ представляетъ для огромнаго большинства публики игру несомнѣнно азартную, такъ какъ большинство ставитъ деньги безъ всякаго основанія, совершенно не зная лошадей. Тѣмъ болѣе долженъ быть воспрещенъ такой видъ игры, въ которомъ, во-первыхъ, шансы играющихъ совершенно неравны, а, во-вторыхъ, въ которыхъ могутъ принимать участіе несовершеннолѣтніе и малолѣтніе. Тотализаторъ есть учрежденіе безспорно безнравственное, представляя открытое искушеніе къ игрѣ, и извѣстно много случаевъ проступковъ, которыхъ онъ былъ причиною. Если же разсматривать его какъ лотерею, то лотерея эта не оправдывается никакой благотворительною цѣлью. Скаковое общество, это—общество для забавы и элементъ забавы безусловно преобладаетъ въ учреждаемыхъ имъ бѣгахъ и скачкахъ (если оставить въ сторонѣ самую игру). Для поощренія коннозаводства, если скачки и бѣга въ самомъ дѣлѣ могутъ служить для этой цѣли, существуютъ казенныя призы, умножить которые зависитъ отъ главнаго управленія коннозаводства. Но и независимо отъ такого поощренія заводы должны быть расчитаны на выгоду отъ продажи кровныхъ лошадей въ Россіи и за границу. Во всякомъ случаѣ, никакая другая отрасль производительности не пользуется у насъ поддержкой въ видѣ премій на счетъ деморализированія толпы.

Мы занесли въ предшествующій обзоръ кончину старѣйшаго изъ русскихъ журналистовъ, А. А. Краевского, но могли посвятить покойному лишь десятокъ словъ, такъ какъ извѣстіе пришло, когда наша статья уже была набрана. Съ тѣхъ поръ произошло утвержденіе завѣщанія покойнаго и удостоверился замѣчательный фактъ: журналистъ оставилъ состояніе въ 1 мил. 100 т. рублей. Фактъ этотъ, правда, несовсѣмъ единичный, такъ какъ и послѣ М. Н. Каткова осталось большое состояніе, приобретенное при гораздо менѣе продолжительной дѣятельности. Но, во всякомъ случаѣ, оба эти факта—единственные въ лѣтописяхъ нашей журналистики. Мы должны

упомануть и о томъ, что А. А. Краевскій завѣщалъ разнымъ училищамъ и обществамъ пособія литераторамъ, художникамъ и артистамъ сцены 48 тысячъ рублей, а въ совокупности завѣщано имъ съ благотворительною цѣлью около 50 т. рублей. Кромѣ того, еще при жизни онъ внесъ въ литературный фондъ 3 т. рублей, включенныя въ неприкосновенный капиталъ того учрежденія. Такимъ образомъ, имя покойнаго станетъ первымъ въ спискѣ именъ, къ которымъ относятся наибольшіе вклады въ литературномъ фондѣ.

Предвидимъ, что, пожалуй, большинство читателей подумаетъ, по поводу предшествующихъ строкъ: было изъ чего жертвовать. Намъ, однако, представляется несправедливымъ несомнѣнно выказавшееся нѣкоторое равнодушіе къ памяти покойнаго со стороны приверженцевъ тѣхъ идей, которымъ онъ своею издательскою дѣятельностью служилъ въ продолженіе всей своей долгой жизни. Приверженцы идей противоположныхъ гораздо щедрѣе и, пожалуй, слишкомъ даже щедро оцѣниваютъ сочувственныхъ имъ журналистовъ-издателей.

Краевскій, въ дѣйствительности, былъ только издателемъ. Литераторомъ онъ не былъ вовсе. Статья о *Борисѣ Годуновѣ* Пушкина, да еще другая, посвященная скандинавской литературѣ и совершенно забытая,— вотъ почти весь литературный багажъ покойнаго. Но возможно ли сказать, что тѣмъ же ограничивается и вся литературная его заслуга? Думать такъ могутъ только тѣ, кто не отдастъ себѣ отчета въ огромномъ значеніи, какое въ движеніи силъ умственныхъ, какъ и въ дѣйствіи силъ физическихъ, играетъ организаторство. Если бы покойный просто только давалъ средства на изданіе либеральнаго журнала и газетъ въ теченіе полулѣтя, то и тогда надо было бы сказать, что жизнь его не прошла даромъ, что личность его оставила по себѣ широкій слѣдъ, хотя бы онъ лично не написалъ ни одной строчки. Но Краевскій былъ не такимъ издателемъ, а дѣйствительнымъ устройтеlemъ тѣхъ органовъ, которые издавалъ. Выборъ людей, присканіе связей для защиты, всевозможныя ходатайства о допущеніяхъ, добываніе важныхъ свѣдѣній и матеріаловъ для самыхъ работъ, личное управленіе всѣмъ дѣломъ,— все это значить не мало. Хотя бы одинъ невидный для публики трудъ по объясненіямъ о приготовляемыхъ статьяхъ и исправленію ихъ или выбору между ними въ корректурахъ не могъ не вносить значительную долю личнаго вліянія въ самый составъ текущаго печатнаго слова. Съ этимъ вліяніемъ всѣ должны были считаться во время дѣятельности покойнаго и несправедливо не сосчитать-ся послѣ его смерти.

Издатель не создаетъ ни таланта, ни знанія, но онъ отыскиваетъ ихъ среди людей неизвѣстныхъ. И это—не все. Журнальное дѣло имѣетъ свою технику; сверхъ таланта и знаній, требуются еще: выработка извѣстнаго такта, недоступная безъ руководства для начинающихъ работниковъ журналистики, и знакомство съ разными, такъ сказать, атмосферическими явленіями. Допустимъ, что издатель—еще не литераторъ; пусть онъ только—

громоотводъ и барометръ. Но при полувѣковомъ плаваніи, при столь долговременной борьбѣ съ разными теченіями и бурями, возможно ли не признать значительной услуги этихъ инструментовъ?

Нисколько не придерживаясь некрологической лести, мы должны признать за Краевскимъ ту заслугу, которая несомнѣнно принадлежитъ ему. Совершенно несправедливо говорилось въ одной статьѣ, будто Краевскій не имѣлъ иного значенія, какъ всякій коммерческій предприниматель. Мало ли что можно предпринимать, даже и въ самой литературѣ! Краевского, дѣйствительно, возможно назвать «оппортьюнистомъ» и въ этомъ именно свойствѣ заключалась причина нѣкоторой въ нему холодности общества. Это не былъ ни фанатикъ извѣстнаго дѣла, ни строгій пуританинъ въ выборѣ тѣхъ средствъ, какими онъ, по своему разумнію, служилъ опредѣленнымъ идеямъ. Онъ даже не всегда былъ достаточно разборчивъ въ формѣ, затѣмъ былъ готовъ къ второстепеннымъ компромиссамъ на дѣлѣ. Въ способѣ выраженія, въ формѣ, не всегда воздерживался отъ оборотовъ, которые вовсе не приносили ему той пользы, какую онъ имѣлъ въ виду, но наносили его изданію нравственный вредъ—въ наружныхъ самопротиворѣчіяхъ. Повторяемъ, онъ былъ оппортьюнистъ. Но надо же согласиться о значеніи словъ. Допускать иногда компромиссы, уступки въ формѣ, но повѣка неизмѣнно служить одному общему направленію—это, можетъ быть, оппортьюнизмъ, и это никакъ не отреченіе отъ прежнихъ своихъ идей, не поношеніе въ теченіе послѣдняго періода дѣятельности всего того, чему публицистъ служилъ въ первую ея половину.

Краевскій во всю свою долгую жизнь несомнѣнно служилъ одному направленію въ литературѣ. И когда говорятъ о нажитомъ имъ миллионѣ, нельзя не напомнить, что онъ принесъ и жертвы, весьма даже значительныя, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ для него смыслѣ, и что если бы онъ былъ не болѣе, какъ коммерческій предприниматель, то легко могъ бы ихъ избѣгнуть. Нельзя же не принимать въ соображеніе обстоятельства времени и мѣста. Всякъ изъ насъ, конечно, можетъ имѣть свой взглядъ относительно каждаго отдѣльнаго случая, когда съ обстоятельствами приходится считаться. Всякъ воленъ думать о себѣ, что онъ былъ бы среди тѣхъ же обстоятельствъ тверже и разборчивѣе въ словахъ. Но никто не можетъ справедливо отказать Краевскому въ признаніи, что свои уступки покойный дѣятель совершалъ именно и только какъ уступки, что на преувеличенныя иногда оговорки онъ смотрѣлъ, все-таки, какъ на оговорки, а что направленіе, въ которомъ онъ шелъ всю жизнь и которому служилъ своимъ трудомъ и организаціею массы чужихъ силъ, въ томъ числѣ многихъ плодотворныхъ и блестящихъ,—было всегда одно. Въ исторіи русской журналистики онъ современемъ займетъ мѣсто весьма видное и болѣе высокое, чѣмъ многіе теперь полагаютъ.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Возможная густота населенія въ тропическихъ странахъ.

Вопросъ о возможной густотѣ населенія, при которой человѣкъ можетъ безбѣдно существовать, нерѣдко составлялъ предметъ изслѣдованій ученыхъ, но еще чаще онъ озабочивалъ государственныхъ людей.

Мнѣнія о томъ, при какой густотѣ населенія человѣку становится тѣсно, конечно, очень расходятся. Проф. Тимирязевъ старался опредѣлять, при какой густотѣ населенія будетъ достигнута граница, возможная при существующемъ количествѣ солнечнаго свѣта,—граница, конечно, далеко превосходящая населенность даже окрестностей большихъ городовъ, не говоря уже о нѣжныхъ странахъ.

Съ другой стороны, американскій сваттеръ, видя издали дымъ чужаго жилища, говоритъ женѣ: «Намъ пора умядываться и идти далѣе,—тѣсно становится»; точно также и русскіе жители одного изъ селеній около озера Иссыкъ-Куль, живущіе въ своемъ пользованіи болѣе 200 десятинъ на душу, говорили покойному Пржевальскому: «Намъ живется пока недурно, но тѣсно становится,—нельзя ли, ваше превосходительство, земли прірѣзать?»

Путешествія по тропическимъ странамъ Азіи и Америки дали мнѣ возможность ознакомиться съ условіями жизни въ этихъ мѣстностяхъ, гдѣ несомнѣнно можетъ жить болѣе густое населеніе, чѣмъ въ среднихъ и высшихъ широтахъ, и, притомъ, жить безбѣдно.

Спѣшу замѣтить, что я, конечно, не думаю разбирать условій жизни и возможной густоты населенія не только въ большихъ городахъ, но и въ странахъ небольшихъ и преимущественно промышленныхъ, вроде Англии и Бельгіи,—странахъ, ввозящихъ значительную долю питательныхъ продуктовъ, нужныхъ для населенія.

Я нахренъ остановиться на условіяхъ странъ, гдѣ населеніе ввозитъ менѣе питательныхъ продуктовъ, чѣмъ вывозитъ,—гдѣ, слѣдовательно, территория страны прокармливаетъ населеніе.

Выборъ тропическихъ странъ, конечно, оправдывается тѣмъ, что ихъ естественныя условія благоприятны для производства массы продуктовъ растительнаго царства, служащихъ пищей человѣку и его домашнимъ животнымъ.

Въ данномъ случаѣ для насъ работаетъ могучая сила—солнечный лучъ, и, конечно, страны, получающія большее количество солнечнаго свѣта, въ состояніи произвести и большую массу растительныхъ продуктовъ. Годовая сумма получаемаго солнечнаго свѣта и тепла возрастаетъ непрерывно отъ полюсовъ къ экватору, такъ что если принять количество солнечнаго тепла, получаемое на экваторѣ, равнымъ 100, то подъ 20° сѣверной и южной широты получится 95, подъ 40° сѣверной и южной широты 79, подъ 60° сѣверной и южной широты 57, на полюсахъ 42.

Но это не все. Въ тропикахъ температура такъ высока въ теченіе цѣлаго года, что если влаги достаточно, то растительность находится въ полномъ развитіи въ теченіе цѣлаго года, слѣдовательно, существуютъ благоприятныя условія для пользованія солнечнымъ свѣтомъ, а въ нашихъ широтахъ значительная часть этого свѣта пропадаетъ бесполезно для растений, такъ какъ низкая температура воздуха мѣшаетъ растительнымъ процессамъ.

Изъ двухъ условій, нужныхъ для растительной жизни, безъ которыхъ невозможны растительные процессы, тепла и влаги, человѣкъ не можетъ доставить первое большимъ пространствамъ полей, а воду можетъ. Оранжереи и даже парники не имѣютъ значенія для питанія человѣчества, а искусственно орошенные поля занимаютъ многія тысячи квадратныхъ верстъ и производятъ миллиарды пудовъ растительной пищи.

Извѣстно, что Гумбольдтъ, по возвращеніи изъ тропической Америки, пришелъ къ заключенію, что населеніе тропическихъ странъ можетъ сгуститься въ размѣрахъ совершенно невысказанныхъ въ Европѣ, благодаря массѣ питательныхъ продуктовъ, доставляемыхъ бананами. Авторитетъ знаменитаго нѣмецкаго ученаго былъ такъ великъ, что вопросъ считался рѣшеннымъ, и противники ученія Мальтуса могли успокоиться на томъ, что если въ Европѣ густота населенія часто слишкомъ велика, то избытокъ легко можетъ найти мѣсто въ тропическихъ странахъ, гдѣ требуется самый незначительный трудъ для обезпеченія человѣка пищей.

Въ 70-хъ годахъ появилась книга французскаго инженера Леви о Никарагуѣ. Авторъ занялся и вопросомъ, возбужденнымъ Гумбольдтомъ, но пришелъ къ совершенно инымъ результатамъ.

Собравъ точныя свѣдѣнія о количествѣ плодовъ, которое можетъ дать банановое дерево съ единицы площади, и принимая во вниманіе питательность банана, онъ пришелъ къ заключенію, что бананы далеко не могутъ прокормить такое густое населеніе, какъ предполагалъ Гумбольдтъ. Разногласіе произошло отъ того, что Гумбольдтъ довольствовался немногими, довольно поверхностными свѣдѣніями, если не сочиненными, то, во всякомъ случаѣ, свѣдѣніями о наибольшей производительности банана, и неосторожно примѣнилъ ихъ къ обширнымъ площадямъ, а Леви собралъ свѣдѣнія о действительныхъ урожаяхъ за продолжительный періодъ.

Но если бы даже цифры, сообщаемыя Гумбольдтомъ, были не максимальныя, а среднія, то его выводъ былъ бы несомнѣнъ потому, что

бананы не могутъ быть главною пищею культурнаго человѣка, а годны лишь какъ дополненіе къ пищѣ, какъ у насъ овощи и плоды. Люди, питающіеся исключительно или главнымъ образомъ бананами, ослабѣваютъ физически и умственно. На всемъ пространствѣ тропической Азіи и Америки съ сосѣдними островами, гдѣ живутъ такіе разнообразныя народы, нигдѣ населеніе, которое можетъ быть названо хотя нѣсколько культурнымъ, не питается исключительно или главнымъ образомъ бананами.

Во многихъ тропическихъ странахъ человѣкъ употребляетъ довольно много животной пищи, а тамъ, гдѣ его пища почти исключительно растительная, главную часть ея составляютъ зерновые хлѣба,—въ тропической Америкѣ употребляется всего болѣе кукурузы, въ тропической Азіи важнѣйшая пища человѣка—рисъ.

Я посѣтилъ значительную часть какъ тропической Америки, такъ и тропической Азіи и не встрѣчалъ населеній, питающихся, главнымъ образомъ, бананами, но по отчетамъ европейскихъ путешественниковъ такіе люди существуютъ, наприм., въ Колумбіи (Новой Гранады), а именно негры и мулаты, живущіе въ нѣкоторыхъ жаркихъ долинахъ этой республики. Эти люди стоятъ на чрезвычайно низкомъ уровнѣ цивилизаціи и не только не прогрессируютъ, но все болѣе дичаютъ, и населеніе округовъ, питающееся бананами, не увеличивается.

Бананы, очевидно, не довольно питательны для того, чтобы человѣкъ, исключительно живущій ими, былъ способенъ къ значительному физическому или умственному труду. Съ другой стороны, легкость добыванія пищи, въ случаѣ питанія бананами, не развиваетъ предприимчивости и предусмотрительности и объясняетъ низкій уровень населенія, питающагося бананами.

Многолѣтній опытъ жаркихъ странъ Азіи показалъ, что и въ тропикахъ для цивилизованныхъ человѣческихъ обществъ необходимы колосовые хлѣба, и тамъ издавна отдали предпочтеніе тому изъ нихъ, который способенъ давать обильные урожаи при достаточномъ орошеніи, именно рису. Относительно этого хлѣба мы знаемъ, что онъ не только даетъ обильные урожаи, но что эти урожаи довольно прочны; знаемъ также, что онъ составляетъ главную пищу сотенъ милліоновъ людей, достигшихъ довольно высокой цивилизаціи уже тысячи двѣ или болѣе лѣтъ тому назадъ. Относительно производительности риса мы имѣемъ многочисленныя статистическія данныя о среднихъ урожаяхъ, которыя могутъ послужить прочнымъ основаніемъ для вычисленій. Дѣлая ихъ, я, конечно, не упускаю изъ вида, что: 1) въ тропической Азіи человѣкъ не питается однимъ рисомъ; 2) въ странѣ не-промышленной вывозъ нѣкоторыхъ земледѣльческихъ продуктовъ даетъ средства на уплату податей и покупку промышленныхъ произведеній, особенно предметовъ одежды и желѣза во всѣхъ видахъ. Поэтому въ такихъ странахъ часть пространства непременно должна быть занята растеніями, дающими предметы вывоза.

Островъ Ява — единственная густонаселенная часть голландскихъ вла-

дѣній на дальнемъ Востокѣ, и такъ какъ населеніе острова, съ сосѣднимъ островомъ Мадурой, болѣе 21 милліоновъ, то мы здѣсь имѣемъ дѣло съ достаточно большими числами. Пространство Явы съ Мадурой 126 тысячъ квадратныхъ километровъ, густота населенія 167 человекъ на квадратную версту или 9,100 на квадратную географическую милю, т. е. равна густотѣ населенія Бельгіи и королевства Саксонскаго, самыхъ населенныхъ государствъ Европы.

Въ этихъ двухъ государствахъ болѣе половины населенія не-земледѣльческое, то же еще въ большей степени въ густо-населенныхъ частяхъ Англии, прирейнской Пруссіи, сѣверной Франціи. Эти страны вывозятъ массу продуктовъ горной и мануфактурной промышленности и ввозятъ хлѣбъ и другіе питательные продукты.

Иное дѣло—Ява. Она вывозитъ произведенія земледѣлія—кофе, сахаръ, чай, табакъ—и не имѣетъ значительной промышленности, кромѣ сахарныхъ заводовъ. Она ввозитъ главнѣйшія промышленныя произведенія, потребляемыя ея жителями, какъ предметы одежды и желѣзо во всѣхъ видахъ, она не имѣетъ залежей каменнаго угля и вообще горнаго дѣла, 80% ея населенія живутъ внѣ городовъ и почти всѣ земледѣльцы и ихъ семьи. Ява ввозитъ питательные продукты, но въ очень небольшомъ размѣрѣ, именно около 1% потребляемаго населеніемъ риса и немного соленой рыбы.

Мы, слѣдовательно, имѣемъ дѣло съ густо-населенною, но по преимуществу земледѣльческою страной.

Какъ ни велика на первый взглядъ населенность Явы, населеніе еще быстро увеличивается, слишкомъ на 1% въ годъ, и, притомъ, распредѣлено очень неравномѣрно. Двѣ резиденціи (губерніи) Баду и Багеленъ въ центрѣ острова имѣютъ населенность болѣе 400 жителей на квадратную версту, т. е. вдвое большую, чѣмъ Бельгія и королевство Саксонское, а на востокѣ и западѣ острова есть пространства совершенно не заселенныя, покрытыя густыми лѣсами.

Такъ, резиденція Баньюванги на крайнемъ востокѣ острова имѣетъ населенность менѣе 16 жителей на квадратную версту, т. е. немногимъ болѣе Минской губ. и приблизительно такую же, какъ Костромская. На западѣ Явы большая резиденція Преангеръ имѣетъ среднюю населенность всего съ небольшимъ 70 жителей на квадратную версту, но нѣкоторыя части ея населены очень густо, а около южнаго берега только начинается корчеваніе лѣса и поселеніе.

Для потребленія населенія Явы требуется среднимъ числомъ 238 килограммовъ (около 16 пудовъ) риса въ годъ на человѣка. Рисъ менѣе питателенъ, чѣмъ наши колосовые хлѣба, но населеніе питается далеко не однимъ рисомъ,—живности содержится довольно много, рогатый скотъ доставляетъ молочную пищу, мѣстами сѣется довольно много кукурузы и сорго, наконецъ, пища вездѣ разнообразится овощами и плодами. Извѣстный знатокъ Явы Юнгхунъ насчитываетъ до 100 видовъ плодовыхъ деревьевъ на

-островѣ, и сады (кампонги) вокругъ хижинъ занимаютъ значительныя пространства во всѣхъ селеніяхъ острова.

Рисовыя поля далеко не занимаютъ такого большого пространства, какое можно бы предположить, зная, какъ густо населенъ островъ, и что рисъ—главная пища населенія. Лишь въ одной резиденціи Самарангъ $\frac{1}{3}$ пространства подъ рисовыми полями, въ двухъ, наиболѣе густо-населенныхъ, Каду и Багеленъ, ихъ менѣе 30%, а въ мало-населенныхъ, по-здѣшнему, резиденціяхъ на востокѣ и западѣ острова—менѣе 10%. Ява гориста и поэтому не вездѣ можно воздѣлывать рисъ; но такъ какъ горы не высоки и между ними не мало обширныхъ долинъ и некрутыхъ горныхъ склоновъ, вполне пригодныхъ для риса, то несомнѣнно, что безъ особаго затрудненія 30% пространства можетъ быть засѣваемо рисомъ. Въ настоящее время около 6% риса разводится какъ второй посѣвъ и менѣе чѣмъ на 30% полей вообще производится какой-нибудь второй посѣвъ однолѣтнихъ растений. Между тѣмъ, климатъ такъ тепелъ, что второй посѣвъ всегда возможенъ, болѣею частью и третій, лишь недостаточное количество воды для орошенія обыкновенно исключаетъ рисъ изъ числа вторыхъ посѣвовъ, но, вмѣсто риса, можно сѣять кукурузу, сорго, въ болѣе высокихъ мѣстахъ и пшеницу. Эти растения даютъ возможность разнообразить пищу человѣка и давать добавочный питательный кормъ рабочему скоту; обыкновенно, скотъ, конечно, на пастбищѣ. Недостатокъ воды для орошенія нужно понимать въ томъ смыслѣ, что существующіе каналы не даютъ достаточно воды, но на островѣ выпадаетъ такое большое количество дождя, что при цѣлесообразномъ пользованіи водою рѣкъ и ручьевъ и устройствѣ запрудъ для задержанія дождевой воды на половинѣ рисовыхъ полей острова можно было бы получать два урожая этого злака.

На вопросъ о рациональномъ воздѣлываніи риса обращено въ настоящее время серьезное вниманіе правительства Голландской Индіи и съ начала 70-хъ годовъ производится рядъ опытовъ рациональной культуры риса, притомъ отдають предпочтеніе такимъ приемамъ, которые не требуютъ сложныхъ и дорогихъ орудій, т.-е. приемамъ, доступнымъ населенію.

Начало дѣлу положилъ извѣстный на Явѣ сельскій хозяинъ и знатокъ туземной жизни Карлъ Холле, который изложилъ мнѣ ходъ дѣла и познакомилъ съ достигнутыми успѣхами.

Нужно замѣтить, что вездѣ, гдѣ воздѣлываніе риса ведется рационально, растение высѣвается въ питомникахъ и черезъ мѣсяць или 6 недѣль пересаживается на поля, что даетъ возможность сажать его такъ рѣдко, чтобы оно кустилось, и, притомъ, не бояться, что останутся пустые промежутки.

Остальные приемы, которые стараются ввести на Явѣ, сводятся, главнымъ образомъ, къ надлежащему приготовленію поля, къ истребленію сорныхъ травъ, затѣмъ къ удобренію поля всѣми доступными веществами, особенно человѣческими изверженіями, и къ спуску воды съ поля въ извѣстные промежутки времени.

Всѣ эти приемы я нашелъ въ общемъ употребленіи въ Японіи, гдѣ они

несомнѣнно заимствованы изъ Китая, и въ обѣихъ странахъ они, такъ сказать, вошли въ плоть и кровь народа, и, притомъ, всѣ эти усовершенствованія достигнуты помощью очень простыхъ и дешевыхъ орудій, но, конечно, прибавимъ, требуютъ затраты большаго количества человѣческаго труда. Эти приемы до того принялись, что во время продолжительнаго путешествія по Японіи лѣтомъ и осенью мнѣ не случилось видѣть ни одного поля, заросшаго сорными травами на островахъ Ниппонъ (Хондо) и Кіусіу, а случилось видѣть лишь разъ на о. Ессо (Хоккайдо), и, притомъ, на казенной образцовой фермѣ. Это было поле, засѣянное лучшею американскою пшеницей и обработанное лучшими, самыми дорогими европейскими и американскими орудіями. Японскіе земледѣльцы, смотря на это поле, говорили, что, конечно, оно для нихъ очень полезно, показывая, *какъ не надо вести хозяйство*, но что, къ сожалѣнію, это поученіе стодѣтъ правительству очень дорого.

На Явѣ правительство поступаетъ рациональнѣе, испытывая приемы, доступные земледѣльцамъ и вѣдущіе къ цѣли, давно принятые въ культурныхъ странахъ восточной Азіи.

Извѣстно, что въ Китаѣ въ прежнія времена существовало казенное вѣдомство земледѣлія, имѣвшее огромное значеніе, но впоследствии оно было упразднено, такъ какъ земледѣльцы достаточно научились всѣмъ необходимымъ приемамъ.

Возвращаясь къ возможной густотѣ населенія на о. Явѣ. Еслибъ 30% пространства острова было занято рисомъ, какъ первымъ посѣвомъ, то пространство рисовыхъ полей было бы 3.600,000 десятинъ, что вполне возможно, и, при этомъ, на трети этого пространства можно было бы получать два урожая риса въ годъ.

Каковъ же возможный и сравнительно легко достижимый урожай съ такого пространства?

Уже въ настоящее время въ плодородной и хорошо орошенной резиденціи Пассуруанъ средній урожай риса 51 пиккуль на бау (bauw), что на наши вѣса и мѣры составляетъ около 280 пудовъ съ десятины, а за исключеніемъ сѣмянъ—около 270 пудовъ.

Такого средняго урожая вполне возможно достигнуть и въ другихъ частяхъ острова,—конечно, не сразу, а лѣтъ черезъ 40—50.

При такомъ среднемъ урожаѣ сборъ на всемъ островѣ былъ бы 1,296 миллионъ пудовъ; а такъ какъ на прокормленіе жителя требуется 16 пудовъ, то этого количества было бы достаточно для пропитанія 81 милліона жителей.

Затѣмъ около 1.800,000 десятинъ, т.-е. 15% пространства острова, можетъ быть занято хлѣбными злаками, идущими на пищу человѣку и не требующими искусственнаго орошенія, особенно кукурузой и сорго. Подъ ними можетъ быть и $\frac{1}{6}$ пространства рисовыхъ полей; здѣсь они были бы вторымъ посѣвомъ, слѣдовательно, подъ ними ежегодно было бы 2.400,000 десятинъ. Считаая средній урожай безъ сѣмянъ 90 пудовъ съ десятины, мы получимъ ежегодно 216 миллионъ пудовъ этихъ хлѣбовъ, что достаточ-

но для прокормленія $14\frac{1}{2}$ милліоновъ жителей,—итого, слѣдовательно, $95\frac{1}{2}$ милліоновъ для всего острова.

Кромѣ риса, кукурузы и сорго, население питалось бы животными продуктами, а также произведеніями садовъ и огородовъ, такъ какъ оставалось бы довольно мѣста для прокормленія животныхъ и отдѣленія достаточнаго пространства подъ сады и посѣвъ торговыхъ растений, необходимыхъ для того, чтобы доставить населенію мануфактурныя произведенія.

Главные предметы вывоза теперь—сахаръ и кофе, и они должны остаться главными и впредь. Поэтому я и предполагаю, что площадь, посвященная имъ, должна современемъ возрасти, именно площадь подъ сахарнымъ тростникомъ съ 50 тысячъ до 240 тысячъ десятинъ, т.-е. 2%, пространства острова, а подъ кофейнымъ деревомъ до милліона десятинъ, т.-е. до $8\frac{1}{2}$ % пространства острова. Оно всего производительнѣе въ горныхъ мѣстностяхъ высотой отъ 2 до 5 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря и превосходно растетъ даже на довольно крутыхъ склонахъ, а такихъ мѣстъ на островѣ довольно, особенно въ западной части его, и, притомъ, они не годятся для воздѣлыванія риса.

Распредѣленіе культуръ, въ такомъ случаѣ, было бы слѣдующее:

30%—первый посѣвъ риса, второй на одной трети рисъ, затѣмъ торговыя растения—индиго и табакъ, частью питательные продукты—кукуруза и сорго.

15%—подъ хлѣбами, кукурузой, пшеницей, сорго и кормовыми травами.

$8\frac{1}{2}$ %—подъ кофейными плантаціями.

2%—подъ плантаціями сахарнаго тростника.

Остается, слѣдовательно, еще $44\frac{1}{2}$ % пространства для другихъ культуръ, садовъ, пастбищъ, лѣсовъ, водъ и неудобныхъ мѣстъ.

Въ настоящее время избытокъ рожденій надъ смертностью такъ великъ на Явѣ, что население удваивается каждыя 30 лѣтъ. Такъ какъ перепись 1886 года дала почти 21 милліонъ жителей, то черезъ 60 лѣтъ съ небольшимъ оно достигнетъ приблизительно указаннаго выше предѣла, если будетъ продолжать увеличиваться столь же быстро, какъ теперь.

Это вполне возможно, такъ какъ средствъ для жизни населенія будетъ достаточно, если только постепенно будутъ вводиться улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ, притомъ, такія, которыя уже испробованы и на Явѣ, а въ Китаѣ и Японіи введены уже давно и вошли, такъ сказать, въ плоть и кровь населенія. Если, слѣдовательно, все пойдетъ такъ, то населеніе Явы въ 65 лѣтъ достигнетъ $95\frac{1}{2}$ милліоновъ и оно будетъ въ состояніи прокормиться и приобрести нужныя фабричныя произведенія. Густота населенія тогда была бы около 760 жителей на квадратную версту или 37 тысячъ на квадратную географическую милю, т.-е. четверо болѣе нынѣшней густоты населенія Бельгіи и королевства Саксонскаго.

Населеніе можетъ, слѣдовательно, достигнуть очень большой густоты въ теплыхъ и влажныхъ тропическихъ странахъ, а ихъ много на землѣ,

и почти всё заселены очень мало. Причины этой малой населенности слѣдует искать въ неумѣннѣ человѣка пользоваться дарами природы, въ отсутствіи знанія или умѣннѣ устроить свою жизнь.

Во многихъ тропическихъ странахъ съ самыми богатыми природными условіями человѣкъ совсѣмъ, можно сказать, не умѣетъ справиться съ природой, оставаясь рыболовомъ и охотникомъ. Здѣсь природа слишкомъ роскошна для слабаго умомъ или, точнѣе, знаніемъ человѣка; страны менѣе влажныя, съ менѣе роскошною растительностью, оказывались часто болѣе пригодными для человѣка. Этому три причины: 1) человѣку легче совладать съ менѣе роскошною растительностью; 2) обывновенно эти страны здоровѣе; 3) болѣе бѣдная природа заставляетъ человѣка работать не только физически, но и умственно.

Въ этихъ болѣе бѣдныхъ отъ природы тропическихъ странахъ развиваются народы, которые привыкли къ постоянно высокимъ температурамъ и затѣмъ оказываются способными заселять и влажныя тропическія страны и размножаться тамъ.

Индійскіе арійцы и помѣсь ихъ съ найденными на мѣстахъ туземными племенами—лучшее доказательство того, что замѣчено выше.

Ихъ культура развилась въ мѣстностяхъ, далеко не особенно роскошно одаренныхъ природой, по теченію Джамуны и верхнему и среднему теченію Ганга. Здѣсь, за исключеніемъ берега рѣкъ, нѣтъ и помина о роскошной тропической растительности,—для воздѣлыванія риса, хлопка, садовыхъ и огородныхъ растений требуется искусственное орошеніе.

И въ другихъ частяхъ Индіи, гдѣ человѣкъ достигъ высокой степени культуры и оставилъ замѣчательные памятники водчества, природа далеко не роскошна (наприм., въ Раджпутанѣ, Гужератѣ, нагорьѣ Деккана и т. д.), и во влажныхъ странахъ, съ роскошною естественною растительностью, какъ, наприм., у подножія Гималая и на западномъ берегу полуострова, человѣкъ сдѣлалъ очень мало. Впрочемъ, временами, мы до сихъ поръ не знаемъ, при какихъ условіяхъ индусы оказались способными распространить свою культуру и въ странахъ, довольно отдаленныхъ отъ Индіи и, притомъ, влажныхъ, роскошно одаренныхъ природой, но здѣсь индійская культура существовала недолго и, вѣроятно, лишь высшіе классы были индійскіе арійцы, а масса населенія—туземцы.

Двѣ страны особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи—Камбоджа (въ рѣчной области Меконга на Заганскомъ полуостровѣ) и средняя часть Явы.

Въ первой необыкновенно красивыя памятники архитектуры находятся въ огромныхъ лѣсахъ, нынѣ почти не населенныхъ. Исторія культуры этой страны почти совсѣмъ неизвѣстна; мы знаемъ только, что высшіе классы были индійскаго происхожденія и что время здѣшней культуры — среднѣе вѣка. Въ концѣ среднихъ вѣковъ были построены и замѣчательные храмы средней части Явы; здѣсь также были индусы и ихъ государства были завоеваны малайцами-мусульманами въ XV и XVI столѣтіяхъ.

Въ восточной Явѣ, также на мѣстѣ прежнихъ храмовъ и дворцовъ, вы-

росли густые лѣса, а въ средней погибъ лишь цвѣтъ культуры, а масса населенія продолжала воздѣлывать землю. Войны и междоусобія, вѣроятно, очень сильно разредили населеніе и оно стало быстро размножаться лишь съ того времени, какъ голландцы водворили миръ и порядокъ.

Въ тропической Америкѣ, какъ извѣстно, культура возникла также въ странахъ, далеко не богато-одаренныхъ природой, а въ низменностяхъ съ роскошною растительностью жили и живутъ дикари, или если культура и возникла, то очень не надолго, а затѣмъ эти страны опять пусты и заросли густымъ лѣсомъ, — наприм., развалины Паленне находятся въ такихъ условіяхъ.

Понятно поэтому, что до сихъ поръ нигдѣ не было условій для такой густоты населенія, какая вполне возможна въ богато-одаренныхъ природой тропическихъ странахъ. Цивилизація въ нихъ была слишкомъ непрочна. Даже въ странахъ менѣе богатыхъ, гдѣ цивилизація утвердилась прочнѣе, войны, междоусобія и злоупотребленія чиновниковъ вели къ уменьшенію населенія, послѣ болѣе или менѣе короткихъ періодовъ мира и хорошаго управленія.

Поэтому громадныя эксперименты *in anima vili*, которые производятся англичанами и голландцами въ ихъ азіатскихъ тропическихъ владѣніяхъ, достойны самаго серьезнаго вниманія и изслѣдованія.

Изъ всѣхъ этихъ странъ о. Ява наиболѣе соотвѣтствуетъ цѣли, какую я здѣсь имѣю въ виду, какъ страна, богато-одаренная природою и гдѣ европейскіе завоеватели нашли уже довольно многочисленное земледѣльческое населеніе. На первыхъ порахъ достаточно было оградить его отъ тѣхъ невзгодъ, которыя вели къ уменьшенію населенія. Голландцы сдѣлали это въ собственныхъ интересахъ — и населеніе острова учетверилось съ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія. Затѣмъ наступила очередь мѣръ, о которыхъ упомянуто выше.

Остальныя обширныя владѣнія голландцевъ на Малайскомъ архипелагѣ имѣютъ населеніе менѣе многочисленное, чѣмъ одна Ява. Притомъ, это населеніе еще такъ мало культурно, что не можетъ быть и рѣчи о значительномъ размноженіи населенія. Исключенія такъ рѣдки и незначительны: небольшая часть западной Суматры, малыя Молуккскіе острова и сѣверо-восточная часть Целебеса, что въ счетъ не идутъ.

Несомнѣнно, однако, что то, что происходитъ на такомъ значительномъ пространствѣ, какъ о. Ява, не можетъ считаться исключеніемъ и что во многихъ обширныхъ тропическихъ странахъ населеніе можетъ жить въ довольствѣ и не нуждаться въ привозѣ питательныхъ продуктовъ при такой густотѣ, которая немыслима въ среднихъ широтахъ.

Для этого требуется присутствіе земледѣльческаго населенія, привычнаго къ климату, и не только огражденіе его отъ невзгодъ, которыя такъ часто ведутъ къ уменьшенію населенія, но и разумная заботливость правительства о нуждахъ населенія, такъ какъ въ тропикахъ нельзя ожидать самостоятельности отъ массы населенія. Мѣста еще много для человѣка въ

тропикахъ, населеніе можетъ умножиться до огромныхъ размѣровъ и жить въ довольствѣ, но для этого не достаточно посадить нѣсколько банановыхъ деревьевъ и отдыхать на лаврахъ, а нужно положить много труда, и не только физическаго, но и умственнаго.

Предвижу одно возраженіе и потому впередъ отвѣчаю на него. Въ Китаѣ земледѣліе достигло того совершенства, какое должно повести къ предположенной густотѣ населенія на о. Явѣ, культура очень древняя—и, однако, нѣтъ такой густоты населенія.

На это много причинъ, какъ природныхъ, такъ и историческихъ. Начать съ того, что естественныя условія Китая далеко не такъ благоприятны. Менѣе половины страны находится въ полосѣ воздѣлыванія риса, да и тамъ возможенъ лишь одинъ сборъ его въ годъ и не вездѣ хватаетъ воды, поэтому во многихъ областяхъ Китая населеніе питается растеніями менѣе урожайными, чѣмъ рисъ. Въ этихъ условіяхъ находятся особенно сѣверо-западные области собственного Китая,—области, гдѣ возникло китайское государство. Лѣссовая почва ихъ очень плодородна, но искусственное орошеніе возможно лишь въ очень малыхъ размѣрахъ, и отъ времени до времени, какъ въ 1876—78 годахъ, бываютъ засухи, сопровождаемыя голодомъ, причѣмъ погибаютъ милліоны людей. Безопасность жизни и имущества далеко не ограждена, особенно во время частыхъ междоусобій, когда погибаютъ милліоны людей, какъ еще недавно, во время возстаній тайпинговъ и дунганей. Вырѣзываются жители цѣлыхъ городовъ и селеній, а опустошеніе полей ведетъ къ гибели еще большаго числа людей отъ голода.

Счастливое время мира и спокойствія отъ конца XVII столѣтія до половины XIX повело къ огромному увеличенію населенія Китая; то же можно замѣтить о послѣднемъ 15-ти лѣтнемъ періодѣ.

Если уже въ Китаѣ, несмотря на менѣе благоприятныя естественныя условія, особенно на сравнительно суровый климатъ, возможно густое населеніе, то насколько оно можетъ быть гуще во влажныхъ тропическихъ странахъ?

А. Восойковъ.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Новые театры и драматическія школы.—Частныя драматическія труппы.—Театръ г. Корша: комедія Н. Северина (Н. И. Мердеръ) *Насѣдка*.—*Гроза*, Островскаго, *Донъ-Карлосъ*, Шиллера, *Мизантропъ*, Мольера, *Тревожное счастье*, К. В. Назарьевой, въ театрѣ г-жи Горевой.—„Новый драматическій театр“ г-жи Абрамовой: *На всякаго мудреца довольно простоты* и *Бышняя денги*, Островскаго; *Итоги прошлоаго*, комедія А. Ѳ. Ѳедотова; *На встрѣчу счастья*, драма Н. О. Рахшанина.—Малый театръ: *Въ селѣ Знаменскомъ*, пьеса Вл. А. Александрова.

Справедливо говорятъ, что мы, русскіи люди, ни въ чемъ мѣры не знаемъ: на музыку накинемся, такъ чужой человѣкъ подумаетъ, будто музыкальнѣе насъ нѣтъ народа въ свѣтѣ; театрами увлечемся, такъ надѣлаемъ ихъ столько, что потомъ самимъ смѣшно станеть. Въ нынѣшнемъ году насъ на театры позвало, и вотъ въ Москвѣ, кромѣ казенныхъ Большаго и Малаго, объявились театры: г. Корша, г-жъ: Горевой и Абрамовой, бывший «Скоморохъ», г. Парадиза, театръ въ домѣ Мошнина, театръ общества искусства и литературы въ д. Гинцбурга на Тверской, театръ въ д. Нѣмчинова, постоянная сцена въ Нѣмецкомъ клубѣ,—итого одиннадцать театровъ. И дѣлается это совершенно серьезно, можно сказать даже основательно, съ расчетомъ на долгую и блестящую будущность, что доказыаается числомъ школъ сценическаго искусства, открывшихся въ прошедшемъ и въ нынѣшнемъ годахъ. На первое мѣсто опять-таки поставимъ казенныя школы: Императорское театральное училище, Императорская консерваторія, музыкально-драматическое училище филармоническаго общества подъ дирекціей г. Шостаковскаго, такая же школа общества искусства и литературы подъ дирекціей г. Коммиссаржевскаго, такая же—г-жи Леоновой, потомъ г. Ѳедотова, драматическіе классы г. Невѣжина, классы балетныхъ и иныхъ танцевъ г-жи Гейтенъ,—итого восемь школъ, изъ коихъ семь съ чисто-драматическими классами. Мало этого, до сихъ поръ были въ Москвѣ двѣ крохотныя газетки: *Театръ и Жизнь* и *Вѣстникъ*, представлявшія печатаніемъ театральныхъ программъ съ сокращеннымъ изложеніемъ содержанія пьесъ. Съ началомъ нынѣшняго сезона народилось еще два толстыхъ «музыкально-театральныхъ» журнала—одинъ, издаваемый г. Куманинымъ, другой—г. Разсохинымъ. Вотъ какова наша матушка Москва!

Звали ее древле «бѣлокаменною», не назовутъ ли ее вновь «музыкально-драматическою»? Правда, нѣкоторые мрачно настроенные обыватели вопрошаютъ злобѣще: которыя изъ драматическихъ и музыкально-драматическихъ антрепризъ сценическаго и школьнаго дѣла обречены на погибель? Мы считаемъ такіе вопросы не только печальными, но и праздными, ибо знаемъ, что ничто не вѣчно подъ луною и что «наша жизнь коротка». Такъ это въ назиданіе публики и пронисано на одномъ изъ одиннадцати театральныя завѣсовъ на латинскомъ языкѣ: «Vita brevis, ars longa». Вспоминаемъ мы эту сентенцію и въ томъ находимъ себѣ утѣшеніе, — если та или другая антреприза и покончитъ свое существованіе, мы скажемъ: «*quiescat*», и пойдѣмъ въ другой театръ съ душою, успокоенною тѣмъ, что «*ars longa*» и не погибнетъ искусство отъ крушенія одной изъ антрепризъ. Мы не знаемъ и не беремся рѣшать, должна ли непременно которая-нибудь изъ нихъ погибнуть. А вотъ это мы знаемъ, что, несмотря на ихъ многочисленность, самой-то нужной и нѣтъ между ними, — нѣтъ дешеваго, общедоступнаго народнаго театра. Нѣкоторымъ восполненіемъ этого пробѣла являются праздничные спектакли по удешевленнымъ цѣнамъ. Чисто-«народнаго» репертуара у насъ пока нѣтъ, и содѣлать его трудно, если не совсѣмъ невозможно. Мы думаемъ, что объ этомъ не слѣдуетъ даже особенно хлопотать, что надо только сдѣлать театры доступными для народа и тогда репертуаръ создастся самъ собою. Изъ существующаго репертуара можно выбрать многое, подходящее для народнаго театра; нежелательно, однако же, чтобы дирекціи театровъ подлаживались и подыгрывались модѣ вкуса, и необходимо, чтобы дирекціи никогда не упустили изъ вида воспитательнаго значенія сцены и помнили бы, что далеко не одно новое хорошо и пригодно въ этомъ случаѣ.

Обиліе театровъ вызвало и небывалое у насъ множество новыхъ пьесъ и новыхъ драматурговъ. Спросъ создалъ предложеніе и оживилъ «производство», къ сожалѣнію, лишь въ количественномъ отношеніи и, повидимому, не безъ ущерба для качества предлагаемаго «товара», а равно и для самого искусства. Въ борьбѣ за существованіе, увлекаемые конкуренціей, театры вынуждены напрягать всѣ усилія къ заманиванію публики, и полагаютъ они, не безъ основанія, что ничѣмъ нельзя такъ завлечь посѣтителей, какъ новинками. И вотъ театры г. Борша и г-жъ Горовой и Абрамовой взялись «отжаривать» каждый еженедѣльно по одной новой пьесѣ, не задумываясь надъ вопросомъ, чѣмъ они угощаютъ публику, — какою авторскою и актерскою стряпней. Да имъ, въ сущности, задумываться и некогда, и не надъ чѣмъ, приходится на перебой хватать что подѣ руку попало и взапуски другъ передъ другомъ ставить пьесы наскоро, какъ попало. Едва мѣсяць прошелъ съ начала театральнаго сезона, какъ результаты уже обнаружались весьма печальныя во многихъ отношеніяхъ, а будущее обѣщаетъ еще горшіе плоды антрепренерской конкуренціи. За новыми пьесами и за драматургами остановка, конечно, не будетъ; въ этомъ мы уже успѣли убѣдиться; къ тому же, всѣмъ давно извѣстно, что «война рождаетъ героевъ»,

иногда—такъ даже и героинь. Въ той «веселой войнѣ», которая теперь началась у насъ между частными театрами, уже успѣли заявить себя двѣ дамы, г-жа Назарьева и г-жа Мердеръ, писавшая романы и повѣсти подъ псевдонимомъ «Н. Северианъ». Объ ихъ драматическихъ произведеніяхъ наша публичность будетъ впереди, а пока попытаемся опредѣлить, съ какими девизами и съ какими средствами выступаютъ соперники на свою «веселую войну». Нѣкій великій полководецъ сказалъ, что «для войны нужны, во-первыхъ, деньги, во-вторыхъ, деньги, и, въ-третьихъ, деньги». Театральная «веселая война» требуетъ, разумѣется, тоже денегъ, и очень большихъ денегъ. Но мы не станемъ касаться этой стороны дѣла: если идутъ люди воевать, не будучи ничѣмъ къ тому вынужденными, стало быть, денегъ у нихъ много—дѣвать некуда; мы говоримъ объ иныхъ средствахъ—объ артистическихъ и художественныхъ силахъ.

Г. Коршъ выступаетъ на борьбу достаточно умудренный опытомъ предшествовавшихъ годовъ и съ сознаниемъ права громко повторить слова, написанныя на занавѣсѣ его театра: «*faciant meliora potentes!*» Никакихъ программъ г. Коршъ не обнародовалъ и будущаго репертуара не опубликовывалъ. Но публика знаетъ г. Корша, и г. Коршъ знаетъ *свою* публику. У его театра есть *своя* публика, которая его ни на кого и ни на что не прощяняетъ. Такое обособленіе публики едва ли можетъ содѣйствовать успешнѣйшему драматическаго искусства, за то служить надежнымъ ручательствомъ за прочность дѣла, которое, къ тому же, и ведется очень умѣло. У г. Корша отличный режиссеръ, извѣстный москвичанъ г. Аграмовъ; серьезные потери, которыя испытала труппа съ уходомъ гг. Давыдова, Биселовскаго и нѣкоторыхъ другихъ артистовъ, не могли быть пополнены всездѣло; но за то труппа сдѣлала и очень солидныя приобрѣтенія въ лицѣ г-жъ Журавлевой и Потоцкой, гг. Медвѣдева и Людвигова. Г-жа Журавлева пользуется заслуженною извѣстностью на провинціальныхъ сценахъ; г-жа Потоцкая, молодая, только что начинающая артистка изъ класса г. Правдина (въ школѣ г. Шостаковскаго), очень симпатична и подаетъ большія надежды. Къ слову, нашъ ей добрый совѣтъ: не увлекаться дешевыми успѣхами и не гоняться за аплодисментами, вызываемыми актерскими «штучками», къ чему имѣютъ замѣтную и весьма неодобрительную склонность нѣкоторыя изъ ея товарищей-артистокъ. Г. Медвѣдевъ—опытный и талантливый артистъ, довольно долго служившій на петербургской Императорской сценѣ. Г. Людвиговъ пользовался успѣхомъ въ провинціи и имѣетъ всѣ данныя на то, чтобы занять видное мѣсто и на столичной сценѣ. Г-жи: Глама-Мещерская, Красовская, Мартынова, Кошова, Будрина и гг.: Вязовскій, Градовъ-Соколовъ, Солонинъ, Шмитгофъ—настолько старые знакомцы московской публики, что говорить о ихъ значеніи въ труппѣ г. Корша было бы совершенно излишнимъ.

По старшинству существованія, слѣдующее за театромъ г. Корша мѣсто принадлежитъ театру Е. Н. Горевой, помѣщающемся въ домѣ Лянозова. Сама г-жа Горева извѣстна московской публикѣ по тѣмъ спектаклямъ, ко-

торые она давала заѣздами въ Москву съ случайно набранною труппой. Г-жа Горева играла тогда лишь свой репертуаръ, т.-е. себя показывала въ главныхъ роляхъ, подобно Рашель, Ристори и Сарѣ Бернар; остальная труппа состояла при ней только для обстановки. Этимъ, впрочемъ, и ограничивалось сходство г-жи Горевой съ Рашель, Ристори и Сарѣ Бернар. Принимаясь за настоящую театральную антрепризу, г-жа Горева рѣшила, повидимому, вопросъ о репертуарѣ совершенно обратно тому, какъ рѣшаетъ его г. Боршъ и всякій другой обыкновенный антрепренеръ. Всѣ полагаютъ, будто надо играть лишь такія пьесы, которыя по силамъ данной труппѣ; а г-жа Горева находитъ, что нѣтъ никакого основанія сообразоваться съ силами артистовъ и что слѣдуетъ давать пьесы, ничуть не стѣсняясь такими мелочами. Отрывая постоянный драматическій театръ, она заявила, что репертуаръ ея сцены будетъ, по преимуществу, «классическій», и въ теченіе сентября мѣсяца уже поставила драму Шиллера *Донъ-Карлосъ, инфантъ испанскій*, и комедію Мольера *Мизантропъ*. Г-жа Горева не одна, впрочемъ, держится вышеприведеннаго мнѣнія о независимости репертуара отъ состава труппы. Очевидно, его вполне раздѣляетъ П. Д. Боборыгинъ, завѣдывавшій въ ея театрѣ «репертуарною и художественною частью». Того же мнѣніе держатся и нѣкоторые театральные критики московскихъ газетъ. Весьма желательно, конечно, ознакомить русское общество съ лучшими произведеніями литературы и искусства чужихъ странъ; но не менѣе желательно, чтобы ознакомленіе совершалось при посредствѣ хорошихъ репродукцій, будь то въ переводахъ, въ копіяхъ съ картинъ или въ сценическихъ представленіяхъ. И совсѣмъ нежелательно, по нашему мнѣнію, знакомить публику съ европейскими классиками посредствомъ воспроизведенія ихъ твореній въ формахъ, не соответствующихъ значенію и достоинству оригиналовъ. Можно, конечно, спорить о томъ, что лучше — полное незнакомство съ образцовымъ произведеніемъ или невѣрное о немъ понятіе, полученное по неудовлетворительной его репродукціи. Мы думаемъ, что лучше не имѣть никакого понятія о Рафаэлѣ, чѣмъ составить себѣ представленіе о его картинахъ по хромолитографіямъ, олеографіямъ или даже по тѣмъ копіямъ, которыя малюютъ масляными красками ремесленники-мазили въ итальянскихъ музеяхъ. Для ознакомленія съ произведеніями великихъ художниковъ могутъ служить только гравюры знаменитыхъ мастеровъ и фотографіи. Знакомство съ произведеніями славныхъ драматурговъ должно ограничиваться чтеніемъ ихъ въ хорошихъ переводахъ тѣми, кому недоступны подлинники, до тѣхъ поръ, пока не найдется одного или нѣсколькихъ артистовъ, достаточно сильныхъ талантомъ, чтобы надлежащимъ образомъ воспроизвести одну или нѣсколько первенствующихъ ролей. Такъ поступали Рашель и Ристори, Олбриджъ, Мочаловъ, Каратыгинъ, такъ поступаютъ Россіи, Поссартъ, Барнай; то же самое пытаются сдѣлать Г. Н. Федотова, М. Н. Ермолова, А. П. Ленскій, когда берутся за Шекспира и Шиллера. Но, вѣдь, это все очень большіе таланты, и воспроизводятъ они одну какую-нибудь роль. Публика такъ и

знать, и идетъ смотрѣть не драму или трагедію, а извѣстнаго артиста или артистку въ такой-то роли. Въ труппѣ же Е. Н. Горевой крупныхъ талантовъ пока не объявляется и нѣтъ даже сколько-нибудь извѣстныхъ артистовъ, кромѣ развѣ г. Петина, игравшаго нѣкоторое время на сценѣ г. Борша, но не особенно правившаяся московской публикѣ. Какова бы, впрочемъ, ни была труппа, мы, все-таки, думаемъ, что нельзя давать *Донъ-Карлоса, инфанта испанскаго*, безъ актеровъ на роли Донъ-Карлоса и маркиза Позы, безъ принцессы Эболи, безъ короля и королевы, безъ Доминго и даже безъ герцога Альбы, какъ это дѣлается въ театрѣ г-жи Горевой.

Москвичамъ совершенно неизвѣстно имя М. М. Абрамовой, открывшей третій частный драматическій театръ въ д. Бронникова, на Театральной площади; но за то въ ея труппѣ участвуютъ хорошо извѣстные нашей публикѣ и очень ею цѣнимые артисты: г-жи Глѣбова и Рыбчинская, гг. Киселевскій, Роцинъ - Исаровъ, Соловцовъ и перешедшій съ петѣбургской казенной сцены г. Зубовъ, превосходный комикъ. Режиссеромъ состоитъ весьма опытный въ этомъ дѣлѣ Н. Н. Соловцовъ. Въ газетной рекламѣ объ открытіи театра г-жа Абрамова объявила, что будетъ давать еженедѣльно пьесы Островскаго, ставить новыя пьесы оригинальныя и переводныя; о классическихъ произведеніяхъ она умолчала, и прекрасно сдѣлала. Такимъ образомъ, репертуаръ этого новаго театра будетъ, повидимому, близко подходить къ репертуару театра г. Борша, и г-жа Абрамова будетъ сражаться съ г. Боршемъ равнымъ оружіемъ. Кто побѣдитъ?... Впрочемъ, отъ всей души желаемъ, чтобы не побѣдилъ ни тотъ, ни другая. Пусть каждый дѣлаетъ свое дѣло, по мѣрѣ своихъ силъ, лишь бы оба они не заносились въ недоступныя для нихъ «классическія» выси, въ особенности же не спускались бы въ такія низины, откуда выбраться будетъ неизмѣримо труднѣе, чѣмъ попасть, при усердной конкуренціи, при усиленной погонѣ за новыми пьесами и за публикой.

Первыя новинки насъ далеко не восхитили. Въ театрѣ г. Борша шла 22 сентября въ первый разъ четырехъ-актная комедія Н. Северина (Н. И. Мердеръ),—такъ на афишѣ значится,—*Насѣдка*. Пьеса, надо отдать ей справедливость, прескучная. Дѣло тутъ вотъ въ чемъ: въ домѣ богатаго барина, Панова (г. Людвиговъ), молодого вдовца съ двумя малолѣтними дѣтьми, которыхъ въ первомъ актѣ показываютъ на сценѣ, живетъ дѣвушка Катерина Марковна (г-жа Журавлева). Она въ тайнѣ питаетъ нѣжныя чувства къ Панову и замѣнила собою сиротамъ мать, не безъ надежды стать ихъ мачихой. Надежда не осуществляется, и Пановъ женится на хорошенькой, но пустой барышнѣ Лизѣ (г-жа Кошева), а «тетю Катю» проситъ остаться на прежнемъ положеніи «насѣдки» при дѣтяхъ. Конецъ перваго акта. Во второмъ дѣйствіи молодая жена Панова скучаетъ однообразіемъ деревенской жизни и отъ скуки кокетничаетъ съ гимназистомъ Митей (г. Шмитгофъ), болтающимся безъ дѣла въ качествѣ приживальщика въ усадьбѣ Панова. «Насѣдка» тетя Катя и старая дѣвица Марья Петровна, тоже приживалка (г-жа Вудрина), усердно охраняютъ «семейный очагъ» Панова, караулятъ Лизу

и Митю, не дають имъ остаться наединѣ. Но Лиза прѣкрадывается и, въ отсутствіе мужа, увъзжаетъ кататься съ гимназистомъ. Тетя Катя и Марья Петровна въ ужасѣ, не совсѣмъ понятномъ для зрителя; но помогать надо, что пожилыя дѣвицы знаютъ, что дѣлаютъ, и имѣютъ поводы придти въ ужасъ. Пановъ вернулся, жены нѣтъ дома; онъ разсердился. Жена вернулась, расплакалась; они помирились, расцѣловались, мужъ посадилъ Лизу къ себѣ на колѣни, потомъ повелъ вѣнь со сцены. Занавѣсъ опустили. Третье дѣйствіе: ночь, садъ, гимназистъ сочиняетъ глуные стихи и сообщаетъ зрителямъ, что во время катанья онъ съ Лизой цѣловался. Имъ плохо этому вѣримъ, — хвалится, должно быть, этотъ глупышъ. Но придти Лиза въ бѣлой юбкѣ и ночной кофтѣ и удостовѣряетъ, что глупышъ не вралъ, — цѣлуется съ нимъ самымъ убѣдительнымъ образомъ на садовой скамейкѣ. Входитъ мужъ. Лиза проскальзываетъ въ кусты, гимназистъ убѣгаетъ, Пановъ — за нимъ. Лиза вынуждаетъ тетю Катю, признается въ своей «шалости», — хороша шалость! — и проситъ Катю спасти ее, сказать Панову, что это она, тетя Катя, цѣловалась тутъ съ Митькой. Такимъ способомъ спасти тетя Катя не согласна и, оставшись одна, разсуждаетъ, что этимъ ничего и нельзя достигнуть: Пановъ никогда не повѣритъ, будто она, тетя Катя, станетъ по почамъ цѣловаться съ дряннымъ мальчишкой. Входитъ Пановъ и объясняетъ, что гонялся за негодномъ Митькой, подозревши его въ кражѣ персиковъ. Ничего иного ему и въ голову не приходило. Вдругъ онъ видитъ тетю Катю въ ночномъ туалетѣ съ распушенными волосами и начинаетъ хохотать, совсѣмъ по-дурачки. Не дожидаясь никакихъ объясненій и не давая Катѣ сказать ни слова, онъ рѣшаетъ, что тетя Катя съ Митькой... ха-ха-ха!... и кончаетъ тѣмъ, что выгоняетъ изъ дому стараго, вѣрнаго друга. Хорошъ гусь этотъ Пановъ! Въ четвертомъ дѣйствіи, Катя, больная отъ нервнаго потрясенія, живетъ на какомъ-то хуторѣ съ Марьей Петровной. Приѣзжаетъ сосѣдъ Пѣтуховъ (г. Медвѣдев), пожилой вдовецъ, имѣющій тоже двоихъ дѣтей, и приглашаетъ Катю къ себѣ въ «насъдья», причемъ, котати ужъ, предлагаетъ ей и свою руку. Катя въ нерѣшимости. Вбѣгаетъ Марья Петровна и сообщаетъ, что къ нимъ въ кухню явился гимназистъ Митя, избитый Пановымъ. Черезъ минуту Марья Петровна прибѣгаетъ опять объявить, что пришла Лиза, скрывающаяся отъ мужа изъ опасенія, какъ бы онъ и ее не поколотилъ за то, что засталъ ее цѣлующеюся съ Митей. Еще немного погода приходитъ и Пановъ изливаетъ передъ тетей Катей свое отчаянье по поводу того, что его жена цѣлуется съ Митькой... Тутъ ужъ ему не до смѣха. Тетя Катя говоритъ, что это ничего, что Лиза цѣловалась такъ только, по молодости лѣтъ, и приводитъ Лизу. Пановъ убѣждается доводами Кати, закидываетъ жену въ объятія и проситъ Катю забрать его дѣтей къ себѣ въ «гнѣздо»; о томъ же проситъ ее и Пѣтуховъ. Катя соглашается взять оба выводка; она вполнѣ счастлива, ибо она «насъдня».

Пьеса кончена, и зритель остается въ недоумѣніи, для чего написана и изображена эта неправдоподобная исторія? Неужели для того, чтобы по-

казать, какъ глупо сдѣлалъ помѣщикъ Пановъ, женившись на легкомысленной Лизѣ и не оцѣнивши такого сокровища, какъ положительная и добродѣтельная «насъдка» Катя? Но какое же намъ дѣло до того, на комъ женился какой-то глупый помѣщикъ и на комъ могъ онъ жениться, но не соблаговолилъ этого сдѣлать? Изъ этого, вѣдь, ровно ничего дурнаго не вышло: добродѣтельная Катя очень довольна своею судьбой; глупый Пановъ счастливъ тѣмъ, что его глупая Лиза не убѣжала съ глупымъ гимназистомъ, а опять цѣлуется съ нимъ, своимъ законнымъ супругомъ, и будетъ опять сидѣть у него на колѣняхъ, какъ только они останутся вдвоемъ; глупая Лиза въ восторгѣ отъ того, что ее не поколотили, что несносныхъ «старыхъ дѣвъ» она сбывла вонъ изъ дому, вмѣстѣ съ чужими ребятишками, что некому будетъ за нею подсматривать и мѣшать ей цѣловаться съ кѣмъ захочется потихоньку отъ мужа, — цѣловаться же она непременно будетъ, — въ этомъ никто не сомнѣвается; глупый сосѣдь Пѣтуховъ доволенъ тѣмъ, что сбывъ своихъ малолѣтковъ въ гнѣздо чужой «насъдки»; всѣхъ довольнѣе, конечно, глупый Митька, такъ какъ Пѣтуховъ отправляетъ его на свой счетъ въ университетъ, по просьбѣ Кати; глупая приживалка Марья Петровна довольна тѣмъ, что всѣ довольны, что все отлично устроилось. Чего же лучше? Всѣмъ хорошо, и все это такъ прекрасно устроилось потому только, что Лиза потихоньку цѣловалась съ гимназистомъ. Найди она себѣ цѣловальщика поумнѣе и посерьезнѣе, изъ этого могъ бы выйти преплачевный скандалъ: серьезный цѣловальщикъ не позволилъ бы мужу стегать себя хлыстомъ, а могъ бы серьезно сказать: «Къ вашимъ услугамъ, г. Пановъ, часъ, мѣсто и все прочее». Если бы Лиза совѣмъ ни съ кѣмъ не цѣловалась, она, во-первыхъ, лишила бы себя большаго удовольствія; во-вторыхъ, пасынковъ на чужія руки не свалила бы, дѣтей Пѣтухова къ «насъдкѣ» не пристроила бы, Митьку въ университетъ не отправила бы, съ тетей Катей дежно и ношно ругалась бы; мужа съ нею ссорила бы... Однимъ словомъ, всѣмъ было бы прескверно, если бы Лиза не цѣловалась съ гимназистомъ, а, слѣдовательно, прекрасно она сдѣлала, что съ нимъ цѣловалась, ибо сіе послужило на пользу общественную и даже государственную, такъ какъ изъ шалопая Митьки выйдетъ, быть можетъ, современемъ порядочный человекъ и дѣти Панова и Пѣтухова получать доброе воспитаніе у хорошей «насъдки». Вотъ какія плодотворныя мысли оставляетъ въ умахъ зрителей комедія г-жи Мердеръ, передѣланная изъ повѣсти г. Михайлова, носящей то же названіе — *Насъдка*. О таковой передѣлкѣ на афишѣ не заявлено, и передъ публикой пьеса сошла за оригинальное произведеніе г-жи Мердеръ.

Пьеса поставлена очень хорошо, и артисты сдѣлали, съ своей стороны, все, что можно было сдѣлать изъ такой плохой вещи, даже немного больше того, что слѣдуетъ дѣлать въ подобныхъ случаяхъ. Въ особенности старалась г-жа Будрина, но, къ сожалѣнію, не соблюла надлежащей мѣры и перенграда, увлекшись аплодисментами и вызовами за такія «штучки», которыя граничатъ съ шутовствомъ. Артисты прибѣгаютъ иногда къ

шаржу ради спасенія дрянныхъ пьесъ; но дѣлать этого, все-таки, никогда не слѣдуетъ и ни съ какими цѣлями. Нельзя унижать искусство и достоинство артиста на потѣху праздної, невѣжественной толпы, гогочущей, хлопающей и вызывающей актера, съумѣвшаго грубою выходкой угодить ея низменнымъ инстинктамъ. Уважающій себя артистъ долженъ всегда помнить, что онъ служителъ искусства, а не публики, и, въ особенности, не слуга и потѣшникъ извѣстной ея части; истинный артистъ долженъ играть, а не подыгрываться подъ вкусы того большинства, которое не понимаетъ различія между комизмомъ и шутовствомъ. Мы говоримъ эти горькія слова не по адресу г-жи Кудриной, лишь немного переигравшей въ роли Марьи Петровны. Мы говоримъ ихъ, обращаясь ко всемъ артистамъ, гоняющимся за дешевымъ и непрочнымъ успѣхомъ, и не къ однимъ только артистамъ, ибо артисты способны переигрывать, сами увлекшись ролью; мы, въ особенности, обращаемся къ режиссерамъ, обязаннымъ сдерживать излишній пылъ увлекающихся артистовъ; мы обращаемся къ тѣмъ антрепренерамъ, которые ради сборовъ не стѣсняются иногда превращать театры въ балаганы, и, наконецъ, мы говоримъ это авторамъ, ставящимъ артистовъ слишкомъ часто въ невозможность избѣгать шаржа, такъ какъ шаржъ,—комическій или драматическій, все равно,—составляетъ основную сущность самой роли.

Театръ г-жи Горевой открылся *Грозой* Островскаго, изуродованною во всѣхъ отношеніяхъ. Не знаешь, право, съ чего начать! Начнемъ съ самой грозы, — блеснула молнія, да такъ и застыла блестящимъ зигзагомъ на декорации минутъ на пять. Вышло довольно смѣшно. Явился Кулигинъ, показываетъ Борису декорацию и патетически расхваливаетъ видъ; а на декорации изображенъ унылый-преунылый пустырь. И это смѣшно. Идутъ по этому пустырю обыватели и обывательницы; ничего себѣ, всѣ люди, какъ люди, — одѣты чисто, по-городски. Вдругъ являются двѣ ряженыхъ, Катерина и Варвара Кабанова, въ костюмахъ XVII вѣка, скопированныхъ съ картины Маковского *Свадебный пиръ*, за ними Кабаниха, загримированная вѣдьмой, съ ней—Тихонъ въ шутовскомъ цилиндрѣ, несомнѣнно, прищипленномъ къ парику, иначе онъ свалился бы при малѣйшемъ движеніи. Вышло очень смѣшно... Заговорила Варвара (г-жа Славина), — оказалось еще смѣшнѣе: она заговорила не по-русски, а какимъ-то не то бѣлорусскимъ, не то южно-русскимъ говоромъ съ невѣроятнѣйшимъ акцентомъ. Продѣлали актеры свиданіе въ третьемъ дѣйствіи и въ заключеніе пустились плясать—г-жа Славина на горкѣ, а г. Рутковскій, изображавшій Кудряша,—на авансценѣ, да въ присядку... Это вышло уже не смѣшно, а еще того хуже. Г. Варравинъ, въ роли Бориса, поражалъ своею автоматичною безстрастностью и всѣхъ привелъ въ крайнее удивленіе, какъ это могла влюбиться Катерина въ такого непривлекательнаго человѣка? Г-жа Свободина-Барышова очень недурно провела сцену признанія; но вся роль Катерины ей рѣшительно не удалась. Слова мы слышали мѣщанскія, а сказаны они были тономъ барышни; слышать-то мы слышимъ, что говорить г-жа Свободина-Барышова, только это насъ ни мало не трогаетъ,

искренности нѣтъ, простоты нѣтъ, и никому ни капельки отъ ея разговоровъ не жутко, никому не «страшно за человѣка». Г. Каменскій сдѣлалъ изъ Тихона чуть-чуть только не дурачка, тогда какъ Тихонъ совсѣмъ не глупъ, а только покоренъ матери.

Донъ-Карлосъ, инфантъ испанскій, пришелся, конечно, не по силамъ труппѣ г-жи Горевой. Тутъ даже и не смѣшно уже было, а жалко смотрѣть на актеровъ и актрисъ, волею злаго рока перереяженныхъ въ испанскихъ грандовъ, въ инфанта, короля, королеву, принцессу, въ герцога Альбу, въ маркиза Позу, въ монаховъ и въ пажей... Въ составѣ этой труппы есть, несомнѣнно, очень хорошіе артисты и весьма достойные люди, за что же ихъ ридить... въ испанцевъ? Конечно, тутъ ужъ ровно не причемъ артисты, и говорить намъ объ игрѣ ихъ не приходится,—не по своей же, въ самомъ дѣлѣ, охотѣ они «раздѣлывали въ лоскъ» драму Шиллера. Всѣ отлично понимаютъ, что не они «испанствуютъ»,—«испанить» ихъ нужда, и ридятъ ихъ, и перереяживаютъ въ неподходящіе костюмы контракты, штрафы, неустойки. Эхъ, нужда, нужда актерская! Ея-то публикѣ не видно, публикѣ нѣтъ дѣла до нея, и зрители хохочутъ отъ души надъ тѣмъ, какъ иногда «испанцы» изъ кожи лѣзутъ вонъ... А спросить бы этихъ грандовъ и грандессъ, монаховъ и пажей, имъ-то каково на потѣху выходить изъ-за прихоти или изъ-за расчета антрепренера? Сказать по правдѣ, всѣхъ больше жалко намъ «пажей». Съ балетныхъ, оперныхъ и опереточныхъ примѣровъ завелся у насъ престранный обычай въ пажи ридить непременно женщинъ. Въ опереткахъ и въ балетахъ продѣлывается это для цѣлей особенныхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ драматическимъ искусствомъ. Въ операхъ это дѣлается по необходимости, обусловливаемой извѣстною партіей, недоступной голосовымъ средствамъ мужчинъ, не принадлежащихъ къ папскому хору въ Римѣ. Но мы рѣшительно не понимаемъ, чѣмъ можетъ быть объяснено и оправдано сохраненіе на драматическихъ сценахъ нелѣпаго и уродливаго обычая наряжать пажами женщинъ, и иногда даже очень полныхъ женщинъ. При постоянно развивающейся, похвальной заботѣ дирекцій о наибольшей естественности, правдивости и исторической вѣрности постановки пьесъ, болѣе чѣмъ странно видѣть ряженныхъ въ пажи актрисъ.

Въ *Мизантропѣ* у г-жи Горевой очень хороши костюмы и парики, а Мольеровскаго *Мизантропа* мы, все-таки, не видали. Альцестъ, въ исполненіи г. Петипа, былъ крикуномъ и воителемъ, а не мизантропомъ. Селимена («г-жа Св.-Барыш.»),—какъ престранно напечатано на афишѣ) прекрасно читала стихи, но живаго образа увлекательной и легкомысленной женщины не создала. Г-жа Петипа, въ роли Эліанты, стихи говорила «прозой», что звучало совершеннымъ диссонансомъ, и была красивою севрскою куколкой больше, чѣмъ нѣжною и сердечною дѣвушкой. Интересный типъ великосвѣтской ханжи, Арсиной, совсѣмъ не удался г-жѣ Бѣльской. Всѣхъ ближе къ замыслу Мольера подошелъ, по нашему мнѣнію, г. Варшавскій-Долинъ. Въ общемъ, отъ знаменитой комедіи Мольера, переданной прекрасными стихами В. Курочкина, публика претерпѣла скуку изрядную

и отнюдь не по винѣ исполнителей, а просто потому, что все это намъ совершенно чуждо, слишкомъ далеко отъ насъ и можетъ представлять лишь интересъ исторически-литературный.

Первою крупною новинкой изъ оригинальныхъ пьесъ въ театрѣ г-жи Горевой шла драма въ 4 дѣйст. и въ 5 картинахъ К. В. Назарьевой *Тревожное счастье*. Мы назвали эту пьесу «оригинальною» потому только, что она не переведена съ иностраннаго языка, а представляетъ собою пердѣлку изъ повѣсти, о чемъ, впрочемъ, не заявлено на афишѣ. Тѣмъ не менѣе, сомнѣнія быть не можетъ въ томъ, что весь сюжетъ драмы и нѣкоторые сцены цѣликомъ, чуть не слово-въ-слово, списаны съ романа того же автора и подъ тѣмъ же заглавіемъ, напечатаннаго во 2, 3 и 4 книжкахъ журнала *Наблюдатель* за 1884 г. Заимствованія авторами сюжетовъ, хотя бы и изъ своихъ же собственныхъ повѣстей, слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, непременно оговаривать въ афишахъ и объявленіяхъ, и безусловно необходимо дѣлать это въ тѣхъ случаяхъ, когда произошло заимствование изъ чужаго произведенія. При этомъ очень желательнымъ было имѣть и указанія, откуда именно заимствованъ сюжетъ пьесы, дабы отклонить всякіе поводы къ недоразумѣніямъ и пререканіямъ. До представленія драмы г-жи Назарьевой мы не читали ея романа *Тревожное счастье*, а, между тѣмъ, сюжетъ пьесы намъ показался необыкновенно знакомымъ, — настолько знакомымъ, что мы далеко до окончанія пьесы знали уже всѣ подробности развязки. Мы стали припоминать и припомнили, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ читали нижеслѣдующую исторію: жила - была крестьянка Катерина. Отъ невыносимаго распутства и тиранства мужа она бѣжала съ паспортомъ вдовой солдатки, носившей тоже имя Катерины. Послѣ нѣкоторыхъ странствованій она попала въ какой-то городъ и нанялась тамъ служительницей въ больницу. Смотритель изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ полюбилъ скромную и добрую работницу, она его тоже полюбила, и они повѣнчались. На бѣду счастливыхъ супруговъ, въ больницу попалъ захворавшій въ дорогѣ мужикъ, односелецъ Катерины. Оправившись отъ болѣзни, онъ узналъ Катерину, сталъ дѣлать какія-то вымогательства, подъ угрозою доноса, наконецъ, за что - то разозлился и на самошь дѣлъ заявилъ полиціи, что Катерина бѣглая и двумужница. Являлась полиція. Катерина, по первому слову, призналась во всемъ. Ее посадили въ острогъ, судили, на судѣ выяснилось, что вѣнчалась она со вторымъ мужемъ въ то время, когда ея первый мужъ умеръ уже на родинѣ. Катерину оправдали и супруги зажили опять пресчастливо. Таковъ небольшой *Очеркъ изъ народной жизни* П. А. Захаревича, напечатанный подъ названіемъ *Съ чужимъ паспортомъ* въ *Газетѣ Гатчина* въ 1883 г., въ №№ 31 и 32. Слово-въ-слово такова же фабула драмы г-жи Назарьевой *Тревожное счастье*, только дѣйствіе происходитъ не въ крестьянской средѣ, а въ «сюртучной» и въ Петербургѣ. Разница между рассказомъ г. Захаревича и драмой г-жи Назарьевой заключается еще въ томъ, что Катеринѣ даетъ чужой паспортъ какая-то добрая сосѣдка, а героиня драмы об-

обмѣниваетъ свой паспортъ на паспортъ случайной спутницы, скоропостижно умершей, точь-въ-точь какъ въ романѣ г. Ахшарумова *Чужое имя*. Катерина г. Захаревича выходитъ вторично замужъ во «вдовьему» паспорту; героиня романа и драмы г-жи Назарьевой вступаетъ во второй бракъ по паспорту «дѣвицы», и ея второй мужъ не подозрѣваетъ нѣкотораго несоотвѣтствія между документомъ и ея предъявительницей. Если бы онъ заподозрилъ что-либо, служащее не къ авантажу дѣвушки, вышедшей за него замужъ, дѣло приняло бы совсѣмъ другой оборотъ. Стало бы, героиня г-жи Назарьевой обманула второго мужа не въ томъ только, что назвалась чужимъ именемъ, но и еще кое-въ-чемъ. Г. Захаревичъ поступилъ предусмотрительнѣе г-жи Назарьевой, снабдивши свою Катерину вдовьимъ паспортомъ. Да и вообще все разсказанное г. Захаревичемъ весьма возможно въ крестьянскомъ быту; отъ очерка *Съ чужимъ паспортомъ* вѣдетъ правдой, — такъ и кажется, что въ основѣ его лежитъ быль. Въ романѣ и въ драмѣ г-жи Назарьевой чувствуется на каждомъ шагу фальшь, неловкая выдумка и натяжка. Героиня убѣжала отъ злаго деспота-мужа, а въ рукахъ ея оказывается «видъ на жительство», которымъ она обмѣнивается съ умершею спутницей. Откуда же у нея взялся этотъ «видъ»? Брестьянка Катерина, ушедши версть за 300 въ чужую губернію, можетъ воображать, что зашла за тридевять земель, гдѣ ее никто не отыщетъ и не узнаетъ, и на самомъ дѣлѣ такъ это и можетъ случиться. Жена состоятельнаго помѣщика, убѣжавши отъ мужа, едва ли можетъ рассчитывать прожить всю жизнь «инкогнито» въ Петербургѣ; для этого ей дѣйствительно надо удрать въ какое-нибудь тридешатое царство или забиться въ такую глушь, до которой хоть сто лѣтъ скачи—не доскачешь. А замужняя дѣвица г-жи Назарьевой не думаетъ скрываться: она на курсы ходитъ, — на курсы, гдѣ собираются женщины и дѣвушки изъ всѣхъ закоулковъ Россіи; по окончаніи курсовъ, она опять-таки не прячется, а ищетъ мѣста, поступаетъ учительницей въ богатый домъ, гдѣ живутъ открыто; съ новымъ мужемъ она путешествуетъ за границей, гдѣ толчется народъ со всѣхъ концовъ нашего отечества. Всякій скажетъ: да, вѣдь, эта дама, должно быть, обѣ двухъ головахъ,—всякій удивится, какъ это она такъ долго по свѣту гуляла безнаказанно. Попавшись въ руки шантажисту, она мужа систематически обворовываетъ... Ее въ острогъ сажаютъ, мужъ, богатый фабрикантъ, сидитъ, сложа руки, не наводитъ никакихъ справокъ, которыя сразу разрѣшили бы и устранили «юридическій» вопросъ о двумужничествѣ. Слѣдователь, съ своей стороны, не находитъ нужнымъ ни сообразить справки о побѣгѣ отъ перваго мужа, о поджвнѣ паспорта, ни допросить этого перваго мужа. Поступи слѣдователь такъ, какъ онъ обязанъ поступить по закону, все дѣло разъяснилось бы очень скоро и совершенно измѣнились бы поводы къ преданію суду. Оправданная, благодаря счастливой случайности, героиня кидается въ объятія мужа, обманутый «во всѣхъ статьяхъ» мужъ радостно принимаетъ выпущенную изъ острога жену. Умилительная картина! Больничный унтеръ г. Захаревича

могъ такъ поступить, и Катерина тоже, и счастье ихъ могло восстано- виться. Они люди простые и отношенія ихъ не усложнялись въ такой мѣрѣ какъ взаимныя отношенія героевъ драмы. Впрочемъ, что же еще распро- страняться объ этомъ! И безъ того достаточно ясно, что вся эта исторія— сплошная нелѣпость и несодѣянность. Изображенный въ ней совершенно исключительный и неправдоподобный случай никакого вопроса не возбуж- даетъ, не разъясняетъ и не рѣшаетъ, и ровно ничего не доказываетъ. Пьеса была разыграна не дурно.

«Новый драматическій театръ» М. М. Абрамовой открылся 8 сентября старою, превосходною комедіею Островскаго *На всякаго мудреца довольно простоты*; на второмъ представленіи шла его же комедія *Бѣшенныя деньги*. Г-жа Абрамова совѣтъ новичекъ въ театральномъ дѣлѣ; но далеко не новичекъ режиссеръ труппы г. Соловцовъ, не новички и первенствующіе въ ней артисты. Съ первыхъ же представленій на этой сценѣ устано- вился совершенно особый тонъ, ясно свидѣтельствующій о присутствіи тутъ силы, которая даетъ единство и гармонию, необходимыя условія дру- наго исполненія сложной сценической задачи. Эта связующая и вдохнов- ляющая труппу сила исходитъ не изъ режиссерскаго только кабинета и не изъ директорскаго, хотя режиссеръ и директоръ суть, несомнѣнно, главные дѣятели въ созданіи такой силы. Но возникаетъ она и живетъ на сценѣ вѣрою артистовъ въ дѣло, увѣренностью въ себя, въ товарищахъ и въ людяхъ, стоящихъ во главѣ дѣла. Если труппа сумѣетъ удержать, укрѣ- пить и еще возвысить усвоенный ею на первыхъ порахъ тонъ достоин- ства и уваженія къ искусству, безъ заигрываній съ публикой, тогда мы скажемъ, что не напрасны были привѣтствія, которыми московская пуб- лика встрѣтила открытіе «новаго драматическаго театра» г-жи Абрамовой. Въ первой изъ вышеназванныхъ комедій мы, съ особеннымъ удовольствіемъ, отмѣтимъ превосходное исполненіе г. Роцинъ-Инсаровымъ роли Глумова. Жаль, что въ комедіи *Бѣшенныя деньги* роль Глумова была по- ручена другому актеру, г. Самойлову - Мичурину. Въ обѣихъ комедіяхъ— одинъ и тотъ же Глумовъ, недаромъ авторъ оставилъ ему тѣ же имя и отчество; въ *Бѣшеннхъ деньгахъ* изображенъ дальнѣйшій ходъ времени «но- вѣйшихъ мудреца» въ погонѣ за положеніемъ и состояніемъ. И роль эту долженъ играть тотъ же актеръ и съ тѣмъ же гримомъ. Г. Роцинъ-Ин- саровъ замѣтно развиваетъ свой талантъ, общающій въ недалекомъ бу- дущемъ очень, очень многое, если только г. Роцинъ не увлечется успѣ- хомъ и не измѣнить тону, о которомъ мы только что говорили. Г. Кисе- левскій былъ очень хорошъ въ роли генерала и еще лучше, неподражаемъ въ роли Телятева, въ *Бѣшеннхъ деньгахъ*. Г. Зубовъ въ роляхъ Вучуко- ва и дяди Глумова сразу привлекъ къ себѣ всѣ симпатіи московской пуб- лики. Говорить подробно объ исполненіи двухъ комедій Островскаго, какъ бы мы желали, намъ препятствуетъ недостатокъ мѣста.

19 сентября была поставлена въ первый разъ трехъактная комедія А. Ф. Фодотова *Итоги прошлою*, фабула которой заимствована, какъ это

значится на афишѣ. Фабула заключается въ нижеслѣдующемъ: докторъ Петровъ (г. Чарскій) дѣтъ пятнадцать живетъ съ Екатериною Ивановной (г-жа Абрамова), которую всѣ считают его законною женою, въ чемъ не сомнѣваются и ихъ двое дѣтей, гимназистъ Вася (г. Синельниковъ), кончающій курсъ, и гимназистка Соня (г. Лола), живая, милая дѣвочка. Но Петровъ не вѣнчанъ съ Екатериною Ивановной. Этого не подозрѣваетъ даже другъ Петрова, архитекторъ Кирѣевъ (г. Гусевъ), старый холостякъ и добрякъ. Къ этому архитектору, у котораго на дачѣ живутъ Петровы, прѣзжаетъ старинный знакомый Кирѣева, Турскій (г. Киселевскій), постоянно живущій въ Ташкентѣ. Гимназисту Васѣ предстоитъ получить дипломъ, а, стало быть, и узнать изъ него о незаконности своего рожденія. Чтобы отклонить отъ юноши столь ужасное открытіе, Петровъ хочетъ жениться на матери Васи и этимъ способомъ узаконить дѣтей. Петровъ давно бы это сдѣлалъ, въ то время, когда у нихъ родилась дочь; но тутъ-то открылось, что у Екатерины Ивановны еще до знакомства съ Петровымъ былъ сынъ, этотъ самый Вася. Докторъ взявъ Васю, воспиталъ его какъ роднаго сына, только о законномъ бракѣ съ тѣхъ поръ уже и помина не было. Появленіе на сценѣ Турскаго подсказываетъ зрителю, что онъ-то и есть настоящій отецъ Васи и что изъ-за этого юноши долженъ произойти конфликтъ между двумя отцами. Конфликтъ, дѣйствительно, происходитъ и кончается въ пользу Петрова отказомъ Турскаго отъ какихъ бы ни было притязаній на Васю. Турскій удаляется обратно въ Ташкентъ оплачивать свое холостое сиротство; Петровъ ѣдетъ вѣнчаться, чтобы узаконить дѣтей, и дѣлаетъ это, все-таки, потихоньку отъ нихъ. Мысль пьесы такая: не тотъ отецъ дѣтямъ, кто далъ имъ жизнь, а тотъ, кто вложилъ въ нихъ сознаніе духовной жизни, — тотъ, чьи они дѣти по духу. Это такъ и очень хорошо; пьеса же г. Федотова совсѣмъ не хороша. На юридическую въ ней ошибку было уже указано газетами: узаконеніе дѣтей посредствомъ брака родителей допускается французскими законами, а по русскимъ законамъ, напротивъ, такой бракъ является почти непреодолимымъ препятствіемъ къ узаконенію дѣтей. Заимствованіе сдѣлано г. Федотовымъ слишкомъ точно, и, вслѣдствіе этого, вся пьеса оказывается невѣрно построенною, — построенною на очевидномъ недоразумѣніи. Заимствуя мысль и основу фабулы, слѣдовало передѣлать пьесу по-настоящему на русскіе нравы и обычаи. Разыграна пьеса прекрасно, въ особенности хороша была г-жа Глѣбова, взявшая на себя вводную роль вдовы Стромилловой, тоскующей о томъ, что у нея нѣтъ дѣтей. Г. Чарскій съ большимъ чувствомъ и тактомъ провелъ трудную роль доктора. Пьеса успѣха не имѣла потому, главнымъ образомъ, что на зрителей она производитъ впечатлѣніе чего-то совершенно ненужнаго, а такое впечатлѣніе, неминуемо, родитъ равнодушіе и скуку, какими бы хорошими словами ни пытался растрогать насъ авторъ.

29 сентября объявился новый драматургъ, Н. О. Рапшанинъ, съ пяти-актною драмой *На встрѣчу счастья*, но драматургу этому не повезло. Превосходное исполненіе не спасло пьесы и ея автора. Актеровъ

вызывали много и аплодировали имъ дружно; когда же появился на сценѣ авторъ, то неодобреніе нѣкоторой части публики выразилось въ слишкомъ рѣзкой, по нашему мнѣнію, формѣ. Вообще, не слѣдовало бы авторамъ выходить на вызовы, если таковые не совсѣмъ дружны и противъ нихъ слышатся шипящіе протесты.

Малый театръ началъ серію своихъ новинокъ «пьесой изъ народной жизни» Владиміра Александрова *Въ селѣ Знаменскомъ*. По образцу французскихъ драматурговъ, авторъ назвалъ свои сцены изъ деревенскаго быта «пьесой»; противъ этого ничего возразить нельзя, такъ какъ произведеніе г. Александрова—не драма и не комедія, а слово «песа» ничего собою не опредѣляетъ, какъ не опредѣляетъ собою ничего заглавіе и содержаніе этой «песы». На самомъ дѣлѣ, мало ли что происходило въ селѣ Знаменскомъ, мало ли что можетъ тамъ произойти такого, изъ чего умный человѣкъ найдетъ возможнымъ сдѣлать драму или комедію; а сюжетовъ для «песей» такъ и совсѣмъ не оберешься, особливо въ большихъ, базарныхъ селахъ, стодитъ только поближе познакомиться...—вы думаете, читатель, съ народнымъ бытомъ? Нѣтъ, это не особенно нужно,—для этого необходимо познакомиться съ мѣстнымъ становымъ или съ исправникомъ, всего же лучше — съ судебнымъ слѣдователемъ, сойтись съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ настолько, чтобы добраться до ихъ шкафовъ съ «дѣлами». Исполнить это не мудрено. А разъ добрался до такого кладезя «народной жизни, изъ него и почерпай... Въ мѣсяцъ изъ любого такого кладезя можно начерпать сюжетовъ на всю свою предбудущую драматургію. Повидимому, г. Александровъ такъ и поступилъ, и зачерпнулъ на первый разъ дѣло о сокрытіи Григорьемъ Субботинымъ приводнаго ремня, украденнаго у купца Жиркова». Это-то самое дѣло г. Александровъ раздѣлялъ въ четыре акта и преподнесъ публикѣ въ видѣ «песы». Въ дѣйствительности, у «молодаго купца» Жиркова (г. Рыбаковъ) никто ремня не воровалъ, а ухаживаетъ «молодой купецъ» за крестьянскою дѣвушкой Матрешей (г-жа Ермолова); ухаживаетъ онъ, главнымъ образомъ, черезъ посредничество «молодой вдовы, солдатки» Марьи (г-жа Никулина), и при содѣйствіи волостнаго писаря (г. Садовскій). Дѣвушка на ухаживанія молодого купца и на уговоры молодой солдатки не сдается; она невѣста Григорья (г. Горевъ), служащаго на заводѣ машинистомъ. Они любятъ другъ друга. Солдатка Марья любитъ того же Григорья, а потому, для устраненія соперницы, усердно помогаетъ ухаживанію за Матрешей Жиркова. Всѣхъ лицъ, участвующихъ въ пьесѣ, не перечтешь, — ихъ тьма тьмуцая, въ глазахъ даже рябитъ отъ нихъ; между ними вертится и занимаетъ видное мѣсто пьяный кузнецъ Рябушкинъ (г. Правдинъ). Такъ вотъ, купецъ, солдатка и писарь стовариваются подложить въ ригу Григорья машинный ремень и обвинить женца Матрешы въ сокрытіи краденаго. Григорья посадятъ въ острогъ и тогда имъ легче будетъ управиться съ несговорчивою дѣвушкой. Такъ это все и дѣлается: Григорья сажаютъ въ волостную арестантскую до пріѣзда слѣдователя; солдатка заманиваетъ Матрешу къ купцу. Увидавши обманъ, Ма-

греша хотеть бѣжать,— дверь заперта. На выручку дѣвушки влѣзаетъ въ окно пьяный кузнецъ; въ дверь врывается убѣжавшій изъ арестантской Григорій и жестоко укоряетъ невѣсту въ измѣнѣ, грозитъ изувѣчить струвшаго купца. Прибѣгаютъ рабочіе, вьжутъ Григорья и водворяютъ обитно въ арестантскую. Приѣзжаетъ слѣдователь и производитъ слѣдствіе въ волостномъ правленіи. Рѣшено Григорья отправить въ острогъ. Бабы и дѣвки начинаютъ уже выть по несчастномъ Григорьѣ. Вдругъ солдатка Марья требуетъ отъ купца, чтобы онъ простилъ Гришу, прекратилъ бы гѣло. Кузнецъ отвѣчаетъ, что это уже не въ его власти. Тогда Марья заявляетъ слѣдователю, что ремень она подложила по наущенію и уговору Жаркова и писаря. Слѣдователь отпускаетъ Григорья на поруки и приказываетъ посадить купца и писаря. Добродѣтель торжествуетъ, пороки свергнуть въ кутузку, всѣ обнимаются, ликуютъ, собираются идти въ кабакъ и достойно отпраздновать торжество добродѣтели. Декораціи восхитительны своею правдивостью; костюмы похожи на настоящіе мужичьи; крестьянскія слова и нѣлыя фразы записаны авторомъ весьма тщательно и точно; за кулисами и на сценѣ играютъ на гармоникѣ совсѣмъ по-деревенски; г-жа Владимірова «горланить» пѣсню, какъ подобаетъ крестьянской дѣвкѣ; декораторскаго и режиссерскаго старанія положено много; вся постановка сдѣлана образцово... Пьеса же вышла, все-таки, не изъ «народной жизни», не крестьянская, а— «пейзанская». Казалось бы, все — такъ, а нѣтъ, не такъ. Надо полагать, что мало списать, срисовать и сфотографировать, мало найти въ шкафу «кладезь» деревенской уголовщины для того, чтобы писать пьесы изъ народнаго быта. Для этого необходимо проникнуть въ глубину тѣхъ источниковъ, которыми питаются подобные «кладези»; необходимо усвоить себѣ не внѣшность деревенскаго быта, а тотъ духъ, которымъ живетъ народъ; необходимо самому жить тою же жизнью и отъ того же духа, умомъ и сердцемъ слиться съ народомъ и тогда только братья изображать народъ. Русскій народъ нельзя ни узнать, ни понять, если не чувствуешь душою, всѣмъ существомъ своимъ такъ именно, какъ чувствуетъ народъ всѣ радости и всѣ невгоды жизни. Такого-то чувства и нѣтъ у г. Александрова. А потому, несмотря на «документальность» пьесы, публика остается невозмутимо-холодною передъ этою «ременною» драмой. Никого она не трогаетъ за душу; отъ нея вѣтъ этнографическимъ и канцелярскимъ холодомъ, который сказывается даже въ игрѣ нашихъ первоклассныхъ артистовъ Малаго театра, необычайно чуткихъ ко всему, что настоящее и что поддѣльное, какою бы внѣшностью это ни было прикрыто. Что же, однако, хотѣлъ сказать и доказать г. Александровъ своею «пьесой»? Какую «злобу» деревенской жизни раскрылъ авторъ передъ обществомъ? Что фабрика развращаетъ деревню? Да, развращаетъ; но, во-первыхъ, это совсѣмъ не ново; во-вторыхъ, пьеса г. Александрова этого не показываетъ и не доказываетъ. Невѣста Григорья, Матреша, избѣжала развращающаго вліянія фабрики и не поддается на всѣ ухаживанія и оболъщенія молодого, богатаго купца-фабриканта. Молодая дѣвка

Усти (г-жа Владимірова), невѣста Матрешина брата, очень бойкая, даже слишкомъ бойкая въ исполненіи г-жи Владиміровой, ни въ чемъ дурномъ не замѣчена. На Григорья фабрика не оказала пагубнаго вліянія: онъ — машинистъ «безъ страха и упрека»; Антонъ, женихъ Усти, прекрасный шій малый; старшина и урядникъ—очень хорошіе люди; кузнецъ Рябушкинъ пьяница, но добрый и честный мужикъ; старухи, мать Матрешини и мать Григорья, ругаются между собою, но обь—препочтенныя бабы. Солдатка Марья представляетъ изъ себя деревенскую «*dame aux camélias*»,—на то она солдатка; и фабрика тутъ не причемъ... Гдѣ же «развращающее» вліяніе фабрики? А, вѣдь, оно существуетъ въ дѣйствительности и губить деревню, только чѣмъ и какъ,—вотъ этого-то не понялъ г. Александровъ; за деревьями онъ лѣса не разсмотрѣлъ и намъ показалъ совсѣмъ обратное тому, что хотѣлъ показать. Что же касается уголовщины, происшедшей въ селѣ Знаменскомъ, то она не имѣетъ никакого отношенія къ фабрикѣ и ея вліянію на деревню и свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что изъ обильнаго «кладезя» можно вытащить случайно попавшій туда ремень. Въ настоящей жизни фабрика есть страшная сила, а фабрикантъ—владѣлецъ того «купона», который все купилъ и все купитъ, которому все покорно, передъ которымъ всѣ утрачиваютъ свое человѣческое достоинство и никто не смѣетъ ни голоса поднять, ни головы. Въ пьесѣ же г. Александрова «молодой купецъ» Жирковъ такъ плохъ, что его всѣ походя ругаютъ, не только доблестный машинистъ Григорій, но даже пьяный кузнецъ Рябушкинъ, и не только ругаютъ, но бьютъ,—бьютъ дѣвы на улицѣ, добродѣтельная Матрена даетъ ему пощечину при всемъ честномъ народѣ, парни общаются ему ребра переломать; его собственный прикащикъ угрозою вынуждаетъ его дать корову; пьяный кузнецъ и Григорій врываются въ домъ къ фабриканту и если не бьютъ Жиркова, то лишь потому, что слишкомъ много болтаютъ обличительныхъ словъ... Гдѣ же сила фабрики, фабриканта и его «купона»? Стало быть, нѣтъ такой силы,—тогда и толковать объ этомъ не стоило. А въ дѣйствительности-то она существуетъ; только г. Александровъ изъ-за маленькой уголовщины не видалъ большаго чудовища, давящаго деревню. Обращаясь къ отдельнымъ лицамъ пьесы, мы видимъ, что всѣ они сдѣланы по давнымъ-давно знакомымъ рецептамъ на добродѣтель и на злокозненность, на купца и на пропойцу, помощью коего торжествуетъ добродѣтель. Ни въ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы не мелькаетъ ни проблеска оригинальности, ни черточки типичности...

Начало сезона, столь обильное новыми пьесами, какъ видитъ читатель, не можетъ быть названо утѣшительнымъ. Посмотримъ, что-то дастъ намъ октябрь мѣсяць.

Ан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Октябрь

1889 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика.—Критика.—Исторія, археологія и этнографія.—Политическая экономія и статистика.—Юридическія книги.—Сельское хозяйство.—Техническія книги.—Учебники.—Календари. II. Периодическія изданія: „Сѣверный Вѣстникъ“, августъ и сентябрь.—„Русскій Вѣстникъ“, июль.—„Историческій Вѣстникъ“, январь—сентябрь.—„Артистъ“, сентябрь.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Ольга Ярославна“. А. Луговаго.—„Разсказъ“ В. Бабикова.—„Веселый полутчизъ“. Иванова-Классика.

Ольга Ярославна. Психологическій этюдъ Алексѣя Луговаго. Спб., 1889 г. Цѣна 85 коп. Ольга Ярославна, закутанная плюшевымъ „mantelet“, сидитъ на мягкой „chaise-basculle“ и вспоминаетъ, какъ старикъ графъ сдѣлалъ ей предложеніе, въ присутствіи „таман“. „En minaudant“ она сказала „да“.—Жаль, что не „oui“... Черезъ три года она овдовѣла. Она не „экспансивная бабѣнка“ и рѣшила остаться „veuve à perpétuité“. Такъ и сказала она сдѣлавшему ей предложеніе „beau gusse“ и въ тотъ же вечеръ „отдалась“ ему. Въ Монако ее не соблазнили возгласы „крупье“: „faites votre jeu! rien ne va plus!“ А его, „le beau gusse“, они соблазнили, онъ проигрался и застрѣбился. Сынъ туманнаго Альбіона возилъ ее въ своей яхтѣ вокругъ свѣта. Въ Иоканамѣ „la veuve à perpétuité“ отдалась этому „раучге гоух“, а въ Рио-Жанейро „измѣнила ему тайкомъ съ мулатомъ“, въ Мадридѣ же совсѣмъ расталась съ „раучге гоух“, отбивши „матадора“ у испанокъ, готовыхъ забыть мужей и семьи за автографъ на „abenico“ этого „la rîpa sраda d'Еспана!“... Потомъ Ольга Ярославна сдѣлала „tours de force“, стала слушать лекціи въ Парижѣ и полюбила „маленькаго властителя думъ литературно-артистическаго салона“... „И вотъ она, въ кумачной рубашкѣ и пестрадинномъ сарафанѣ косить и жнеть *упряжками*“; она „на грабляхъ отдыхала всѣ сѣнокосные дни“ и думала: „когда же и съ кѣмъ же изъ парней она будетъ *рожать дѣтей*?“ Подумала это она, подумала, и предпочла ѣхать въ Петербургъ, гдѣ за ея богатство всѣ постараются „не марать ее грязью, а *реабилитировать*“. Тамъ, „на зло всякимъ *vaines humeurs*“, она можетъ найти мужа. „Нервное напряженіе, шедшее до сихъ поръ *crescendo*, пошло *diminuendo*“; „она заставила себя подтянуться“. Но ее охватило „жгучее чувство полнаго одиночества“, которое выпадало на ея долю послѣ всѣхъ ея „*liaisons*“. Вѣдь она уже не молоденькая, она—„une femme de trente ans passés“... Лучше въ Петербургъ не ѣздить. Къ тому же, очень встаетъ

заболѣлъ сынъ управляющаго, отставнаго штабсъ-капитана и вдовца, очень умнаго штабсъ-капитана, говорящаго прегрѣшительныя слова. „Кому и въ чемъ я была полезна?“—спрашиваетъ Ольга Ярославна.— „Спросите у тѣхъ,—отвѣчалъ онъ,—которые жили отъ щедротъ вашихъ, вездѣ, гдѣ вы ни появлялись.“—„Но, вѣдь, я только бездѣльничала и раздавала не мною заработанныя деньги,“—возражаетъ графиня.— „Не совсѣмъ такъ,—спокойно улыбаясь, говоритъ Василій Григорьевичъ,— вы служили распредѣлителемъ того накопленія труда, который производился одними для другихъ и выражался въ установленной формѣ мѣновыхъ знаковъ“. Молодецъ Василій Григорьевичъ, отлично онъ доказалъ, „кому и въ чемъ полезны“ дамы въ плюшевыхъ „mantelet“, качающіяся на „chaise-basculе“ и продѣлывающія все то, что продѣлала Ольга Ярославна въ Остенде и Монако съ „beau russe“, въ Токагамѣ съ „raucге roux“, въ Рио-Жанейро, въ Мадридѣ... въ своей деревнѣ, „отдыхая на грабляхъ“... Объяснилъ, успокоилъ, и дамѣ „de trente ans passés“ это такъ понравилось, что она ему вскорѣ же сказала: „А что, если бы жизнь дала вамъ меня въ жены? Вы бы взяли?“ Ухаживая за больнымъ ребенкомъ, Ольга Ярославна сначала полюбила сына управляющаго, а потомъ и самого управляющаго, которому и общается стать хорошею женой. Они женятся. Этимъ кончается „психологическій этюдъ“ г. Луговаго. При чемъ же, однако, психологія во всѣхъ приключеніяхъ молодой „veuve à repéruité“? Конечно, нѣтъ такого человѣческаго дѣянія, по поводу котораго нельзя было бы привлечь къ отвѣтственности психологію и написать „психологическій этюдъ“; но для того, чтобы этюдъ былъ на самомъ дѣлѣ „психологическимъ“, авторъ долженъ въ немъ раскрыть передъ нами такіе тайники человѣческаго духа, которые безъ этого остались бы нами неусмотрѣнными и необсѣдованными. Въ „этюдѣ“ же г. Луговаго мы видимъ только „бездѣльничающую“ вдову, предосудительно балующуюся въ трехъ частяхъ свѣта, пожелавшую на склонѣ дней своихъ получать законнаго мужа и семью, „какъ всѣ“. Эта „veuve“, а съ нею, повидимому, и г. Луговой, воображаетъ, будто во Франціи, въ Японіи, въ Америкѣ, въ Испаніи и у себя дома она поступала не „какъ всѣ“. Мы же думаемъ, что она продѣлала какъ разъ то самое, что дѣлаетъ большинство „распредѣлительницъ накопленія труда, который производится для нихъ“ голодными бѣдняками и даетъ этимъ дамамъ „въ установленной формѣ мѣновыхъ знаковъ“ средства награждать „отъ своихъ щедротъ“ модистокъ, парикмахеровъ, торговцевъ модными товарами, гарсоновъ въ гостиницахъ, гидовъ и даже матадоровъ. Въ „Ярославнѣ“ г. Луговаго нѣтъ ни одной черточки оригинальной, а „психологическій“ анализъ автора ничтоженъ. Всѣ же „mantelets“, „chaises“, „abenico“, которыми столь обильно усыпано повѣствованіе, вызываютъ смѣхъ, едва ли желательный автору.

Маруся, Старый портретъ, Первая побѣда, Мыслитель, Изъ дневника, Литературный вечеръ, Забытая тетрадь. Разказы Виктора Бибикова. Спб., 1889 г. Изданіе А. С. Суворина. Цѣна 1 руб. Эти семь маленькихъ разказовъ имѣютъ ту удивительную особенность, что забываются необыкновенно быстро. Дочитали вы,—не безъ усилія,—книжку до конца, па что требуется часа два, и, навѣрное, не припомните, что такое *Старый портретъ* и чѣмъ онъ отличается отъ *Маруси* и отъ *Первой побѣды*. Ни одинъ изъ нихъ не оставляетъ никакого впечатлѣнія, не вызываетъ ни малѣйшаго движенія мысли. *Маруся* — большая дѣвочка, которую ежегодно возятъ въ чужіе края дѣлать какую-то операцію. Операція очень мучительна, но болѣзни не

излечивается, и Маруся должна умереть, — вотъ и все. Расписано эта на 30 страницахъ, а едва вы начали читать *Старый портретъ*, отъ Маруси не остается у васъ ни образа, ни тѣни. Въ разсказѣ *Первая любовь* все дѣло вертится на портретѣ какой-то Сонички, которая влюбилась въ молодого живописца; живописецъ въ нее не влюбился, о портретѣ съ нея нарисовалъ. Шестнадцатилѣтняя Соничка пришла ночью, раздѣтая, къ художнику, сѣла къ нему на колѣни и стала его цѣловать. Художникъ свазалъ ей, что дѣвушка стыдно это дѣлать, выпроводилъ Соничку вонъ и самъ уѣхалъ подалеже отъ грѣха. Фигура Сонички остается для читателя такою же безформенной, какъ и личность Маруси. *Мыслитель* — пятнадцатилѣтній гимназистъ, мечтающій уподобиться Боклю. Его, т.-е. гимназиста, а не Бокля, зачѣмъ-то очень часто зоветъ къ себѣ двадцатилѣтняя барынька, супруга старика. Въ отсутствіе мужа они пьютъ чай, разговариваютъ о важныхъ матеріяхъ, читаютъ стихи Пушкина; потомъ гимназистъ уходитъ, а барынька неизвѣстно о чемъ плачетъ. Въ такомъ же точно родѣ и остальные разсказы. Для чего же они писаны? Мы думаемъ, что отвѣтъ можетъ быть только одинъ: для фельетона какой-нибудь газеты. Размѣромъ они къ этому дѣлу подходятъ, въ отдѣльности взятые прочтываются довольно легко, такъ какъ читатель все ждетъ, чѣмъ же, однако, кончится исторія Маруси, Сони, Гриши... Всѣ исторіи кончаются одинаково — ничѣмъ. А нижній этажъ газеты занять, что только и требовалось, въ сущности. Вопросъ: для чего понадобилось изданіе отдѣльною книжкой этихъ ненужныхъ никому пустяковъ? — разрѣшается такъ же просто, — для взиманія по 1 рублю за экземпляръ книжки въ 7¹/₂ листовъ плохой бумаги, напечатанной разгонистымъ шрифтомъ. Разсчетъ совершенно вѣрный: себѣ такая книжка стоитъ гривенникъ, а наивный покупатель заплатитъ за нее рубль, что бы въ ней ни было напечатано.

Веселый попутчикъ. Иванова Классика. Спб., 1889 г. Изданіе А. С. Суворина. Цѣна 1 руб. Полубеллетристическіе наброски, „письма съ дороги, замѣтки на лету, картинки изъ путевыхъ воспоминаній и дорожныя пѣсни“, то въ прозѣ, то въ стихахъ, написанные бойко, нерѣдко остроумно, даютъ въ легкой формѣ понятіе о множествѣ городовъ, мѣстностей и дорогъ, извѣзженныхъ авторомъ въ Россіи и за границей. *Веселый попутчикъ* мѣшаетъ дѣло съ бездѣльемъ, анекдотъ съ полезнымъ указаніемъ, гдѣ остановиться, въ какой гостиницѣ лучше, какія цѣны на главнѣйшія жизненныя потребности и что наиболѣе достойно вниманія въ описываемыхъ городахъ. Все это, однако, уже слишкомъ „на лету“. Возьмемъ для примѣра Константинополь, какъ городъ, наименѣе извѣстный русской публикѣ. Авторъ говоритъ: „У базара обращаетъ на себя вниманіе оригинальная, по виду, древняя мечеть Кахріе“, — и только. А чѣмъ достойна вниманія эта мечеть, о томъ не говорится ни слова, тогда какъ Кахріе-Джами есть одна изъ величайшихъ достопримѣчательностей Стамбула. Въ этой небольшой христіанской церкви, превращенной въ мечеть слишкомъ 400 лѣтъ назадъ, сохранились въ полной прикосновенности древнія христіанскія фрески, мозаики и скульптурныя изображенія. Ихъ почему-то не тронули турки и на нихъ время наложило свою безпощадную руку. Г. Ивановъ-Классикъ вскользь упоминаетъ о замѣчательной мечети „Сулейманіе“, совсѣмъ проходитъ молчаніемъ удивительную усыпальницу султана Мугомеда, въ которой на виду стоитъ гробъ завоевателя Константинополя, и многое другое ускользнуло отъ наблюдательности „весе-

лаго попутчика". Съ Венеціей произошло то же самое; написать про Венецію все, разсказанное авторомъ, и даже много больше, весьма легко, никогда не выдавши этого чуднаго города. Гондолы, св. Маркъ, дворець дожей, мостъ Ріальто... кто же не знаетъ всего этого? А о томъ, что этотъ знаменитый мостъ Ріальто есть въ настоящее время ничто иное, какъ дрянная и грязная толчучка, нашъ авторъ забылъ разсказать, какъ и о венеціанскомъ „пантеонѣ“ — церкви S-ta Maria dei Fgati, о музеяхъ, наконецъ, о деньгахъ, какими расплативаться, хотя съ этимъ не мало затрудненій встрѣтитъ туристъ во всѣхъ итальянскихъ городахъ. Вообще „веселый попутчикъ“ слишкомъ торопливъ, и самъ мчится, и читателя мчитъ за собою во весь карьеръ, проскакивая мимо очень многого, передъ чѣмъ слѣдовало бы остановиться, и второпяхъ дѣлаетъ кое-какіе промахи.

К Р И Т И К А.

„Пушкинъ въ русской критикѣ“. С. С. Трубачева.

Пушкинъ въ русской критикѣ. С. С. Трубачева. Спб., 1889 г. Задача, принятая на себя авторомъ этой книги, представляетъ большой и несомнѣнный интересъ. Г. Трубачевъ, не довольствуясь сухимъ перечнемъ критическихъ статей о Пушкинѣ, стремится не только разъяснить ихъ съ исторической точки зрѣнія, но и опредѣлить ихъ абсолютную цѣнность и значеніе. Первая глава изслѣдованія служитъ какъ бы подготовкою къ самому труду: авторъ говоритъ въ ней о вліяніи западно-европейскаго романтизма на нашу литературу, характеризуетъ русскую журналистику 20-хъ годовъ и указываетъ, наконецъ, на тѣ вѣянія, которыя вліяли на мировоззрѣніе юноши-Пушкина. Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи книги, мы натолкнулись на цѣлый рядъ явленій, который привелъ насъ въ совершенное недоумѣніе; оказалось, что вся первая глава, занимающая 20 страницъ, почти цѣликомъ „заимствована“ г. Трубачевымъ у разныхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ писателей, безъ малѣйшей попытки со стороны автора указать на эти источники. „Заимствования“ эти въ своемъ родѣ безподобны. Прилежный авторъ собралъ здѣсь все, что онъ нашелъ хорошаго въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго, Апол. Григорьева, Анненкова, гг. Пыпина, Весина и мн. др. Онъ то выписываетъ цѣлыя страницы изъ ихъ произведеній, то слегка перефразируетъ чужой текстъ, сливая нѣсколько фразъ въ одну, выбрасывая изъ нихъ отдѣльныя слова или вставляя свои собственныя. Съ истинною виртуозностью онъ прискиваетъ въ чужихъ твореніяхъ соединительныя фразы и разбрасываетъ ихъ то здѣсь, то тамъ. Читатель, можетъ быть, думаетъ, что молодой „ученый“ хотя гдѣ-нибудь упоминаетъ о своихъ источникахъ, о томъ, что онъ, какъ трудолюбивая пчела, собиралъ медъ со всѣхъ цвѣтовъ, представлявшихъ его взору?... Увы, указаній этихъ не имѣется. Есть, правда, кое-какія ссылки на Бѣлинскаго, Ап. Григорьева, Вяземскаго и Полеваго, но онѣ встрѣчаются на протяженіи 20 страницъ лишь въ пяти мѣстахъ и касаются каждая двухъ-трехъ строчекъ текста, приведенныхъ въ кавычкахъ и отмѣченныхъ особымъ шрифтомъ. Весь же остальной матеріалъ предлагается публикѣ за самостоятельную работу автора. Почти все разсужденіе о романтизмѣ заимствовано г. Трубачевымъ изъ статей А. Н. Пыпина *Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ*. Для ознакомленія читателей съ характеромъ этихъ заимствованій мы приведемъ нѣсколько яркихъ примѣровъ.

„Пушкинъ въ русской критикѣ“, соч. С. С. Трубочева, стр. 11 (первыя 10 страницъ посвящены предисловію автора).

Начиная съ Петра, русская наука и литература шли шагъ за шагомъ по слѣдамъ европейскаго движенія. Русская образованность постепенно воспринимала множество различныхъ вліяній, исходившихъ отъ современнаго европейскаго движенія. Въ прошломъ вѣкѣ съ Запада явились въ Россію вольфіанская философія и масонство, французская философія и вольнодумство, реакція мечтательности и сентиментальности.

Стр. 11 и 12.

Въ 19-мъ столѣтіи открываются романтическія вліянія Запада на Россію—въ различныхъ видахъ—отъ чистаго мистицизма до скептической разочарованности. Въ связи съ романтизмомъ у насъ, какъ и въ Европѣ, начинается, съ одной стороны, либеральное движеніе, съ другой — правительственная реакція, въ связи съ романтизмомъ развивается изученіе народной старины и поэзіи, археологіи и ученіе о народности, Шеллингова философія и гегельянство въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, позднѣе фурьеризмъ и сенъ-симонизмъ.

Стр. 15.

Байроновскій скептицизмъ отвергалъ тѣ узкія рамки, въ которыхъ насильственно была заключена европейская мысль. Противники, приходившіе въ ужасъ отъ безпощаднаго порицанія, называли поэзію его „адской“ и „сатанинской“. Эта сторона тогдашняго „романтизма“, тѣсно связанная съ политическимъ броженіемъ того времени, отразилась въ первой эпохѣ дѣятельности Пушкина такъ же, какъ отразилось европейское политическое броженіе въ нашей общественной жизни. Разочарованность, недовольство условіями жизни, романтическое, не совсѣмъ ясное исканіе свободы, которыя Пушкинъ влагаетъ въ своихъ героевъ, несомнѣнно складывались подъ вліяніемъ Байроновской поэзіи.

„Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ“, соч. А. Н. Пыпина. „Вѣстникъ Европы“ 1871 г., май, стр. 249.

Наука и литература шли шагъ за шагомъ по слѣдамъ европейскаго движенія. Начиная съ Петра... русская образованность постепенно воспринимала множество различныхъ вліяній, исходившихъ изъ современнаго европейскаго движенія. Такъ, въ теченіе прошлаго столѣтія явились у насъ вольфіанская философія, масонство, французская философія и вольнодумство, реакція мечтательности и сентиментальности.

Такъ теперь открываются романтическія вліянія, въ ихъ различныхъ видахъ, отъ чистаго мистицизма до скептической разочарованности; въ связи съ романтизмомъ у насъ, какъ и въ Европѣ, начинается, съ одной стороны, либеральное движеніе, съ другой—правительственная реакція; въ такой же связи съ романтизмомъ развивается изученіе „народной“ старины и поэзіи, археологіи и ученіе о „народности“, затѣмъ Шеллингова философія и гегельянство въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, наконецъ, фурьеризмъ и сенъ-симонизмъ.

Байроновскій скептицизмъ отвергалъ тѣ узкія рамки, въ которыхъ была насильственно заключена европейская жизнь, и отрицаніе было такъ сильно, что... его противники не находили для его поэзіи другой характеристики, кромѣ „адской“ и „сатанинской“. Эта сторона европейской романтики, тѣсно связанная съ политическимъ броженіемъ того времени, отразилась въ нашей литературѣ такъ же, какъ отразилось европейское политическое броженіе въ нашей общественной жизни. Разочарованность, недовольство условіями жизни, романтическое, не совсѣмъ ясное исканіе свободы, которыя Пушкинъ влагаетъ въ своихъ героевъ, несомнѣнно складывались подъ вліяніемъ Байроновской поэзіи.

Мы привели нѣсколько наиболѣе яркихъ примѣровъ; въ сущности же, все разсужденіе о романтизмѣ взято почти цѣликомъ изъ статей г. Пыпина: мѣстами мы встрѣчаемся съ легкою перефразировкой, мѣстами же съ дословными выписками, сдѣланными съ примѣрною аккуратностью — съ сохраненіемъ всѣхъ характерныхъ выраженій и даже всѣхъ знаковъ препинанія.

Съ 15 стр. натапливаемся мы на другаго рода заимствованія; г. Трубочевъ, находя, вѣроятно, неудобнымъ такъ же копировать Ап. Григорьева и Бѣлинскаго, прибѣгаетъ къ слѣдующей уловкѣ: онъ выписываетъ (наприм., на стр. 15) слово въ слово цѣлый рядъ мнѣній Ап. Григорьева о Пушкинѣ, выдавая ихъ, конечно, за свои, а затѣмъ ставитъ ковычки, увеличиваетъ шрифтъ и добросовѣстно указываетъ, что слѣдующія 5 строкъ онъ взялъ у извѣстнаго критика.

С. С. Трубачевъ, 15 стр.

Въ юности Пушкинъ долго носилъ въ себѣ мутно-чувственную струю лежнаго классицизма, которая въслѣдствіи очистилась у него до наивнаго пластицизма древности. . . . Только великая и цѣльная натура Пушкина, рѣшительно не поддававшаяся туманному вѣянью, какъ слишкомъ ясная и живая, — подвергаясь вліянію стихійно-тревожнаго, боролась съ нимъ, увѣковѣчивая борьбу высокими созданіями, пыталась уходить отъ стихійно-тревожнаго въ разсудочныя и простодушныя воззрѣнія Ивана Петровича Бѣлкина, — и опять будила въ себѣ страстные элементы, но будила ихъ, уже овладѣвая ими, возводя ихъ въ мѣру и гармонію.

Но такая предосторожность кажется г. Трубачеву совершенно излишнею по отношенію къ писателю менѣе извѣстному, прекрасная книжка котораго прошла почему-то незамѣченной въ нашей литературѣ. Мы говоримъ объ *Очеркахъ истории русской журналистики 20-хъ и 30-хъ годовъ* г. С. Весина. О существованіи этой работы г. Трубачевъ не обмолвился ни единымъ словомъ, а, между тѣмъ, она сослужила ему большую службу при характеристикѣ журнальных дѣятелей 20-хъ годовъ. Приведемъ еще одинъ примѣръ добросовѣстнаго отношенія г. Трубачева къ чужому труду.

С. С. Трубачевъ, стр. 17.

Журналистика 20-хъ годовъ была чрезвычайно полезнымъ факторомъ въ дѣлѣ умственнаго развитія современнаго общества. Въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей она стремилась къ увеличенію круга полезныхъ знаний въ обществѣ, къ распространенію знакомства съ западно-европейскимъ образованіемъ, съ лучшими представителями науки и искусства, — она стремилась къ возбужденію любви къ національному, къ искорененію или ослабленію въ обществѣ печальныхъ явленій невѣжества и необузданности стремленій, къ распространенію правильныхъ взглядовъ на жизнь семейную и общественную. Она обличала, хотя и не прямымъ и сдержаннымъ образомъ, произволъ помѣщичьей власти и разныя печальныя явленія въ служебномъ мѣрѣ. Она была скромною учительницей добра и разума. Она, въ лицѣ болѣе просвѣщенныхъ своихъ представителей, никогда не закрывала своихъ страницъ для выраженія лучшихъ стремленій своего времени. Въ ряду ея дѣятелей. . . . .
и т. д., и т. д.

Далѣе, на стр. 18, 19, 20 и 21, идетъ или легкая перефразировка, или сплошное заимствованіе изъ указанной книги. Характерна одна подробность: г. Весинъ на стр. 12, 13 и 14, говоря о значеніи *Московского Телеграфа* и его редактора Н. Полеваго, приводитъ прекрасныя слова Бѣлинскаго (т. XII, стр. 176 и 177). Г. Трубачевъ ни въ чемъ не хочетъ уступить ему и съ своей стороны дѣлаетъ то же самое, но... въ вѣ-

Ал. Григорьевъ, 1 т., стр. 234.

Онъ долго, наприм., носилъ въ себѣ вѣдную мутно-чувственную струю лежнаго классицизма. Эта мутная струя въслѣдствіи очистилась у него до наивнаго пластицизма древности.

Стр. 300. Великая и цѣльная натура Пушкина, рѣшительно не поддававшаяся туманному вѣянью, какъ слишкомъ ясная и живая, — подвергаясь вліянію стихійно-тревожнаго, боролась съ нимъ, увѣковѣчивая борьбу высокими созданіями, пыталась уходить отъ стихійно-тревожнаго въ разсудочныя и простодушныя воззрѣнія Ивана Петровича Бѣлкина, — и опять будила въ себѣ страстные элементы, но будила ихъ, уже овладѣвая ими, возводя ихъ въ мѣру и гармонію.

Весинъ, стр. 5.

Журналистика 20-хъ годовъ была чрезвычайно полезнымъ факторомъ въ дѣлѣ умственнаго развитія современнаго общества. Въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей она стремилась къ увеличенію круга полезныхъ знаний въ обществѣ, къ распространенію знакомства съ западно-европейскимъ образованіемъ, съ лучшими представителями науки и искусства, — она стремилась къ возбужденію любви къ національному, къ искорененію или ослабленію въ обществѣ печальныхъ явленій невѣжества и необузданности стремленій, къ распространенію правильныхъ взглядовъ на жизнь семейную и общественную. Она обличала, хотя и не прямымъ и сдержаннымъ образомъ, произволъ помѣщичьей власти и разныя печальныя явленія въ служебномъ мѣрѣ. Она была скромною учительницей добра и разума. Она, въ лицѣ болѣе просвѣщенныхъ своихъ представителей, никогда не закрывала своихъ страницъ для выраженія лучшихъ стремленій своего времени. Въ ряду ея дѣятелей. . . . .
(см. г. Весина, стр. 5 и 6).

сколько иной формѣ; онъ выписываетъ (стр. 21) 21 строку изъ соч. Бѣлинскаго, но ковычекъ не ставитъ, а дѣлаетъ въ самомъ концѣ такую ссылку: XII т., 176; читатель долженъ самъ догадываться, что принадлежитъ Бѣлинскому, что г. Трубачеву; это сдѣлать тѣмъ болѣе трудно, что молодой ученый перемѣщаетъ отдѣльныя фразы знаменитаго критика, приводить ихъ не въ той послѣдовательности и ссылается на 176 стр., забывая о 177 стр., которую онъ, тѣмъ не менѣе, пользуется. Совершивъ такой подвигъ, г. Трубачевъ возвращается къ копированію г. Весина и всю 22-ю стр. посвящаетъ дословной перепискѣ 14 и 15 страницъ книжки послѣдняго. И такъ, мы дошли до характеристики вѣяній, имѣвшихъ вліяніе на молодаго Пушкина. Имъ посвящены 5 страницъ (25—29). Увы, всѣ эти пять страницъ цѣликомъ списаны съ г. Анненкова (*Пушкинъ въ Александровскую эпоху*, страницы 101, 102, 106, 107, 108, 109, 111, 112, 113, 114, 117, 131, 132, 219, 220, 221, 222, 223, 224; *Матеріалы для биографіи Пушкина*, стр. 150, 254).

Такова первая глава, гдѣ авторъ долженъ былъ выказать наибольшую самостоятельность. Въ самомъ дѣлѣ тутъ мы встрѣчаемъ не сухой перечень критическихъ отзывовъ о Пушкинѣ, но именно тѣ взгляды и обобщенія, которые и составляютъ собственно работу г. Трубачева. И такъ, на 20 страницахъ почти ни одного собственного слова, почти ни одной ссылки! Послѣ этого серьезное отношеніе къ книгѣ Трубачева становится невозможнымъ. Въ концѣ книги мы съ недоумѣніемъ остановились еще передъ однимъ явленіемъ. Но, прежде чѣмъ обратиться къ нему, укажемъ читателю на тѣ заимствованія (конечно, далеко не всѣ), которыя мы отмѣтили мимоходомъ.

Страница 32—см. Бѣлинск., VIII, 114; *стр. 33*—Бѣл., VIII, 431, 447, 423, 427; *стр. 36*—Бѣл., VIII, 423; *стр. 37*—см. Анненк.: *Мат. для библ. Пушк.*, 60; *стр. 39 и 40*—см. *Очерки* Весина, 76 (перевраць); *стр. 42 и 43*—см. *Матер.* Анненкова, 62; *стр. 50—ib.*, 61; *стр. 52*—Бѣл., VIII, 433; *стр. 54*—*Матер.* Анненк., 22, 95; *стр. 55*—Бѣл., VIII, 434; *стр. 56*—Анненк.: *Матер.*, 94; *стр. 66—ib.*, 101; *стр. 73—ib.*, 103; *стр. 73*—Бѣл., I, 69 и 73; *стр. 73—74*—Анненк.: *Пушк. въ Ал. эп.*, 230 и 231; *стр. 75—ib.*, 235; *стр. 176*—Бѣл., VIII, 508 и 523; *стр. 177—ib.*, 529 и 603; *стр. 206*—Анненк.: *Пушк. въ Ал. эп.*, 295; *стр. 207—ib.*, 295; *стр. 246*—Пыпина: *Бѣлинск., его жизнь и переписка*, 91; *стр. 314*—Григорьевъ, I, 594; *стр. 344—ib.*, предисловіе Н. Н. Страхова, 4; *стр. 345—346—ib.*; *стр. 384*—Григорьевъ, 621 и т. д., и т. д.

Въ отмѣткахъ этихъ мы не касались статей чисто-компилятивнаго характера, гдѣ г. Трубачевъ, по необходимости, долженъ повторять чужія мысли и слова. Главы же, къ которымъ мы перейдемъ, много интереснѣе первыхъ. Проникнутый сознаніемъ собственнаго достоинствъ, молодой авторъ сыплетъ теперь выраженіями, вроде *мы покажемъ, наше изслѣдованіе*, хотя было бы значительно великодушнѣе писать: „Ап. Григорьевъ (Страховъ, Пыпинъ) покажетъ“, или: „изслѣдованіе Бѣлинскаго, Григорьева“ и пр., и пр. Здѣсь г. Трубачевъ, ослѣпленный собственною ученостію, полемизируетъ съ Бѣлинскимъ, Добролюбовымъ, Писаревымъ, Н. Г. Чернышевскимъ и бросаетъ нѣсколько „свѣтлыхъ“ мыслей, которыя—за немногими исключеніями—составляютъ, на этотъ разъ, его полную собственность.

Мы не будемъ слѣдить за г. Трубачевымъ въ его дальнѣйшемъ изслѣдованіи,—читатель достаточно ознакомленъ съ оригинальностью его пріемовъ; мы не будемъ даже отмѣчать противорѣчій, избыливающихъ

въ его книгѣ, — они естественны у автора, собирающаго съ міру по нитѣмъ для своего ученаго труда; мы сдѣлаемъ только нѣсколько замѣчаній объ общемъ характерѣ послѣдующихъ главъ.

Заявивъ, что послѣ смерти Бѣлинскаго „критика пришла въ состояніе упадка“, г. Трубочевъ приступаетъ къ доблестной битвѣ съ Писаревымъ, Добролюбовымъ, Н. Г. Чернышевскимъ и отводитъ, разумѣется, особенное мѣсто Григорьеву, доказывая этимъ, что умѣетъ быть благодарнымъ. Нельзя не отмѣтить и здѣсь нѣкоторой оригинальности приѣмовъ. Выписывая слова Н. Г. Чернышевскаго или Писарева, авторъ „опровергаетъ“ ихъ, истолковывая часто весьма произвольно мысль цитированныхъ фразъ (стр. 336 и 337).

‘О Добролюбовѣ г. Трубочевъ говоритъ мало и лишь мимоходомъ заявляетъ, что до проникательнаго пониманія Пушкина этотъ критикъ не дошелъ. Н. Г. Чернышевскаго онъ извѣтъ за „забавную игру“ словомъ *прекрасное*, измышляя его собственное опредѣленіе, курьезность котораго уже была подмѣчена однимъ изъ рецензентовъ его книги; далѣе молодой авторъ упрекаетъ Н. Г. Чернышевскаго за силлогизмы послѣдняго, страдающіе „полнымъ отсутствіемъ здраваго смысла и знанія основныхъ законовъ логики“. Переходя къ Григорьеву, молодой ученый умиляется и пишетъ ему панигирикъ, забывая въ экстазѣ, что на двухъ страницахъ повторяетъ г. Страхова (*Трубочевъ*, стр. 345—346; *Страховъ*, предисловіе). Далѣе, замѣтивъ къ слову, что г. Пыпинъ не отличается „проницательностью взглядовъ“, и обнаруживъ, такимъ образомъ, чудовищную неблагодарность къ писателю, слова котораго такъ часто украшали страницы ученой книги, — г. Трубочевъ переходитъ къ Писареву и становится неумолимымъ. Онъ укоряетъ даровитаго критика въ невѣжествѣ, „въ хлестаковской развязности“, „въ дѣтскомъ непониманіи русской литературы“, въ „грубости, дерзости и плоскости насмѣшекъ“, въ „шутовскомъ кривляніи“, въ „безстыдномъ глумленіи“, въ „злонамѣренномъ подтасовываніи фактовъ“, называя за все это Писарева „истиннымъ мошенникомъ пера“ и съ паѣосомъ восклицая, что Писаревъ вмѣстѣ съ *Малкомъ* долженъ храниться въ музей всякихъ рѣдкостей, какъ исключительный и любопытный экземпляръ „игры природы“.

Мы не будемъ защищать покойнаго критика отъ воинственныхъ нападеній г. Трубочева, — Писаревъ въ этомъ не нуждается: его заслуги, его заблужденія, его ошибки давно оцѣнены и взвѣшены, — мы только спрашиваемъ, прилично ли молодому ученому бросать грязью въ глубоко искреннаго писателя, — молодому ученому, единственная заслуга котораго состоитъ покуда въ посвященіи великому имени Пушкина книги, составляющей сплошную плагиатъ?

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ.

„Власть московскихъ государей“. М. Дьяконова. — „Своморохи на Руси“. А. С. Фаминина. — „Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ“. В. Мясотина. — „Дѣйствія нижегородской губернской ученой архивной комиссіи“. — „Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи“. — „Материалы по исторіи Воронежской и соседнихъ губерній“. — „Эскизы преданій и быта ивородцевъ Глазовскаго уѣзда“. Н. Первушина. — „Pokucie“. Oskar'a Kolberg'a.

Власть московскихъ государей. Очерки изъ исторіи политическихъ идей древней Руси въ концѣ XVI вѣка. М. Дьяконова. Книга состоитъ изъ 6 главъ: первыя двѣ имѣютъ вступительный характеръ и изображаютъ способы вліянія византийской государственной теоріи на

Русь, — черезъ посредство церкви, — и понятія о власти, распространены въ древнерусской письменности до XVI вѣка; слѣдующія двѣ главы, составляющія центръ сочиненія, излагаютъ впечатлѣнне, произведенное на Руси флорентійскою унией и паденіемъ Константинополя, и образование подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній новой національной теории власти. Наконецъ, въ послѣднихъ двухъ изсмѣдуются практическія приложенія этой теории въ сношеніяхъ съ иностранными государствами и по отношенію къ служилому сословію.

Почти двадцать лѣтъ тому назадъ (1870) на ту же тему о московскомъ самодержавіи писалъ Костомаровъ. Сопоставляя его работу съ работою г. Дьяконова, мы легко замѣтимъ полный контрастъ въ постановкѣ темъ у того и у другаго. Для Костомарова самодержавіе есть, прежде всего, реальное явленіе русской исторіи, которое подлежитъ объясненію изъ русской исторіи: онъ дѣлаетъ для этого объясненія обзоръ политическаго и общественнаго устройства древней Руси и приходитъ къ заключенію, что „обстоятельства, къ которымъ привела Русь вся ея предшествовавшая судьба, были достаточны для возбужденія рѣшительныхъ стремленій къ самодержавію безъ постороннихъ чуждыхъ вліяній“ (Костомаровъ разумѣетъ тутъ мнѣніе о вліяніи „хитрой гречанки“). Г. Дьяконовъ далекъ отъ такой широкой постановки вопроса. То самодержавіе, съ которымъ мы имѣемъ дѣло въ его книгѣ, есть явленіе не политической жизни, а политической литературы, — не фактъ, а „идея“. Подготовка идеи, формулированіе идеи и приложеніе идеи — вотъ исключительное содержаніе его темы. Хотя въ этомъ видѣ тема и теряетъ значительную часть своего интереса, тѣмъ не менѣе, и ея разработка стоитъ труда, и та тщательность и серьезность, съ которой г. Дьяконовъ ведетъ эту разработку, обязываетъ рецензента внимательно отнестись къ ея результатамъ.

Начнемъ съ подготовки идеи до второй половины XV вѣка. Авторъ указываетъ, какъ на главный проводникъ византійской теории, на авторитетъ константинопольскаго патріархата и на вытекавшую отсюда косвенно власть византійскаго императора надъ русскою церковью. Онъ даже считаетъ возможнымъ поставить вопросъ о „существованіи политической зависимости древней Руси отъ Византійской имперіи“; хотя онъ и отвергаетъ такую зависимость, но полагаетъ, что „идея о ней возникла у грековъ довольно рано, продержалась довольно долго и получила нѣкоторое отраженіе даже въ официальныхъ сферахъ древней Руси“. Факты, сопоставленные имъ, очень интересны (стр. 14—22); мы видимъ въ восточной имперіи слабые отголоски той теории, которая въ западной дала матеріалы для Dubos и Фюстель-де-Куланжа; во всякомъ случаѣ, у насъ эта теорія не только не имѣла практическаго вліянія, но при случаѣ вызвала принципиальный отпоръ: „мы имѣемъ церковь, а не царя“, утверждалъ еще Василій Димитріевичъ въ концѣ XIV вѣка. Въ собственной нашей литературѣ духовенство проводило ученіе о богоустановленности власти; врядъ ли только это ученіе мѣшало насильственнымъ захватамъ власти, какъ полагаетъ авторъ: въ нашихъ лѣтописяхъ при междувѣдическихъ столкновеніяхъ Богъ всегда оказывается на той сторонѣ, на которой лѣтописецъ. Мы не думаемъ также, чтобы это ученіе доводило до *обоготворенія* лица государя; это было бы черезъ-чуръ по-римски; и самая цитата, нѣсколько разъ приводимая въ доказательство этого авторомъ, скорѣе доказываетъ противоположное: „естествомъ бо земнымъ подобенъ есть всякому человѣку цесарь, властью же сана — яко Богъ“.

Византийское учение и его переложение в русской литературе, конечно, не подготовили самодержавия; но идея самодержавия почерпнута была из этих источников, и в этом смысле можно говорить об источниках, как о подготовивших теорию. Самый процесс создания теории, сдѣлавшей московскаго царя центромъ православія, Москву—третьимъ Римомъ, изложенъ г. Дьяконовымъ въ главахъ 3-й и 4-й. Сюжетъ этотъ не новый въ литературѣ и авторъ самъ признаетъ, что ему не удалось прибавить къ его обработкѣ ничего существеннаго. Обращая все свое вниманіе на византийское вліяніе при созданіи московскихъ политическихъ факцій, авторъ не замѣчаетъ, что византийскіе мотивы были только позднѣйшею прилѣпкой къ раиѣ созданнаго національному фону; впрочемъ, болѣе подробное разъясненіе этого обстоятельства отлагаемъ до другаго случая. Мы не можемъ также согласиться съ авторомъ, когда онъ различаетъ въ политическомъ ученіи Іосифа Волоцкаго, главнаго представителя теории абсолютизма, два періода: первый, когда Іосифъ обусловливаетъ повиновеніе царю соглашеніемъ его поведенія съ предписаніями религіи, и второй, когда онъ считаетъ царя отвѣтственнымъ только передъ Богомъ; при характеристикѣ втораго періода авторъ опять выдвигаетъ свою теорію об „обожествленіи личности царя“. По нашему мнѣнію, Іосифъ и при Иванѣ III, и при Василии III держался одной и той же теоріи абсолютизма ограниченаго правами церкви: конечно, Богъ предалъ царю „и церковное, и монастырское“, но только подъ условіемъ — не пользоваться властью во вредъ церкви, потому что иначе „не точю власть (значитъ и власть) *вземлетъ Богъ* отъ иже церковная и монастырская восхощающихъ, но и души отъемлетъ страшными лютыми муками“ (послание къ Третьякову-Ховрину). Вѣрный теоріи двухъ мечей, извѣстной въ русской передѣлкѣ того времени, онъ только, пугая муками и страшными примѣрами, употреблялъ, прежде всего, мечъ духовный, который „пастырю церкви достоитъ защищаться и обороняться первѣе“; но при нуждѣ, и „помощію плечій мірскихъ дѣйствовати могутъ мечемъ вешественнымъ“ (*brachium seculare*).

Послѣднія двѣ главы, по нашему мнѣнію, составляютъ наиболѣе интересную часть книги. Въ первой авторъ рассказываетъ, какъ московскіе государи, подобно своимъ слугамъ, мѣстничались съ сосѣдними государами „мѣстами“ и „случаями“; матеріалъ, хотя не новый сгруппированъ очень удачно. Впрочемъ, все это мѣстничество московскихъ государей оказывается по тѣмъ же даннымъ простымъ подобиемъ *discendi* московской дипломатіи; и тотъ же Иванъ IV, который въ 1578 г. полагалъ, что „по тѣмъ по всѣмъ случаямъ государю вашему Степанъ съ нами въ равномъ братствѣ быти непригоже“, въ 1581 г. написалъ Баторію братомъ, утѣшая себя тѣмъ, что „котораго извѣчнаго государя, какъ его ни напиши, а его государя во всѣхъ земляхъ вѣдаютъ какою онъ государь“. Въ послѣдней главѣ авторъ сопоставляетъ право и фактъ въ дѣлѣ служилыхъ отъѣздовъ. Здѣсь, наконецъ, мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ жизни, а не съ теоріей. Противорѣчіе теоретической свободы отъѣздовъ изъ Москвы съ возрастающей невозможностью ихъ на практикѣ до сихъ поръ не было изображено въ литературѣ съ такою яркостью, какъ у г. Дьяконова, и, несомнѣнно, „договорная“ теорія еще на одномъ пунктѣ должна уступить поле битвы своимъ противникамъ.

Книга г. Дьяконова написана добросовѣстно и талантливо. Недостатки ея вытекаютъ изъ самой постановки темы. Мы не говоримъ об

изученіи вопроса о самодержавіи въ рамкахъ, поставленныхъ Костомаровымъ: для этого нужно имѣть цѣльный взглядъ на весь ходъ русской исторіи. Но если рамки Костомарова черезъ-чуръ широки, то рамки г. Дьяконова слишкомъ ужь узки. Это не исторія самодержавія и даже не исторія *идеи* самодержавія, а отрывки изъ исторіи византійскихъ вліяній на идею самодержавія. Оставаясь въ области „политическихъ идей“, авторъ могъ сдѣлать больше. Совершенно въ сторонѣ осталось вліяніе польско-литовскаго государственнаго права, несомнѣнно весьма значительное; въ сторонѣ остались и теоріи самодержавія, выработанныя на чисто-національномъ матеріалѣ, и теоріи противоположныя осифлянскій. Современники хорошо различали между „вотчиннымъ“ государствомъ (т.-е. неограниченнымъ) и „урядническимъ“ (т.-е. договорнымъ), между государемъ „посаженымъ“ и „извѣчнымъ“; если осифляне защищали одно, то противники ихъ защищали другое; и нельзя сказать, чтобы осифлянскія теоріи воспроизводили дѣятельность, а теоріи ихъ противниковъ защищали утопіи: дѣйствительность и идеализація были и тамъ, и здѣсь; идеи „просвѣтителя“ о государѣ „Божію милостію“ какъ разъ не прилагаются къ государямъ конца XVI и начала XVII вѣка; а, съ другой стороны, идеи „бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ“ несомнѣнно стоятъ въ связи съ дѣйствительностью, съ первымъ земскимъ соборомъ, будемъ ли мы считать, что эта „бесѣда“ его вызвала, или что она сама была вызвана этимъ соборомъ. Такимъ образомъ, мы думаемъ, что самая большая ошибка въ сочиненіи г. Дьяконова, это—его первое заглавіе: „власть московскихъ государей“.

Скоморохи на Руси. А. С. Фаминцына. Спб., 1889 г. Книга представляетъ очень полезный подборъ матеріала, относящагося къ скоморошеству древней Руси. Подъ скоморошествомъ разумѣютъ весьма многое: музыкантъ, танцоръ и актеръ, пѣвецъ былинъ, придворный шутъ и скрипачъ на бѣдной деревенской свадьбѣ,—все это одинаково „скоморохи“. Дѣло еще усложняется тѣмъ, что на всемъ протяженіи древней русской исторіи успѣло перемѣниться, исчезнуть и вновь родиться немало разныхъ типовъ скомороха. Нельзя сказать, чтобы автору вполне удалось разъяснить всѣ эти типы и условія ихъ появленія и исчезновенія. Самый способъ изложенія, какъ намъ кажется, не совсемъ благоприятствуетъ такому разъясненію. Г. Фаминцынъ классифицируетъ свой матеріалъ не хронологически, а систематически, причемъ дѣленіе основано на случайныхъ внѣшнихъ признакахъ и не соответствуетъ той классификаціи, которую авторъ получаетъ въ результатъ своего изложенія; кромѣ того, внутри каждой рубрики мелькаютъ передъ читателемъ свидѣтельства изъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ сортовъ матеріала, поневолѣ болѣе или менѣе отрывочныя. Неудобство изложенія выходитъ двоякое: съ одной стороны, чрезвычайная неполнота въ каждой данной рубрицѣ, а съ другой—безпрестанныя повторенія и расплывчатость изложенія. Можно бы было пожелать также болѣе серьезнаго сравнительно-литературнаго аппарата и болѣе детальнаго изслѣдованія чужеземныхъ источниковъ какъ формы, такъ и продуктовъ нашего скоморошества. Наконецъ, слѣдовало бы остановиться на вопросѣ объ общественномъ положеніи и социальномъ происхожденіи скомороховъ въ разное время. Это могло бы, какъ мы думаемъ, освѣтить нѣкоторые условія измѣненія скоморошескихъ типовъ. Всѣ эти недочеты, впрочемъ, не лишаютъ работы г. Фаминцына значенія въ нашей небогатой еще культурно-исторической литературѣ.

Крестьянский вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ. В. Мякотина. Спб., 1889 г. Цѣна 1 руб. 50 коп. Сочиненіе г. Мякотина представляетъ изъ себя весьма почтенную работу и, можно сказать, это единственный трудъ не только въ нашей исторической литературѣ, но въ исторической литературѣ вообще, специально посвященный предмету, котораго до сихъ поръ касались только эпизодически въ сочиненіяхъ, рассматривающихъ вообще судьбы польскаго крестьянства или же эпоху паденія Польши. Авторъ особенно основательно, что и понятно въ виду его темы, изучилъ польскую публицистику прошлаго вѣка по крестьянскому вопросу, хотя, къ сожалѣнію, не всѣ брошюры имѣлъ подъ руками. Во всякомъ случаѣ, однако, составленный имъ списокъ польскихъ брошюръ послѣдней четверти XVIII в., относящихся къ крестьянскому вопросу (стр. 15—30), можно считать самымъ полнымъ, какой только существуетъ (всего 88 названій). Кроме того, авторъ изучилъ и труды новѣйшихъ историковъ, затрогивающихъ исторію крестьянъ и крестьянскаго вопроса въ Польшѣ въ эпоху раздѣловъ: указанія на нихъ съ критическими описаніями онъ дѣлаетъ на стр. 30—36 своей книги, причемъ называетъ польскихъ сочиненій 12, русскихъ 7 и нѣмецкихъ 3. За введеніемъ, въ коемъ г. Мякотинъ устанавливаетъ свою точку зрѣнія, и за библиографіей, какъ только что сказано, довольно обширной, рассматривается сначала *Положеніе польскихъ крестьянъ въ послѣдней четверти XVIII в.* (глава I), потомъ дается очеркъ *Публицистики по крестьянскому вопросу въ эпоху раздѣловъ* (гл. II) и заканчивается все сочиненіе обзоромъ *Миръ частныхъ лицъ, законодательства и правительственныхъ органовъ въ крестьянскомъ вопросѣ* (гл. III). Въ этихъ внѣшнихъ рамкахъ г. Мякотинъ ставитъ и рѣшаетъ вопросъ: „могла ли польская Рѣчь Посполитая сама распутать завязанный вѣками узелъ крестьянскаго вопроса?“ Его интересуетъ, главнымъ образомъ, что было выработано теоретиками крестьянскаго вопроса и что изъ всего этого было осуществляемо на практикѣ, а чтобы имѣть возможность вполне оцѣнить какъ одно, такъ и другое, онъ предпосылаетъ исторіи крестьянскаго вопроса въ публицистикѣ и въ законодательствѣ очеркъ исторіи самихъ крестьянъ и особенно ихъ положенія передъ наступленіемъ эпохи реформъ. На поставленный выше главный вопросъ отвѣтъ дается отрицательный. „Шляхта,—такими словами заканчивается послѣдняя глава,—не сумѣла сама разрѣшить крестьянскаго вопроса, и, какъ предсказывали ей ея собственные публицисты, разрѣшеніе его перешло въ чужія руки“ (стр. 229). Такой взглядъ весьма часто приводитъ г. Мякотина въ столкновеніе съ польскимъ историкомъ Корзономъ, въ сочиненіи коего *Внутренняя исторія Польши при Станиславѣ-Августѣ* (четыре большихъ тома) есть обширная глава (болѣе 150 страницъ), посвященная разбору крестьянскаго вопроса въ Польшѣ при названномъ королѣ и, по отзыву самого г. Мякотина, представляющая лучший, существующій до сихъ поръ въ польской литературѣ трудъ по этому предмету. Г. Корзонъ, дѣйствительно, внесъ въ свое представленіе эпохи 1764—1794 г. нѣкоторый оптимизмъ, и авторъ русской енижки отнесся къ дѣлу трезвѣе, оставаясь, однако, строго объективнымъ и не впадая въ одностороннее отношеніе къ борющимся въ тогдашней Польшѣ партіямъ. По всей вѣроятности, *Крестьянский вопросъ въ Польшѣ* обратитъ на себя вниманіе польскихъ критиковъ, которые, конечно, отмѣтятъ ровный и спокойный тонъ, какимъ пронизано все сочиненіе: мы не приучили другъ друга къ такому тону, когда пишемъ одни о другихъ. Отмѣтимъ

еще, что на первомъ листѣ стоитъ надпись: „посвящается памяти дорогаго учителя Ореста Ѳеодоровича Миллера“.

Дѣйствія нижегородской губернской ученой архивной комиссiи, изд. подъ ред. А. С. Гацисскаго. Вып. 1—3. Нижній-Новгородъ, 1888 г. Нижегородская архивная комиссiя одна изъ самыхъ молодыхъ: она открыла свои дѣйствія съ октября 1887 г. За первый годъ дѣятельности, отчетъ о которомъ помѣщенъ въ разбираемыхъ выпускахъ *Дни-стей*, новая комиссiя, конечно, не успѣла отличиться учеными работами; самымъ важнымъ занятiемъ ея было „сосредоточенiе въ историческомъ архивѣ комиссiи дѣлъ различныхъ учреждений Нижегородской губернии, разборъ и описанiе ихъ“. И въ числѣ приложений къ журналамъ засѣданiй комиссiи наиболѣе значительныя относятся къ приведенiю въ извѣстность матеріаловъ, относящихся къ Нижегородской губернии: директоръ московскаго архива минист. юстици Н. А. Поповъ сообщилъ о документахъ, хранящихся въ этомъ архивѣ; бібліотекаръ московскаго архива иностранныхъ дѣлъ И. Ѳ. Тольмаковъ привелъ нѣкоторыя изъ „приказныхъ дѣлъ“, относящихся къ Нижегородскому краю; тутъ же находимъ „списокъ учреждений, дѣла которыхъ хранятся въ архивѣ нижегородскаго губернскаго правленiя“. Первое изданiе комиссiи, приготовленное къ юбилею основанiя Нижняго-Новгорода (*А. М. Меморскаю*: „Основатель Нижняго-Новгорода, великій князь Георгій II Всеволодовичъ“, 1889) научнаго значенiя не имѣетъ.

Извѣстія таврической ученой архивной комиссiи, подъ ред. Ѳ. Лашкова, № 6. Симферополь, 1888 г. Въ этомъ выпускѣ *Извѣстiй* есть и интересные матеріалы и изслѣдованiя. Къ первымъ относятся *Ордеръ кн. Потемкина за 1787 г.* и особенно любопытное *Генеральное описанiе Крыма 1784*; ко вторымъ: *Пояздка въ г. Старый Крымъ г. Маркевича* (топографiя и древности), и *Судьба Крыма при Митридатѣ Евпаторъ г. Ребеда* (въ примѣчанiяхъ подборъ текстовъ изъ Юстина, Плинія, Аппiana, Страбона, Птолемея и переводъ извѣстной надписи Діофанта, съ комментариемъ).

Матеріалы по исторiи Воронежской и сосѣднихъ губерній. Выпускъ XIII. Воронежъ, 1888 г. Собравъ изданныя въ первыхъ 10 выпускахъ документы въ большой томъ *Воронежскихъ актовъ*, отлично изданный и снабженный прекрасными указателями, гг. Л. Б. Вейнбергъ и А. А. Полторацкая энергично продолжаютъ изданiе матеріаловъ по исторiи Воронежскаго края. Большая часть документовъ XIII выпуска относится къ послѣднимъ годамъ XVII в. и первымъ годамъ XVIII и состоитъ въ перепискѣ острогожскаго полковника И. С. Саса и верхососенскаго коменданта Ѳ. А. Веневитинова по поводу военныхъ передвиженiй и оборонительныхъ мѣръ на югѣ. Изъ другихъ документовъ упомянемъ тарханную грамоту Кириллову-Бѣлозерскому монастырю 1606 г. и переписныя книги города Верхососенска. Въ актахъ немало данныхъ для исторiи колонизациі (наприм., №№ 565—6, 583—4, 603—6, 610 и др.)

Эскизы преданiй и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда. Н. Первухина. Вып. II и III. Вятка, 1888 г. Мы уже говорили въ „Библиографическомъ отдѣлѣ“ *Русской Мысли* о первомъ выпускѣ „эскизовъ“ г. Первухина; второй и третiй выпуски столь же интересны и богаты наблюденiями, сдѣланными на мѣстѣ. Въ эскизѣ II (1—139) авторъ подробно рассказываетъ вотяцкіе праздники и связанные съ ними обряды. Третiй эскизъ (1—82) содержитъ сборникъ вотяцкихъ молитвъ, пѣсенъ, пословиць и загадокъ на вотяцкомъ языкѣ съ переводомъ на русскій. По-

реводъ—стихотворный и часто удачный, но за то далеко не буквальный: очевидно, наприм., два стиха: „Брата за силу знаетъ народъ; Ловко сестренка дѣло ведетъ“—совсѣмъ не передаютъ четырехъ словъ подлинника: пѣзъ—батырь; нылызъ—ужасъ“. Желательно было бы, чтобы г. Первухинъ собралъ свои эскизы въ одну книжку.

Pokucie. Obraz etnograficzny. Oskar'a Kolberg'a. T. III. Kraków, 1888. Новый трудъ почтеннаго польскаго этнографа, 50-ти лѣтній юбилей котораго недавно праздновала польская интеллигенція, отличается обычными достоинствами его трудовъ: полнотой, систематичностью и высокими научными интересомъ сообщаемыхъ фактовъ,—недаромъ такъ высоко цѣнятся въ этнографической литературѣ его многотомный *Lud*, два первыхъ тома его *Pokucie*.

Настоящій (3-й) томъ посвященъ описанію танцевъ (приложены ноты), представленіямъ о кірѣ и природѣ, повѣрьямъ и пословицамъ галицкаго Покутья; для этнографа, историка культуры и литературы въ немъ богатый матеріалъ: не имѣя возможности исчерпать его, укажемъ на двѣ особенно выдающіяся легенды. На стр. 81—86 сообщаются оригинальные по своимъ подробностямъ рассказы о борьбѣ чорта съ Богомъ, твореніи міра и т. д.—дуалистическаго типа. Дуалистическія идеи сыграли громадную культурную и историко-литературную роль. Взволновавши христіанскую церковь въ первые вѣка нашей эры, онѣ широкимъ потокомъ прошли черезъ Византію на югъ и юго-западъ Европы и отразились тамъ въ движеніи народовъ и т. д.; распространяясь черезъ Византію же на сѣверъ, онѣ выразились въ Болгаріи движеніемъ богомиловъ и проникли оттуда въ Россію въ видѣ такъ называемыхъ „болгарскихъ басенъ“. Новѣйшія этнографическія изысканія открыли легенды таковаго космогоническо-дуалистическаго типа у финскихъ и сибирскихъ народцевъ и у русскаго населенія всей Россіи и Галиціи; анализъ этихъ легендъ даетъ возможность сдѣлать такой выводъ, что, кромѣ раннаго дуалистическаго теченія изъ Азіи въ Европу черезъ Византію, существовало подобное же инородческое вліяніе и, можетъ быть, другое болѣе позднее теченіе черезъ Сибирь и Уральскія горы. Мы слышали, что разработкѣ этого интереснаго вопроса будетъ посвященъ трудъ академика А. Н. Веселовскаго, имѣющій скоро выйти въ свѣтъ.

Другіе рассказы (стр. 105—6, 204—5) посвящены рахманамъ—таинственному и блаженному народу, въ которомъ ученые совершенно основательно видятъ отраженіе брахмановъ и гимнософистовъ „Александрія“, но который часто народъ сближаетъ съ „тѣмъ свѣтомъ“ и мертвецами. Г. Кольбергъ значительно пополняетъ небогатую литературу запутаннаго и неразработаннаго этнографическаго вопроса о рахманахъ и Рахманіи.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

„Руководство политической экономіи для учениковъ коммерческихъ и реальнхъ училищъ“. Д. Д. Моревъ. — „Матеріалы въ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи“. — „Матеріалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ С.-Петербургской губ.“. — „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Орловской губерніи“. — „Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ.“. — „Острожская волость“. — „Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири“.

Руководство политической экономіи для учениковъ коммерческихъ и реальнхъ училищъ. Составилъ Д. Д. Моревъ. Изданіе второе, дополненное. Спб., 1889 г. Настоящее второе изданіе носитъ

олѣе соотвѣтствующее заглавіе руководства „политической“, а не „коммерческой“ экономіи, какъ было въ первомъ изданіи. Это измѣненіе тоятъ въ связи съ дополненіями отдѣльных частей всей книги, при оторыхъ не является уже той несоразмѣрности между отдѣломъ, посвященнымъ обмѣну и распредѣленію, напримѣръ. Дополненія эти сдѣланы авторомъ, какъ онъ указываетъ въ предисловіи, въ виду указаній критики (*Вѣсти. Евр.*, январь 1885 г., и *Русск. Мысль*, августъ 1885 г.). Такое серьезное отношеніе къ серьезной критикѣ представляетъ довольно рѣдкое явленіе среди нашихъ авторовъ, и потому нельзя не подчеркнуть его здѣсь, тѣмъ болѣе, что вниманіе автора къ критикѣ послужило къ увеличенію достоинствъ его труда и книгу его можно рекомендовать не только какъ руководство для училищъ, но и для аждага желающаго въ сжатомъ, простомъ и общедоступномъ изложеніи ознакомиться съ основными положеніями экономической науки. Не ожемъ при этомъ, однако, не отмѣтить, что отдѣлъ объ обмѣнѣ, всеаки, занимаетъ во всей книгѣ гораздо большее мѣсто, чѣмъ это необходимо: такъ, напримѣръ, глава о торговлѣ и торговыхъ учрежденіяхъ можетъ быть значительно сокращена безъ ущерба для дѣла, такъ какъ многое изъ входящаго въ составъ ея извѣстно ученикамъ коммерческихъ училищъ изъ торговаго права; то же приходится казать про отдѣлъ о банкахъ. Слѣдовательно, это опущеніе не произвело бы пробѣла въ знаніяхъ учениковъ, но оно сберегло бы мѣсто для уясненія тѣхъ общихъ вліаній и того общаго значенія, которое мѣютъ банки и кредитъ въ развитіи экономическихъ отношеній. Крокъ того, почетное мѣсто, отведенное обмѣну, можетъ давать не правильное представленіе о значеніи въ дѣйствительной жизни обмѣна по равнеію съ производствомъ или распредѣленіемъ. Это тѣмъ болѣе возможно, что въ отдѣлѣ обмѣна дается мѣсто исторіи ярмарокъ, исторіи векселя, съ чѣмъ ученики, крокъ того, знакомятся изъ исторіи орговли, изъ вексельнаго права; объ исторіи же труда, наприм., о мѣнѣ формъ распредѣленія, дается лишь слабое понятіе и, притомъ, имоходомъ въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ, не выдѣляя этого въ особое поясненіе, какъ то дѣлается хотя бы для исторіи ярмарокъ. Не ожемъ не указать также на то, что авторъ, вводя терминъ постояннаго капитала, противопоставляетъ ему оборотный, опуская понятіе перемѣннаго капитала и не выясняя, что необходимыя средства для содержанія производителей во время работы могутъ быть названы капиталомъ никакъ не съ народно-хозяйственной точки зрѣнія. Странно также въ числѣ постоянныхъ капиталовъ встрѣтить „невещественные“ капиталы. Почему тогда не зачислить и трудъ въ разрядъ капиталовъ и гдѣ будетъ предѣлъ тому, что представляетъ собою капиталъ и что не капиталъ?

Несмотря, однако, на все указанное, *Руководство* г. Морева слѣдуетъ признать изъ тѣхъ, распространеніе которыхъ является весьма желательнымъ, такъ какъ оно не заключаетъ въ себѣ чего-либо шаблоннаго и въ своихъ наиболѣе основныхъ положеніяхъ представляетъ собою книгу, способствующую укрѣпленію въ обществѣ здравыхъ экономическихъ воззрѣній, причежь пріятную и полезную особенность этого труда составляетъ то обстоятельство, что авторъ постоянно имѣетъ въ виду условія русской экономической жизни, съ которыми, очевидно, хорошо знакомъ. Онъ безпрестанно останавливается на уясненіи отношенія того или иного теоретическаго положенія къ явленіямъ русской экономической дѣйствительности. Затѣмъ отводитъ, наприм., зна-

чительное мѣсто такимъ особенностямъ нашего экономическаго строя, какъ общинное землевладѣніе, не игнорируетъ также и кустарную промышленность. Нельзя поэтому не порадоваться тому успѣху, который, очевидно, имѣло это руководство, вышедшее въ сравнительно короткій промежутокъ времени вторымъ изданіемъ, которое опять-таки не явилось перепечаткой стараго, а получило значительное дополненіе въ отдѣлѣ распредѣленія и потребленія, причѣмъ дополнены не только отдѣлы, бывшіе и въ первомъ изданіи, но и внесены новые, наприм., о крестьянскомъ и дворянскомъ банкахъ, о рабочихъ союзахъ и стачкахъ, о законѣ Мальтуса, о причинахъ хозяйственныхъ кризисовъ и т. д.

Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи. Экономическая часть. Выпускъ IV. Княгининскій уѣздъ. Разсматриваемый трудъ составляетъ первый выпускъ второй серіи матеріаловъ, собираемыхъ нижегородскимъ земствомъ съ цѣлью произвести оцѣнку земли для правильнаго распредѣленія между плательщиками податной тягости. Первая серія матеріаловъ издана въ теченіе 1884—86 гг. и заключаетъ въ себѣ естественно-историческое изученіе губерніи, произведенное подъ руководствомъ проф. Докучаева. Съ 1887 года приступлено было къ экономическому изслѣдованію области, и выставленное въ заголовкѣ изданіе заключаетъ матеріалы по первому изслѣдованному уѣзду, Княгининскому. Задачей изслѣдованія, какъ сказано, было собрать матеріалы для правильной разцѣнки земли, а это значитъ—изучить губернію въ хозяйственномъ отношеніи, обрисовать производительность и доходность различныхъ ея угодій, въ различныхъ ея уголкахъ. Такимъ образомъ, по своей задачѣ, нижегородская земская статистика принадлежитъ къ такъ называемому черниговскому типу. Но какъ новѣйшее предпріятіе этого рода, она значительно отличается отъ своего прототипа, бывшаго первымъ опытомъ оцѣночнаго или, иначе, сельско-хозяйственнаго изслѣдованія области. Такъ, для опредѣленія нѣкоторыхъ важныхъ факторовъ производительности и доходности земли (количество скота, размѣры сдаваемой владѣльцами въ аренду земли и т. п.) нижегородское статистическое бюро прибѣгло къ подворному опросу населенія, чего не дѣлало черниговское земство. Затѣмъ, кромѣ экономическаго и бѣлаго почвеннаго изслѣдованія, которыми пользовались черниговскіе статистики, нижегородское бюро имѣло въ своихъ рукахъ данныя научнаго почвеннаго изслѣдованія губерніи, произведеннаго проф. Докучаевымъ. Дополнивъ его наблюденія почвенными свѣдѣніями, собранными во время производства экономическаго изслѣдованія специалистомъ-геологомъ г. Сиборцевымъ, однимъ изъ членовъ бюро, послѣднее составило почвенную карту изслѣдуемаго уѣзда (работа г. Докучаева имѣла въ виду цѣли губернскаго земства и не дала точной топографіи различныхъ почвъ) и получило, благодаря этому, возможность проверять результаты одного изслѣдованія данными другаго. Именно, такъ какъ важнѣйшимъ факторомъ доходности, а, слѣдовательно, и цѣнности земли, является качество почвы, то классификація мѣстностей уѣзда по ихъ доходности, опредѣленной экономическимъ изслѣдованіемъ, должна находиться въ соответствіи съ классификаціей ихъ по качеству почвы. Руководствуясь же данными обоихъ родовъ, можно составить болѣе вѣрное распредѣленіе уѣзда на оцѣночные районы, нежели при пользованіи матеріалами одного экономическаго изслѣдованія. Укажемъ на тщательность разработки матеріаловъ, характеризующую разсматриваемое изданіе, и присовокупимъ, что, кромѣ оцѣночнаго изслѣдованія (въ которое вошло и много циф-

ровыхъ данныхъ, касающихся помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства), послѣднее заключаетъ въ себѣ и сводъ данныхъ подворнаго опроса населенія по нѣкоторымъ предметамъ. Данныя эти сгруппированы, во-первыхъ, по волостямъ и разрядамъ крестьянъ (а не по общинамъ, какъ въ издавiяхъ для другихъ губерній), въ абсолютныхъ числахъ, въ среднихъ и процентныхъ выводахъ; во-вторыхъ, по группамъ домохозяевъ. Въ отличіе отъ другихъ изданiй, здѣсь въ основаніе группировки дворовъ положена не величина надѣла (земельное начало выражено въ этой группировкѣ лишь раздѣленіемъ хозяевъ на надѣльныхъ и безнадѣльныхъ), а владѣніе рабочимъ скотомъ— принципъ, впервые проведенный въ трудахъ статистической экспедиціи Канскаго земства, руководителемъ которой состоялъ тотъ самый Н. Ф. Анненскій, который завѣдуетъ и нижегородскимъ статистическимъ бюро.

Материалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ С.-Петербургской губерніи. Выпускъ IX и X. Частновладѣльческое хозяйство въ Ямбургскомъ и Шлиссельбургскомъ уѣздахъ.—Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Орловской губерніи. Т. II, вып. II. Материалы по частновладѣльческому хозяйству Елецкаго уѣзда. Земскія экономическія изслѣдованія Россіи въ послѣднее десятилѣтіе главнымъ своимъ предметомъ имѣли крестьянское хозяйство, какъ преобладающее по распространенію и значенію для финансовъ государства и какъ менѣе устойчивое и потому чаще требующее мѣръ помощи и поддержки. Изученіе помѣщичьяго хозяйства тоже не исключалось изъ области изслѣдованія; но такъ какъ оно производится особо, то нерѣдко случалось, что выполнение работы откладывалось, и по нѣкоторымъ уѣздамъ дѣло ограничивалось изданіемъ матеріаловъ, относящихся только къ крестьянскому хозяйству; по многимъ другимъ матеріалъ по крестьянскому хозяйству полнѣе, чѣмъ по помѣщичьему, или сопровождается описательнымъ текстомъ, между тѣмъ какъ для помѣщичьяго хозяйства приводятся однѣ только таблицы; а немного найдется такихъ сборниковъ, которые на ряду съ таблицами давали и описаніе владѣльческаго хозяйства изслѣдуемой мѣстности.

Такимъ образомъ, главный интересъ имѣющихъ въ печати земскихъ изслѣдованій частновладѣльческаго хозяйства заключается въ цифровомъ, табличномъ матеріалѣ. Такъ какъ число крупныхъ владѣльцевъ въ уѣздѣ не превышаетъ нѣсколькихъ сотенъ, то изслѣдователи нашли возможнымъ печатать собранный матеріалъ цѣликомъ, по каждому имѣнію отдѣльно, ограничиваясь въ дѣлѣ суммированія общимъ итогомъ по уѣзду и подраздѣленіемъ имѣній на имѣющія запашку, сданныя въ аренду и т. п. Выгода такого приѣма заключается въ томъ, что, имѣя дѣло съ элементарными единицами изслѣдованія, читатель можетъ производить надъ ними всевозможныя комбинаціи, чего онъ лишень въ отношеніи данныхъ по крестьянскому хозяйству, являющихся передъ нимъ уже соединенными въ группы территориальныя, экономическія и т. п. Въ первомъ случаѣ, слѣдовательно, ему дается полная свобода распоряженія основными данными изслѣдованія, тогда какъ во второмъ онъ долженъ ограничиться группировкой ихъ, сдѣланной издателемъ. Отсюда и различіе въ характерѣ таблицъ по крестьянскому и помѣщичьему хозяйству въ статистико-экономическихъ изданіяхъ земства. Не имѣя возможности дать основныя данныя подворной переписи въ неизмѣненномъ видѣ, будучи вынужденными представлять ихъ въ видѣ итоговъ, изслѣдователи все вниманіе направили

на то, чтобы эти итоги обладали наибольшимъ содержаніемъ, чтобы ими не стирались характеристическія особенности изслѣдуемыхъ единицъ, отличающихся большимъ разнообразіемъ признаковъ. Результатомъ указаннаго требованія явилась масса разнообразныхъ итоговыхъ таблицъ крестьянскаго хозяйства въ видѣ территориальныхъ, групповыхъ, комбинаціонныхъ и т. п. Но какъ ни заботливы въ этомъ отношеніи земскіе статистики, они, все-таки, далеко не достигли поставленной цѣли—возможно полной утилизациі собраннаго матеріала, да и не могутъ ея достигнуть, такъ какъ число возможныхъ комбинацій собранныхъ ими цифръ безконечно велико. Имъ поэтому остается дать намъ комбинаціи наиболѣе важныя, т.-е. предоставить возможность искать отвѣта на немногіе вопросы и закрыть доступъ къ разрѣшенію массъ другихъ. Для помѣщичьяго хозяйства такихъ затрудненій не представляется и, получивъ основныя свѣдѣнія, читатель самъ можетъ комбинировать ихъ, какъ пожелаетъ. Этому соображенію мы, вѣроятно, обязаны игнорированіемъ земскими статистиками суммированія цифровыхъ данныхъ о владѣльческомъ хозяйствѣ, вслѣдствіе чего мы не только не встрѣчаемъ у нихъ группировокъ хозяйствъ по различнымъ признакамъ, но иногда не имѣемъ даже общаго итога по уѣзду. Передъ нами сырой матеріалъ, который мы вольны комбинировать, какъ это намъ только нужно, но которымъ мы можемъ воспользоваться только послѣ специальной его переработки, въ противоположность таблицамъ по крестьянскому хозяйству, гдѣ наша свобода разработки ограничена, но за то и трудъ сильно облегченъ готовымъ группированіемъ цифръ.

Описаннымъ характеромъ отличается и разматриваемый нами выпускъ матеріаловъ по частновладѣльческому хозяйству въ Елецкомъ уѣздѣ; онъ заключаетъ въ себѣ таблицы отдѣльныхъ имѣній съ общимъ итогомъ по уѣзду отдѣльно для имѣній съ экономической запашкой и сдаваемыхъ въ аренду, подробное описаніе нѣсколькихъ типическихъ имѣній, расположенныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ уѣзда, и краткій обзоръ данныхъ относительно нѣкоторыхъ условій хозяйственной дѣятельности (способовъ пользованія имѣніемъ, формъ найма рабочихъ, мертваго и живаго инвентаря, арендныхъ и продажныхъ цѣвъ земли и т. п.), вмѣстѣ съ очеркомъ распредѣленія частнаго землевладѣнія по величинѣ имѣній и сословию владѣльцевъ, и измѣненій въ немъ за послѣднее десятилѣтіе. Сборникъ по Петербургской губерніи отличается другимъ характеромъ. Не ограничиваясь данными по отдѣльнымъ имѣніямъ, онъ заключаетъ и нѣсколько групповыхъ или, пожалуй, комбинаціонныхъ таблицъ, выясняющихъ значеніе важнѣйшихъ факторовъ хозяйственной дѣятельности губерніи. Такъ, одна таблица дала группировку имѣній по почвеннымъ признакамъ, другая—по ихъ разстоянію отъ Петербурга, станціи желѣзной дороги, шоссе и рѣки (все условія, вмѣшущія очень большое влияние на систему хозяйства), третья—по величинѣ имѣній совокупно съ сословіемъ землевладѣльца. Указанныя группировки сдѣланы отдѣльно для имѣній съ владѣльческою запашкой и безъ нея, а также для владѣній, не носящихъ сельско-хозяйственнаго характера. Нечего объяснять, насколько такая группировка облегчаетъ трудъ лицъ, желающихъ заняться разработкой свѣдѣній по частновладѣльческому хозяйству и насколько желателно, чтобы примѣру петербургскаго бюро (руководителемъ изслѣдованія помѣщичьяго хозяйства состоитъ здѣсь Н. В. Телѣжинскій) послѣдовали и другія земскія статистическія учрежденія. Кромѣ таблицъ, два выпуска по Петербургской губерніи заключаютъ текстъ по распредѣленію и движенію позе-

жельной собственности въ изслѣдованныхъ уѣздахъ, по продажнымъ и аренднымъ цѣнамъ земли.

Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губернии. Томъ VII. Кременчугскій уѣздъ. Т. VIII. Хорольскій уѣздъ. Вып. I. Полтава, 1888 г. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ скончался очень видный дѣятель по экономическому изслѣдованію Россіи, завѣдующій полтавскимъ земскимъ статистическимъ бюро, Н. Терешкевичъ. Научныя способности этого изслѣдователя достаточно обнаруживаются уже тѣмъ обстоятельствомъ, что хотя полтавское статистическое бюро образовалось въ началѣ земскаго изслѣдованія Россіи путемъ подворной переписи и съ тѣхъ поръ программа собираемыхъ свѣдѣній и система ихъ разработки въ общемъ подвергались существеннымъ расширеніямъ и улучшеніямъ,—труды бюро, завѣдываемаго Терешкевичемъ, остаются одною изъ лучшихъ работъ этого рода, несмотря на то, что по содержанию они измѣнились очень мало. Причина сказаннаго заключается въ томъ, что труды полтавскаго бюро съ самаго начала обладали въ значительной мѣрѣ тѣми свойствами, развитіе которыхъ составляетъ прогрессъ земской статистики: детальностью разработки данныхъ подворной переписи и примѣненіемъ метода комбинаціи признаковъ. Дѣйствительно, важнымъ нововведеніемъ послѣдняго времени въ области земской статистики нужно считать примѣненіе такъ называемыхъ групповыхъ и комбинаціонныхъ таблицъ. Въ практическомъ примѣненіи указанныхъ началъ наибольшую важность имѣютъ групповыя таблицы; что же касается комбинаціонныхъ, то, несмотря на рациональность принципа комбинаціи вообще, построеніе соответствующихъ таблицъ въ настоящее время такъ еще несовершенно, что онѣ не удовлетворяютъ самымъ скромнымъ требованіямъ читателя. Полтавское бюро не приняло этихъ нововведеній; его таблицы остаются, попрежнему, простыми поселенными, а не групповыми; но такъ какъ основное начало новой системы имѣло въ этихъ таблицахъ свое выраженіе, ибо нѣкоторыя данныя хозяйственной дѣятельности крестьянина (аренда земли, заповъ, отходъ на сторону, количество сѣнокоса и лѣса) приурочивались не къ поселенію цѣликомъ, а къ различнымъ надѣльнымъ его группамъ, и, благодаря названному приему, а также примѣненію начала комбинаціи признаковъ въ текстѣ первыхъ томовъ изданія, труды полтавскаго бюро раньше другихъ выяснили намъ взаимную зависимость нѣкоторыхъ важныхъ явленій, открытіе которой возможно только при помощи групповыхъ или комбинаціонныхъ таблицъ, то оказалось, что и при неизмѣнности построения своихъ таблицъ труды полтавскаго бюро сохранили интересъ на ряду съ лучшими изданіями послѣдняго времени. Это—въ настоящемъ. Что же касается будущаго,—когда разработкою данныхъ земской статистики займутся многія лица со стороны,—то, оставаясь весьма цѣннымъ матеріаломъ для описанія хозяйственной дѣятельности населенія, труды полтавскаго бюро, по причинѣ отсутствія систематическаго проведенія начала подворной группировки матеріала, весьма много теряютъ въ смыслѣ разъясненія явленій народной жизни, указанія зависимости однихъ изъ нихъ отъ другихъ. Такъ какъ Полтавская губернія единственная изъ малороссійскихъ (съ подворнымъ землевладѣніемъ), подвергнутая сплошному подворному изслѣдованію, то указанный пробѣлъ въ группированіи матеріала составляетъ незамѣнимую утрату, потому что не можетъ быть замѣненъ выводами, сдѣланными для другихъ мѣстностей, прінявшихъ подворную группировку, какъ принадлежащихъ къ районамъ общиннаго землевладѣнія. Жела-

тельно поэтому, чтобы неизданные еще сборники полтавскаго бюро заключали групповыя и комбинаціонныя таблицы,—первыя хотя бы не для каждаго поселенія, а для разрядовъ крестьянъ и естественныхъ районовъ уѣзда.

И такъ, по отношенію къ крестьянскому хозяйству, труды полтавскаго земскаго статистическаго бюро характеризуются детальностью разработки въ таблицахъ цифръ подворной переписи (возрастной составъ населенія, распредѣленіе семей по рабочему составу, хозяйство по величинѣ надѣла и т. д.), неполнымъ проведеніемъ начала групповой таблицы, наличностью поселенныхъ описаній почти исключительно сельско-хозяйственнаго характера и текста, гдѣ приводятся главнѣйшіе результаты изслѣдованія. Матеріалы по помѣщичьему хозяйству не отличаются такою полнотой и точностью, какъ по крестьянскому, такъ какъ при собираніи ихъ большую роль играли письменный запросъ владѣльцевъ, на который не всегда получались отвѣты, а изъ послѣднихъ не всѣ достаточно опредѣлены. Поэтому около 25—30% имѣній Хорольскаго, на примѣръ, уѣзда остались неизслѣдованными, а таблицы свѣдѣній по отдѣльнымъ имѣніямъ не заключаютъ и 50 графъ, вмѣсто 100—130, встрѣчаемыхъ въ сборникахъ по другимъ губерніямъ, и обнимаютъ данныя о распредѣленіи земли по угодьямъ, посѣвной площади—по отдѣльнымъ хлѣбамъ, о скотоводствѣ, рабочей силѣ, сдачѣ земли въ аренду, почвѣ имѣнія, его разстояніи отъ уѣзднаго города или станціи желѣзной дороги и т. д. Свѣдѣнія же о мертвомъ инвентарѣ, промышленныхъ заведеніяхъ, администраціи имѣнія отсутствуютъ. Изслѣдуемая имѣнія сгруппированы въ отдѣлы имѣющихъ владѣльческую запашку, сдаваемыхъ въ аренду подесаatinно, за деньги, въ скопчиву, смѣшанно. Имѣнія каждаго отдѣла расположены въ таблицахъ по естественнымъ районамъ, на которые разбивается уѣздъ, и своей величинѣ. Поэтому и сводныя таблицы для каждаго отдѣла и мѣній группируютъ ихъ одновременно по двумъ признакамъ: районамъ уѣзда и величинѣ имѣнія. Таблицы сопровождаются текстомъ статистическо-описательнаго характера.

Третій отдѣлъ полтавскаго сборника заключаетъ матеріалы для оцѣнки земли, содержащій тщательно разработанныя цифровыя данныя (по волостямъ) о продажныхъ цѣнахъ на землю по пятилѣтіямъ, арендныхъ платъ (по селамъ) за владѣльческія и крестьянскія земли, рабочей платѣ и стоимости отдѣльныхъ земледѣльческихъ операций и т. п. Послѣдній отдѣлъ обыкновенно печатается вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ крестьянскаго хозяйства; помѣщичье хозяйство очень часто издается отдѣльно.

Острожская волость. Статистико-экономическое описаніе волости Оханскаго уѣзда, Пермской губерніи. Сарапуль, 1889 г. Пермское земство было однимъ изъ первыхъ, приступившихъ къ экономическому изслѣдованію своей губерніи, и его труды когда-то удостоились золотой медали, присужденной географическимъ обществомъ. Хотя организованное при губернской управѣ статистическое бюро существуетъ по сіе время, но читатель, даже интересующійся предметомъ, мало знаетъ о его дѣятельности. Это потому, что послѣдняя, съ одной стороны, сосредоточивается, главнѣйшимъ образомъ, на предметахъ, имѣющихъ узко-практическій интересъ для земства; во-вторыхъ, что бюро въ значительной мѣрѣ пользуется при изслѣдованіи способомъ опроса мѣстныхъ жителей при помощи бланковъ,—методомъ, уступающимъ по точности другимъ приемамъ изслѣдованія. Земская же статистика вооб-

ще пріучила насъ къ изслѣдованію сплошному, основанному на экспедиціонномъ пріемѣ при широкой практикѣ подворнаго опроса населенія. Такимъ способомъ пермская статистика пользуется лишь изрѣдка. Сюда принадлежитъ, напримѣръ, изслѣдованіе Енапаевской волости, имѣвшее цѣлью выяснитъ причины обѣднѣнія татарскаго населенія области, а также брошюра, составляющая предметъ нашего разсмотрѣнія.

Указанная брошюра явилась результатомъ пробнаго изслѣдованія, предпринятаго оханскимъ уѣзднымъ земствомъ, постановившимъ произвести экономическое описаніе своего края. Изслѣдованіе путемъ подворной переписи производилось тремя сельскими учителями, служащими въ управѣ, и волостнымъ писаремъ подъ руководствомъ г. Миропольскаго, которому принадлежитъ и текстъ изданія. Последнее состоитъ изъ таблицъ поселенныхъ простыхъ (о населеніи), поселенныхъ групповыхъ (экономическихъ) и поселенныхъ промысловыхъ, съ указаніемъ числа промышленниковъ того или иного рода и общей суммы ихъ заработка. Нѣкоторыя свѣдѣнія (о числѣ жилыхъ избъ и семей, раздѣлившихся въ послѣднія 5 лѣтъ), помѣщенные въ групповой таблицѣ, почему-то даются не для каждой надѣльной группы крестьянъ, а общемо цифрой для всего населенія. Нельзя не указать и на то обстоятельство, что въ изданіи нѣтъ итоговой для всей волости групповой таблицы, составленіе которой ничего для бюро не стоило, заняло бы лишь всего семь строкъ таблицъ, а, между тѣмъ, значительно бы облегчило трудъ пользованія изданіемъ. Въ групповой таблицѣ отдѣльно выдѣлены собственники, выкупившіе свой надѣлъ по 165 ст. положенія о крестьянахъ.

Текстъ изданія имѣетъ почти исключительно описательный характеръ; кое-гдѣ приводится сравненіе съ аналогичными цифрами другихъ мѣстностей; что же касается сопоставленія данныхъ, относящихся къ различнымъ явленіямъ, съ цѣлью выясненія взаимной ихъ зависимости, этогъ пріемъ почти здѣсь не примѣняется.

Хотя разсматриваемое изданіе касается одной только волости Пермской губерніи, но, за отсутствіемъ подворнаго описанія цѣлаго края, оно, вмѣстѣ съ *Енапаевскою волостью* (изданною нѣсколько лѣтъ тому назадъ), имѣетъ въ нашихъ глазахъ гораздо болѣшій интересъ, нежели имѣли бы изслѣдованія такихъ же малыхъ районовъ въ черноземной полосѣ, гдѣ по преимуществу пріютилась земская статистика съ своими точными методами наблюденія явленій.

Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Выпускъ II. Спб., 1889 г. Первый выпускъ этого изданія, предпринятаго министерствомъ государственныхъ имуществъ, вышелъ въ 1888 году и заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе г. Патканова объ „экономическомъ“ бытѣ государственныхъ крестьянъ въ 5 волостяхъ Тюменскаго округа. Нынѣ вышедшій второй выпускъ занятъ такимъ же изслѣдованіемъ г. Ичеліна, относящимся къ 4 другимъ волостямъ того же Тюменскаго округа. Изложеніе по сравненію съ первымъ выпускомъ значительно короче.

Нельзя не пожалѣть о томъ, что изданію не предпослано никакихъ объяснительныхъ замѣчаній объ употребившихся пріемахъ изслѣдованія. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ текста (стр. 12, 29, 73) имѣются ссылки на то, что свѣдѣнія о важнѣйшихъ факторахъ хозяйства—о землѣ, о населеніи, о скотѣ—получены путемъ подворнаго опроса; однако, было бы важно получить болѣе подробныя справки о производствѣ этого опроса и о способѣ полученія другихъ свѣдѣній.

Рубрика способных къ труду мужчинъ обнимаетъ возрасты отъ 15 до 60 лѣтъ, способныхъ къ труду женщинъ отъ 14 до 45 лѣтъ (не опечатка ли послѣдняя цифра?): это—совершенно произвольные и совершенно неудобные предѣлы, не допускающіе сравненія съ данными другихъ мѣстностей.

Въ заголовкахъ приложенныхъ таблицъ встрѣчается неудачное выраженіе: „мелкій рогатый скотъ“; кажется, подѣ нимъ надо разумѣть овецъ.

Описаніе техническихъ приѣмовъ земледѣлія представляетъ большой интересъ въ виду своеобразности нѣкоторыхъ приѣмовъ. Для трехъ крестьянскихъ семействъ Тюменскаго округа даны подробныя бюджетныя свѣдѣнія (стр. 115—125).

Изданіе, относящееся къ хозяйственному быту закавказскихъ крестьянъ, осталось, видимо, не безъ вліянія на западно-сибирскія изслѣдованія: вліяніе это сказывается и въ расположеніи матеріала, и въ заглавіяхъ какъ отдѣльныхъ частей, такъ и цѣлаго изданія (неудачное выраженіе—„экономическій“ бытъ).

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ“. И. Я. Фойницкаго.

Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ. И. Я. Фойницкаго. 1889 г. Ц. 3 р. 50 к. Какъ извѣстно, за послѣднее время отъ такъ называемой классической школы науки уголовного права рѣзко обособилась антрополого-позитивная и установилось мнѣніе, что эти двѣ школы враждебны другъ другу и что общаго между ними и не можетъ ничего быть, ибо классики изучаютъ исключительно *преступленія*, ихъ юридическую обрисовку, почему и труды этихъ криминалистовъ бесплодны, а позитивисты стремятся узнать *преступника*, изслѣдовать *преступность*, видя въ этомъ единственный путь для успѣшной борьбы съ правонарушеніями. Авторъ указаннаго сочиненія, давно уже и справедливо пользующійся славой прекраснаго теоретика и практика, можетъ быть, даже помимо своего желанія, съ очевидностью доказать въ только что вышедшемъ произведеніи, что установившееся мнѣніе ложно и что криминалистамъ названныхъ направленій не слѣдуетъ чуждаться другъ друга; изъ *Ученія о наказаніи* мы усматриваемъ, что не только почтенный русскій ученый классикъ сходитъ по цѣли своего труда съ позитивистами (изучаетъ преступность), но и такой несправимый метафизикъ, какъ Бернеръ, котораго позитивисты привыкли считать представителемъ бесплодно трудящихся ученыхъ, пишетъ слѣдующее: „Плодотворная реформа науки уголовного права наступитъ тогда лишь, когда криминалисты станутъ изучать не столько прежнія и современныя законодательства, или же разныя философскія теоріи, сколько самыя мѣста заключенія и сочиненія дѣятелей тюремной практики“ (стр. 314).

Но, кромѣ этого достоинства, кромѣ того, что авторъ помогаетъ намъ уяснить себѣ неразрывную связь всѣхъ частей уголовно-карательной дѣятельности государства и всю важность такихъ институтовъ, какъ патронатъ, исправительныя заведенія для малолѣтнихъ преступниковъ, новый трудъ проф. Фойницкаго обладаетъ и еще однимъ столь крупнымъ достоинствомъ, что его смѣло можно поставить рядомъ съ лучшими произведеніями извѣстѣйшихъ криминалистовъ на-

шего времени: мы говоримъ о богатствѣ содержанія и полнотѣ изложенія затрогиваемыхъ предметовъ.

Все сочиненіе дѣлится на три части, изъ коихъ двѣ первыя посвящены общему ученію о наказаніи (право наказанія и примѣненіе наказанія), а послѣдняя—ученію объ отдѣльныхъ видахъ карательныхъ мѣръ. Въ первомъ отдѣлѣ почтенный ученый приводитъ такой рядъ мыслей: наказаніе покоится на потребностяхъ и способностяхъ матеріальнаго существованія, чувственныхъ и умственныхъ, и составляетъ мѣру борьбы съ личными (въ отличіе отъ космическихъ и общественныхъ) условіями преступленій (состояніемъ преступности); здѣсь же излагаются различныя уголовно-правовыя теоріи и положительныя системы наказаній. Отдѣлъ о примѣненіи наказанія распадается на три главы: опредѣленіе, замѣна и погашеніе наказанія. Самою же полною является третья часть сочиненія: тутъ можно найти все, что выработано наукою по вопросамъ о смертной казни, тѣлесныхъ наказаніяхъ, пораженіи чести и правъ, имущественныхъ взысканіяхъ, а также и о лишеніи свободы въ различныхъ его видахъ (изгнаніе, ссылка, тюремное заключеніе); въ этотъ же отдѣлъ, главнымъ образомъ, вошло многое и изъ предъидущихъ работъ уважаемаго профессора, напричѣмъ, изъ сочиненія *Ссылка на Западъ*. Дѣлая оцѣнку той или другой карательной мѣры, авторъ вездѣ старается сохранить полное безпристрастіе и рассмотреть каждую мѣру со всѣхъ сторонъ. Не останавливаясь на первыхъ главахъ этого отдѣла, какъ посвященныхъ или мѣрамъ наказанія, играющимъ второстепенную роль, или же такимъ, о которыхъ работа ученаго достаточно уже извѣстна (*Ссылка*), мы скажемъ нѣсколько словъ о послѣдней главѣ: *Тюремное заключеніе*. Первый § ея отведенъ „понятію, исторіи, свойствамъ и задачѣ“ тюремнаго заключенія; далѣе говорится о тюремныхъ системахъ и о достоинствахъ и недостаткахъ каждой изъ нихъ; § 3 даетъ достаточно полныя свѣдѣнія о мѣрахъ и органахъ тюремной дѣятельности, какъ-то: о тюремной работѣ, образованіи, дисциплинѣ, воспитаніи, гигиенѣ, архитектурѣ и управленіи. Затѣмъ идетъ изложеніе объ отдѣльныхъ видахъ заключенія (тюрьмы общія, политическія, военныя и т. п.), а заканчивается сочиненіе перечисленіемъ мѣръ, сопровождающихъ карательное лишеніе свободы (полицейскій надзоръ, патровать и т. п.). Все это изложено сжато и ясно, по всѣмъ вопросамъ имѣется для заинтересовавшагося читателя вполне удовлетворительный отвѣтъ. Общее впечатлѣніе—именно то, какое желаешь получить, приступая къ чтенію работы, претендующей на названіе научной.

Но и на солнцѣ есть пятна, и трудъ проф. Фойницкаго не безъ недостатковъ. Слабѣе всѣхъ первая часть, — о ней мы и поговоримъ. Прежде всего, намъ представляется невѣрно та достаточно своеобразная классификація, которой держится авторъ при изложеніи теорій объ основаніи или правѣ наказанія. Мы уже знаемъ, что самъ авторъ основываетъ это право на трехъ категоріяхъ потребностей, присущихъ людямъ. Другіе же, по его словамъ, и грѣшатъ тѣмъ, что обращаютъ вниманіе исключительно на одну какую-нибудь категорію. Сообразно такимъ взглядамъ, почтенный ученый всѣ теоріи о правѣ наказанія дѣлитъ на теоріи защиты матеріальнаго существованія, удовлетворенія чувственныхъ потребностей и удовлетворенія потребностей интеллектуальныхъ. Это—то дѣленіе, по нашему крайнему разумнію, и не выдерживаетъ критики, потому что въ дѣйствительности нѣтъ столь односторонней теоріи, какъ думается петербургскому профессору. Въ

самою дѣлѣ, возьмемъ теорію Крэтлина, относимую авторомъ къ первой группѣ. Для этого ученаго наказаніе—мѣра огражденія (Schutzmittel) общества, общезитія отъ вредныхъ или опасныхъ людей; неужели Крэтлинъ подѣ понятіемъ *огражденіе общезитія* разумѣлъ только огражденіе одного матеріальнаго существованія и неужели послѣднее можно мыслить отдѣльно отъ сенсуальной и умственной, то-есть духовной жизни? А развѣ Гуго-Гроцій, выставлявшій задачами каръ пользу преступника (исправленіе, спасеніе его отъ мести), пользу заинтересованныхъ лицъ (вознагражденіе) и общую пользу (устраненіе, предупрежденіе), имѣлъ въ виду, согласно увѣренію автора, лишь чувственные потребности? Наконецъ, несостоятельность такой классификаціи видна и изъ того, что теорія Гейнце, излагаемая въ интересующей насъ книгѣ въ *послѣдней* группѣ, по словамъ самого же профес. Фойницкаго, сводится, „въ концѣ-концовъ, къ объясненію наказанія-потребностями существованія общества“ (стр. 24), т.-е. принадлежитъ къ *первой* группѣ. Второе замѣчаніе: совершенно напрасно А. Кетле отнесетъ къ разряду фаталистовъ, адептовъ „школы отчаянія, проповѣдующихъ социальный застой“ (стр. 33—37). Правда, Кетле говоритъ о непреложности „бюджета преступленій“, но затѣмъ продолжаетъ такъ (*Physique sociale*, изд. 1869 г., I, 97): это замѣчаніе... при ближайшемъ анализѣ получаетъ совсѣмъ другое значеніе, ибо оно указываетъ на возможность улучшенія людей (а, слѣдовательно, и уменьшенія преступленій) путемъ измѣненія ихъ учреждений, привычекъ, просвѣщенія,—словомъ, всего, что вліяетъ на ихъ социальную жизнь. Послѣднее замѣчаніе: авторъ упрекаетъ (стр. 52) тѣхъ криминалистовъ, которые смѣшиваютъ два вопроса: почему и для чего существуетъ наказаніе (вопросы об основаніи и цѣляхъ наказанія).

Такой упрекъ намъ кажется излишнимъ: черезъ-чуръ трудно, чтобы не сказать—невозможно говорить отдѣльно о причинѣ существованія наказанія и его цѣляхъ и искать отвѣта на первый только „въ прошедшемъ“, а на второй „въ будущемъ“. Тотъ и другой вопросъ—дѣя стороны одного и того же предмета, и если исчезнуть причины, почему существуетъ наказаніе, тогда и оно превратится въ безцѣльное. Да и въ самомъ *Ученіи о наказаніи* замѣчается необходимое смѣшеніе *почему* и *зачѣмъ*; именно тамъ мы находимъ фразу: при логическомъ разсмотрѣннн вопроса о *цѣляхъ* „наказаніе можетъ представляться или какъ институтъ самоцѣльный и самимъ собою оправдываемый, или же какъ институтъ, призванный къ служенію постороннимъ цѣлямъ...“; но если ужъ дѣя автора является возможнымъ, говоря о цѣляхъ, говорить объ оправданнн существованія наказанія, то, стало быть, онъ самъ *volens-nolens* виноватъ въ томъ же смѣшеннн вопросовъ, какое допускаютъ и другіе криминалисты.

Заканчивая свою замѣтку, мы снова должны повторить сказанное въ началѣ ея: новый трудъ пр. Фойницкаго прекрасная и вполне научная работа, и отличное пособіе для систематическаго изученія прикладной науки уголовного права, имѣющаго столь важное практическое значеніе. Остается пожелать, чтобы почтенный ученый обогатилъ и другой отдѣлъ излюбленной имъ науки: продолжилъ печатаніемъ свой курсъ русскаго уголовного судопроизводства. Если настоящее его произведеніе является неожиданнымъ и пріятнымъ подаркомъ скудной русской литературѣ, то продолженіе курса будетъ исполненіемъ обѣщанія самого же автора, платежомъ долга.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Ежегодникъ лохвицкаго общества сельскихъ хозяевъ“. — „Гессенская муха“. К. Э. Линдемана. — „Курсъ сельскаго инженернаго искусства“. А. И. Попова.

Ежегодникъ лохвицкаго общества сельскихъ хозяевъ. 1886—1887 годъ. Харьковъ, 1889 г. Первымъ печатнымъ дебютомъ молодого лохвицкаго общества быть, если не ошибаемся, *Сельско-хозяйственный календарь черноземной полосы*, изданный въ концѣ 1888 года въ Полтавѣ. Это изданіе, почтенное по идеѣ, въ исполненіи своемъ оставило желать очень многого: трудъ, какъ и слѣдовало ждать, оказался не по силамъ членамъ лохвицкаго общества.

Выпущенный теперь *Ежегодникъ* гораздо скромнѣе: въ немъ претенціозенъ только эпиграфъ—опредѣленіе прогресса, сдѣланное профессоромъ Гротомъ. Болѣе трети содержанія составляютъ протоколы засѣданій общества за первый годъ существованія; эти протоколы позволяютъ заключить, что лохвицкое общество, по крайвей мѣрѣ, на первыхъ порахъ, оказалось болѣе дѣятельнымъ, чѣмъ весьма многія изъ нашихъ мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ.

Статья г. Ходолея *О земледѣльческихъ синдикатахъ во Франціи* ставитъ на очередь вопросъ не маловажный для русской мѣстной сельско-хозяйственной жизни. Г. Русиновъ въ своей статьѣ подвергъ обстоятельному разбору положеніе 12 іюня 1886 г. о наймѣ на сельскія работы и сопоставилъ это положеніе по статьямъ съ прежде изданными законами. И лохвицкое общество принесло свою дань знаменитымъ краснорушимцамъ статью г. Пискарева о несгораемыхъ врышахъ.

Изъ прочихъ статей заслуживаютъ вниманія докладъ особой комиссіи о табаководствѣ въ Лохвицкомъ уѣздѣ и снабженный диаграммами отчетъ Е. Л. Барановича о пятнадцатилѣтнихъ наблюденіяхъ надъ погодой въ с. Бусилахъ, Лохвицкаго уѣзда.

Надѣмся, что и послѣ октября 1887 г. (которымъ заканчиваются протоколы) дѣятельность лохвицкаго общества не ослабѣла и что общество въ послѣдующихъ изданіяхъ подѣлится съ публикою результатами своей дѣятельности.

Гессенская муха. Монографія профессора К. Э. Линдемана. Изданіе редакціи „Земскаго Сборника Черниговской губ.“. Черниговъ, 1889 г. Въ нынѣшнемъ году исполнится десять лѣтъ со времени обнаруженія присутствія гессенской мухи въ Россіи; за этотъ срокъ особенно много сдѣлано для изученія крайне вреднаго насѣкомаго профессоромъ Петровской академіи К. Э. Линдеманомъ. Опустошенія, произведенныя въ послѣднее время мухою въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи, даютъ достаточный поводъ къ тому, что монографія г. Линдемана издана черниговскимъ земствомъ. Монографія эта во всѣхъ существенныхъ чертахъ была напечатана на нѣмецкомъ языкѣ въ бюллетенѣ московскаго общества натуралистовъ за 1887 годъ; но на столбцахъ этого изданія статья, конечно, не могла привлечь на себя вниманія русскихъ хозяевъ, а, между тѣмъ, она заслуживаетъ такого вниманія. Монографія весьма подробно описываетъ образъ жизни и размноженіе гессенской мухи, характеръ производимыхъ ею поврежденій, условія, задерживающія распространеніе мухи и благоприятныя для ея размноженія, а также содержитъ обзоръ тѣхъ мѣръ, которыя предпринимаются для истребленія гессенской мухи. Съ удовольствіемъ должны мы отмѣтить тотъ фактъ, что авторъ теперь рекомендуетъ от-

срочку озимыхъ посѣвовъ до седьмага августа. Разсуждая о времени озимыхъ посѣвовъ въ Россіи, авторъ какъ будто забываетъ роковое вліяніе изохименъ. Свѣдѣнія о времени озимыхъ посѣвовъ въ Германіи можно было бы привести по болѣе широкимъ источникамъ, чѣмъ старыя вѣяжки Пинкерта и Лангетала.

Содержательная и живо написанная монографія профессора К. Э. Линдемана оставяла бы въ читателяхъ впечатлѣніе еще болѣе сильное, если бы авторъ не столь часто прибѣгалъ къ употребленію личнаго мѣстоименія.

Курсъ сельскаго инженернаго искусства. Выпускъ I. Дренажъ. Составилъ профессоръ Петровской академіи инженеръ путей сообщенія А. И. Поповъ. Москва, 1889 г. Цѣна 1 руб. 50 коп. Для цѣлой половины площади Европейской Россіи (для всего сѣвера и сѣверо-запада нашей страны) трудно подыскать другую культурную мѣру, которая должна сопровождаться такимъ повышеніемъ производительности полей, какъ дренажъ. Дренажъ оказалъ замѣчательное вліяніе на результаты земледѣлія въ Англіи, остающейся и до сей поры между всѣми крупными государствами передовымъ государствомъ по отношенію къ технике земледѣлія. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что дренажу принадлежитъ блестящая будущность и на почвахъ нашей нечерноземной полосы, страдающихъ отъ избытка влаги.

Курсъ дренажа, изданный проф. Поповымъ, восполняетъ чувствительный пробѣлъ нашей специальной литературы: пока за исключеніемъ устарѣвшаго переводнаго сочиненія Леклерка русскіе хозяева не имѣли, кажется, никакихъ литературныхъ пособій по этому важному вопросу. Книжка г. Попова описываетъ производство изысканій, составленіе проекта дренажной сѣти, выполненіе дренажныхъ работъ, фабрикацію дренажныхъ трубъ, а въ заключеніе даетъ нѣкоторые матеріалы къ опредѣленію стоимости дренажа и достигаемаго путемъ дренажа увеличенія производительности почвъ. Изложеніе предмета сжатое, въ то же время, ясное и весьма простое. Важнымъ подспорьемъ къ тексту являются чертежи (болѣе 100 фигуръ), помѣщенные особымъ приложеніемъ на одиннадцати таблицахъ.

Едва ли мы ошибемся, если предположимъ, что *Курсъ* проф. Попова обратитъ на себя вниманіе не въ однихъ только сельско-хозяйственныхъ сферахъ: дренажъ не только средство къ повышенію урожая, онъ, въ то же время, могучее средство къ оздоровленію мѣстностей городскихъ и сельскихъ; знакомство съ дренажемъ принадлежитъ къ непрѣбнымъ обязанностямъ всѣхъ санитарныхъ учреждений.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Начальныя основанія электрометаллургіи“. К. А. М. Баллинта.—„Объ олеомаргаринѣ и искусственномъ коровьемъ маслѣ“. Д-ра П. О. Смоленскаго.

Начальныя основанія электрометаллургіи (Grundriss der Electrometallurgie), разработанныя Карл. А. М. Баллингомъ, обыкновеннымъ профессоромъ металлургіи и пробирнаго искусства горной академіи въ Пшибромѣ. Переводъ съ нѣмецкаго А. М. Ломоносова. Съ особымъ приложеніемъ: обработка металловъ электрическимъ токомъ по способу И. И. Бенардоса, съ чертежами въ текстѣ. Составилъ инженеръ-технологъ Е. И. Трунинъ. Съ 27 рисунками. Изданіе Пантелѣева. Спб., 1889 г. Ц. 2 руб. Въ предисловіи

авторъ указываетъ на тѣ трудности, съ которыми ему пришлось бороться, чтобы получить право осмотрѣть электрометаллургическіе заводы. Во время его ученой экскурсіи въ 1884 году электролитическіе заводы Окера и Гамбурга вовсе не допустили его къ осмотру, въ Италіи, въ Казарца, въ 1886 году, ему отвѣтили, что всякое посѣщеніе электрометаллургическихъ заводовъ строжайше воспрещено. Наконецъ, одинъ изъ подобныхъ заводовъ Стефана Хютте въ Верхней Венгріи допустилъ проф. Баллинга осмотрѣть заводъ и прямо на практикѣ ближе изучить происходящіе при производствѣ электрометаллургическіе процессы.

Сочиненіе Баллинга—первый вполне законченный и обстоятельный трудъ по примѣненію электричества къ извлеченію и очищенію металловъ. Благодаря тому, что дѣло это повсюду на заводахъ держится еще въ глубокомъ секретѣ, знанія по электрометаллургіи распространяются съ большимъ трудомъ, а, вслѣдствіе этого, конечно, и литература этого предмета не отличается богатствомъ. Книга раздѣлена на двѣ части, общую и спеціальную. Въ первой помѣщены введеніе (историческій очеркъ электрометаллургіи), общія основанія ученія объ электричествѣ, динамо-электрическія машины и общія понятія объ электролизѣ при употребленіи его въ металлургіи; во второй—электрометаллургическіе процессы мокрымъ и огненно жидкимъ путемъ, добычаніе и рафинированіе мѣди, серебра, золота, цинка, свинца, олова, сурьмы и алюминія. Крутильный гальванометръ и динамо машины замѣствованы авторомъ изъ извѣстнаго сочиненія д-ра Е. Киттлера *Handbuch der Elektrotechnik*. Переводчикъ, кромѣ описанія пайки металловъ помощью электричества, добавилъ списокъ главнѣйшихъ руководствъ и журнальныхъ статей по электрометаллургіи, напечатанныхъ за 1887—8 годы въ иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Судить о достоинствахъ или недостаткахъ оригинала по переводу г. Ломоносова довольно трудно, такъ какъ переводъ сдѣланъ, очевидно, не специалистомъ и почти дословно, что мѣстами совершенно устраняетъ или искажаетъ до неузнаваемости смыслъ подлинника. Чтобы дать понятіе объ языкѣ перевода, возьмемъ, наприм., стр. 57: „отношеніе металловъ въ электролизѣ, особенно при осажденіи мѣди. Опытъ показалъ, что при слишкомъ большой *плотности тока* (терминъ, встрѣчающійся почти на каждой страницѣ) металлы осаждаются не одинъ за другимъ, но растворяются одновременно, чтобы такимъ же порядкомъ осѣсть. Раствореніе электро-отрицательныхъ металловъ на анодѣ и осажденіе болѣе электроположительныхъ происходитъ при металлахъ тѣмъ легче, чѣмъ растворъ нейтральнѣе“. Въ нижеслѣдующемъ періодѣ трудно даже уловить какую-либо логическую связь между отдѣльными предложеніями: „При обыкновенной температурѣ окислы относятся какъ непроводники, раствореніе ихъ получается только вторично изъ шлама, въ которомъ они всѣ вмѣстѣ осаждаются; однако, сѣрнистые металлы вообще представляются хорошими проводниками, которые также провалятъ электричество, только въ меньшей степени, нежели металлы, такъ что при избыткѣ металла во всякомъ случаѣ находящійся сѣрнистый металлъ переходитъ въ шламъ и здѣсь растворяется вторично“. Въ томъ же родѣ читаемъ немного далѣе: „Слабая сѣрная кислота безъ доступа воздуха совсѣмъ не дѣйствуетъ на мѣдь и, обратно, при его дѣйствіи и хорошемъ циркулированіи упомянутой жидкости она растворяется, вслѣдствіе незначительнаго тока, необходимаго для ея осажденія отъ свободно-выдѣляющейся сѣрной кислоты

въ ваннѣ^а. Всѣ приведенные примѣры сгруппированы на одной страницѣ. Но совершенно подобнымъ же языкомъ переведено и все сочиненіе Баллинга. Такимъ образомъ, желающимъ ближе ознакомиться съ трудомъ нѣмецкаго профессора необходимо прочесть самый оригиналъ, или, по крайней мѣрѣ, имѣть его подъ руками для провѣрки наиболѣе сомнительныхъ мѣстъ перевода. Нельзя не пожалѣть, что столь интересное сочиненіе, какъ книжка Баллинга, появилась на русскомъ языкѣ въ столь искаженномъ видѣ.

Съ вѣшной стороны изданіе вполне удовлетворительно, печать крупная, рисунки изящные и почти полное отсутствіе опечатокъ. Что касается приложенія объ обработкѣ металловъ электрическимъ токомъ по способу Бенардоса, то оно, вообще говоря, составлено не дурно и въ сжатомъ изложеніи достаточно знакомитъ съ основаніями новаго способа. Впрочемъ, приложеніе это собственно къ сочиненію Баллинга если и имѣетъ какое-либо отношеніе, то только весьма отдаленное. Описаніе способа Бенардоса было бы умѣстнѣе издать отдѣльною брошюрой.

Объ олеомаргаринѣ и искусственномъ коровьемъ маслѣ. Способы опредѣленія въ натуральномъ коровьемъ маслѣ и вызванныя ими санитарныя и законодательныя мѣропріятія за границей и въ Россіи. Доктора медицины П. О. Смоленскаго. Спб., 1889 г. Въ небольшой по объему брошюрѣ авторъ сгруппировалъ массу интересныхъ свѣдѣній о приготовленіи олеомаргарина въ Европѣ и въ Америкѣ, о характерѣ и размѣрахъ его производства въ настоящее время, о діететическомъ значеніи этого жира и т. п. Особая глава посвящена описанію различныхъ способовъ для опредѣленія постороннихъ жировъ въ коровьемъ маслѣ, причемъ весьма подробно описаны методы изслѣдованія, принятые парижскою городскою лабораторіей, вольнымъ обществомъ баварскихъ представителей прикладной химіи и министерствомъ земледѣлія Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Наконецъ, авторъ весьма подробно излагаетъ различныя санитарныя мѣропріятія, принятыя въ Европѣ и въ Америкѣ для упорядоченія производства и торговли олеомаргариномъ. Въ концѣ книжки приложенъ списокъ статей и брошюръ объ искусственномъ коровьемъ маслѣ и маргаринѣ.

Особенное вниманіе обращаетъ авторъ на санитарную оцѣнку суррогатовъ коровьяго масла. Существующія въ различныхъ государствахъ законоположенія не всегда точно и ясно отводятъ олеомаргарину то мѣсто, которое ему по справедливости принадлежитъ среди другихъ жировъ, употребляемыхъ въ пищу. Американскій законъ облагаетъ его, наприм., совершенно напрасно крайне обременительными пошлинами, что прямо ведетъ къ обману и фальсификаціямъ.

Спеціальныя законы относительно торговли маргариномъ или искусственнымъ масломъ существуютъ уже въ Швеціи, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, въ Норвегіи, Германіи, Франціи, Англии и въ Даніи. Подобный же законъ выработанъ въ настоящее время и для Россіи.

У Ч Е Б Н И К И.

„Элементарный курсъ ариметики“. Аббата Е. Желена.

Элементарный курсъ ариметики. Доктора теологіи и философіи, профессора вышихъ математическихъ наукъ, аббата Е. Желена. Перевелъ съ IV изданія преподаватель математики минской гимназіи И. де-Жоржъ. Минскъ, 1889 г. Цѣна 1 руб. 25 коп. Су-

ществующія на русскомъ языкѣ руководства и учебники для среднихъ учебныхъ заведеній переводчикъ подраздѣляетъ на двѣ категоріи, причѣмъ къ одной изъ нихъ онъ относитъ руководства по преимуществу теоретическія, въ которыхъ практическія примѣненія ариѳметическихъ выкладокъ къ рѣшенію задачъ или совершенно отсутствуютъ, или развиты въ очень слабой степени, а къ другой—учебники, вовсе не преслѣдующіе научной строгости въ выводахъ, связности и логической послѣдовательности въ изложеніи какихъ-либо обобщеній въ правилахъ и опредѣленіяхъ, но за то обремененные массою задачъ и примѣровъ, обыкновенно довольно однообразныхъ, а нерѣдко и совсѣмъ безсодержательныхъ. Способы, предлагаемые въ подобныхъ учебникахъ для рѣшенія тѣхъ или другихъ задачъ, „не отличаются простотою, удобствомъ и обобщеніемъ и въ самомъ расположеніи примѣровъ нѣтъ правильной системы“. Преподаваніе ариѳметики въ духѣ подобныхъ руководствъ не возбуждаетъ интереса въ учащихъся и мало способствуетъ ихъ умственному развитію и даетъ лишь поверхностное знакомство съ механизмомъ различныхъ ариѳметическихъ дѣйствій.

Учебникъ Желена, признанный во Франціи лучшимъ руководствомъ по ариѳметикѣ, существенно отличается отъ другихъ подобныхъ учебниковъ тѣмъ, что въ немъ удачно соединены оба отдѣла, и практической, и теоретической, причѣмъ теорія ариѳметики излагается просто и удобопонятно, учебный матеріалъ распределенъ въ стройномъ и послѣдовательномъ порядкѣ, выводы отличаются общностью и единствомъ, въ опредѣленіяхъ соблюдаются возможная точность и ясность.

Кромѣ того, въ изложеніи курса нѣтъ обычной почти во всѣхъ учебникахъ ариѳметики сухости, благодаря всестороннему развитію общихъ идей и многимъ интереснымъ примѣчаніямъ, касающимся или историческихъ данныхъ, или нѣкоторыхъ частныхъ ариѳметическаго ученія.

Несмотря на безукоризненную строгость выводовъ, приемы разсужденій отличаются простотою и общедоступностью. Къ буквенному способу доказательствъ авторъ прибѣгаетъ сравнительно рѣдко (теорія геометрической пропорціи, свойства ряда равныхъ отношеній, предложенія о числахъ и т. п.); болѣею же частью разсужденія ведутся при помощи чиселъ. Особенно ясно и просто изложены численнымъ путемъ теорія первоначальныхъ чиселъ, теорія простыхъ и десятичныхъ дробей, обобщеніе теоріи дробей, а также и многіе другіе вопросы.

Численный способъ изложенія ариѳметики (почти безъ помощи алгебры) позволяетъ и въ младшихъ классахъ среднеучебныхъ заведеній вести преподаваніе этого предмета въ строго научной системѣ, построенной на общихъ руководящихъ началахъ, что способствуетъ, конечно, умственному развитію вообще и, кромѣ того, даетъ хорошую подготовку для систематическаго изученія другихъ математическихъ наукъ.

Практическій отдѣлъ при полнотѣ содержанія и богатой разработкѣ исчерпываетъ всѣ наиболее важные случаи, гдѣ примѣняются ариѳметическія вычисленія. Приемъ рѣшеній крайне простъ, а самыя задачи имѣютъ типическій характеръ. Содержа много разнообразнаго матеріала, заимствованнаго изъ различныхъ сферъ дѣйствительной жизни, онѣ не только знакомятъ съ примѣненіемъ вычисленій къ общезнанию, но и оказываютъ широкое развивающее вліяніе, такъ какъ приучаютъ къ единству методовъ рѣшенія при всемъ разнообразіи ихъ условій.

Въ нѣкоторыхъ задачахъ переводчикъ замѣнилъ метрическія мѣры русскими, въ другихъ же оставилъ ихъ безъ измѣненія, приложивъ таблицу для перевода однѣхъ мѣръ въ другія.

Такъ какъ руководство Желена предназначается для среднихъ учебныхъ заведеній, то переводчикъ нѣсколько сократилъ его, выпустивъ тѣ отдѣлы, которые обыкновенно относятъ къ курсу алгебры, какъ, наприм., извлеченіе корней, несоизмѣримыя количества, прогрессіи, логарифмы, сложные проценты и срочныя уплаты.

Съ своей стороны, г. де-Жоржъ приложилъ всѣ старанія, чтобы прекрасный трудъ Желена и на русскомъ языкѣ сохранилъ всѣ свои педагогическія достоинства. И въ самомъ дѣлѣ, переводъ сдѣланъ въ общемъ хорошо, и книжка издана вполне опрятно какъ по внѣшности, такъ и по малому количеству опечатокъ.

Къ сожалѣнію, учебникъ, несмотря на сдѣланныя сокращенія, все-таки, черезъ-чуръ объемистъ (270 страницъ), благодаря тому, что изложеніе не всегда достаточно сжато.

КАЛЕНДАРЬ.

„Сельскій календарь на 1890 г.“. Я. Абрамова.—„Стоглавъ“.

Сельскій календарь на 1890 годъ. Составилъ Яковъ Абрамовъ. Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1889 г. Цѣна 20 коп. На первыхъ страницахъ этого календаря помѣщены портретъ и біографія А. С. Пушкина. Затѣмъ слѣдуютъ обычный мѣсяцесловъ - святцы и справочныя календарныя свѣдѣнія. Особенность *Сельскаго календаря* состоитъ въ томъ, что 125 страницъ большаго формата въ двѣ колонки заняты въ немъ статьями, отлично подобранными сообразно насущнымъ нуждамъ сельскихъ обывателей и написанными яснымъ, понятнымъ для крестьянъ языкомъ. Безъ лишнихъ фразъ, но убѣдительно рассказано о пользѣ „общественной лавки и обществъ потребителей“ и о томъ, какъ таковыя устроить; потомъ говорится такъ же коротко и основательно объ „общественной богадѣльнѣ“ для престарѣлыхъ и немощныхъ, объ „общественныхъ бібліотекахъ при школахъ“, о „сельскихъ школахъ“, о томъ, „какъ ихъ устроить и какъ построить“; въ этой статейкѣ даются подробныя наставленія къ устройству прекрасной печи, пригодной не только для школы, но и для всякаго жилого помѣщенія; тутъ же имѣются планы школъ и наставленія съ рисункомъ къ изготовленію школьныхъ партъ. Къ статьѣ приложены программы для экзаменовъ на льготу по воинской повинности и на званіе сельскаго учителя. Этотъ отдѣлъ заканчивается статейкой „Какъ и чему слѣдуетъ учить“ и спискомъ „полезныхъ книгъ“ съ указаніемъ, „какъ ихъ пріобрѣтать“. Въ отдѣлѣ *Свѣдѣній по ремесламъ и промысламъ* имѣются наставленія съ рисунками къ устройству дешевыхъ маслобоенъ. Статьйка эта маленькая, но никакуда негодная, ибо по ней нельзя ничего построить; составителю надлежало бы ограничиться указаніемъ на выгоду маслобойни, не задаваясь цѣлью обучать устройству, хотя и не особенно сложнаго, а все же такого заведенія, построить которое можетъ только опытный мастеръ. За то весьма дѣльны и основательны статьи: „Какъ устроить домъ, чтобы онъ былъ здоровымъ“, какъ дѣлать глинобитныя постройки и общественныя деревенскія бани. Мы обратимъ вниманіе составителя на пользу для деревень имѣть общественный овинъ, о чемъ можно бы сказать, исключивши лишніе рисунки маслобойныхъ жомовъ, а также на большую выгоду для крестьянъ имѣть товарищескія молотилки, походныя, такъ называемыя „сапожковскія“ (изъ гор. Сапожка, Рязанской г.). Въ отдѣлѣ *Свѣдѣній по сельскому хозяйству* рассказывается о вредныхъ

насъкомыхъ и о способахъ ихъ уничтоженія; далѣе идутъ наставленія къ предупреденію и леченію нѣкоторыхъ скотскихъ болѣзней. Большое значеніе должна имѣть статья, озаглавленная: *Советы беременнымъ и бабкамъ-повитухамъ*. Очень дѣльныя указанія имѣются въ статьяхъ о переселеніяхъ крестьянъ на земли, купленные при помощи крестьянскаго банка, и о поземельныхъ тозариществахъ. Въ заключеніе, подъ рубрикою *Смѣсь*, сообщаются разныя извѣстія и рецепты, выборъ которыхъ нельзя назвать вполнѣ удачнымъ.

Въ общемъ мы считаемъ *Сельскій календарь* въ высшей степени полезною книгой и желаемъ этому календарю самаго широкаго распространенія среди нашего деревенскаго населенія.

Стоглавъ, иллюстрированный календарь на 1890 г. Годъ второй. Ц. 35 к. Это одинъ изъ множества календарей съ пестрыми хромолитографированными обертками, и онъ ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ всѣхъ ему подобныхъ. Въ справочномъ отдѣлѣ желѣзнодорожныя указанія составлены неудобно и очень неполны. Въ немъ имѣются лишь свѣдѣнія о цѣнахъ на проѣздъ „по кратчайшему разстоянію“ между сорока городами Россіи, и нѣтъ обыкновеннаго росписанія желѣзныхъ дорогъ по группамъ и линіямъ съ обозначеніемъ станцій. Въ помѣщенномъ въ *Стоглавъ* спискѣ 40 городовъ не имѣется многихъ конечныхъ желѣзно-дорожныхъ пунктовъ, какъ, напримѣръ: Вержболово, Граница, Лодзь, Новороссійскъ, Рени, Унгены и др. Отсутствуютъ и указанія относительно путей Тифлисъ - Баку, Тифлисъ-Поти, Тифлисъ-Батумъ и проч. На приложенной къ календарю желѣзнодорожной картѣ изображена желѣзная дорога отъ Бендеръ до Галаца. Въ дѣйствительности же такой дороги не существуетъ, а есть рѣловый путь отъ Бендеръ до Рени, откуда добраться до Галаца очень нелегко; хотя разстояніе отъ Рени до Галаца всего верстъ 30, но пароходы по Дунаю ходятъ лишь два раза въ недѣлю, а переѣздъ въ экипажѣ очень дорогъ и затрудненъ пограничными паспортными формальностями для извозчиковъ. Пучникъ, положившійся на карту *Стоглава*, рискуетъ застѣть на нѣсколько дней въ Рени, мерзвѣйшемъ городишкѣ, въ которомъ и голову - то приклонить негдѣ, кромѣ отвратительной корчмы. Издатели *Стоглава* хорошо сдѣлаютъ, если измѣнятъ весь свой желѣзнодорожный указатель и исправятъ карту.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Сѣверный Вѣстникъ“, августъ и сентябрь.—„Русскій Вѣстникъ“, июль.—„Историческій Вѣстникъ“, январь—сентябрь.—„Артистъ“, сентябрь.

Сѣверный Вѣстникъ, августъ и сентябрь. Среди блѣдныхъ произведеній литературныхъ дебютантовъ, представлявшихъ за послѣднее время оригинальную беллетристику журнала, очень выгодно выдѣляется повѣсть г-жи А — вой *Софья Павловна*. Это живая жанровая картинка, написанная бойкимъ и талантливымъ перомъ. Безъ всякихъ предисловій и растянутыхъ описаній, авторъ сразу искусно вводитъ читателя въ самую суть разсказа, въ жизнь и интересы семьи высшаго или полувысшаго столичнаго круга. Это одна изъ тѣхъ „почтенныхъ и приличныхъ“ петербургскихъ семей, все существованіе которыхъ держится исключительно на одномъ „купонѣ“. Вокругъ купона же вертятся и всѣ интересы, помыслы и желанія членовъ семьи, что сказывается особенно ярко и характерно въ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ ея

бытія,—въ моментъ матримоніальнаго устроенія судьбы взрослыхъ дѣтей. Въ лицѣ Софьи Павловны удачно схваченъ типъ матерей, которыя всю свою жизнь и честолюбіе полагаютъ въ томъ, чтобы дѣти ихъ сдѣлали „приличную“, т. е. богатую, „партію“, и которыя умѣютъ чрезвычайно ловко, до виртуозности, показывать и сбывать свой товаръ. *Софья Павловна*, это—цѣлая сложная система, цѣлая хитроумная матримоніальная политика, въ которую владыкаются всѣ душевныя силы, весь арсеналъ женской изворотливости и хитрости для достиженія намѣченныхъ цѣлей. И, что всего характернѣе, въ свои матеріальные расчѣты, въ свои марьяжные планы и приемы весьма грубаго свойства Софья Павловна поминутно притягиваетъ „волю Провидѣнія“; она искренно вѣритъ во вѣшательство высшей силы въ ея недостойную и смѣшную игру, усматривая перстъ Божій въ вѣщихъ снахъ странницъ, въ совѣтахъ „блаженненькихъ“ и тому подобнаго бродячаго люда, находящаго пріютъ въ ея домѣ и въ ея религиозномъ сердцѣ.

Не менѣе удачно обрисованы и дѣти Софьи Павловны — сынъ женихъ и дочери невѣсты. Одна изъ послѣднихъ уже съ 15-ти лѣтъ поняла свое назначеніе и быстро усвоила науку уловленія богатыхъ жениховъ, а потому сейчасъ же подхватила стараго и безобразнаго миллионера. Ловко и быстро справился съ подобною же задачей молодой кутила, сынъ Софьи Павловны, и только старшая дочь по своей непроходимой наивности и апатіи заставила мать прибѣгнуть къ самымъ отчаяннымъ уловкамъ, чтобы выгодно пристроить ее. Въ лицѣ этихъ „дѣтей“ передъ нами предстаетъ та молодежь, которая какъ нельзя болѣе подходитъ къ идеалу нѣкоторыхъ современныхъ философовъ и моралистовъ, ибо представляетъ собою полную антитезу горячимъ молодымъ головамъ, которыя полны выпренности „бредней“, книжной учености и неженственныхъ стремленій. О трудѣ, о книжѣ, о „женскомъ образованіи“ въ семьѣ Софьи Павловны, конечно, нѣтъ ни рѣчи, ни даже понятія. Дочери ея въ минуты скуки и досуга, т. е. когда онѣ свободны отъ баловъ, собраній, раутовъ, читаютъ годами все одну и ту же книгу—*Племяницу* Евгенія Туръ; онѣ слышатъ лишь самые невинные разговоры о женихахъ и объ искусствѣ нравиться и сами только объ этомъ разговариваютъ; онѣ почтительно записываютъ за воротъ освещенную вату, когда отправляются на балъ, на которомъ должна рѣшиться ихъ матримоніальная судьба. Сынъ— „милый шалунъ“, опытный ловеласъ, прекрасный танцоръ; дочери полны „женственности и граціи“. Все въ нихъ и кругомъ нихъ красиво, изящно, деликатно,—и рѣчи, и манеры, и костюмы, и прически. Не только о „цѣли выпренности“ здѣсь мысль смѣшна, но въ молодыхъ членахъ семей, подобныхъ описанной въ повѣсти г-жи А — вой, не встрѣчается вовсе проблеска какого-нибудь живаго челоувѣческаго чувства. Дочери Софьи Павловны не испытываютъ ни увлеченій къ кому или къ чему-либо, ни, наоборотъ, хотя бы чувства инстинктивнаго отвращенія отъ брака съ покупателями ихъ красоты; онѣ сохраняютъ полную безмятежность и ясность души, выходя замужъ за „старыхъ обезьянъ“ или „болвановъ“, каковыми являются ихъ суженные. Да, впрочемъ, что стали бы дѣлать эти женственныя, спокойныя и недумающія созданія, если бы послѣ полнаго истощенія собственнаго „купона“ имъ не явился на выручку новый въ лицѣ стараго банкира Дмитраки или безусаго купчика Сашеникова?

Объ указанныхъ параллеляхъ и выводахъ въ разсказѣ нѣтъ и помину, но, какъ во всякомъ талантливомъ произведеніи, читатель самъ незамѣтно наталкивается на нихъ; они-то и составляютъ главный смыслъ

повѣсти г-жи А—вой, оставляющей хорошее впечатлѣніе. Кромѣ того, благодаря чрезвычайно живому и простому, но, въ то же время, изящному языку, повѣсть *Собья Павловна* читается съ большимъ наслажденіемъ.

Совершенно противоположное впечатлѣніе оставляетъ первая часть повѣсти г. Таль *Душевные бури*, напечатанная въ сентябрьской книгѣ *Спб. Вѣстн.* Въмѣсто живой, простой и сжатой рѣчи, мы имѣемъ здѣсь скучное многословіе и чрезвычайно высокопарный, торжественный тонъ, напоминающій сантиментальныя повѣсти двадцатыхъ годовъ; очень часто тѣ мѣста, надъ которыми авторъ хотѣлъ заставить читателя призадуматься, вызываютъ въ послѣднемъ лишь веселую улыбку. Дѣйствие происходитъ въ Парижѣ, гдѣ случайно встрѣтились *онъ* и *она*, герой и героиня, дотолѣ совершенно незнакомые другъ другу; оба они люди семейные, но, вслѣдствіе таинственныхъ вѣяній рока, съ перваго момента встрѣчи почувствовавшіе, что предназначены свыше другъ для друга. „Я не люблю шутить; пора, чтобы жизнь не казалась намъ какою-то вѣчною шуткой, когда въ ней звучитъ столько трагическихъ нотъ!“—воскликаетъ героиня въ первую встрѣчу съ героемъ, незнакомымъ ей человѣкомъ, котораго только что увидѣла въ первый разъ въ жизни. „Когда я встрѣтила васъ, что-то сказало мнѣ, что вы именно тотъ человѣкъ, по образу и подобию котораго я создана. Мы двѣ большія нравственныя силы, Владиміръ Андреевичъ, и если бы обстоятельства соединили насъ, мы могли бы совершить что-нибудь великое“,—говоритъ героиня во вторую встрѣчу съ героемъ. „Нѣтъ, мы не можемъ не видѣться!“—воскликаетъ она въ третью встрѣчу и т. д. Послѣ этихъ весьма курьезныхъ діалоговъ пространно и какимъ-то слащаво-деревяннымъ образомъ описываются чувства жены героя, великодушно отъезывающейся отъ него въ пользу неожиданной-негаданной соперницы. Затѣмъ авторъ заканчиваетъ первую часть своего произведенія слѣдующимъ патетическимъ послѣсловіемъ:

„Эту страничку я посвящаю вамъ, всѣ, безпричинно утратившіе любовь васъ любившихъ и еще любящіе!... Какъ тяжелъ тотъ путь, который, наконецъ, доводитъ васъ до примиренія съ постигшимъ васъ горемъ!... Бѣдныя, бѣдныя, напрасно вы мучаете себя! Вы не властны удержать за собою охладѣвающаго чувства. Оно было и утратилось... Куда оно дѣвалось? Что нанесло ему смертельный ударъ? Кто можетъ отвѣтить на эти неразрѣшимые вопросы? Кто можетъ сказать, какъ любовь зарождается?...“ и т. д., и т. д.

Намъ кажется, авторъ немножко смѣлъ въ своихъ расчетахъ, предполагая, что „эта страничка“, посвященная женамъ, которыхъ разлюбили мужья, вызоветъ непременно въ читателей сочувственное волненіе, и что восклицательныя утѣшенія, расточаемыя г. Таль „бѣднымъ“ женщинамъ, прольютъ прѣлительный бальзамъ на ошечаленную душу послѣднихъ. Для подобнаго художественнаго воздѣйствія нужны болѣе искусная рука и болѣе искреннія рѣчи, а не столь высокопарный, торжественный тонъ, слишкомъ напоминающій справедливость пословицы, что „du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas“.

Среди такъ называемыхъ „серьезныхъ“ статей обозрѣваемыхъ книжекъ *Спб. Вѣстника* особаго вниманія заслуживаетъ статья г. В. В.: *Что дѣлается въ общинѣ*.

Эта статья явилась результатомъ изученія *всей* массы матеріаловъ, собранныхъ мѣстными земско-статистическими изслѣдованіями.

Въ то время, когда небольшая группа мѣстныхъ изслѣдователей,

опираясь на поддержку земствъ, продолжаетъ изучать все новыя и новыя уголки обширной Россіи, другая, также немногочисленная группа публицистовъ и ученыхъ старается теперь разобратся въ массѣ накопившагося сырого матеріала, пытается на основаніи отдѣльных мѣстныхъ изслѣдованій представить общую картину положенія той или другой стороны экономической жизни Россіи.

Если за что можно упрекнуть автора статьи *Что дѣлается въ общинѣ*, то это за напрасную сжатость изложенія, такъ какъ здѣсь на немногихъ страницахъ сгруппировано очень много интересныхъ и важныхъ выводовъ и замѣчаній.

Авторъ широко взглянулъ на предметъ своего изученія. Будучи знакомъ со всѣми деталями и особенностями общиннаго землевладѣнія въ разныхъ районахъ Россіи, г. В. В. могъ выдвинуть тѣ стороны вопроса, которыя или оставались въ тѣни прежними изслѣдователями, или несовсѣмъ правильно ими освѣщались. Такимъ образомъ, въ значительной своей части статья г. В. В. оказывается направленной на опроверженіе многихъ взглядовъ, далеко не соответствующихъ дѣйствительности, но, тѣмъ не менѣе, сдѣлавшихся, такъ сказать, „ходячими“, благодаря незначительному еще знакомству русскаго общества съ экономической жизнью страны.

Къ числу такихъ „ходячихъ“, но глубоко невѣрныхъ мнѣній слѣдуетъ отнести, прежде всего, взглядъ на общину, какъ на первобытную форму земельной собственности, которая въ силу одной своей архаичности признается многими уже отжившимъ институтомъ, несовмѣстимымъ съ новѣйшею культурой, и проч. Не рѣдкость у насъ даже въ печати встрѣтить такое мнѣніе, что община, эта архаическая форма землевладѣнія, сохранилась въ Россіи, благодаря нашей исторической отсталости, что разложеніе общины естественнымъ путемъ началось уже давно, но что община нашла себѣ могучаго союзника въ правительствѣ, не только становившемся на ея сторону въ случаяхъ столкновения съ индивидуалистическими стремленіями изнутри, но и способствовавшимъ дальнѣйшему распространенію этой формы владѣнія. Между тѣмъ, множество фактовъ, собранныхъ земскими изслѣдованіями болѣе чѣмъ въ 150 уѣздахъ Россіи, свидѣтельствуютъ, по словамъ г. В. В., что община, какъ форма владѣнія и пользованія, отвѣчаетъ всѣмъ условіямъ экономического развитія, въ какія уже вступилъ цивилизованный міръ, что для прогрессивнаго развитія нашей страны нѣтъ надобности ни въ обезземеленіи народа вообще, ни въ разрушеніи общины въ частности. Опираясь на множество фактовъ, авторъ приходитъ къ выводу, что современная наша община находится въ согласіи не только съ хозяйственными условіями страны, но и съ отношеніями, возникающими въ сферѣ народнаго семейнаго быта. Масса фактовъ, собранныхъ мѣстными земскими изслѣдованіями, обнаруживаетъ передъ нами продолжающійся и теперь процессъ прогрессивной эволюціи въ общинѣ, процессъ усиленнаго приспособленія общинныхъ порядковъ къ измѣняющимся экономическимъ и инымъ условіямъ.

Ближайшее изученіе фактовъ изъ жизни общины обнаруживаетъ ошибочность и другаго воззрѣнія, которое слишкомъ уже преувеличиваетъ роль правительства въ исторіи нашей общины.

„Допустивъ даже,—говорить г. В. В.,—что все распространеніе общинной формы землевладѣнія въ прошломъ и настоящемъ вѣкѣ произошло не безъ участія государства, слѣдуетъ, все-таки, помнить, что указанное вмѣшательство правительства въ народную жизнь не было

постояннымъ и систематическимъ и потерѣло бы полное фіаско, если бы не опиралось на теченія въ самомъ народѣ. Если бы община была декретирована правительствомъ, руководствующимся только своимъ интересомъ, не основывающимъ свои мѣропріятія на стремленіяхъ массы, она осталась бы жертвою буевой, какою остается въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ среди помѣщичьихъ крестьянъ-малороссовъ, получившихъ землю на общинномъ правѣ. Если, наконецъ, идея общины, разъ брошенная правительствомъ, прочно укрѣпилась и обнаруживаетъ сильную живучесть, даже въ самые послѣдніе годы, значитъ условія современной дѣйствительности, — справедливо разсуждаетъ г. В. В., — не такъ уже противны принципу коллективности, значитъ новѣйшая культура мирится съ общинною формой землевладѣнія, съ требованіями прогресса“. Мѣстныя изслѣдованія прекрасно подтверждаютъ, что роль правительства въ дѣлѣ появленія общины въ XIX вѣкѣ была не настолько рѣшительная, и главнымъ агентомъ, обезпечившимъ ея успѣхи, были теченія не внѣ, а внутри народной массы. Еще рельефнѣе это выразилось за самое послѣднее время. Укоренившійся среди бывш. государственныхъ крестьянъ обычай производить передѣлы земли во время ревизій, какъ бы съ одобренія правительства, не помѣшалъ, однако, этимъ же крестьянамъ уравнивать теперь свои надѣлы, не дожидаясь новой ревизіи. Въ прежнее время право назначенія момента передѣла земли крестьянинъ считалъ находящимся въ рукахъ государства. Измѣненіе послѣдняго воззрѣнія совершилось постепенно, путемъ упорной борьбы сторонниковъ и противниковъ передѣла. Теперь же община стала сознательнѣе относиться къ своимъ правамъ, замѣтно ясное измѣненіе взглядовъ народа на роль міра и правительства въ регулированіи общинной жизни.

Разъ посторонняя власть устранена отъ вмѣшательства въ общинныя дѣла, — открылась возможность измѣненія и другихъ сторонъ общиннаго быта въ зависимости отъ многообразныхъ условій внѣшней и внутренней жизни крестьянина.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ здѣсь останавливаться на многочисленныхъ признакахъ количественнаго и качественного прогресса общины, которые приводятся авторомъ на основаніи земскихъ изслѣдованій, наприм., о распространеніи общинной формы землевладѣнія въ самое послѣднее время въ южныхъ степяхъ, у четвертныхъ владѣльцевъ центральныхъ губерній, о чрезполосномъ пользованіи землей подворными владѣльцами и т. д. Одно разнообразіе основаній разверстки земли, практикуемыхъ крестьянами въ разныхъ концахъ Россіи, обнаруживаетъ замѣчательную гибкость общины, ея способность приспособляться къ самымъ разнообразнымъ требованіямъ экономическимъ и сельско-хозяйственнымъ.

Многіе изслѣдователи склонны видѣть разцвѣтъ общины только въ прошедшемъ и не замѣчаютъ того грубаго недоразумѣнія, что при господствѣ крѣпостнаго права нельзя было и говорить объ общинномъ землевладѣніи у цѣлой половины сельскаго населенія. Въ самомъ дѣлѣ, какая могла быть община у барщинныхъ, наприм., крестьянъ, гдѣ надѣ всѣми господствовали указъ и палка барина? Только пылкая фантазія идеализаторовъ старины могла находить здѣсь крѣпкія общинныя связи. Но теперь, когда и бывшіе помѣщичьи крестьяне получили относительную свободу въ дѣлѣ своего поземельнаго устройства, производство коренныхъ передѣловъ начинаетъ постепенно распространяться и среди

этой половины нашего земледѣльческаго населенія, несмотря на всѣ неблагоприятныя вліянія послѣдняго времени.

Автору удалось вполне отгнѣнить все важное для оцѣнки происходящихъ нынѣ въ общинѣ измѣненій. Освобожденіе крестьянъ поставило населеніе въ инныя экономическія и общественныя условія. Это, конечно, не новость. Но до сихъ поръ у насъ очень мало обращали вниманія на новыя стремленія личнаго характера, которыя зародились у крестьянъ подъ вліяніемъ акта освобожденія. „Стремленіе это, совершенно естественное у только что освобожденнаго раба,—говоритъ г. В. В.,—заключалось въ желаніи пожить по своей, а не чужой волѣ, устроиться по своему, а не чужому разуму. Крестьянину надоѣла опека чиновника, помѣщика, міра, семьи, обычая, даже земли, и онъ рветъ съ ними, насколько это въ его власти, а порвавъ, остается наединѣ съ своею личною силой, желаніями и способностями“.

Въ послѣдніе годы, однако, многіе признаки, вродѣ возвращенія населенія къ землѣ, заботы о поднятій сельско-хозяйственной культуры, разныя явленія общинной жизни, повидимому, свидѣтельствуютъ, говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, что критическій періодъ въ развитіи нашего народа уже кончается. Крестьянинъ отпраздновалъ медовой мѣсяцъ своей свободы, и, умудренный горькимъ опытомъ, повидимому, рѣшился устраивать свое хозяйственное положеніе прочнымъ образомъ, насколько это позволяютъ, конечно, внѣшнія условія. Пока эти замѣчанія г. В. В. о переѣнахъ въ настроеніи народа, несмотря на свою логическую убѣдительность, не могли получить достаточнаго фактическаго обоснованія. Было бы очень желательно, чтобы наблюдатели народнаго быта обратили больше вниманія на эту важную сторону.

Общій выводъ статьи *Что дѣлается въ общинѣ* таковъ, что въ настоящее время въ общинѣ идутъ процессы не одного только разрушенія стараго, но и созданія новаго.

Въ послѣднее время у насъ начинается замѣтно развиваться особый видъ „историческихъ“ воспоминаній изъ самаго недавняго нашего прошлаго. Къ числу такихъ „историческихъ“ статей, отвѣчающихъ, въ то же время, на самыя жгучіе вопросы настоящаго дня, относится и интересная замѣтка извѣстнаго мѣстнаго дѣятеля г. П. Зеленаго: *Херсонское дворянство и Херсонская губернія въ 1862 г.*

Авторъ исходитъ изъ того совершенно справедливаго мнѣнія, что „реакціонные органы печати и ихъ послѣдователи, желающіе всѣ безъ исключенія земскія заботы и печали ввалить на плечи одного дворянства, ни мало не задумываются надъ тѣмъ, что на дворянство такимъ путемъ налагается страшная отвѣтственность передъ своею совѣстью, русскимъ народомъ, потомствомъ и безпристрастною исторіей. Они забываютъ, во-первыхъ, спросить дворянство (а не двухъ-трехъ его представителей), желаетъ ли оно принять всецѣло и безраздѣльно на себя безпредѣльную, страшно отвѣтственную заботу о благосостояніи населенія и всѣхъ слоевъ его, а, во-вторыхъ, забываютъ уроки и опытъ прошлаго“.

Почтенный авторъ, принимавшій уже въ то время живое участіе въ событіяхъ мѣстной жизни, рассказываетъ теперь въ своей статьѣ на основаніи однихъ безспорныхъ официальныхъ документовъ, въ какомъ безотрадномъ, во всѣхъ отношеніяхъ, положеніи находились всѣ отрасли мѣстнаго хозяйства и администраціи въ Херсонской губерніи 1862 г.

и что отвѣчало херсонское дворянство на запросъ правительства о необходимыхъ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ въ мѣстномъ управленіи.

Иное, хорошее то было время, иныя тогда раздавались и пѣсни.

Русскій Вѣстникъ, июль. Врядъ ли кто ожидаетъ когда-либо встрѣтить на страницахъ *Русскаго Вѣстника* проповѣдь гуманности, слова мира и прогресса, призывъ къ милосердію. Извѣстныя традиціи журнала создали ему специальную, боевую фізіономію и задачи совершенно иного характера. Никого поэтому не удивляютъ такія статьи *Русскаго Вѣстника*, въ которыхъ отражается несложная программа—подтянуть, сократить, пресѣчь, гдѣ повсюду разыскиваются воображаемые „враги отечества и порядка“ съ цѣлью ихъ разоблаченія и искорененія. Но призывать еще сугубую кару на голову уже навѣки осужденныхъ, наказывать наказанныхъ, отвергать всякую человѣчность по отношенію къ тѣмъ, кто и безъ того навсегда отвергнутъ обществомъ,—подобная безцѣльная жестокость и, притомъ, въ сферѣ вопросовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ предметами принципиальной ненависти журнала вызываетъ удивленіе и не можетъ не остановить на себѣ вниманія читателя. Къ числу такихъ жестокихъ статей принадлежит *Ссылка и островъ Сахалинъ*, авторъ которой прямо заявляетъ, что задался специальною цѣлью обличить тюремное вѣдомство Сахалина за черезъ-чуръ гуманное обращеніе съ каторжниками, ссылаемыми на этотъ островъ. Какъ и слѣдовало ожидать, это тенденціозное въ извѣстномъ смыслѣ изслѣдованіе начинается, прежде всего, съ упрека новому суду за „всепрощающее“ отношеніе къ преступникамъ, за слишкомъ частыя оправдательныя или смягченныя приговоры. Но и карательныя приговоры суда, но и каторга, и ссылка на Сахалинъ не даютъ автору покоя и удовлетворенія, и онъ хочетъ разрушить „иллюзіи“ общества, будто приговоренные преступники получаютъ „должную обстановку и возмездіе“.

Вопросъ о ссылкѣ на Сахалинъ уже не мало разрабатывался въ нашей литературѣ; въ ней попадалось много свѣдѣній, ознакомившихъ читателя съ негостеприимнымъ островомъ, отрѣзаннымъ отъ всего міра почти недоступными берегами, съ его суровою, дикою природою, съ трудомъ поддающейся человѣческой культурѣ. Достаточно извѣстны также ужасы и отвращенія, которые питаютъ къ нему осужденные преступники, предпочитающіе сибирскую каторгу ссылкѣ на далекій необитаемый „Соколинскій“ островъ. Авторъ же статьи *Ссылка и островъ Сахалинъ* стремится представить жизнь на островѣ и существованіе ссыльныхъ какою-то идилліей, которой должны позавидовать всѣ свободные люди въ Россіи. Впрочемъ, съ перваго же шага оказывается, что средства автора ниже его намѣреній: несмотря на обширность статьи г. А. С., она не только не даетъ подробнаго и всесторонняго знакомства съ ссылкой, но ни единою цифрою или документальнымъ свидѣтельствомъ не подкрѣпляетъ содержащихся въ ней доводовъ автора противъ современнаго состоянія ссылкинаго дѣла на Сахалинѣ. Наполнивъ большую часть очерка топографическимъ описаніемъ мѣстностей, занятыхъ фортами и поселеніями Сахалина, а также описаніемъ административнаго устройства острова, г. А. С. приступаетъ, наконецъ, къ главному предмету своего труда—къ обличеніямъ. Онъ начинаетъ ихъ съ нападокъ на добровольный флотъ за слишкомъ гуманный режимъ и обращеніе съ преступниками при перевозкѣ послѣднихъ изъ Одессы на пароходахъ этого общества. Заботы пароходнаго начальства о здоровьи преступниковъ, о хорошей пищѣ, вентиляціи, чистотѣ, о поддержкѣ въ арестантахъ бодрости духа, т. е. всѣ тѣ мѣры, которыя способствуютъ бла-

гополучной во всѣхъ отношеніяхъ доставкѣ огромной толпы арестантовъ на Сахалинъ, вызываютъ у нашего автора сильное негодованіе, какъ непростительное „нанячанье съ преступниками“. Съ замѣчательнымъ остроуміемъ сравниваетъ онъ тяжелый и длинный переѣздъ арестантовъ въ плавучей тюрьмѣ съ „увеселительною прогулкой воспитанниковъ пансіона“, которую якобы напоминаетъ собою положеніе преступниковъ на пароходахъ, благодаря попустительству начальствá.

Уже не въ первый разъ на страницахъ *Русскаго Вѣстника* встрѣчаются обвиненія общества добровольнаго флота въ „гуманности“ по отношенію къ преступникамъ *). Можно только удивляться такой настойчивости, достойной лучшаго примѣненія, и недоумѣвать, какія цѣли въ данномъ случаѣ руководятъ журналомъ? Оставляя въ сторонѣ ненавистную ему „гуманность“, легко видѣть, что мѣры, принимаемыя на пароходахъ по отношенію къ подневольному человѣческому грузу, вытекаютъ отчасти хотя бы простыми соображеніями предосторожности ради честнаго исполненія взятаго на себя долга: вѣдь, пароходное начальство принимаетъ на себя большую отвѣтственность за жизнь и здоровье нѣсколькихъ сотенъ людей, скученныхъ въ теченіе 1½—2-хъ мѣсячнаго переѣзда на крошечномъ пространствѣ корабельнаго трюма. И чего же хочется г. А. С. и ему подобнымъ гонителямъ гуманности, — чтобы въ наше время арестантовъ перевозили въ такой обстановкѣ и такимъ образомъ, какъ нѣкогда работорговцы перевозили негровъ?

Что касается жизни арестантовъ на Сахалинѣ, то здѣсь, по мнѣнію г. А. С., на каждомъ шагу проявляетъ себя та же непростительная „гуманность“—и въ достаточной пищѣ, и въ хорошемъ помѣщеніи, хотя въ одномъ мѣстѣ у автора и проскальзываетъ свѣдѣніе, что около двухъ тысячъ ссыльныхъ за недостаткомъ тюремъ помѣщаются въ землянкахъ. Но самое главное, что вызываетъ негодованіе г. А. С., это—„посильность“ работы преступниковъ, которая не представляетъ ничего выдающагося изъ общихъ формъ физическаго труда. По свидѣтельству очерка, тяжелою, рудокопною работою занята только небольшая часть каторжниковъ, да и тѣ „нѣсколько не тяготятся такою работою“. Остальные же заняты ремеслами, постройкою зданій и другими работами, направленными на культивированіе края и непосредственныя нужды тюремнаго дѣла. Съ цѣлью раскрыть глаза обществу на каторжный трудъ, г. А. С. подробно описываетъ рабочій день на Сахалинѣ. „Вотъ передъ вами ряды верстаковъ, за которыми стоятъ человекѣ двадцать преступниковъ, очевидно, столары: этотъ вяжетъ оконную раму; тотъ оканчиваетъ дверь во вновь строящуюся тюрьму... всѣ заняты, но, тѣмъ не менѣе, на лицахъ ихъ не видать и слѣдовъ какого-нибудь утомленія отъ работы; напротивъ, безпечный и веселый видъ большинства артели заставляетъ забывать, что передъ вами стоятъ осужденные, отбывающіе сроки „каторги“, чему способствуетъ и отсутствіе кандаловъ, бубноваго туза и бритой головы—этихъ внѣшнихъ признаковъ арестанта, отъ которыхъ здѣсь мѣстная администрація, изъ соображеній гуманности, совсѣмъ отказалась. Не далека отъ этой артели, въ другомъ помѣщеніи, виднѣтся еще группа рабочихъ—то бондари, изготовляющіе всевозможную деревянную посуду, необходимую въ хозяйственномъ быту, а далѣе за ними въ остальной части мастерской размѣстились еще человекѣ двѣнадцать ремесленниковъ, представляющихъ своими легкими работами пеструю картину: вотъ, въ одномъ мѣстѣ стучитъ токарный

*) См. *Русскій Вѣстникъ* 1888 г., № 6: *Внутреннее обозрѣніе*.

станокъ, въ другомъ идетъ спѣшная окраска больничной ванны и т. п. Слышится то обычный говоръ, то шутивая рѣчь... и опять ничего тѣжелаго, внушающаго... (точно будто автору нужны непременно „плачъ и скрежетъ зубовой“). То же самое впечатлѣнiе вынесемъ, если осмотришь швальню, литейную, кузнечную и слесарную мастерскія, гдѣ въ первой изъ нихъ идетъ кое-какая работа по изготовленію обуви, одежды и бѣлья для всѣхъ, ссылаемыхъ на островъ, арестантовъ. Но поспѣшимъ на улицу, гдѣ большинство преступниковъ проводятъ свои урочные часы. Дѣйствительно, куда ни поглядишь, почти всюду видѣются группы рабочихъ, кажущіяся издали какими-то движущимися сѣрыми пятнами... Вотъ здѣсь идетъ распиловка подѣлочнаго лѣса; тутъ катятъ на мельницу вагоны съ зерновымъ хлѣбомъ; тамъ раскорчевываютъ участки земли подъ новые огороды; по рѣчкѣ плыватъ плоты съ дровами, съ лѣсопилены несутъ массу теса и плахъ; на мосту идетъ тоже работа по перестилкѣ его полотна... Въ другой сторонѣ поста оиатъ новыя группы осужденныхъ, а съ ними и новое разнообразіе работъ. Здѣсь плотники, кровельщики, печники, слившись въ одну громадную мастерскую артель, заняты постройкою новой тюрьмы, а между ними то тутъ, то тамъ снуютъ чернорабочіе... Далѣе протянулись длинною цѣпью арестанты-землекопы, работающіе надъ осушкою мѣстности, предназначенной подъ новую улицу. Еще нѣскольکو шаговъ—и кирпичный заводъ, гдѣ не одинъ десятокъ рабочихъ рукъ занятъ обработкою глины, формовкою кирпича, заготовленіемъ дровъ и т. п.⁴.

Вотъ часть привлекательной картины, нарисованной г. А. С. Правду связать, изображеніе такого трудового муравейника, такой артельной робинзонады на дикомъ островѣ способно именно удовлетворить ожиданія общества относительно цѣлей ссылки и каторги, а не обмануть ихъ, какъ на это самоувѣренно рассчитываетъ авторъ очерка. Что можетъ быть разумнѣе, цѣлесообразнѣе и полезнѣе для общества и для самихъ преступниковъ, какъ не то, чтобы изъ грабителей и воровъ, изъ даровыхъ пенсіонеровъ общества и казны обратить ихъ къ честному и во всѣхъ отношеніяхъ производительному труду, и именно въ тѣхъ формахъ послѣдняго, которыя наиболѣе необходимы и для нуждъ каторги, и для созданія лучшихъ условій существованія на дикомъ островѣ потомкамъ ссыльно-поселенцевъ? Между тѣмъ, авторъ чрезвычайно возстаетъ противъ того, что тюремная администрація Сахалина не оставляетъ на произволъ судьбы преступниковъ, отбывшихъ наказаніе и выходящихъ на поселеніе. „Поддержка является неизбѣжной всего чаще по отношенію тѣхъ поселенцевъ, которые выбираютъ сложный крестьянскій трудъ, что весьма понятно, такъ какъ условія новой ихъ обстановки рѣшительно исключаютъ возможность какаго-либо заработка для удовлетворенія самыхъ необходимыхъ ихъ ежедневныхъ жизненныхъ нуждъ. Такое-то положеніе дѣла заставляетъ мѣстную администрацію, во-первыхъ, сохранять за каждымъ изъ этихъ людей право пользованія, болѣе или менѣе продолжительное время, безвозмездно, какъ пицевымъ, такъ и одежднымъ тюремнымъ довольствіемъ и даже разрѣшать долгосрочныя денежныя ссуды для приобрѣтенія тѣхъ или другихъ строительныхъ матеріаловъ и инструментовъ. Такъ возникаютъ цѣльныя поселенія, гдѣ одновременно съ возведеніемъ необходимыхъ крестьянскихъ построекъ идетъ подготовка къ началу пахотнаго хозяйства, въ которомъ правительство вновь является на помощь, разрѣшая новыя долгосрочныя ссуды, необходимыя какъ для обрѣмененія полей, такъ и обзаведенія необходимымъ скотомъ. Ни на что подобное не мо-

жеть рассчитывать ни одинъ человѣкъ въ Россіи, не совершившій преступленія, влекущаго за собой такую удобную каторгу...“ Спрашивается опять, неужели предоставленіе поселенцевъ голодной смерти въ непосильной борьбѣ съ первобытными условіями края или возможность превращенія ихъ въ шайки бездомныхъ грабителей, неужели это предпочтительнѣе помощи имъ со стороны казны и описаннаго авторомъ способа обращенія бывшихъ преступниковъ въ мирныхъ пионеровъ культуры на Сахалинѣ? Авторъ намѣренно или ненамѣренно забываетъ, что, кромѣ карательныхъ цѣлей каторги, которыя онъ единственно воздвигаетъ повсюду, существуютъ цѣли исправительныя, а въ данномъ случаѣ еще и экономическія. Онѣ - то и достигаются разумными мѣрами, практикуемыми тюремнымъ вѣдомствомъ острова Сахалина.

О карательной старой системѣ, несомнѣнно дѣйствующей, о каторжномъ режимѣ и темныхъ сторонахъ существованія ссыльно-поселенцевъ авторъ не проговаривается ни единымъ словомъ, выставляя на видъ лишь одни благоприятныя условія Сахалина. Съ другой стороны, г. А. С. не приводитъ и примѣровъ вредныхъ послѣдствій „гуманныхъ“ дѣйствій тюремнаго начальства. Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что ради своей тенденціи авторъ не преминулъ бы воспользоваться фактическими и цифровымъ матеріаломъ такого рода. Всѣ эти важныя пробѣлы не мѣшаютъ, однако, г. А. С. считать свою задачу блистательно исполненной. „Вотъ среди какихъ физическихъ и моральныхъ условій проходятъ годы неволи сосланныхъ на островъ“,—говоритъ онъ. Изъ числа же „моральныхъ“ у нашего автора можно найти лишь одно условіе, о которомъ онъ, однако, упоминаетъ въ томъ же укоризненномъ тонѣ, какимъ говоритъ объ условіяхъ физическихъ. „Едва ли я ошибусь, если замѣчу, что любой поселеникъ работаетъ въ общемъ болѣе каждаго осужденнаго,—пишетъ г. А. С.,—причемъ еще первый, трудясь иногда въ бузвальному смыслу въ потѣ лица, далеко не можетъ считать своего „завтра“ хоть сколько-нибудь обезпеченнымъ, тогда какъ преступникъ въ этомъ отношеніи совершенно спокоенъ, ибо начальство приняло на себя всѣ матеріальныя заботы о немъ. Такимъ образомъ, въ наказаніе преступнику остается лишь сознаніе своей подневольности, но на практикѣ и эта сторона вопроса значительно смягчается... Выходитъ, какъ будто пріятная увѣренность арестанта, что его завтрашній день обезпеченъ пребываніемъ на каторгѣ, зависитъ тоже отъ усмотрѣнія начальства и должна быть поставлена за счетъ его „гуманныхъ“ дѣйствій.“

Но любопытнѣе всего заключительныя слова очерка: „Не съ цѣлью осужденія гуманныхъ намѣреній, положенныхъ въ основаніе дѣла, а лишь желая указать ошибочность такой крайности, говоримъ мы“,—пишетъ г. А. С. Ну, разумѣется, нельзя же прямо и беззащитно отрицать гуманность: нужно признать ее на словахъ, а на практикѣ поступать какъ разъ наоборотъ, ибо вслѣдъ же за этимъ авторъ такимъ образомъ резюмируетъ свои выводы: „Вглядываясь внимательнѣе въ характеръ новаго центра нашей ссылки, нельзя не замѣтить, что въ основаніи его лежатъ однѣ такъ называемыя гуманныя задачи, для осуществленія которыхъ начальство и пользуется здѣсь ссыльнымъ элементомъ, причемъ для скорѣйшаго достиженія своихъ цѣлей оно не только произвольно смягчаетъ положеніе сосланныхъ, определенное закономъ, но, подчасъ, даже низводитъ его до полнѣйшей неузнаваемости. Такое положеніе дѣла на островѣ незаконно и нежелательно. Намъ кажется, что, напротивъ, существеннѣйшею задачей правительства должно быть

созданіе здѣсь такихъ именно жизненныхъ условій, которыя, оставаясь достаточно человѣчными, носили бы на себѣ извѣстный суровый характеръ“.

Словомъ, не говоря уже о странной логикѣ автора касательно гуманности, изъ словъ его еще можно заключить, будто ссылка на Сахалинъ существуетъ единственно для достиженія отвлеченныхъ принциповъ, для практикованія туманныхъ чувствъ тамошняго тюремнаго начальства. Но какъ бы тамъ ни было, трудно понять вообще, какихъ дѣлѣй добивается г. А. С. своими обличеніями, чего требуетъ онъ отъ тюремнаго вѣдомства. Всматриваясь именно въ то положеніе дѣлъ на Сахалинѣ, которое обрисовано въ его очеркѣ, въ тѣ мѣры, которыя выставлены имъ, какъ „незаконныя и нежелательныя“, можно предположить, что, по мнѣнію г. А. С., тюремное вѣдомство обязано во что бы то ни стало придумать для девяти тысячнаго контингента преступниковъ о. Сахалина какой-либо особый каторжный трудъ, въ которомъ хотя нѣтъ никакой и ни для кого наличной нужды, но который вызывалъ бы въ преступникахъ отчаяніе, плачь и скрежетъ зубовой; а для дѣла необходимаго культивированія края и исполненія насущныхъ нуждъ каторги и ссылки вызвало бы на островъ свободныхъ наемныхъ рабочихъ, не останавливаясь ради этого передъ огромными денежными затратами. Но если отвергнуть подобное требованіе вслѣдствіе его крайней нелѣпости, то что же останется отъ подобныхъ „обличеній“?

Историческій Вѣстникъ, январь—сентябрь. Воспоминанія А. Я. Головачевой прежде всего и болѣе всего привлекаютъ вниманіе читателя въ этихъ книжкахъ *Историческаго Вѣстника*; въ девяти номерахъ они почти закончены (окончаніе обѣщано въ слѣдующей книжкѣ) и теперь возможно общее сужденіе о нихъ. Мы имѣемъ не мало мемуаровъ, относящихся къ знаменитымъ дѣятелямъ сороковыхъ годовъ и вышедшихъ изъ среды этихъ самыхъ дѣятелей: каждое значительное событіе въ ихъ жизни рассказано намъ по нѣскольку разъ г-жею Пассекъ, Панаевымъ, Анненковымъ, Герценомъ, изслѣдовано Станкевичемъ, Пыпинымъ и друг., и, тѣмъ не менѣе, воспоминанія г-жи Головачевой изображаютъ намъ тѣхъ же лицъ и ту же обстановку съ совершенно новой и довольно неожиданной стороны. Всѣ эти дѣятели создавали, конечно, значеніе той роли, которая досталась имъ въ исторіи русскаго просвѣщенія; всѣ они знали, какая значительная доля ихъ личной жизни принадлежитъ публичности; и ихъ же собственные друзья, и они сами выводили себя на сцену въ самой, повидимому, интимной обстановкѣ. Но есть интимности, въ которыхъ человѣкъ не признается самому себѣ и обнаруживать которыя его друзья сочли бы нарушеніемъ дружбы; есть моменты и положенія, которые никто никогда добровольно не предназначитъ для свѣдѣнія потомства. Такимъ образомъ, въ изображеніи лицъ и положеній сороковыхъ годовъ всегда остается нѣчто условное, нѣчто умалчиваемое даже при безпощадномъ психологическомъ анализѣ автора *Влага* и *думъ*. Но чего не могъ сдѣлать психологическій анализъ Герцена, стѣсняемый рамками литературнаго приличія и дружескихъ отношеній, то сдѣлалъ теперь простой фактический пересказъ г-жи Головачевой. Мы видимъ этихъ людей за чаемъ, за ужиномъ, держащихся на распашку, увѣренныхъ, что они среди своихъ, и тутъ же за столомъ сидитъ и молчаливо наблюдаетъ собесѣдниковъ жена И. И. Панаева, въслѣдствіи г-жа Головачева: она рѣдко вмѣшивается съ своимъ сужденіемъ; на нее привыкаютъ смотрѣть только какъ на хозяйку и барыню, интересующуюся нарядами; ея почти не стѣсняются.

Между тѣмъ, она пришла со стороны, она чужая этой компаніи: выросши въ театральномъ мірѣ (она была дочь актера Брянскаго, въ свое время знаменитаго соперника Каратыгина), она только послѣ замужства и то мало-по-малу начала входить въ литературный кружокъ ея мужа. Въ этомъ кружкѣ Панаевъ имѣлъ довольно незначительный удѣльный вѣсъ: онъ считался добрымъ малымъ и талантливымъ, но легкомысленнымъ и поверхностнымъ. Отношеніе пріятелей къ Панаеву, повидимому, было однимъ изъ большихъ мѣстъ его жены: не менѣе его наблюдательная, о чемъ свидѣлствуютъ ея воспоминанія, она, судя по тѣмъ же воспоминаніямъ, не была такъ незлобива и мягкосердечна. Кружокъ встрѣтилъ ее, какъ дѣвочку; Бѣлинскій началъ свое знакомство съ поддразниваніемъ; она, съ своей стороны, вступила въ кружокъ съ робостью, свойственною ея возрасту, но безъ всякаго заранѣе привитаго чувства преклоненія передъ литературными именами. Во время этихъ молчаливыхъ разливаній чая, сперва изъ-за завѣски, потомъ и въ самомъ кабинетѣ, она прислушалась къ ихъ спорамъ и приглядѣлась къ ихъ поведенію; не считая себя компетентной въ первыхъ, она съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе удивлялась послѣдному: можетъ быть, это были великіе литераторы, но, по ея наблюденіямъ, это были несомнѣнно далеко не идеальные люди. Бѣлинскій служилъ ей мѣркой нравственныхъ требованій, а его нотации всей компаніи за нравственную распушенность—повѣркой ея собственныхъ наблюденій. Она окончательно выросла въ собственныхъ глазахъ, когда въ эту старую компанію явились новые люди, съ пуританскою серьезностью шестидесятыхъ годовъ, „литературные Робеспьеры“, какъ называлъ ихъ Тургеневъ. „Ихъ отношенія, — говоритъ г-жа Головачева, — удивляли меня тѣмъ, что не были ни въ чемъ рѣшительно схожи съ взаимными отношеніями другихъ окружавшихъ меня лицъ“ (рѣчь идетъ о Добролюбовѣ и Чернышевскомъ). Некрасовъ въ тѣхъ же воспоминаніяхъ такъ формулируетъ этотъ контрастъ: „Между нами и ними — огромная разница. Подъ ихъ репутацію въ частной жизни самый строгій нравственный судья не подпуститъ иголочку, а подъ нашу можно бревна положить. Они въ своихъ нравственныхъ принципахъ тверды, какъ сталь, а мы распатанные люди, не умѣемъ даже въ пустякахъ сдерживать себя“. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Некрасовъ говоритъ о Добролюбовѣ: „Этотъ человекъ не то, что мы: онъ такъ строго самъ слѣдитъ за собой, что мы всѣ передъ нимъ должны краснѣть за свои слабости, которыми заражены“. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ падаютъ въ глазахъ г-жи Головачевой люди 40-хъ годовъ, вырастаютъ въ ея мнѣніи люди 60-хъ годовъ. Естественно, что при первомъ же tête-à-tête съ Добролюбовымъ она выдаетъ ему головой всю свою компанію. Можетъ быть, эта тѣнь, вновь появившаяся въ 50-хъ годахъ, еще гуще окрасила воспоминанія г-жи Головачевой о 40-хъ; но и тамъ мы уже видимъ слѣды назрѣвшаго разрѣшенія. Характерны отношенія ея къ женамъ Герцена и Грановскаго. Знаменитая „Наташа“ Герценъ оттолкнула ее, какъ и слѣдовало ожидать, съ первой же встрѣчи черезъ-чуръ аффектированнымъ тономъ бесѣды о возвышенныхъ предметахъ, произведшимъ на нее впечатлѣніе экзамена, на которомъ она провалилась; напротивъ, Елизавета Богдановна Грановская, къ которой кружокъ относился довольно пренебрежительно, привлекаетъ къ себѣ всѣ симпатіи Панаевой. Въ выборѣ знакомыхъ, вообще, она, повидимому, не стѣсняется симпатіями и антипатіями кружка (Межевичи).

Такимъ образомъ, воспоминанія г-жи Головачевой написаны съ

сильною субъективною окраской. Въ виду этого, является вопросъ, не повліяло ли настроеніе автора на самую передачу фактовъ? Рѣшеніе этого вопроса еще усложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что мы не знаемъ, когда собственно и по какимъ матеріаламъ написаны эти воспоминанія; а, между тѣмъ, г-жа Головачева передаетъ свои наблюденія въ формѣ дѣлаго ряда длинныхъ рѣчей и разговоровъ, и, конечно, для изображаемаго ею литературнаго кружка эти разговоры суть, сами по себѣ, факты, и весьма важные. Сама она даетъ намъ по этому поводу слѣдующее разъясненіе: „Я возстановляю тѣ разговоры, которые производили на меня сильное впечатлѣніе. Въ продолженіе многихъ лѣтъ мнѣ постоянно приходилось слушать... длинные разговоры за утреннимъ чаемъ, за завтракомъ, за обѣдомъ, за ужиномъ: поневолѣ эти разговоры врѣзываются въ моей памяти“. Память у г-жи Головачевой несомнѣнно прекрасная: передавая какой-нибудь разговоръ, „происходившій въ началѣ 50-хъ годовъ“, она „живо помнитъ, какъ будто это было вчера, обстановку комнаты, позы и выраженія лицъ“, помнитъ, что „за утреннимъ чаемъ Тургеневъ сидѣлъ въ сѣрой охотничьей курткѣ, съ зеленымъ воротникомъ, и, сложивъ руки, облокотился на столъ, а В. П. Боткинъ въ бѣлицемъ халатѣ сидѣлъ, углубясь въ мягкое кресло. Передъ Тургеневымъ стоялъ стаканъ кофею, а передъ Боткинымъ—чай“ etc. Тѣмъ не менѣе, память иногда ей измѣняетъ. Приведемъ самый яркій примѣръ этого. „Въ 1847 году,—говоритъ г-жа Головачева,—не помню въ какомъ мѣсяцѣ, въ Петербургѣ проѣздомъ былъ Гоголь. Онъ изъявилъ Панаеву желаніе пріѣхать къ нему вечеромъ посмотреть на молодыхъ сотрудниковъ *Современника*, причѣмъ, конечно, сдѣлалъ свою обычную оговорку, чтобы изъ постороннихъ лицъ, ни дамъ не было. За часъ до прибытія Гоголя, въ кабинетѣ Панаева собрались: Гончаровъ, Григоровичъ, Кронебергъ и еще кто-то, а изъ старыхъ московскихъ знакомыхъ Гоголя были Боткинъ и Бѣлинскій. Гоголь просидѣлъ не долго; когда онъ уѣхалъ, я вышла въ кабинетъ и замѣтила, что у всѣхъ на лицахъ было недоумѣвающее выраженіе и всѣ молчали; одинъ Бѣлинскій, рассказывая по комнатѣ, находился въ возбужденномъ состояніи и говорилъ: „Не хотѣлъ выслушать правды, убѣждалъ, еще лучше. Я въ письмѣ изложу ему все!... Нѣтъ, съ Гоголемъ что-то творится... И что за тонъ онъ принялъ на себя, точно директоръ департамента, которому представляютъ его подчиненныхъ чиновниковъ... Зачѣмъ пріѣзжалъ?“ На другой же день вечеромъ Бѣлинскій пришелъ къ Панаеву и прочиталъ свое извѣстное теперь письмо къ Гоголю. При чтеніи письма находилось нѣсколько человѣкъ пріятелей и копія съ него тутъ же была списана. Письмо было передано частнымъ образомъ Гоголю“. По тону разсказа видно, что дѣло идетъ о томъ знаменитомъ письмѣ, которое, какъ извѣстно изъ воспоминаній Анненкова, было написано *за границей*, т.-е. лѣтомъ 1847 г. (срав. письмо Прокоповича къ Гоголю въ январ. вѣд. *Русской Старины* 1889 г.). По этимъ обстоятельствомъ, которое было уже замѣчено въ печати, не ограничивается путаница приведенной цитаты. Сопоставимъ ее еще съ слѣдующимъ мѣстомъ произведенія весьма близкаго г-жѣ Головачевой, именно воспоминаній ея мужа: „Расскажу объ одномъ вечерѣ (это было уже *юда два или три послѣ смерти* Бѣлинскаго) у А. А. Комарова, на которомъ присутствовалъ Гоголь. Гоголь изъявилъ желаніе А. А. Комарову пріѣхать къ нему и просилъ его пригласить къ себѣ нѣсколько извѣстныхъ *новыхъ* литераторовъ, съ которыми онъ не былъ знакомъ. А. А. пригласилъ между

прочими *Гончарова, Григоровича, Некрасова* и *Дружинина*. Я также былъ въ числѣ приглашенныхъ, хотя былъ давно уже знакомъ съ Гоголемъ...“ Гоголь, между прочимъ, въ разговорѣ „далъ почувствовать, что его знаменитыя „письма“ писаны имъ были въ болѣзненномъ состоянн, что ихъ не слѣдовало издавать, что онъ очень сожалѣетъ, что они изданы“. Онъ какъ будто оправдывался передъ нами“ (стр. 399 и 400). Впечатлѣнн, вынесенное Панаевымъ отъ этого вечера у Комарова, очень близко къ впечатлѣнн, изображенному г-жей Головачевой, и мы начинаемъ думать, не есть ли весь разговоръ о вечерѣ въ редакціи *Современника*, переданный съ такою реальностью, простая реминисценція изъ Панаевскихъ воспоминаній. Гоголь врядъ ли поѣхалъ бы въ редакцію весной 1847 г. послѣ статьи, помѣщенной Бѣлинскимъ о его *Письмахъ* въ № 2 *Современника*, и, конечно, не могъ прѣхать осенью, послѣ знаменитаго письма.

Такимъ образомъ, въ сообщенняхъ г-жи Головачевой нельзя отрицать нѣкоторой доли личнаго творчества. Это, однако, не лишаетъ ея воспоминаній важнаго значенія для нашей общественной исторіи. Общій колоритъ ея изображеній правдоподобенъ и весьма любопытенъ. Особенно ярки ея воспоминанія изъ эпохи *Современника*. Конечно, нельзя по ея воспоминаннямъ цитировать подлинныя слова писателей, какъ это сдѣлалъ недавно въ одной статьѣ *Fortnightly Review*, гдѣ приводится цѣлый разговоръ Тургенева въ редакціи *Современника* въ примѣръ „русскаго глян्या“; но самое свойство Тургенева, о которомъ идетъ рѣчь, несомнѣнно подмѣчено вѣрно и вполне доказано многочисленными фактическими данными въ воспоминанняхъ г-жи Головачевой. Очень любопытна защита Некрасова отъ разныхъ нареканій, распускавшихся, какъ оказывается, тѣми же „пріятелями“; въ первый разъ рассказаны подробно обстоятельства разрыва *Современника* съ Тургеневымъ; послѣднее время жизни Добролюбова изображено съ потрясающею реальностью; даже случайные эпизоды, какъ, напримѣръ, пребываніе въ Петербургѣ Дюма съ его чисто-французскою самоувѣренною назойливостью, выписаны очень рельефно. Поклонники 40-хъ годовъ могутъ сердиться на предательство г-жи Головачевой, но историку литературы уже нельзя будетъ обойти ея воспоминаній.

Изъ другихъ статей *Историческаго Вѣстника* немногія заслуживаютъ упоминанія. Укажемъ двѣ статьи г. Трубочева о *Предшественникѣ Вѣлинскаго* (Надеждинѣ); еще въ *Очеркахъ Гоголевскаго періода* указано было важное положеніе Надеждина въ исторіи нашей эстетической и философской критики, но и до сихъ поръ этотъ писатель и ученый не обратилъ на себя всего вниманія, какого онъ несомнѣнно заслуживаетъ. В. И. Шенрокъ напечаталъ двѣ статьи о *Родителяхъ Гоголя*; матери Гоголя посвящена также статья А. М. Черницкой; въ противоположность г-жѣ Вѣлозерской, которая обвиняетъ Гоголя въ равнодушіи къ стѣснительнымъ обстоятельствамъ матери, г-жа Черницкая, наоборотъ, обвиняетъ мать Гоголя въ томъ, „что она допускала сына до крайней нужды, ссылаясь на свою бѣдность, а, между тѣмъ, она вовсе не была бѣдна“. Д. И. Иловайскій напечаталъ двѣ главы своей исторіи о *Борьбѣ Ивана Грознаго съ Баторіемъ за Ливонію*. А. И. Незеленовъ привелъ еще нѣсколько *Новыхъ отрывковъ и вариантовъ сочиненій Пушкина* по рукописямъ московскаго Румянцевскаго музея; интересны мнѣнія Пушкина о цензурѣ и объ инквизиціи, а также прозаическіе переводы изъ Сафо, очень близкіе къ гре-

ческому подлиннику. Упомянемъ еще небольшую біографію Ор. Θ. Миллера, очень тепло написанную Б. Б. Глиевскимъ.

Театральный, музыкальный и художественный журналъ „Артистъ“, сентябрь. Книга I. Подъ такимъ заглавіемъ началъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ свое существованіе въ Москвѣ новый журналъ, посвященный исключительно интересамъ искусства. Журналъ будетъ выходить „ежемѣсячно въ теченіе зимняго сезона, 7 разъ въ годъ, съ сентября по апрѣль“. Подписная цѣна за годъ 9 рублей, съ пересылкой и доставкой 10 рублей. Внѣшность первой книжки *Артиста* весьма изящная, даже роскошная. Содержаніемъ своимъ эта книжка представляетъ выполненіе предположенной программы журнала и начинается статью покойнаго С. А. Юрьева: *О цѣляхъ и задачахъ нашего журнала*, дополненной замѣткою В. А. Гольцева. „Статья С. А. Юрьева является какъ бы завѣщаніемъ журналу, — говоритъ г. Гольцевъ. — Сергѣй Андреевичъ принадлежалъ къ числу лучшихъ у насъ знатоковъ театра. Воспитанный въ нѣскольکو туманныхъ нѣмецкихъ философскихъ теоріяхъ, онъ сумѣлъ освободиться отъ нихъ, сумѣлъ распознать истинныя задачи и потребности драматическаго искусства. Въ годы, которые знаменуются у насъ, съ одной стороны, упадеомъ драматическаго творчества, а съ другой стороны—увеличеніемъ и улучшеніемъ запросовъ къ театру со стороны общества, авторитетный голосъ С. А. Юрьева имѣлъ бы особенное значеніе въ журналѣ, посвященномъ вопросамъ искусства“. Г. Гольцевъ заканчиваетъ свою вступительную замѣтку такими словами: „Служить искусству и художнику, служить эстетическимъ и нравственнымъ интересамъ русскаго общества—вотъ великая задача, которая можетъ быть достигнута только совокупными усиліями всѣхъ людей, преданныхъ искусству, наукѣ и философской мысли. Принять посильное участіе въ этой работѣ думаетъ и нашъ журналъ, который приступаетъ къ дѣлу съ доброю волей и полнымъ безпристрастіемъ“. Мы, съ своей стороны, отъ всей души приветствуемъ такое хорошее начинаніе и желаемъ новому журналу, прежде всего, не матеріальнаго успѣха, а точнаго исполненія „завѣщанія“ С. А. Юрьева и такого именно служенія искусству, о которомъ говоритъ В. А. Гольцевъ. Исполненіе принятой на себя *Артистомъ* задачи, при соблюденіи „полнаго безпристрастія“, послужитъ вѣрнымъ залогомъ нравственнаго успѣха, которымъ и обезпечивается только прочный матеріальный успѣхъ.

Въ нѣкоторой части публики мы слышали мнѣніе, будто появленіе такого журнала какъ *Артистъ*, не вызывалось насущными потребностями времени. Такого взгляда мы не раздѣляемъ и думаемъ, напротивъ, что въ высшей степени желательно, почти необходимо существованіе у насъ спеціального журнала, выступающаго на служеніе „искусству и художнику“. Очень понятно, что все общество, — публика въ своей совокупности, — занятое интересами своей повседневной жизни, не можетъ проникнуться сознаніемъ необходимости или даже полезности періодическаго изданія, посвященнаго исключительно тому, на что большинство нашей публики привыкло смотрѣть, какъ на забаву, нужную обществу лишь ради отдохновенія послѣ „дѣла“. Но публика вообще и отдѣльныя лица въ частности, высказывая такія сужденія, забываютъ объ одномъ, что сами же они, давая своимъ дѣтамъ игрушки и забавы въ видѣ отдыха отъ серьезныхъ занятій, стараются выбрать полезныя забавы, способныя отдыхъ сдѣлать производительнымъ въ нравственно-воспитательномъ смыслѣ. Добрые воспитатели посвящаютъ не мало вре-

мени бесѣдамъ объ этомъ предметѣ и исканію полезныхъ указаній въ книгахъ и журналахъ, разрабатывающихъ вопросы педагогій, между которыми вопросъ объ играхъ и забавахъ занимаетъ очень видное мѣсто. Игры и забавы общественныя имѣютъ для народа, для націи неизмѣримо болѣе значеніе, чѣмъ забавы дѣтей. Мы не припомнимъ, говорилъ ли кто-либо раньше насъ нижеслѣдующее, сами же мы съ полнымъ убѣжденіемъ говоримъ: покажите намъ, чѣмъ развлекается, тѣшится и забавляется народъ, и мы опредѣлимъ, на какой степени культуры онъ стоитъ, каковъ нравственный уровень данной націи. Но не самъ для себя создаетъ народъ свои зрѣлища и забавы, т.-е. не народная масса; ихъ создаютъ для народа его культурные вожаки — тѣ, на комъ лежитъ обязанность нравственно воспитывать народъ и вести его къ совершенствованію, къ высшимъ цѣлямъ и гуманности. Въ цитированной нами выше замѣтѣ г. Гольцева, между прочимъ, высказалъ, что „зло можетъ входить почти незамѣтно, воплощаться въ забавную форму, въ которой зритель не сразу почувствуетъ мелкоту помысла и пошлость стремленій“... Мы же добавимъ, что зритель можетъ не только сразу, но и совсѣмъ никогда не почувствовать низменности того, что ему даютъ въ формѣ для него забавной и поблажающей его дурнымъ инстинктамъ. Мы говоримъ, разумѣется, о массѣ зрителей, а не о тѣхъ, кто способенъ оцѣнить „мелкоту помысла и пошлость стремленій“. Вотъ на этихъ-то послѣднихъ и лежитъ обязанность стать всѣми силами своими на защиту „эстетическихъ и нравственныхъ интересовъ общества“; въ томъ-то и заключается „великая задача“, чтобы бороться противъ растлѣвающего обществу вліянія безсмысленныхъ и вредныхъ зрѣлищъ и забавъ. Это — великая задача и мудреная задача, мудреная, въ особенностяхъ, для журнала съ такою программой, кака я у *Артиста*. Рѣчь нашу мы вотъ къ чему ведемъ: въ приложеніяхъ къ журналу, издаваемому Ф. А. Куманинымъ, подъ редакціей А. Р. Гишюса, „будутъ ежемѣсячно печататься драматическія произведенія, оригинальныя и переводныя, преимущественно тѣ, которыя исполняются на столичныхъ сценахъ“ и „либретто оперъ и балетовъ“. Оперетокъ, стало быть, печататься не будетъ. Это и прекрасно. Но, помимо этого, желательно бы было, чтобы при выборѣ помѣщаемыхъ пьесъ редакция никогда не забывала ни „завѣщанія“, оставленнаго ей С. А. Юрьевымъ, ни глубоко-симпатичнаго указанія В. А. Гольцева, что „зло можетъ входить почти незамѣтно“ и въ привлекательной формѣ проводить въ общество „мелкоту помысла и пошлость стремленій“. Вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, лежатъ Сцилла и Харибда на трудномъ пути „театральнаго“ журнала.

Въ первой книжкѣ помѣщены два акта трагедіи Шиллера *Донъ Карлосъ, инфантъ испанскій*, въ переводѣ И. Грекова, „приспособленномъ для сцены“, какъ значится въ заголовкѣ *). Переводъ сдѣланъ бѣлыми стихами весьма близко къ подлиннику, но мѣстами довольно тяжеловѣсно и некрасиво, напримѣръ (стр. 25):

„Нѣтъ пока
Желаю только, кавалеръ, вамъ, чтобы счастливы
Были вашъ прїѣздъ въ Мадридъ“...

Или на стр. 39:

„Покінутал... Нѣтъ, лишь вытѣснена только
Соперницей. Онъ любитъ, нѣтъ сомнѣній“.

*) Всѣ пьесы, помѣщенныя въ журналѣ, дозволены цезурой къ представленію.

Онъ въ этомъ самъ признался мнѣ, но кто?
Кто та соперница? Одно теперь мнѣ ясно,
Что любить онъ *того*, кого любить не долженъ“...

Очевидно, что, вмѣсто „кто“, слѣдовало написать „кого“, а вмѣсто „того“ — поставить „ту“. Стихъ все равно вышелъ бы въ такомъ видѣ:

„Онъ любить, нѣтъ сомнѣнья,
Онъ въ этомъ самъ признался... но кого?...
Кто та соперница? Одно теперь мнѣ ясно,
Онъ любить... любить ту, кого любить не долженъ“...

На стр. 28:

„До королевства вашего, скажите,
Наемнику какое дѣло?“

вмѣсто: „наемнику“. На страницѣ 27:

„О, мой отецъ, заставьте
Свои неплакавшія очи никогда,
Пока есть время,—научиться плакать“...

Въ приложеніи напечатаны драмы: *Въ старые юды*—И. В. Шпажинскаго, *Цѣпи*—кн. А. И. Сумбатова и „шутка въ 1 дѣйствіи“ И. Д. Щеглова—*Мышеловка*. Пьесы эти—старыя, а драма г. Шпажинскаго, къ тому же, и не изъ лучшихъ въ современномъ репертуарѣ. Чѣмъ же можетъ быть объясненъ такой выборъ пьесъ? Если редакція *Артиста* предполагаетъ знакомить провинціальныя театры съ новыми пьесами, то слѣдовало бы выбирать дѣйствительно новыя и, по возможности, лучшія,—слѣдовало бы, такъ сказать, рекомендовать и пропагандировать то, что заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Бедлетристическій рассказъ И. А. Салова *Старый комикъ* написанъ съ обычнымъ г. Салову мастерствомъ, до нѣкоторой степени приерывающимъ безсодержательность повѣствованія. Вся исторія заключается въ томъ, что старый актеръ комикъ вступился за свою крестницу, молоденькую хористку провинціального театра, и далъ пощечину какому-то актеру-франту, который обѣщался жениться на хористкѣ и ее обмануть. Франтъ вызвалъ старика на дуэль, но самъ убѣжалъ, скрылся изъ города, и дуэль не состоялась. Хористка вышла потомъ благополучно замужъ за кого-то другаго. Въ статьѣ *По дорогѣ изъ театра* профессоръ А. Н. Веселовскій передаетъ свои думы, навѣяанныя на него теплою лѣтнею ночью послѣ спектакля въ Маломъ театрѣ. Видѣнная авторомъ пьеса была комедія Островскаго *На всякаго мудреца довольно простоты*. По поводу этой пьесы г. Веселовскій говоритъ: „такъ нынче не пишутъ“. Отмѣтивъ выдающіяся достоинства прекрасной комедіи, онъ продолжаетъ: „А важнѣе всего то, что здѣсь царитъ смѣхъ,—настоящій, бодрый, здоровый смѣхъ; мы же совсѣмъ разучились смѣяться“. Авторъ весьма основательно печалуется о томъ, что, „несмотря на обиліе комическихъ произведеній, мы все далѣе отходимъ отъ идеала комедіи. Не слышно смѣлаго обличающаго слова, исчезаютъ глубоко продуманные отрицательные характеры, въ самыхъ лучшихъ случаяхъ юморъ только свѣтитъ, но не грѣетъ“. Веселый, живой и остроумный водевилъ совсѣмъ исчезъ съ русской сцены. Къ довершенію прискорбія, мы, вмѣстѣ съ уважаемымъ профессоромъ, вынуждены признать, что и драмы-то у насъ нѣтъ настоящей, что въ нашей современной драмѣ „центръ тяжести часто составляетъ изображеніе какого-нибудь патологическаго состоянія, что ея паеосъ подчасъ беретъ на-прокатъ изъ влиивки нервныхъ болѣзней, что зритель ищетъ и ждетъ рѣзкихъ, кричащихъ эффектовъ, что его занимаетъ не зрѣлище борьбы,

тревоги, столкновений личности съ обществомъ и его моралью, но то, какъ героиня будетъ сходить съ ума или отравляться, и что онъ (зритель) вполнѣ доволенъ, когда желанія его оправдались, и роль передана сполна до матѣйшихъ судорогъ“. Не разъ въ нашихъ отчетахъ о театрахъ (въ отдѣлѣ *Современное искусство*) были высказываемы какъ разъ тѣ же самыя мысли. Появленіе вышеназванной статьи профессора А. Н. Веселовскаго въ первомъ номерѣ *Артиста* служить ручательствомъ въ томъ, что новый „театральный журналъ“ въ своей критикѣ и въ рецензіяхъ драматическихъ произведеній намѣренъ держаться правильныхъ взглядовъ почтеннаго автора, служащихъ прямымъ дополненіемъ и разъясненіемъ высказаннаго въ началѣ лежащей передъ нами книжки С. А. Юрьевымъ и В. А. Гольцевымъ. Мы не можемъ, однако же, отдѣлаться отъ опасенія, какъ бы журналъ гг. Куманина и Гипіуса не встрѣтилъ почти непреодолимыхъ препятствій къ осуществленію столь благаго намѣренія, а именно—какъ бы критика журнала не очутилась въ полной зависимости отъ *Приложеній* къ журналу, въ которыхъ будутъ печататься пьесы современнаго репертуара, столь безпоощадно и справедливо осужденнаго профессоромъ А. Н. Веселовскимъ. Неудобно будетъ, на самомъ дѣлѣ, въ отдѣлѣ критики давать неодобрительные отзывы о „патологическихъ“ драмахъ, а въ концѣ книжки печатать эти самыя „патологическія“ драмы, „паѳосъ которыхъ подчасъ берется на-прокатъ изъ клиники нервныхъ болѣзней“. Тутъ—одно изъ двухъ: или *Артисту* надо будетъ отказаться отъ надлежащей оцѣнки по достоинству нѣкоторыхъ драматическихъ произведеній, или отказаться отъ печатанія такихъ драмъ, которыя заранее должны почитаться осужденными статьями С. А. Юрьева, В. А. Гольцева и А. Н. Веселовскаго. Какъ разрѣшить эту задачу редакция журнала *Артистъ* и удастся ли ей съ желательнымъ успѣхомъ выйти изъ затрудненія—покажетъ будущее.

На первый разъ журналъ ограничился разборомъ исполненія *Грози* Островскаго въ театрѣ г-жи Горевой. Отчетъ объ этомъ спектаклѣ, подписанный И. Ивановымъ, мы находимъ неполнымъ, — въ немъ ни слова не сказано объ исполненіи г-жею Славиной роли Варвары, да и вообще насъ далеко не удовлетворилъ отчетъ г. Иванова. Въ особенности, мы никакъ не можемъ согласиться съ характеристикомъ, которую критику даетъ Кабанихъ и Дикому. Г. Ивановъ полагаетъ, что „Кабаниха мучитъ людей *con amore*“, что „атмосфера стоновъ и пытки для нея истинное наслажденіе, и она съ постоянствомъ и любовью художника воспроизводитъ эту атмосферу съ самыми тонкими деталями“. По нашему мнѣнію, ничего подобнаго въ Кабанихѣ нѣтъ; а если бы это было, то драма Островскаго утратила бы не малую долю своего общественнаго значенія. Г. Ивановъ отождествляетъ Дикаго съ Кабанихой и различіе между ними опредѣляетъ лишь тѣмъ, что „Дикой—непосредственный продуктъ *темнаго царства*, Кабаниха—послѣднее слово его культуры“. А затѣмъ критику продолжаетъ: „Ихъ (Кабанихи и Дикого) нравственная жизнь исчерпывается сознаніемъ неограниченной власти надъ окружающимъ міромъ. Это сознаніе вѣчно преслѣдуетъ и, какъ будто, мучитъ ихъ, пока не отыщется жертвы. Это своего рода ненасытный инстинктъ хищнаго звѣря“ и т. д. Не подлежитъ сомнѣнію, что Кабаниха и Дикой—представители силъ, угнетающихъ „темное царство“; но этимъ однимъ и ограничивается сходство между ними, во всемъ остальномъ они совершенно различны и отчасти даже противоположны другъ другу, какъ различны и проти-

вуположны тѣ силы, которыхъ оба они являются представителями. Въ „ихъ нравственной жизни“ нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Дикой—самодуръ и знаетъ про себя, что онъ самодуръ, и похваляется этимъ, вчитаясь тѣмъ, что для него законъ не писанъ, а—„покоряйся“ и „нраву моему не препятствуй“, и конецъ дѣлу, хочу—жалую, хочу—въ порошокъ сотру“. И все это отнюдь не въ силу какого-либо права; Дикой о правѣ и разговаривать не станетъ,—нѣтъ для него ни права, ни закона, ни обычая. Совершенная тому противоположность Кабаниха: для нея нѣтъ ничего выше права, закона и обычая, которыхъ она есть истинный „столпъ“ и непоколебимая хранительница. Дикой знаетъ только свой личный произволъ. Кабаниха въ своей „нравственной жизни“, въ семьѣ, въ домѣ, тамъ, гдѣ ея „царство“, не допускаетъ никакого произвола и ничего произвольнаго, ни слова, ни движенія, ни малѣйшаго порыва, несогласныхъ съ закономъ и обычаемъ, освященными вѣками. И въ этомъ ея сила, та огромная сила, передъ которою пасуетъ самъ ничѣмъ необузданный Дикой. Одна Кабаниха осмѣливается порицать его въ глаза, одна она имѣетъ на него вліяніе и достаточно авторитетна, чтобы унимать его неистовые порывы. Про Дикого еще можно, пожалуй, сказать, что онъ „мучаетъ людей *con amore*“ и этимъ тѣшитъ свой „нравъ“. Кабаниха же отнюдь не „*con amore*“ давить всякое проявленіе личной самостоятельности. Она это дѣлаетъ никакъ не изъ желанія „мучить“ и не изъ потребности удовлетворить „ненасытный инстинктъ хищнаго звѣря“, а, напротивъ, изъ желанія добра своимъ домашнимъ. По своему глубокому убѣжденію, Кабаниха исполняетъ лишь свою священную обязанность учить дѣтей уму-разуму, какъ надо жить по-хорошему; если молодымъ и приходится жутко отъ такого ученія, то, вѣдь, это имъ же на пользу. Это вполне точно, необыкновенно ярко и неподобно-мастерски выражено въ сценѣ прощанья Тихона съ семьей и въ слѣдующей затѣмъ сценѣ. Кабаниха требуетъ только, чтобы свято былъ исполненъ обычай и не дозволяетъ никакого отступленія отъ обряда, и совершенно искренно сокрушается о томъ, какъ станетъ плохо молодежи, когда ея не будетъ и некому будетъ охранять весь этотъ обрядъ, на которомъ міръ держится. Она—не злой человѣкъ; въ ея душѣ нѣтъ и намека на „инстинкты хищнаго звѣря“, на „утонченную жестокость“, на „потребность мучить“ и тиранить, какъ это полагаетъ г. Ивановъ. Она, просто, человѣкъ глубоко убѣжденный и крутой, по принципу, не допускающій никакихъ послабленій, ибо черезъ послабленія можетъ „держава разрушиться“. Кабаниха ставитъ свое материнское право на сына и на его любовь выше права его жены и, съ своей точки зрѣнія, она разсуждаетъ вполне логично и поясняетъ это словами, что жена можетъ „измѣнить“, а мать не измѣнить. Она безгранично любитъ сына и дочь, глубоко имъ сочувствуетъ, жалѣетъ ихъ и всегда для нихъ готова сдѣлать все возможное, лишь бы только не отступить отъ обычая. „А ты, Варвара, ступай,—говорить она дочери,—гулай, пока въ дѣвкахъ, замужъ отладутъ, тогда насидишься“. Гдѣ же тутъ, спрашивается, исканіе „жертвы“, „манія терзать“ и всякія проявленія злодѣйства, о которыхъ говоритъ г. Ивановъ? Въ томъ-то и заключается трагизмъ положенія, въ томъ-то и ужасъ „темнаго царства“, что въ немъ не злые и не глупые люди, какъ Кабаниха и Дикой; отравляютъ человѣку всю жизнь, одинъ—своимъ личнымъ произволомъ и самодурствомъ, другая—своимъ непреклоннымъ „домостроительствомъ“, все пригибающимъ подъ мѣрку, установленную обычаемъ и обрядомъ. Если бы Кабаниха и Дикой были злодѣями, хищ-

ными звѣрями, ищущими жертвъ и находящими наслажденіе въ терзаніи ихъ, тогда и говорить бы не стоило о *Грозѣ* и о „темномъ царствѣ“: злодѣи бываютъ во всякомъ „царствѣ“ и, какъ таковыя, не имѣютъ того общественнаго значенія, которое составляетъ огромную силу произведеній Островскаго. Злодѣи, какъ и герои добродѣтели, являются, несомнѣнно, продутомъ данныхъ условій среды и времени; но и тѣ, и другіе являются всегда лишь исключеніями, людьми особливими. А тутъ, въ *Грозѣ* Островскаго и въ другихъ его произведеніяхъ, въ томъ-то и дѣло, что Кабанха, Дикой, Брусковъ и всѣ „Киты Китычи“—не исключенія, не злодѣи, а самыя настоящіе живые люди, самыя заурядные представители „темнаго царства“, цѣликомъ выхваченные изъ дѣйствительной жизни великимъ мастеромъ.

Въ первой книжкѣ *Артиста* очень хорошъ „шуточный монологъ въ стихахъ“ гр. Ѡ. Л. Соллогуба *Резнивый актеръ*, напоминающій вояковскіе монологи. *Курсъ театральнаго грима* К. С. Шиловскаго-Лошивскаго, иллюстрированный политипажамъ и рисунками въ краскахъ, можетъ служить хорошимъ пособіемъ для молодыхъ начинающихъ артистовъ. О музыкальной части журнала мы рассчитываемъ поговорить въ другой разъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

	Стр.
Беллетристика: „Ольга Ярославна“. <i>А. Луговое</i> .—„Разказы“ <i>В. Бабикова</i> .—„Веселый попутчик“. <i>Иванова-Классика</i>	417
Критика: „Пушкинъ въ русской критикѣ“. <i>С. С. Трубочева</i>	420
Исторія, археологія и этнографія: „Власть московскихъ государей“. <i>М. Дьяконова</i> .—„Скоморохи на Русь“. <i>А. С. Фаминцына</i> . — „Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ“. <i>В. Мякотина</i> . — „Дѣйствія нижегородской губернской ученой архивной комиссіи“.—„Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи“.—„Материалы по исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній“.—„Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда“. <i>И. Первухина</i> .—„Рокисіе“. <i>Oskar'a Kolberg'a</i>	424
Политическая экономія и статистика: „Руководство политической экономіи для учениковъ коммерческихъ и реальныхъ училищъ“. <i>Д. Д. Морева</i> .—„Материалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи“. — „Материалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ С.-Петербургской губерніи“.—„Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Орловской губ.“.—„Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ.“.—„Острожская волость“.—„Материалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири“	430
Юридическія книги: „Ученіе о наказаніи въ связи съ тюремнѣдвѣніемъ“. <i>И. Я. Фойницкаго</i>	438
Сельское хозяйство: „Ежегодникъ лохвицкаго общества сельскихъ хозяевъ“.—„Гессенская муха“. <i>К. Э. Линдемана</i> .—„Курсъ сельскаго инженернаго искусства“. <i>А. И. Попова</i>	441
Техническія книги: „Начальныя основанія электрометаллургіи“. <i>К. А. М. Балкина</i> .—„Объ олеомаргаринѣ и искусственномъ коровьемъ маслѣ“. <i>Д-ра П. О. Смоленскаго</i>	442
Учебники: „Элементарный курсъ ариметики“. <i>Аббата Е. Желена</i>	444
Календари: „Сельскій календарь на 1890 г.“.—„Стоглавъ“	446

II. Периодическія изданія.

„Сѣверный Вѣстникъ“, августъ и сентябрь. — „Русскій Вѣстникъ“, июль.— „Историческій Вѣстникъ“, январь—сентябрь.—„Артистъ“, сентябрь	447
---	-----

Отъ Комитета Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Отчетъ комитета общества пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за июнь, июль и августъ мѣсяцы 1889 года.

Въ теченіе іюня, іюля и августа мѣсяцевъ 1889 г. Комитетъ Общества имѣлъ 5 обыкновенныхъ и 2 экстренныхъ засѣданія.

Безсрочныхъ ссудъ выдано 475 рублей (1 лицу 25 руб., 1—50 руб., 1—100 руб. и 1—300 руб.).

Единовременныхъ пособій выдано 23 лицамъ 788 р. (1—10 р., 1—13 р., 1—15 р., 2 по 20 р., 9 по 25 р., 1—30 р., 1—40 р., 5 по 50 р., 1—60 р., 1—100 р.).

На похороны жены одного писателя выдано 25 рублей, на похороны одного ученаго 100 р. и похороны одной писательницы 100 р.

Кромѣ того, въ теченіе 3-хъ названныхъ мѣсяцевъ, на основаніи прежнихъ постановленій, выдано пенсій на сумму 1,295 р., продолжительныхъ пособій на 295 р., стипендій и на воспитаніе дѣтей писателей 270 р.

Комитетъ по просьбѣ одного писателя входилъ въ сношеніе съ редакціею одного изданія относительно высылки гонорара и обращался къ Императорскому Человѣколюбивому Обществу съ просьбою о присылкѣ къ одному престарѣлому и больному писателю врача и доставленія ему лѣкарствъ бесплатно. Въ обоихъ случаяхъ обращенія Комитета увѣнчались успѣхомъ.

Отклонены: 14 просьбъ о пособіи (въ томъ числѣ двухъ лицъ 2 раза), 4 просьби о безсрочной ссудѣ (въ томъ числѣ 1 лица 2 раза); два раза отклонена просьба одного лица о назначеніи пособія на обученіе его дочери; наконецъ, отклонены 2 просьби о краткосрочныхъ ссудахъ въ виду истощенія той части расходнаго капитала, которая назначена на краткосрочныя ссуды.

Получены пожертвованія въ капиталъ имени Салтыкова: отъ кружка литераторовъ—455 р., чрезъ г-жу Толочинову—88 р., отъ студентовъ Рижскаго политехникума—25 руб., чрезъ г. Павлова-Сильванскаго изъ Елизаветполя—19 руб., изъ Кіева чрезъ Снявскаго—15 р., чрезъ присяжнаго повѣреннаго Н. П. Фролова—80 р., изъ Орлова, Вятской губ.—39 р., изъ Саранула, Вятской губ., чрезъ Зеленина—80 р., изъ Рязани чрезъ В. Г. Шульгина—190 р., отъ редакціи *Русскихъ Вѣдомостей*—23 р., чрезъ г. Астирева изъ Иркутска—48 р., а всего въ теченіе названныхъ трехъ мѣсяцевъ въ капиталъ имени Салтыкова поступило пожертвованій 962 р.

Пожертвованій разныхъ лицъ въ капиталъ общества поступило 82 р. 42 к., въ томъ числѣ въ видѣ Дружининской копѣйки отъ Н. Г. Мартынова 2 р. 42 к. и Я. Г. Гуревича—24 р.

Отъ великихъ князей Владиміра Александровича и Алексія Александровича получено 300 р.

Затѣмъ поступило: ежегоднаго пособія отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1,000 р., процентовъ съ капиталовъ общества 498 р., членскихъ взносовъ 50 р. и въ возвратъ срочныхъ ссудъ 483 р.

Комитетъ считаетъ необходимымъ объявить, что въ гимназій Я. Гуревича имѣются двѣ бесплатныя вакансіи и въ реальномъ училищѣ его же одна вакансія, замѣщеніе которыхъ предоставлено директоромъ гимназій и училища Комитету Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Приглашая желающихъ помѣстить своихъ дѣтей на эти бесплатныя вакансіи, Комитетъ долженъ предупредить, что одна изъ этихъ вакансій въ гимназій и одна въ реальномъ училищѣ предназначены директоромъ для дѣтей педагоговъ-писателей.

Предсѣдатель Общества К. К. Арсеньевъ принимаетъ лицъ, имѣющихъ до него дѣло по дѣламъ Общества, по воскресеньямъ отъ 10¹/₂ до 12 часовъ (Адресъ: Васильевскій Островъ, 14 линія, д. № 23); казначей Общества Я. Г. Гуревичъ принимаетъ для уплаты членскихъ взносовъ и другихъ надобностей по воскресеньямъ отъ 11 до 12 часовъ (уголь Ляговеи и Бассейной, гимназій Гуревича); секретарь В. И. Семевскій принимаетъ ежедневно отъ 5 до 6¹/₂ час. по полудни (Васильевскій Остр., 2-я линія, д. № 13, кв. 16).

ОТВЕРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВЫЙ

ОБЩЕПОНЯТНО-НАУЧНЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„НАУКА И ЖИЗНЬ“

Журналъ будетъ выходить еженедѣльно (52 №№ въ годъ) съ 1-го января 1890 по слѣдующей программѣ:

- 1) Общепопятныя статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ и физико-математическихъ наукъ; приложения наукъ къ практической жизни и промышленности; открытія, изобрѣтенія, усовершенствованія.
- 2) Медицина (особенно гигиена), сельское и домашнее хозяйство, лѣсоводство.
- 3) Статьи по исторіи наукъ и промышленности; научная хроника и смѣсь; библиографія.
- 4) Научныя игры и развлеченія; задачи; почтовый ящикъ.
- 5) Всякіе рисунки, относящіеся къ тексту.
- 6) Объявленія.

Журналъ имѣетъ цѣлю дать чтеніе полезное, и, въ то же время интересное для всѣхъ, сообщая новости научныя, техническія, промышленныя и т. д. Въ теченіе года предполагается дать отъ 250 до 500 иллюстрацій.

Цѣна:	{	съ пересылкой и доставкой на годъ, . . .	5 руб.
		» » » » полгода . . .	3 »
		безъ пересылки и доставки » годъ. . . .	4 »
		» » » » полгода . . .	2 » 50 к.

Подписка принимается: въ редакціи журнала и конторѣ Н. Печковской (Петровскія Дякіи), а также въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ, въ обѣихъ столицахъ и главныхъ городахъ. Иногородніе адресуются исключительно въ редакцію журнала „Наука и Жизнь“.

Адресъ редакціи: Москва, Малая Дмитровка, д. Шильбахъ.

Редакторъ-издатель д-ръ *М. Н. Глубоковскій*.

НОВАЯ КНИГА:

Гигиена голоса. Для артистовъ, учителей, учениковъ и любителей пѣнія, ораторовъ и проповѣдниковъ. Составилъ М. Н. Глубоковскій, врачъ при Императорскихъ Московскихъ театрахъ. Съ 16 рис. въ текстѣ. Москва, 1889 г. Цѣна 1 руб.

Опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденнымъ г. Товарищемъ Министра, книгу эту постановлено „одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, а также для библиотекъ учительскихъ семинарій и институтовъ“.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры перваго изданія (1889 г.) продаются по пониженной цѣнѣ 50 коп. (съ перес. по 65 коп., можно высылать почтовыми марками) въ редакціи журнала „Наука и Жизнь“.

Второе изданіе (1889 г.), дополненное главой о замканин, продается въ книжн. магаз. В. В. Думнова (наслѣдн. Салаева): Москва, Мясницкая ул. Цѣна 1 руб.

Съ 1 ноября 1889 года будетъ выходить безъ предварительной цензуры

Н О В Ы Й Ж У Р Н А Л Ъ :

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“,

при участіи Московскаго Психологическаго Общества.

Подъ редакціей профессора Н. Я. ГРОТА.

Изданіе А. А. Абрикосова.

Программа журнала: 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи; въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ,—опытная и физиологическая психологія, психопатологія; 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ и русскихъ философовъ и психологовъ; 3) Общіе обзоры литературы поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи и библиографія; 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія; 5) Переводы на русскій языкъ классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Журналъ будетъ выходить четыре раза въ годъ книжками по 12—15 печатныхъ листовъ. Подписная цѣна: въ годъ 6 р. и 6 р. 50 к., съ доставкою и пересылкою въ другіе города Россіи; для членовъ Психологическаго Общества, для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній и воспитанниковъ духовныхъ семинарій—4 р., съ дост. и перес. 4 р. 50 к.—Подписка принимается съ 1 сентября нынѣшняго года въ помѣщеніи редакціи (Новинскій бульваръ, д. Котлярева, кв. Николая Як. Грота), въ редакціяхъ: журнала „Русская Мысль“ и „Газеты А. Гатцука“, и въ магазинахъ „Новаго Времени“, (А. С. Суворина) въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ, Н. П. Карбасникова въ Москвѣ, Петербургѣ и Варшавѣ и Н. Я. Оглоблина въ Кіевѣ.

Въ 1-й номеръ журнала войдутъ статьи: Владимира Соловьева (Красота въ природѣ), проф. А. А. Козлова (Размышленія по поводу неожиданнаго голоса изъ области естествознанія), кн. С. Н. Трубецкаго (О природѣ сознанія), Н. И. Шаникина (Психофизическія изслѣдованія съ точки зрѣнія механической теоріи), Н. Н. Ланге (О дѣйствии гашиша. Психологическая замѣтка), В. В. Лесевича (Религіозная свобода у буддистовъ), Н. Я. Грота (Отчетъ о сѣздѣ физиологической психологіи въ Парижѣ), С. С. Корсакова (Отчетъ о психологическомъ конгрессѣ въ Парижѣ) и другія.

Вышла въ свѣтъ и продается въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени»

Н О В А Я К Н И Г А :

СОВРЕМЕННАЯ РОССІЯ.

Очерки нашей государственной и общественной жизни.

Изданіе второе, значительно дополненное, въ двухъ томахъ.

Содержаніе I тома: Предисловія къ 1 и 2 изданіямъ.—Законодательство.—Высшая администрація.—Министерства.—Генераль-губернаторы.—Чиновники.—Самоуправленіе.—Дворянство и духовенство.—Крестьяне и фабричные.

Содержаніе II тома: Сепаратизмъ и инородцы.—Евреи.—Финансы.—Статистика, сѣзды и комиссіи.—Народное здоровье.—Судъ.—Школа.—Печать.—Наука и искусство.—Театръ.—Алфавитный указатель именъ.

Цѣна за оба тома 2 р. 50 коп., съ пересылкою 3 руб.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. Н. КАРБАСНИКОВА.

С.-Петербургъ, Литейная, № 48. Москва, Моховая, д. Кохъ. Варшава, Новый Свѣтъ, № 67.

ПРОДАЮТСЯ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

- Адресъ, Э. А.** Занкание и его леченіе. Практическое руководство для родителей, воспитателей и для самообученія. Спб. 1887 г. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.
- Атава, С. (С. Н. Терпигоревъ).** Жоржъ и Кю. Спб. 1888 г. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.
- Бѣлоха, П.** Учебникъ всеобщей географіи, курсъ элементарный. Изд. 17-е. Спб. 1890 г. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.
- Учебникъ географіи Россійской имперіи. Изд. 26-е. Спб. 1890 г. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.
- Волковъ, Е.** Опыты программы уроковъ рисованія. Спб. 1868 г. Ц. 40 к., вѣс. 1 ф.
- Уроки рисованія для малыхъ дѣтей. Руководство для родителя и воспитателя. Изд. 2-е. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.
- Георгіевскій, Л.** Сводъ постановленій и распоряженій по гимназіямъ и прогимназіямъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Спб. 1888 г. Ц. 3 р., вѣс. 2 ф.
- Гиртъль, I.** Руководство къ анатоміи человѣческаго тѣла съ указаніемъ на физиологическія основанія и практическія примѣненія ея. Переводъ съ 17 (последняго) дополненнаго нѣмецкаго изданія В. Янпольскаго. Изданіе 3-е. Спб. 1887 г. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.
- Гранвилъ.** Общественная и домашняя жизнь животныхъ. Сатирическіе очерки съ 158 рис. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.
- Гюго, Викторъ.** Последній день приговореннаго къ смерти. Перев. съ французскаго. Спб. 1879 г. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.
- Зго, Ф.** Сборникъ замасокъ, мастикъ и разнаго рода составовъ, употребляющихся въ строительномъ, механическомъ, кораблестроительномъ и другихъ техническихъ производствахъ. Спб. 1888 г. 1 р.
- Игнатовъ.** Справочная книга для родителей и воспитателей. Спб. 1889 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.
- Ильинскій, А.** Три яда. Табакъ, алкоголь и сифилисъ. Вліяніе ихъ на здоровье, жизнь, бытъ и на болѣзни чловѣка и его потомство. М. 1887 г. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.
- Сantani, A.** Собраніе терапевтическихъ формулъ изъ клиники профес. Ag. Santani въ Неаполѣ. Перев. съ 4-го итальянскаго изданія подъ редакціей В. Н. Попова. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
- Кунце, Е. д-ръ.** Общедоступный лечебникъ. Переводъ съ нѣмецкаго съ измѣненіями и дополненіями д-ра Д. Фридрихга съ 18 рисунками въ текстѣ. Спб., 1885 г. Въ колѣнкоровомъ пересл. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.
- Ланкестеръ, Р.** Врожденіе. Глава изъ теоріи развитія (Дарвинизма) съ рисунками въ текстѣ. Переводъ съ англійскаго д-ра Ивлиа. Спб., 40 к., вѣс. 1 ф.
- Лингартъ, проф.** Ученіе о грижахъ съ 67 рисунками въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. Попова. Спб. 1881 г. Въмсто 1 р. 50 к.—30 к., вѣс. 1 ф.
- Миллеръ, О.** Русскіе писатели послѣ Гоголя. Публичныя лекціи, ч. 1-я и 2-я, изд. 4-е. Спб., 1890 г. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.
- Русскіе писатели послѣ Гоголя. Публичныя лекціи, часть 3-я. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.
- Мниховскій, А.** Вліяніе женщинъ на успѣхи знаній. Спб., 1888 г. Ц. 25 к., вѣс. 1 ф.
- Никитицъ.** Отчизновѣдніе для С.-Петербурга. Изд. 3-е, исправленное. Спб., 1887 г. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.
- Поддубный, И.** Общій учебный атласъ Россіи. Изд. 3-е. Спб., 1890 г. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

- Поддубный, И. Учебный атласъ по древней исторіи. Изд. 3-е Н. Карбасникова. Сиб., 1888 г. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.
- Радонежскій, А. Уроки теоріи словесности. Изданіе 3-е исправленное. Въ первомъ изданіи одобрены Ученымъ Комит. Министр. Народн. Просвѣщ. Сиб., 1889 г. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.
- Разыграевъ, В. Справочный указатель русскаго правописанія, для необладающихъ достаточнымъ навыкомъ писать совершенно грамотно. Изданіе 2-е. Сиб., 1885 г. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.
- Ранъве, Л. Техническій учебникъ гистологии, съ рисунками въ текстѣ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей И. Тарханова, вып. 5 и 6-й. Сиб., 1881 и 1883 г. Ц. 3 р. 20 к., вѣс. 2 ф.
- Рецепты для практическихъ врачей. Собраніе практическихъ формулъ, наиболѣе употребительныхъ въ вѣсскихъ клиникахъ, съ приложеніемъ новѣйшихъ врачебныхъ средствъ. Переводъ съ 8-го изданія д-ра Ш-скаго. Сиб., 1889 г., въ переплетѣ Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.
- Салтыковъ, М. (Щедринъ). Современная идиллія. Сиб., 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.
- Благонамѣренныя рѣчи, изданіе второе. Сиб., 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.
- Пошехонскіе рассказы. Сиб., 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.
- Салтыковъ, М. (Щедринъ). Круглый годъ. Изд. 2-е. Сиб., 1883 г. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.
- Недоконченныя бесѣды (между дѣломъ). Сиб. 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.
- Пестрыя письма. Сиб., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.
- Свѣтилинъ, А. Учебникъ логики. Изд. 7-е. 1889 г. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.
- Семейная жизнь въ ея радостяхъ и печаляхъ. Правила житейской мудрости для мужей и женъ. Сиб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к., въ мяжномъ переплетѣ 2 р., вѣс. 2 ф.
- Сенкевичъ, Г. Послѣ потопа (Панъ Володимерскій. Историческій романъ Сенкевича. Часть 1 и 2-я—2 р., часть 3-я—1 р. 50 к., вѣс. по 1 ф.
- Сѣченовъ. Физиологическіе очерки съ 13 рисунками. Сиб., 1881 г. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.
- Шустеръ, д-ръ. Священная исторіи ветхаго и новаго завѣта для лицъ римско-католическаго исповѣданія. Переводъ съ вѣмецкаго А. Гезенъ, съ 114 рис., 2 карт. и видомъ Святой земли. Изданіе 2-е. Сиб., 1887 г., въ папкѣ 1 р. 10 к., вѣс. 1 ф.
- Эбштейнъ, проф. Тучность, ея причины, послѣдствія и способъ леченія. Общедоступно изложено д-ромъ Д. Фридбергомъ. Сиб., 1884 г. Ц. 35 к., съ пересылкою 45 к.

Только что вышла изъ печати и поступила въ продажу во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ, а также въ книжныхъ складахъ «Товарищества И. Н. Кушнеревъ и Б'» (Москва, Никольская, д. Чицова) и «Народной Библиотеки» (Петровскія линіи).

КНИЖКА РАЗСКАЗОВЪ

изъ собранія сочиненій

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКАГО.

(Какъ крестьяне ходили судить въ городъ.—Дѣдовскіе завѣты.—Деревенскій король).

236 стр. Цѣна 50 коп. съ пересылкою.

Тамъ же продается Собраніе сочиненій Н. Н. Златовратскаго въ трехъ томахъ. Цѣна 1-го и 3-го т. по 1 руб. 50 коп., а 2-го—2 руб.

- XVII. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. (Критическія замѣтки).—Т. 199
- XVIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Гольцева. 208
- XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Новый законъ о переселеніяхъ.—Казенныя аренды въ Сибири. — Продажа крестьянскимъ банкомъ заложенныхъ участковъ. — Промышленныя училища. — Открытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ. — Надзоръ за банкирскими конторами. — Ходатайства о сохраненіи мировыхъ установленій въ городахъ.—Дѣла объ истязаніи дѣтей.—Школы для фабричныхъ дѣтей и фабричныя больницы.—Съѣздъ земскихъ врачей въ Москвѣ. — Либаво-роменская дорога и казенная эксплуатація. — Закрытіе тотализатора въ Москвѣ.—Завѣщаніе А. А. Краевскаго. 216
- XX. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Возможная густота населенія въ грѣтескихъ степяхъ.—А. И. Воейкова. 241
- XXI. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Новые театры и драматическія школы.—Частныя драматическія труппы.—Театръ г. Корша: комедія Н. Северина (Н. И. Мердеръ) *Наслѣдка*. — *Гроза*, Островскаго, *Донъ-Карлосъ*, Шиллера, *Мизантропъ*, Мольера, *Тревожное счастье*, К. В. Назаревой въ театрѣ г-жи Горевой. — «Новый драматическій театр» г-жи Абрамовой: *На всякаго мудреца довольно простоты* и *Бѣшенныя деньги*, Островскаго; *Итоги прошлаго*, комедія А. Ф. Фодотова; *На встрѣчу счастья*, драма Н. О. Ракинана.—Малый театръ: *Въ селѣ Знаменскомъ*, пьеса Вл. А. Александрова.—Ан. 251
- XXII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Критика.—Исторія, археологія и этнографія. — Политическая экономія и статистика. — Юридическія книги. — Сельское хозяйство.—Техническія книги.—Учебники.—Календари. II. Периодическія изданія: «Сѣверный Вѣстникъ», августъ и сентябрь. — «Русскій Вѣстникъ», июль. — «Историческій Вѣстникъ», январь—сентябрь.—«Артистъ», сентябрь. 417

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Условія подписки на 1890 годъ

(ОДИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

	Годъ.	3 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 >	7 >	3 > 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, въ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 рубля.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Бредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За переѣзду адреса принимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За переѣзду адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При переѣздѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Леонтьевскій пер., 21.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала — при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій Просп., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below,
or on the date to which renewed. Renewals only:
Tel. No. 642-3405
Renewals may be made 4 days prior to date due.
Renewed books are subject to immediate recall.

IN STOCK **LIBRARY USE MAR 20 '86**
FEB 16 1976 **LIBRARY USE MAY 8 '86**

REC. CIR. MAR 30 '76

FEB 17 1980

REC. CIR. AUG 29 1979

INTERLIBRARY LOAN

ATK 2 1980

UNIV. OF CALIF., BERK.

REC. CIR. MAY 1980
LD21A-40m-3,'72
(Q1178810)476-A-32

Gen. University Berkeley